

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Москва
2022

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. ТИШКОВ (Россия) – сопредседатель Совета

М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета

Х.А. АМИРХАНОВ (Россия)

А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)

П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)

А.П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)

С.П. КАРПОВ (Россия)

М.А. ЛИПКИН (Россия)

Н.А. МАКАРОВ (Россия)

И.П. МЕДВЕДЕВ (Россия)

Ю.А. ПЕТРОВ (Россия)

Е.И. ПИВОВАР (Россия)

М.Б. ПИОТРОВСКИЙ (Россия)

У. РОЗЕНБЕРГ (США)

Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)

М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)

А.О. ЧУБАРЬЯН (Россия)

Ю. ШЕРРЕР (Франция)

Исторические записки

21 (139)

Ответственный редактор
академик РАН
Е.И. ПИВОВАР

*Издание основано в 1937 году
Возобновлено в 1995 году*

Москва 2022

УДК 930.1
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Е.И. Пивовар, академик РАН (составитель и ответственный редактор)
Л.А. Беляев, член-корр. РАН
М.Ю. Мухин, доктор исторических наук (зам. ответственного редактора)
И.С. Кондрашова (секретарь)
П.П. Черкасов, член-корр. РАН
В.С. Христофоров, член-корр. РАН

Рецензенты:

С.В. Мироненко, член-корреспондент РАН
В.Ф. Ершов, доктор исторических наук, профессор

И90 Исторические записки. В. 21. 2022 / Российская академия наук; ответственный редактор: академик РАН Е.И. ПИВОВАР; – Москва: РАН, 2022. – 456 с.

ISBN 978-5-907366-71-8

Очередной номер ежегодника «Исторические записки» представляет статьи по актуальным проблемам современной отечественной исторической науки. Статьи номера объединены в рубрики, посвященные наиболее важным и востребованным на современном этапе направлениям работ российских историков. Это вопросы отечественной истории XVII – XVIII веков, история советского общества, история постсоветской России, экологическая история и история отечественного здравоохранения. Помимо этого, в номере представлены статьи по историографии и вопросам соотношения исторических исследований и исторической политики. Для историков, преподавателей истории и студентов высших учебных заведений.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)
И90

ISBN 978-5-907366-71-8

© Пивовар Е.И., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-политическое развитие России в XVII – XVIII вв.	9
<i>Никитин Н.И.</i> «Служилые по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века	9
<i>Марасинова Е.Н.</i> «Монаршее слово» и «Непременные законы» в России второй половины XVIII века.	49
Советский период отечественной истории: политический, экономический и культурологический аспекты. . . .	75
<i>Муромцева Л.П., Перхавко В.Б.</i> Уничтожение и сохранение памятников искусства и старины России в период Гражданской войны (1917 – 1922 гг.) . . .	75
<i>Рябинина Н.В.</i> К вопросу о социальной ответственности государства в годы НЭПа	110
<i>Мухин М.Ю.</i> Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне.	124
<i>Агакишиев И.А.</i> Нефтяная промышленность Азербайджана: советское наследие.	170
<i>Третьяков М.В.</i> Безопасность полётов и аварийность в Магаданском управлении гражданской авиации в 1966 – 1969 гг.	193
История постсоветской России: общество и власть	210
<i>Малхозова Ф.В.</i> Седьмой съезд народных депутатов России 1992 г.: законодательная власть против исполнительной.	210
<i>Черкасов П.П.</i> Владимир Путин: глава правительства Российской Федерации (2008 – 2012)	248
Актуальные проблемы «истории окружающей среды».	260
<i>Дурновцев В.И.</i> Environmental history/История окружающей среды/ Экологическая история: новый/старый маршрут исторической науки	260
<i>Локтева А.А.</i> Люди и животные в экологической истории России (на примере столичной социокультурной среды XIX – начала XX в.)	278

Манцеров И.И.

Промышленное загрязнение городских рек
в Российской империи: случай города Твери (1873 – 1910) 296

Из истории отечественного здравоохранения

Круглов В.Н.

«Охранение народного здоровья» в Российской Империи:
организация, функционирование, достижения, последствия
(1880-е гг. – 1916 г.) 316

Смирнова Т.М.

«Закрывать частные лечебные учреждения не целесообразно...»:
особенности государственно-рыночной модели здравоохранения
в годы НЭПа 348

Исторические исследования и историческая политика 374

Стыкалин А.С.

«Советским участникам конгресса историков должна быть
рекомендована активная линия поведения».
Советско-румынские «войны» исторической памяти
и подготовка делегации СССР к международному конгрессу
историков (Бухарест, 1980). 374

Ланской Г.Н.

Теоретические, методологические и практические
направления изучения истории Крыма 395

Пылова О.А.

Организации украинских эмигрантов периода первой
и второй волны эмиграции в США: история создания
и основные направления деятельности. 407

Косован Е.А.

Монументальная коммеморация отечественных войн
и её место в истории и культуре России XIX – XXI вв.
(на примере Тарутинского мемориального комплекса
1812/1941 – 1945 гг.)
Часть 1.: «Вот укрепления, заслонившие Россию!» 427

CONTENTS

Socio-political development of Russia in the XVII-XVIII centuries	9
<i>Nikitin N.I.</i> «Sluzhilye po priboru» as a special social group of the Moscow State of the XVII century	9
<i>Marasinova E.N.</i> «The Monarch's word» and «Indispensable laws» in Russia of the second half of the XVIII century	49
The Soviet period of national history: political, economic and cultural aspects.	75
<i>Muromtseva L.P., Perkhavko V.B.</i> Destruction and preservation of historical monuments during the military and political storms in Russia (1917–1922).	75
<i>Ryabinina N.V.</i> To the question of the social responsibility of the state during the years of NEP	110
<i>Mukhin M.Yu.</i> Economic support of the turning point in the Great Patriotic War	124
<i>Agakishiev I.A.</i> Oil industry of Azerbaijan: soviet heritage	170
<i>Tretyakov M.V.</i> Flight safety and accident rate in the Magadan Civil Aviation Administration in 1966 – 1969.	193
The history of post-Soviet Russia: society and power	210
<i>Malkhozova F.V.</i> The Seventh Congress of People's Deputies of Russia in 1992: Legislative vs. executive power	210
<i>Cherkasov P.P.</i> Vladimir Putin: Head of government of Russian Federation (2008 – 2012)	248
<i>Aksenov V.B.</i> The Network Society and the Challenges of Time: communication technologies, conflicts, images of the future	260
Actual problems of «ecological history»	260
<i>Durnovtsev V.I.</i> «Environmental history»: new/old route of historical science	260
<i>Lokteva A.A.</i> People and animals in the ecological history of Russia (on the example of the capital's socio-cultural environment of the 19th – early 20th centuries)	278

<i>Mantserov I.I.</i>	
Industrial pollution of urban rivers in the Russian Empire: the Case of Tver (1873-1910)	296
From the history of national healthcare.	316
<i>Kruglov V.N.</i>	
«Protection of public health» in Russian Empire: organization, functioning, results, consequences (1880s – 1910s).	316
<i>Smirnova T.M.</i>	
«Closing of private medical institutions is not advisable...»: peculiarities of state-market model of medical care during the NEP years	348
Historical research and historical politics	374
<i>Stykalin A.S.</i>	
«An active line of conduct should be recommended to the Soviet participants in the Congress of Historians». Soviet-Romanian «wars» of historical memory and preparation of the USSR delegation for the international congress of historians (Bucharest, 1980).	374
<i>Lanskoi G.N.</i>	
Theoretical, methodological and practical branches in study of history of Crimea	395
<i>Pylova O.A.</i>	
Organizations of Ukrainian emigrants during the first and second waves of emigration to the United States: the history of creation and main activities.	407
<i>Kosovan E.A.</i>	
Monumental Commemoration of the Patriotic Wars and its Place in History and Culture of Russia in 19 th – 20 th Centuries (by an example of the Tarutino Memorial Complex of 1812/1941 – 1945). Part 1: «These are the fortifications that protected Russia!»	427

Социально-политическое развитие России в XVII – XVIII вв.

Служилые «по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века

Николай И. Никитин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
iriran@mail.ru

Аннотация. *Статья носит обобщающий характер и подводит итоги изучения российскими историками особой категории военизированного населения Московского государства, за которой в историографии закрепилось название служилые «по прибору». Автор рассматривает состав, служебные обязанности, права и внутреннюю организацию этой социальной группы, определяет её численность в отдельных регионах и в стране в целом, исследует порядок её вооружения, комплектования и государственного обеспечения, характер и значение для её представителей их хозяйственных занятий. Отмечается большая роль служилых «по прибору» в освоении окраин Московского государства в XVI – XVII вв., определяемая главным образом малочисленностью там других категорий русского населения. Особое внимание уделено неофициальной организации этого «войска, долгое время сосуществовавшей с его официальной организацией и восходившей к глубоко укоренившимся в России традициями общинного самоуправления. В заключение ставится вопрос о месте служилых «по прибору» в социальной структуре Московского государства и в русском обществе и делается вывод о промежуточном положении этой социальной группы по отношению к господствующему классу и основной массе податного населения страны.*

Ключевые слова: *Историография, служилые «по прибору», комплектование и управление, функции, права и обязанности, хозяйственные занятия, социальная структура, Московское государство.*

Military service «po priboru» as a special social group of the Moscow state of the XVII century

Nikolay I. Nikitin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
iriran@mail.ru

Abstract. *The article is generalizing in nature and summarizes the results of the study by Russian historians of a special category of the paramilitary population of the Moscow state, for which the historiography has fixed the name military service «po priboru». The author examines the composition, official duties, rights and internal organization of this social group, determines its number in individual regions and in the country as a whole, examines the order of its armament, recruitment and state support, the nature and significance for its representatives of their economic occupations. The great role of*

military service «po priboru» in the development of the outskirts of the Moscow state in the XVI – XVII centuries is noted, determined mainly by the small number of other categories of the Russian population there. Special attention is paid to the unofficial organization of this «army», which for a long time coexisted with its official organization and went back to the deeply rooted traditions of communal self-government in Russia. In conclusion, the question is raised about the place of the military service «po priboru» in the social structure of the Moscow state and in Russian society and the conclusion is made about the intermediate position of this social group in relation to the ruling class and the bulk of the taxable population of the country.

Keywords: *Historiography, military service «po priboru», recruitment and management, functions, rights and obligations, economic occupations, social structure, Moscow state.*

Кого в историографии принято называть «приборными» служилыми людьми

Служилыми людьми «по прибору» (или «приборными служилыми», «приборными людьми») в нашей историографии принято обозначать совокупность «чинов» Московского государства, занимавших низшие ступени в его служебной иерархии. Это были прежде всего стрельцы и городовые казаки разных категорий, пушкари, затинщики (служилые, вооружённые «затинными пищалями» – тяжёлыми крупнокалиберными ружьями), воротники. Порой к ним относят не только «ратных людей», но также сторожей, казённых ремесленников, бирючей, палачей и некоторые другие социальные группы (или подгруппы) Московского государства (вплоть до ямщиков), выполнявшие в его пользу определённые обязанности за различные формы фиксированного вознаграждения. Некоторые исследователи причисляют к приборным служилым и рядовой состав войск «нового строя» – рейтар, солдат, драгун, а также подразделения, сформированные из народов Поволжья и Сибири («служилых татар», «служилую мордву» и т. п.) [Очерки истории 1955, с. 140; Устюгов 1974, с. 144; Кедерова 2013]. Однако большинство историков традиционно ограничивают круг изучаемых ими приборных «чинов» стрельцами, городовыми казаками и пушкарями с затинщиками как самыми типичными категориями приборных служилых, наиболее полно олицетворявшими собой специфику положения этой части российского общества XVI–XVII вв.

Она являлась одной из довольно многочисленных социальных групп Московского государства. На южной окраине и в Нижнем Поволжье приборные служилые вообще составляли (вместе с родственниками) большинство жителей. Так же долгое время было и в Сибири: лишь к концу XVII столетия крестьянское население там сравнялось по численности со служилым. В Москве и ряде других крупных городов стрельцы и пушкари представляли собой тоже весьма заметную социальную прослойку, причём служили они не только «великому государю». Свои (как правило, небольшие) гарнизоны имели некоторые монастыри; вооружённую охрану (обычно «казаков») могли нанимать городские корпорации и даже частные лица, но численность такого рода «ратных людей» в Московском государстве в целом была невелика, и объектом нашего исследования являются не они, а «государевы служилые люди».

Сам термин «служилые по прибору», как и все производные от него, носит условный, «книжный» характер – в источниках такого нет. Документы времени существования в России приборного войска называют его представителей просто «служилыми людьми». А определением «приборные» («по прибору») историки лишь подчёркивают особый характер их верстания. Изначально оно проводилось путём массового «прибора» (набора) из тяглого населения и из «вольных гулящих людей», что принципиально отличалось от зачисления в служилые «по отечеству» (тоже искусственный термин), которое должно было осуществляться по праву рождения. Однако и здесь не обошлось без условностей: массовые верстания из неслужилого населения в дети боярские (низший разряд служилых «по отечеству») тоже случались [Сергеевич 1905, с. 18; Лаптева 2003]. Правда, происходило это сравнительно редко, в то время как для пополнения приборного войска такая практика имела самое широкое распространение вплоть до конца XVII столетия. Но следует учесть, что и у «приборных людей» с течением времени служба становилась наследственной.

Учреждение на Руси приборного войска обычно связывается с военными реформами Ивана Грозного середины XVI в., в ходе которых, в частности, было создано шесть отрядов «выборных стрельцов» общей численностью в 3 тыс. человек. Однако это было лишь завершение начального (подготовительного) этапа формирования особой категории приборных служилых людей, растянувшегося как минимум на столетие. «Казённые пищальники», явившиеся, по вполне обоснованному мнению большинства историков, прямыми предшественниками стрельцов, упоминаются в источниках с начала XVI в., просто «пищальники» и городовые казаки – с XV в., а появление на Руси пушкарей относится к ещё более раннему времени [Смирнов 1917, с. 24, Чернов 1954, с. 29–32, 46–48, Глазьев 1998, с. 88–96, Волков 2004, с. 233, Каранлыкова 2006, Самойлов 2017, с. 32–33].

Состав и численность приборных служилых в XVII веке

Смута начала XVII в. оказалась серьёзным испытанием для всех государственных структур страны, не исключая и приборного войска. Ряды его сильно поредели, состав во многом изменился из-за разбавления пробившимся в служилое сословие многочисленным «деклассированным элементом». В некоторых городах состоявшие из приборных служилых гарнизоны приходилось создавать, по сути, заново. Но к 30-м гг. XVII в. численность ратных людей в Московском государстве была доведена до уровня конца XVI в. и далее продолжала неуклонно увеличиваться, как и количество населяемых ими городов. И если (по неполным данным) в 1632 г. в 120 русских городах насчитывалось примерно 36 тыс. приборных служилых, то в 1651 г. в 150 городах – уже почти 80 тыс. При этом просматривалась явная тенденция к «сползанию» вооружённых сил от центра к окраинам Московского государства, выражающаяся в сокращении численности гарнизонов в центральной части страны и в значительном её увеличении в приграничных городах и на колонизируемых территориях [Смирнов 1917, с. 179–181, 354, Чернов 1954, с. 130, 167, Очерки истории 1955, с. 441, Чистякова 1975, с. 22].

Исключением являлся московский гарнизон – крупнейший в стране. В нём количество одних только стрельцов возросло ко второй трети XVII в. с 6 тыс. (в начале 1630-х гг.) до 22 тыс. Следующие места по величине гарнизонов к середине XVII в. занимали, соответственно, Севск (более 6 тыс. чел.) и Астрахань (более 4 тыс.). Самыми же малочисленными из расположенных на окраинах Московского государства были гарнизоны слабозаселённой Сибири: лишь в Тобольске (её «столице») в середине XVII в. находилось около 1200 служилых (примерно столько же, сколько в таких городах Европейской России, как Новгород или Белгород) – в остальных сибирских гарнизонах ратных людей было намного меньше [Смирнов 1917, с. 143, 166, Голикова 1982, с. 40; Никитин 1988, с. 29–30, Романов 2004, с. 40–41].

Как численность, так и соотношение отдельных категорий служилых в городах Московского государства бывало самым различным. Например, в его северо-западном форпосте – Кольском остроге – в 1647–1648 гг. «по штату» полагалось 500 стрельцов и 9 пушкарей, а в западном форпосте – Пскове – в то время числились 1170 стрельцов, сотня казаков и 84 пушкаря. Можайск в середине XVII в. имел гарнизон в сотню стрельцов и 13 пушкарей. В прикрывавшем южные рубежи России Новом Осколе, по данным 1650 г., находилось стрельцов – 221 чел., казаков – 479, драгун – 324, пушкарей – 50. Исследователями давно отмечено почти полное отсутствие городских казаков в Замосковном крае (т. е. по Верхней Волге и левобережью Оки с притоками), а также в Поморье и, напротив, постоянное присутствие казачьих формирований в городах приграничных. Но строгой закономерности и здесь не просматривается. И если на южной окраине Московского государства при численном преобладании стрельцов было немало и казаков, то в гарнизоне Астрахани в середине XVII в. абсолютное большинство служилых составляли стрельцы, а казаков не было совсем [Смирнов 1917, с. 147, 154–155, 170, Александров 1947, с. 17, Тихомиров 1969, с. 41, Ушаков 1960, с. 14, Голикова 1982, с. 36, 40].

В Западной Сибири приборные служилые таких городов как Туринск, Пелым и Мангазья были представлены лишь стрельцами (по полусотне) и пушкарями (обычно от 3 до 5 чел.), в Берёзове несли службу только казаки (около 300 чел.) и 2–3 пушкаря, казаки же составляли в середине XVII в. гарнизоны Кузнецка (около 150 чел.) и Томска (около 800 чел.), в остальных западносибирских городах имелись как казаки, так и стрельцы (в разных соотношениях, но при преобладании казаков) и небольшое (максимум 10) число пушкарей и затинщиков. В Восточной Сибири XVII в. стрелецкая сотня имелась в Енисейске, составляя там треть гарнизона, а в других городах практически вся военная сила была представлена казаками и немногочисленными пушкарями [Бояршинова 1950, с. 175–180, Сафронов 1978, с. 49–52, Каменецкий 2005, с. 323, Пузанов 2010, с. 115–176, Леонтьева 2012, с. 59–63, Барахович 2016а, с. 20–21].

В целом же в Московском государстве, согласно «смете» 1651 г., стрельцов было вдвое больше, чем городских казаков – 44 486 чел. (33,5% от общего числа ратных людей) против 21 124 (15,5%). Пушкарей тогда же по всей стране насчитывалось 4 245 чел. (3% русского войска), драгун – 8 107 чел. (6%) [Чернов 1954, с. 167].

Основная масса стрельцов несла пешую службу, но были и конные стрельцы – в Валуях, Астрахани, Терках, Казани, Саратове, Самаре, Царицыне, Уфе и некоторых других городах; в целом по стране они составляли не более 10–15% стрелецкого войска. В Москве конную службу несли «стременные» стрельцы, постоянно находившиеся для охраны при выезжающих за город царствующих особах [История Москвы 1952, с. 482, Марголин 1953, с. 83, Чернов 1954, с. 126–127, Романов 2004, с. 73–74, Волков 2004, с. 239]. Городовые казаки в большинстве своём, напротив, чаще всего несли конную службу. Исключением являлась территория Сибири, где при наличии в некоторых гарнизонах отдельных подразделений конных казаков в целом преобладали казаки пешие.

В отношении казаков практиковалось ещё немало делений на категории, определяемых спецификой службы, обеспечения, происхождения, последствиями неоднократных реорганизаций вооружённых сил Московского государства и, наконец, силой традиции. В учётной документации многих (главным образом южнорусских и поволжских) городов упоминаются казаки «полковые» (обязанные нести походную службу вместе с дворянскими полками), «дозорные» и «сторожевые» (специализирующиеся на организации выдвинутых в «Поле» застав и караулов), «станичные» (входившие в состав подвижных отрядов – «станец», осуществлявших дозор и разведку в степи). «Беломестными» называли тех казаков, которые служили практически лишь «с земли», будучи освобождёнными («обелёнными») от налогов и повинностей, «кормовыми» – казаков, на содержание которых, напротив, выделялось денежное и хлебное жалованье, «поместными» – казаков, наделённых, подобно дворянам и детям боярским, землёй на поместном праве (их, правда, следует относить, скорее, уже к служилым «по отчеству», тем более что со временем они в самом деле слились с детьми боярскими) [Чернов 1954, с. 129, 130, 165, Загоровский 1969, с. 31, Кадерова 2013, с. 86, Пучина 2015, Пучина 2018, Дубман 2013, Рощупкин 2016, с. 5, 44, 191, Евдокимов 2018, с. 74–75].

В источниках встречаются и другие наименования отдельных групп казаков. Так, на Русском Севере, где «казаками» традиционно называли вольнонаёмных работников, тех из них, кто составлял артели судовых перевозчиков, называли «поплавными» («сплавными», «плавными») казаками, а тех, кто нанимался на время для вооружённой охраны каких-то объектов или важных персон (например, иноземных послов) и более серьёзных ратных дел, – «ратными казаками» [Бахтов 2020, с. 79, 81–84]. Но в том и другом случаях это, как правило, были уже не «государевы служилые люди», а особая категория лично свободного (типа «вольных гулящих людей») северорусского населения.

В учётной документации многих городов те группы служилых людей, которые были переведены из других гарнизонов, долгое время обозначались по названию мест их прежней дислокации. Поэтому, например, в гарнизон Ельца входили казаки «можайские» и «ярославские», при тульском гарнизоне числились казаки «днепровские» и «смоленские», при тарском – «казаки берёзовские» и т. д. Аналогичным образом обстояло дело и со стрелецкими подразделениями, переводимыми «на вечное житьё» в другие города, но

у казаков приверженность к «прежним» наименованиям наблюдалась чаще. Это проявлялось и в том, что некоторые их группы, ведущие происхождение непосредственно от вольных казаков, будучи уже типичными служилыми людьми Московского государства, «по инерции» долгое время всё еще обозначались в своих гарнизонах как казаки «донские», «волжские», «терские», «польские» (т. е. вышедшие «с Поля») и т. д. [Белоцерковский 1914, с. 158, Загоровский 1969, с. 31, Дудина 2014, с. 45, Рошупкин 2016, с. 44, 137, 182, 191, Евдокимов 2015, Евдокимов 2016, Евдокимов, Юрченко 2019, с. 56].

В XVII в. городовые казаки служили «по стрелецкому уряду», своим положением в гарнизонах ничем практически не отличаясь от других комплектуемых «по прибору» категорий ратных людей, часто объединялись со стрельцами под началом одного должностного лица. Нередки были ситуации, когда стрельцов официально переводили в казаки или (но уже реже) – казаков переводили в стрельцы. Приказная документация часто вообще упоминает стрельцов и городских казаков в одном списке и даже путает их друг с другом [Перетяткович 1882, с. 150, 170, Миклашевский 1894, с. 141–144, 189, 234, Никитин 1988, с. 34–35, Бродников 2019, с. 190–191]. А в Сибири ещё задолго до того, как стрелецкий «чин» в 1701 г. был официально (именным указом) упразднён с распоряжением «писать» стрельцов казаками [Акишин 1996, с. 13], случались просто переименования стрелецких подразделений в казачьи, санкционированные центральной властью с разъяснением, что «нашему никакому делу в том порухи... никакой нет»¹.

Возможно, что столь длительное сосуществование двух фактически равных по положению, но по-разному называвшихся «чинов» было обусловлено некоторым различием их официально-правового статуса: по Уложению 1649 г., стрельцов, в отличие от казаков и пушкарей, запрещалось в случае неуплаты долга выдавать головой истцу². По некоторым косвенным признакам можно также заключить, что у городских казаков служба поначалу была менее регламентирована, чем у стрельцов, и, следовательно, по замыслам правительства, изначально стрелецкое войско действительно должно было чем-то отличаться в лучшую сторону (в организации, вооружении) от других категорий приборных служилых. О том же может свидетельствовать то обстоятельство, что «в казаки» набрать добровольцев бывало легче, чем «в стрельцы». По замечанию А.А. Бродникова, в данном случае «могло срабатывать сохранявшееся у социальных низов представление о более свободном состоянии казаков, чем стрельцов, и поэтому в казаки люди шли охотнее» [Бродников 2019, с. 190]. Так что основная причина такого разделения всё-таки усматривается в ментальной сфере и устойчивости московских традиций.

---

1 Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 3/[под ред. М. Коркунова]. № 107. С. 379 (1652 г.).

2 Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии /подг. текста Л.И. Ивиной. Л.: Наука ЛО, 1987., 1987. Гл. X. Ст. 265, 266. С. 62.

Тем же, главным образом, надо объяснить и длительное (до XVIII в.) существование таких категорий приборного войска, как «черкасы» («черкаские казаки»), «литва» («казаки литовского списка») или «иноземцы» (служилые «иноземного списка»). Они чаще всего несли конную службу и размещались главным образом на юге и востоке страны. Будучи первоначально укомплектованными в основном выходцами с территории Речи Посполитой, попавшими в русский плен или же перешедшими на сторону Москвы добровольно, «литовские» и «иноземные списки» нередко включали в свой состав и представителей западноевропейских народов («немцев»). Однако со временем всё этническое своеобразие таких подразделений утрачивалось, они «обрусевали» и на самом деле уже ничем, кроме специфических названий, не выделялись из основной массы приборных служилых. То же самое происходило с «новокрещенами» – крестившими и принятыми на «государеву службу» представителями народов Поволжья, Урала и Сибири, тоже порой объединяемыми в некоторых гарнизонах в отдельные (как правило, очень небольшие) формирования-«списки» [Очерки культуры 1979, с. 239, Никитин 1988, с. 39–41, Азнабаев 1999].

Тем не менее приходится сталкиваться с ситуациями, когда одна лишь глубоко укоренившаяся в приказной документации практика сохранения за отдельными подразделениями приборного войска их «старых» названий, давно уже утративших первоначальное значение и смысл, наводит исследователей на мысль об особом статусе таких подразделений и реальном отличии социального положения включённых в них лиц от остальных служилых людей гарнизона. (Такими «уникальными» общностями называют, например, не только «немцев» и «черкас», но и «днепровских казаков» Тулы [Евдокимов 2015, с.26–28], хотя лишь факт их объединения в один «приказ» – под началом одного «голова» – противоречит представлению об «особом статусе» каждой из этих категорий).

Отсутствие единообразия в наименованиях тех категорий служилых людей, которые обладали практически одними и теми же правами и обязанностями, может отчасти объясняться и тем обстоятельством, что общее управление приборным войском в Московском государстве осуществлялось через разные ведомства [Волков 2004, с. 261, Пучина 2018]. Это были приказы Разрядный и Стрелецкий, Пушкарский и Иноземский, Казачий и Челобитный, а также приказы территориальные – Казанского дворца, Сибирский и некоторые другие территориальные ведомства³. В каждом из них складывались свои традиции ведения и оформления документации, а давно подмеченное историками «слабое развитие канцелярских формальностей в рассматриваемое время» [Оглоблин 1884, с. 25] могло приводить к разнобою в обозначении по сути одних и тех же социальных групп, даже если они находились в пределах одного административного подчинения.

---

³ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 68, 74, 146, 156–157, 172, 178, 223.

Службные функции приборного войска

Круг обязанностей приборных служилых строго не регламентировался, был крайне широк и зависел от принадлежности к той или иной служилой категории далеко не в полной мере. Конечно, конные казаки и стрельцы выполняли прежде всего поручения, связанные с необходимостью передвигаться на лошадях: бывали гонцами, сопровождали послов (а порой и сами являлись послами к кочевым народам), несли в степи сторожевую, караульную разведывательную и «полковую» службы и т. д. Для пеших же казаков и стрельцов самой распространённой, соответственно, была «осадная служба» во время военных действий и «городовая служба» в мирное время, т. е. караулы у городских ворот и на башнях, у казённых амбаров и погребов, у административных зданий и на заставах, перекрывающих (или же контролирующих) различные дороги и пути. Прерогативой ратных людей пешей службы являлась и «посольская стойка», т. е. исполнение роли почётного караула при въезде в город иноземных послов. Специфика пешей службы предполагала также дальние (требовавшие длительного, порой многолетнего отсутствия в своём городе) «посылки» – на усиление других гарнизонов («годовая служба»), «в гребцах и провозатых» на суда, перевозившие казённые грузы или «колодников», в экспедиции для поиска серебряной руды и т. д. Полицейские функции и тушение пожаров – тоже возлагались в первую очередь на пеших казаков и стрельцов, а в Сибири именно они прежде всего и должны были заниматься сбором ясака с аборигенного населения и отправляться в походы на поиск «новых земель». Главной заботой пушкарей, помимо стрельбы из орудий, был и уход за ними, а поскольку он часто требовал определённых технических навыков, пушкари нередко одновременно являлись кузнецами и «пороховыми мастерами», причём в крупных гарнизонах у пушкарей существовала ещё и специализация по обслуживанию орудий разного типа [Загородский 1969, с. 31, Очерки культуры 1979, с. 255, Голикова 1982, с. 42, 50–51, Никитин 1988, с. 84–86, 88, 90–91, Волков 2004, с. 239, 247, Романов 2004, с. 26–27, 59, 68, Горбачёв 2013, с. 18].

В то же время, известно множество нарушений такого, казалось бы логического, порядка. Конным казакам приходилось «служить пешие службы» (вплоть до многолетних «дальних посылок»), а пеших казаков и стрельцов сажали на коней для устройства в степи «отъезжих караулов» и «проезжих станиц». Приборных служилых любых категорий могли использовать и совершенно «не по профилю»: назначить «дьячками» в «съезжие избы» («для письма»), приказчиками в крестьянские слободы (а в Сибири – и в отдалённые зимовья). Там, где не было посадских людей, казакам, стрельцам и пушкарям часто приходилось быть «целовальниками» и нести другие типично посадские «службы». Причина всему этому крылась в простой необходимости маневрировать ограниченными ресурсами для решения задач по обороне страны и освоения её окраинных территорий в условиях постоянного в Московском государстве «малолюдства» [Миклашевский 1894, с. 158, Никитин 1988, с. 92–93, Волков 2004, с. 242, Романов 2004, с. 95].

Ряд возлагаемых на приборное войско «служб» затрагивал практически весь гарнизон. Таковыми были, прежде всего, поручения, носившие харак-

тер трудовой повинности: служилым приходилось ловить рыбу «на государя», заготавливать сено, валить и «колотить» лес, «ломать» строительный камень, строить различные казённые здания, морские и речные суда, производить их погрузку и разгрузку, возводить фортификационные сооружения при основании новых крепостей и устройстве оборонительных линий, не говоря уже о выполнении такой общей для всех категорий населения повинности, как «городовое дело», т. е. работы по текущему ремонту, а также расширению городских укреплений. А на южной окраине служилые люди разных «чинов» ещё и работали на «государевой десятинной пашне» [Лаппо-Данилевский 1890, с. 379, Миклашевский 1894, с. 217, 221–222, Заозёрский 1917, с. 207, Смирнов 1919, с. 162; Степанов 1939, Марголин 1953, с. 84–85, Воронин 1961, с. 45, Загоровский 1969, с. 245, Чистякова 1975, с. 22, 111, Голикова 1982, с. 52, Скобелкин 1987, с. 46, Никитин 1988, с. 87, Волков 2004, с. 221, 242, Романов 2004, с. 74–75, Горбачёв 2013, с. 21, Рощупкин 2016, с. 250].

Универсальность приборного войска являлась его крайне ценным качеством в глазах властей (особенно местных), и именно она в первую очередь предопределила сохранение на долгое время отдельных групп «старых служб служилых людей» уже после создания в стране регулярной армии [Рабинович 1953, Рабинович 1956, Ивонин 1996, с. 32].

Нагрузка на военно-административный аппарат (особенно в приграничных и окраинных городах) временами была так велика, что служилых из-за множества «посылок» не хватало даже на караулы, и воеводы порой вынуждены были ставить туда посадских, крестьян, ямщиков и даже гулящих людей. Понятно, что в таких условиях стрельцам и казакам было не до воинского учения. Многократные попытки внедрять его не имели прочного успеха, за исключением, может быть, московского гарнизона: в «провинции» служилые усваивали «хитрость ратного строения» обычно в боевых условиях и с помощью более опытных товарищей [Русская военная сила 1897, с. 412, Марголин 1953, с. 79–83, Чернов 1954, с. 164, Очерки культуры 1979, с. 252, Никитин 1988, с. 95–96, Романов 2004, с. 55, Леонтьева 2012, с. 68, 258].

Облегчить приборным людям их положение была призвана утвердившаяся с давних пор практика поочередного отбывания «служб». Она предполагала как чередование длительных и дальних «посылок» с непродолжительными и близкими, так и полное освобождение на какое-то время от служебных поручений. Казаки и стрельцы должны были на одном объекте меняться через сутки, на другом – через неделю, на третьем – через две недели и т. д. и по очереди же («по переменам») отправляться в «дальние посылки» и на «годовую службу». Однако приказная документация пестрит жалобами на постоянное нарушение этой очерёдности, объясняемое по большей части, конечно, всё тем же пресловутым «малолюдством». Ситуацию, конечно, нередко усугубляло и мздоимство «начальных людей» и воевод, позволяющее их наиболее оборотистым подчинённым откупаться от обременительных «служб», возлагая их, таким образом, на остальную часть гарнизона [Беляев 1846, с. 54–55, Багалея 1887, с. 218, Миклашевский 1894, с. 158, Марголин 1953, с. 84, Чистякова 1975, с. 127, Голикова 1982, с. 53, Никитин 1988, с. 98–100, Волков 2004, с. 239, Кадерова 2013, с. 86, Самойлов 2017, с. 56–57].

Чтобы облегчить себе тяготы службы, ратные люди нередко шли на её разделение на доли: так появлялись «половинщики», «третчики», «четвертчики», соответственно этим своим долям загружаемые и вознаграждаемые (они отмечаются в основном на южной окраине) [Устюгов 1974, с. 145, Горбачёв 2013, с. 13, 17, Рощупкин 2016, с. 194, 249]. Однако с той же целью гораздо чаще практиковался наём, особенно на самые обременительные «службы», требующие длительного отсутствия в городе или носившие характер трудовой повинности. Согласно официальным документам, наём допускался лишь в порядке исключения – в отношении больных, но и тем предписывалось выставлять вместо себя служилых же людей⁴. Но в действительности местная и центральная администрации вынуждены были мириться как с широким распространением наёмничества, так и с привлечением к нему представителей самых различных «чинов», включая невёрстанных родственников служилых и гулящих людей [Марголин 1953, с. 90–91, Сафронов 1978, с. 59, Никитин 1988, с. 100–102, Романов 2004, с. 45].

Система управления приборными служилыми и их внутренняя организация

Общее управление гарнизонами осуществляли воеводы, а численностью и структурой подведомственных им воинских контингентов определялся дальнейший порядок этого управления. Он был простым, если, например, гарнизон состоял всего из полусотни стрельцов – воевода распорядился ими либо напрямую сам, либо во взаимодействии с «пятидесятником», который, в свою очередь, опирался на «десятников». Гораздо более сложная система складывалась в гарнизонах численностью в сотни и тем более в тысячи человек, и это, в том числе, проявлялось в разнообразии и непостоянстве наименований входивших в него подразделений и их «начальных людей».

Воинские формирования сотенного звена назывались у стрельцов – «сотнями», у казаков – «станицами», но порой тоже «сотнями», у «литвы» – «ротами», но иногда «сотнями» и (ещё реже) «станицами». Во главе их стояли «сотники» или «головы» (у стрельцов, казаков, а в крупных гарнизонах – и у пушкарей), «атаманы» (у казаков), «ротмистры» (у «литвы» и «иноземцев»). Дальнейшее деление шло по десятичному принципу – на полусотни («пятидесятни») и «десятки», возглавляемые соответственно «пятидесятниками» (у казаков их могли называть «есаулами») и «десятьниками». Если в гарнизоне было несколько «станец» или «сотен», из них обычно составляли «приказ» (порой его называли по-старому – «прибор», а в конце XVII в. – «полк») под управлением «головы» – «стрелецкого», «казачьего» или «стрелецкого и казачьего» (при объединении стрельцов и казаков под одним началом). «Полный приказ» («прибор») должен был насчитывать 500 чел.,

---

4 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т. 5. С. 186.

но в очень крупных гарнизонах бывали «приказы» и в 700–800, и в 1000–1200 чел., и это при том, что иногда подразделение лишь в сотню служилых тоже называли «приказом», а «ведающего» им служилого – «головой» [Беляев 1846, с. 56, Никитин 1988, с. 37–38, Романов 2004, с. 20, 54].

Такое непостоянство в обозначениях следует, видимо, объяснить не только разным происхождением отдельных групп приборного войска и силой традиции, но и многозначностью некоторых широко распространённых в XVII в. терминов. Например, «головами» могли называться вообще все «начальные люди»: атаманы, сотники и ротмистры фигурируют в некоторых документах как «сотенные головы». Слово «приказ» могло употребляться и в качестве названия воинского подразделения, и в значении «подчинение», «ведение», отсюда синонимичность понятий «приказной» и «начальный человек». А под словом «станция» часто подразумевали любой отряд или объединение численностью от нескольких человек до нескольких сот. Аналогичным образом порой обстояло дело и с употреблением слов «войско» и «полк»: так могли называть себя даже крайне немногочисленные (в один-два десятка чел.), но самостоятельно действовавшие ватаги служилых людей. Надо, кроме того, иметь в виду условность самой десятичной системы, положенной в то время в основу управления войсками: она соблюдалась (и то не всегда) лишь в недавно сформированных подразделениях, а в «старых» – не выдерживалась ни на низшем, ни на высшем уровне. Поэтому в «сотне», как и в соответствующей ей по статусу казачьей «станции», в реальности редко бывало ровно 100 чел.; «пятидесятни» и «десятки» тоже далеко не всегда состояли из 50 и 10 служилых [Никитин 1988, с. 31, 38, Никитин 1998, с. 100, 106].

«Десятниками» назначались рядовые служилые. И «пятидесятники», за редкими исключениями, были выходцами из «приборной» среды. Атаманы также чаще всего становились выслужившиеся казаки, в то время как «сотники» и «головы», как правило, являлись дворянами или детьми боярскими. Последнее правило особенно строго соблюдалось в отношении высших командных «чинов» в гарнизоне – стрелецких и казачьих «голов». Они были вторыми после воевод лицами, осуществлявшими управление в гарнизонах, в соответствии с этим статусом имели свои канцелярии («приказы») с «войсковой казной», особыми «войсковыми подьячими», а также «приставами» и «денщиками», назначаемыми «по очереди» из рядовых служилых. Примечательно, что если представители низшего и среднего командного звена гарнизонов могли находиться на своих должностях неопределённо длительное время, то «головы», подобно воеводам, обычно назначались лишь на несколько лет, после чего должны были уступать место другим претендентам на него [Беляев 1846, с. 79–80, Родиславский 1850, с. 25, Чичерин 1856, с. 372, Бобровский 1882, с. 30, Вейнберг 1886, с. 124, Калинычев 1954, с. 81, Никитин 1988, с. 42, 49–50, Романов 2004, с. 89–90].

Обязанности и полномочия представителей командного состава в приборном войске были многообразны, но не всегда чётко определены. Для XVII в. с его параллелизмом и нечёткостью функций отдельных звеньев государственного аппарата это было обычным явлением. «Головы», как это видно из адресованных им «наказных памятей» (инструкций), могли вести

в своих подразделениях наборами на «убылые места» и отставкой, разрешать (или не разрешать) подведомственным служилым временные отлучки из гарнизона, судить их, «опричь татбы и разбоя», по «невеликим» (обычно до 15 руб.) искам, контролировать выдачу жалованья. «Головам» предписывалось внимательно следить за поведением подчинённых, «наряжать» их на всякую «службу», а за отлынивание от неё («огурничество»), и за «оплошества», «и по челобитниковым делам, и унимая от всякого дурна» (пьянства, кормчества, грабежей, азартных игр и т. п.) «чинить наказанье». Однако большая часть «статей» из «наказов» стрелецким и казачьим «головам» содержалась и в аналогичных «памятях» воеводам тех же городов. В некоторых гарнизонных должности «голов» вообще длительное время оставались незанятыми, и их функции выполняли воеводы с помощью «начальных людей» более низкого ранга. Нередко серьёзно ограничивались и права действующих «голов». Так, согласно инструкциям, они должны были «прибирать» служилых на освободившиеся в своих подразделениях места «с ведома» воевод. На практике это обычно выражалось в предоставлении «головой» в «съезжую избу» (воеводскую канцелярию) списка кандидатов для утверждения на соответствующие вакансии. Однако вопрос о верстании на «убылые места» мог решаться самостоятельно (через голову «голов») даже дьяками с подьячими. А порой воеводы совсем лишали «начальных людей» большей части положенных полномочий. Конфликты между представителями верховной власти в гарнизонах нередко возникали и из-за того, что в ряде регионов воеводы подчинялись одному ведомству, а казацкие и стрелецкие «головы» – другому, и это, конечно, отнюдь не содействовало укреплению дисциплины в приборном войске [Чичерин 1856, с. 372–377, Шпаковский 1898, с. 140–141, Градовский 1899, с. 409, Москва 1910, с. 69–70, Черменский 1913, с. 27–28, Калинычев 1954, с. 81–82, Очерки истории 1955, с. 391, Александров 1967, с. 239, Глазьев 1987, с. 215, Никитин 1988, с. 42–43, Романов 2004, с. 79, 82, 93, Горбачёв 2013, с. 16, Барахович 2014].

Общий порядок в нём должен был поддерживаться системой весьма жёстких мер, предусматривающих в том числе и строгий контроль за повседневной жизнью служилых. Видимо, именно с этой целью власти всюду стремились расселять их компактно – слободами, которые строились отдельно не только для каждой служилой категории, но и для каждого её более-менее крупного подразделения. Эта практика, правда, не получила развития за Уралом, но в большинстве городов Европейской России стрелецкие, казацкие, пушкарские и т. п. слободы были обычным явлением, хотя и там их границы со временем начинали размываться (а порой и полностью разрушаться) вследствие купли-продажи городскими жителями своих дворов, заключения браков между представителями разных социальных групп и других, как правило сугубо житейских, обстоятельств [Мерцалов 1885, с. 80, Дахнович 1912, с. 26–27, Александров 1947, с. 81–94, 98–100, Марголин 1953, с. 79–81].

Размеры участков, выделяемых под дворы приборных служилых, имели в зависимости от региона разные размеры (от нескольких десятков квадратных сажен в городской черте до нескольких сот – за городскими стенами). Согласно правительственным предписаниям, служилые не имели права по-

кидать свои слободы без разрешения начальства. Ему же предписывалось ежедневно «пересматривать» своих подчинённых, следить за их поведением, устраивать им дважды в день переключку и т. д., и т. п. [Лаппо-Данилевский 1890, с. 118–119, Шпаковский 1898, с. 141, Москва 1910, с. 79, Белоцерковский 1914, с. 157–158, Александров 1947, с. 97–99, Калинычев 1954, с. 82, 119, Глазьев 1987, с. 24, Романов 2004, с. 79, 82, 89, Горбачёв 2013, с. 13, 16].

В реальности столь тщательная регламентация быта служилых людей, конечно, была невозможна, но и с учётом этого обстоятельства ясно, что ни «головы», ни сотники не имели физической возможности выполнять подобные предписания, и основная нагрузка по контролю над приборными людьми (как и по непосредственной организации их «службы») ложилась на командиров среднего и низшего звена. Они же, естественно, должны были замещать сотников и «голов» во время их болезни и отъездов по служебным делам. Характерно, что высшие должности в гарнизонах нередко вообще подолгу пустовали, несмотря на наличие желающих их занять, в то время как в «десятники» (и даже в «пятидесятники») служилых могли назначить и «неволею» [Бахрушин 1954, с. 74, Романов, 2004, с. 89]. Тому порой давалось и объяснение: «для того что без десятника в десятке быть не уметь»⁵. В то же время наказание провинившихся служилых являлось несомненной прерогативой как представителей высшего командного состава гарнизонов, так и воевод.

Самым распространённым видом применяемых в гарнизонах мер «дисциплинарного воздействия» являлось рукоприкладство: оно вообще было повседневым явлением в отношениях между «начальными» и остальными служилыми людьми. Причин и поводов для кулачных расправ в «войске» находилось немало. Кто-то был «дран за бороду» за то, что «не поспел на стойку к смотру». Кто-то, будучи в денщиках у воеводы, был им избит «за зернь» (игру в кости) и за то, что «в съезжей избе живёт мало». Кого-то «начальные люди» могли «зашибить», не застав при объезде караулов на охраняемом объекте, а кого-то – за «ослушанье», за дерзкие слова и прочее «невежество». Такие меры по «смирению» подчинённых, конечно, нигде не были прописаны, но фактически не запрещались (если не приводили к увечьям) и нередко лишь предваряли другие, вполне «законные» виды телесных наказаний. Из них же на первом месте чаще всего оказывались «батоги» (палки толщиной в палец): приказ бить ими, по свидетельствам современников, в Московском государстве мог отдать всякий имеющий власть над другими людьми «при первом неудовольствии за всякий проступок по своему усмотрению» [Сергеевский 1887, с. 168, Никитин 1987, с. 106–109].

Батогами наказывали за самые различные по степени тяжести «вины и прослуги» – от незначительного «караульного оплошества», «непослушества» и неявки на смотр до самовольной отлучки из города и побега с «дальней государевой службы». При этом батогами дело часто не ограничивалось:

---

5 РГАДА. Ф. 214. Кн. 244. Л. 239 об.

за ними могли последовать и несколько дней тюремного заключения. Но оно нередко являлось и отдельной карой, не сочетавшейся с другими её видами, а сажали в тюрьму в принципе за те же проступки, за которые в иных случаях применялись батоги. Ими же в порядке смягчения приговора порой заменяли кнут – самое тяжёлое из дисциплинарных наказаний, которое назначалось за столь серьёзные «вины», как подстрекательство к бунту, преступное бездействие во время военного похода, бегство заключённых из-за небрежности конвоя и т. п. [Никитин 1987, с. 106–110, Романов 2004, с. 79, 82, 93].

Такая непоследовательность в выборе дисциплинарных мер была характерной приметой того времени, и она проявлялась не только на практике. В XVII в. сам закон определял лишь род наказания, а не его степень: при назначении наказания батогами или кнутом не указывалось число ударов, при назначении тюремного заключения не оговаривался его срок и т. д. [Очерки культуры 1979, с. 338]. Царские «наказы» воеводам и «головам» предписывали вообще поступать с правонарушителями «смотря по тамошнему делу и по винам», так что за одни и тот же проступок виновных можно было «бити кнутом или батоги, смотря по вине, кто до чего по сыску дойдёт, а бив их... сажати в тюрьму на время, на сколько пригоже, смотря по вине ж»⁶.

Столь широкие полномочия не могли не порождать злоупотреблений, и это подтверждают многочисленные «сыские дела», посвящённые их расследованиям. Выясняется, например, что воеводы и «головы» под видом наказания «за прослуги» часто сводят с подчинёнными личные счёты и не только «безвинно» бьют служилых, но и «в тюрьму мечут» под надуманными предлогами, «вымучивая» за освобождение деньги или долговые расписки («кабалы»). От административного произвола, конечно, не было ограждено и «гражданское» население, но служилое страдало от самодурства, жестокости и безудержного корыстолюбия «приказных людей» сильнее, поскольку гораздо чаще контактировало с ними, всегда находилось у них «под рукой»: давно замечено, что «никого не пороли так часто и так усердно, как казаков» [Шерстобоев 1957, с. 580]. Но телесными наказаниями за малейшую провинность и побоями, приводившими порой к увечьям, злоупотребления гарнизонной верхушки своим положением не ограничивались. Воеводы и «головы» вымогали у служилых людей взятки за верстания на освободившиеся места и за отставку, за своевременное получение жалованья и просто «в почесть», заставляли бесплатно работать в своём хозяйстве (косить, молотить, что-то строить) и т. д. [Чистякова 1975, с. 127, 173, Голикова 1982, с. 54–55, Никитин 1987, с. 111–112, Романов 2004, с. 86–87].

Складывалась парадоксальная ситуация: вооружённая опора власти являлась в то же время одной из наиболее эксплуатируемых ею социальных групп. Но этим двойственность и специфика положения приборного войска в Московском государстве не исчерпывались. Служилые люди хоть и силь-

---

⁶ См., например: Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. Т. 1. Приложения. № 39. С. 391.

но страдали от административного произвола, но поголовное вооружение и корпоративная сплочённость давала им, по сравнению с неслужилым населением, больше возможностей для отпора притеснителям. И возможности эти усиливались от того, что практически в каждом гарнизоне наряду с официальной войсковой организацией имелась и неофициальная.

Её существование угадывалось исследователями давно. Они не могли не заметить в приборной среде традиций и норм самоуправления, свойственных в большей мере вольному, а не служилому казачеству: общие сходы под «войсковым знаменем» для обсуждения текущих дел; самостоятельную развёрстку меж собой наиболее обременительных «служб» и контроль за соблюдением очерёдности в их выполнении; практику выборности «начальных людей» всех уровней (с окончательным утверждением этого выбора администрацией); наличие в подразделениях собственной («войсковой») «казны», которой следовало пользоваться с общего согласия и ведома; раздел военной добычи поровну между всеми «полчанами»; контроль «войска» за доставкой и выдачей «государева жалованья» и т. п. Нельзя было также не видеть, как в экстремальных ситуациях (включая конфликты с воеводами и собственными «приказными людьми»), неофициальная организация приборных служилых открыто заявляла о себе, оттесняя на второй план, а порой и вовсе исключая, организацию официальную. В походе «войско», собравшись по-казацки «на круг», могло «отказать» своему начальнику в подчинении и выбрать («до государева указу») себе другого предводителя, а в городах, если административный произвол слишком превышал привычную для того времени «меру», таким же образом порой отстранялись от власти и воеводы, и Москва с этим часто вынуждена была мириться – особенно когда речь шла о слабоосвоенных окраинах [Устрялов 1858, с. 22, Вейнберг 1886, с. 124, Окладников 1937, с. 51, Очерки истории 1955, с. 391, Рабинович 1956, с. 284, Александров 1957, с. 308, Преображенский 1972, с. 359, Чистякова 1975, с. 134–135, 159, Резун 1984, с. 49, 67, Глазьев 2007, Евдокимов 2015, с. 31].

Историки долгое время видели в подобном положении вещей лишь прямое влияние вольного казачества, выходцы из которого периодически пополняли ряды приборных служилых. Отрицать это влияние, конечно, не приходится, однако в конце 1980-х гг. был убедительно обоснован взгляд на эту проблему и с другой стороны. В.А. Александров и Н.Н. Покровский показали, что в России XVII в. были ещё сильны традиции «мирского», общинного самоуправления, с которыми официальным властям приходилось считаться (а нередко на них же опираться). И наряду с крестьянскими, посадскими и прочими «мирами», генетически восходящими к древним общерусским формам самоорганизации и крепко спаянными общими интересами, существовал «служилый мир» [Александров, Покровский 1991, Каменецкий 2005, с. 210–213, 258–259].

В определённых обстоятельствах он, при всей своей неоднородности, ещё сильнее сплачивался и мог успешно отстаивать свои интересы, в том числе – противостоять воеводскому произволу, а потому вплоть до конца столетия приборное войско так и не стало надёжной опорой верховной власти в стране. И это при том, что, несмотря на глубоко укоренившиеся

в приборной среде традиции самоуправления, долго без жёсткой «вертикали власти» служилый мир обходиться не мог. Даже в Сибири, где административный произвол из-за слабого контроля центра чаще всего превышал привычную для русского человека «меру», служилые люди понимали, что «во всех сибирских городех без воевод... править никоими мерами невозможно», о чём прямо заявляли при «допросах» в Москве [Вершинин 1998, с. 147]. Известные нам по документам случаи «неустройств», происходивших в некоторых сибирских гарнизонах при долгом отсутствии там не только воевод, но атаманов, подтверждают справедливость такого мнения [Оглоблин 1904].

Порядок комплектования подразделений приборного войска

Одной из проблем, с которой служилый «мир» постоянно сталкивался, была убыль личного состава гарнизонов. Определяющие её факторы могли носить как объективный и естественный, так и привходящий, экстраординарный характер. К числу первых надо отнести ситуации, когда служилые гибли при столкновениях с неприятелем, от голода и прочих лишений во время дальних походов или долгих «осадных сидений», попадали в плен, становились жертвами несчастных случаев, умирали от болезней и т. д. К числу вторых – когда бежали со службы, а также бывали «выметаны» с неё по решению начальства или же уходили в отставку по собственному прошению. Но в любом случае затягивание с верстанием на «убылые места» (а представители воеводской администрации порой сознательно шли на это из-за взяток) переживалось служилыми крайне болезненно, ибо увеличивало нагрузку на оставшихся «в строю».

Военная служба в XVII в. не ограничивалась ни количеством отданных ей лет, ни возрастом. Источники свидетельствуют о весьма преклонном (более 70 и 80 лет) возрасте некоторых стрельцов и казаков. Их просьбы об отставке нередко рассматривались в самой Москве, где на челобитные накладывались довольно осторожные резолюции, предписывавшие решать вопрос положительно, лишь если челобитчики будут «добре стары и гораздо увечны». С другой стороны, вполне дееспособных служилых могли отставить за неподобающее поведение или преступления – «за пьянство и за зернь», «за ябедничество», «за воровство» и т. п., а также за то, что были в своё время повёрстаны в службу незаконно [Смирнов 1917, с. 26, Никитин 1988, с. 52–61, Романов 2004, с. 80, Барахович 2016b, с. 70–74].

Принимать на службу разрешалось с 15 лет. И хотя известно немало случаев верстания с более раннего возраста (главным образом с целью сохранения за семьёй места в гарнизоне), большинство определявшихся в казаки, стрельцы или пушкари были уже людьми довольно зрелыми – от 20 до 30 лет. Согласно инструкциям, претенденты на поступление должны были быть «не воры... молоды и из пищалей стрелять горазды», а предпочтение в приёме следовало отдавать детям, братьям и племянникам служилых людей, причём по возможности тем, кто уже обзавёлся семьями и был достаточно «прожиточен». В «старых» и не слишком многочисленных гарнизонах так чаще всего и бывало, но в относительно крупных и ещё слабо обжитых го-

родах, а также в случаях массового экстраординарного набора в казачью или стрелецкую службу её наследственный характер соблюсти не удавалось из-за элементарной нехватки родственников служилых людей, и ряды приборного войска заполнялись не только «вольными гулящими людьми», но и выходцами из других социальных групп, и прежде всего – из посадского и крестьянского населения. Власти пытались разработать порядок этого верстания. Так, из семей посадских людей и крестьян разрешалось принимать в стрельцы лишь третьего сына, с тем чтобы остальные оставались «в тягле», однако жизнь часто ломала и подобные предписания. При необходимости срочно восполнить людские потери в войске или просто резко увеличить его численность, происходили массовые зачисления в приборную службу тяглого населения уже без учёта состава его семей, порой целыми волостями. Они могли осуществляться и «в неволю», но чаще всего власти не испытывали недостатка в желающих повысить свой социальный статус, перейдя из «тягла» на «государеву службу». Взятки воеводам и прочим «приказным людям» за такой перевод – обыденное явление в Московском государстве, в то время как добровольное «становление» служилых в крестьяне или в посад отмечается нечасто [Родиславский 1850, с. 24, Смирнов 1917, с. 25, Александров 1947, с. 128, 145, Марголин 1953, с. 81–83, 93, Никитин 1988, с. 58, 61–64, Волков 2004, с. 21, 41, 42, 45, Пузанов 2010, с. 321, Рошупкин 2016, с. 247].

Впрочем, престиж приборной службы был тоже относительным. Если, например, в неё разрешали принимать в качестве награды «за полонное терпение», то холопами и крестьянами она могла восприниматься как «государева милость». А если зачисление в стрельцы и казаки производилось в качестве наказания за какой-то проступок, то для лиц с относительно высоким социальным статусом это выглядело как «государева опала», тем более что оно почти всегда сопровождалось ссылкой в дальние, «окраинные» гарнизоны [Александров 1947, с. 173, Марголин 1953, с. 82, 94, Очерки культуры 1979, с. 262].

На колонизируемых территориях, особенно южных, с зачислением на ратную службу вообще складывалась особая ситуация. Там стать служилым человеком вполне легально мог даже крепостной крестьянин, если находил себе замену. Правда, такие верстания случались сравнительно редко, гораздо чаще в рядах стрельцов и казаков на «украинах» оказывались беглые крестьяне и холопы. Когда такое раскрывалось, то правительство, дабы «не запустошить» приграничные крепости, часто отказывалось возвращать беглецов в прежнее состояние и даже шло на выплату за них бывшим владельцам в порядке компенсации немалых для того времени сумм – по 10–20 руб. за человека. Вместе с тем даже в крайне опасных в отношении внешней угрозы регионах нередко проводились массовые «чистки», в ходе которых из гарнизонов решительно «выметались» не только выходцы из неслужилого населения, но и дети служилых людей, повёрстанные в обход ближайших родственников выбывшего, причём по мере приближения к концу столетия тенденция к превращению приборного войска в замкнутую касту лишь усиливалась [Лаппо-Данилевский 1890, с. 159, Бахрушин 1959, с. 62–63, Чистякова 1975, с. 110, Глазьев 1987, с. 24–25, Никитин 1988, с. 76–77, Кадрова 2013, с. 86].

Заслуживает внимания порядок комплектования низшего и среднего командного состава гарнизонов. Десятниками и пятидесятниками, как отмечалось выше, служилых могли назначать и «в неволю», но обычно на эти должности, конечно, ставили наиболее опытных стрельцов и казаков не только с их согласия, но и в качестве поощрения «за службы». Вместе с тем, порядок верстания в приборном войске не предполагал последовательности в продвижении по служебной лестнице. Наряду с переводом рядовых в десятники, а десятников в пятидесятники отмечаются случаи назначения рядовых сразу пятидесятниками, а в десятники и пятидесятники нередко попадали люди, не состоявшие до этого ни в какой службе, причём в их числе могли быть как родственники выбывших десятников и пятидесятников, так и посторонние лица [Калинычев 1954, 115–116, Марголин 1953, с. 91–92, Никитин 1988, с. 49].

Непоследовательность в практике верстаний объяснялась некоторыми историками тем, что «московское управление не любит общих правил» и «предпочитает приспособляться к обстоятельствам» [Сергеевич 1905, с. 39], но речь в данном случае логичнее вести о гибкости системы управления войсками, обусловленной многообразием условий несения ратной службы в огромной стране.

***

«Прибранные» на службу должны были приносить присягу и обязывались «не изменити», «не сбежати», «никаким воровством не воровати», не проигрывать жалованья и оружия, «над государевой казною порухи никоторой не учинить» и т. д.⁷, а лучшей гарантией выполнения таких обязательств (и потому неизменным условием верстания) считалось поручительство – определение круга лиц, готовых возместить ущерб, который их подопечный, нарушив присягу, мог нанести «казне». Во вновь набранных подразделениях и при образовании новых гарнизонов практиковалась круговая порука – либо в пределах одного десятка, где все ручались друг за друга, либо путём разделения всего личного состава на две половины, с тем чтобы одна из них ручалась за другую. Претенденты на «выбылые места» в старых подразделениях обычно ограничивались несколькими поручителями, причём находили их среди самых различных «чинов» [Русская военная сила 1892, с. 397, Александров 1947, с. 155–156, Никитин 1988, с. 62, Волков, 2004, с. 236, 247, Романов 2004, с. 47].

Неизвестно, требовались ли новая присяга и дополнительные поручительства при переводе служилых «из чина в чин», но в крупных гарнизонах перетасовка личного состава была постоянным явлением. Пеших казаков и стрельцов переводили в конных и наоборот, пушкарей определяли в казаки и стрельцы, а тех – в пушкари; в «литовском списке» оказывались быв-

---

7 См.: Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Т. 2. № 262; Русская историческая библиотека. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1975. Т. 2. № 53.

шие стрельцы и казаки, а в стрельцах и казаках – «литва» и «иноземцы», и т. д., и т. п. Делалось это, как правило, из сугубо практических соображений (хотя порой не обходилось и без взяток) из-за необходимости маневрировать ограниченными людскими и материальными ресурсами. Кто-то не мог нести конную службу просто из-за «скудости» и потому переводился в пешую – в то подразделение, где имелась вакансия. Кто-то, вернувшись из многолетней «дальней посылки», находил своё место в гарнизоне занятым и тоже определялся туда, где находили соответствующий его статусу «выбылой оклад». «Чин» служилых особенно часто менялся при переселении «на вечное житьё» в другие города. Во многих гарнизонах не был редкостью и добровольный «обмен службами». Перевод в «меньшие чины» мог носить характер наказания, а назначение в более высокий «чин» – поощрения за какие-то заслуги или редкие деловые качества.

При этом стрельцы, казаки и пушкари могли официально выходить из состава ратных людей, но оставаться «в службе», становясь толмачами, подьячими, казёнными кузнецами, «гранатными мастерами», и в то же время кузнецы переводились в пушкари или затинщики и т. д. А на колонизируемых окраинах были нередки ситуации, когда, с одной стороны, в казаках и стрельцах служили обедневшие и беспоместные дети боярские, а с другой – «за службы» в дети боярские верстали казаков и стрельцов. Таким образом, приборное войско выполняло роль канала, связывавшего тяглое население со служилым, а приборные «чины» – со служилыми по отечеству, содействуя тем самым социальной мобильности в обществе [Перетяткович 1882, с. 150–170, Пясецкий 1893, с. 96, Миклашевский 1894, с. 141–142, 144, 189, 234, Александров 1947, с. 196, Никитин 1988, с. 39–41, 81–83, Акишин 1996, с. 15, Лаптева 2003, с. 84, 88, Волков 2004, с. 261, 356, Романов 2004, с. 80].

Государственное обеспечение приборного войска

По государственному обеспечению приборное войско делилось на две основные категории. Одна из них должна была получать денежное, хлебное (а часто и соляное) жалованье постоянно, другая же служила главным образом «с земли», а иные выплаты ей полагались лишь от случая к случаю (например, перед военными походами или при обустройстве на новом месте). Существовали, конечно, и «промежуточные» группы, в порядке обеспечения которых сочетались признаки той и другой категории.

Размер жалованья зависел не только от принадлежности к тому или иному «чину», но и от местонахождения гарнизона. Самыми высокооплачиваемыми являлись гарнизоны нижеволжских и сибирских городов, что объяснялось особыми трудностями несения службы в этих регионах, усугубляемыми вполне естественной в таких условиях дороговизной «товаров», «припасов» и услуг. Кроме того, почти во всех относительно крупных гарнизонах имелась небольшая прослойка с повышенными по сравнению с остальной «братъёю» окладами; «придача» к ним производилась, как правило, за особые заслуги перед «великим государем».

Из общей массы приборных служилых выделялись также несколько большими окладами представители низшего и среднего командного состава

гарнизонов. Но во второй половине столетия в городах европейской части страны явно обозначилась тенденция к исчезновению разницы между окладами рядовых, десятников и пятидесятников [Марголин 1953, с. 67, Самойлов 2017, с. 55].

В Сибири большинству служилых полагались три вида жалованья – деньги, хлеб и соль. Оклады варьировались главным образом в зависимости от гарнизона (в дальних и «непашенных» городах они были выше), вида службы (конной или пешей), а также семейного положения (женатые получали прибавку к хлебным и соляным окладам). На середину XVII ст. у большинства конных казаков Сибири денежное довольствие колебалось в пределах от 7 до 8 руб. в год, у пеших казаков, стрельцов, пушкарей и затинщиков – от 4 руб. 25 коп. до 5 руб. 25 коп. При этом оклады десятников обычно были лишь на 50 коп. выше, чем у рядовых, у пятидесятников – на рубль, а в хлебном и соляном жаловании они, как правило, были с рядовыми равны. Размеры хлебных окладов сибирских служилых составляли от 7 с половиной до 11 четырёхпудовых четвертей (ржи и овса в разных соотношениях), а соляных – от одного пуда с четвертью до двух с четвертью пудов в год [Никитин 1988, с. 104–113, Соколовский 2004, с. 138–143, Леонтьева 2012, с. 81–83, Барахович 2016b, с. 237–238].

У астраханских служилых оклады тоже были сравнительно высокими, и к тому же они в течение XVII в. росли: у конных стрельцов увеличились с 5 и 8 руб. до 10, у пеших – с 3 и 4 руб. до 5. Пушкари получали в год от 4 до 7 руб. Оклады хлебного жалованья в конных подразделениях астраханского гарнизона равнялись 23 четвертям (ржи и овса), в пеших – 20 [Голикова 1982, с. 55].

На западных рубежах ситуация была иной. Так, в Пскове рядовые стрельцы получали в год по 3 руб., пушкари – от 3 руб. 50 коп. до 5 руб., казаки (нёсшие конную службу) – от 4 до 5 руб. Стрелецким пятидесятникам в псковском гарнизоне вначале полагалось по 4 руб. в год, десятникам – 3 руб. 50 коп., а после 1647 г. их оклады были урезаны, соответственно, на 50 и 25 коп. (после чего служилых и в пятидесятники приходилось «ставить неволею»). В Кольском остроге в середине XVII в. годовой оклад пятидесятника равнялся 4 руб., десятника – 3 руб. 75 коп., рядового стрельца – 3 руб. 50 коп., а хлебное жалованье состояло из 7 четвертей (2 – ржи, 4 – овса и 1 – ячменя). У холмогорских и устюжских стрельцов рядовому полагалось – 3 руб., пятидесятнику – 3 руб. 50 коп., десятнику – 3 руб. 25 коп. Московские стрельцы находились в более выгодном положении: их денежные оклады колебались в пределах от 4 до 7 руб., хлебное жалованье доходило до 12 четвертей ржи и 12 овса, а соляное – до 3 пудов. [Смирнов 1917, с. 27, Бахрушин 1954, с. 74, Марголин 1953, с. 65–67, Тихомиров 1969, с. 41, Буганов 1969, с. 69, Волков 2004, 239].

У «днепровских казаков» Тулы годовые оклады денежного жалованья в основном колебались в пределах от 4 до 6 руб., а хлебный был един – по 12 четвертей ржи и 12 овса. В заоцких городах в середине столетия стрелецкие пятидесятники получали в год по 4 руб., десятники – по 3 руб. 50 коп., рядовые – по 3 руб., а годовое хлебное жалованье у них составляло, соответственно, по 7, 6 с половиной и 6 четвертей ржи. Однако в целом на южной

окраине такие формы государственного обеспечения допускались лишь для сравнительно небольшого круга служилых. Примечательно, что большинство стрельцов, получавших в южнорусских городах постоянное денежное и натуральное довольствие, являлись московскими «сведенцами», переведёнными туда после Смуты «на вечное житьё» с сохранением прежнего порядка снабжения. Основным же видом «государева жалованья» в регионе являлись земельные наделы. Их порою давали вместо хлебного жалованья при сохранении (пусть и небольших) денежных окладов, как это, например, было у казаков Севска, которые в 1630 г. в дополнение к «земельному жалованью» получали ещё и деньги: пятидесятники – по 3 руб. 25 коп., десятники – 2 руб. 75 коп., рядовые – 2 руб. 50 коп. Аналогичным образом обстояло дело и с беломестными казаками юга Сибири: вначале помимо освобождения от налогов им полагалось и денежное вознаграждение в размере от 4 до 4 руб. 50 коп. в год, а также соль (по 1,75 пуда), но позднее и их перевели полностью на службу «с пашни» [Александров 1947, с. 209, 232, Чернов 1954, с. 130, Пузанов 2010, с. 320, 323, Горбачёв 2013, с. 18–19, Евдокимов 2015, с. 32–33].

«Экономное» московское правительство пыталось распространить подобную практику и на некоторые центральные районы. Например, во Владимире стрельцам вместо хлебного жалованья были даны «земля и сенные покосы», вместо денежного – «лавочные места» (которые они, как порою и земельные угодья, сдавали в наём), а также «суслиной и квасной промысел» [Тихонравов 1857, с. 78–79]. Но такая «экономия» далеко не всегда себя оправдывала. Так, в Васильсурске не получавшие жалованья стрельцы однажды попросту «розбрелись», и в итоге оказалось некому «оберечь» даже «таможенную и кружечного двора казну» [Бакланова 1952, с. 286].

На южной и юго-восточной окраинах таких проблем, кажется, не возникло: плодородие и немалые, по представлениям даже того времени, размеры выделяемых в качестве «государева жалованья» земельных участков примиряли большинство стрельцов и казаков с условиями их службы.

Нормы наделения приборных людей землёй, не были, конечно, одинаковыми во всех регионах и зависели, кроме того, от принадлежности к той или иной категории и места в её «чиновной» иерархии. Так, на южной окраине казакам обычно полагалось отводить «в поле, а в дву потому ж» по 10–15 десятин, стрельцам – по 4–5, пушкарям – по 6; на юго-востоке (под Саранском) казаки получали: рядовые – по 10, десятники – по 15, а пятидесятники – по 20 десятин «в поле...»; беломестным казакам Тобольского уезда предоставлялись наделы в 6 с половиной десятин в одном поле и т. д. То есть общий (« в трёх полях») размер участка, официально отводимого приборному служилому в качестве «государева жалованья», мог колебаться от 12 до 60 десятин (при самом распространённом наделе в 20–30 десятин).

Однако на ранних этапах колонизации степных «украин» эти нормы практического значения чаще всего не имели: ещё в середине XVII в. была типичной ситуация, когда служилые «землёй владеют и пашут, сколько кому вмочь», а распахать они были в состоянии обычно не более 10% отведённых им наделов. Надо также отметить особый характер этого землевладения: в отличие от большинства служилых «по отечеству», приборным

служилым земля отводилась, как правило, не индивидуально, а на всю группу – «по одной грамоте» и «в общей меже», что определяло крестьянский характер их землепользования. А пастбища и сенокосы находились в общей собственности не только у приборных служилых, но часто и у детей боярских [Миклашевский 1894, с. 76, 77, 173, Очерки истории 1955, с. 38, 51, 142, Устюгов 1974, с. 145, Самгина 1967, с. 272, Загоровский 1969, с. 30, 35, Важинский 1976, с. 30, Кадерова 2013, с. 87, Пузанов 2010, с. 320].

Хозяйства приборных служилых сближал с крестьянскими и их трудовой характер. Казаки, стрельцы и пушкарники могли, конечно, пользоваться услугами наёмных работников и использовать труд зависимых людей («бобылей», «дворников», «половников» и др.), а некоторые имели и холопов, однако основная масса приборного населения жила собственным трудом. Наём работника на колонизуемых окраинах был слишком дорог и для большинства служилых недоступен (например, в Западной Сибири в 1640-х гг. он обходился в 8–10 руб. «на лето» – больше годового оклада конного казака). Это порой вынуждена была учитывать и центральная администрация, предписывавшая воеводам следить за сохранением рабочих рук в хозяйствах служилых людей, несмотря на большой соблазн верстать (в соответствии со спускаемыми сверху же указами) на «убылые места» в гарнизонах в первую очередь родственников выбывших [Александров 1947, с. 144–145, 185, Никитин 1988, с. 163, Рошупкин 2016, с. 190–193].

***

Естественен вопрос: чьё положение, в глазах современников, было предпочтительнее – тех, кто на постоянной основе получал денежное и натуральное довольствие, или тех, кто служил «с земли»? На первый взгляд кажется, что первые из них материально обеспечивались лучше: недовольство стрельцов и казаков нередко случавшимся переводом с казенного содержания на службу «с пашни» – явление хорошо известное. Однако здесь следует учитывать несколько факторов и прежде всего – временной.

«Государево жалованье» в Московском государстве выплачивались более-менее регулярно лишь с начала 1620-х гг. до денежной реформы 1654 г. Последующий за ней финансовый кризис положил этому относительному благополучию конец, и с 1660-х гг. государственное обеспечение служилых людей вплоть до конца столетия проходило с большими перебоями: жалованье подолгу задерживалось, деньги часто заменяли «товарами» (в основном различными тканями), и в особенно тяжёлом положении оказывались дальние гарнизоны. Но и в период относительного финансового благополучия страны у «жалованных людей» возникало немало проблем.

При недостатке хлеба в некоторых городах нередко происходила замена хлебного жалованья деньгами (по «указной» или же местной «торговой» цене) [Марголин 1953, с. 66, Евдокимов 2015, с. 33]. Во всех гарнизонах годовые оклады крайне редко выдавались единовременно: они, как правило, выплачивались частями (обычно в 2–3 приёма), а их самые распространённые размеры, по свидетельствам самих служилых и подсчётам исследователей, могли обеспечить прожиточный минимум не более двух человек, так

что людям «семьянистым» жалованья не хватало даже при условии его регулярной выплаты, и они вынуждены были постоянно искать дополнительные источники существования. А находить их было непросто уже потому хотя бы, что находившихся на казённом довольствии отправляли в «дальние посылки» гораздо чаще, чем тех, кто служил «с пашни» [Александров 1947, с. 232, Калинычев 1954, с. 122, Голикова 1982, с. 55–56, Никитин 1988, с. 118–121, 123–125, 137–138, Соколовский 2004, с. 143–144, Волков 2004, с. 312].

Служилым, не обременённым семейными заботами, прожить на одно лишь жалованье было, конечно, легче – им и о крыше над головой меньше приходилось заботиться, поскольку расселяли их обычно по чужим подворьям или в своеобразных «мини-казармах», часто обустроенных в полых стенах («городнях») «рубленых» городов. Однако численно холостяки какое-то время преобладали лишь в недавно сформированных гарнизонах колонизируемых окраин. Даже в Сибири, где нехватка женщин долгое время создавала переселенцам немало проблем, уже к середине XVII в. холостяки в большинстве городов составляли не более 30–40% личного состава гарнизонов, да и то в основном в пеших подразделениях, комплектуемых наиболее молодым и наименее «прожиточным» контингентом [Никитин 1988, с. 138, Барахович 2016b, с. 77–78, Вершинин 2018, с. 316–317].

Материальное положение служилых всех категорий до известной степени облегчало всякого рода экстраординарные выплаты. Например, на «дворовое строение» выдавали в зависимости от времени и региона от 1 до 10 руб. (но чаще – по 5 руб.), «на лошадь к пашне» – 1,5 руб. В качестве награды за боевые заслуги полагалось за «явственный бой» – полтина, за убитых или пленённых «мужиков» – рубль, а в качестве компенсации за ранения 1–2, реже 5 руб. Служилые, приезжавшие «со всякого великого государя дела» из провинциальных городов в Москву, получали «подённый корм» и определённую сумму (в зависимости от города и «чина») за сам «приезд» («выход»). Отправлявшимся с какими-то важными поручениями могли выдать деньги «на подводы и гребцов», а задействованным на некоторых строительных работах – «на подённый корм» и т. д. Однако в силу самого характера всех этих выплат они не являлись ни регулярными, ни частыми [Родиславский 1850, с. 28, Шпаковский 1898, с. 136, Александров 1947, с. 148–149, Марголин 1953, с. 67–68, Голикова 1982, с. 55, Никитин 1988, с. 128–130, Волков 2004, с. 235–236, 248, Романов 2004, с. 58, 83].

Дополнительным жалованьем могла быть и выдача сукна, но на постоянной основе она осуществлялась лишь в Москве, что позволяло каждому «приказу» столичных стрельцов иметь особый цвет парадных кафтанов (повседневные, сермяжные, были серыми или коричневыми). В провинциальных гарнизонах не отмечается наличия какой-либо форменной (сшитой «по образцу») одежды, хотя на всякого рода торжественных церемониях служилым постоянно предписывается быть «в цветном платье», а также существовали определённые представления о том, какая одежда приличествует им при появлении в присутственном месте, и бытовало выражение «стрелецкое платье». Приборное войско обеспечивалось за счёт «казны» однотипным огнестрельным оружием (порой, правда, вместо пищалей и «самопалов» выдавались лишь денежная сумма на их приобретение), а на время

боевых действий и боеприпасами (для тренировочных стрельб служилые, как правило, должны были приобретать «зелье» за свой счёт). Холодное оружие типа копий и бердышей у приборных служилых тоже чаще всего бывало «государевым»; из «казны» могли выдавать (при наличии) во временное пользование и доспехи [Марголин 1948, Марголин 1953, с. 86, 89, Очерки культуры 1979, с. 260, Никитин 1996, с. 75–76, Волков 2004, с. 240, Романов 2004, с. 51–52, Леонтьева 2012, с. 67–68, Багрин 2013, с. 78–138, Рошупкин 2016, с. 206–212, Самойлов 2017, с. 29].

Достойна быть отмеченной ещё одна сторона отношения власти к приборным служилым – забота о тех из них, кто, будучи отставлен по состоянию здоровья, не имел средств к существованию. Имеются сведения об определении таких ветеранов «до веку живота их» в монастыри, причём порой – с фиксированными суммами расходов обители на содержание. С монастырями, тяготившимися этой обузой, могли договариваться о том, чтобы они опекали отставных служилых «дистанционно», выделяя оставшимся жить в своих домах определённые средства «на прокорм» (например, по 1 руб. 30 алтын и по 6 четвертей хлеба в год). Отставленные из-за немочей служилые устраивались также в специальные богадельни, где находились на казённом довольствии. «Штат» таких заведений был, правда, ограничен и невелик, а его содержание обходилось «казне» не слишком дорого (например, в тобольской богадельне жили не более 12 человек, каждому из которых полагалось в год в качестве «жалованья» по 2 четверти ржи и 0,25 пуда соли). Некоторая забота проявлялась и по отношению к вдовам служилых: им разрешалось по-прежнему жить в «казённых» дворах своих слобод, до середины XVII в. обычно выплачивалось не полученное покойными мужьями жалованье; правда, позднее выдавались лишь деньги на похороны мужей (обычно от полтины до рубля) [Беляев 1846, с. 48, Исторический очерк 1863, с. 374–375, 387–388, Шпаковский 1898, с. 144–145, Никитин 1988, с. 127–128, Никитин 1991, с. 50–51, Никитин 2001, с. 69, Романов 2004, с. 58, 91].

Хозяйственные занятия приборных служилых

Какие бы меры ни предпринимала власть для материального обеспечения приборного войска, оно не могло обойтись без дополнительных «государево жалованье» источников существования. Самым простым и доступным из них приборные служилые находили в приусадебном хозяйстве, устраивая при своих дворах огороды, разводя домашний скот и птицу. На колонизируемых окраинах важным подспорьем являлись также «рыбный промысел», охота, а местами и бортничество. В городах, расположенных на столь оживлённой водной магистрали, как Волга, широкое распространение получил наём служилых на различные судовые работы. Если позволяли климатические условия и военно-политическая обстановка, то казаки и стрельцы, даже получая на постоянной основе хлебное жалованье, нередко заводили собственную пашню. Разъезжая по стране с различными поручениями, служилые имели возможность закупать пользующиеся повышенным спросом товары в одном месте и перепродавать в другом, поэтому торговля являлась для приборных людей одним из довольно распространённых «промыслов».

Однако для многих из них она приобретала характер постоянной деятельности, показателем чего являлись принадлежавшие им лавки и прочие торговые места, фиксируемые в переписных и дозорных книгах русских городов. Наиболее состоятельные и оборотистые торговцы из числа служилых нередко брали различные откупа (на бани, кабаки, водопой, сборы с рыбных, соляных промыслов и т. д.), тем самым существенно приумножая своё состояние. Среди приборных служилых, наконец, постоянно упоминаются ремесленники – каменщики, кирпичники, плотники, оконничники, кузнецы, котельники, серебряники, коновалы, мясники, свечники, кожевники, хомутники, седельники, сапожники, портные, шапошники, хлебники, пирожники, калашники, квасники и др. Некоторые служилые владели довольно крупными мастерскими, где использовали труд не только членов семьи, но и учеников, а также зависимых и наёмных людей [Веселовский 1910, с. 5–6, Белоцерковский 1914, с. 85–115, Шунков, 1939, Степанов 1939, с. 102, Александров 1947, с. 295, Загоровский 1969, с. 39, Буганов 1969, с. 74–75, Голикова 1982, с. 58–79, Дёмкин 1984, с. 151–152, Романов 2004, с. 76–77].

Правительство не просто мирилось с побочными занятиями своей вооружённой опоры: оно стремилось извлечь из них максимальную выгоду для «казны». Так, в Сибири после 1623 г. за каждую десятину «в поле» пашни из оклада служилого человека стали вычитать определённую часть хлебного жалованья (в каждом уезде разную), в результате многие служилые вообще лишались этого вида довольствия, некоторые же, если размер их пашни превышал установленные нормы, должны были ещё платить «выдельный хлеб» – десятую или пятую часть урожая. Ближе к западному пограничью в 1647–1648 гг. приборных людей лишали хлебного жалованья за «промыслы», а после 1649 г. их наиболее успешных хозяев переводили в посад [Зернин 1860, с. 26–27, Лаппо-Данилевский 1890, с. 51, Тихомиров 1969, с. 42, Александров 1947, с. 291, Смирнов 1947, с. 196–197, Смирнов 1948, с. 625–626, Чистякова 1975, с. 111, Никитин 1988, с. 149, Леонтьева 2012, с. 112–113, 116].

Такие меры на какое-то время снижали, но не останавливали хозяйственную активность служилого населения. И главным её итогом стали впечатляющие успехи России в освоении своих южных и восточных окраин. Именно служилые люди являлись там пионерами земледелия и играли важную роль в развитии сельскохозяйственного производства вплоть до конца XVII столетия. Весьма заметным был их вклад в развитие ремесла и торговли колонизируемых регионов: служилое население обычно занимало в этих сферах экономики наиболее сильные или равные с посадскими людьми позиции [Александров 1947, с. 75–76, Важинский 1963, с. 116–117, Загоровский 1969, с. 35, Никитин 1980; Голикова 1982, с. 82, Леонтьева 1984].

Торгово-ремесленная деятельность служилых «по прибору» давно попала в поле зрения исследователей, и в литературе получило широкое распространение мнение, согласно которому эта категория городского населения «по характеру своих повседневных занятий ремеслом и торговлей» практически ничем не отличалась от посадских людей, а стрелец или пушкарь был настолько же воин, насколько ремесленник и торговец. Расхождения между сторонниками этой точки зрения касались, главным образом, вопроса

о том, являлись ли приборные служилые врагами-конкурентами посадских людей (П.П. Смирнов) или же их союзниками в противостоянии с властями (А.И. Заозёрский, М.Н. Тихомиров) [Бобровский 1882, с. 27, Заозёрский 1937, с. 295, Богоявленский 1941, с. 181–182, Тихомиров 1969, с. 41, 141, Смирнов 1948, с. 625, Белов 1981, с. 6–7, Романов 2004, с. 35].

Однако более внимательное изучения вопроса о побочных занятиях служилых, предпринятое с привлечением источников статистического характера (дозорных и писцовых книг, «сказок» о «торгах и промыслах», «сборных книг десятой деньги») привело исследователей к выводу о необходимости ограничить представление о приборных людях как о постоянно торгующей и «промышляющей» категории населения. Оказалось, что даже в экономически развитых и относительно безопасных в военно-политическом отношении городах в «торги и промыслы» обычно было вовлечено не более 25–30% служилых. Причины их сравнительно низкой торгово-промышленной активности усматриваются в общей экономической неустойчивости и сравнительной узости рынка в Московском государстве, конкуренцией иногородних купцов, а главное – в сильной загруженности приборных людей «службами», откупаться от которых через взятки или выставление «наёмщиков» были в состоянии немногие. У большинства же какая-нибудь «дальняя посылка» могла надолго нарушить связь с торгом или заказчиком, так что им для улучшения своего материального положения чаще всего приходилось ограничиваться спорадическими приработками, включая замену (за соответствующее вознаграждение) своих более состоятельных сослуживцев «на караулах» и «в посылках» [Александров 1947, с. 327–328, 369–370, Марголин 1953, с. 74, 77–78, 88, Важинский 1963, с. 117–118, 140, Никитин 1990].

В аналогичной ситуации оказывались и те, кто в поисках дополнительных источников существования обращались к хлебопашеству. Поэтому даже в южных районах Сибири при всех перебоях с жалованьем большинство казаков и стрельцов в XVII в. так и не обзавелось собственными пашнями. И существенный вклад служилых людей в хозяйственное освоение окраин объясняется не их поголовным участием в торговле, ремесленном производстве и земледелии, а относительной малочисленностью посадского и крестьянского населения этих регионов, и по мере того как оно росло, падала и роль «военно-служилого элемента» в их экономической жизни. Но процесс этот развернулся в полной мере главным образом уже в следующем столетии.

О месте приборных служилых в социальной структуре Московского государства

В свете вышеизложенного не решается однозначно и вопрос о месте приборных служилых в социальной структуре российского общества. Общим местом в историографии давно уже стало мнение об их промежуточном положении по отношению к служилым по отечеству и тяглым слоям и о том, что к последним они в массе своей были ближе, чем к первым [Павлов-Сильванский 1909, с. 197, Александров 1947, с. 284, История Москвы 1952, с. 577–578, Голикова 1982, с. 37, Скобелкин 1986, с. 20, Покровский

1989, с. 4]. Однако с попытками конкретизировать эти сопоставления возникают определённые трудности. Не вызывает сомнений лишь утверждение о близости к крестьянству тех приборных людей, которые служили «с пашни». Что же касается остальных, то сходство их по социально-экономическому положению с посадским населением нельзя обосновывать утверждениями о «повседневных» занятиях ремеслом и торговлей: во-первых, в отношении большинства служилых это не соответствует действительности (см. выше), а во-вторых, сами посадские люди во многих городах Московского государства жили главным образом неквалифицированной работой по найму и хлебопашеством [Бакланова 1952, с. 285, Емельянов 1980, с. 114–122].

Диапазон побочных занятий приборных людей был слишком велик для сближения с какой-то одной категорией населения Московского государства: одни их группы были в этом отношении близки к крестьянам, другие – к посадским, третьи – к «промышленным» или «гулящим» людям, а часть не походила ни на кого из них. Но всех служилых по прибору объединяла одна черта: чем бы им ни приходилось заниматься в свободное время, они всё равно считали себя прежде всего воинами [Горбачёв 2013], поэтому крайне неудачными выглядят попытки представить их в ином качестве – например как специфических представителей крестьянского населения [История СССР 1966, с. 348].

Будучи сформированным в своё время в дополнение к дворянскому ополчению, приборное войско получило некоторые льготы и привилегии, сближавшие его с низшими слоями господствующего класса. О социальном статусе приборных служилых можно судить по такому показателю, как официально установленные суммы за их вызволение из плена. Если дворяне выкупались «казной» по особой цене (в зависимости от поместного оклада), то за московских стрельцов полагалось по 40 руб. за человека, за городских стрельцов и казаков – по 25 руб., за посадских людей – по 20 руб., за крестьян и холопов – по 15 [Очерки культуры 1979, с. 262].

Приборные служилые имели право владеть зависимыми людьми, в том числе холопами, но его реализация не получила массового распространения, и хозяйства абсолютного большинства городских казаков, стрельцов и пушкарей держались лишь на их семейном труде. В отношении этого права они принципиально не отличались от других категорий свободного населения Московского государства: те же «половники», «захребетники» и даже холопы встречались (пусть и реже) и у посадских людей, и у зажиточных крестьян [Очерки истории 1955, с. 185–186, Крестьянство Сибири 1982, с. 404, Никитин 1988, с. 159–163, Леонтьева 2012, с. 149–150, Барахович 2016b, с. 307–308].

Приборные служилые освобождались от основных податей, а также от судебных пошлин (на иски не более 12 руб.), от печатных пошлин (с жалобами друг на друга), могли торговать бестаможенно и беспошлинно на сумму до одного рубля (а в некоторых городах – и до двух) и т. д. Однако с середины XVII в. льготы эти начали урезаться, торговые места и помещения, мельницы, а местами и рыбные ловли у служилых стали облагать оброком, на служилых южной окраины возложили новые натуральные (хлебные) налоги, и фактически повсеместно приборные люди стали платить

(хотя и по уменьшенной норме) прямой налог – «полоняничные деньги», не говоря уже о всякого рода чрезвычайных налогах и сборах [Александров 1947, с. 352–353, Чернов 1954, с. 129–130, Копылов 1961, с. 338–339, Буганов 1969, с. 74–75, Загоровский 1969, с. 246–248, Голикова 1982, с. 56–58, Романов 2004, с. 77, Евдокимов 2015, с. 35].

Приборное войско никогда не было социально однородным. С одной стороны, существовали привилегированный столичный, с другой – провинциальные гарнизоны, а «чиновная» иерархия внутри самих гарнизонов тоже предполагала существенные различия в формах и порядке государственного обеспечения тех или иных категорий служилых людей, прямо отражавшиеся на их материальном положении. На нём, кроме того, сказывалось и внутреннее разделение гарнизонов на группы, сильно различавшиеся по характеру и масштабам своих «побочных», хозяйственных занятий. Однако при всём том до конца столетия общие, корпоративные интересы приборного войска являлись для него приоритетными и в кризисных ситуациях чаще всего брали верх над групповыми.

Вместе с тем в ходе неуклонно развивавшегося в Московском государстве и давно замеченного исследователями процесса «отвердения сословий» приборные служилые всё больше отдалялись от служилых «по отечеству» и в конце концов в большинстве своём фактически слились с теми слоями тяглого населения, к которым были близки в различных районах страны. Процесс этот протекал неровно, его интенсивность зависела прежде всего от региона (за Уралом он вообще растянулся на столетия), но был абсолютно закономерным, являясь наглядным примером судьбы промежуточных социальных групп в феодальном обществе.

Литература

1. Азнабаев 1999 – Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1999. 324 с.
2. Акишин 1996 – Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с.
3. Александров 1947 – Александров В.А. Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в.: дис. ...канд. ист. наук. М., 1947. 372 с.
4. Александров 1957 – Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. //Исторические записки. 1957. Т.59. С. 254–309.
5. Александров 1967 – Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. //Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова /Редколлегия: В.А. Александров и др. М.: Наука, 1967. С. 235–250.
6. Александров, Покровский 1991 – Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука СО, 1991. 401 с.
7. Багалеи 1887 – Багалеи Д.И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Изд. Императорского о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1887. 614 с.
8. Багрин 2013 – *Багрин Е.А.* Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.
9. Бакланова 1952 – Бакланова Н.А. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в. //Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 283–287
10. Барахович 2014 – Барахович П.Н. Казачьи головы в Центральной Сибири XVII – начала XVIII столетия (Енисейск, Красноярск) //Вестник Красноярского гос. пед. ун-та. 2014. № 4. С. 151–158.
11. Барахович 2016а – Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2016. 29 с.
12. Барахович 2016б – Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.
13. Бахрушин 1954 – Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. 380 с.
14. Бахрушин 1959 – Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 4. 258 с.
15. Бахтов 2020 – Бахтов В.В. Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера //Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2. С. 69–91.
16. Белов 1981 – Белов М.И. Тазовские стрельцы// Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2. С. 6–7.
17. Белоцерковский 1914 – Белоцерковский Г.М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев: Б. и., 1914. 164 с.
18. Беляев 1846 – Беляев И. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Университетская тип., 1846. 120 с.
19. Бобровский 1882 – Бобровский П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1882. 43 с.
20. Богоявленский 1941 – Богоявленский С.К. Хованщина //Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 180–221.

21. Бояршинова 1950 – Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. //Труды Томского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
22. Бродников 2019 – Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века. Новосибирск: Б.и., 2019. 382 с.
23. Буганов 1969 – Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с.
24. Важинский 1963 – Важинский В.М. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века //Учёные записки Кемеровского пед. ин-та. Кафедра истории. Кемерово, 1963. № 5. С. 102–141.
25. Важинский 1976 – Важинский В.М. Мелкое служилое землевладение однодворческого типа в XVII веке (по материалам южных уездов России): автореф. дис. ...докт. ист наук. М., 1976. 40 с.
26. Вейнберг 1886 – Вейнберг Л.Б. Город Воронеж (Исторический очерк) // Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1886. Т. 1. С. 79–223.
27. Вершинин 1998 – Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
28. Вершинин 2018 – Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018, 504 с.
29. Веселовский 1910 – Веселовский С.Б. Посадская соха в первой половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 5. С. 1–42.
30. Волков 2004 – Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.).М.: Эксмо, 2004. 572 с.
31. Воронин 1961 – Воронин И.Д. Саранск (Историко-документальные очерки). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 268 с.
32. Глазьев 1987 – Глазьев В.Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке //История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Сб. статей. /Отв. ред. В.П. Загоровский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 23–33.
33. Глазьев 1998 – Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. //Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж: Истоки, 1998. С. 88–96.
34. Глазьев 2007 – Глазьев В.Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2007. 166 с.
35. Голикова 1982 – Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. 216 с.
36. Горбачёв 2013 – Горбачёв В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.: автореф. ...дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2013. 23 с.
37. Градовский 1899 – Градовский А.Д. Собрание сочинений.. Т. 2. История местного управления в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 492 с.
38. Дахнович 1912 – Дахнович А. Нижний Новгород в первой половине XVII в. по писцовой книге (Население и подати с населения). [Н. Новгород]: Б. и., 1912. 38 с.
39. Дёмкин 1984 – Дёмкин А.В. Откупа как форма накопления капитала в России XVII в. //Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР С.В. Бахрушина / Отв. ред А.А. Преображенский. М.: Наука, 1984. С. 149–156.
40. Дубман 2013 – Дубман Э.Л. Служилые люди Южного Средневожья в конце XVI–XVII вв. //Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2013. № 8–2 (109). С. 13–25.

41. Дудина 2014 – Дудина О.В. Служилые люди Белгородского разряда (по материалам разбора 1697 года) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: история, политология, социология. 2014. № 2. С. 42–47.
42. Евдокимов 2015 – Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 26–42/
43. Евдокимов 2016 – Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки в 30–50-е гг. XVII в. // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 144–149.
44. Евдокимов 2018 – Евдокимов Р.Н. Численность, состав и организация служилых казаков в Московском царстве в первой половине XVII в. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения). Ростов н/Д: Альтаир, 2018. С. 74–88.
45. Евдокимов, Юрченко 2019 – Евдокимов Р.Н., Юрченко И.Ю. Социально-правовые аспекты применения термина «казаки» в Московском царстве (на примере источников первой половины XVII в.) // Войны и воинские традиции в культурах народов Юга России (VIII Токаревские чтения). Ростов н/Д: Альтаир, 2019. С. 53–58.
46. Емельянов 1980 – Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия, повинности). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 251 с.
47. Загоровский 1969 – Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
48. Заозёрский 1917 – Заозёрский А.И. Царь Алексей Михайлович в своём хозяйстве. Пг.: Б.и, 1917. 352 с.
49. Заозёрский 1937 – Заозёрский А.И. Царская вотчина XVII в. (Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича). М.: Соцэкгиз, 1937. 305 с.
50. Зернин 1860 – Зернин А. О смутах, бывших в начале царствования Алексея Михайловича // Библиотека для чтения. СПб., 1860. Декабрь. С. 1–34.
51. Ивонин 1996 – Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та, 1996. 226 с.
52. Исторический очерк 1863 – Исторический очерк призрения отставных военных чинов в России с XIV до конца XVII века // Военный сборник. 1863. № 12. С. 315–390.
53. История Москвы 1952 – История Москвы: в 6 томах. Т. 1. Период феодализма / Ред.: С.В. Бахрушин и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 777 с.
54. История СССР 1966 – История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2 сериях, в 12 томах. Первая серия. Т. 2 / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 631 с. 1966.
55. Кадерова 2013 – Кадерова Т.Н. Служилые люди по «прибору» на Атемаро-Саранской засечной черте в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 6. Ч. 1. С. 85–88.
56. Калинычев 1954 – Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М.: Госюриздат, 1954. 171 с.
57. Каменецкий 2005 – Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Типография ИП Долгов Р.Н., 2005. 340 с.
58. Каранлыкова 2006 – Каранлыкова Л.Л. К проблеме формирования служилого казачества в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2006. № 4. С. 8–10.
59. Копылов 1961 – Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической,

политической и культурной жизни. Сб. статей / Редколлегия: Н.В. Устюгов и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 330–370.

60. Крестьянство Сибири 1982 – Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука СО, 1982. 504 с.

61. Лаппо-Данилевский 1890 – Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 579 с.

62. Лаптева 2003 – Лаптева Т.А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий) //Отечественная история. 2003. № 5. С. 81–96.

63. Леонтьева 1984 – Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII – первой четверти XVIII в. (историография) //Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. /Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск, 1984. С. 100–124.

64. Леонтьева 2012 – Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: [СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова], 2012. 321 с.

65. Марголин 1948 – Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска //Труды Государственного исторического музея. М., 1948. Вып. 20 (Военно-исторический сборник). С. 85–102

66. Марголин 1953 – Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. //Учёные записки Московского обл. пед. ин-та. М., 1953. Т. 27. Труды кафедры истории СССР. Вып. 2. С. 63–95.

67. Мерцалов 1885 – Мерцалов А.Е. Очерк г. Вологды по писцовой книге 1627 г. // Вологодский сборник, издаваемый при Вологодском губернском статистическом комитете. Вологда: Тип. Волог. губ. правл., 1885. Т. 5. С. 40–90.

68. Миклашевский 1894 – Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1894. 310 с.

69. Москва 1910 – Москва в её прошлом и настоящем. М.: Моск. книгоизд. Тов-во «Образование», 1910. Т. 4. Ч. 2. 124 с.

70. Никитин 1980 – Никитин Н.И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке //История СССР. 1980. № 2. С. 167–173.

71. Никитин 1987 – Никитин Н.И. О практике управления сибирскими гарнизонами в XVII в. //Торговля, промышленность и город в России XVII – начала XIX в. Сб. статей /Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1987. С. 103–115.

72. Никитин 1988 – Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука СО, 1988. 255 с.

73. Никитин 1990 – Никитин Н.И. К вопросу о социальной природе приборного войска //История СССР. 1990. № 2. С. 44–59.

74. Никитин 1991 – Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. //Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей /Отв. ред. Н.А. Горская. М., 1991. С. 47–73.

75. Никитин 1996 – Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. 95 с.

76. Никитин 1998 – Никитин Н.И. Землепроходец Дежнёв и его время. М.: РОССПЭН, 1998. 190 с.

77. Никитин 2001 – Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» //Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Т. Шашков. Екатеринбург: ИПМП «Волот», 2001. С. 51–86.

78. Оглоблин 1884 – Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII – начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М.: Тип. Л.Ф. Снегирёва, 1884. 370 с.
79. Оглоблин 1904 – Оглоблин Н. Бытовые черты начала XVIII века //Чтения в ОИДР. 1904. Кн. 1. Смесь. С. 1–21.
80. Окладников 1937 – Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое изд-во. Ленинградское отделение, 1937. 424 с.
81. Очерки истории 1955 – Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
82. Очерки культуры 1979 – Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй /Под ред. А.В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1979. 352 С.
83. Павлов-Сильванский 1909 – Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 336 с.
84. Перетяткович 1882 – Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип.
85. Покровский 1989 – Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука СО, 1989. 388 с.
86. Преображенский 1972 – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
87. Пузанов 2010 – Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб.: Алетей, 2010. 432 с.
88. Пучина 2015 – Пучина Т.А. Система чинопроизводства «начальных людей» служилых казаков в городах Белгородского разряда в XVII веке //Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2015. № 3. С. 14–20.
89. Пучина 2018 – Пучина Т.А. Особенности процессов законодательного оформления службы и социального статуса казаков-помещиков в XVI–XVII вв. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 2. С. 50–54.
90. Пясецкий 1893 – Пясецкий Г. Исторические очерки города Ливен и его уезда //Труды Орловской учёной и архивной комиссии. Орёл: Тип. С.А. Зайцевой, 1893. Вып. 3–5. 190 с.
91. Рабинович 1953 – Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1953. 13 с.
92. Рабинович 1956 – Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 273–305.
93. Резун 1984 – Резун Д.Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука СО, 1984. 196 с.
94. Родиславский 1850 – Родиславский В. Стрельцы //Московитянин, 1850. № 1. С. 15–40.
95. Романов 2004 – Романов М.Ю. Стрельцы московские. М.: Б. и., 2004. 352 с.
96. Рошупкин 2016 – Рошупкин А.Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI – первой половине XVII вв.: дис. ...канд. ист. наук. Елец, 2016. 282 с.
97. Русская военная сила 1892 – Русская военная сила: история развития военного дела от начала Руси до нашего времени. 2-е изд. /Под ред. А.Н. Петрова. М.: И.Н. Кушнерёв и А.Е. Пирогов, 1892. Т. 1. 422 с.

98. Самгина 1967 – Самгина Е.И. Служилое землевладение и землепользование в Черном уезде в первой половине XVII в. //Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М.Н. Тихомирова /Редколлегия: В.А. Александров и др. М.: Наука, 1967. С. 264–275.

99. Самойлов 2017 – Самойлов А.А. Вооружённые силы России во второй половине XVI – первой половине XVII ст.: организация, структура, социальный состав, боевое снаряжение. Магистерская диссертация. Минск, 2017. 78 с.

100. Сафронов 1978 – Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. (управление, служилые люди, крестьяне, городское население). М.: Наука, 1978. 259 с.

101. Сергеевич 1905 – Сергеевич В.И. Военные силы Московского государства [XV–XVII вв.]. СПб.: Сенат. Тип., 1905. 68 с.

102. Сергеевский 1887 – Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб.: А.Ф. Цинзерлинг, 1887. 300 с.

103. Скобелкин 1986 – Скобелкин О.В. Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1986. 24 с.

104. Скобелкин 1987 – Скобелкин О.В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века //История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Сб. статей. /Отв. ред. В.П. Загоровский. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 46–56.

105. Смирнов 1917 – Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. . Киев: тип. А.И. Гроссман, 1917. Т. 1. Вып. 1: Формы землевладения. 144 с.

106. Смирнов 1947 – Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л. : Акад. наук СССР, 1947. Т. 1. 490 с.

107. Смирнов 1948 – Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л. : Акад. наук СССР, 1948. Т. 2. 736 с.

108. Соколовский 2004 – Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Б. и., 2004. 212 с.

109. Степанов 1939 – Степанов И.В. Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в. //Учёные записки ЛГУ. № 48. Серия ист. наук. Вып. 5. Л., 1939. С. 80–142

110. Тверская 1959 – Тверская Д.И. Москва второй половины XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка. М.: Сов. Россия, 1959. 126 с.

111. Тихомиров 1969 – Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 444 с.

112. Тихонравов 1857 – Тихонравов К. Владимирская стрелецкая слобода // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. М.: Унив. Тип., 1857. С. 78–79.

113. Устрялов 1858 – Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб.: Тип II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 496 с.

114. Устюгов 1974 – Устюгов Н.В. Научное наследие. М.: Наука, 1974. 253 с.

115. Ушаков 1960 – Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583–1854). Мурманск: Б.и., 1960. 48 с.

116. Черменский 1913 – Черменский П. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. (К трёхсотлетию г. Лебедяни). 1613–1913. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1913. 104 с.

117. Чернов 1954 – Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.

118. Чистякова Е.В. 1975 Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. 248 с.
119. Чичерин 1856 – Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М.: Тип. Александра Семена, 1856. 592 с.
120. Шерстобоев 1957 – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1957. Т. 2. 673 с.
121. Шпаковский 1898 – Шпаковский Н.И. Стрельцы //Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 9. С. 135–149.
122. Шунков 1939 – Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1630–1640 гг. //Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 102–117.

References

1. Aznabaev, B.A. (1999), Ufimskoe dvoryanstvo v konce XVI – pervoj treti XVIII vv. Ufa: Bashkirskij gos. un-t.
2. Akishin, M.O. (1996), Policejskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epoha Petra Velikogo. Novosibirsk: Avtor.
3. Aleksandrov, V.A. (1947), Streleckoe vojsko na yuge Russkogo gosudarstva v XVII v., Moscow
4. Aleksandrov, V.A. (1957) Narodnye vosstaniya v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVII v. //Istoricheskie zapiski, no. 59.
5. Aleksandrov, V.A. (1967), Streleckoe naselenie yuzhnyh gorodov Rossii v XVII v. //Novoe o proshlom nashej strany. Pamyati akad. M.N. Tihomirova, Nauka.
6. Aleksandrov, V.A., Pokrovskij, N.N. (1991), Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v., Novosibirsk, Nauka SO.
7. Bagalej, D.I. (1887), Ocherki po istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva. M.: Izd. Imperatorskogo o-va istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom un-te.
8. Bagrin, E.A. (2013), Voennoe delo russkih na vostochnom pogranič'e Rossii v XVII v.: Taktika i vooruzhenie sluzhilyh lyudej v Pribajkal'e, Zabajkal'e i Priamur'e. SPb.: Nestor-Istorija. Baklanova, N.A. (1952), Torgi i promysly Vasil'surska v XVII v. //Istoricheskie zapiski. M.
9. Barahovich P.N. Kazach'i golovy v Central'noj Sibiri XVII – nachala XVIII stoletiya (Enisejsk, Krasnoyarsk) //Vestnik Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta. 2014. № 4. S. 151–158.
10. Barahovich, P.N. (2016a), Sluzhiloe naselenie Central'noj Sibiri v XVII stoletii (Enisejskij i Krasnoyarskij uezdy): avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Irkutsk.
11. Barahovich, P.N. (2016b), Sluzhiloe naselenie Central'noj Sibiri v XVII stoletii (Enisejskij i Krasnoyarskij uezdy): dis. ...kand. ist. nauk. Krasnoyarsk.
12. Bahrushin, S.V. (1954), Nauchnye trudy. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. T. 2.
13. Bahrushin, S.V. (1959), Nauchnye trudy. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. T. 4.
14. Bahtov, V.V. (2020), Istoriko-etnograficheskie paralleli russkogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya, r. Ural i starozhilov Russkogo Severa, *Voprosy istorii i kul'tury severnyh stran i territorij*, no 2.
15. Belov, M.I. (1981), Tazovskie strel'cy// Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. M.: Nauka.
16. Belocerkovskij, G.M. (1914), Tula i Tul'skij uezd v XVI i XVII vekah. Kiev.
17. Belyaev, I. (1846), O russkom vojske v carstvovanie Mihaila Fedorovicha i posle ego, do preobrazovaniy, sdelannyh Petrom Velikim. M.
18. Bobrovskij, P. (1882), Postoyannye vojska i sostoyanie voennogo prava v Rossii v XVII stoletii. M.

19. Bogoyavlenskij, S.K. (1941), Hovanshchina, *Istoricheskie zapiski*. M. no. 10.
20. Boyarshinova, Z.YA. (1950), Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII v., *Trudy Tomskogo gos. un-ta. Seriya istoriko-filologicheskaya*, Tomsk.
21. Brodnikov, A.A. (2019), Enisejsk i Enisejskij uezd (oчерki iz istorii XVII veka). Novosibirsk.
22. Buganov, V.I. (1969), Moskovskie vosstaniya konca XVII veka. Moscow, Nauka.
23. Vazhinskij, V.M. (1963), Razvitie rynochnyh svyazej v yuzhnyh russkikh uezdah vo vtoroj polovine XVII veka, *Uchenye zapiski Kemerovskogo ped. in-ta*, Kemerovo, no 5.
24. Vazhinskij, V.M. (1976), Melkoe sluzhiloe zemlevladienie odnodvorcheskogo tipa v XVII veke (po materialam yuzhnyh uezdov Rossii), Moscow.
25. Vejnberg, L.B. (1886), Gorod Voronezh (Istoricheskij oчерk), *Voronezhskij jubilejnyj sbornik v pamyat' trekhstotletiya g. Voronezha. Voronezh: Tipo-litografiya gubernskogo pravleniya*, T. 1.
26. Vershinin, E.V. (1998), Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek). Ekaterinburg.
27. Vershinin, E.V. (2018), Russkaya kolonizaciya Severo-Zapadnoj Sibiri v konce XVI–XVII vv. Ekaterinburg.
28. Veselovskij, S.B. (1910), Posadskaya soha v pervoj polovine XVII veka, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no5.
29. Volkov, V.A. (2004), Vojny i vojska Moskovskogo gosudarstva (konec XV – pervaya polovina XVII vv.), Eksmo, Moscow.
30. Voronin, I.D. (1961), Saransk (Istoriko-dokumental'nye oчерki). Saransk.
31. Glaz'ev, V.N. (1987), Voronezhskie strel'cy i ih rol' v ekonomicheskom razvitii kraja v XVII veke, Istorija zaseleniya i hozyajstvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epohu feodalizma, Voronezh.
32. Glaz'ev, V.N. (1987), Opora carskoj vlasti: strel'cy i ih nachal'niki v XVI v., *Rossijskaya monarhiya: voprosy istorii i teorii*, Istoki, Voronezh.
33. Glaz'ev, V.N. (2007), Voronezhskie voevody i ih okruzenie v XVI–XVII vekah, Voronezh.
34. Golikova, N.B. (1982), Oчерki po istorii gorodov Rossii konca XVII – nachala XVIII v., MGU, Moscow.
35. Gorbachev, V.I. (2013), Streleckoe vojsko ryazanskih i ukrainnyh gorodov Rossii 30–40-h gg. XVII v., Voronezh.
36. Gradovskij, A.D. (1899), Sobranie sochinenij.. T. 2. Istorija mestnogo upravleniya v Rossii. SPb.
37. Dahnovich, A. (1912), Nizhnij Novgorod v pervoj polovine XVII v. po piscovoj knige (Naselenie i podati s naseleniya), N. Novgorod.
38. Demkin, A.V. Otkupa kak forma nakopleniya kapitala v Rossii XVII v., *Problemy social'no-ekonomicheskoi istorii feodal'noj Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. AN SSSR S.V. Bahrushina*, Nauka, Moscow.
39. Dubman, E.L. (2013), Sluzhilye lyudi YUzhnogo Srednevolzh'ya v konce XVI–XVII vv., *Vestnik Samarskogo un-ta. Istorija, pedagogika, filologiya*, no. 8–2 (109).
40. Dudina, O.V. (2014), Sluzhilye lyudi Belgorodskogo razryada (po materialam razbora 1697 goda), *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya*, no.2. Evdokimov, R.N. (2015), Dneprovskie kazaki Tuly v pervoj polovine XVII stoletiya: osobaya gruppa sluzhilyh lyudej Moskovskogo gosudarstva, *Rossijskaya istoriya*, no. 5.
41. Evdokimov, R.N. (2016), Smolenskie kazaki v 30–50-e gg. XVII v., *Voprosy istorii*, no. 9.
42. Evdokimov, R.N. CHislennost', sostav i organizaciya sluzhilyh kazakov v Moskovskom carstve v pervoj polovine XVII v., *Vojna i voinskie tradicii v kul'turah narodov YUga Rossii (VII Tokarevskie chteniya)*, Al'tair, Rostov-on-Don.

43. Evdokimov, R.N., Yurchenko, I.Yu. (2019), Social'no-pravovye aspekty primeneniya termina «kazaki» v Moskovskom carstve (na primere istochnikov pervoj poloviny XVII v.), *Vojny i voinskie tradicii v kul'turah narodov YUga Rossii (VIII Tokarevskie chteniya)*, Al'tair, Rostov-on-Don.
44. Emel'yanov, N.F. (1980), Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyu epohu (Sostav, zanyatiya, povinnosti). Tomsk.
45. Zagorovskij, V.P. (1969), Belgorodskaya cherta. Voronezh.
46. Zaozerskij, A.I. (1917), Car' Aleksej Mihajlovich v svoem hozyajstve.
47. Zaozerskij, A.I. (1937), Carskaya votchina XVII v. (Iz istorii hozyajstvennoj i prikaznoj politiki carya Alekseya Mihajlovicha), Socekgiz, Moscow.
48. Zernin, A. (1860), O smutah, byvshih v nachale carstvovaniya Alekseya Mihajlovicha, *Biblioteka dlya chteniya*, SPb.
49. Ivonin, A.R. (1996), Gorodovoe kazachestvo Zapadnoj Sibiri v XVIII – pervoj chetverti XIX v. Barnaul.
50. Istoricheskij ocherk prizreniya otstavnyh voennyh chinov v Rossii s XIV do konca XVII veka (1863), *Voennyj sbornik*, no. 12.
51. Istoriya Moskvy: v 6 tomah. T. 1. Period feodalizma (1952), ed. S.V. Bahrushin, Izd-vo Akad. nauk SSSR, Moscow.
52. Istoriya SSSR (1966), Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei. V 2 seriyah, v 12 tomah. Pervaya seriya. T. 2, ed. M.N. Tihomirov, Nauka, Moscow.
53. Kaderova, T.N. (2013), Sluzhilye lyudi po «priboru» na Atemaro-Saranskoj zasechnoj cherte v XVII veke, *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, no. 6.
54. Kalinychev, F.I. (1954), Pravovye voprosy voinnoj organizacii Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVII v., Gosyurizdat, Moscow.
55. Kameneckij, I.P. (2005), Russkoe naselenie Kuzneckogo uezda v XVII – nachale XVIII vv. (Opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyah frontira YUzhnoj Sibiri), Omsk.
56. Karanlykova, L.L. (2006), K probleme formirovaniya sluzhilogo kazachestva v Rossii, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Istoriya*, no. 4.
57. Kopylov, A.N. (1961), Tamozhennaya politika v Sibiri v XVII v., *Russkoe gosudarstvo v XVII veke: Novye yavleniya v social'no-ekonomicheskoy, politicheskoy i kul'turnoj zhizni*, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow.
58. Krest'yanstvo Sibiri (1982), Krest'yanstvo Sibiri v epohu feodalizma, ed. A.P. Okladnikov. Nauka SO, Novosibirsk.
59. Lappo-Danilevskij, A. (1890), Organizaciya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epohi preobrazovaniy, SPb.
60. Lapteva, T.A. (2003), K voprosu o rasshirenii social'noj bazy dvoryanskogo sosloviya v XVII veke (poverstanie v deti boyarskie predstavitelej drugih soslovij), *Otechestvennaya istoriya*, no. 5.
61. Leont'eva, G.A. (1984), Rol' sluzhilyh lyudej v ekonomicheskom stanovlenii i razvitii sibirskogo goroda v XVII – pervoj chetverti XVIII v. (istoriografiya), *Istoriografiya gorodov Sibiri konca XVI – nachala XX v.*, Novosibirsk.
62. Leont'eva, G.A. (2012), Sluzhilye lyudi v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVII – pervoj chetverti XVIII vv. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov), Moscow.
63. Margolin, S.L. (1948), Vooruzhenie streleckogo vojska, *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, Issue 20, Moscow.
64. Margolin, S.L. (1953), K voprosu ob organizacii i social'nom sostave streleckogo vojska v XVII v., *Uchenye zapiski Moskovskogo obl. ped. in-ta*, Moscow, T. 27.
65. Mercalov, A.E. (1885), Ocherk g. Vologdy po piscovoj knige 1627 g., *Vologodskij sbornik, izdavaemyj pri Vologodskom gubernskom statisticheskom komitete*, Issue 5.

66. Miklashevskij, I.N. (1894), K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. CH. 1. Zaselenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj ukrainy XVII veka, Moscow.
67. Moskva (1910), Moskva v ee proshlom i nastoyashchem, T. 4, «Образование», Moscow.
68. Nikitin, N.I. (1980), Voennosluzhilye lyudi i osvoenie Sibiri v XVII veke, *Istoriya SSSR*, no.2.
69. Nikitin, N.I. (1987), O praktike upravleniya sibirskimi garnizonomi v XVII v., *Torgovlya, promyshlennost' i gorod v Rossii XVII – nachala XIX v. Sb. Statej*, A.A. Preobrazhenskij, Moscow.
70. Nikitin, N.I. (1988), Sluzhilye lyudi Zapadnoj Sibiri XVII v., Nauka SO, Novosibirsk.
71. Nikitin, N.I. (1990), K voprosu o social'noj prirode pribornogo vojska, *Istoriya SSSR*, no. 2.
72. Nikitin, N.I. (1991), Tobol'skaya «litva» v XVII v., *Gorod i gorozhane Rossii v XVII – pervoj polovine XIX v. Sb. statej*, ed. N.A. Gorskaya, Moscow.
73. Nikitin, N.I. (1996), Nachalo kazachestva Sibiri, Moscow.
74. Nikitin, N.I. (1998), Zemleprohodec Dezhnyov i ego vremya, ROSSPEN, Moscow.
75. Nikitin, N.I. (2001), Soratniki Ermaka posle «Sibirskogo vzyat'ya», *Problemy istorii Rossii*, Issue. 4, Evrazijskoe pogranič'e, IPMP «Volot», Ekaterinburg.
76. Ogloblin, N.N. (1884), Obozrenie istoriko-geograficheskikh materialov XVII – nachala XVIII v., zaklyuchayushchihsya v knigah Razryadnogo prikaza, Tip. L.F. Snegireva, Moscow.
77. Ogloblin, N. (1904), Bytovye cherty nachala XVIII veka, *CHteniya v OID*, b. 1.
78. Okladnikov, A.P. (1937), Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov, Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izd-vo. Leningradskoe otdelenie, Leningrad.
79. Ocherki istorii (1955), Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v., ed. A.A. Novosel'skogo i N.V. Ustyugova, Izd-vo AN SSSR, Moscow.
80. Ocherki kul'tury (1979), Ocherki russoj kul'tury XVII veka. CH. 1. Material'naya kul'tura. Gosudarstvennyj stroj, ed. A.V. Arcihovskii, Izd-vo MGU, Moscow.
81. Pavlov-Sil'vanskij, N.P. (1909), Gosudarevy sluzhilye lyudi. Lyudi kabal'nye i dokladnye, Tip. M.M. Stasyulevicha, SPb.
82. Pokrovskij, N.N. (1989), Tomsk. 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast' i zemskie miry, Nauka SO, Novosibirsk.
83. Preobrazhenskij, A.A. (1972), Ural i Zapadnaya Sibir' v konce XVI – nachale XVIII v., Nauka, Moscow.
84. Puzanov, V.D. (2010), Voennye factory russoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri (konec XVI–XVII v.), Aletejya, SPb.
85. Puchina, T.A. (2015), Sistema chinoproizvodstva «nachal'nyh lyudej» sluzhilyh kazakov v gorodah Belgorodskogo razryada v XVII veke, *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta*, no. 3. Puchina, T.A. (2018), Osobennosti processov zakonodatel'nogo oformleniya sluzhby i social'nogo statusa kazakov-pomeschikov v XVI–XVII vv., *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2, Tambov.
86. Pyaseckij, G. (1893), Istoricheskie ocherki goroda Liven i ego uezda, *Trudy Orlovskoj uchenoj i arhivnoj komissii*, Vol. 3–5.
87. Rabinovich, M.D. (1953), Sud'by sluzhilyh lyudej «staryh sluzhb» i odnodvorcev v period formirovaniya reguljarnoj russoj armii v nachale XVIII v., Moscow.
88. Rabinovich, M.D. (1956), Strel'cy v pervoj chetverti XVIII v., *Istoricheskie zapiski*, no.58, M.
89. Rezun, D.Ya. (1984), Russkie v Srednem Prichulym'e v XVII–XIX vv., Nauka SO, Novosibirsk.

90. Rodislavskij, V. (1850), Strel'cy, *Moskovityanin*, no. 1.
91. Romanov, M.Yu. (2004), Strel'cy moskovskie, Moscow.
92. Roshchupkin, A.Yu. (2016), Sluzhilye kazaki goroda El'ca i uезда v konce XVI – pervoj polovine XVII vv.
93. Russkaya voennaya sila (1892), Russkaya voennaya sila: istoriya razvitiya voennogo dela ot nachala Rusi do nashego vremeni 2-e izd., ed. A.N. Petrova, I.N. Kushnerev i A.E. Pirogov, Moscow.
94. Samgina, E.I. (1967), Sluzhiloe zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Chernskom uезде v pervoj polovine XVII v., *Novoe o proshlom nashej strany. Pamyati akad. M.N. Tihomirova*, Nauka, Moscow.
95. Safronov, F.G. (1978), Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v. (upravlenie, sluzhilye lyudi, krest'yane, gorodskoe naselenie), Nauka, Moscow.
96. Sergeevich, V.I. (1905), Voennye sily Moskovskogo gosudarstva [XV–XVII vv.], Senat, SPb.
97. Sergeevskij, N.D. (1887), Nakazanie v russkom prave XVII veka, A.F. Cinzerling, SPb.
98. Skobelkin, O.V. (1987), Formy ekspluatatsii sluzhilyh lyudej Voronezhskogo kraja feodal'nym gosudarstvom vo vtoroj polovine XVII veka, *Istoriya zaseleniya i hozyajstvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epohu feodalizma*, Izd-vo Voronezhskogo un-ta, Voronezh.
99. Smirnov, P.P. (1917), Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoj polovine XVII v. T. 1. Vyp. 1: Formy zemlevladieniya, A.I. Grossman, Kiev.
100. Smirnov, P.P. (1947), Posadskie lyudi i ih klassovaya bor'ba do serediny XVII v., T. 1, Akad. nauk SSSR, M.; L.
101. Smirnov, P.P. (1948), Posadskie lyudi i ih klassovaya bor'ba do serediny XVII v. T. 2, Akad. nauk SSSR, M.; L.
102. Sokolovskij, I.R. (2004), Sluzhilye «inozemcy» v Sibiri XVII veka (Tomsk, Enisejsk, Krasnoyarsk), Novosibirsk.
103. Stepanov, I.V. (1939), Hozyajstvennaya deyatel'nost' moskovskogo pravitel'stva v Nizhnem Povolzh'e v XVII v., *Uchenye zapiski LGU*, no. 48, seriya ist. nauk. Issue 5, L.
104. Tverskaya, D.I. (1959), Moskva vtoroj poloviny XVII v. – centr skladyvayushchegosya vserossijskogo rynka, Sov. Rossiya, Moscow.
105. Tihomirov, M.N. (1969), Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v. Nauka, Moscow.
106. Tihonravov, K. (1857), Vladimirskaya streleckaya sloboda, *Vladimirskij sbornik*, Univ. Tip., M.
107. Ustryalov, N. (1858), Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 1, Tip II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancel'yarii, SPb.
108. Ustyugov, N.V. (1974), Nauchnoe nasledie, Nauka, Moscow.
109. Ushakov, I.F. (1960), Kol'skij ostrog (1583–1854), Murmansk.
110. Chermenskij, P. (1913), Gorod Lebedyan' i ego uезд v XVII v. (K trekh sotletiyu g. Lebedyani). 1613–1913, Tip. V.D. Smirnova, SPb.
111. Chernov, A.V. (1954), Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. (S obrazovaniya centralizovannogo gosudarstva do voennyh reform pri Petre I), Voenizdat, M.
112. Chistyakova, E.V. (1975), Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoj polovine XVII veka, Izd-vo VGU, Voronezh.
113. Chicherin, B.N. (1856), Oblastnye uchrezhdeniya Rossii v XVII veke, Tip. Aleksandra Semena, Moscow.
114. Sherstoboev, V.N. (1957), Ilimskaya pashnya, T. 2, Irkutskoe obl. gos. izd-vo, Irkutsk.
115. Shpakovskij, N.I. (1898), Strel'cy, *Jhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 9. Shunkov, V.I. (1939), Remeslo v Pskove i Novgorode po dannym syska 1630–1640 gg., *Istoricheskie zapiski*, no. 5, Moscow.

Информация об авторе

Николай И. Никитин, кандидат исторических наук.
Институт российской истории РАН. Москва, Россия; 117292,
Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19;
nikitin.46@mail.ru

Information about the author

Nikolay I. Nikitin, Candidate of Historical Sciences.
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia;
117292, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov str., 19;
nikitin.46@mail.ru.

«Монаршее слово» и «Непременные законы» в России второй половины XVIII века⁸

Е.Н. Марасинова

Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
lenamarassinova@gmail.com

Аннотация. В данной статье предпринята попытка анализа смыслового содержания таких важнейших понятий русского языка XVIII столетия, как закон и гражданин. Семантическое исследование этих понятий позволит углубить представления о механизме и результативности действия социального контроля престола, самоидентификации власти, ценностных приоритетах и повседневной жизни высшего сословия. В работе учитывались не только ясно артикулированные определения слов закон и гражданин в официальных источниках и документах, исходящих из наиболее образованной среды, но и обстоятельства «бытования» этих понятий, т. е. учитывались некоторые социальные практики, так или иначе с ними связанные. Сравнительное сопоставление терминологии различных по своему авторству, социальным функциям и видовой принадлежности источников ещё раз подтвердило, что язык является и индикатором, и катализатором глубинных процессов, происходящих в общественном сознании, которые не всегда прочитываются при иллюстративном использовании документов. Тем не менее несколько прояснившаяся картина оказалась достаточно противоречивой и даже парадоксальной.

Ключевые слова: подданный, закон, гражданин, монаршая воля, Россия XVIII века, история понятий

«The Monarch's word» and «Indispensable laws» in Russia of the second half of the XVIII century

Elena N. Marasinova

Research University Higher School of Economics,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lenamarassinova@gmail.com

Abstract. This article attempts to analyze the semantic content of such important concepts of the Russian language of the 18th century as law and citizen. The semantic study of these concepts will deepen the understanding of the mechanism and effectiveness of the social control of the throne, self-identification of power, value priorities and everyday life of the upper class. The work took into account not only the clearly articulated definitions

---

⁸ Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII – XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020–2022 гг.

of the words law and citizen in official sources and documents coming from the most educated environment, but also the circumstances of the “existence” of these concepts, i.e. some social practices, one way or another connected with them, were taken into account. A comparative comparison of the terminology of sources that differ in their authorship, social functions and species affiliation once again confirmed that language is both an indicator and a catalyst for deep processes taking place in the public mind, which are not always read in the illustrative use of documents. Nevertheless, the somewhat clearer picture turned out to be rather contradictory and even paradoxical.

Key words: *subject, law, citizen, royal will, Russia of the 18th century, history of concepts*

Закон в «регулярном государстве»

Понятие [Koselleck 1979, Skinner 1978, Polock 1972, Копосов 2001]⁹ закон в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. На основании словаря русского языка XVIII века можно выделить целый ряд определений, демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, откровенный, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идолопоклоннический; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический* и т. д.¹⁰

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотнесение *закона государственного и Божественного*. В «Генеральном плане московского воспитательного дома» так и провозглашалось – «человек живёт по законам государственным и Божественным»¹¹. Однако анализ частной переписки, воспоминаний и публицистики обнаружил слабую корреляцию между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики. Зато в законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого завета встречалась довольно часто. Содержание исходящих от престола указов свидетельствовало, что власть прагматично использовала авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов. Так, например, многочисленные обращения к Священному Писанию содержались в обширной «Сентенции о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачёва и

---

9 Актуальность и продуктивность использования исследовательских приемов *Begriffsgeschichte* или *History of Concepts* давно уже признана многими специалистами. Методы *понятийной истории* позволяют глубже проникнуть в текст источника и получить результаты, которые сложно было заранее спрогнозировать. Ведущими представителями этого направления в развитии исторической науки считаются Р. Козеллек, К. Скиннер, М. Покок. Подробное историографическое исследование так называемого «лингвистического поворота» предпринял в своей обобщающей монографии Н.Е. Копосов.

10 См., например: Словарь русского языка XVIII века. Вып.7. СПб. 1992. С. 244–251.

11 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-ое. СПб. 1830. (далее – ПСЗ). Т.XVIII. №12957. С.311,317. 1767, 11 августа.

его сообщников». Аргументация необходимости жестокого наказания была усилена цитатами из Книги Премудрости Соломона, четвёртой книги Моисеевой, Евангелия от Марка, Матвея, Иоанна, послания апостола Павла к Римлянам и первого послания апостола Павла к Коринфянам. В результате следовал очевидный вывод – «наистрожайшая смертная казнь предписывалась вам Божественными и гражданскими законами и вечная мука по священному писанию»¹².

Христианские ценности в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Неслучайно «Устав благочиния или полицейский» начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»¹³. Однако несмотря на провозглашённый в «Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения» тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие»¹⁴, Екатерина предостерегала от смещения «оснований, долженствующих управлять людьми»,¹⁵ и отождествления социального контроля власти с требованиями христианской морали.

Иная ситуация складывалась в пограничной зоне особого социального напряжения, связанной с тяжкими преступлениями. Обстоятельства, когда миряне¹⁶ наряду с обычными санкциями подвергались и церковным взысканиям также имеют отношение к сложной дефиниции понятий *закон Божий* и *государственный*. В XVIII столетии правительство использовало покаяние как одно из дополнительных наказаний, при этом состав преступления, за которые полагался церковный суд, также определялся светской властью. По Воинскому уставу каяться полагалось, в частности, при следующих деяниях: идолопоклонство, чародейство, заговор ружья, блуд, лже-свидетельство, убийство по неосторожности, например, во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т. д.¹⁷ Иную картину воспроизводит Журнал высочайших confirmаций Екатерины II, где фиксировались не общие законодательные положения, а решения по конкретным делам и судьбам. На основании этого документа церковные покаяния накладывались исключительно за убийство, причём вне зависимости от статуса

---

12 ПСЗ. Т. XX. № 14233. С. 1–15. 1775, 10 января.

13 ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 464–465. 1782, 8 апреля.

14 ПСЗ. Т. XVIII. № 12945. С. 181. 1767, 24 июля.

15 ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 281. 1767, 30 июля.

16 В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.

17 ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 366–368, 379 и др. 1716, 10 января.

несчастной жертвы, будь то сосед по имению, купец или засечённый на конюшне крепостной. Таинство облегчающей совесть молитвы являлось принудительным и в обширном списке наказаний лишь дополняло такие меры, как пребывание 2-4 недели на хлебе и воде, лишение чинов и дворянского достоинства, ссылка на вечные работы в Сибирь¹⁸.

В РГАДА сохранилось уникальное дело, содержащее описание покаяния в дни Великого поста каптенармуса Алексея Жукова и его жены Варвары, осуждённых за убийство матери и сестры. Детальный сценарий «прилюдного» покаяния преступников, одетых в посконные свиты, с распущенными волосами, босых и в оковах, был составлен епископами по приказу императрицы на основании правил святых отцов Анкирского собора 314-го года. Примечательно, что генерал-губернатор Москвы П.С. Салтыков, статс-секретарь Г.Н. Теплов и сама Екатерина тщательно отредактировали данный ещё в IV столетии обряд покаяния убийц¹⁹. Во второй половине XVIII века государство единоличной властью приговаривало мирян к церковным наказаниям, на своё усмотрение определяло, «что угоднее Богу – смертная казнь или всечастное сокрушение души», а при случае могло пригрозить подданным и Страшным судом²⁰. На долю Синода оставалось лишь определение срока покаяния, но и тут престол требовал следовать наставлениям, быть осмотрительнее и отличать «жестокосердную лень» лишённых благодати причастия от искреннего раскаяния²¹. В период женских правлений Екатерины II и «тётки нашей Елизаветы Петровны» наказание «лишением живота» всё более приобретало метафорическое значение [Живов 2002, с. 258, Викторский 1912, с. 112]²² и с подкупающей наивностью уподоблялось фантому страданий грешников в аду.

Понятие *закон*, так или иначе восходящее к высоким теософским смыслам пятикнижия Моисея и Нового Завета, в рассматриваемый период имело, разумеется, не только духовное, но и исключительно светское содержание и осознавалось современниками как главное орудие управления государством и главная прерогатива самодержца. В официальном и панегирическом контексте эта персона именовалась помазанником Божьим или Божьим министром и располагалась на самой вершине сословной пирамиды. Высочайшие решения реализовались с помощью *государственного*

---

18 РГАДА. Ф.10. Опись 3. Д. 4. Л. 55об-57; Д. 6. Л. 41об-42,46 и др.

19 РГАДА Ф.22. Опись 1. Д.170. Л.1-72об.

20 См.: ПСЗ. Т.XVI. № 11616. С. 22–23. 1762, 18 июля; Т.XVII. № 12600. С. 615–620. 1766, 24 марта.

21 См., например: ПСЗ. Т.XX. № 15029. С. 954–955. 1780, 2 июля; Т.XXII. № 16168. С. 325. 1785, 18 марта; Т. XX. № 14996. С. 926–927. 1780, 21 марта.

22 В.М. Живов справедливо полагает, что в целых категориях дел узаконенная смертная казнь вообще не применялась и означала самую суровую угрозу, но никак не наказание

закона²³, который получил как бы второе издание своего возвышенного смысла, но уже через сакрализованный образ светского правителя [Живов 2002, с. 187–305]²⁴.

Политическая теория абсолютизма отличалась убеждённой в особой силе *регулярного* или *благоустроенного* государства, призванного установить разумный миропорядок. В рассматриваемый период сложился свой идеальный образ монарха, черты которого в той или иной степени должны были воплощаться в персонах реальных правителей. Одной из наиболее ярких эталонных характеристик венценосной особы века Просвещения считался дар успешного преобразователя, приобретающегося одновременно к искусствам и рациональным знаниям²⁵.

Политическое мышление XVIII века образ монарха-законодателя связывало не с безграничной властью, а с талантом верховного правителя. Ещё современники главную заслугу Екатерины II видели в укреплении силы «российского главного права» и введении «непреложных законов», которые и составляют «тело государства»²⁶.

Большая часть исследователей придерживается мнения, что именно с правления Петра I главным источником права становится *закон*, на протяжении XVIII века подчиняющий своей регламентирующей силе всё более обширное пространство социальной жизни. Теряющий значимость *обычай* продолжает оказывать ещё осязаемое влияние лишь в среде крестьянства и сельской общины [Владимирский-Буданов 1915, с. 270, Мионов 2000, с. 137]²⁷. В связи с этим в историографии выдвигается тезис

---

23 *Государственные законы* иногда также иногда определялись как *светские* или *гражданские* (См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 505. 1768, 8 апреля).

24 Эволюция восприятия юридических норм в русском обществе детально рассмотрена в работах В.М. Живова. Тезисно концепция автора сводится к следующему: с момента принятия христианства в России существует два права – церковнославянское, базирующееся на переводных византийских источниках, и русское, тесно связанное с обычаем и язычеством. С середины XVII века законодательная деятельность получает культурный статус, теряет прагматическое значение и становится одним из инструментов культурных преобразований.

25 См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериною II копия наставления, данного прусским королём Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА Ф.2. Опись 1. Д.113).

26 См., например: Речь, говоренная от лица депутатов маршалом Её императорскому величеству с признательностью за данный для сочинения Уложения Наказ (ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 1767, 27 сентября); Неизвестный автор. Правило трактатов (РГАДА Ф. 1274. Опись 1.ч. 1. Д. 162. Лл. 264–265’).

27 Однако следует отметить, что общепринятое в исследованиях по истории права мнение о кардинальном изменении соотношения *обычая* и *закона*, за которым утвердился полный приоритет к началу XIX столетия, несколько огрубляет представление о реальной политике российской монархии. Достаточно заметить, что во время правления Екатерины II, когда шло стремительное расширение границ империи, был провозглашён принцип следования местным традициям при главенстве только фундаментальных государственных законов на период введения нового административного управления присоединённых территорий.

об охранительном характере опирающегося на традицию законодательства в Московском государстве и реформаторской сущности правовой политики власти в XVIII столетии.

Действительно, ещё в 1722 году был издан именной указ «О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов и имени сего указа во всех судебных местах на столе». В этом документе формулировались положения, гарантирующие полный приоритет закона в правовой сфере. Все чиновники строжайшим образом должны были опираться в своих действиях на регламенты, знать и точно понимать их содержание. О случаях неизбежно возникающих противоречий между казусом и законом, когда «такое дело, что на оно ясного решения не положено», предписывалось отправлять доношение в Сенат. В свою очередь от Сената и коллегий требовалось обобщать поступающие с мест данные и составлять «мнения», которые становились основой нового указа, скрепляемого именем императора и включаемого в единую систему регламентов. Иными словами, отрицалась традиционная система, когда «законы писались всуе, их не хранили или играли как в карты, прибирая масть к масти» [Butler 2009, pp. 91–101]²⁸. Очевидно, что в этом указе отразился факт возникновения нового правового пространства, которое будет развиваться на протяжении всего XVIII столетия и основываться на следующих принципах: строгое следование законам, действующим на основе преемственности, целенаправленное устранение пробелов в нормативных актах, правовое просвещение должностных лиц и т. п.

Тем не менее единственным источником законов о «государственных генеральных делах» на протяжении всего столетия оставался самодержавный монарх: законодательство определялось волей императора и являлось её выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в практике принятия новых правовых актов, и в сфере общественного сознания, и в отношении самооценки верховной власти. Абсолютный правитель являлся главным субъектом законотворчества, поскольку право издания новых законов принадлежало только императору, а Сенат, Синод, коллегии и другие учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями. Подданные воспринимали решения самодержца как закон, что ещё более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышления у современников [Медушевский 2006, с. 91–110]²⁹.

---

28 ПСЗ. Т. VI. № 3970. С. 656–657. 1722, 17 апреля. Немаловажно, что «пространство» формировалось в буквальном смысле – данный указ следовало напечатать, наклеить на доску с подножием и выставить везде, «от Сената до последних судных мест, яко зеркало пред очами судящих». Спустя некоторое время материализовалось и само зеркало в виде трёхгранной призмы с расположенными на гранях указами Петра

29 А.Н. Медушевский вообще полагает, что «ключ к пониманию Просвещённого абсолютизма – борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещённый абсолютизм от непросвещённого, законную монархию от полицейского или регулярного государства».

В официальной доктрине вполне логично аргументировалось тождество воли монарха и закона, авторитет которого гарантировался «самодержавною, от Бога данною властью»³⁰. «Общество не может быть без правления, – провозглашалось в «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения», – <...> соединение всех особенных сил составляет то, что называют состоянием государственным. Сия общая сила в России вручена одному и то есть ее естественное положение. <...> Империя перестала бы быть могущественна, если б иначе управляема была»³¹. Несмотря на то, что в первых строках Наказа Россия была провозглашена «европейской державой» [Наказ 1907, с. 2], официальная идеология постоянно настаивала на принципиальной особенности империи, определяемой её громадной территорией. В документах, исходящих от престола, неоднократно отмечалось, что в «столь обширном» государстве возможно лишь единоличное самодержавное правление и крайне опасно любое «раздробление и ослабление» власти [Безбородко 1858, с. 137, Наказ 1907, с. 3–5]³². В данном контексте указывалось, что и Пётр Великий понимал, насколько условия, обычаи и традиции России отличаются от «всех прочих европейских государств, кои он видел». Именно поэтому первый император «с удивительным разума своего прониканием узнал», что следует «ему самому всем управлять»³³. Все усилия и Петра, и Екатерины II направлялись на «пользу Империи», «ибо сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»³⁴.

Перу Екатерины принадлежит и собственная «Правда воли монаршей», которую она назвала «О преимуществе Императорского Величества»³⁵. Этот документ императрица тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Неопровержимые «преимущества» самодержавного правления были сформулированы в записке предельно

---

30 ПСЗ. Т. XXII. № 16407. С. 617. 1786, 28 июня.

31 ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 282. 1767, 30 июля.

32 Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-5)

33 См., например: Генеральный план Московского Воспитательного дома // ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 311,317. 1767, 11 августа. В этом же документе с детской наивностью специально для воспитанников объяснялось, что без законов государя «истребили бы нас неприятели наши, растерзали бы нас *дикие звери* в жилищах наших» (Там же. С. 316).

34 ПСЗ. Т. XVIII. № 12950. С. 283. 1767, 30 июля.

35 Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1-4^р. Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка «О роде и наследии Императорского Величества», которая включала отдельные комментарии «Правды воли монаршей» и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом, а также некоторые другие законодательные акты на английском и французском языках. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325). Для сравнения см.: Устав о наследии престола // ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497. 1722, 5 февраля; Правда воли монаршей // ПСЗ. Т. VII. № 4870. С. 602–643. 1726, 21 апреля.

чётко: в руках монарха сосредоточена неограниченная власть, дающая ему исключительное право «чинить мир и войны», «посылать послов», «жаловать достоинство, чины, именование» «кому заблагорассудит», «простить вины» и помиловать.

Вслед за Петром, провозгласившим – «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»³⁶, Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту – император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчёт и «благодарение Единому Творцу Нашему Богу»³⁷. Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для абсолютной власти.

Монаршее слово и непременные законы

На протяжении XVIII века российские императоры сами неоднократно пытались разграничить любое «государево слово» и закон. Устные распоряжения противопоставлялись «письменным и зарученным» указам ещё по Генеральному регламенту 1720 года. В традициях петровского законодательства параграф IV «Об исполнении указов» сопровождался доходчивым толкованием. Пояснялось, что словесные приказы пригодны только для подготовки письменных³⁸.

После смерти Петра I ставилось под контроль, прежде всего, содержание повелений, объявляемых от лица монарха, собственное же высочайшее слово не подлежало регламентации и имело силу закона. Однако определялись наиболее важные государственные дела – «выдача сверх штату денег и прочее тому подобное, что регламентам противно», – решение по которым должно приниматься только на основании указов, лично подписанных либо императрицей, либо членами Верховного тайного совета³⁹.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой, «что до строения домов и садов наших надлежит». В масштабе же всей страны именной указ признавался действительным только за подписанием самой императрицы или трёх кабинет министров⁴⁰. В царствование Елизаветы Петровны слово монарха получает ещё более жёсткую регламентацию. В 1743 году императрица предписала «в Сенат никаких предложений <...> без письменных наших указов за

---

36 См., например: Воинский устав // ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 1716, 30 марта.

37 РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4-4'.

38 ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 141–160. 1720, 28 февраля.

39 ПСЗ. Т. VII. № 4862. С. 596–597. 1726, 28 марта; № 4945. С. 684–685. 1726, 5 августа.

40 См.: ПСЗ. Т. IX. № 6745. С. 529. 1735, 9 июня; № 6773. С. 548. 1735, 16 июля).

нашею рукою в действо не производить»⁴¹. Пётр III из компетенции устных распоряжений изъял решения о «лишении живота, чести и имени», «раздачу денежных сумм свыше 10000 рублей», «награждение деревнями и чинами свыше подполковника». Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодательным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трёх коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с «надлежащею отметкою об исполнении»⁴².

3 июля 1762 года Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь через несколько месяцев включив генерал-адъютантов и правящего Кабинетом Её Величества в круг государственных лиц, имеющих право объявлять словесные повеления высочайшей персоны. В начале 1763 года список чиновников, провозглашающих государеву волю был дополнен за счёт духовного ведомства обер-прокурором и членами Синода⁴³.

Таким образом постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной. При этом специфика законодательства как источника, рассчитанного не просто на провозглашение, а прежде всего на неукоснительное исполнение, определила характер наиболее важных нормативных актов. Особой значимостью были наделены именные своеручно подписанные указы, устанавливающие новые юридические нормы и доводимые до сведения всего населения, поскольку «закон силу свою приемлет от того времени, когда получен и обнародован будет»⁴⁴. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха⁴⁵.

По всей видимости, Екатерина сама признавала обязанность высочайшей персоны следовать установленным правилам. В Наказе было заявлено,

---

41 ПСЗ. Т. XI. № 8695. С. 753. 1743, 10 января.

42 ПСЗ. Т. XV. № 11411. С. 889–890. 1762, 22 января.

43 См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11592. С. 9–10. 1762, 3 июля; № 11704. С. 107. 1762, 7 ноября; № 11746. С. 152. 1763, 3 февраля.

44 ПСЗ. Т. XVII. № 12710. С. 875. 1766, 31 июля; Т. XXII. № 15320. С. 376–377. 1782, 10 января и др.

45 Неслучайно в предназначенной для будущего императора Павла «Записке о государственном казённом правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих», авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. «Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся» (РГАДА. Ф.1. Оп. 1. Д. 17. Л. 54).

что «воля государева» должна быть наблюдаема «сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением» [Наказ 1907, с. 6–7]. Приблизительно к этому же времени относятся и признания императрицы, сделанные в «Собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии», где она писала: «Испытав сердце наше, нашли мы во глубине оногo твёрдое и *всегдашнее* желание исполнять <...> *все части законодательства нашего*, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием комиссии об уложении»⁴⁶. Неслучайно и французский посол Луи Филипп Сегюр отмечал, что «Екатерина никогда не действовала так произвольно, как её министры. Особенно Потёмкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы» [Записки 1865, с. 320]. С точки зрения некоторых современников, своеволие вельмож отчасти ограничивалось примером императрицы, имеющим, как свойственно любой монархии, значительное влияние на подданных. Так камер-юнкер при дворе Екатерины II князь Фёдор Николаевич Голицын в своих воспоминаниях точно подметил: «Люди портятся без сомнения, но портятся от дурных примеров. Сии рассуждения опять меня обращают к Императрице. Во время её царствования всё было важно, почтено. Она умела себя так вести, что каждый вельможа её почитал и любил и старался также на неё походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.

Вот как сильно действует над подданными пример государя! <...> Верховная власть не должна бы никогда выходить из круга, предписанного законами» [Голицын 1874].

Законодательство было главным каналом обращения престола к населению империи и потому наделялось не только контролирующей, но также и мощной воспитательной силой, что приводило к неожиданному соединению регулирующего и назидательного начала в текстах высочайших указов. Кабинет Екатерины II и Сенат обрушивали на подданных нескончаемый поток *манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций* и т. д. [Уортман 2004, с. 64]⁴⁷ Все эти правовые акты объединялись словом *указ* и были обязательны для неукоснительного исполнения. Но в то же время жанровая размытость законодательных документов второй половины XVIII века [Коркунов 1894, с. 309, Романович-Славатинский

---

46 Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. №2. С. 382. В подлиннике фразы, данные курсивом, специально выделены и вынесены на поля рукописи (РГАДА. Ф. 10. Опись 1. Д. 12. Л. 1).

47 «До самого распада империи, – пишет Р.Уортман, – так и не возникло чёткого различия между законом и административным распоряжением. Последнее имело ту же силу, а нередко и сферу действия, что и закон».

1886, с. 186–187, Лаппо-Данилевский 1898, с. 71]⁴⁸ не мешала современникам придавать понятию *закон* более высокий и общий смысл, чем слову *указ*. Анализ языка как официальных источников, так и источников личного происхождения свидетельствует, что человек XVIII столетия повиновался именно «законам», «поступал по точной силе закона», а иногда действовал «в ущерб закону» и за это нёс наказание «по всей строгости закона» [Державин 2000, с. 10,21,87, 98–99]⁴⁹.

Императрица в свою очередь пыталась упорядочить запутанную юридическую терминологию. «Под словом *законы*, – писала Екатерина, – разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться. <...> Имя *указы* заключает в себе всё то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное и может со временем перемениться» [Наказ 1907, с. 5]. В данном контексте сближение понятий *закон* и *указ* происходило, если слово *указ* сопровождалось знаковыми определениями – *непременный, неперемняемый, фундаментальный* и даже *священный*⁵⁰. В Наказе созданной в 1767 году Уложенной комиссии непосредственно было сказано – указы могут быть *забвению преданные, вредные, тёмные*, и для того, чтобы знать, «каким указам должно повиноваться», существуют *законы, основание державы составляющие, твёрдые и неподвижные* [Наказ 1907, с. 5].

Непременные фундаментальные государственные законы и власть и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения, наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно настроенная аристократия – определённую страховку от *самовластия*, когда «Государь <...> не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, как постановя в государстве своём правила непреложные, <...> которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным Государем»⁵¹. Так понятие *закон* постепенно превращалось и в орудие политического дискурса.

---

48 Вопрос о существовании у нас различия между законами и высочайшими указами, – писал историк права XIX века Н.М. Коркунов, – представляется спорным. В XVIII столетии и вплоть до учреждения в 1810 году Государственного совета у нас не было никакой определённой отличительной формы законодательных актов».

49 Слово *указ* часто употребляли в значении *инструкция* или *учреждение*. Так в указе о процедуре доведения до сведения населения новых постановлений говорилось о «присланных высочайших указах, узаконениях, учреждениях» и проч. (ПСЗ. Т. XXI. № 15612. С. 777. 1782, 13 декабря).

50 См., например: указ о напечатании и обнародовании нового устава Кадетскому сухопутному корпусу (ПСЗ. Т. XVII. № 12741. С. 973. 1766, 11 сентября); начертание о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения (ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 503–512. 1768, 8 апреля); Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочинённое генералом графом Паниным, о чём между ими рассуждалось иметь полезным для Российской Империи фундаментальные права, непременяемые на все времена никакою властью. РГАДА. Ф. 1. Опись 1. Д. 17. Л. 26–31.

51 Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д.И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование (Сост. Е.С. Шумигорский). СПб. 1907. С. 4–13. Авторская маркировка слов в тексте сверена с первоисточником: РГАДА. Ф. 1. Опись 1. Д. 17. Л. 5–17^г.

В общественно-политической лексике XVIII века понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разное, иногда даже противоположное значение⁵². *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии. Характерно, что последние наставления своему воспитаннику великому князю Павлу Петровичу граф Никита Панин выдержал в пришедшей ему стилистике семиотических сравнений.

Канцлер противопоставил такие понятия как, *просвещённый монарх*, *располагающий неограниченной властью*, или *самодержец*, и *государственные законы*, с одной стороны, и *самовластие*, *тиранство*, *деспотическое правление*, *государев любимец* или *фаворит*, с другой. «Просвещённый МОНАРХ, облекшись в неограниченную власть, сам тотчас ощутит, что прямое самовластие тогда только вступает в истинное своё величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. [...] ГОСУДАРЬ Самовластнейший на недостатке Государственных законов чаёт утвердить СВОЁ самовластие. Порабощён одному или нескольким рабам Своим, почему он САМОДЕРЖЕЦ? Разве потому, что САМАГО держат в кабале недостойные люди? [...] тщетно пишет Он новые законы: новые законы Его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ всё будет угнетён, дворянство унижено, и несмотря на собственное Его отвращение к тиранству, правление Его будет правление тиранское, [...] все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, не чувствительно в одну точку соединятся. В таком развращённом положении, злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между Государственным и ГОСУДАРЕВЫМ, между ГОСУДАРЕВЫМ и любимцовым»⁵³.

Канцлер был убеждён, что *фундаментальные законы*, составленные самим *самодержцем*, но *непременные* и для него самого, оградят страну от *деспотической тирании* или *самовластия*. Картина политического неблагополучия складывалась для Никиты Панина из *угнетения народа* и *унижения дворянства* как сословия, для которого особое значение имело представление о чести и достоинстве [Щербатов 1860, с. 37–48]⁵⁴, а также из отсутствия действенных *новых законов*. Завещание канцлера, записанное другом

52 Примечательно, что и молодой Пушкин писал именно о «самовластительном злодее» и «обломках самовластия».

53 Проект Н.И. Папина о фундаментальных государственных законах (в записи Д.И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование (Сост. Е.С.Шумигорский). С. 4–13. Авторская маркировка слов в тексте сверена и откорректирована по первоисточнику: РГАДА. Ф. 1. Опись 1. Д. 17. Л. 5–17.

54 Общеизвестность подобных идей среди политически активной знати отразилась и в записках М.М. Щербатова «О самовластии», где князь ставил под сомнение вообще возможность назвать *самовластие* «именем правления»: «[При самовластии] нет иных законов и иных прав окромя безумных своправ деспота (самовластителя). Место, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя». См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П.И. Баргеновым у А.П. Заблочкого, 1785–1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 27'–32'). Благодарю С.В. Польского за ценную информацию о рукописном наследии Щербатова.

свободы Фонвизиним, через племянника писателя, будущего декабриста, станет вдохновляющим фактором для отважных молодых людей Александровского правления, поддерживаемых мыслью, что и «отцы» мечтали о конституции. Однако в словах Панина, неопубликованных, необнародованных, доверенных перед смертью другу, и адресованных воспитаннику, речь идёт вовсе не о конституции, а об идее «самоограничения власти», которая как единственный монополюльный источник закона, собственно, одна и может себя ограничить, а вернее, ограничить свои пристрастия и зависимость от капризов любимцев. Данный тезис о законодательном «самоограничении» prerogative императора был в целом самодержавным по своему пафосу.

«Где произвол одного есть закон, нет граждан»

Авторы правовых документов, а иначе говоря, *законоискусники*, в роли которых часто выступал сам *законоположник*, всемерно стремились повысить эффективность исполнения законов и усилить их регулируемую функцию социального контроля. Власть не просто жёстко требовала исполнять всенародно объявленные указы, чтобы «неведением никто не отговаривался». Престол воспитывал у подданных уважение к закону, непосредственно связывая правовые акты с непререкаемым авторитетом правящей императрицы и акцентируя преемственность «подлежащих вечности законов» с указами предшествующих правлений. Екатерина пристрастно следила за чёткими формулировками и ясным слогом законов, а также не допускала отмены уже провозглашённых указов. Она исходила в своих постановлениях из «здорового смысла», «природной склонности» подданных и «мыслей просвещённой части народа». Однако способность императрицы «уведывать» «мысли просвещённой части народа» точнее будет назвать умением манипулировать настроениями политической элиты, на которую, собственно, и была рассчитана регулятивная функция законодательства. Что же касается податных людей, составляющих большую часть населения империи, то закон для них был императивом без каких-либо толкований, а сами они сливались в безликую массу, обязанную поставлять рекрутов «по три человека с 500 душ».

Однако не только тот факт, что, как писал Радищев, «земледельцы и подданы в законе мертвы» [Радищев 1938, с. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323], но и целый ряд других обстоятельств придавали понятию *закон* в русском языке второй половины XVIII века несколько умозрительный и идеальный смысл. Прежде всего, в силу своих функций любой правовой акт отражает не столько реалии развития общества, сколько представление власти о том, каким оно должно быть. «Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи, – пишет Ю.М. Лотман, – было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью, <...> что выража<лось> в создании законов, не рассчитанных на реализацию (Наказ), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)» [Лотман 1988, с. 295]. Собственно, здесь речь идёт о репрезентативной функции законодательства, призванного не только

осуществлять социальный контроль, но и поддерживать величественный образ престола в восприятии подданных и позитивный образ империи в глазах европейского общественного мнения [Живов 2002, с. 271–272]⁵⁵.

Кроме того, простая истина, что объявление указа «во всенародное известие» ещё не означает его реализацию, придавала правовым актам оттенок некой идеальной абстракции, к которой необходимо стремиться. Неоднократное издание на протяжении правления Екатерины законов одного содержания свидетельствовало о сбое в их исполнении. Так, с 1762 по 1796 года было опубликовано более двадцати именных и сенатских указов, увещающих чиновников «воздерживаться от лихоимства», содержащих «меры к прекращению взяток», наказывающих за «корысть и отягощение народа поборами» [Писарькова 2004, с. 12–14, Black 1979]⁵⁶. Как известно, «сребролюбие» продолжало процветать, но при этом нельзя сказать, что закон был бессилён – настойчивость власти, осуждающей «гнусную наживу», задавала определённую нравственную планку и формировала систему предпочтений.

Особенности функционирования имперской бюрократической машины лишь усиливали размытость смыслового содержания понятия *закон*. Историк XIX века А.Г. Брикнер в биографии немецкого теолога и педагога пастора А.-Ф. Бюшинга воспроизвёл разговор проповедника и основателя Московского воспитательного дома И.И. Бецкого. «Бецкой пригласил к себе Бюшинга и, между прочим, обратился к нему с несколько щекотливым вопросом, как он думает об указах императрицы. “Эти указы, – замечает Бюшинг, – были наполнены общими размышлениями (*raisonnir*ende Ukasen)”. Ему было очень неловко ответить на вопрос Бецкого, однако с свойственной ему смелостью он сказал: “Указы отличны и делают честь её величеству; нельзя, однако, не сожалеть о том, что они во всяком случае останутся бесплодными”. Бюшинг говорил о недостаточном развитии народа, о необходимости подвинуть вперёд дело народного воспитания, об учреждении школ и проч.» [Бюшинг 1886, с. 17, Деша 1874]⁵⁷.

Многие государственные чиновники плохо знали правовые акты, иногда «превратно» их толковали, порой следовали уже отменённым указам и даже

---

55 В.М. Живов полагает, что русское законодательство усваивает «дидактическую и полемическую» функции уже во время правления Петра I, именно тогда оказывается размытой самая граница «между юридическим определением и политическим трактатом»

56 См., также: ПСЗ. Т.XV. № 11616. С. 22–23. 1762, 18 июля; Т. XVII. № 12537. С. 473–474. 1765, 31 декабря; Т. XX. № 14769. С. 72–727. 1778, 27 июня и др.

57 Несколько позже английский посланник при русском дворе лорд Гаррис Мальмсбери доносил из Петербурга: «Свод законов, мастерски начертанный самой императрицей, до сих пор ещё не был рассмотрен; он сохраняется в Академии, и по многим причинам приведение его в действие невозможно».

позволяли себе собственное законотворчество [Крылов 1945, с. 66–73]⁵⁸. Непосредственным свидетельством превращения закона в некий неосязаемый фантом являются практически ежегодно «объявляемые во всенародное известие» указы о «предоставлении рапортов об исполнении именных и сенатских указов». Все присутственные места обязаны были составлять реестры неисполненных указов и иметь в канцеляриях «записки» о поступивших из столиц правительственных бумагах, чтобы «непрестанно в памяти было». «Нерачительных» чиновников, допускающих «беззаконную волокиту», наказывали в соответствии со специально разработанной системой штрафов⁵⁹ или вообще отрезали от дел. Для канцелярий, коллегий и контор устанавливались сроки отчётов о получении высших распоряжений, сроки предоставления рапортов о ходе дел и окончательном исполнении указа, оговаривались случаи «вторичного указа» и даже ситуации, когда Сенат или кабинет императрицы вынуждены были отправлять «третий принудительный указ». Вспоминая о первых годах своего правления, императрица писала: «Сенат, хотя посылал указы <...> в губернии, но тамо так худо исполняли <...>, что в пословицу почти вошло говорить: "ждут третьего указа", понеже по первому и по второму не исполняли» [Рассказ 1865].

Вообще, «партикулярный» человек из среды высшего сословия скептически относился к возможности торжества закона в собственной жизни. Анализ прошений на высочайшее имя, которые, к стати сказать, могла позволить себе только политическая элита, обнаружил стоическую веру поданных лишь в милосердие императрицы⁶⁰. И.М. Булгаков, отправляя своему сыну, знаменитому дипломату Якову Ивановичу Булгакову, копию «с učinённого в Сенате о деревнях матери твоей беззаконного определения», писал: «Не можно ли к её императорскому величеству послать письмо, дабы не царствовала неправда над правдою!» Во время препирательства с генерал-прокурором А.А. Вяземским по поводу оклада директора Академии наук Е.Р. Дашкова писала Екатерине II: «Смею просить Ваше Величество,

---

58 Неслучайно один из персонажей И.А. Крылова вообще искренне полагал, что большинство людей живет не по закону, а по давно устоявшемуся порядку, и что особенно интересно – этим человеком был судья Тихокрадов. «В свете, – заявляет он за именованным столом купца Плутареца, – введённые обыкновения столь же сильны, как и самые законы; сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы»

59 Оставить без внимания сенатский или именной указ стоило 10 рублей, вторичное «неисполнение от слабости и небрежения» оценивалось в 20 рублей, третий указ приходил в канцелярию уже за счёт чиновников, и штраф на них накладывался в 30 рублей (ПСЗ. Т. XVII. № 12710. С. 871–876. 1766, 31 июля). Для сравнения подобные рассеянные чиновники во времена Петра I назывались «преступники и указа ослушатели» и подлежали «разорению, ссылке или лишению живота» (ПСЗ. Т. V. № 3333. С. 681. 1719, 19 марта).

60 Низшим слоям доступ к престолу в царствование Екатерины был перекрыт окончательно. Отчасти поэтому и возник феномен, который можно условно назвать «фольклорным законотворчеством». «Ложные пасквили» содержали сведения об отмене крестьянской неволи вслед за «Манифестом о вольности дворянства», о готовности «матушки-императрицы» взять на себя все недоимки и наказать «злонамеренных бояр», о поголовной записи в качество и, подобно мечте Богучаровских мужиков и Дрона старосты, о переселении в тёплые края.

дайте полную свободу Вашему великодушию в отношении меня, и я вполне уверена, что тогда мне окажут полную справедливость и даже впредь будут защищать от проявлений незаслуженного мною гонения»⁶¹. Попытка защиты собственных прав на основании закона была оправдана лишь в отношении других представителей политической верхушки, но никак не монарха. Поэт А.П. Сумароков мог гневно заявлять, что «фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему», «он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом», но при этом смиренно добавлял «я подданный ваш, а не его, всенижайший и преданнейший раб»⁶².

Никакой корреляции между существованием закона, правосудием, гарантированными привилегиями высшего сословия, с одной стороны, и надеждой на справедливость, с другой, в сознании дворянина не существовало. Высшие сановники, сенаторы, авторы многочисленных указов и манифестов в случае необходимости даже не помышляли об апелляции к закону, а уповали только на высочайшую милость, расположение фаворита, а если повезёт, и непосредственное обращение. В своих записках Державин, вспоминая о подготовке помещений Сената к заседаниям, воспроизвёл сцену, в которую как поэт-классик вложил метафорический смысл. «[В] зал[е] общего собрания <...> между прочими фигурами была изображена скульптором Рашеттом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал эскуперу: «Вели её, брат, несколько прикрыть». И подлинно, с тех почти пор стали более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потёмкин не весьма любил повиноваться законам» [Державин 2000, с. 86–87].

Так ряд этимологических смыслов понятия *закон* замыкался в некий неразрывный круг, вращающийся вокруг слов *самодержавие, самовластие, произвол, поданные, государство* из знаменитого высказывания Панина-Фонвизина. «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»⁶³. Кажется, преодолеть это завораживающее вращение можно было лишь через новый взгляд на понятие *гражданин*.

---

61 Письмо И.М. Булгакова Я.И. Булгакову. Москва 1785 декабрь // Русская старина. 1881. Т. 31. № 6. С. 290. Письмо Е.Р. Дашковой Екатерине II. [1783] // Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1. Январь март. Отд. V. С. 32. См. также, например, письмо В. Неронова С. М. Козьмину. Москва. Б. д. // Переписка и черновые бумаги состоявшего при Кабинете императрицы Екатерины II Сергея Матвеевича Козьмина (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. (ч.1). Л. 3).

62 См. письма А.П. Сумарокова // Письма русских писателей XVIII века. С. 129–132.

63 Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование (Сост. Е.С. Шумигорский). СПб. 1907. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

Гражданин и подданный

В русском языке XVIII века термин *гражданин* выражал прежде всего взаимоотношения государства и личности и встречался в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. На основании словарей XVIII века можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова *гражданин*, подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время⁶⁴. Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Неслучайно в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года жители городов именовются не просто «гражданами», а «верноподданными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов Екатерининского царствования объединялись в неопределённую по своему социальному составу группу «в городе живущих», включающую «дворян», «купцов», «именитых граждан», «среднего рода людей», «городских обывателей», «мещан», «посадских» и т. д.⁶⁵ Показательно, что Павел I, с тем чтобы выхолостить из понятия *гражданин* все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 года приказывалось не употреблять слова «гражданин» и «именитый гражданин» в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и, соответственно, «именитый купец или мещанин»⁶⁶ [Schierle 1995, pp. 68–80].

На мой взгляд, важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия *гражданин* в русском языке второй половины XVIII века стал «Наказ» Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учёта таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т. п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова «подданный» насчитывается лишь 10. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия *гражданин* в официальных документах рассматриваемого периода. В «Наказе», лишённом жёстких регламентирующих функций и основанном на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ «гражданина», имеющего в отличие от «ревностного российского подданного» не только обязанности, но и права.

64 См.: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I. Ч. I. Ст. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб. 1801. Ч. I. Стб. 1234.

65 См., напр.: ПСЗ. Т. XX. № 14490. С. 403. 1776, 4 августа; Т. XXXIII. № 17006. С. 287. 1791, 23 декабря.

66 Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 98.

«Имение, честь и безопасность» этого отвлечённого социального субъекта, проживающего в некоем «благоустроенном умеренности наблюдающем государстве», охранялись одинаковыми для всех «сограждан» законами [Наказ 1907, с. 1–2, 7–9, 14–15, 24, 27–28, 102]⁶⁷. Гигантское расстояние между социальной утопией «Наказа» и реальностью не умаляет тем не менее принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т. п., подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

Контекст употребления понятия *гражданин* в официальных текстах обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII века. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов *гражданин* и *подданный*. В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твёрдо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно» [Pufendorf 1921, pp. 144–146]⁶⁸. В законодательстве о *гражданине* упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался «Наказ»⁶⁹ или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Её Величества» на «правах древних подданных»⁷⁰. В общественной публицистике нередко были случаи прямого отождествления понятий *гражданин* и *подданный*. Так, Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами» [Новиков 1954, с. 616–617]⁷¹.

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большинства современников понятие *гражданин* не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин ча-

---

67 «Равенство всех граждан, – гласил «Наказ», – состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

68 О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи // Русский Архив. 1907. № 3. С.347. В этом контексте показательно сравнение текста данного вольного переложения работы Пуфендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе «Обязанности граждан» Пуфендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам».

69 См., напр.: ПСЗ. Т. XXIII. № 17090. С. 390. 1792, 8 декабря.

70 См.: Там же. Т. XX. № 14271. С. 74. 1775, 15 марта.

71 В журнале «Трутенъ» Новиков также утверждал, что «добросердечный сочинитель» «хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина».

сто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались *согражданами*. Так, собравшиеся для составления нового Уложения депутаты, с одной стороны, «представляли всех Её Величества верноподданных», а с другой – были «избраны от сограждан»⁷². В книге «О должностях человека и гражданина» непосредственно указывалось, что «подданный» имеет обязанности перед государством, а «гражданин» перед «другими согражданами», «державствующие» же защищают «своих подданных» «от внешних неприятелей и от обид других сограждан» [О должностях 1907, с. 349].

Права *гражданина*, заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях *истинного гражданина*, которые ничем не отличались от обязанностей *истинного подданного*.

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утверждённый доклад И.И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV-й главе «Наказа» «О воспитании», заявлялось, что «Пётр Великий создал в России людей: <императрица Екатерина II> влагает в них души». Иными словами, престол второй половины XVIII в. зарабатывал «правила, приурочивающие» быть «желаемыми гражданами» или «прямыми отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование *новых граждан* и *истинных подданных* означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких дерзостей», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» налагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять Августейшую волю». Определённая политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у *гражданина* в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь Государя» [Наказ 1907, с. 103–105, О должностях человека 1907, с. 349, Pufendorf 1927, pp. 115–118, 123–126, 152–154]⁷³. Так объективная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность её осознания трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель *гражданина* и *подданного*.

---

72 См., напр.: «Акт, подписанный Департаментами, избранными от всех званий Российского народа, к сочинению нового Уложения» // ПСЗ. Т. XVIII. № 12978. С. 349–355. 1767, 27 сентября. Для сравнения можно привести слова Ж.-Ж. Руссо, который в трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» писал, что все жители того или иного государства «в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам Государства». См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 162.

73 ПСЗ. Т. XVI. № 11908. С. 346, 348, 350. 1763, 1 сентября; № 12103. С. 670; Т. XVIII. № 12957. С. 290–325. 1767, 11 августа

«Не дорого ценю я громкие права»

Возвращаясь к уже приводимой цитате из проекта Н.И.Панина «О фундаментальных законах», который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фонвизина, можно утверждать, что некоторые представители образованной элиты осмелились противопоставить понятие *подданный* понятию *гражданин*. В этом политическом трактате смысловое содержание слова *гражданин* конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как *деспот*, *пристрастное покровительство*, *злоупотребления власти*, *прихоть*, а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятие *закон*, *прямая политическая воля нации*, *свободный человек*. Таким образом, в общественном сознании второй половины XVIII века постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищённого *законом* от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина–Фонвизина новый канцлер А.А. Безбородко напишет: «<...> да истребятся все способы потаённые и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов» [Записка 1877, с. 297–300].

Мыслящий дворянин ожидал от *истинного гражданина*, коим почитал и себя, определённой политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Неслучайно в проекте Панина–Фонвизина отчётливо прозвучало мнение, что понятие *Отечество* не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминания о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, Н.М. Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный свою деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы» [Карамзин 1964, с.232, Фонвизин 1959, с. 383]⁷⁴. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие *гражданин* сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»⁷⁵, Радищев полагал, что «человек рождается в мир равен во всём другому», соответственно «государство, где две трети граждан лишены гражданского звания», не может назваться «блаженным» – «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»⁷⁶.

74 Фонвизин упоминал в письмах к П.И. Панину о «патриотических» чувствах «истинного гражданина», всем сердцем радеющего за военные победы России: «Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство <...> имеете причины радоваться тому, что все уже устроено к трактованию о мире». См.: Письмо Д.И. Фонвизина П.И. Панину. 1772 г., май

75 Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С.164.

76 Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 227, 248, 279, 293, 313-315, 323 др.

Следует отметить, что в целом понятие *гражданин* довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещённой императрицы». В рамках же всего комплекса привлечённых к работе текстов⁷⁷ понятие *гражданин* употреблялось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина–Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае *гражданин* становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищённая *законом* государственная элита, во втором же – право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение» [Радищев 1938, с. 314, Raeff 1966, pp. 154–156]. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов – подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью термина *гражданин* [Новиков 1954, с. 7]⁷⁸. Так, М.Н. Муравьёв, показывая своё отношение к крестьянину, использовал антитезу *простой – знатный*: «В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние» [Муравьёв 1819, с. 101]. И даже Фонвизин в собственных литературных произведениях довольно редко обращался к понятию *гражданин*, которое вообще не встречается в его «Опыте русского словника», а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению» [Фонвизин 1959, с. 225–226].

Самовластие в России второй половины XVIII века будет ограничено не *гражданином*, требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет

---

77 Источниковая база работы включает более 3 тыс. писем дворянства, около 50 художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в ПСЗ Российской империи, и несколько сотен архивных текстов.

78 Напр., Новиков неслучайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала «Трутенъ» слова: «они работают, а вы их хлеб едите». В 1773 г. он заметил в одном из писем: «Хлеб <...> нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное <...> всего государства богатство». См.: Письмо Н.И. Новикова Г.В. Козицкому. 1773 г., май. Однако в своих размышлениях к понятию «гражданин» он не прибегал практически никогда.

заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и всё более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удалённой от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований – возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции [Лотман 1994, Smith 1999, Wirtschaftfer 2003], – начнётся уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его будет выражена в строках «Из Пиндемонти»:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
.....
Зависеть от властей, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье! вот права...

***

Целенаправленная работа с терминологией исторического документа может рассматриваться как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности. Исследователь при этом вступает в зону особого напряжения, которое неизменно возникает между документом и реальной жизнью и несёт информативный заряд большой силы. Эволюция языка может быть уподоблена барометру, способному уловить самое начало глубинных социальных сдвигов, когда у историка создаётся впечатление, что понятие возникает раньше того или иного явления. С другой стороны, в обществе часто происходят процессы, которые не имеют словесной идентификации и осмысливаются лишь спустя несколько поколений. Язык эпохи постоянно эволюционирует под влиянием многих обстоятельств и в то же время сам является индикатором изменений в обществе, фактором, влияющим на сознание современников, действенным орудием социального контроля со стороны политической власти и средством политического дискурса.

Литература

1. Безбородко 1858 – Безбородко А.А. Записка для составления законов российских // Чтения ОИДР. 1858. Кн. 3.
2. Бюшинг 1886 – Бюшинг А.-Ф. Автобиография (Изложенные отрывки А.Г. Брикнера) // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 7.
3. Викторский 1912 – Викторский С.К. История смертной казни в России и современное её состояние // Учёные записки имп. Московского университета. Отд. юридический. Вып. 41. М. 1912.
4. Владимирский-Буданов 1915 – Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг., Киев. 1915.
5. Голицын 1874 – Голицын Ф.Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1.
6. Деша 1874 – Деша Гаррис Д. Мальмсбери герцогу Суффолку. 1778 июнь // Русский архив. 1874. Кн. I. № 6.
7. Державин 2000 – Державин Г.Р. Записки. 1743 – 1812. М. 2000.
8. Живов 2002 – Живов В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М. 2002.
9. Записка 1877 – Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I. № 3.
10. Записки 1865 – Записки графа Сегюра. СПб. 1865.
11. Карамзин 1964 – Карамзин Н.М. Записка о Н.И. Новикове // Избранные сочинения в двух томах. М.-Л., 1964. Т. 2.
12. Копосов 2001 – Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение. 2001.
13. Коркунов 1894 – Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб. 1894.
14. Крылов 1945 – Крылов И.А. Почта духов // Он же. Полное собрание сочинений. М. 1945. Т.1.
15. Лаппо-Данилевский 1898 – Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и Свод Законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1898.
16. Лотман 1994 – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. 1994.
17. Лотман 1988 – Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. 1988.
18. Медушевский 2006 – Медушевский А.Н. Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // Classical Russia. 1700–1825. 2006. № 1.
19. Миронов 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб. 2000. Т.1–2.
20. Муравьев 1819 – Муравьев М.Н. Обитатель предместья // ПСС. СПб., 1819. Т. 1.
21. Наказ 1907 – Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб. 1907.
22. Новиков 1954 – Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.-Л., 1954.
23. О должностях 1907 – О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определённая в народных городских училищах Российской империи // Русский Архив. 1907. № 3.
24. Писарькова 2004 – Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I // Отечественная история. 2004. № 2.
25. Письма 1907 – Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование (Сост. Е.С. Шумигорский). СПб. 1907.

26. Радищев 1938 – Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М., Л. 1938. Т. 1.
27. Рассказ 1865 – Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах её царствования // Русский архив. 1865.
28. Романович-Славатинский 1886 – Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч.1: Основные государственные законы. Киев. 1886.
29. Уортман 2004 – Уортман Р. Властители и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М. 2004.
30. Фонвизин 1959 – Фонвизин Д.И. Опыт российского словника // Он же. Собр.соч. в двух томах. М.-Л., 1959. Т. 1.
31. Щербатов 1860 – Щербатов М.М. Разные сочинения. М. 1860.
32. Black 1979 – Black J.L. Citizens for the Fatherland. Education, Educator and Pedagogical Ideals in 18th-Century Russia. Boulder, NY. 1979.
33. Butler 2009 – Butler W. On the Formation of a Russian Legal Consciousness the Zerzalo // Idem. Russia and the Law of Nations in Historical Perspective. L. 2009.
34. Polock 1972 – Polock J.G.A. Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History. London: Methuen. 1972.
35. Pufendorf 1966 – Pufendorf S. De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. NY, 1927.
36. Raeff 1966 – Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. N.Y. 1966.
37. Schierle 1995 – Schierle I. Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharinas II. Zur politisch-sozialen Begriffssprache 1995 – Begriffssprache des Aufgeklärten Absolutismus in Russland // Das Achtzehnte Jahrhundert. 1995. B. 19.
38. Skinner 1978 – Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge U.P., 1978.
39. Smith 1999 – Smith D. Working the Rough Stone: freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb., 1999.
40. Wirtschafter 2003 – Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb., 2003.

References

1. Bezborodko, A.A. (1858), Zapiska dlya sostavleniya zakonov rossijskix [A note for drawing up Russian laws], Chteniya O IDR, b.3.
2. Black 1979 – Black J.L. Citizens for the Fatherland. Education, Educator and Pedagogical Ideals in 18th-Century Russia. Boulder, NY. 1979.
3. Butler 2009 – Butler W. On the Formation of a Russian Legal Consciousness the Zerzalo // Idem. Russia and the Law of Nations in Historical Perspective. L. 2009.
4. Byushing, A.F. (1886), Avtobiografiya (Izlozhenny'e otry`vki A.G.Briknera) [Autobiography (The stated excerpts of A.G.Brickner)], Istoricheskij vestnik, Vol.25, no. 7.
5. Depesha, Garris D. (1874), Mal`msberi gerczogu Suffol`ku. 1778 iyun` [A dispatch from Harris D. Malmesbury to the Duke of Suffolk], Russkij arxiv, b.I, no.6.
6. Derzhavin, G.R. (2000), Zapiski 1743–1812 [Notes], Moscow.
7. Fonvizin, D.I. (1860), Opy`t rossijskogo slovnika [The experience of the Russian dictionary], Moscow-Leningrad, Vol. 1.
8. Golicyn, F.N. (1874), Zapiski [Notes], Russkij arxiv, b.1.
9. Karamzin, N.M. (1964), Zapiska o N.I.Novikove [A note about N.I.Novikov], Izbranny`e sochineniya v dvux tomax. Moscow, Leningrad, vol.2

10. Kopusov, N.E. (2001), *Kak dumayut istoriki* [How historians think], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow.
11. Korkunov, N.M. (1894), *Ukaz i zakon* [Decree and law], SPb.
12. Kry'lov, I.A. (1945), *Pochta duxov* [Mail of spirits], Polnoe sobranie sochinenij, vol.1, Moscow.
13. Lappo-Danilevskij, A.S. (1898), *Sobranie i Svod Zakonov Rossijskoj Imperii, sostavlenny'e v czarstvovanie imperatricy Ekateriny' II* [Empire Collection and Code of Laws compiled during the reign of Empress Catherine II], SPb.
14. Lotman, Yu.M. (1988), *V shkole poe'ticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol'], Moscow.
15. Lotman, Yu.M. (1994), *Besedy' o russkoj kul'ture: by't i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)], SPb.
16. Medushevskij, A.N. (2006), *Proekty' politicheskix reform v Rossii XVIII v. (K stanovleniyu liberal'noj istoriografii)* [Projects of political reforms in Russia of the XVIII century (Towards the formation of liberal historiography)], Classical Russia. 1700–1825, no.1.
17. Mironov, B.N. (2000), *Social'naya istoriya Rossii* [Social History of Russia], SPb, Vol.1–2.
18. Murav'ev, M.N. (1819), *Obitatel' predmest'ya* [Inhabitant of the suburb], SPb., vol. 1.
19. *Nakaz imperatricy Ekateriny' II, danny'j Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya (1907)* [The Order of Empress Catherine II, given to the Commission on the composition of the draft of the new Code], ed. N.D.Chechulina, SPb.
20. Novikov, N.I. (1954), *Izbranny'e sochineniya* [Selected works], Moscow-Leningrad.
21. *O dolzhnostyax cheloveka i grazhdanina. Kniga, k chteniyu opredelennaya v narodny'x gorodskix uchilishhax Rossijskoj imperii (1907)* [About the positions of a person and a citizen. A book, to be read, determined in the people's urban schools of the Russian Empire], Russkij Arxiv, no. 3.
22. *Pis'ma s prilozheniyami grafov Nikity' i Petra Ivanovichej Paniny'x blazhennoj pamyati k Gosudaryu Imperatoru Pavlu Petrovichu (1907)* [Letters with appendices of Counts Nikita and Peter Ivanovich Panin of blessed memory to the Sovereign Emperor Pavel Petrovich], Imperator Pavel I. Zhizn' i czarstvovanie, ed. E.S.Shumigorskij, SPb.
23. Pisar'kova, L.F. (2004), *Rossijskaya byurokratiya v e'poxu Petra I* [Russian bureaucracy in the Era of Peter the Great], Otechestvennaya istoriya, no.2.
24. Polock 1972 – Polock J. G. A. Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History. London: Methuen. 1972.
25. Pufendorf 1966 – Pufendorf S. De Officio Homini Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. NY, 1927.
26. Radishhev, A. N. (1938), *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow], Radishhev A.N. Poln. sobr. soch. M., L., Vol.1.
27. Raeff 1966 – Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. N.Y. 1966.
28. *Rasskaz imperatricy Ekateriny' II-j o pervy'x pyati godax ee czarstvovaniya (1865)* [The story of Empress Catherine II about the first five years of her reign], Russkij arxiv.
29. Romanovich-Slavatinskij, A.V. (1886), *Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvenny'm pravom Zapadnoj Evropy' Ch.1: Osnovny'e gosudarstvenny'e zakony* [The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe. Part 1: Basic state laws], Kiev.

30. Schierle 1995 – Schierle I. Der Bürgerbegriff im Zeitalter Katharinas II. Zur politisch-sozialen Begriffssprache 1995 – Begriffssprache des Aufgeklärten Absolutismus in Russland // Das Achtzehnte Jahrhundert. 1995. B. 19.
31. Shherbatov, M.M. (1860), Razny'e sochineniya [Various works], Moscow.
32. Skinner 1978 – Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge U.P., 1978.
33. Smith 1999 – Smith D. Working the Rough Stone: freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb., 1999.
34. Uortman, R. (2004), Vlastiteli i sud'i: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii [Rulers and Judges: the Development of Legal consciousness in Imperial Russia], Moscow.
35. Viktorskij, S.K. (1912), Istoriya smertnoj kazni v Rossii i sovremennoe ee sostoyanie [The history of the death penalty in Russia and its current state], Ucheny'e zapiski imp. Moskovskogo universiteta, Issue 41, Moscow.
36. Vladimirskij-Budanov, M.F. (1915), Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law], Kiev.
37. Wirtschafter 2003 – Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb., 2003.
38. Zapiska knyazya Bezborodko o potrebnostyax imperii Rossijskoj (1877) [A note by Prince Bezborodko about the needs of the Russian Empire], Russkij arxiv, b. I, no. 3.
39. Zapiski grafa Segyura (1865) [Notes of Count Segur], SPb.
40. Zhivov, V.M. (2002), Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema [The history of Russian law as a linguosemiotic problem], Razy'skaniya v oblasti istorii i predy'storii russkoj kul'tury, Moscow.

Информация об авторе

Елена Н. Марасинова, доктор исторических наук
Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 105066,
Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1;
lenamarassinova@gmail.com

Information about the author

Elena N. Marasina, Dr of Sci. (History)
HSE University, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; bld. 21/4 p.1,
Staraya Basmannaya str., Moscow, Russia, 105066;
lenamarassinova@gmail.com

Советский период отечественной истории: политический, экономический и культурологический аспекты

Уничтожение и сохранение памятников искусства и старины России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.)

Людмила П. Муромцева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
muromtseva_mila@mail.ru

Валерий Б. Перхавко

Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
perkhavko@gmail.com

Аннотация. *Революционный процесс всегда сочетает в себе как разрушительные, так и созидающие начала. Авторы статьи показывают эту амбивалентность политики и действий на основе анализа материалов об отношении красных и белых к историко-культурному наследию России. Как подчёркивается в работе, разрушение памятников представителям династии Романовых началось сразу же после Февраля 1917 г. и ещё более активно продолжилось после захвата власти большевиками, которые нанесли также значительный ущерб церковным реликвиям.*

Ряд памятников истории архитектуры (Москва, Ярославль) пострадали от действий красных войск во время Гражданской войны. Вместе с тем и большевики (в более широких масштабах), и антибольшевистские силы (в меньшей степени) предпринимали усилия по сохранению памятников искусства и старины, которые составляли историко-культурное наследие одной и той же страны, с одним и тем же прошлым.

Ключевые слова: *Россия, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, историческое наследие, разрушение, сохранение, идеология.*

Destruction and preservation of historical monuments during the Civil war in Russia (1917–1922)

Ludmila P. Muromtseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
muromtseva_mila@mail.ru

Valerii B. Perkhavko

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
perkhavko@gmail.com

Abstract. *The revolutionary process always combines both destructive and creative principles. The authors of the article show this ambivalence of policy and actions based on the analysis of materials on the attitude of the Reds and whites to the historical and cultural heritage of Russia. As emphasized in the work, the destruction of monuments to representatives of the Romanov dynasty began immediately after February 1917 and continued even more actively after the seizure of power by the Bolsheviks, who also caused significant damage to church relics.*

A number of monuments of architectural history (Moscow, Yaroslavl) suffered from the actions of the Red troops during the Civil War. At the same time, both the Bolsheviks (on a larger scale) and the anti-Bolshevik forces (to a lesser extent) made efforts to preserve the monuments of art and antiquity, which constituted the historical and cultural heritage of the same country, with the same past.

Keywords: *Russia, February and October revolutions, Civil war, historical heritage, destruction, preservation, ideology.*

Военно-революционные бури 1917–1922 гг. привели не только к смене политического строя и коренной ломке социальноэкономических отношений, но и к разрушению устоявшихся историкокультурных традиций. Они губительно сказались на судьбе движимых и недвижимых памятников искусства и старины. Российская интеллигенция всегда и в любых условиях предпринимала немало усилий для сбережения реликвий истории и культуры. Так было и до революционного 1917 г., и после него. С 1909 г. в Петербурге действовало Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. Тогда же Общество охраны памятников старины и искусства, поставившее цель проведения научных исследований, регистрации и сохранения движимых и недвижимых объектов истории и культуры преимущественно в пределах Украины, появилось и в Киеве. Однако сбережению историко-культурного наследия мешало отсутствие в стране хорошо разработанной законодательной базы. Широкому общественному обсуждению подвергся правительственный законопроект «Положения об охране древностей» 1911 г., однако из-за отсутствия консенсуса среди творческой интеллигенции он так и не был принят [Перхавко 2017, с. 149–152].

Повышению интереса к отечественному наследию во многом способствовало широкое празднование в 1909, 1912–1913 гг. ряда юбилейных исторических дат: 300-летия освобождения Москвы от иноземных интервентов в 1612 г., 300-летия Дома Романовых, 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны 1812 года. Однако до Первой мировой войны в русском обществе ещё не сформировалось убеждение о необходимости сохранения на государственном уровне, наряду с памятниками старины и архивными документами, материальных свидетельств современной эпохи. Осознание важности расширения верхней хронологической границы памятников истории произошло в связи с эпохальными военными событиями 1914–1915 гг. В Петрограде ещё до Февраля 1917 г. планировалось создать Центральный военно-исторический музей и Музей Великой войны. Можно смело утверждать о формировании в просвещённой части российского общества традиций бережного отношения к реликвиям истории.

В годы революций, Гражданской войны и иностранной интервенции историко-культурному достоянию России был причинён значительный ущерб. Рассуждая об отношении к нашему наследию, создававшемуся на протяжении веков, нужно учитывать не только культурный и образовательный уровень человека с ружьём, игравшего ключевую роль в этих событиях, но и специфическую военную психологию. Для постоа войск и особенно размещения их командного состава использовались старинные дворцы и усадьбы, в качестве наблюдательных пунктов – колокольни. В пылу ожесточённых сражений и красные, и белые стремились к победам любой ценой, и творения старинной архитектуры (храмы, дворцы) порой превращались в мишени для артиллерийского огня. К военным кругам авторы статьи относят всех военнослужащих (от рядовых – до высшего начальствующего состава, от фронтовиков – до контингента тыловых гарнизонов и охранных частей), кто должен был подчиняться воинским уставам и выполнять приказы вышестоящего командования.

Военные люди с обеих сторон нередко расхищали историко-культурные реликвии. «Много было тогда разрушено наших родных гнёзд, много пропало бесценных культурных сокровищ, – с сожалением писал С.Е. Трубецкой. – Морально удары эти переживались ещё куда тяжелее, чем материально» [Трубецкой 1991, с. 63–64]. Однако разрушительные тенденции сочетались и переплетались с созидательной деятельностью по сохранению памятников истории и культуры, символов и традиций России. Попытаемся объективно охарактеризовать, как это проявлялось по разные стороны баррикад (в Красной Армии и Белом движении) в период активной и полномасштабной Гражданской войны, начав с предыстории, бурных и неоднозначных событий военно-революционного 1917 г.

Ещё до создания Красной и Белых армий

Сразу же после свержения Николая II в Русской армии стали отвергаться прежние символы и традиции, которые формировались на протяжении нескольких столетий: погоны, кокарды с императорскими вензелями. Не только разнузданные солдаты, забывшие о воинской дисциплине и чинопочитании, с каким-то остервенением срывали с плеч офицеров золотистые погоны, которые ассоциировались со старым царским режимом, пославшим их воевать и погибать. Но кое-кто из офицеров армии и флота по собственной воле в революционном порыве снимал свои погоны. Проводились даже массовые кампании сдачи боевых орденов и медалей. При активном участии революционных солдат и матросов повсеместно сбрасывался главный символ царской власти – увенчанный коронами двуглавый орёл, свергались с пьедестала бюсты и монументы; памятники императорам использовались в качестве трибун для революционных речей [Колоницкий 2012, Лиманова 2018, с. 922–924].

В период между Февралём и Октябрём 1917 г. были разрушены либо повреждены многие скульптурные памятники, посвящённые историческим деятелям России: Петру Великому (Екатеринбург), Екатерине II (Екатеринослав), Александру I (Таганрог), Александру II (Ростов-на-Дону, Саки

Евпаторийского уезда), Александру III (Феодосия), П.А. Столыпину (Киев) [Колоницкий 2012, с. 134–138]⁷⁹. И это далеко не полный их перечень. В 1900 г. выдающийся русский художник Валентин Серов написал в Царском Селе по заказу самого императора портрет Николая II в офицерской тужурке лейб-гвардии Преображенского полка, спустя семнадцать лет разъярённые матросы несколько раз проткнули штыком портрет; сохранились свидетельства этого революционного народного варварства, а в Третьяковке можно увидеть только авторскую копию картины [Серова 1986, с. 83, 85, 178]. По газетным сообщениям и фотографиям видно, что среди разрушителей памятников русской истории и культуры преобладали люди, одетые в солдатские шинели и матросские бушлаты. В Гельсингфорсе (совр. Хельсинки) в начале апреля 1917 г. русские солдаты и матросы начали свои разрушительные действия с уничтожения бронзовой короны на двуглавом императорском орле гранитного обелиска на Рыночной площади (Кауппатори), установленного в честь посещения города в 1833 г. императрицей Александрой Фёдоровной, супругой Николая I. Исполкому Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих пришлось даже остужать горячие головы, призывая не слушать тех, кто подстрекал «уничтожить памятники, принадлежащие Финляндии», и ссылаясь на авторитет столицы: «Уж на что революционный Петроград, завоевавший России свободы в дни революции, и теперь бережно охраняет все памятники Петрограда»⁸⁰. Он постановил отпечатать листовку с соответствующим воззванием тиражом 5000 экземпляров и откомандировать взвод солдат для охраны памятников города. Вместе с тем сам исполком Гельсингфорсского совета направил 18 марта 1917 г. обращение коменданту Свеаборгской крепости с предложением снести памятник на лагерном острове, на могиле военнослужащих, погибших в 1906 г. при подавлении вооружённого революционного выступления⁸¹.

На сносе памятника Александру III в Феодосии настояли матросы одного из крейсеров Черноморского флота, сошедшие на берег⁸². Солдатами маршевых рот, направившихся на фронт, были разрушены памятники Николаю I в селе Медведь Новгородской губернии и Александру Второму-Освободителю в местечке Смиловичи Минской губернии⁸³. А в Екатеринославе по требованию без меры революционных горожан и солдат местного гарнизона статую Екатерины Великой («Медную бабушку»), изготовленную в конце XVIII в. в Германии и одно время принадлежавшую А.С. Пушкину,

---

79 Разрушенные памятники Империи [Электронный ресурс] // Сайт «Православный Апологет». URL: <http://apologet.spb.ru/ru/1449> (дата обращения 25 ноября 2018).

80 Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 11 марта; 8, 13 апреля; [Дубровская 1992, с. 64–65].

81 Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 24 марта.

82 День. Петроград, 1917. 29 июня.

83 Единство. Петроград. 1917. 13 апреля; Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. 655–656.

не просто сняли с пьедестала, но и собирались даже отправить в Брянский Арсенал для переплавки и изготовления снарядов, которых так не хватало на фронте, особенно в начале Первой мировой войны⁸⁴.

Искусствовед, реставратор, художник и археолог Константин Константинович Романов (1882–1942), один из руководителей Комиссии по охране памятников искусства и старины, направил в середине июня 1917 г. про- странное письмо премьеру Временного правительства, князю Г.Е. Львову, в котором указал на тревожные факты массовой скупки у священников и монахов иностранцами, в том числе и военнопленными, произведений древнерусского искусства (икон, складней, панагий и др.). В связи с этим он настоятельно просил «запретить отчуждение памятников искусства и старины, принадлежащих государству, церквям, монастырям, епархиям, а также ризницам и хранилищам»⁸⁵. В октябре 1917 г. во время богослужения в Успенском соборе Кремля двое не совсем трезвых солдат стали срывать покровы с золочёной раки святителя Гермогена [Васильева, Кнышевский 1994, с. 11,13].

В то же время и после революционного Февраля 1917 г. в Петрограде продолжали функционировать Военно-исторический музей и Музей Великой войны. В марте 1917 г. известный искусствовед Иван Николаевич Божерянов (1852–1919) отправил в типографию для переиздания каталог выставки 1915 г. «Война и наши трофеи», связанной с Первой мировой войной, под изменённым названием «Первое Правительство Свободной России и Выставка Войны»⁸⁶.

В период нахождения у власти Временного правительства представители российской интеллигенции (Александр Бенуа, Максим Горький и другие) ставили вопрос о создании центрального органа по охране памятников искусства и старины, однако до практического воплощения проекта дело так и не дошло [Галай 2008, с. 93–102, Галай 2019, с. 71–77].

Кое-где на окраинах России, особенно на Украине, устремившейся к автономии, а затем и к независимости, вспомнили о былом, прежде всего о запорожском казачестве. Первые украинские национальные части с жёлто-голубыми знамёнами и кокардами, получившие название гайдамацких, возникли ещё весной 1917 г. Их организаторы хотели подчеркнуть историческую связь с гайдамаками – участниками народных восстаний XVIII в. В Киеве сформировали особый украинский имени Богдана Хмельницкого полк. Один из основателей Украинской Центральной Рады, революционер и видный деятель кооперативного движения Н.М. Стасюк, выступая 19 марта 1917 г. на митинге в Киеве, предложил убрать с пьедестала памятника Богдану Хмельницкому (работы М.О. Микешина) надпись «Волим под царя

---

84 Вестник Временного правительства. 1917. 16 апреля.

85 Письмо хранится в Российском государственном историческом архиве (Ф. 794. Оп. 1. Д. 48. Л. 16–18); [Жуков 1989, с. 51].

86 Первое Правительство Свободной России и Выставка Войны. Пг., 1917.

московского»⁸⁷. С величественного семиметрового памятника в Полтаве, сооружённого на месте дома, в котором останавливался в 1709 г. Пётр I, демонтировали бронзовую плиту с надписью: «Воздвигнут 27 июня 1849 года в царствование Императора Николая I». Позже, в 1921 г., на Украине снесут не только исторические надписи, но и скульптурные фигуры генерального судьи Кочубея и полковника Искры с памятника на Арсенальной площади [Сокол 1999, с. 35, 41, 107].

После захвата большевиками власти нарком по делам национальностей И.В. Сталин с согласия наркома просвещения А.В. Луначарского удовлетворил просьбу Украинского военно-революционного штаба в Петрограде о возвращении Украине национальных реликвий (знамён, бунчуков, грамот и др.), вывезенных при Екатерине II и находившихся в Эрмитаже и Преображенском гвардейском соборе⁸⁸.

Обратим внимание далее на недвижимые памятники истории и культуры, пострадавшие во время революционных боёв в конце 1917 г. Наибольшей жесточённостью и кровопролитием сопровождалась борьба за установление советской власти в Москве и Иркутске. Сначала Московский Кремль собирались штурмовать юнкера, засевшие в Манеже и обстреливавшие зубцы кремлёвских стен из винтовок и пулемётов, однако их командиры не стали использовать пушки, чтобы не повредить «памятники русской истории». Затем после переговоров полковника К.И. Рябцева с комендантом Кремля прапорщиком О.М. Берзиным утром 28 октября юнкеров беспрепятственно впустили в Кремль через Троицкие ворота⁸⁹. Но во время построения солдат большевизированного 56-го полка и примкнувшей к ним роты дезертиров 193-го полка, лишь частично сдавших оружие, как вспоминал юнкер В.С. Арсеньев, племянник старшего хранителя Оружейной палаты Ю.В. Арсеньева, внезапно началась стрельба по юнкерам, вынужденным открыть беспорядочный ответный огонь. Батальонный командир Александровского училища полковник Дренякин приказал даже открыть стрельбу из орудия через уже запёртые Троицкие ворота⁹⁰.

---

87 Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Авт.-сост. Л.Г. Протасов. М., 2014. С 412.

88 Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 19 ноября (2 декабря).

89 Командующий Московским военным округом с сентября 1917 г. Константин Иванович Рябцев (1879–1919), кадровый офицер, участник русско-японской и Первой мировой войн, эсер, по партийной принадлежности, происходил из семьи священника и увлекался литературством. Был убит белогвардейцами в Харькове. См.: [Журавская 1998]; В отличие от Рябцева, свежиспечённый прапорщик Оскар Михайлович Берзин (1894–1938), член РСДРП (б) с 1917 г., не обладал таким жизненным и боевым опытом. Впоследствии репрессирован.

90 Исторический архив. 1992. № 4. С. 104–110; Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. М., 1996. С. 132–134; Имя и отчество Дренякина пока установить не удалось. На 1917 г. в рядах Русской армии числились три офицера с такой фамилией и такого ранга, очевидно братья: Борис, Леонид и Николай Васильевичи.

Ещё более драматичные события были впереди. Сохранились приказы Московского военно-революционного комитета (ВРК) и Замоскворецкого районного совета рабочих и солдатских депутатов о беспощадном артиллерийском обстреле Кремля, в котором защищались юнкера. Лишь председатель Моссовета большевик В.П. Ногин решительно возражал во время обсуждения в ВРК целесообразности нанесения ударов по историческим памятникам [Вознесенский 2018, с. 230–234]. 1–2 ноября 1917 г. большевистские отряды с шести точек (от храма Христа Спасителя, со Швивой горки, с Воробьёвых гор, Калужской заставы, Кудринской площади и Никольской улицы) подвергли артиллерийской бомбардировке (в том числе из 48-линейных орудий) национальную святыню России, где тогда располагались не только Оружейная палата, старинные соборы, дворцы, но и ценные коллекции (Эрмитажа, Аничкова дворца, Александро-Невской лавры), вывезенные в сентябре – октябре 1917 г. из Петрограда и оказавшиеся в опасности. Для ведения огня из пушек и гаубиц большевикам понадобилась добровольная помощь в рекогносцировке и составлении таблиц стрельбы профессора-астронома Московского университета П.К. Штернберга. Напрасно Поместный собор Русской Православной Церкви, собравшийся для восстановления патриаршества и избрания патриарха, призывал не применять артиллерию «во имя спасения дорогих всей России святынь, разрушения и поругания которых русский народ никому и никогда не простит». Депутация участников Собора во главе с митрополитом Тифлиским Платоном (Рождественским) 2 ноября 1917 г. даже отправилась в ВРК для переговоров о прекращении кровопролития⁹¹.

Один из большевистских снарядов пробил главу Успенского собора, получили повреждения южное крыльцо Благовещенского собора, алтарь Архангельского собора, храм Двенадцати Апостолов, фасад Чудова монастыря, Малый Николаевский дворец, Беклемишевская, Никольская, Спасская и Тайницкая башни, храм Василия Блаженного⁹². Фотографам и фотокорреспондентам газет А.Ф. Дорну, П.А. Оцупу, П.П. Павлову, А.И. Савельеву и многим другим, чьи имена нам неизвестны, удалось сделать свыше 10000 снимков, запечатлевших для современников и потомков разрушения в Москве⁹³. Далеко не всё сохранилось в виде авторских отпечатков на паспарту, серии фотооткрыток, не очень чётких воспроизведений на страницах газет и журналов конца 1917–1918 гг., а также в личных фотоальбомах. Часть фотографий обнародовал в декабре 1917 г. в книге «Расстрел Московского Кремля» член Комиссии по фотографированию и описанию поврежденных

---

91 Деяния священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Пг., 1918. Т. III. Деяния 35–40.

92 См.: Новая жизнь. 1917. № 175. 8 (21) ноября; [Революция 1917, с. 70–79]; [Ростиславов 1917, с. 79–84]; Акт осмотра московских памятников искусства и старины // Известия Археологической комиссии. Пг., 1918. Вы. 66. С. 226–230; [Васильева, Кнышевский 1994, с. 20–21]

93 *Московский Кремль после артиллерийского обстрела 1917 года*. Фотографии. М., 2017.

Кремля, епископ Камчатский Нестор (Н.А. Анисимов) [Нестор 1917]. На одной из них можно лицезреть разбитую витрину с редчайшим памятником древнерусской письменности – Мстиславовым Евангелием начала XII в. 8000 из 10 000 экземпляров клише фотографий первого издания книги «Расстрел Московского Кремля» впоследствии были уничтожены, чтобы скрыть вину большевиков-разрушителей. И далеко не случайно на полотнах советского художника К.Ф. Юона «Штурм Кремля в 1917» (1927 г.) и «Взятие Кремля в Октябрьские дни 1917 г.» (1947 г.), написанных к юбилеям Октябрьской революции, не видно следов повреждений Никольской и Троицкой башен, за исключением, пожалуй, не очень чёткого изображения полуразрушенного иконного образа над воротами Никольской проездной башни⁹⁴.

Красногвардейцы из отряда М.В. Фрунзе с большим удовольствием вели огонь по окнам и фасадам гостиницы «Метрополь», украшенной майоликовыми панно и скульптурными фризами по эскизам известных русских художников (В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, А.Я. Головина, К.А. Коровина, В.Д. Поленова В.А. Серова), наблюдая, как с грохотом падают вниз обломки стекла и облицовки здания. В сознании полуграмотных солдат с низким культурным уровнем Кремль также ассоциировался только с чуждой им бывшей царской властью и буржуями. «...Какой-то солдатишко, идя по Мясницкой, ораторствовал, “что там ихний Кремль, жись-то наша чай дороже”, – записал в дневнике по горячим следам событий, торговый служащий Никита Петрович Окунев. – Подумаешь, до чего может дойти русский мужик своим умом! Хотя, разрушая народные святыни, он разрушает их всё-таки для того только, чтобы кого-то там уничтожить, лишить жизни, а вовсе не для того, чтобы разворотить что-то священное, целые века охранявшееся его же предками от нашествия иноплемennых и теперь уничтоженное его святотатственной рукой» [Окунев 1997]. В ноябре 1917 г. советские милиционеры, в распоряжении которых оказалось старинное здание Английского клуба на Тверской, рубили кинжалами селёдку на дорогих инкрустированных столиках, за которыми ранее сидели представители ненавистной народу аристократии и просвещённой интеллигенции. 2 ноября 1917 г. на заседании Петроградской городской думы была зачитана телеграмма московского городского головы, эсера В.В. Руднева, в которой, в частности, говорилось: «Выгорел Василий Блаженный, разрушен Успенский собор, разрушена городская дума, выгорела Большая Тверская»⁹⁵.

Узнав о разрушениях, нарком просвещения А.В. Луначарский даже подал заявление об отставке. «Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется», – с возмущением писал

---

94 Картины хранятся в Государственном центральном музее современной истории России.

95 Надо признать, что автор телеграммы несколько преувеличил масштабы разрушений в центре Москвы, о которых также поведал на заседании Московской городской думы 6 ноября 1917 г. Н.И. Астров. См.: [Малышева, Токарева 2017, с. 51–57]; [Тарасов, Кондратьев, 2020, с. 109–110].

он 2 ноября 1917 г.⁹⁶ И уже на следующий день на заседании Совнаркома Ленин дал ответ на заявление Луначарского, оставшегося на своём посту: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идёт об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли только мечтать в прошлом»⁹⁷. Высказался по данному поводу и Н.И. Бухарин: «Смешно думать, что социалистическая революция может пройти также безболезненно, как какой-либо народный праздник»⁹⁸. Как видим, фанатизм революционеров, ниспровергающих в борьбе за «светлое будущее» старый мир, не знает границ. Главное для них – не судьба историко-культурного наследия, а стремление захватить и удержать власть любой ценой. Видимо, в результате действий Луначарского и протестов творческой общественности 3 ноября 1917 г. Московский совет рабочих и солдатских депутатов сформировал Комиссию по охране памятников искусства и древностей, вскоре Комиссия по охране всех художественных, научных, исторических ценностей была создана и Московским военно-революционным комитетом. 12 марта 1918 г. Московский Кремль вновь стал правительственной резиденцией, и уже с лета того же года в нём развернулись ремонтно-восстановительные работы на повреждённых памятниках архитектуры [Жуков 1985, Введенская 1989, с. 119–124].

В ходе не менее ожесточённой борьбы за власть в декабре 1917 г. в Иркутске, где одним из отрядов большевиков командовал С.Г. Лазо, пострадали и местный «Белый дом», и Тихвинская церковь, и Воскресенский храм, в котором большевистский снаряд сбил паникадило⁹⁹.

Деморализованной солдатской и матросской массе, происходившей главным образом из полуграмотных крестьян и перешедшей на сторону большевиков, городская среда со всей её инфраструктурой (дворцами, транспортом, водопроводом и канализацией, скульптурными памятниками) казалось не своей, чуждой, буржуазной. Причём в большинстве своём в разрушении памятников участвовали в 1917 г. не фронтовики, а солдаты и матросы тыловых частей. Далеко не все из них, включая вожаков-командиров, успели даже понюхать боевой порох Первой мировой войны. В момент полной деморализации и развала старой армии, накануне подписания Брестского мира, большевики приступили с января 1918 г. к созданию Рабоче-крестьянской Красной армии, а их противники – Добровольческой армии, а затем и других антибольшевистских вооружённых сил.

---

96 В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 46.

97 Там же. С. 211–212.

98 Московский листок. 1917. 9 ноября.

99 Декабрьские бои в Иркутске // Иркутский казак. Харбин. 1935. 8 мая. С. 50; [Новиков 2005, с.30–35].

С красными знамёнами и звёздами (1918 – 1922 гг.)

Человек с ружьём, почувствовавший свою силу и прекрасно осознавший свою безнаказанность ещё во время революций 1917 г., продолжал оказывать решающее влияние на ход исторических событий и во время развернувшейся вскоре полномасштабной Гражданской войны. Вопреки запрету наркома просвещения А.В. Луначарского в начале 1918 г. в Гатчинском музее армейское руководство расквартировало воинскую часть и самочинно вывезло из помещений музейные экспонаты. Тогда Луначарскому пришлось обращаться за помощью к председателю Всероссийской коллегии по организации и управлению Красной Армии Н.И. Подвойскому [Поликарпов 1972, с. 84]. Ценные материалы архива, собранного Нижегородской архивной комиссией и хранившегося в башнях Нижегородского кремля, не раз в это время подвергались расхищению и даже уничтожению [Галай 1989, с. 136–151].

Командующий советскими войсками на Украине М.А. Муравьёв, очевидно, решил во время борьбы за Киев 23–27 января 1918 г. воспользоваться московским опытом широкого применения артиллерии, приговаривая: «Мы идём огнём и мечом»¹⁰⁰. По его приказу большевистские батареи били беспощадно по центральным районам древнейшей столицы Руси, где располагались старинные храмы, монастыри, дворцы, скульптурные монументы. Впоследствии Киевское Общество охраны памятников старины и искусства создало комиссию из архитекторов и членов Общества исследователей искусства для фиксации масштабов разрушений. Как выяснили специалисты, многим бесценным объектам историко-культурного наследия большевики-артиллеристы причинили огромный ущерб: пострадали алтарь Софийского собора (XI в.); храм Спаса на Берестове (XI в.); Михайлов Златоверхий монастырь (XII в.); трапезная Софийского монастыря (начало XVII в.); Великая церковь, колокольня, здание типографии, «Палатная башня» Киево-Печерской лавры (конец XVII – XVIII вв.); колокольня Военного Никольского собора (1750 г.) и сам собор; другие памятники архитектуры [Волков 2001, с. 29–30, Беляков 2020, с. 371–374]. 25 января, когда большевистские отряды уже входили в Киев, от их действий погибли две частные художественные коллекции: председателя Украинской Центральной Рады, профессора-историка М.С. Грушевского (его дом на Паньковской улице в результате нескольких выстрелов зажигательных снарядов превратился в пылающий костёр) и художника В.Г. Кричевского (старинные керамика, ковры, стекло, серебряная церковная утварь, картины) [Эрнст 1918, с. 3–14].

С бахвальством военно-политический авантюрист М.А. Муравьёв телеграфировал В.И. Ленину: «Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам... Я сжёг большой дом Грушевского, и

---

100 Михаил Артемьевич Муравьёв (1880 – 1918) – кадровый офицер, подполковник, командовал большевистскими отрядами во время разгрома выступления Керенского – Краснова в конце октября – начале ноября 1917 г. Отличался неуравновешенностью характера и отсутствием чётких политических позиций. Примкнул к левым эсерам и был убит красными при подавлении левозсеровского мятежа на Восточном фронте.

он на протяжении трёх суток пылал ярким пламенем» [Савченко 2000, с. 54, Савченко 2004, с. 160]. Сам учёный и политический деятель в том же году писал с огорчением: «...Сгорели мои рукописи и материалы, библиотека и переписка, коллекции украинских древностей, что я собирал столько лет, собрания ковров, вышивок, оружия, посуды, фарфора, фаянса, украшений, мебели, рисунков» [Грушевський 1918, с. 5]. Уже на склоне лет, находясь в эмиграции, генерал Пётр Семенович Махров вспоминал, как в конце марта 1918 г. большевистская артиллерия беспощадно обстреливала центральную часть Полтавы, повредив при этом городской собор [Ганин 2020, с. 180].

С лета 1918 г. практически вся огромная страна оказалась охвачена пожаром всё более разгоравшейся Гражданской войны, сопровождавшейся огромными жертвами и разрушениями, в том числе памятников истории и культуры (как недвижимых, так и движимых).

IV чрезвычайный общемуслманский краевой съезд, созванный в Коканде 27 ноября 1917 г., «выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возведённых Великой Российской революцией», объявил «Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Демократической Российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому учредительному собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок»¹⁰¹. Однако до его созыва дело не дошло, так как в феврале 1918 г. Туркестанская (Кокандская) автономия была ликвидирована большевистскими войсками, присланными из Ташкента. Тогда в результате массированного обстрела из орудий большевики, к которым примкнули армянские дашнаки, разрушили старинную часть Коканда, где находилось немало памятников истории и культуры [Алексеенков 1927, с. 58].

6 июля 1918 г. при отступлении красных от антибольшевистских сил завязался ожесточённый бой за село Мальта под Иркутском, получившее мировую известность после открытия там палеолитической стоянки [Новиков 2005, с. 77–78]. В ходе сражения активно использовались и пулемёты, и артиллерийские орудия, и в результате прямого попадания снарядов был основательно разбит каменный Вознесенский храм первой трети XIX в.

В тот же день, 6 июля 1918 г., антибольшевистский Союз защиты Родины и свободы, возглавляемый Б.В. Савинковым, поднял восстание в Ярославле, продолжавшееся по 21 июля. Состав участников Ярославского восстания, военным руководителем которого являлся полковник А.П. Перхуров, отражал широкий спектр политических сил: от социалистов до кадетов и монархистов. Большевистские войска (1-й советский полк и др.), первоначально дислоцировавшиеся в районе р. Которосли, а затем окружившие город, имели численный и вооружённый перевес, который использовали для подавления восстания. Повстанцы сосредоточились в историческом центре старинного русского города, славившегося архитектурными постройками XVII–XIX вв. Социал-демократ С.А. Суворов, избранный на первых всеобщих, демократических выборах 30 июля 1917 г. городским головой Ярославля, сложил полномочия

---

101 Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сборник документов. Ташкент, 1972. Т. 2. С. 27.

и погиб в ходе восстания. Вызвавшись в качестве парламентёра отнести в расположение красных войск письмо от штаба повстанцев с призывом не разрушать город, он был застрелен при подходе к позициям красных. Советская артиллерия, насчитывавшая до 10 батарей, систематически обстреливала исторический центр города из 76-мм пушек. Красные использовали для подавления восстания также три бронепоезда и авиацию. Только за два вылета с аэропланов было сброшено 12 пудов динамитных бомб [Ярославское 1998, Ярославское 2007, Кидяров 2010, Кидяров 2016, с. 115–133].

В результате в значительной степени пострадал ряд памятников архитектуры XVII–XIX вв.: Афанасиевский и Спасо-Преображенский монастыри, колокольня Успенского монастыря, церковь Никола Рубленый, церковь Покрова Богородицы на Борисоглебской улице, Гостиный двор. Сгорело здание Демидовского лицея с ценнейшей библиотекой¹⁰². В Ярославль осенью 1917 г. перевезли на баржах из Петрограда коллекции Артиллерийского исторического музея (АИМ), в котором хранились военные и художественные ценности, связанные с историей всех родов сухопутных войск России. Они находились в Спасском монастыре, где в результате артиллерийского обстрела возник сильный пожар. Сгорели 55 ящиков с ценным музейным имуществом: всего около 2000 знамён (в том числе стрелецкие); трофеи, собранные в ходе Первой мировой войны; 300 экземпляров старинного огнестрельного и холодного оружия. На баржах были повреждены 54 ценных орудия, в воде погиб архив 2-й половины XVIII в. и частично – 1-й половины XIX в. После подавления восстания выяснилось, что в реставрации и ремонте нуждаются около 40 архитектурных объектов, для чего в Ярославле были созданы реставрационные мастерские [Рязанцев 1996, с. 210–230, Рязанцев 2019, Личак 2003].

В 1918–1920 гг. большевистские власти продолжали сносить с участием военных памятники искусства и старины. Так, 16 августа 1918 г. в подмосковной Верее на митинге отряда Красной Армии, убывающего на борьбу против белочехов, приняли решение о сносе памятника одному из героев Отечественной войны 1812 года – генералу И.С. Дорохову, которое сразу же и осуществили, заодно разграбив его могилу в местном соборе Рождества Христова. Летом 1918 г. в Петрограде отдельные группы солдат предпринимали попытки захвата музейных коллекций с целью их дележа и перепродажи [Васильева, Кнышевский 1994, с. 24]. В Новоспасском и Спасо-Андрониковом монастырях Москвы, Аврамиевской обители Смоленска разместились с осени 1918 – начала 1919 г. первые большевистские концентрационные лагеря. Перед размещением заключённых эти старинные обители были основательно разграблены охранниками из отрядов ВЧК [Иванова 2015, с. 128]. Перечень таких геростратовских деяний большевиков при желании можно продолжить. Они распространились и на усадебные комплексы Крыма [Козлов 1999, с. 24–25].

В 1921–1922 гг., когда ещё продолжались военные действия на восточных рубежах России, страну охватил страшный голод. И большевистские власти

---

102 Ярославский край в документах и материалах (1917–1977). Ярославль, 1977. С. 14–16.

решили воспользоваться народной трагедией для нанесения сокрушительного удара по Русской православной церкви. Инициатором конфискации церковных ценностей под предлогом организации помощи голодающим стал наркомвоенмор Л.Д. Троцкий, который предлагал зимой 1921–1922 гг.: «Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке изъятия и учёта церковных ценностей, о порядке их сосредоточения и об установлении им особого государственного учёта со специальным назначением на нужды голодающих (хлеб, семена, орудия и пр.)» [Кривова 1997, Галай 1997, Галай, Пронина 2008, с. 89–111]. Он же и санкционировал использование в этих акциях военно-силовых методов.

27 декабря 1921 г. был издан декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», а 2 января 1922 г. ВЦИК принял постановление «О ликвидации церковного имущества», и вышел декрет об изъятии музейного имущества. Все ценности соборных и приходских храмов, а также монастырей распределялись на три части, в зависимости от их историко-художественного и материального значения: 1) имущество, имевшее историко-художественное значение и подлежавшее ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения (Главмузея) во главе с Н.И. Троцкой (Седовой); 2) имущество, материальные ценности, подлежащие выделению в Гохран; 3) имущество обиходного характера. Декрет предусматривал обязательное участие в кампании изъятия представителей Главмузея. 14 января 1922 г. была разослана телеграмма местным комиссиям, а 23 января 1922 г. власти утвердили инструкцию, регламентирующую изъятие церковных ценностей. Для учёта, изъятия и отправки ценностей в Гохран из мест их прежнего хранения (музеев, складов ВЧК, губфинотделов, закрытых монастырей и др.) в губерниях создавались комиссии по учёту и сосредоточению ценностей при губисполкомах под председательством завгубфинотдела с неперменным участием предгубчека и губвоенкома. На губернской комиссии возлагалось руководство и наблюдение за «незамедлительной сдачей» и своевременной транспортировкой ценностей в Гохран. Особая процедура предусматривалась при конфискации ценностей закрытых монастырей, которые изымались комиссиями по соглашению с отделами управлений губсоветов при обязательном присутствии представителей губюста, губмузея и Центральной экспертной комиссии Главмузея в момент сдачи ценностей в Гохран. Для охраны ценностей комиссиям предоставлялось право обращаться к начальникам гарнизонов для выделения курсантов или наиболее надёжных красноармейцев. Кроме красноармейцев и курсантов, к этим акциям широко привлекались также милиционеры и чоновцы, о чём свидетельствуют документальные материалы и фотографии, на которых ухмыляющиеся молодые люди в шинелях выносят иконы, драгоценные оклады, церковную утварь и другие культовые вещи [Кривова 1997, Петров, Покровский 1997–1998]¹⁰³.

---

103 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство: документы и фотоматериалы 1917–1941. М., 1995.

В ряде мест (Москве, Петрограде, Смоленске, Старой Руссе, Шуе и др.) население пыталось противостоять военным, участвовавшим в конфискации церковных ценностей. 15 марта 1922 г. в Шуе по толпе из нескольких тысяч верующих (рабочих, крестьян, ремесленников, мелких торговцев, служащих), пытавшихся не допустить изъятие культовых реликвий из Воскресенского собора, был открыт пулемётный огонь, в результате были убиты 6, ранены 10 человек. В подавлении волнений населения Шуи участвовал 146-й полк РККА. А скорый на расправу ревтрибунал приговорил к расстрелу ряд шуйских священников¹⁰⁴.

В Смоленске ранним утром 22 марта 1922 г. отряды курсантов окружили Свято-Успенский кафедральный собор, а также Вознесенский и Троицкий монастыри. Возмущённые верующие оказали ожесточённое сопротивление, используя камни, глыбы снега, палки, отнимая у курсантов оружие. С помощью подкрепления, вызванного красными командирами, выступление, жертвами которого стали одна погибшая женщина и 6-7 раненых мужчин, подавили. Учитывая произошедшие уже инциденты, командующий Московским военным округом Н.И. Муралов, встретивший Февраль 1917 г. простым солдатом, создал оперативный штаб для содействия вывозу церковных ценностей во главе с комендантом Москвы Н.А. Яковлевым. Но и в столице страны не обошлось без нежелательных для большевистских властей происшествий. В Москве у церкви Богоявления в Дорогомилове (Хамовнический район) во время работы районной комиссии по изъятию церковных ценностей 5 апреля 1922 г. прихожане, вооружившись камнями, избili 8 красноармейцев. Для усмирения толпы протестующих пришлось вызывать отряд кавалеристов [Изъятие 2006, с. 8–10, 12–14, 156–157, Кублановский 2016, с. 331–335].

При вывозе культовых вещей из церкви Путиловского завода в Петрограде от рук верующих пострадали несколько курсантов и милиционеров. Протестующих рабочих удалось разогнать только с помощью вызванного подкрепления – целого отряда ЧОН [Кублановский 2016, с. 336]. Как выяснилось, на спасение самих голодающих ушли не более 25–30 % из 4,5 млн золотых рублей, в которые были оценены культовые вещи, конфискованные у церковных учреждений [Кривова 1997, Петров, Покровский 1997]. Часть из них передали в музеи, часть распродали, а кое-что разошлось по рукам тех, кто участвовал в позорных акциях по изъятию церковных ценностей.

Наряду с отрицательными последствиями разрушительной стихии, связанной с анархизмом, хаосом, безвластьем, бескультурьем, в годы Гражданской войны и белыми, и красными велась созидательная работа, направленная на сохранение памятников старины. Причём наиболее активную и планомерную работу по сохранению исторических реликвий на общегосударственном уровне проводили органы большевистской власти. Ещё 5 октября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) назначил Бернгарда Давидовича Мандельбаума (1888–1953) и Григория Степановича

---

104 См. первое официальное сообщение о событиях в Шуе в центральной прессе, к которому нужно относиться критически: Известия ВЦИК. 1922. 24 марта; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.190–193.

Ятманова (1878–1949) комиссарами по защите музеев и художественных ценностей. Связавшись по телефону с комиссаром Павловского полка, они попросили выделить особый караул для охраны Русского музея [Петроградский 1966, с. 94, Жуков 1989, с. 60–61, 285]. В ноябре 1917 г., используя специальные воинские наряды частей Петроградского гарнизона, выделенные ВРК, члены Петроградской историко-художественной комиссии организовали массовые обыски в антикварных магазинах, ломбардах и облавы на рынках с целью поисков реликвий истории и культуры, похищенных в бурные революционные октябрьские дни [Петроградский 1966, с. 240].

В первых документах советских органов власти, посвящённых сохранению историко-культурного наследия страны, фигурировало понятие «памятники искусства и старины», которое укоренилось ещё до революции; музейные коллекции именовались «культурными ценностями», «художественными и историко-культурными ценностями»¹⁰⁵. Национализацией и сохранением частных коллекций, конфискацией церковных ценностей занимался Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Музейный отдел), созданный в составе Наркомпроса 28 мая 1918 г. С момента создания и по 1927 г. им руководила (и довольно успешно) Н.И. Троцкая [Равикович 1970, с. 3–25, Жуков 1989]. Большую роль в деле сохранения историко-культурного наследия сыграли декреты СНК от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В соответствии с этими документами национализировались крупные коллекции, и на их основе создавались государственные историко-художественные музеи. Владельцам других коллекций выдавались охранные грамоты. Проводилась регистрация и инвентаризация памятников архитектуры, на которые заполнялись учётные карточки. Только в Москве в 1918–1919 гг. было зарегистрировано 162 архитектурных объекта, подлежащих государственной охране. Создавались новые мемориальные памятники и памятные знаки, открывались новые музеи. В соответствии с классовым подходом и господствовавшей большевистской идеологией особое внимание, естественно, уделялось памятникам истории революционного движения. Эмиссары Музейного отдела Наркомпроса к июлю 1919 г. обследовали 215 помещичьих усадеб, взяли на учёт тысячи движимых («вещных») памятников русской старины. В годы Гражданской войны советскими органами власти было открыто свыше 70 художественных и краеведческих музеев. В 1919–1921 гг. были созданы несколько музеев-монастырей в Александровском, Болдинском, Иверском, Валдайском, Иосифо-Волоколамском, Кирилло-Белозерском, Симоновом, Тихвинском, Толгском, Троице-Сергиевом монастырях, а также в Оптиной

---

¹⁰⁵ Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). Минск, 1972. С. 17–39; Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учебн. пособие для вузов. М., 2015. С. 48.

Пустыни, что, в общем-то, способствовало сохранению церковных реликвий [Каулен 2012]. Как обоснованно предположил Ю.Г. Галай, именно в ноябре 1920 г. была создана Церковная секция в структуре Отдела учёта и охраны памятников Главного управления по делам музеев и охране памятников истории и старины (Главмузея) Наркомпроса РСФСР [Галай 1997, с. 46]. Надо отметить, что и до этого в составе Отдела имелась церковная комиссия. Церковная секция должна была заниматься составлением и сравнением научных описей монастырей, созданием при некоторых из них музеев, изъятием культовых вещей музейного значения, а также закрытием обителей. 1 февраля 1921 г. при ней организовали подсекцию по охране и регистрации могил исторических лиц и художественных надгробий. Однако и некоторые из дореволюционных светских музейных учреждений (например, Царицынский краеведческий музей) лишились части экспонатов и практически не работали в годы Гражданской войны [Мастерикин, Комиссарова 2005, с. 19]. Большевицкая музейная политика как в центре страны, так и на местах (на Дону, Урале, в Сибири и др.) сопровождалась идеологизацией по-советски [Римская 1999, с. 69–76, Бойко 2014, с. 234–240, Вдовин, Макаров 2019, с. 17–18].

Справедливости ради, нельзя не упомянуть и о действиях высшего состава РККА, направленных на сохранение историко-культурного наследия России. В Военно-исторический музей (Петроград) и Исторический музей (Москва) ещё с 1918 г. при активном содействии тогдашнего руководителя Наркомата по военным и морским делам Н.И. Подвойского стали поступать имущество и экспонаты полковых музеев развалившейся уже старой армии. И после революционного 1917 г., в период Гражданской войны, продолжали функционировать и даже принимать экскурсантов, в том числе из числа военных, Военно-инженерный музей, Военно-исторический музей, Центральный морской музей [Востоков 1962, с. 205–209, Александрова 1997, Кузнецов 2008, с. 56–63]. Но в 1919–1920 гг. власти уволили почти всех сотрудников «знаменного отделения» Военно-исторического музея и Народного Военно-исторического музея войны 1914–1918 годов (Музея Великой войны), переименованного в «Фонд Мировой войны». Огромную роль в учёте и сохранении этих военно-исторических коллекций сыграли военные историки-музеееды П.И. Белавенец (офицер старой армии) и Г.С. Габаев [Ильина 2014, с. 210–213]. 30 января 1919 г. только что возникшее Временное рабоче-крестьянское правительство БССР приняло постановление «О передаче культурных ценностей науки и искусства, которые находятся в усадьбах и разных учреждениях, Комиссариату просвещения и об организации их учёта, охраны и сбора». В нём, в частности, предписывалось: «Комиссариату внутренних дел издать постановление для всех членов вверенной ему милиции о принятии мер по наблюдению за сохранностью всех исторических и художественных памятников и об оказании содействия при обследованиях и перевозке культурных ценностей»¹⁰⁶. Осуществить в

---

106 Звезда. 1919. 31 января; Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). Минск, 1972. С. 24.

полной мере это правильное и своевременное решение в условиях военных действий было очень трудно.

В июле 1920 г. Наркомат по военным делам и Наркомат просвещения подготовили проект совместного приказа, предусматривавший создание при Управлении делами Реввоенсовета РСФСР Военного научно-технического комитета по делам музеев, который должен был способствовать объединению и направлению деятельности всех центральных и местных военных музеев., созданию новых музеев и использованию собираемых для них материалов в научных и культурно-просветительских целях. К сожалению, это начинание не удалось воплотить в жизнь. Наоборот, приказом Реввоенсовета РСФСР и Наркомата просвещения № 2456 от 30 октября 1921 г. была законодательно оформлена передача всех военных и морских музеев в ведение военной секции Главмузея [Кузнецов 2008, с. 80–81]. Правда, для их поддержки и развития у обоих центральных ведомств в то время не хватало средств [Военные 1923, с. 67–68, Потоцкий 1924, с. 15–17, Габаев 1924, с. 18–27]¹⁰⁷.

11 сентября 1920 г. командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский издал приказ: «В целях охраны исторических и культурных памятников прошлого приказываю образовать при агитационно-пропагандистском отделе политуправления фронта отделение учёта и охраны культурных ценностей в районе Западного фронта» [Жуков 1989, с. 253]. Уже в 1918 г. в разных местах Белоруссии предпринимаются меры в области институционального развития краеведения. Создаются культурно-просветительское товарищество «Папараць-кветка» в Слуцке (Минская губ.), имевшее два филиала в Липниках и Старице и издававшее журнал «Наша каляіна»; краеведческий кружок в Смолярске Игуменского уезда. В следующем году возник кружок краеведов при Витебском отделении Московского археологического института¹⁰⁸.

Последним днём 1920 г. датирован красноречивый приказ по войскам 4-й армии Южного фронта (командующий В.С. Лазаревич), дислоцировавшимся после разгрома и эвакуации Добровольческой армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму:

§1. С приходом Советской власти Крым стал частью единой Советской республики и все его сокровища, которыми буржуазия до сих пор пользовалась и наслаждалась только для себя, сделаны достоянием всего трудящегося народа.

Эти сокровища – книги, картины, статуи, старинная мебель, фарфоровая посуда, музыкальные инструменты. Всем этим предметам, находящимся в городских особняках и экономиях, угрожает сейчас опасность расхищения, потери, порчи, употребление на топливо.

---

107 См. о состоянии военных музеев страны на 1923 г.

108 Историческое краеведение Белоруссии: Учеб. пособие / Под ред. Э.М. Загоруйского. Минск, 1980. С. 18.

Точно также находятся в опасности древние здания, дома, мечети, созданные трудами целых поколений татарского и караимского народов.

§2. Всем частям Красной армии, расположенной в Крыму, бережно относиться к предметам искусства и культуры. Военкомам немедленно передавать их в Секцию по охране старины и культурных ценностей (Симферополь, Крымнаробраз) или уполномоченным ею на местах.

§3. Освобождать по первому требованию Секции или уездных заведующих здания исторического или художественного значения, занятые под постройку, и впредь не занимать взятых на учёт Секцией.

§4. Содействовать выемке всех предметов искусства и культуры сотрудниками Секции, снабжёнными надлежащими мандатами.

§5. Оказывать полное содействие Секции в возложенных на неё обязанностях (предоставлением ей транспортных средств и прочих) [Жуков 1989, с. 235–236]. Этот весьма своевременный приказ сыграл большую роль в сохранении историко-культурного наследия Крыма в начале 1920-х гг.

В октябре 1922 г., узнав о бедственном положении Бородинского музея, командующий Московским военным округом Н.И. Муралов подчинил его лично себе в целях сбережения. В том же году был учреждён Одесский областной военно-исторический музей им. Фрунзе при Одесском доме Красной Армии и Флота, просуществовавший до 1925 г. Как видим, представители военной интеллигенции, оказавшиеся на командных постах РККА, в том числе происходившие из офицеров старой армии, понимали важность сохранения и использования памятников истории и культуры. Такие же тенденции проявлялись и в Белом движении.

Антибольшевистский лагерь (1918–1922 гг.)

Расхищение историко-культурных ценностей, как и пренебрежение их судьбой, имели место и в районах, находившихся под контролем антибольшевистских сил. В период Гетманата П. Скоропадского, 5 июня 1918 г., киевлян потряс страшный взрыв склада боеприпасов на Зверинце, от которого пострадали амбирные ворота, Георгиевская церковь, настоятельский корпус, старинная колокольня и трапезная Выдубицкого монастыря. Военные чиновники марионеточной державы Скоропадского не церемонились, когда им требовались помещения. Поздним вечером 22 июня 1918 г. отряд солдат во главе с начальником военно-научного отдела Генштаба Украинской армии, руководствуясь указанием Министерства внутренних дел, несмотря на протесты музейных работников, приступил к выносу коллекций Военно-Исторического музея, причём часть вещей (витрины) попросту выбрасывали из окна. От разразившегося утром ливня пострадали картины и рисунки, полковые стяги и знамёна; основательно повредили и бюсты, а часть старинного оружия расхитили [Эрнст 1918, с. 14–18]. О равнодушном отношении украинских властей к историко-культурному наследию писал уже в эмиграции М. Обидный [Обідний 1925, с. 95–104].

Ценным собранием реликвий (и не только культового характера) обладал Соловецкий монастырь на Белом море. Летом 1918 г. на Соловках молебном и колокольным звоном монахи приветствовали славяно-британский легион

полковника Торнхилла. Отбывая из Соловецкого монастыря, англичане-мародёры захватили с собой из Преображенского собора серебряные венцы с икон и ризы с драгоценными камнями. Осенью 1919 г. вместе с эвакуированными из России интервентами бежала группа соловецких монахов, увёзших часть монастырских ценностей [Богуславский 1978, с. 86, Соловецкие 1985, с. 28, Соловецкий 2011].

На северо-западе Европейской части России действовали антибольшевистские силы под командованием полковника П.Р. Бермондт-Авалова [Бережанский 2003, с. 160–162]¹⁰⁹. Опираясь на союз с Германией и её финансовую помощь, Бермондт-Авалов в октябре–ноябре 1919 г. осаждал Ригу, подвергавшуюся бомбардировке с аэропланов и беспорядочным артиллерийским обстрелам, в том числе химическими снарядами. В результате действий артиллерии тогда пострадали древнейшая «Peter Kierche», Домский собор, православный кафедральный собор Риги [Бережанский 2003, с. 160–162].

Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича, который дважды в 1919 г. (в мае–июне и октябре–ноябре) разворачивал наступления на Петроград, «прославилась» ограблением историко-культурных ценностей в пригородных дворцах Гатчины, Павловска и Царского Села. Расхищали всё, что только могли увезти; прямо из рам вырезали ценные полотна художников, а остальное (мебель из красного дерева, зеркала) безжалостно ломали и разбивали¹¹⁰. Потерпев поражение и отступив на территорию Эстонии, военные мародёры принялись распродавать награбленное: серебряную дворцовую утварь, дорогой фарфор с вензелями (в том числе Константиновский сервиз), старинные скатерти и попоны, охотничью карету Александра II и другие раритеты [Горн 1927, с. 152–153]¹¹¹.

Такая же деморализация была характерна и для белых армий на юге России. 19 марта 1920 г., находясь в Ялте, академик В.И. Вернадский с огорчением записал в дневнике: «Работать приходится с великим трудом в современное время. Удивительно, как везде, и здесь, большевики поддерживают культурные начинания, а Добровольческая армия губит» [Вернадский 2007, с. 68]. Врангелевцы вывезли ящики с ценностями из казначейства Александровска (золотые часы, браслеты, портсигары, кольца с бриллиантами, серебряные ложки и др.) [Калинин 2003, с. 252].

Но и в стане белых проявлялись созидательные тенденции, о которых тоже не стоит забывать. Как полагает Л. Херец, на деятельность генералов, создавших в провинции, на Юге Европейской России очаг антибольшевистского сопротивления, повлияли исторические образы народного ополчения

---

109 Павел Рафаилович Бермондт-Авалов (1877–1974), участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1919 г. командовал корпусом, а затем Русской Западной Добровольческой армией, в основном действовавшей в Латвии.

110 Жизнь искусства. 1920. 1 февраля.

111 Последние известия, Ревель. 1920. № 69. 1 ноября.

1612 г. [Heretz 1997, pp. 107–108]. В отличие от большевиков, едва не снёсших в 1918 г. первый московский монумент работы скульптора И.П. Мартоса на Красной площади, для Белого движения Минин и Пожарский оставались символами российского патриотизма. На 100-рублёвых бумажных ассигнациях, выпускавшихся в 1919 г. Вооружёнными Силами Юга России (ВСЮР), поместили изображение монумента освободителям Москвы в годы первой русской Смуты, на 1000-рублёвом билете – Царь-Колокола и Георгиевской оранжево-чёрной ленты (посему их стали именовать «колоколами», «колокольчиками» либо «ленточками»). Памятник «Тысячелетие России» представлен на врангелевских билетах Государственного казначейства достоинством в 250 и 500 рублей. Военный инженер, полковник академик Н.В. Шевелев изобразил в 1919 г. на денежных знаках Северо-Западного правительства (его главой был нефтепромышленник С.Г. Лианозов, командующим армией – генерал Н.Н. Юденич) двуглавого орла с распростёртыми крыльями, державшего когтями грозовые стрелы-молнии и ленты воинской славы. На груди орла художник поместил геральдический щит с изображением памятника «Медный всадник» [Ходяков 2009, с. 106–129, 201].

В мае 1918 г. в Ялте появился филиал Киевского университета святого Владимира; чуть позже на его базе был создан Таврический университет, перебранный затем в Симферополь. Указом от 27 ноября 1918 г. гетман П.П. Скоропадский учредил в Киеве Украинскую академию наук во главе с В.И. Вернадским. В числе первых её членов находились историки Д.И. Багалея и О.И. Левицкий.

В период правления гетмана П. Скоропадского был поставлен памятник у Киево-Печерской лавры, на месте зверского убийства в январе 1918 г. митрополита Владимира, а в г. Ромны открыли бюст Т.Г. Шевченко, не отличавшийся, мягко говоря, художественными качествами [Протопресвитер 1995, с. 42–43, Ганин 2020, с. 187].

Приказом № 216 КОМУЧа 10 августа 1918 г. был создан Самарский университет, в котором работали талантливые историки и литературоведы, занимавшиеся изучением историко-культурного наследия России и стремившиеся приобщить к нему своих студентов и слушателей.

Ещё до эмиграции, в годы Гражданской войны, военный историк, профессор Николаевской военной академии Генерального Штаба, генерал-лейтенант Н.Н. Головин, стоявший на антибольшевистских позициях, возглавлял военно-историческую комиссию, занимавшуюся сбором военных архивов по истории Первой мировой войны. Как сообщалось в газете «Вольный Дон» в январе – начале февраля 1918 г., предпринимались шаги по увековечению памяти атамана А.М. Каледина и других активных участников борьбы с большевиками. В воззвании генерала П.Н. Краснова «К населению» от 23 ноября (6 декабря) 1918 г. также говорилось о необходимости создания фонда для сооружения памятников народным вождям и героям, боровшимся с большевиками на Дону и Кубани¹¹². При деникинском Осваге действо-

---

112 Донские ведомости. 1918. 25 ноября (8 декабря).

вала комиссия для сбора военно-исторических материалов, а учреждённая в августе 1919 г. при помощнике управляющего отделом пропаганды художественная коллегия, в частности, должна была делать заключения об экспонатах, которые приобретались музеями [Еремеева 1998, с. 78–79].

1 ноября 1919 г. Донским правительством был создан в Новочеркасске Комитет по устройству выставки памятников борьбы Дона с большевиками. Его председателем являлся генерал-майор А.В. Богаевский. На выставке предполагалось экспонировать карты и планы, диаграммы, документы, фотографии, произведения живописи, военные трофеи. Из-за наступления на южном направлении Красной Армии деятельность Комитета, однако, продолжалась недолго, по 17 ноября¹¹³. Там же, в Новочеркасске, при белых продолжал функционировать Донской музей [Бойко 2015, с. 185–191].

Главнокомандующий П.Н. Врангель ещё в апреле 1920 г. приказал всем воинским частям и учреждениям сдать в специально созданную комиссию военно-исторические материалы, относящиеся к «освободительной от большевиков войне», и делать это постоянно [Прохорчик 2005, с. 104]. Российская интеллигенция не раз обращалась за поддержкой к командованию Добровольческой армии, чтобы сохранить от уничтожения и расхищения историко-культурное наследие Крыма. Вот строки из докладной записки профессора В.А. Обручева и академика В.И. Вернадского на имя генерала П.Н. Врангеля от 2 мая 1920 г.: «...В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших ещё культурных очагов является особо важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесёт большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работы в Ялте. Ввиду важности дела просим Вас обратить на него своё просвещённое внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки» [Андросов 2004, с. 136]. Сохранилась книга отзывов посетителей Феодосийского музея времён Гражданской войны [Евсеев 2017, с. 147–149].

14 сентября 1920 г. генерал Врангель, члены правительства и масса людей торжественно встречали на пристани Севастополя пароход «Цесаревич Георгий», который доставил обратно в Россию Знаменскую икону Божьей Матери, вывезенную при эвакуации из Курска местным епископом Феофаном вначале в Таганрог, а затем в Сербию¹¹⁴. Её перенесли во Владимирский собор, в котором были погребены знаменитые русские адмиралы XIX в.

Приказом генерала Врангеля от 30 сентября 1920 г. при Гражданском управлении была организована даже Государственная археологическая комиссия, в ведении которой находились Херсонесская дирекция музеев и раскопок Тавриды, Керченская дирекция музеев, Генуэзская крепость

---

113 Материалы о Комитете по подготовке выставки находятся на хранении в ГА РФ. ГА РФ. Ф. Р-6053. Оп. 1. Д. 1–14; Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 522.

114 Крымский вестник. 1920. 16 (29) сентября.

в Судакe, Археологический музей в Феодосии, Ханский дворец в Бахчисарае, Музей и памятники обороны Севастополя [Мальгин, Кравцова 2006, с. 134, Кокин 2017, с. 89–92]. Но времени и шансов для продолжения этой деятельности на ниве сохранения памятников истории и культуры у руководства Белого движения уже не оставалось.

Терпя поражения от красных, военные руководители белых вывезли из России при эвакуации своих войск часть исторических реликвий, чтобы они не достались большевикам. Ещё в начале 1920 г. атаман Кубанского казачьего войска Н.А. Букретов, осознав неизбежность поражения от большевиков, принял решение переправить за границу реликвии Кубанского казачьего войска (знамёна, штандарты, иконы, грамоты российских императоров, парадные мундиры и др.). Для их сопровождения была создана специальная комиссия из 5 человек во главе с генерал-лейтенантом П.И. Кокунько, в её состав входил профессор-историк и публицист Ф.А. Щербина. Комиссия направила запрос в Сербию и, не дождавшись ответа от сербских властей, вывезла ценности из Екатеринодара в Новороссийск. Там 12 массивных деревянных ящиков, обитых железом, с большим трудом удалось погрузить на пароход «Константин», взявший 28 февраля 1920 г. курс на Константинополь, а из него – в греческий портовый город Салоники. Затем казахи реликвии перегрузили на поезд Салоники – Белград, где за неимением свободного помещения ящики временно сложили во дворе российского посольства. После переговоров с властями Сербии регалии Кубанского казачьего войска оставили на хранение в здании военно-географического института, дважды переезжавшего и, наконец, располжившегося в Белградской крепости Калемегдан [Якаев 1992, с. 9–15, Якаев 2004, Корсакова 2000, с. 86–90].

Ещё в 1884 г. в Новочеркасске – административном центре Области войска Донского – возникло Общество любителей донской старины, сыгравшее большую роль в создании музейного собрания. А в 1899 г. состоялось открытие Донского музея истории казачества в специально построенном для него здании в центре города. В нём экспонировались многочисленные казачьи знамёна и штандарты, регалии атаманской власти (серебряные перначи, насеки, булавы, бунчуки XVIII–XIX вв.), сабля прославленного атамана, героя Отечественной войны 1812 г., М.И. Платова, другое именное и жалованное оружие, российские и иностранные ордена и медали – свидетельства воинской доблести казаков¹¹⁵.

Если бы не революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война, реликвии донского казачества вряд ли покинули бы стены Новочеркасского музея. Но из-за угрозы захвата Новочеркаска Красной Армией в декабре 1919 г. по решению Донского казачьего правительства и атамана Войска Донского А.П. Богаевского Донской архив и основная коллекция музея, оценённая в 8763500 рублей, были вывезены из Новочеркаска по железной дороге в Новороссийск.

---

115 Новочеркасский музей истории донского казачества. Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1978. С. 7.

Богаевский с детства был воспитан в духе уважения к военно-патриотическим традициям русского народа¹¹⁶. Оказавшись в 1920 г. перед эмиграцией в Крыму, живо интересовался реликвиями русской воинской славы Севастополя, в обороне которого в годы Крымской войны участвовал его отец. Вот строки из дневника Богаевского, записанные 30 марта 1920 г.: «Здесь, на священной земле Севастополя, обильно политой кровью доблестных его защитников в 1854/5 г., со всех сторон видишь памятники славной старины этого незабвенного года... Какие чудо-богатыри духа были тогда!»¹¹⁷. Посетив Музей Севастопольской обороны на знаменитом Малаховом кургане, а также Братское кладбище, Богаевский дал оценки увиденным памятникам воинской славы. К сожалению, в дневнике, начатом 1 (14) февраля 1919 г., записи затем прерываются на целый год, и из него нельзя ничего узнать о вывозе из Новочеркасска коллекций Донского архива и Музея истории донского казачества¹¹⁸. Нет о них ни слова и в написанных позднее, уже в эмиграции, воспоминаниях донского атамана [Воспоминания 1963]. Эвакуация из Новороссийска в марте 1920 г. остатков Донской армии, а вместе с ней архивных и музейных ценностей, происходила при весьма драматических обстоятельствах, под огнём наступающих красных. Для Донской армии было выделено всего три парохода, которые не могли вместить всех людей. Казакам пришлось даже оставить на берегу тысячи породистых лошадей. Но, несмотря на все ужасы Новороссийской катастрофы, коллекции Донского архива и Новочеркасского музея были переправлены морем в Константинополь. Л.К. Шкаренков пишет о расхищении части ценностей во время их переправки из Новороссийска по железной дороге и пароходом, что вполне могло случиться в хаотической обстановке спешной эвакуации [Шкаренков 1987, с. 35]¹¹⁹. В Константинополе вывезенные материалы Донского архива и Новочеркасского музея, освещавшие историю донского казачества, разместили в здании летней резиденции Российского посольства в Буюк-Дере (северный пригород Стамбула, на берегу Босфора), где приступили к их предварительному разбору. 1921 г. датирована докладная записка Комиссии по сохранению ценностей Всевеликого Войска Донского о своей деятельности по перевозке архивных

---

116 Генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский (1872–1934) происходил из казаков донской станицы Каменской и получил военное образование, окончив в 1892 г. Николаевское кавалерийское училище и в 1900 г. с отличием Академию Генерального штаба, после чего занимал штабные должности в Петербургском военном округе. Участвовал в Первой мировой войне. 19 февраля 1919 г. Большим войсковым кругом был выбран войсковым атаманом Войска Донского.

117 «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник последнего донского атамана А.П. Богаевского // Источник. 1993. № 3. С. 13, 16–17.

118 Источник. 1993. № 2. С. 23–26.

119 В причастности к разбазариванию музейных раритетов даже обвиняют лиц, близких к А.П. Богаевскому, в том числе его супругу.

и музейных материалов из Новочеркасска в Константинополь¹²⁰. Но там архивные и музейные ценности Войска Донского надолго не задержались. В связи с эвакуацией в 1921 г. из Турции остатков армии генерала П.Н. Врангеля, в которую входил Донской казачий корпус, казачьи реликвии переправили через Болгарию в Югославию и хранили в течение четырёх лет в Белградской крепости под контролем образовавшейся в 1923 г. Донской исторической комиссии¹²¹. Эти ценнейшие музейные коллекции включали: 147 единиц старинного оружия, 155 знамён, 534 личных награды (орденов и медалей), 90 братин, ковшей и других разновидностей наградной посуды, 1634 монеты, 85 археологических находок и прочие предметы¹²². Реликвии, вывезенные в годы Гражданской войны из России и хранившиеся десятилетиями эмигрантами, впоследствии, поэтапно, после 1945 г. и после 1991 г., вернули на родину.

* * *

Разрушение части памятников истории и культуры, ассоциировавшихся со старым самодержавным режимом власти началось сразу после Февраля 1917 г. и продолжилось в 1918–1922 гг. И белые армии (в большей степени), и РККА (в меньшей степени) унаследовали часть исторических традиций старой императорской армии дореволюционной эпохи. РККА обладала гораздо большими, чем белые армии, людскими, материально-финансовыми и организационными возможностями для участия в сохранении историко-культурного достояния старой России. И в Красной армии служили в качестве военных специалистов десятки тысяч офицеров, присягавших ещё императорской короне [Кавтарадзе 1988, Волков 2002, с. 165–181, Гребёнкин 2015, Гребёнкин 2017]. Однако из-за насаждавшейся повсеместно большевистской доктрины отношение красных командиров и рядовых красноармейцев к дореволюционному наследию страны носило избирательный характер. Участие в сохранении памятников истории и культуры сочеталось с негативными акциями, например конфискацией церковных реликвий и глумлением над чувствами верующих. Московский Кремль, старинные дворцы, храмы и колокольни военными людьми с обеих сторон в пылу ожесточённых сражений воспринимались не как национальные святыни, памятники истории и культуры, а просто как места дислокации противника, которого нужно было выбить любой ценой. Такова специфика военной психологии, хотя и в её традиционном разрушительном проявлении случались исключения из правил.

Расположение на периферии, военно-политический полицентризм, частая смена дислокации центров власти, наличие нескольких недолговре-

---

120 ГА РФ. Ф. Р-1255. Оп. 2; Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. С. 456.

121 Русский заграничный исторический архив в 1936 г. Прага, 1936. С. 42–44.

122 ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 288. Л. 60.

менных правительств и нескольких армий, низкий уровень дисциплины, ограниченные финансовые ресурсы, наконец, отсутствие идейного единства не позволили руководителям Белого движения на должном уровне заниматься сбережением памятников истории и культуры. Тем не менее в тяжелейших условиях разбитые белые части сумели вывезти за границу и сберечь для потомков ряд ценных военно-исторических коллекций [Муромцева 2008а, с. 77–89, Муромцева 2014, с. 50–63, Муромцева, Перхавко 2003, с. 192–244].

В период братоубийственной Гражданской войны 1917–1922 гг. мыслящие военные люди из противоборствующих лагерей думали не только о будущем России, которое по-разному представляли, но и вспоминали об её прошлом и заботились о сохранении историко-культурного наследия. Гражданские войны, как правило, носят разрушительный характер. Военные действия противоборствующих сторон сопровождаются не только массовыми человеческими жертвами, но и значительным материальным и культурным ущербом. Не стали исключением и события 1917–1922 гг. Гражданской войны в России, оказавшие влияние на судьбу историко-культурного наследия страны. Наряду с отрицательными последствиями разрушительной стихии, связанной с анархизмом, хаосом, безвластьем, бескультурьем, в годы Гражданской войны и белыми, и красными велась созидательная работа, направленная на сохранение памятников старины. И надо отдать должное тем представителям российской интеллигенции (в том числе военной), кто в экстремальных условиях Гражданской войны, оказавшись в разных политических лагерях, заботился о сохранении памятников русской старины для потомков.

В годы Гражданской войны советская власть больше уделяла внимания и средств сохранению памятников искусства и старины, чем в 1920–1930-е гг. С переходом к нэпу резко снизились ассигнования на охрану памятников, в большинстве своём переданных в ведение губернских властей. Сократились до минимума штаты Наркомпроса и губернских музейных отделов, ведавших памятниками искусства и старины. В 1927 г. из-за отсутствия финансирования закрыли, например, университет в Самаре. Как это ни парадоксально, в 1917–1922 гг., когда велись революционные бои и братоубийственная Гражданская война, памятники старинной архитектуры и воинской славы России пострадали в гораздо меньшей степени, чем от разрушительно-геростратовских действий большевистских властей в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Литература

1. Александрова 2008 – Александрова Н.В. Российские военные музеи в первой трети XX в.: Из истории организации и деятельности. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1997.
2. Алексеенков 1927 – Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1927. С. 58.
3. Андросов 2004 – Андросов С.А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 136.
4. Беляков 2020 – Беляков С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М., 2020. С. 371–374.
5. Бережанский 2003 – Бережанский Н. П. Бермондт в Прибалтике в 1919 году (из записок бывшего редактора) // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научная редакция, предисловие и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 160–162.
6. Богуславский 1978 – Богуславский Г.А. Острова Соловецкие. Архангельск, 1978. С. 86.
7. Бойко 2014 – Бойко А.Л. О механизмах «советизации» музеев Дона (1920–1924 гг.) // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Новочеркасск, 2014. С. 234–240.
8. Бойко 2015 – Бойко А.Л. Музей в русской Вандее (Архивные данные о работе Донского музея в годы Гражданской войны) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции 16–17. 10. 2015 г. Ростов-на-Дону, 2015. С. 185–191.
9. Васильева, Кнышевский 1994 – Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 11, 13.
10. Введенская 1989 – Введенская Л.И. Первые мероприятия Советской власти по реставрации памятников Московского Кремля (1917–1920 годы) // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. С. 119–124.
11. Вдовин, Макаров 2019 – Вдовин А.С., Макаров Н.П. У истоков советской археологии: Красноярский музей в 1920-е годы (К 130-летию Красноярского краеведческого музея) // У истоков советской археологии: организация и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 17–18.
12. Вернадский 2007 – Вернадский В.И. Пережитое и передуманное / предисл. Э.М. Галимова; сост., коммент., предисл. С.И. Капелуш. М. 2007. С. 68.
13. Военные 1923 – Военные музеи Петрограда // Музей. Пг., 1923. Вып. I. С. 67–68.
14. Вознесенский 2018 – Вознесенский А.Н. Москва в 1917 г. / Предисловие, коммент. Л.В. Беловинского. М., 2018. С. 230–234.
15. Волков 2001 – Волков С.В. 1918 год на Украине. Могилянский Н. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году). М., 2001. С. 29–30.
16. Волков 2002 – Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития. Ежегодник. М., 2002. С. 165–181.
17. Воспоминания 1963 – Воспоминания генерала А.П. Богаевского. 1918 год «Ледяной поход». Издание Музея белого движения и Союза первопоходников. Нью-Йорк, 1963.

18. Востоков 1962 – Востоков Е.И. Из истории советских военных музеев // Труды НИИ музееведения. М., 1962. Вып. VII. С. 205–209.
19. Габаев 1924 – Габаев Г.С. Ленинградские военные музеи и принципы военно-музейного строительства // Музей. Пг., 1924. Вып. II. С. 18–27.
20. Галай 1989 – Галай Ю. Г. Хранить истории следы. Горький, 1989. С. 136–151.
21. Галай 1997 – Галай Ю.Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации 1917–1929 гг. Историко-правовой аспект. Н. Новгород, 1997. С. 157–178. Галай, Пронина 2008 – Галай Ю.Г., Пронина Е.Н. Государственно-правовая охрана православного культурного наследия в России в XVIII–XX веках. М., 2008. С. 89–111.
22. Галай 2008 – Галай Ю.Г. Охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России. Нижний Новгород, 2008. С. 93 – 102.
23. Галай 2019 – Галай Ю.Г. Избранные труды / ред.-сост. Н.Н. Галай, Е.П. Колодеев, Н.А. Колоколова, А.Н. Лушин. М., 2019. С. 71–77.
24. Ганин 2020 – Ганин А.В. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П.С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2020. № 2 (21). С. 180.
25. Горн 1927 – Горн В. Быт и нравы белой армии и белого тыла // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 152–153.
26. Гребёнкин 2015 – Гребёнкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015.
27. Гребёнкин 2017 – Гребёнкин И.Н. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Орел, 2017.
28. Грушевський 1918 – Грушевський М.С. На переломі // На порозі нової України: Гадкі і мрії. Київ, 1918. С. 5.
29. Дубровская 1992 – Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский совет депутатов. СПб., 1992. С. 64–65.
30. Еремеева 1998 – Еремеева А.Н. «Под рокот гражданских бурь...»: Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 годах. СПб., 1998. С. 78–79.
31. Жуков 1985 – Жуков Ю.Н. Сохранённые революции: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1920 гг. М., 1985.
32. Жуков 1989 – Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. М., Наука, 1989. С. 51, 60–61, 285.
33. Журавская 1998 – Журавская И.Л. Полковник К.И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4.
34. Иванова 2015 – Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М., 2015. С. 128.
35. Изъятие 2006 – Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. Сборник материалов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 8–10, 12–14, 156–157.
36. Ильина 2014 – Ильина Т.Н. Герои Великой войны. 1914–1918: материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2014. С. 210–213.
37. Кавтарадзе 1988 – Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.
38. Калинин 2003 – Калинин И.М. Под знаменем Врангеля (Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 12: Казачий исход). М., 2003. С. 252.
39. Каулен 2012 – Каулен М.Е. Музеефикация историкокультурного наследия России. М., 2012. С. 182–189.

40. Кидяров 2010 – Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 г. в контексте Гражданской войны в России. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 2010.

41. Кидяров 2016 – Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 года в контексте Гражданской войны в России. Кострома, 2016. С. 115–133.

42. Козлов 1999 – Козлов В.Ф. Русская усадьба в Крыму // Русская усадьба в истории Отечества. Ясная Поляна; М., 1999. С. 24–25.

43. Кокин 2017 – Кокин Ю.В. Культура как объект политики генерала Врангеля в Крыму // Труды Всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей». 26–27 мая 2016 года. Феодосия, 2017. С. 89–92.

44. Колоницкий 2012 – Колоницкий Б.И. Символы власти и борьбы за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

45. Корсакова 2000 – Корсакова Н.А. Дневники атамана Кубанского казачества в зарубежье В.Г. Науменко как источник о судьбе кубанских казачьих регалий // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. статей. СПб., 2000. С. 86–90.

46. Кривова 1997 – Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1926 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

47. Кублановский 2016 – Кублановский И.Ю. Беспорядки при изъятии церковных ценностей весной 1922 г. (по документам РГВА) // Материалы международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». М., 2016. С. 331–335.

48. Кузнецов 2008 – Кузнецов А.М. Отечественные военные музеи: становление и развитие (1918–1991). М., 2008. С. 56–63.

49. Лиманова 2018 – Лиманова С.А. Столичные памятники императорам и Революции 1917 года: мемориативное противостояние // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Ч. 1 / Отв. ред. И.И. Тучков. М., 2018. С. 922–924.

50. Личак 2003 – Личак Н.А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья в 1917–1930 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 2003.

51. Малышева, Токарева 2017 – Малышева О.Г., Токарева Е.А. «Страна свергнута в состояние ожесточённой войны и анархии». Речь Н.И. Астрова на заседании Московской городской думы 6 ноября 1917 г. // Исторический архив. 2017. № 6. С. 51–57.

52. Мальгин, Кравцова 2006 – Мальгин А.В., Кравцова Л.П. Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель 1920 год / Сост. С.М. Исхаков. М., 2006. С. 134.

53. Мастеркиин, Комиссарова 2005 – Мастеркиин А.В., Комиссарова Е.В. Волгоградский областной краеведческий музей. 90 лет служения Отечеству 1914–2004 гг. Очерк истории. Волгоград, 2005. С. 19.

54. Муромцева 2008 – Муромцева Л.П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77–86.

55. Муромцева 2014 – Муромцева Л.П. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 50–63.

56. Муромцева, Перхавко 2008 – Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. История и культура России в музейных собраниях эмиграции // История и историки: Историографический вестник. 2003 г. М., 2003. С. 192–244.

57. Нестор 1917 – Нестор (Анисимов Н.А.). Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М., 1917.

58. Новиков 2005 – Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 30–35.

59. Обідний 1925 – Обідний М. Як охоронялися пам'ятки // Нова Україна. Прага, 1925. Ч. 4–6. С. 95–104.
60. Окунев 1997 – Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: В 2 книгах. М., 1997. Кн. 1.
61. Перхавко 2017 – Перхавко В.Б. Общественное мнение и законодательство об историко-культурном наследии России (XX – начало XXI в.) // Российская история. 2017. № 3. С. 149–152.
62. Петров, Покровский 1997 – Петров С.Г., Покровский Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922–1925. Кн. 1. Новосибирск, 1997.
63. Петроградский 1966 – Петроградский Военно-революционный комитет: Сб. документов и материалов. М., 1966. Т. 2. С. 94.
64. Покровский 1997–1998 – Покровский Н.Н. Политбюро и Церковь. 1922–1925. В 2-х кн. М.; Новосибирск, 1997–1998. Кн. 1–2.
65. Поликарпов 1972 – Поликарпов В.Д. Охранять всеми имеющимися средствами // Советские архивы. 1972. № 6. С. 84.
66. Потоцкий 1924 – Потоцкий П.П. Доклад о военных музеях, сделанный на губернской музейной конференции 1923 года заведующим военными музеями // Музей. Пг., 1924. Вып. II. С. 15–17.
67. Протопресвитер 1995 – Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 42–43.
68. Прохорчик 2005 – Прохорчик М.В. Политика генерала Врангеля в области просвещения и культуры // V Таврические научные чтения. Симферополь, 2005. С. 104.
69. Равикович 1970 – Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 3–25.
70. Революция 1917 – Революция и искусство // Аполлон. 1917. № 6–7. С. 70–79.
71. Римская 1999 – Римская З.Н. Донской археологический институт // Донская археология. 1999. № 2. С. 69–76.
72. Ростиславов 1917 – Ростиславов А. Октябрьские события // Аполлон. 1917. № 6–7. С. 79–84.
73. Рязанцев 1996 – Рязанцев Н.П. Общество и власть в деле охраны памятников. По материалам Ярославской губернии 1918–1943 гг. // Ярославский архив. Историко-краеведческий сборник / Сост. Е.В. Гущина, Ю.Г. Салова. М.; СПб., 1996. С. 210 – 230.
74. Рязанцев 2019 – Рязанцев Н.П. Ярославская губерния в годы гражданской войны. Ярославль, 2019.
75. Савченко 2000 – Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны: историческое расследование. Харьков, 2000. С. 54.
76. Савченко 2004 – Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 160.
77. Серова 1986 – Серова О.В. Воспоминания о моём отце Валентине Александровиче Серове. Л., 1986. С. 83, 85, 178. Прим. 104.
78. Сокол 1999 – Сокол К.Г. Монумены империи. М., 1999. С. 35, 41, 107.
79. Соловецкие 1985 - Соловецкие острова / Сост. А.И. Фролов. М., 1985. С. 28.
80. Соловецкий 2011 – Соловецкий монастырь и судьба его наследия. Архангельск, 2011.
81. Тарасов, Кондратьев 2020 – Тарасов К., Кондратьев М. «Большевизм, это мираж»: доклад городского головы В.В. Руднева об октябрьских событиях в Москве // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2020. № 2 (21). С. 109–110. Прим. 33.
82. Трубецкой 1991 – Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 63–64.

83. Ходяков 2009 – Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 106–129, 201.

84. Шкаренков 1987 – Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 2-е. М., 1987. С. 35.

85. Эрнст 1918 – Эрнст Ф. Художественные сокровища Киева, пострадавшие в 1918 году. Киев, 1918. С. 3–14.

86. Якаев 1992 – Якаев С.Н. Одиссея казачьих регалий. Краснодар, 1992. С. 9–15.

87. Якаев 2004 – Якаев С.Н. Одиссея казачьих регалий. Изд. 2-е, дополн. Краснодар, 2004.

88. Ярославское 1998 – Ярославское восстание. Июль 1918: Материалы научной конференции «К 80-летию июльского 1918 г. восстания в Ярославле: мифы и реальность», 23 июля 1998 г. М., 1998.

89. Ярославское 2007 – Ярославское восстание. 1918 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007.

90. Heretz 1997 – Heretz L. The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian society. The Revolution and Civil Wars / Ed. by V.M. Brovkin. New Haven and London, 1997. P. 107–108.

References

1. Aleksandrova, N.V. (1997), Rossijskie voenny'e muzei v pervoj treti XX v.: Iz istorii organizacii i deyatelnosti [*Russian military museums in the first third of the XX century: From the history of organization and activity*], Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Moscow, Russia.
2. Alekseenkov, P. (1927), Kokandskaya avtonomiya [*Kokand autonomy*], Tashkent.
3. Androsov, S.A. (2004), Sud'ba kul'turnogo naslediya Kry'ma na izlome istoricheskoy e'poxi (1917–1920 gg.) [*The fate of the cultural heritage of the Crimea at the break of the historical epoch (1917-1920)*], *Istoricheskoe nasledie Kry'ma*, no. 3–4.
4. Belyakov, S. (2020), Vesna narodov. Russkie i ukraincy mezhdru Bulgakovym i Petlyuroj [*Spring of Peoples. Russians and Ukrainians between Bulgakov and Petliura*], Moscow.
5. Berezhanskij, N. P. (2003), Bermond v Pribaltike v 1919 godu (iz zapisok by'vshego redaktora) // Belaya bor'ba na Severo-Zapade Rossii [*P. Bermond in the Baltic States in 1919 (from the notes of a former editor) // White Struggle in the North-West of Russia / Comp., scientific edition, preface and commentary. S.V. Volkov*], M., 2003.
6. Boguslavskij, G.A. (1978), Ostrova Soloveczkie [*Solovetsky Islands*], Arxangel'sk.
7. Bojko, A.L. (2014), O mexanizmax «sovjetizacii» muzeev Dona (1920–1924 gg.) [*On the mechanisms of "Sovietization" of Don museums (1920-1924)*], *Kraevedcheskie zapiski*, Novocherkassk.
8. Bojko, A.L. (2015), Muzej v russoj Vandee (Arxivny'e dannye o rabote Donskogo muzeja v gody' Grazhdanskoj vojny') [*Museum in the Russian Vendee (Archival data on the work of the Don Museum during the Civil War)*] // Arxivny' i arxivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy' razvitiya. Materialy' Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 16–17. 10. 2015, Rostov-na-Donu.
9. Vasil'eva, O.Yu., Kny'shevskij, P.N. (1994), Krasny'e konquistatory' [*Red Conquistadors*], Moscow.
10. Vvedenskaya, L.I. (1989), Pervye meropriyatiya Sovetskoj vlasti po restavracii pamyatnikov Moskovskogo Kremlya (1917–1920 gody') [*The first measures of the Soviet government for the restoration of monuments of the Moscow Kremlin (1917–1920)*], Gosudarstvenny'e muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy' i issledovaniya, no. VI. *Istoriya i restavraciya pamyatnikov Moskovskogo Kremlya*, Moscow.

11. Vdovin, A.S., Makarov, N.P. (2019), U istokov sovetsoj arxeologii: Krasnoyarskij muzej v 1920-e gody` (K 130-letiju Krasnoyarskogo kraevedcheskogo muzeya) [*At the origins of Soviet Archaeology: The Krasnoyarsk Museum in the 1920s (To the 130th anniversary of the Krasnoyarsk Museum of Local Lore)*], U istokov sovetsoj arxeologii: organizaciya i uchrezhdeniya arxeologicheskogo profilya v novy`x realiyax. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moscow.
12. Vernadskij, V.I. (2007), Perezhitoe i peredumannoe [*The experienced and the changed*], Moscow.
13. Voenny`e muzei Petrograda (1923) [*Military museums of Petrograd*], Muzej. Pg., Issue. I..
14. Voznesenskij, A.N. (2018), Moskva v 1917 g. [*Moscow in 1917*], Moscow.
15. Volkov, S.V. (2001), 1918 god na Ukraine. Mogilyanskij N. Tragediya Ukrainy` (iz perezhitogo v Kieve v 1918 godu), [*1918 in Ukraine. Mogilyansky N. The tragedy of Ukraine (from the experience in Kiev in 1918)*], Moscow.
16. Volkov, S.V. (2002), Russkoe oficerstvo kak istoriko-kul`turny`j fenomen [*Russian officers as a historical and cultural phenomenon*], *Voenno-istoricheskaya antropologiya: predmet, zadachi, perspektivy` razvitiya*, Moscow.
17. Vospominaniya (1963), Vospominaniya generala A.P. Bogaevskogo. 1918 god «Ledyanoj pohod» [*Memoirs of General A.P. Bogaevsky. 1918 "Ice campaign"*], Izdanie Muzeya belogo dvizheniya i Soyuza pervopoxodnikov, New-York.
18. Vostokov, E.I. (1962), Iz istorii sovetkix voenny`x muzeev [*From the history of Soviet military museums*], *Proceedings of the Research Institute of Museology*, Moscow, Issue VII.
19. Gabaev, G.S. (1924), Leningradskie voenny`e muzei i principy` voenno-muzejnogo stroitel`stva [*Leningrad military museums and principles of military museum construction*], Muzej. Pg., Issue II.
20. Galaj, Yu. G. (1989), Xranit` istorii sledy` [*To keep the traces of history*], Gor`kij.
21. Galaj, Yu.G. (1997), Vlast` i istoriko-kul`turny`e cennosti v Rossijskoj Federacii 1917–1929 gg. Istoriko-pravovoj aspekt [*Power and historical and cultural values in the Russian Federation 1917-1929. Historical and legal aspect*], N. Novgorod.
22. Galaj, Yu.G., Pronina, E.N. (2008), Gosudarstvenno-pravovaya oxrana pravoslavnogo kul`turnogo naslediya v Rossii v XVIII–XX vekax [*State-legal protection of Orthodox cultural heritage in Russia in the XVIII–XX centuries*], Moscow.
23. Galaj, Yu.G. (2008), Oxrana istoriko-kul`turnogo naslediya v dorevolucionnoj Rossii [*Protection of historical and cultural heritage in pre-revolutionary Russia*], Nizhnij Novgorod.
24. Galaj, Yu.G. (2019), Izbrannye trudy [*Selected works*], (ed.) N.N. Galaj, E.P. Kolodeev, N.A. Kolokolova, A.N. Lushin, Moscow.
25. Ganin, A.V. (2020), Pri nemcax i getmane: Ukraina 1918 g. glazami generala P.S. Maxrova [*Under the Germans and the Hetman: Ukraine 1918 through the eyes of General P.S. Makhrov*], *Zhurnal rossijskix i vostochnoevropejskix issledovanij*, no. 2 (21).
26. Gorn, V. (1927), By` t i nnavy` beloj armii i belogo ty`la, Yudenich pod Petrogradom [*Life and customs of the white army and the white rear*], Iz bely`x memuarov Leningrad.
27. Grebenkin, I.N. (2015), Dolg i vy`bor: Russkij oficer v gody` mirovoj vojny` i revolyucii. 1914–1918 gg. [*Duty and Choice: A Russian officer during the World War and Revolution. 1914-1918*], Moscow.
28. Grebenkin, I.N. (2017), Voenno-kul`turny`e tradicii podgotovki russkogo oficerskogo korpusa (2-ya polovina XVII – nachalo XX v.) [*Military-cultural traditions of the training of the Russian officer corps (2nd half of the XVII – early XX century)*], Orel.

29. Grushevsky, M.S. (1918), Na perelomi // Na porozi novoï Ukraïni: Gadki i mriï [At The Turning Point // on the threshold of a new Ukraine: thoughts and dreams], Kiev.
30. Dubrovskaya, E.Y. (1992), Gel'singforsskij sovet deputatov [Helsingfors Council of Deputies], St. Petersburg.
31. Ereemeeva, A.N. (1998), «Pod rokot grazhdanskix bur`...»: Xudozhestvennaya zhizn' Yuga Rossii v 1917–1920 godax ["Under the roar of civil storms ...": The Artistic life of the South of Russia in 1917–1920], St. Petersburg.
32. Zhukov, Yu.N. (1985), Soxranenny'e revolyuciej: Oxrana pamyatnikov istorii i kul'tury` v Moskve v 1917–1920 gg. [Preserved by the Revolution: Protection of historical and cultural monuments in Moscow in 1917–1920], Moscow.
33. Zhukov, Yu.N. (1989), Stanovlenie i deyatel`nost' sovetskix organov oxrany` pamyatnikov istorii i kul'tury`: 1917–1920 gg. [Formation and activity of the Soviet bodies for the protection of historical and cultural monuments: 1917–1920], Moscow, Nauka.
34. Zhuravskaya, I.L. (1998), Polkovnik K.I. Ryabcev. Stranicy biografii [Colonel K.I. Ryabtsev. Biography pages], Otechestvennaya istoriya, no 4.
35. Ivanova, G.M. (2015), Istoriya GULAGa: 1918–1958 [History of the GULAG: 1918–1958], Moscow.
36. Izyatie (2006) – Izyatie cerkovnyx cennostej v Moskve v 1922 g. Sbornik materialov iz fonda Revvoensoveta Respubliki [Seizure of church valuables in Moscow in 1922. Collection of materials from the fund of the Revolutionary Military Council of the Republic]. Moscow.
37. Ilyina, T.N. (2014), Geroi Velikoj vojny. 1914–1918: materialy Trofejnoj komissii v sobranii Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh vojsk i vojsk svyazi [Heroes of the Great War. 1914-1918: materials of the Trophy Commission in the collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops]. Moscow.
38. Kavtaradze, A.G. (1988), Voenny'e specialisty` na sluzhbe Respubliki Sovetov 1917-1920 [Military specialists in the service of the Republic of Soviets 1917-1920], Moscow.
39. Kalinin, I.M. (2003), Pod znamenem Vrangelya (Beloe delo: Izbranny'e proizvedeniya v 16 knigax. Kn. 12: Kazachij isxod) [Under the banner of Wrangel (The White Case: Selected Works in 16 books. Book 12: Cossack Exodus)], Moscow.
40. Kaulen, M.E. (2012), Muzeefikaciya istorikokul'turnogo naslediya Rossii [Museification of the historical and cultural heritage of Russia], Moscow.
41. Kidyarov, A.E. (2012), Yaroslavskij myatezh 1918 g. v kontekste Grazhdanskoj vojny` v Rossii [Yaroslavl Mutiny of 1918 in the context of the Civil War in Russia], Yaroslavl.
42. Kidyarov, A.E. (2016), Yaroslavskij myatezh 1918 g. v kontekste Grazhdanskoj vojny` v Rossii [Yaroslavl Mutiny of 1918 in the context of the Civil War in Russia], Kostroma.
43. Kozlov, V.F. (1999), Russkaya usad'ba v Kry`mu // Russkaya usad'ba v istorii Otechestva [Russian Russian estate in the Crimea // Russian estate in the history of the Fatherland], Moscow, Yasnaya Polyana.
44. Kokin, Yu.V. (2017), Culture as an object of General Wrangel's policy in Crimea // Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical conference "The History of Crimea in scientific research and museum collections. To the 205th anniversary of the Feodosiya Museum of Antiquities". May 26–27, 2016, Feodosia.
45. Kolonitsky, B.I. (2012), Simvoly` vlasti i bor`by` za vlast`: k izucheniyu politicheskoy kul'tury` rossijskoj revolyucii 1917 goda [Symbols of Power and the Struggle for Power: to Study the Political Culture of the Russian Revolution of 1917], St. Petersburg.

46. Korsakova, N.A.(2000), Dnevniky atamana Kubanskogo kazachestva v zarubezh'e V.G. Naumenko kak istochnik o sud'be kubanskix kazach'ix regalij // Zarubezhnaya Rossiya. 1917–1939 gg. [*Diaries of the ataman of the Kuban Cossacks abroad V.G. Naumenko as a source about the fate of the Kuban Cossack regalia // Foreign Russia. 1917–1939*], Collection of articles, St. Petersburg.
47. Krivova, N.A. (1997), Vlast' i cerkov' v 1922–1926 gg.: Politbyuro i GPU v bor'be za cerkovny'e cennosti i politicheskoe podchinenie duxovenstva [*Power and the Church in 1922– 1926: The Politburo and the GPU in the Struggle for Church values and political Subordination of the clergy*], Moscow.
48. Kublanovsky, I.Y. (2016), Besporyadki pri iz'yatii cerkovny'x cennostej vesnoj 1922 g. (po dokumentam RGVA) [*Riots during the seizure of church valuables in the spring of 1922 (according to the documents of the RGVA)*], Materials of the international scientific and practical conference "The History of the Civil War in Russia 1917–1922", Moscow.
49. Kuznetsov, A.M. (2008), Otechestvenny'e voenny'e muzei: stanovlenie i razvitie (1918–1991) [*Domestic military museums: formation and development (1918–1991)*], Moscow.
50. Limanova, S.A. (2018), Stolichny'e pamyatniki imperatoram i Revolyucii 1917 goda: kommemorativnoe protivostoyanie [*Metropolitan monuments to the Emperors and the Revolution of 1917: commemorative confrontation*], *The Centenary of the 1917 Revolution in Russia*, Scientific collection, Part 1, Ed. I.I. Tuchkov.
51. Lichak, N. A. (2003), Soxranenie i vosstanovlenie pamyatnikov istorii i kul'tury' Verxnego Povolzh'ya v 1917–1930 gg. [*Preservation and restoration of historical and cultural monuments of the Upper Volga region in 1917–1930*], Yaroslavl.
52. Malysheva, O.G., Tokareva, E.A. (2017), «Strana vvergnuta v sostoyanie ozhestochennoj vojny' i anarxii». Rech' N.I. Astrova na zasedanii Moskovskoj gorodskoj dумы' 6 noyabrya 1917 g. [*"The country is plunged into a state of fierce war and anarchy." Speech by N.I. Astrov at a meeting of the Moscow City Duma on November 6, 1917*], *Historical Archive*, No. 6.
53. Malgin, A.V., Kravtsova, L.P.(2006), Kul'tura Kry'ma pri Vrangele [*Culture of the Crimea under Wrangel*], Crimea. Wrangel 1920 / Comp. Sm. Iskhakov.
54. Materikin, A.V., Komissarova, E.V. (2005), Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej. 90 let sluzheniya Otechestvu 1914–2004 gg. Oчерk istorii [*Volgograd Regional Museum of Local Lore. 90 years of service to the Fatherland 1914–2004 . An outline of history*], Volgograd, p. 19.
55. Muromtseva, L.P. (2008), Soxranenie istoriko-kul'turnoj identichnosti russkogo kazachestva v e'migracii [*Preservation of the historical and cultural identity of the Russian Cossacks in emigration*], *Otechestvennaya istoriya*, No. 3.
56. Muromtseva, L.P. (2014), Voenny'e muzei i muzejny'e kolekcii rossijskoj e'migracii [*Military museums and museum collections of Russian emigration*], *Voprosy' muzeologii*, No. 2 (10).
57. Muromtseva, L.P., Perhavko, V.B. (2003), Istoriya i kul'tura Rossii v muzejny'x sobraniyax e'migracii [*History and culture of Russia in museum collections of emigration*], *Istoriya i istoriki: Istoriograficheskij vestnik*, Moscow.
58. Nestor (N.A. Anisimov) (1917), Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 oktyabrya – 3 noyabrya 1917 g.) [*Execution of the Moscow Kremlin (October 27 – November 3, 1917)*], Moscow.
59. Novikov, P.A. (2005), Grazhdanskaya vojna v Vostochnoj Sibiri [*Civil War in Eastern Siberia*], Moscow.
60. Obidny, M. (1925), Yak oxoronyalisya pam'yatk [*How monuments were protected*], *Nova Ukraina*, Prague, ch. 4-6.

61. Okunev, N.P. (1997), Dnevnik moskvicha, 1917–1924: V 2 knigax [*Diary of a Muscovite, 1917-1924: In 2 books*], Moscow.
62. Perhavko, V.B. (2017), Obshhestvennoe mnenie i zakonodatel'stvo ob istoriko-kul'turnom nasledii Rossii (XX – nachalo XXI v.) [*Public opinion and legislation on the historical and cultural heritage of Russia (XX – the beginning of the XXI century)*], *Rossijskaya istoriya*, No. 3.
63. Petrov, S.G., Pokrovsky, N.N. (1997), Politbyuro i Cerkov'. 1922–1925. Kn. 1 [*Politburo and the Church. 1922-1925. Book 1*], Novosibirsk.
64. Petrograd (1966), Petrogradskij Voенно-revoljucionny'j komitet: Sb. dokumentov i materialov [*Petrograd Military Revolutionary Committee: sat. documents and materials*], Moscow, vol. 2.
65. Pokrovsky, N. N. (1997-1998), Politbyuro i Cerkov'. 1922–1925 [*Politburo and Church. 1922-1925*], Novosibirsk, books 1-2.
66. Polikarpov, V. D. (1972), Oxranyat' vseми imeyushhimisya sredstvami [*Protect all available funds*], *Sovetskie arxivy*, no 6.
67. Potocki, P. P.(1924), Doklad o voenny'x muzeyax, sdelayny'j na gubernskoj muzejnoj konferencii 1923 goda zaveduyushhim voenny'mi muzeyami [*Report on Military Museums made at the Provincial Museum Conference of 1923 by the head of Military Museums*], issue II.
68. Protopresviter (1995), Protopresviter Vasilij Zen'kovskij. Pyat' mesyacev u vlasti (15 maya – 19 oktyabrya 1918 g.). Vospominaniya [*Protopresviter Vasily Zenkovsky. Five months in power (May 15 – October 19, 1918). Memories*], Moscow.
69. Prokhorchik, M. V. (2005), Politika generala Wrangelia v oblasti prosveshcheniya i kul'tury [*Politics of general Wrangel in the field of education and culture*], Simferopol.
70. Ravikovich, D. A.(1970), Oхрана pamyatnikov istorii i kul'tury v RSFSR (1917–1967) [*Protection of historical and cultural monuments in the RSFSR (1917–1967)*], Proceedings of the Research Institute of museum studies and protection of historical and cultural monuments, Moscow, Issue 22.
71. Revoljuciya (1917), Revoljuciya i iskusstvo / [*Revolution and art*], *Apollon*, no. 6–7, pp. 70–79
72. Rimskaya, Z. N. (1999), Donskoj arxeologicheskij institut [*Donskoy Archaeological Institute*], *Donskaya arxeologiya*, no. 2.
73. Rostislavov, A. (1917), Oktyabr'skie soby'tiya [*October events*], *Apollon*, no. 6–7.
74. Ryazantsev, N. P. (1996), Obshhestvo i vlast' v dele ohrany' pamyatnikov. Po materialam Yaroslavskoj gubernii 1918–1943 gg. [*Society and power in the field of monument protection. Based on the materials of the Yaroslavl province of 1918-1943*], Yaroslavl archive. Historical and Local History Collection /comp. E. V. Gushchina, Yu. G. Salova, Moscow, St. Petersburg.
75. Ryazantsev, N.P. (2019), Yaroslavskaya guberniya v gody' grazhdanskoj vojny' [*Yaroslavl province during the civil war*], Yaroslavl.
76. Savchenko, V.A. (2004), Avanturyisty' Grazhdanskoj vojny': istoricheskoe rassledovanie [*Adventurers of the Civil War: a historical investigation*], Kharkiv.
77. Savchenko, V.A.(2004), Simon Petlyura [*Simon Petliura*], Kharkiv.
78. Serova, O.V. (1986), Vospominaniya o moem otce Valentine Aleksandroviche Serove [*Memories of my father Valentin Alexandrovich Serov*], Leningrad.
79. Sokol, K.G. (1999), Monumenty' imperii [*Monuments of the Empire*], Moscow.
80. Solovetsky (1985), Soloveczkie ostrova [*Solovetsky Islands*], comp. A.I. Frolov, Moscow.
81. Solovetsky (2011), Soloveczkij monasty'r' i sud'ba ego naslediya [*Solovetsky Monastery and the fate of its heritage*], Arkhangelsk.

82. Tarasov, K., Kondratiev, M. (2020), [*"Bolshevism is a mirage": report of the Mayor V.V. Rudnev on the October events in Moscow*], Journal of Russian and Eastern European Studies, no. 2 (21).
83. Tinchenko, Ya .(2009), Ukrainski zbroyni sili: berezen 1917 – listopad 1918 (organizatsiya, numerist, boyovi dii) [*Ukrainian Armed Forces: March 1917–November 1918 (Organization, number, combat operations)*], Kiev.
84. Trubetskoy, S.E. (1991), Minuvshee [*Past*], Moscow.
85. Xodyakov, M.V. (2009), Den'gi revolyucii i Grazhdanskoj vojn'y': denezhnoe obrashhenie v Rossii 1917–1920 gg. [*Money of Revolution and Civil War: Monetary Circulation in Russia 1917–1920*], St. Petersburg.
86. Shkarenkov, L.K.(1987), Agoniya beloĭ e`migracii [*The Agony of white emigration*], ed. 2, Moscow.
87. Ernst, F. (1918), Xudozhestvenny`e sokrovishha Kieva, postradavshie v 1918 godu [*The artistic treasures of Kiev, which suffered in 1918*], Kiev.
88. Yakaev, S.N. (1992), Odisseya kazach`ix regalij [*Odyssey of Cossack regalia*], Krasnodar.
89. Yakaev S.N. (2004), Odisseya kazach`ix regalij [*Odyssey of Cossack regalia*], 2nd edition, supplement, Krasnodar.
90. Yaroslavl (1998), Yaroslavskoe vosstanie. Iyul' 1918: Materialy` nauchnoj konferencii «K 80-letiyu iyul'skogo 1918 g. vosstaniya v Yaroslavle: mify` i real`nost'», 23 iyulya 1998 g. [*Yaroslavl Uprising. July 1918: Proceedings of the scientific conference "To the 80th anniversary of the July 1918 uprising in Yaroslavl: Myths and reality", July 23, 1998*], Moscow.
91. Yaroslavl (2007), Yaroslavskoe vosstanie. 1918 [*Yaroslavl Uprising. 1918*], (ed.) A. N. Yakovleva; comp. E. A. Ermolin, V. N. Kozlyakov, Moscow.
92. Heretz 1997 – Heretz L. The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian society. The Revolution and Civil Wars / Ed. by V.M. Brovkin. New Haven and London, 1997.

Информация об авторе

Людмила П. Муромцева, кандидат исторических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27;
muromtseva_mila@mail.ru

Валерий Б. Перхавко, кандидат исторических наук
Институт российской истории РАН, Москва, Россия;
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19;
perkhavko@gmail.com

Information about the author

Ludmila P. Muromtseva, Cand. of Sci. (History), Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia; bld.27, Lomonosovskii prospect, Moscow, Russia, 119192;
muromtseva_mila@mail.ru

Valerii B. Perkhavko, Cand. of Sci. (History), Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld.19,
Dmitria Ylianova Street, Moscow, Russia;
perkhavko@gmail.com

К вопросу о социальной ответственности государства в годы НЭПа

Наталья В. Рябинина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,

Ярославль, Россия,

yarnatal2010@yandex.ru,

ORCID ID 0000-0002-5041-2391

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям функционирования социальной сферы в годы новой экономической политики. Рассматриваются изменения принципов социального обеспечения, а также причины этих трансформаций. Основное внимание в работе уделяется проблемам социальной поддержки детей. На многочисленных примерах, статистических данных, используя материалы центральных и местных архивов, автор показывает, что данное направление в 1920-е годы оказалось в глубоком кризисе. Причинами этого кризиса были не только войны (Первая мировая, Гражданская) и их последствия, но и проводимая в данный период государственная политика. Она была направлена на восстановление экономики страны, в том числе за счёт резкого сокращения затрат на социальную сферу. Уменьшение финансирования привело к значительному свёртыванию сети детских учреждений, ухудшению материального положения оставшихся, обострению детской беспризорности, преступности, смертности. В сложившихся условиях центральные государственные органы пытались искать другие источники финансирования социальной сферы. Обеспечение детских учреждений перекладывалось с центрального бюджета на местный, широко привлекалась помощь со стороны населения, в частности проводились различные общественные акции, создавались специализированные организации, вводилась система шефства промышленных предприятий над детскими учреждениями. Местные бюджеты, ввиду острого дефицита, не справлялись с возложенными на них задачами, а общественная помощь могла лишь дополнить государственное финансирование, но полноценно заменить его, конечно, была не в состоянии. Особенно разрушительным для системы защиты детей было начало 1920-х годов, но и к концу десятилетия по ряду социальных показателей ситуация оставалась напряжённой. Автор подчёркивает, что наряду с позитивными сторонами НЭПа (восстановлением экономики страны, улучшением жизни работоспособных граждан), которые нашли широкое освещение в исследовательской литературе, нужно иметь в виду и негативные явления данного периода. Он стал очень тяжёлым временем для наиболее уязвимых категорий населения, которые нуждались в поддержке государства.

Ключевые слова: Советская Россия, НЭП, социальная сфера, детская беспризорность, преступность, социальные аномалии, детские учреждения.

To the question of the social responsibility of the state during the years of NEP

Natalia V. Ryabinina

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia,

yarnatal2010@yandex.ru,

ORCID ID 0000-0002-5041-2391

Abstract. *The article covers the features of the social sphere's functioning during the New Economic Policy period. Changes in the principles of social welfare, as well as the reasons for these transformations, are considered. The main attention in the work is paid to the problems of social support for children. With numerous examples and statistical data, using documents both from central and local archives the author demonstrates that this policy in the 1920s was in a deep crisis. Besides the consequences of the World War I and the Civil War, the state policy aimed at restoring the country's economy was the other reason for this crisis, due to a sharp reduction in social spending. The decrease in funding led to a significant curtailment of the network of child care institutions, deterioration in the financial situation of those institutions remained, an aggravation of child homelessness, crime, and mortality. Under the prevailing conditions, the central state bodies tried to look for other sources of financing the social sphere. The provision of children's institutions was shifted from the central budget to the local ones, and the public assistance was widely attracted. In particular, there were held various public actions, specialized organizations were created, and a system of patronage of children's institutions by industrial enterprises was introduced. The local budget, due to the acute deficit, could not cope with the tasks assigned to it, and public assistance could only supplement state funding, but, of course, was not able to fully replace it. The early 1920s were especially destructive for the child protection system, but even by the end of the decade, for a number of social indicators, the situation was very tense. The author emphasizes that, along with the positive aspects of the NEP (restoration of the country's economy, improvement in the life of employable citizens) widely covered in the research literature, one must bear in mind also the negative features of this period. It became a very difficult time for the most vulnerable categories of the population who needed the state's support.*

Key words: *Soviet Russia, NEP, the social sphere, homelessness for children, crime, social anomalies, children's institutions.*

Одной из основных функций государства является социальная защита граждан. От степени ее выполнения во многом зависит стабильность, обеспечивающая, в свою очередь, здоровье общества. Когда государство снижает свою заинтересованность в решении данных проблем, возникают различные социальные аномалии. И в конечном итоге бороться приходится уже с «социальной болезнью», нередко запущенной, хотя, как известно, предотвратить болезнь легче, чем ее лечить.

Придя к власти, большевики провозгласили курс на создание социально ориентированного государства. И первоначально, несмотря на обстановку Гражданской войны, сделали немало для тех групп населения страны, которых считали своей опорой. Перераспределение земли, 8-часовой рабочий день, обеспечение трудящихся в случае безработицы или

нетрудоспособности – это лишь часть проведенных мероприятий. Именно в первые постреволюционные годы начинает формироваться и социальная система защиты детей. К январю 1921 года в стране насчитывалось более 1,5 тыс. учреждений по охране материнства и младенчества (для детей до 3 лет) – яслей, детских консультаций, домов матери и ребенка, приютов¹²³; более 4 тыс. детских садов и очагов (4 254)¹²⁴, более 4 тыс. детских домов (4 052)¹²⁵. По сравнению с дореволюционным периодом это был существенный рост. Так, в 1917 г., по данным Министерства Народного просвещения, действовало всего 554 дошкольных учреждения (яслей и детсадов)¹²⁶ и 583 детских приюта¹²⁷.

Мероприятия, которые проводились властью в социальной сфере, были тесно связаны с реформами, осуществлявшимися в сфере экономики. Национализация промышленных предприятий, продразвёрстка в области сельского хозяйства, введение принципа всеобщей трудовой повинности сделали всех граждан страны работниками государства. Это влекло за собой и обязанность государства обеспечить тех, кто вследствие нетрудоспособности не подлежал трудовой повинности. Таким образом, все граждане были обязаны государству своим трудом и все имели право на помощь государства – на социальное обеспечение.

Однако воплощение этого принципа в жизнь привело к резкому расширению круга лиц, нуждавшихся в поддержке. Тем более что Гражданская война постоянно увеличивала их число – это инвалиды-красноармейцы, семьи красноармейцев, беженцы, беспризорные. Росло и число лиц, получавших разного рода пособия. Справиться с обеспечением такого количества человек в условиях войны, хозяйственной разрухи, имея плохо отлаженный механизм реализации социальных программ, было практически невозможно. Взросло трудоспособное население жило впроголодь, создаваемые детские учреждения также не могли полноценно обеспечиваться государством. Но власть подчёркивала, что это временные трудности. Изменение ситуации к лучшему связывалось с завершением Гражданской войны. Однако наступивший мирный период оказался для многих ещё более тяжёлым.

В современной исследовательской литературе можно найти разные оценки периода НЭПа. Действительно, плюсы, минусы, противоречия наблюда-

---

123 Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества (1 – 5 декабря 1920 г.). М., 1921. С. 14, 44.

124 Народное образование в СССР на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921 – 1925 гг. М., 1926. С. 4.

125 Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921 – 1925 гг. С. 24–25.

126 Народное образование в СССР на 1 апреля 1923 г. М., 1923. С. 7.

127 Детские приюты // Российская педагогическая энциклопедия. Под ред. В.Г. Панова. М., 1993 // <http://www.psyoffice.ru/6-1041-detskie-priyuty.htm> 10.12.2021.

лись во всех областях жизни этого времени, в том числе и в социальной сфере [Смирнова 2015]. В 1920-е годы социальное обеспечение населения становится уже не всеобщим, а дифференцированным. С одной стороны, к этому привёл сам новый экономический курс – введение продналога вместо продразвёрстки, частичная денационализация предприятий, возрождение торговли и, как следствие, имущественное расслоение. С другой стороны, наблюдался дефицит бюджета после Гражданской войны, что требовало введения режима жёсткой экономии средств.

Исходя из названных обстоятельств, расходы на социальные нужды были сокращены до минимума. Государственное обеспечение было фактически сохранено только для инвалидов-красноармейцев и для семей красноармейцев. Для других категорий населения предлагались альтернативные формы социальной поддержки. Так, для оказания помощи рабочим возрождалась система социального страхования. Социальная поддержка крестьянства стала производиться в порядке взаимопомощи. С этой целью на селе создавались специальные общественные организации ККОВ (крестьянские комитеты общественной взаимопомощи). Они могли иметь определённое количество земли, сельскохозяйственные предприятия, из доходов которых формировались денежные фонды и оказывалась социальная помощь сельскому населению.

Оценивая социальную политику в годы НЭПа, многие современные исследователи говорят об её эффективности, подчёркивая при этом постепенное улучшение материального положения населения как в городе, так и в деревне. По мере того как реформы набирали силу, работающее население действительно могло существенно изменить свою жизнь к лучшему. В промышленности вводилась дифференцированная оплата труда, в сельском хозяйстве шёл процесс расширения посевных площадей. Но эти, безусловно, позитивные процессы представляют собой лишь одну сторону медали.

Резкое сокращение финансирования социальной сферы крайне негативно отразилось на тех слоях населения, которые являлись наиболее уязвимыми и зависели от помощи государства, например на детях. Создав за годы Гражданской войны достаточно широкую, по сравнению с дореволюционным периодом, сеть детских учреждений, центральные государственные органы в начале НЭПа фактически отказались её финансировать. В 1921 г. было принято несколько декретов ВЦИК и СНК, которые перекладывали обеспечение детских учреждений с центрального бюджета на местный¹²⁸. Тем самым утверждался принцип покрытия местных расходов местными же средствами. Центральные органы власти не могли не знать о состоянии бюджета на местах, о том, что он совершенно не способен справиться с данной задачей. Тем не менее без какого-либо переходного периода, одним росчерком пера, решалась судьба тысяч детей, которых государство сначала взяло под свою опеку, а теперь лишало поддержки.

---

128 Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1921. № 62. Ст. 446; № 69. Ст. 550; № 80. Ст. 691.

Перевод на местный бюджет был не единственной проблемой, с которой пришлось столкнуться детским учреждениям в начале 1920-х годов. Вслед за твёрдым государственным бюджетом был установлен государственный план питания, нормы которого также не соответствовали потребностям детских учреждений¹²⁹. Далее, в связи с тем, что некоторые отрасли промышленности или отдельные предприятия были сняты с государственного обеспечения, они отпускали произведённые ими товары за наличный расчёт. Наряды (на одежду, обувь и т. п.), выданные пока ещё в обычном плановом порядке, не могли быть реализованы, а наличных денег на закупку необходимых товаров не было ни в местном бюджете, ни у детских учреждений.

Результатом указанных мероприятий стало резкое сокращение числа детских учреждений. В целом по РСФСР сеть детских садов и очагов за 5-летие (с 1921 по 1925 гг.) сократилась в 5 раз (до 19,7% по отношению к 1921 г.). Так, в 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 254 дошкольных учреждения, а в 1925 г. – 834¹³⁰. Особенно тяжёлые последствия это повлекло для сельской местности. Из имевшихся по РСФСР в 1921 г. 2 210 учреждений в 1925 г. осталось 174¹³¹.

Существенно сократилось и количество учреждений для детей до 3 лет. Уже к концу 1922 г. по РСФСР число яслей уменьшилось на 37%, домов матери и ребёнка – на 36%, консультаций для грудных детей – на 29%. Характерно, что одновременно с этим число домов ребёнка выросло на 34%¹³². Это объясняется увеличением числа подкидышей. Тяжёлое положение семей, отсутствие помощи государства, закрытие яслей – всё это в совокупности вынуждало многих женщин решаться на такую крайнюю меру. В некоторых регионах, например, в Иваново-Вознесенской губернии, число подкидышей в 1922 г. выросло на 50%. В результате в условиях острого финансового дефицита, местные власти были вынуждены открыть кроме 9 уже существовавших ещё 3 дома ребёнка¹³³. При этом количество закрытых яслей здесь превышало даже средние общероссийские показатели и составляло приблизительно 54%¹³⁴.

В сельской местности основной формой учреждений для детей до 3 лет были летние ясли, крайне необходимые на период страды, но они в первые годы НЭПа практически прекратили своё существование. Например, в Ива-

---

129 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 166.

130 Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921 – 1925 гг. С. 4, 39.

131 Там же.

132 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 15.

133 Отчёт Иваново-Вознесенского губисполкома XII губернскому съезду Советов. Иваново-Вознесенск, 1922. С. 275.

134 Там же.

ново-Вознесенской губернии в 1922 г., а в Ярославской – уже в 1921 г. не удалось открыть ни одного такого учреждения¹³⁵.

В целом по РСФСР, исходя из статистических данных, приводимых Деткомиссией при ВЦИК, в 1923 г. для нормального обслуживания детей до 3 лет, хотя бы тех женщин, которые были заняты на производстве, необходимо было 17 478 яслей, а имелось к тому времени – 580¹³⁶. Но даже эта небольшая часть учреждений, уцелевшая после сокращения, не могла быть нормально обеспечена и обслужена.

В докладной записке Деткомиссии при ВЦИК от 11 июля 1923 г. сообщалось, что «пайков не хватает почти на 40%, и, кроме того, сам паёк по калорийности составляет 50% от нормы. В ряде регионов ощущается острая нужда в таких продуктах, как соль, а диетические продукты – сахар, молоко – составляют редкую роскошь»¹³⁷.

Острота ситуации наиболее ярко видна на примере отдельных губерний. «Дети в яслях уже третий день не получают продуктов, – говорилось в отчёте коллегии Ярославского губернского отдела соцобеспечения 15 декабря 1921 г., ввиду этого приходится распустить учреждение, ибо ребёнок по 12 часов не может быть голодным»¹³⁸. Но если ясли или детсады ещё можно было на время «распустить» и отправить детей в полуголодные семьи, то дома ребёнка закрыть было невозможно, а ситуация с питанием там часто была просто критической. Даже в учреждениях для грудных детей в остром дефиците был главный продукт детского питания – молоко, что приводило к смерти детей. «Наблюдаются случаи, – отмечала член коллегии Ярославского губотдела социального обеспечения Голованова, – что приходится выдавать удостоверения о смерти детей от голода»¹³⁹. Так, в 1921 – 1922 гг. в ярославских учреждениях закрытого типа (для детей до 3 лет) детская смертность колебалась от 24 до 33%¹⁴⁰.

Примеров крайне тяжелого положения, наблюдавшегося в детских учреждениях, можно привести огромное количество. Об этом свидетельствует также Всероссийское обследование детских учреждений, проведённое в 1921 г. НК РКИ. Оно показало, что «дело детского воспитания и обеспечения

---

135 Отчёт Иваново-Вознесенского губисполкома XII губернскому съезду Советов. С. 275; Наше хозяйство: Орган губернского экономического совещания при Ярославском губернском исполкоме. 1921 – октябрь – 1922 гг. Ярославль, 1922. № 9-10. С. 140, 141.

136 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 15.

137 Там же. Л. 14.

138 Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 123. Л. 27.

139 Там же. Л. 21.

140 Наше хозяйство. 1921 – октябрь – 1922 гг. Ярославль, 1922. № 9-10. С. 140; Отчёт Ярославского губисполкома 1922 – октябрь – 1923 гг. Ярославль, 1923. С. 112; Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 95. Л. 8.

на всём протяжении РСФСР находится в чрезвычайно угрожающем положении»¹⁴¹. Причём в отчёте говорилось, что данный вывод был изначально предсказуемым, но поразила «яркость красок нарисованной Всероссийским обследованием картины. Было известно, что дело обстоит плохо, но не было известно, что оно обстоит так плохо, что катастрофа в этой области надвигается столь быстро и неуклонно»¹⁴².

В первые годы НЭПа обостряется также проблема детской беспризорности. По приблизительным подсчётам Деткомиссии при ВЦИК, её уровень поднимается до 7 млн человек¹⁴³. Сказались последствия войн, голод 1921–1922 гг., слабая государственная поддержка. Основной формой борьбы с этим явлением стало создание сети детских домов [Рябинина 2014].

Следует отметить, что первоначально развитию системы детских домов уделялось очень много внимания. В теориях государственных деятелей постреволюционной России, в работах педагогов высказывались идеи о том, что именно за детским домом – будущее воспитательной системы [Рябинина 2013]. Мысли о разложении, распаде старой домостроительской семьи были очень популярны в то время. Старую семью должна была заменить семья коммунистическая – детский дом, призванный воспитать «нового человека» – строителя коммунистического общества. Коллективизм, трудовое воспитание, верность провозглашённым политическим идеалам должны были лечь в основу общественного воспитания в детдомах. Поэтому к каким-либо семейным формам призрения осиротевших или беспризорных детей (опеке, патронату, усыновлению) стали относиться скептически, хотя в дореволюционной России именно они играли решающую роль.

В первом Семейном кодексе 1918 г.¹⁴⁴ усыновления вообще были запрещены. Вводились новые положения об опеке, но не были продуманы стимулы для развития этой формы помощи. Согласно закону, любой гражданин РСФСР мог быть назначен опекуном, отказаться от таких обязанностей человек мог лишь в силу возраста (старше 60 лет), особенностей здоровья, а также в случае если у него было более 4 собственных детей или если он уже выполнял функции опекуна. Какого-либо материального вознаграждения для опекунов не предусматривалось. Говорилось лишь, что отдел социального обеспечения может назначить опекуну вознаграждение или компенсацию некоторых расходов, связанных с осуществлением опеки, если сочтёт это возможным и необходимым.

Однако на практике к установлению опеки прибегали редко, предпочитая направлять нуждавшихся в обеспечении детей в детдома. Это объяснялось

---

141 Всероссийское обследование детских учреждений. Доклад НК РКИ в Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК. М., 1921. С. 44.

142 Там же.

143 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 252. Л. 16.

144 СУ. 1918. № 76–77. Ст. 818.

слабой организацией необходимых контролирующих органов, но главное – именно идейными причинами – ставкой на детский дом, а не на семью. Хотя в условиях финансового дефицита, грамотная организация опеки позволила бы сэкономить немало средств. Материальная помощь опекунам была бы менее затратна для государства, чем полное содержание детей в детском доме.

Следует отметить, что, в отличие от дошкольных учреждений, сеть детских домов в первые годы НЭПа не только не сократилась, но даже расширилась. Так, в 1921 г. по РСФСР насчитывалось 4 052 детских дома для нормальных детей, в которых содержалось 199 704 ребёнка, а в 1922 г. их было 6 412 (361 105 детей)¹⁴⁵. Кроме того, действовали также детдома для «физически, умственно и морально дефективных детей». Последние предназначались для несовершеннолетних правонарушителей. Увеличение числа детдомов было связано с необходимостью размещения детей, эвакуированных из голодающих регионов, и продлилось недолго. С 1923 г. стали наблюдаться противоположные тенденции. В начале указанного года насчитывалось уже 5 314 детских домов¹⁴⁶, а к 1925 г. оставалось лишь 2 811 таких учреждений, т. е. на 56 % меньше, чем в 1922 г.¹⁴⁷

На местах процесс сокращения числа учреждений происходил следующим образом. Сначала производилась «разгрузка» детских домов от детей из голодающих губерний – путём реэвакуации, от детей, имевших родителей или родственников, от «переростков» – детей старше 16 лет. После этого учреждения объединялись. Отказавшись от центрального финансирования детских учреждений, государственные органы предлагали как можно шире использовать различные формы общественной поддержки. Рекомендовалось развивать систему шефства предприятий и организаций над яслями и детскими садами, прежде всего для детей своих сотрудников, но, по возможности, и над детдомами¹⁴⁸. На практике последний вариант был более редким явлением. В Иваново-Вознесенской губернии, например, из 78 детдомов, действующих в январе 1922 г., только 12 находилось в полном обеспечении хозорганов¹⁴⁹.

С целью сбора средств проводились также различные общественные акции – «недели помощи детям («недели ребёнка»), «недели охраны материнства и младенчества», «недели дошкольника», «недели помощи

---

145 Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921 – 1925 гг. М., 1926. С. 24–25.

146 Там же.

147 Там же.

148 Отчёт о годовой работе Иваново-Вознесенского губисполкома с 1.X.1922г. по 1.X.1923г. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 1 и др.

149 Отчёт Иваново-Вознесенского губисполкома XII губернскому съезду Советов. С. 175.

беспризорным и больным детям»)¹⁵⁰. В рамках этих мероприятий люди переводили деньги на нужды детей, кроме того, в указанные пункты можно было принести продукты, одежду, игрушки. Можно было также прийти в конкретное детское учреждение, чтобы помочь с уборкой, ремонтом, или отработать субботник непосредственно у себя на предприятии. В эти дни проводились и различные культурно-развлекательные мероприятия – вечера, концерты, спектакли, лотереи, демонстрации фильмов, средства от которых направлялись на указанные нужды.

Для координации работы по оказанию помощи детям формировались межведомственные органы. Уже в 1919 г. был создан Совет защиты детей¹⁵¹, в который вошли представители от наркоматов просвещения, социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия, труда. Председателем его был назначен А.В. Луначарский. С 10 февраля 1921 г. функции Совета защиты детей были переданы новой организации – Комиссии по улучшению жизни детей, созданной при ВЦИК¹⁵², которая имела ещё более широкое представительство и полномочия. «Постановления Деткомисии при ВЦИК по вопросам организации работы по улучшению жизни детей считаются окончательными и производятся в исполнение немедленно»¹⁵³. Председателем Деткомисии при ВЦИК стал Ф.Э. Дзержинский.

Со второй половины 1920-х годов начинается процесс организации деткомиссий на местах. Они создавались при губисполкомах Советов по образу и подобию Деткомисии при ВЦИК¹⁵⁴. Для привлечения к делу широкого круга населения формировались общественные структуры «Друг детей», «Друг беспризорного ребёнка»¹⁵⁵.

Все названные формы помощи детям приносили определённую отдачу. Кроме того, постепенно шло укрепление местного бюджета, росла доля средств, которые направлялись на финансирование детских учреждений. В середине десятилетия доля бюджетных средств губернских отделов народного образования, направленных на содержание образовательных и воспитательных учреждений, доходила до 80%. Но статей расходов было слишком много, поэтому, например, на дошкольное воспитание могло вы-

---

150 Отчёт Ярославского губисполкома. 1922 – октябрь – 1923 г. Ярославль, 1923. С. 112; Отчёт о годовой работе Иваново-Вознесенского губисполкома с 1.X.1922 г. по 1.X.1923 г. С. 1 и др.

151 СУ. 1919. № 3. Ст. 32.

152 СУ. 1921. № 11. Ст. 75.

153 СУ. 1925. № 8. Ст. 57.

154 ГАЯО Ф. Р-1431. Оп. 2. Д. 168. Л. 16.

155 ГАЯО Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 46-57; Отчёт Ярославского губисполкома за 1923/1924г. и I квартал 1924/1925 г. Ярославль, 1925. С. 139.

деляться не более 1% из указанных средств¹⁵⁶. Да и сами размеры местного бюджета, несмотря на определённый рост, были пока ещё слишком малы.

С середины 1920-х годов можно говорить о некоторых позитивных сдвигах в социальной сфере. В частности, сокращение сети детских дошкольных учреждений прекратилось, и начался постепенный рост их числа. Так, в РСФСР к январю 1925 г. оставалось лишь 834 детских сада и очага¹⁵⁷, а в 1928/1929 г. их насчитывалось уже 1413¹⁵⁸, но до уровня 1921 г. было ещё очень далеко. К концу НЭПа дошкольных учреждений было в 3 раза меньше, чем в начале десятилетия. Соответственно, и обеспеченность населения дошкольными учреждениями была крайне низкой и составляла по РСФСР в 1927 г. лишь 0,6%, а в сельской местности – 0,1%¹⁵⁹.

Можно констатировать определённые успехи в ликвидации детской беспризорности. Деятельность местных властей и общественности, ликвидация голода в Поволжье, общее оздоровление ситуации в стране позволили к началу 1926 г. сократить семимиллионную армию беспризорных до 250 тыс. (по РСФСР)¹⁶⁰, а в 1927г. – до 75 тыс.¹⁶¹. Однако эта статистика не учитывает, сколько детей умерло, не дождавшись помощи государства. Таких данных нет, но беспризорность, к сожалению, сокращалась и таким образом.

Во второй половине 1920-х годов была разработана чёткая программа борьбы с беспризорностью. 8 марта 1926 г. было принято положение «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР»¹⁶², которое законодательно оформило целый комплекс мероприятий для ликвидации этого явления: от полного обеспечения (детские дома, система опеки) до частичных мер помощи (оказание материальной поддержки семьям, трудоустройство подростков, передача на воспитание и обучение в крестьянские семьи, к ремесленникам и кустарям, устройство в учебно-производственные мастерские, профессиональные школы, техникумы и др.). С этого момента на местах стало уделяться больше внимания альтернативным мерам помощи. Они позволяли «разгрузить» детские дома, оказывать поддержку в зависимости от конкретной ситуации, в которую

---

156 Отчёт Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. Ярославль, 1926. С. 186; Состояние народного образования в Иваново-Вознесенской губернии в 1925/1926 г. // Вопросы просвещения. (Иваново-Вознесенск). 1926. № 7–10. С. 6.

157 Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921 – 1925 гг. С. 4, 39.

158 Народное просвещение в РСФСР к 1929/1930 учебному году. М., Л., 1930. С. 31, 94–95.

159 Там же.

160 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 295. Л. 3, 4.

161 Там же. Д. 392. Л. 19.

162 СУ. 1926. № 19. Ст. 143.

попал ребёнок, ликвидировать не только уже имеющуюся беспризорность, но и препятствовать появлению новой. 19 ноября 1926 г. был введён в действие второй советский Кодекс законов о браке, семье и опекуном праве¹⁶³. В нём разрешались усыновления и были более детально разработаны положения об опеке, что способствовало распространению этих форм помощи.

20 июня 1927 г. был утверждён Трёхлетний план борьбы с детской беспризорностью, определивший формы работы и необходимые для этого средства¹⁶⁴. Существенным минусом в данном процессе было по-прежнему крайне недостаточное обеспечение из центрального бюджета. Весьма показателен в этом отношении принцип финансирования мероприятий по борьбе с детской беспризорностью, определённый в Трёхлетнем плане. Кроме средств местного бюджета, как указывалось в плане, требовалось дополнительное финансирование в размере не менее 54 млн рублей. Было указано несколько источников получения необходимых сумм. В частности, 24 млн рублей планировали получить из денежных фондов местных деткомиссий, 14,5 млн рублей – с целевых налогов, говорилось о дополнительном привлечении общественных средств. Из госбюджета на эту работу планировалось выделить всего 500 тыс. рублей¹⁶⁵.

Запоздалая поддержка нуждавшихся в ней детей провоцировала ещё одно негативное явление – рост детской преступности. В середине 1920-х годов в отчётах Деткомиссии при ВЦИК говорится о «застойности» беспризорности, о проблемах социализации детей, которые уже долгое время жили на улице. «Беспризорные дети создали свой отдельный мир, который смотрит на окружающих его с недоверием и часто с озлоблением»¹⁶⁶. Такие детские коллективы представляли собой своего рода «государства в государстве». В них действовали свои правила, свои поощрения и наказания, был свой быт, свой язык. Употребление и распространение наркотиков, алкоголь, проституция, кражи были постоянными атрибутами беспризорной жизни. Многие такие дети уже не хотели оказаться в детском доме, а в случае помещения их туда – бежали, унося с собой казённые вещи. А.В. Луначарский отмечал: «Такое положение вещей грозит тяжёлыми последствиями как для самих беспризорных детей, так и для государства в целом. И эта угроза по мере того как армия беспризорных, уменьшаясь количественно, укрепляется, квалифицируется, становится всё более и более реальной»¹⁶⁷.

В связи с «застойностью» беспризорности во второй половине 1920-х годов меняется детская преступность. По сравнению с началом десятилетия

---

163 СУ. 1926. № 82. Ст. 612.

164 СУ. 1927. № 65. Ст. 446.

165 Трёхлетний план борьбы с беспризорностью. М., 1927. С. 12, 14.

166 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 13.

167 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 13.

она становится более организованной. Как и раньше, среди правонарушений преобладали кражи, но они были более крупными, дерзкими, всё больше прослеживалась связь со взрослой преступностью. Многочисленные сообщения с мест свидетельствовали о беспомощности комиссий по делам несовершеннолетних в борьбе с детской преступностью, о безнаказанности преступлений, о настоящей «эпидемии детской преступности», которая всё усиливается¹⁶⁸. Росло и число малолетних рецидивистов. В среднем по РСФСР в 1924/1925 г. рецидивы составляли 21,6%¹⁶⁹. Даже к концу 1920-х годов, несмотря на снижение уровня беспризорности, проблему детской преступности решить не удалось. В 1927/1928 г. в специализированных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей находилось 7 623 детей¹⁷⁰, в общих местах заключения – около 7 тыс. несовершеннолетних¹⁷¹, и при этом ежегодно привлекалось к ответственности за какой-либо проступок ещё около 30 тыс. детей (например, за 1927 г. – 28 960 несовершеннолетних¹⁷²).

Сохранялись также проблемы, связанные с обеспечением детских домов. В отчёте Деткомиссии при ВЦИК от 28 октября 1928 г. отмечалась «большая нужда в обмундировании, оборудовании, ремонте, питании и даже воде», имевшая место во многих учреждениях данного типа¹⁷³. Для местного бюджета детские дома оставались крайне дорогостоящими учреждениями, поэтому сокращение сети детских домов продолжалось и во второй половине 1920-х годов. Так, на 1 января 1925 г. по РСФСР действовало 2 811 учреждений данного типа, в которых находилось более 211 тыс. детей, а в 1927/1928 – 1 430 детдомов (101 тыс. детей)¹⁷⁴. Указанное сокращение детдомов объяснялось именно финансовыми трудностями, а не уменьшением «спроса» на данные учреждения. Напротив, Деткомиссия при ВЦИК подчёркивала, что рост их числа или, по крайней мере, сохранение уже имевшихся детдомов позволит скорее ликвидировать беспризорность. Но в отчётах Наркомпроса неоднократно говорилось о невозможности обеспечения этих учреждений из центра: «Дальнейшее развитие сети детских домов, как формы борьбы с беспризорностью, оказалось невозможным для государства, так как при недостаточности материальных

---

168 Ф ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.

169 Народное просвещение в СССР к 1926/1927 учебному году. М. – Л., 1927. С. 64.

170 Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. М., 1929. С. 156–173.

171 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 6.

172 Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. С. 179.

173 ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 25.

174 Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие 1921 – 1925 гг. С. 24–25; Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. С. 156–173.

ресурсов оно, поглощая огромные ресурсы, являлось бы препятствием к развитию грамотности в стране»¹⁷⁵.

В целом, можно отметить, что период НЭПа стал одним из наиболее сложных этапов в процессе формирования системы социальной защиты граждан, особенно самых уязвимых. Основные усилия в это время были направлены на восстановление экономики страны, а социальная сфера была отодвинута на задний план, оставлена, так сказать, «до лучших времён». В Постановлении IX Всероссийского съезда Советов от 31 декабря 1921 г. говорилось: «Неизбежные на пути сокращения государственных расходов жертвы в области удовлетворения тех или иных потребностей должны быть принесены без колебаний, ибо без решительного сокращения государственного бюджета восстановление народного хозяйства в Советской России невозможно»¹⁷⁶.

Следствием этого стало сокращение сети детских учреждений, ухудшение положения оставшихся, обострение детской беспризорности и преступности. Усилия местных властей, общественная активность позволяли удерживать социальную сферу на плаву, но полноценно заменить государственные дотации они не могли. Даже к концу десятилетия, при общем улучшении жизни в стране, оздоровлении экономики, многие проблемы оставались острыми: сохранялся высокий уровень детской преступности, число дошкольных учреждений было в 3 раза меньше, чем в 1921 году, материальное положение детских учреждений оставалось тяжёлым.

---

175 Народное просвещение в РСФСР к 1924/1925 учебному году. М., 1925. С. 79.

176 СУ. 1922. № 4. Ст. 43.

Литература

1. Рябинина 2013 – Рябинина Н.В. Детский дом – учреждение будущего? // Родина. 2013. № 6. С. 99–101.
2. Рябинина 2014 – Рябинина Н.В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы). Детские дома: теория и реальность. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2014. 75 с.
3. Смирнова 2015 – Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва, Санкт-Петербург: ИРИ РАН: центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.

References

1. Ryabinina, N.V. (2013), *Det-skiy dom – uchrezhdeniye budushchego?* [*Orphanage – an institution of the future?*], *Rodina*, no. 6, pp. 99-101.
2. Ryabinina, N.V. (2014), *Sotsialnaya politika Sovet-skooy Rossii (oktyabr' 1917 – 1920-ye gody). Det-skiye doma: teoriya i realnost.* [*Social policy of Soviet Russia (October 1917 – 1920s). Orphanages: theory and reality.*], *Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P.G. Demidova, Yaroslavl, Russia.*
3. Smirnova, T. M. (2015), *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [*Children of the Country of Soviets: From state policy to the realities of everyday life. 1917–1940*], *IRI RAN: tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia.*

Информация об авторе

Наталья В. Рябинина, кандидат исторических наук, доцент
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия 150003 г. Ярославль, ул. Советская, д.10
yarnatal2010@yandex.ru

Information about the author

Natalia V. Ryabinina, Cand. of Sci. (History) associate professor
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
bld. 10, Sovetskaya st., Yaroslavl, Russia, 150003
yarnatal2010@yandex.ru

Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне.

Мухин М.Ю.

Институт Российской истории РАН, Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
mukhin@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития советской экономики в 1941–1943 годах. Так как перелом в ходе Великой Отечественной войны был достигнут во второй половине 1942 – первой половине 1943 годов, очевидно, что именно индустриальная политика советского руководства в 1941–1942 годах обеспечила экономический базис этого перелома. На основе анализа ситуации в важнейших отраслях как гражданской, так и оборонной сфер индустрии автор приходит к выводу о том, что перелом в войне был с точки зрения экономики обеспечен целым рядом факторов. Советская система управления сумела найти эффективные решения крайне сложных проблем, связанных с организацией производства в условиях разрыва большинства производственных цепочек, чудовищной нехватки квалифицированной рабочей силы, жилья, продовольствия и необходимых товаров широкого потребления. Для этого предпринимались меры экономического, организационно-управленческого и даже научно-технического характера. Ужесточение трудового законодательства соседствовало с массовым трудовым энтузиазмом. Превозмогая нечеловечески трудные условия, советские труженики массово выполняли по две нормы, а отдельные уникалы – до 10 норм выработки. Самостоятельность директоров крупных предприятий иногда противоречила директивам центра, а порой – творчески их дополняла. Поиск оптимального вида модельного ряда оборонной техники шёл рука об руку с освоением новых, прорывных технологий и методик. И именно это сочетание разноплановых факторов и процессов и предопределило, в итоге, экономическую победу СССР в той великой войне

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборонная промышленность, история сталинизма, история экономики, история транспорта, история металлургии, история авиапромышленности, история танкостроения.

Economic support of the turning point in the Great Patriotic War.

Mukhin M.Yu.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
mukhin@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Abstract. *The article examines the main trends in the development of the Soviet economy in 1941–1943. Since the turning point in the course of the Great Patriotic War was reached in the second half of 1942 – the first half of 1943, it is obvious that it was the industrial policy of the Soviet leadership in 1941–1942 that provided the economic basis for this turning point. Based on the analysis of the situation in the most important sectors of both the civil and defense industries, the author comes to the conclusion that the turning point in the war was provided by a number of factors from the point of view of the economy. The Soviet system of management was able to find effective solutions to the extremely complex problems associated with the organization of production in the conditions of a break in most production chains, a monstrous shortage of skilled labor, housing, food, and necessary consumer goods. For this, economic, organizational, managerial and even scientific and technical measures were taken. The tightening of labor legislation was side by side with massive labor enthusiasm. Overcoming inhumanly difficult conditions, Soviet workers massively fulfilled 2 norms, and individual unique ones – up to 10 production norms. Self-activity of the directors of large enterprises sometimes conflicted with the directives of the center, and sometimes creatively supplemented them. The search for the optimal type of lineup of defense equipment went hand in hand with the development of new, breakthrough technologies and methods. And it was this combination of diverse factors and processes that ultimately determined the economic victory of the USSR in that great war.*

Key words: *The Great Patriotic War, the defense industry, the history of Stalinism, the history of the economy, the history of transport, the history of metallurgy, the history of the aircraft industry, the history of tank building*

For citation: *Mukhin M.Yu. Economic support of the turning point in the Great Patriotic War // Historical Notes. 2022. No. 21 (139). S. 00–00. DOI:*

Не подлежит сомнению, что перелом в ходе Великой Отечественной войны, наступивший на протяжении 1942–1943 годов, был бы немислим без мощного экономического базиса, обеспечившего советские войска на фронте всем необходимым. Поэтому исследование процессов и феноменов, обусловивших складывание такого базиса, по нашему мнению, относится к одной из наиболее важных и актуальных тем отечественной истории. Думается, что сейчас, в 2022 году, когда мы отмечаем 80-летие начала Сталинградской битвы, имеет смысл ещё раз обратиться к этим сюжетам и попытаться вычленить в событиях тех лет ведущие тенденции. Историография этой проблематики огромна, и даже самое краткое и конспективное её изложение потребует едва ли не нескольких статей, по объёму эквивалентных нижеследующему тексту. Поэтому мы позволим себе ограничиться тезисом о том, что в общей массе работ отечественной историографии последних лет данный сюжет рассматривается или в контексте военной экономики в целом [Великая Отечественная 2013, Самуэльсон 2010, Быстрова 2006, Чадаев 1985, Парамонов 1999, и др.] или на частных примерах отдельных отраслей промышленности [Будков и др. 1985, Балыш 2009, Ермолов 2012, Мухин, 2011, Мухин 2018 и др.]. Если в советские годы экономическая политика руководства Советского Союза рассматривалась исключительно в комплиментарном ключе, то в постсоветский период стало возможно освещать и «непарадную» сторону экономических реалий тех лет. Собственно говоря, вся нижеследующая статья

посвящена обзору и агрегации современных взглядов на суть экономического обеспечения перелома в Великой Отечественной войне, характерных для современной отечественной исторической науки.

Разумеется, мобилизация промышленности и эвакуация индустриальных и сельскохозяйственных мощностей имели огромное значение для советской экономики. Однако для экономического обеспечения перелома в ходе военных действий это, сами по себе, были факторы обязательные, но недостаточные. Поэтому для ответа на вопрос «как и за счёт чего СССР победил в экономическом соревновании с гитлеровской Германией» необходимо разобраться в основных аспектах функционирования советской экономики в 1941–1943 годах в целом. Разумеется, всякая экономика функционирует как единый организм, и «оборонка» не может существовать автономно, без поставок из формально «гражданской» сферы производства сырья, топлива, полуфабрикатов и комплектующих. Однако в условиях военных действий роль оборонных предприятий возростала даже не в разы, а на порядки. Поэтому, описав основные тренды, характерные на тот момент для всей советской экономики вообще и гражданских отраслей в частности, в дальнейшем мы более детально сосредоточимся на основных отраслях оборонной индустрии.

Магистральные векторы развития советской промышленности в 1941–1943 годах в целом.

Успешное завершение эвакуации поставило перед руководством предприятий и ведомств целый комплекс достаточно сложных проблем. Историография эвакуации промышленности в годы войны сама по себе огромна. Из последних по хронологии исследований на эту тематику мы позволим себе отметить [Потёмкина, Климанов 2020 и Zharkynbayeva и др. 2020]. Перемещённые в восточные регионы страны заводы и фабрики требовалось где-то разместить. Следовало найти некие капитальные строения с фундаментами, способными выдержать вес станков и оборудования, подвести необходимую инфраструктуру (электричество, различные трубопроводы, подъездные пути), необходимую для функционирования завода, и начать выпуск столь важной для фронта продукции. В какой-то степени советскому руководству помог принятый ещё в довоенные годы план создания в восточных регионах страны «предприятий-дублёров». Обеспокоенное тем, что значительная часть критически важных для обороноспособности страны предприятий находится сравнительно недалеко от государственной границы, ещё в середине 1930-х годов советское правительство приняло программу строительства дублёров уникальных предприятий в восточных регионах. К 1941 г. значительная часть таких новостроек всё ещё не была сдана, однако там уже были в наличии капитальные строения, вполне пригодные для размещения в них эвакуированного оборудования. Скажем, в Куйбышев¹⁷⁷, на базу недостроенных авиазаводов №№ 122 и 295 были вы-

---

177 Ныне – Самара.

везены авиазаводы №№ 1, 18 и 305 [Мухин 2011 с. 309–310]. Однако столь удачным стечением обстоятельств удалось воспользоваться далеко не всем предприятиям. В ряде случаев удавалось разместить оборудование эвакуированных заводов на производственных площадках уже функционирующих промышленных объектов той же отрасли промышленности. Так, в результате сочетания Челябинского тракторного завода и оборудования, эвакуированного с ленинградского Кировского завода, на Урале появился легендарный Танкоград [Подробнее об этом см. Самуэльсон 2010]. В ряде случаев приходилось мириться с размещением в бывших зданиях предприятий иных отраслей или ремонтных мастерских. В крайнем случае заводы размещались в зданиях гаражей, учебных заведений, клубов и т. п. Например, завод электрических машин, эвакуированный из Москвы, был размещён в Челябинске в помещении гаража треста № 22 [Ермолов 2012, с. 135]. Случаи размещения станков под открытым небом или в недостроенных зданиях с ненастенной крышей если и были, то носили единичный характер. По опыту авиапромышленности и танкостроительной индустрии можно заметить, что головные предприятия, выпускавшие собственно готовые для использования изделия (танки, самолёты, авиамоторы) дислоцировались, как правило, в наилучших из числа возможных условиях. Агрегатные заводы, поставлявшие на головные предприятия узлы и агрегаты, обеспечивались производственными площадями по остаточному принципу.

Однако, решив проблему размещения оборудования, надо было решить и вопрос расселения эвакуированного персонала. Между тем ситуация с жильём для эвакуированных граждан СССР складывалась крайне напряжённая. В качестве примера можно привести положение дел на авиазаводах №№ 380 и 381. Два эти предприятия были эвакуированы из Ленинграда в Нижний Тагил, на производственную площадку Уральского вагонного завода. На 8170 прибывших на Урал авиастроителей удалось найти следующие варианты расселения:

- в «Соцгородке» (в пределах Н. Тагила, близ завода) – 2900 чел.;
- в Нижнем Тагиле (12 км от завода) – 2700 чел.;
- в селе Лая (20 км от завода) – 750 чел.;
- в посёлке Сан-Донато (30 км от завода) – 800 чел.;
- в посёлке Шайтанка (35 км от завода) – 300 чел.;
- в посёлке Самса (20 км. от завода) – 721 чел. [Мухин 2011, с. 76].

Причём это был далеко не самый тяжёлый случай – скажем, сотрудники авиамоторного завода № 26, эвакуированного из Ярославля в Уфу, первую зиму военного лихолетья были вынуждены встречать не только в землянках, но и в палаточных городках [Куманёв 2005, с. 209]. Собственно говоря, ожидать иного было сложно – в кратчайшие сроки ряд городов восточных регионов СССР оказался буквально переполнен эвакуированными заводами и их персоналом. Скажем, в Новосибирск, довоенное население которого составляло 450 тыс. чел., с эвакуированными предприятиями прибыло около 150 тыс. чел., то есть население города за несколько недель выросло на треть [Савицкий 2005, с. 29–61]. Разумеется, ни жилой фонд городов-реципиентов, ни их социальная инфраструктура не были рассчитаны на такую нагрузку. Основной формой решения жилищного вопроса стали:

«уплотнения» жилого фонда с подселением эвакуированных отдельными семьями; массовое строительство общежитий упрощённого типа; приспособление под жильё зданий нежилого назначения. В исключительных случаях приходилось мириться с землянками и палаточными городками. Впрочем, последний вариант расселения применялся лишь в кризисной ситуации зимы 1941/42 годов, и в течение 1942 г. жилищная проблема хотя бы в первом приближении была решена. В ряде случаев, столкнувшись с невозможностью решить на приемлемом уровне проблему размещения оборудования и персонала предприятия на новом месте, Совнарком санкционировал в 1942 г. реэвакуацию на прежнее местоположение, но такие прецеденты не носили массового характера.

Но, решив проблему размещения эвакуированного населения, руководство советской промышленности очень быстро столкнулось с проблемой нехватки персонала. Как уже говорилось, в масштабах СССР удалось вывести в восточные регионы страны лишь 30–40% сотрудников эвакуированных заводов и фабрик. Однако фронт всё более настойчиво требовал не просто восстановить, но и превзойти довоенные масштабы выпуска вооружений и боеприпасов. Между тем количество рабочих и служащих в СССР стремительно сокращалось ввиду мобилизации мужчин в армию и потери значительных территорий, на которых оставалось, в том числе, и работоспособное население.

Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР¹⁷⁸

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
млн чел.	31,2	27,3	18,4	19,4	23,6	27,3

Как видим, среднегодовая численность рабочих и служащих в 1942 г. была почти вдвое меньше, чем в 1940. Однако надо учитывать, что к концу года ситуация с рабочими кадрами начала выправляться, то есть в конце 1941 – начале 1942 годов положение дел было ещё хуже. Уже на декабрь 1941 г., с учётом необходимости пуска всех эвакуированных предприятий, нехватка рабочей силы оценивалась Госпланом приблизительно в 500 тыс. человек [Быстрова 2006, с. 197]. Покрыть этот дефицит в условиях идущей войны было возможно только за счёт пенсионеров, домохозяйек и вчерашних школьников. Выпускники ремесленных училищ, школ ФЗО и тем более техникумов – считались элитным пополнением, за которое между ведомствами шла нешуточная борьба. Впрочем, численность таких выпускников была невелика и явно не могла сыграть решающую роль в решении кадровой проблемы. Скажем, НКАП, испытывавший только в I квартале 1942 г. дефицит рабочей силы в более чем 100 тыс. чел., за весь 1942 г. получил лишь

178 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. Сб. М., 1990. С. 5.

22,5 тыс. выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО [Мухин 2011, с. 256, 260]. С учётом того что авиапромышленность традиционно являлась сферой особого внимания советского руководства, это даёт представление о том, сколь мал был удельный вес подготовленных рабочих в общей массе «нового» персонала хотя бы «оборонки», не говоря уж о промышленности в целом. Чтобы решить проблему кардинальной нехватки рабочей силы, Президиум Верховного Совета СССР издал сначала Указ от 26 декабря 1941 г., согласно которому отпуска и выходные дни отменялись, вводились обязательные сверхурочные работы, а самовольное оставление завода или фабрики рассматривалось как дезертирство и наказывалось тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. За ним последовал Указ от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Согласно этому документу, трудовой мобилизации подлежало всё трудоспособное население: женщины в возрасте от 16 до 45 лет и мужчины от 16 до 55 лет [Великая Отечественная 2015, с. 548]. При этом в систему Государственных трудовых резервов (то есть на обучение в школы ФЗО и ремесленные училища) принимали детей с 14 лет, что ещё больше расширяло возрастную группу, на которую распространялась трудовая мобилизация. Данная мера действительно обеспечила заводы и фабрики рабочими руками, но это были совершенно не владевшие производственными профессиями люди – их ещё требовалось обучить. Надо признать, что наряду с успешной эвакуацией промышленности в 1941 г. результативное решение кадровой проблемы в 1942 г. стало одной из важнейших побед советской экономики, предопределившей победу СССР в Великой Отечественной войне в целом. Огромная масса людей, никогда ранее не работавших на производстве, в кратчайшие сроки получила пусть невысокую, но достаточную для выполнения своих обязанностей квалификацию, овладела азами новой профессии и встала к станкам, обеспечивая фронт танками и самолётами, порохом и взрывчаткой, пулемётами и пушками. Эта проблема решалась несколькими путями.

Во-первых, был резко упрощён, а значит, и ускорен процесс обучения новых рабочих. Советская система подготовки индустриальных кадров исходила из того, что большинство новичков на заводе не обладают существенной подготовкой. Скажем, по переписи 1939 г. среди металлистов¹⁷⁹ удельный вес лиц с образованием «7 классов и выше» составил лишь 15,2%, а в остальных отраслевых группах рабочих он был значительно ниже [Фельдман 2009, с. 84]. Поэтому кадры на предприятиях готовили, как правило, методом индивидуального наставничества. Каждый новичок закреплялся за опытным рабочим, выполнявшим за соответствующее вознаграждение функции инструктора [Чадаев 1985, с. 408]. Он учил молодого рабочего азам профессии: управлению станком, технике безопасности, измерению деталей и т. п. На втором этапе молодых рабочих объединяли в ученические бригады от 2 до 10 человек, в составе которых они осваивали некоторый

---

179 Т. е. рабочих, связанных с обработкой металла

набор производственных операций. В принципе, такой порядок подготовки молодых кадров был отработан ещё в довоенные годы, но с началом войны темпы обучения резко возросли. Если в мирное время цикл начальной подготовки токаря, фрезеровщика или инструментальщика занимал от 6 месяцев до 2 лет, то теперь сроки ученичества были сжаты до полутора-двух месяцев. Такая рабочая сила была сравнительно малоквалифицирована. Как правило, рабочие не умели читать чертежи и вели обработку деталей по натурным шаблонам и плазам, поэтому освоение новой модели техники требовало в первую очередь изготовления нового набора оснастки – шаблонов, плаз, макетов и лекал. Прошедшие через такое обучения рабочие не были универсальными – для освоения новых производственных операций их требовалось переучивать. Но зато такая рабочая сила за счёт темпов обучения легко масштабировалась. В кратчайшие сроки советская промышленность решила проблему рабочих рук и начала восстанавливать масштабы производства.

Во-вторых, надо отметить, что именно с учётом относительно низкой квалификации рабочей силы в наиболее высокотехнологичных отраслях оборонки всемерно старались внедрить различные технические приёмы, позволявшие снизить востребованность квалифицированной рабочей силы. В авиастроении всячески стимулировалось использование плазово-шаблонной методики, позволявшей снизить нагрузку на рабочих высоких разрядов тарифной сетки за счёт изготовления большинства деталей низкоквалифицированными сотрудниками не по чертежам, а по плазам. В танкостроении расширялось применение автоматической сварки по методу Патона и термической обработки деталей деталей высокой частоты [Великая Отечественная 2013, с. 508], в производстве стрелкового оружия ставку делали не на фрезерованные, а на штампованные детали, в артиллерии скреплённые стволы заменяли моноблоками... Продолжать этот список можно долго, но общий тренд заключался в поиске технологических решений, которые снижали бы востребованность остродефицитной высококвалифицированной рабочей силы. В 1943 г. процесс интенсификации производства за счёт передовых технологических решений получил новый импульс. Теперь во главу угла ставилось широкое распространение поточных методов и конвейерной сборки. Особенно широко такие технологии вновь были представлены в наиболее наукоёмких отраслях «оборонки» – в авиапромышленности, производстве артиллерийских систем и танкостроении [Великая Отечественная 2013, с. 510].

В-третьих, экономика Советского Союза полномасштабно переводилась на военные рельсы. Практически прекратился выпуск локомотивов и вагонов, кардинально сокращалось производство иной продукции гражданского назначения. По сути, вся металлургическая, машиностроительная и химическая индустрии работали только и исключительно в интересах действующей армии и флота. Весь СССР постепенно превращался в единый военный лагерь, и это были отнюдь не общие слова.

Переориентация машиностроения СССР на выпуск военной продукции¹⁸⁰

Выпуск:	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Тракторы (тыс. шт.)	31,6	23,8	3,5	1,1	3,2	7,7
Автомобили(тыс. шт.)	145,4	124,2	35,0	49,3	60,5	74,7
Паровозы магистральные (шт.)	914	708	9	43	32	8
Грузовые магистральные вагоны (шт.)	30880	33098	147	106	13	819
Артиллерийские орудия всех видов и калибров (тыс. шт.)	Н.д.	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2
Миномёты всех калибров (тыс. шт.)	Н.д.	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0
Танки и САУ (тыс. шт.)	Н.д.	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5

В-четвёртых, следует отметить фактор, который относится не столько к технической или организационной, сколько к морально-волевой сфере. В последние десятилетия существования Советского Союза постоянные ссылки агитаторов и пропагандистов на «трудовой подвиг», «массовый героизм тружеников тыла» и «беззаветное служение Отчизне» привели к тому, что эти понятия в известной степени были профанированы. Значительная часть позднесоветской интеллигенции относилась к этим ссылкам с лёгким презрением, как к очередной пропагандистской мантре советского Агитпропа, и это отношение, в известной мере, не изжито по сей день. Между тем труд советских граждан в годы войны трудно охарактеризовать как-то иначе. Это был именно «трудовой подвиг» и «массовый героизм тружеников тыла» в самом прямом и непосредственном смысле этих слов. На авиационном заводе № 1 им. Сталина (Куйбышев) работникам в январе 1942 г. было недодано по карточкам 50,4% хлебобулочных изделий, 11,5% макарон и крупы, 16% мяса и рыбы, 6,2% жиров, 3,2% сахара. На авиазаводе №24 (г. Куйбышев) в январе-феврале 1942 г. карточки на питание вообще не отоваривались. Из-за нехватки мест в столовой обеды доставлялись прямо в цеха. Обед здесь состоял из рассольника, в котором почти не было жиров, а вторых блюд не хватало, из-за чего при дележе пищи в цехах «возникла понятная напряжённость». На авиазаводе №39 (Иркутск) за сентябрь 1942 г. было недодано мяса и рыбы в рабочих столовых – 15%, жиров – 15%, крупы – 18% [Парамонов 1999, с. 326]. Подчеркнём – речь шла об авиазаводах, то есть даже не об «оборонке» вообще, а о наиболее наукоёмкой и высокотехнологичной части оборонной промышленности, которая, очевидно, обеспечивалась в первую очередь. Остаётся только догадываться, насколько хуже была ситуация на прочих предприятиях.

180 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. Сб. М., 1990. С. 15, 66, 67

Промтовары в магазинах также отпускались только по карточкам, но товарных фондов не хватало, и уже к весне 1942 г. многие рабочие испытывали нехватку даже повседневной одежды, а уж к осени ситуация с одеждой и обувью местами стала попросту критической. Отмечались случаи, когда в крупных городах (например, Куйбышев) в магазинах по 5 месяцев не отоваривались карточки на мыло, что вело к распространению педикулёза и кожных заболеваний. Промышленные рабочие жили впроголодь, ходили оборванными, ежедневно были вынуждены совершать 5–7-километровые переходы от места жительства до завода и обратно, и тем не менее... Советские труженики работали на пределе своих сил. Они хорошо понимали, что каждое изделие, отправленное на фронт, приближает Победу, поэтому массовый трудовой энтузиазм стал одним из важнейших факторов советской экономики военных лет. Зародилось и стремительно получило широчайшее распространение движение «двухсотников» – рабочих, которые регулярно перевыполняли норму вдвое. К ноябрю 1942 г. «двухсотниками» были уже 20% всех рабочих авиапромышленности. На фоне относительно большого числа рабочих, выполнявших по 200–250% нормы, выделялись уникальные случаи подлинного трудового героизма. На авиазаводе № 153 в январе 1942 г. насчитывалось 1134 «двухсотника». К апрелю их число выросло до 1568. Это уже само по себе вызывает восхищение тружениками тыла. Но 144 человека на том же заводе в апреле 1942 г. стали «тысячниками», выполняя по 10 (и более) норм за смену! Движение «тысячников» зародилось на танкостроительном заводе №183, где слесарь Д.Ф. Босый 12 февраля 1942 г. выполнил норму на 1480% [Ермолов 2012, с. 297], но достаточно быстро вышло за пределы одной отрасли и охватило всю советскую индустрию. Более того, рабочий завода №153 Б.Н. Зенков и мастер Н.Ф. Яковлев 1 мая 1942 г. выполнили нормы на 5714%, 9 мая 1942 г. Б.Н. Зенков достиг отметки 10002% за смену, а 1 июня побил собственный рекорд, выйдя на уровень 57143% нормы за смену [Мухин 2011, с. 276–277]! Всего в мае 1942 г. на этом заводе насчитывалось 277 «тысячников» и свыше 4 тыс. «двухсотников» [Савицкий 2005, с. 280]. Весной 1942 г. зародилось движение комсомольско-молодёжных фронтовых бригад, которые работали под лозунгом «В труде – как в бою!», систематически перевыполняя план не в одиночку, а – всей бригадой. Такие бригады часто называли «фронтовыми». Сами участники этого движения формулировали принципы «фронтовых бригад» следующим образом: «Сегодня тыл – это тоже фронт, фронт героического труда, фронт всенародной борьбы против врага. И работать в тылу надо по-фронтовому... Работать по-фронтовому – это значит делать всё быстро, гораздо быстрее, чем в мирное время... слово “невозможно” должно исчезнуть из нашего обихода»¹⁸¹. Осенью 1942 г. статус «фронтовых» бригад был уточнён – теперь на звание молодёжной фронтовой бригады могла претендовать бригада, которая на протяжении не

---

181 Всё для фронта. Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Документы и материалы. Свердловск, 1985. С. 101.

менее 2 месяцев выполняла план на 150% [Морехина 1962, с. 87]. К концу 1944 г. только на нефтяных предприятиях Башкирской АССР насчитывалось уже 253 молодёжные фронтовые бригады [Зиязетдинов 2010, с. 40].

В результате всех вышеперечисленных мер кризис производства военной техники постепенно был ликвидирован. В первом приближении о темпах преодоления постэвакуационного спада позволяет судить квартальная отчётность НКАПа о сдаче готовой продукции.

Выпуск самолётов и авиамоторов в II квартале 1941 – III квартале 1942 годов. [Мухин 2011, с. 171]

Авиапродукция	1941 г.			1942 г.		
	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.
Моторы	7604	10168	3319	5039	8320	11872
Самолёты	3546	6608	3171	3633	5964	7433

Таким образом, IV квартал 1941 и I квартал 1942 годов стали периодом наиболее резкого снижения выпуска авиапродукции, но уже во II квартале 1942 г. советская авиаиндустрия вышла на довоенные масштабы производства, а в III квартале – существенно их превзошла. Приблизительно схожим образом развивалась динамика производства и в других отраслях как «оборонки», так и гражданских отраслей промышленности. Наибольшее падение промышленного производства произошло в декабре 1941 г. – выплавка чугуна и стали сократилась в 2 и 2,8 раза, соответственно, производство проката чёрных металлов – в 3 раза, шарикоподшипников – в 21 раз, а некоторые виды продукции машиностроения перестали выпускаться вообще [Маркова 2010, с. 13]. Только с начала 1942 г. советская индустриальная сфера начала медленно наращивать объёмы выпуска.

Основные тенденции развития гражданских отраслей промышленности.

Оборонные отрасли промышленности не могли функционировать, не получая от предприятий гражданской сферы топливо, сырьё, полуфабрикаты и комплектующие. Поэтому детальный разговор об экономическом обеспечении перелома в ходе боевых действий имеет смысл начать именно с рассмотрения ситуации в гражданских отраслях промышленности.

Не вызывает сомнений, что ключевое значение для индустриальной сферы вообще, а в годы войны – в особенности, имела металлургия. Металл требовался для снарядов и патронов, для танков и артиллерийских орудий, в первом приближении можно сказать, что масштабы чёрной и цветной металлургии определяли индустриальный уровень страны вообще [На эту тему см., напр., Запарий и др. 2021]. К сожалению, значительную часть металлургического оборудования ввиду его значительных характерных объёмов и масс вывести не удалось. В результате к началу 1942 г. уровень

выплавки металлов в СССР составлял в среднем 23-32% от уровня июня 1941 года [Великая Отечественная 2013, с. 138]. Потеря металлургических мощностей Донбасса привела к резкому росту удельного веса металлургии Урала.

Удельный вес производства чёрных металлов и основных изделий из них на Урале (% от общесоюзного производства) [Урал 1995, с. 7.]

Продукция	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Чугун	18,2	25,3	65,3	65,9	62,6	58,1
Сталь	21,4	27,0	56,1	57,3	53,0	53,0
Прокат	21,6	27,7	58,2	57,5	52,8	51,6
Трубы стальные	7,1	19,2	86,8	89,1	Н.д.	65,1

9 ноября 1941 г. было издано постановление ГКО «О порядке размещения эвакуированных заводов», в котором детально излагался регламент размещения эвакуированного оборудования на новых местах дислокации. Это постановление распространялось на всю индустриальную сферу, но тем не менее в нём специально подчёркивалась важность всемерного увеличения мощностей металлургических предприятий¹⁸². Строительство металлургических заводов приравнивалось к работам по сооружению оборонных объектов [Шмыров 2007, с. 66]. Первоначально во главу угла ставились задачи установки и подключения эвакуированного оборудования на уже существующих предприятиях. Так, только на территорию Магнитогорского металлургического комбината было перемещено оборудование 34 заводов из западных регионов СССР [Великая Отечественная 2013, с. 135]. Для ускорения строительства металлургических цехов было принято решение при сооружении не только вспомогательных, но и основных производственных помещений возводить здания временного типа, используя в качестве строительных материалов дерево и различные местные стройматериалы, а металл и железобетон использовать только там, где это носит критически важное значение. Однако ёмкость производственных площадей металлургических заводов Урала была всё же не безграничной. Поэтому выход был найден в использовании недостроен довоенной закладки. Новые цеха достраивались на многих металлургических заводах Урала, но отдельные предприятия вводились в строй практически «с нуля». В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с Челябинским металлургическим заводом (ЧМЗ). Ещё в январе 1941 г. строительство ЧМЗ, замороженное в 1935 г., было возобновлено, однако вскоре после этого практически вся строитель-

182 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 16 т. М., 1968. Т. III. (1941–1952). С. 52–54.

ная техника была переброшена на расширение Челябинского тракторного завода, и работы на площадке ЧМЗ фактически встали. В августе 1941 г. ввиду необходимости размещения в восточных регионах страны эвакуируемого оборудования металлургических заводов строительство ЧМЗ было не просто возобновлено, а отнесено к категории ударных строек. На площадку ЧМЗ было переброшено оборудование Новолипецкого и Алчевского металлургических заводов, а также металлургических предприятий «Красный Октябрь» (Сталинград), заводов «Запорожсталь» и «Электросталь». Уже в феврале 1943 г. в эксплуатацию была сдана первая очередь ЧМЗ.

Следует учитывать, что до войны Уральский регион не только уступал Криворож-Донбасскому металлургическому кластеру в объёмах выплавки стали и чугуна, но и практически не выпускал высококачественных сталей. Так, к лету 1941 г. на Урале вообще не производились поковки для авиационной и танковой промышленности, не изготовлялся бронелист, а снарядные заготовки прокатывались в относительно незначительных количествах. Условия военного времени потребовали не просто нарастить объёмы проката, но и кардинально изменить сортамент выпускаемой продукции. Фронт требовал всё больше легированных спецсталей и ферросплавов, поэтому нагрузка на единственный функционировавший в СССР на 1942 г. Челябинский завод ферросплавов резко возросла. За счёт реконструкции, осуществлённой силами предприятия, мощность электропечей этого завода возросла на 68, а производительность – на 43 %. На заводе была освоена технология производства феррохрома, разработана новая, более экономичная технология выпуска ферросилиция, внедрено ещё несколько передовых технологических решений, в результате чего в 1943 г. суммарный выпуск дефицитных ферросплавов в Челябинске удвоился [Антуфьев 1992, с. 120–121]. В конце 1942 г. в Кузнецке начал работу новый завод ферросплавов¹⁸³, а в январе 1943 г. первую партию феррохрома сдал Актюбинский завод ферросплавов, после чего кризис с поставками ферросплавов был, по крайней мере в первом приближении, решён. Однако для плавки легированной стали требовались легирующие элементы, и в первую очередь – марганец. До войны на Урале добывалось не более 0,7% общесоюзной добычи этого металла, так как основным центром выпуска спецсталей в СССР являлся Кривбасс. После оккупации неприятелем Украины были сделаны попытки нарастить выплавку спецсталей на Урале, опираясь на марганцевую руду, добываемую на Чиатурском месторождении, но логистика доставки руды из Закавказья была столь сложна, что от этого плана пришлось отказаться. В этой ситуации во главу угла было поставлено использование местных рудных ресурсов. Используя оборудование и сотрудников эвакуированного с Украины треста «Никополь-Марганец», на севере Свердловской области были построены Марсятский и Полуночный рудники, к ним была сооружена гужевая дорога, а позднее – проложена 25-километровая железная дорога. В результате в 1942 г. добыча марганцевой руды на Урале по сравнению с 1940 г. возросла

---

183 Создан на базе оборудования, эвакуированного с Запорожского завода ферросплавов.

в 12,8, а в 1943 – в 17,5 раз [Запарий 2001, с. 87–88]. Отдельную проблему представлял вопрос выпуска броневой стали. В довоенный период такого производства на Урале не было, поэтому требовалось не просто освоить новую продукцию, а обеспечить её выпуск на имеющемся оборудовании, которое было совершенно не приспособлено к таким работам. На Магнитогорском металлургическом комбинате было создано специальное «броннебюро», в котором опытные производственники завода и специалисты из Центрального научно-исследовательского броневого института разработали прорывную технологию выплавки броневой стали в мартеновских печах с основным подом [Запарий и др. 2020, с. 72–76]. Первая плавка прошла 23 июля, затем разработанная технология была передана на Нижнетагильский и Кузнецкий металлургические комбинаты. В результате с сентября 1941 г. по январь 1942 г. выплавка броневых сталей на Урале возросла в 100 раз. Однако броневую сталь требовалось не только выплавить, но ещё и прокатать. Между тем на Магнитогорском комбинате соответствующего прокатного стана по проекту не было, а эвакуированный из Мариуполя стан всё ещё находился в процессе передислокации. Поэтому в Магнитогорске пошли на рискованное решение – броневую сталь начали катать на обжимном стане-блюминге, установленном на «Уралмаше». Хотя обжимный стан изначально не рассчитывался на подобное применение, эксперимент удался, и броневая сталь начала поступать на танковые заводы ещё до завершения эвакуации металлургических заводов западных регионов СССР. После ввода в строй прокатных станков, вывезенных из Мариуполя и Ленинграда, в январе 1942 г. месячный выпуск броневого листа на Урале стал соответствовать полугодовому выпуску этой продукции всеми заводами СССР до войны. В целом, в 1943 г. оборонные предприятия получили от металлургических заводов и фабрик втрое больше металла, чем в 1940 году [Запарий и др. 2020, с. 92].

Выпуск продукции чёрной металлургии в СССР в годы
Великой Отечественной войны (млн т.)¹⁸⁴

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Чугун	14,9	13,8	4,8	5,6	7,3	8,8
Сталь	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9	12,3
Прокат чёрных металлов	13,1	12,6	5,4	5,7	7,3	8,5

Тем не менее следует учитывать, что по объёму выпуска советская металлургия не вернулась к довоенным масштабам производства важнейших категорий продукции даже к 1945 году, то есть рост отгрузки металла на

184 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. Сб. М., 1990. С. 5.

оборонные предприятия обеспечивался преимущественно сокращением отгрузки на заводы и фабрики гражданской индустрии. Таким образом, магистральным направлением развития металлургии Советского Союза в тот период были освоение на Урале и в азиатской части СССР новых, высококачественных сплавов и ферросплавов, а также переориентация металлургических предприятий на удовлетворение в первую очередь интересов «оборонки». Очевидно, именно это и стало тем общеэкономическим базисом, который позволил советской оборонной промышленности совершить резкий рывок и, в свою очередь, обеспечить экономически коренной перелом в ходе действий на фронте.

Не умаляя заслуг металлургов, следует, однако, отметить, что не менее критически важной для функционирования экономики вообще и оборонки в том числе, была угольная промышленность. Уголь выступал важнейшим видом топлива как в промышленном секторе, так и в жилищно-коммунальном хозяйстве. С учётом того, что удельный вес электрической и тепловозной тяги на советских железных дорогах был на тот момент пренебрежительно мал [История железнодорожного транспорта 2012, с. 380], уголь, как основное топливо для паровозов, играл ключевую роль с точки зрения железнодорожного транспорта. Наконец, нельзя упускать из вида то обстоятельство, что металлургическая промышленность была немыслима без широкого применения угольного кокса, поэтому, в какой-то степени, именно шахтёры обеспечивали потенциал роста выплавки стали. На 1937 г. в СССР было добыто 128 тыс. т угля, из них 77,5 тыс. т – на Донбассе [История Новороссии 2017, с. 597]. Это даёт представление о масштабах топливного кризиса, обрушившегося на СССР после потери донецкого угля. Кроме того, следует учитывать, что к концу осени 1941 г. резко сократились возможности эксплуатации московского угольного бассейна, так как боевые действия распространились уже на территории к востоку от Тулы. Возникла опасность остановки ряда крупных тепловых электростанций. В частности, только на Урале была остановлена электростанция «Уралмаша», полностью встали из-за отсутствия топлива Усть-Катавский, Кусинский и Симский заводы [Баканов 2011, с. 57]. Большинство электростанций работали буквально «с колёс», поэтому малейшая задержка с поставкой топлива практически гарантированно вела к прекращению электрогенерации. Накопить на большинстве электростанций хотя бы часовой запас топлива удалось только к февралю 1942 года. Эту кризисную ситуацию удалось до некоторой степени разрешить лишь форсированием добычи угля в р-не Караганды, на Урале и в Кузнецком бассейне. Уже 8 декабря 1941 г. было принято постановление Совнаркома «О развитии добычи угля в восточных районах СССР». В конце 1941 – начале 1942 годов в Караганду и на Кузбасс прибыло значительное число опытных горняков, эвакуированных из Донбасса. Кроме того, в эти регионы были перебазированы значительные производственные мощности по производству оборудования, используемого в угольной промышленности, и ВУЗы, обеспечивающие отрасль подготовленными кадрами. Так, в Караганду из Ворошиловграда прибыл завод угольного машиностроения им. Пархоменко, а из Москвы – Горный институт [Великая Отечественная 2013, с. 139]. Однако доставка угля из

восточных регионов СССР в Центральный промышленный район ещё больше увеличивала нагрузку на железнодорожную сеть, например на весну 1942 г. только на шахтах Кузбасса скопилось около 3 млн т невывезенного угля, причём 0,5 млн т из них погибли в результате самовозгорания, и ещё 0,6 млн т находились в ситуации, угрожающей самовозгоранием [Коновалов 2015, с. 15]. В этой ситуации огромное внимание уделялось скорейшему вводу в строй и восстановлению разрушенных шахт московского бассейна¹⁸⁵. Одновременно была интенсифицирована угледобыча в Печорском бассейне, что позволило снизить остроту топливного голода в северных областях европейской части Советского Союза [Великая Отечественная 2013, с. 139]. Точно так же, как и в металлургии, руководство угольной отрасли пошло на сооружение новых производственных зданий по упрощённым схемам, преимущественно из дерева, используя кирпич и железобетон лишь там, где без этого было не обойтись. В результате, хотя довоенные объёмы добычи угля так и не были достигнуты, угольная индустрия СССР сумела обеспечить топливом отечественный железнодорожный транспорт и промышленность.

Добыча угля в СССР в годы Великой Отечественной войны¹⁸⁶

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Млн. т.	165,5	151,4	75,5	93,1	121,5	149,3

Но если угольная промышленность была критически важна для индустриальной сферы, то недооценить важность промышленности нефтедобывающей тем более невозможно. От нефтедобычи зависело обеспечение топливом танков и самолётов, грузовиков и тягачей действующей армии. Однако нельзя упускать из виду и ещё один важный аспект деятельности нефтедобывающей промышленности. Основным взрывчатым веществом, шедшим на снаряжение советских снарядов и авиабомб в годы войны, был тротил. Базовым химикатом, без которого производство тротила было немислимо, являлся толуол. В СССР производство толуола осуществлялось двумя вариантами: за счёт уловления газов на коксохимических заводах и за счёт пиролиза (теплового разложения) керосина. Однако около 2/3 всех мощностей по уловлению газов, образующихся при коксовании угля, находились на коксохимических заводах Донбасса и в ходе эвакуации были утеряны. Таким образом, объёмы нефтедобычи, определяя уровень выпуска керосина, тем самым лимитировали и объём производства в СССР основ-

185 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. В 16-ти т. М., 1968. Т. III (1941–1952). С. 55.

186 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. Сб. М., 1990. С. 5.

ной взрывчатки [Балыш 2009, с. 86]¹⁸⁷. В довоенный период основным нефтеносным регионом СССР являлся Азербайджан, где добывали порядка 70% всей советской нефти. Попытки создать «Второе Баку» в Поволжье в 1930-е годы не принесли значимых результатов. С началом военных действий в области нефтедобычи было принято несколько решений, не всегда согласующихся друг с другом. С одной стороны, перед нефтяниками Апшеронского полуострова была поставлена задача всемерно нарастить объём нефтедобычи. С другой стороны – ввиду переориентации мощностей металлургии и машиностроения на производство оборонной продукции, поставки оборудования, необходимого для нефтедобычи, в Азербайджан резко сократились, а по некоторым позициям прекратились вовсе. Наконец, синхронно со всеми вышеперечисленными событиями было решено резко интенсифицировать работы по «Второму Баку» за счёт переброски в Поволжье опытных нефтяников и части оборудования с Апшерона [Мухин 2018, с. 151]. Дискуссии об эффективности такого решения идут среди историков до сих пор. Во всяком случае, известно, что существенный прирост нефтедобычи в Поволжье начался только в 1944 г. [Будков и др. 1985, с. 223], что привело к некоторому, но, надо признать, не слишком большому снижению удельного веса апшеронской нефти в суммарной нефтедобыче СССР.

Нефтедобыча в 1940–1944 гг. в Азербайджанской ССР и СССР в целом¹⁸⁸.

Год	1940	1941	1942	1943	1944
Азербайджан (млн. т.)	22,2	23,5	15,7	12,7	11,8
СССР в целом (млн. т.)	31,1	33,0	22,0	18,0	18,3
Удельный вес Азербайджана в суммарной нефтедобыче (%)	71,4	71,2	71,4	70,6	64,5

Советские нефтяники приложили титанические усилия, чтобы обеспечить страну необходимыми углеводородными ископаемыми. Из-за хронического дефицита практически любого оборудования и ресурсов магистральным путём стало использование различных суррогатов и повторное использование уже отработавших свой срок машин и агрегатов. В качестве обсадных труб использовали отработанные трубы бурильные, кольцевые чугунные вкладыши заменяли деревянными, фарфоровые изоляторы и предохранители – стеклянными, феррадо в тормозных лентах – матерчатыми ремнями. Тем не менее начиная с 1941 г. начался спад нефтедобычи, который к 1943 г. принял уже обвальный характер. Начало масштабной нефтедобычи

187 Строго говоря, выработка толуола на коксохимических заводах была резко сокращена ещё в довоенный период, но после утраты предприятий гипотетический вопрос о возможности возобновления получения толуола за счёт уловления газов стал очевидно неактуальным.

188 РГАЭ. Ф.4372. Оп.45. Д.472. Л.169

в Поволжье позволило в 1944 г. стабилизировать ситуацию, но не вернуть добычу нефти даже к уровню 1941 года. В то же время надо признать, что, пусть на минимальном уровне, советская нефтедобывающая промышленность всё же справилась с обеспечением потребностей действующей армии. При этом сэкономленные ресурсы машиностроения также были направлены преимущественно на военные нужды.

Однако, рассмотрев, хотя бы вкратце, ведущие отрасли промышленности, имевшие ключевое значение для обеспечения как функционирования экономики в целом, так и снабжения действующей армии всем необходимым, нельзя не отметить роль транспорта, так как только его средствами было возможно доставить всё произведённое конечным потребителям. С началом военных действий нагрузка на железнодорожную сеть (а именно железные дороги несли основную тяжесть грузоперевозок в СССР 1930-х годов) резко возросла. Чтобы дать представление о росте перевозочной работы железнодорожных магистралей, будет достаточно отметить, что только под воинские перевозки до декабря 1941 г. включительно потребовалось 2,4 млн вагонов, которые, естественно, оказались выключенными из перевозок в интересах экономики страны [Тыл 1968, с. 122]. При этом, как было показано выше, производство паровозов и вагонов кардинально сократилось, вынудив железнодорожников сосредоточиться на восстановительном ремонте уже имеющегося подвижного состава. Тем не менее железнодорожный транспорт на протяжении всей войны оставался основным видом транспорта в СССР, имевшим ключевое значение для советской экономики.

Грузооборот всех видов транспорта общего пользования в СССР в годы Великой Отечественной войны (млрд. тонно-км)¹⁸⁹

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Железнодорожный	415,0	386,5	217,8	238,8	281,3	314,0
Морской	23,8	20,2	15,8	32,7	34,2	34,2
Речной	36,1	34,2	21,8	22,4	22,2	18,8
Автомобильный	8,9	6,2	2,8	2,8	3,4	5,0
Воздушный	0,02	0,02	0,01	0,02	0,03	0,06
Нефтепроводный	3,8	2,6	1,5	1,6	2,7	2,7
Всего	487,6	449,7	259,7	298,3	343,8	347,8

Как видно из таблицы, на железнодорожные магистрали стабильно приходилось более 80% всей перевозочной работы в СССР военных лет. Обращает на себя внимание снижение удельного веса железных дорог в об-

189 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. Сб. М., 1990. С.155

щесоюзном транспортном балансе до ровно 80 процентов в 1942 году. Это было связано с тем, что осенью 1942 г. германские войска перехватили практически все железнодорожные пути, связывавшие центральные регионы СССР и Закавказье, в результате чего сложилась кризисная ситуация с доставкой азербайджанской нефти на остальную территорию Советского Союза. Некоторое время эту проблему пытались решить за счёт интенсификации вывоза нефти по Каспийскому морю и далее – вверх по Волге, однако с началом уличных боёв в Сталинграде от этого транспортного маршрута также пришлось отказаться. Несколько позже в этом же регионе был проложен нефтепровод Астрахань – Саратов [Подробнее об этом см. Виноградов, Ещенко 2020], для сооружения которого было использовано оборудование, демонтированное с нефтепровода Баку – Батуми [Соколов 2013, с. 237], однако и этот нефтепровод не решал проблему кардинально и уж тем более не мог облегчить ситуацию с логистикой нефтегрузов в 1942 г. Поэтому некоторое время транспортировать нефть приходилось, прибегая к различным, порой крайне рискованным, решениям. Так, некоторое время цистерны с нефтью буксировались через всё Каспийское море из Баку в Красноводск, а уж там – перегружались на железную дорогу [Маркова 2010, с. 20]. Всего, используя все возможные ухищрения, в 1942 г. из Баку удалось вывезти 1,6 млн т нефти.

Разумеется, в одной статье нельзя даже в общих чертах рассмотреть все отрасли советской гражданской промышленности в годы военного лихолетья. Однако вышеприведённые примеры позволяют судить об основных тенденциях, характерных для советской индустриальной сферы тех лет. Вкратце они сводились к следующему: концентрация всех сил и ресурсов на важнейших направлениях, имевших критически важное значение для обеспечения действующей армии и функционирования народного хозяйства в целом; опора на внутренние ресурсы, повторное использование отработавшего свой срок оборудования, применение различных суррогатов и неожиданных технических решений, строительство новых сооружений по временным схемам из недефицитных строительных материалов; готовность при необходимости таких мер к коренной переналадке оборудования для восполнения промышленных мощностей, утраченных в западных регионах страны. Именно этот курс позволил, в конечном счёте, обеспечить советской «оборонке» необходимые условия для достижения перелома в снабжении РККА вооружением и боеприпасами.

Основные тенденции развития оборонных отраслей промышленности.

Магистральным путём развития оборонных отраслей промышленности в годы войны стал поиск оптимального модельного ряда производимой оборонной продукции, в максимальной степени отвечающей запросам фронта. «Оборонка» должна была не просто выпускать хорошее оружие, а выпускать его массово. Чтобы оценить основные векторы работы по поиску решений этой проблемы, будет целесообразно рассмотреть ситуацию в отдельных подотраслях оборонной индустрии.

Следует отметить, что работа по оптимизации производимых типов и моделей стрелкового вооружения, начатая ещё в довоенный период, отнюдь не прекратилась и с началом войны. Причём теперь во главу угла работы конструкторов и технологов ставились непосредственные нужды фронта. Незадолго до войны советское командование отказалось от производства противотанковых ружей (ПТР). Летом 1941 г. РККА столкнулась с проблемой немецких танковых клиньев, прорывавшихся сквозь советские порядки на оперативную, а подчас – и стратегическую глубину. Противотанковой артиллерии хронически не хватало, поэтому встал вопрос о существенном усилении противотанковых возможностей пехоты. Поэтому в июле-августе 1941 г. в СССР были разработаны и испытаны сразу две модели противотанковых ружей – Дегтярёва (ПТРД) и Симонова (ПТРС). Уже в сентябре началось их освоение в производстве, а 16 ноября 1941 г. они впервые были использованы непосредственно в бою [Болотин 1990, с. 328].

До войны руководство РККА считало магистральным путём развития стрелкового оружия курс на разработку автоматических и самозарядных винтовок. В 1936 г. был начат крупносерийный выпуск автоматической винтовки Симонова, а в 1938 г. на вооружение была принята самозарядная винтовка Токарева (СВТ). Однако, как показала практика, ставка на самозарядные винтовки себя не оправдала. Из действующей армии начали массово поступать жалобы на то, что самозарядная винтовка излишне сложна в обслуживании, ненадёжна, даёт многочисленные отказы... С учётом того что немецкие солдаты с удовольствием использовали трофейные самозарядные винтовки, не сталкиваясь с какой-то особенной «ненадёжностью», видимо, речь шла о том, что большинство советских новобранцев попросту не умели соответствующе ухаживать за оружием, которое действительно было несколько сложнее привычной винтовки Мосина. Так или иначе, но если в 1941 г. было выпущено около миллиона винтовок Токарева, то в 1942 г. – только 264 тыс. штук. На первый план вышла проблема обеспечения армии пистолетами-пулемётами.

Ещё в 1940 г., под влиянием опыта боёв в ходе «Зимней войны», в СССР было принято решение возобновить приостановленный ранее выпуск пистолетов-пулемётов Дегтярёва (ППД). Основным отличием новой модификации этого оружия (ППД обр. 1940 г.) стала замена секторного магазина на 25 патронов на дисковый, ёмкостью в 71 патрон. Однако конструктивно ППД изменился относительно мало. Как и прежде, основная часть его деталей изготавливалась механической обработкой резанием. Это вело к большому расходу металла, уходящего в стружку, и требовало значительных кадров квалифицированных рабочих. Поэтому в последние дни 1940 г. на вооружение был принят новый пистолет-пулемёт конструкции Шпагина (ППШ). Этот пистолет-пулемёт состоял преимущественно из штампованных, а не фрезерованных деталей, в его конструкции относительно мало применялись резьбовые соединения, зато широко использовалась дуговая сварка. Это обеспечило существенный выигрыш в плане технологичности.

Технологическая оценка ППД и ППШ [Болотин 1990, с. 149]

Характеристика	ППД	ППШ
Число заводских деталей	95	87
Число станко-часов, потребных на обработку деталей из расчёта на валовый выпуск	13,7	5,6
Число деталей механической обработки	72	56
Число деталей, изготовленных холодной штамповкой	16	24
В том числе – основных	0	3

С осени 1941 г. развернулось форсированное производство новых пистолетов-пулемётов. Боец Красной Армии, вооружённый ППШ, стал своеобразным символом советских войск вообще. С середины 1943 г., после начала выпуска ещё и пистолета-пулемёта Судаева (ППС) [Болотин 1990, с. 163], темпы оснащения советских стрелковых частей персональным автоматическим оружием ещё больше возросли. По сравнению с ППШ, производство одного экземпляра ППС требовало вдвое меньше металла и втрое меньше – человеко-часов работы [Бабак 2004, с. 228]. Если на 1 января 1942 г. в РККА насчитывалось 55 тыс. пистолетов-пулемётов, то на 1 июля того же года их численность возросла до 298 тыс., к началу 1943 г. составила 678 тыс., а к январю 1944 – 1427 тыс. штук. Это позволило уже в конце 1942 г. ввести в штат стрелковой роты взвод автоматчиков, укомплектованный бойцами, вооружёнными пистолетами-пулемётами, а в каждый стрелковый полк – такую же роту. К 1945 году количество пистолетов-пулемётов в РККА, по сравнению с 1941 г., возросло в 30 раз [Великая Отечественная 2013, с. 500].

Надо признать, что столь высокое внимание к пистолетам-пулемётам было со стороны советского руководства в некоторой степени вынужденным. Советская пехота на протяжении всех 1930-х годов имела на вооружении ручной пулемёт Дегтярёва, принятый на вооружение ещё в 1927 г. и явно устаревший к началу 1940-х годов. Но если даже пулемёт Дегтярёва считался устаревшим, то что можно было сказать про станковый пулемёт Максима, принятый на вооружение ещё в XIX веке? Осенью 1939 г. на вооружение был принят станковый пулемёт Дегтярёва (ДС-39). Производство его началось только летом 1940 г., но уже первые испытания в войсках показали, что эта конструкция пока не отработана. Поэтому в июне 1941 г. выпуск ДС-39 был прекращён, а оружейные заводы возобновили производство пусть очевидно устаревшего, но отработанного станкового пулемёта Максима. В этой ситуации форсированное наращивание удельного веса в стрелковых частях автоматчиков с пистолетами-пулемётами было фактически единственным вариантом доведения плотности стрелкового огня советской пехоты до уровня, соответствовавшего 1940-м годам. Только летом 1943 г. удалось развернуть серийный выпуск нового станкового пулемёта Горюнова СГ-43 [Болотин 1990, с. 225].

Аналогичные процессы поиска оптимального состава модельного ряда продукции проходили и в танкостроении. К 1941 г. советское танкостроение находилось на этапе смены поколений производимой бронетехники. Принятые на вооружение в начале 1930-х годов лёгкие танки Т-26 и БТ, а также тяжёлые танки Т-28 к концу десятилетия окончательно исчерпали возможности модернизации. Стало ясно, что на новом этапе советским механизированным частям потребуется принципиально новая материальная часть. Практически синхронно в СССР были разработаны новый тяжёлый танк КВ-1 и его модификация, предназначенная для штурма особо мощных укреплений – КВ-2. Несколько сложнее ситуация складывалась в вопросе с новым средним танком. С лета 1940 г. начался серийный выпуск среднего танка Т-34, которым должны были комплектоваться крупные механизированные соединения [Свирин 2006а, с. 160]. Однако в феврале 1941 г. к серийному производству, параллельно к Т-34, был рекомендован танк Т-50, который предполагалось использовать и в танковых дивизиях оперативного назначения, и в механизированных частях непосредственного сопровождения войск. Было очевидно, что в крупносерийном производстве относительно лёгкий (по массе) Т-50 будет существенно дешевле, чем Т-34. При этом, за счёт применения цементированной брони, Т-50 выигрывал у своего более массивного конкурента по снарядостойкости, но проигрывал по вооружению – если на Т-34 стояло 76-мм орудие, то Т-50 вооружался лишь 45-мм пушкой. Сложно сказать, как решилась бы судьба двух танков, претендовавших на одну тактическую нишу в дальнейшем, но на 22 июня 1941 г. Т-50 фактически в серийном производстве ещё не состоял. Помимо этого, в СССР большое внимание уделяли разработке плавающих танков-разведчиков. В 1930-е годы в серийное производство были запущены танки этого класса Т-37 и Т-38, однако они не пользовались успехом у советских танкистов. Требование обеспечить плавучесть танка приводило к тому, что бронирование и вооружение этих танков вызывали нарекания даже в начале 1930-х годов. Ещё хуже было то, что плавающими эти танки могли называться лишь условно – они очень плохо держались на воде, малейшее волнение речной глади грозило затоплением, а каждый съезд в воду или выезд на сушу угрожали посадкой на мель. Лишь летом 1940 г. удалось наладить выпуск плавающего танка Т-40, который уже в какой-то степени соответствовал реалиям начала 1940-х годов. Впрочем, к этому моменту руководство советских бронетанковых войск начало сомневаться в необходимости класса плавающих танков как таковом, поэтому на 1941 г. было решено выпуск Т-40 плавно свернуть, а на освободившихся мощностях начать производство Т-50. Таково было положение дел на 22 июня 1941 года. Начало Великой Отечественной войны существенным образом изменило приоритеты советского танкостроения.

Танковый завод № 37 производил до войны лёгкие плавающие танки Т-40, но имел задание перейти с 1941 г. на производство более тяжёлых танков Т-50. С производственной точки зрения переналадка предприятия

на выпуск куда более тяжёлой машины¹⁹⁰ должна была занять значительное время. Между тем фронт требовал как можно больше танков немедленно. Поэтому руководство завода выступило с инициативой разработать и запустить в серийное производство лёгкий танк Т-60 массой около 6 тонн. За счёт отказа от оборудования, необходимого для передвижения по воде, на базе узлов и компоновочной схемы уже освоенного Т-40 удалось разработать танк с несколько усиленным бронированием и вооружением. Строго говоря, и лобовая броня, и вооружение Т-60 уже не соответствовали в полной мере требованиям 1941 г. к танкам поля боя, но это был танк, который завод был готов начать выпускать немедленно, и это перевешивало его техническое несовершенство. 17 июля 1941 г. было подписано постановление о выпуске Т-60, 15 сентября был выпущен первый танк, а уже с начала ноября эти танки вступили в бои [Барятинский 2006, с. 198, 204, 208]. Осенью 1941 г. Т-60 стал едва ли не лидером советского танкостроения по масштабам выпуска [Свирин 2006а, с. 351]. Подключение к производству Т-60 ряда заводов, в том числе организация его выпуска на ГАЗе¹⁹¹, позволили резко интенсифицировать выпуск данной модели. С другой стороны, было очевидно, что танк, вооружённый 20-мм автоматической пушкой и с противопульным бронированием, в 1941 г. в лучшем случае мог использоваться как разведчик, и не более. Поэтому с конца 1941 г. начались работы по глубокой модернизации этой машины. Осенью 1942 г. начался выпуск Т-70 – глубоко модернизированного варианта Т-60, на котором был установлен не один автомобильный двигатель, а спарка двух таких моторов [Свирин 2006б, с. 40]. Это позволило установить в башне 45-мм пушку и несколько (впрочем, не кардинально) повысить защищённость танка. В 1943 г. в производство была запущена последняя версия лёгкого танка на автомобильных моторах – Т-80. Но этот танк выпускался очень недолго, и вскоре все производственные мощности заводов по выпуску лёгких танков были переориентированы на выпуск самоходных орудий.

Что касается Т-50, то его серийный выпуск так и не был налажен. Как уже было сказано, завод №37 стал вместо Т-50 выпускать Т-60, но для Т-50 это не имело критического значения. Головным предприятием по его выпуску должен был стать ленинградский завод №174. Это предприятие действительно успело выпустить во второй половине 1941 г. 48 танков Т-50, после чего было передислоцировано в Омск. К сожалению, в ходе эвакуации значительная часть критически важного для производства Т-50 оборудования была или потеряна, или перенаправлена на другие заводы [Свирин 2006а, с. 391]. Возможно, если бы ситуация на фронте была менее напряжённой, заводу №174 дали бы время для решения этих явно временных

---

190 Вес Т-40 – 5,5 т., вес Т-50 – 13,8 т.

191 Горьковский автомобильный завод. В данном случае это было особенно важно, так как Т-60 комплектовался именно автомобильными моторами, выпускавшимися на ГАЗе.

трудностей¹⁹². Однако фронт требовал как можно больше танков не «потом», а немедленно. Поэтому завод был переориентирован на выпуск Т-34. Последние Т-50 из ещё ленинградского задела были выпущены в начале 1942 г., после чего предприятие сдавало только Т-34. Вообще, производство танков Т-34 в 1941–1942 гг. шло по нарастающей. К производству этого танка, кроме головного завода № 183¹⁹³, были подключены уже упоминавшийся завод № 174, расположенный близ Горького завод № 112, Уральский завод тяжёлого машиностроения и Сталинградский тракторный завод. В результате, несмотря на энергичное развёртывание производства лёгких танков Т-60 и Т-70, основу советского танкового выпуска в 1941–1943 годах составляли всё же средние Т-34.

Выпуск бронетехники в СССР в 1941–1943 годах [Ермолов 2012, с. 382-383]

	1941	1942	1943
Т-34	3014	12527	15821
КВ	1358	2553	617
ИС-2			102
Т-26	102		
Т-50	48	15	
Т-60	2068	4660	
Т-70		4913	3402
Т-80			81
Су-152			704
СУ-122		25	611
СУ-76		26	1908
Всего бронетехники	6590	24719	24006

В ряде случаев, ввиду прекращения поставок узлов и комплектующих от заводов-смежников, в конструкцию Т-34 вносили те или иные изменения, связанные с необходимостью использовать различные суррогаты и эрзац-компоненты. Скажем, на завод № 112 «Красное Сормово» после оккупации неприятелем Днепропетровска перестали поступать изготовлявшиеся в этом городе воздушные баллоны для запуска двигателя. Тогда выпуск

¹⁹² Во всяком случае, отзывы о танке из частей, в которые успели попасть первые серийные Т-50, были хвалебными.

¹⁹³ Ранее назывался «Харьковский паровозостроительный», в годы войны был эвакуирован на производственную площадку Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле.

таких баллонов был освоен непосредственно в Сормово из забракованных корпусов артиллерийских снарядов. В октябре 1941 г. на Сталинградский тракторный завод прекратились поставки резины из Ярославля. Чтобы не снижать выпуск Т-34, на СТЗ начали выпускать танки с литыми опорными катками без обрешивания, но с внутренней амортизацией. Ввиду хронической нехватки дизелей В-2, вплоть до весны 1943 г. на танки Т-34 на некоторых предприятиях устанавливали авиамоторы М-17, прошедшие по 3-4 капитальных ремонта [Мошанский 2008, с. 28]. Эти примеры можно продолжать и далее, но важно понимать, что генеральным трендом развития конструкции Т-34 на тот момент было стремление обеспечить фронту как можно больше танков «здесь и сейчас», пусть даже за счёт некоторого снижения тактико-технических характеристик. Достаточно часто аналогичные изменения в конструкции вносились даже не централизованно, а решением директора того или иного предприятия. Однако, если такая технологическая самостоятельность позволяла обеспечить бесперебойное производство необходимой военной техники – с этим мирились.

Помимо этого, следует отметить ещё две важные тенденции. Танки КВ в 1941 г. не отличались большой надёжностью. Неотработанные до конца двигатель, трансмиссия и подвеска с трудом выдерживали вес бронекорпуса, поэтому танки нередко выходили из строя по небоевым причинам, а любой марш-бросок для танковой части, оснащённой такими танками, представлял крайне сложную задачу. Поэтому уже в июле 1941 г. КВ-2 был снят с производства [Свирин 2006а, с. 308]. Однако и КВ-1 также не мог похвастаться надёжностью. Поэтому весной 1942 г. на Челябинском Кировском заводе (ЧКЗ)¹⁹⁴ была разработана, а летом того же года запущена в серийное производство модификация этого танка – КВ-1с¹⁹⁵. За счёт существенного снижения бронирования удалось получить танк, скорость, проходимость, а – главное – надёжность которого были вполне приемлемы. Однако, если учесть, что, с одной стороны, КВ-1 и Т-34 изначально вооружались практически одинаковыми орудиями, а с другой стороны, что летом – осенью 1942 г. немецкие войска начали массово переходить на более мощные противотанковые орудия и кумулятивные бронебойные снаряды, достаточно успешно пробивавшие вертикальное бронирование и Т-34¹⁹⁶, и КВ-1с, придётся признать, что надёжность КВ-1с была приобретена за счёт явочной переклассификации танка из тяжёлого в средний [Свирин 2006а, с. 435]. Кроме того, осенью 1942 г. Сталинградский танковый завод, ввиду приближения к городу неприятеля, прекратил выпуск Т-34, поэтому

---

194 Так официально назывался «Танкоград» – предприятие, образовавшееся после эвакуации на производственную площадку Челябинского тракторного завода Кировского завода из Ленинграда.

195 В данном случае «с» означает «скоростной».

196 На момент начала производства бронирование Т-34 позволяло выдерживать попадания немецких 37-мм противотанковых орудий с большинства дистанций, однако именно поэтому с лета 1942 г. гитлеровцы начали массово оснащать свои подразделения более мощными противотанковыми средствами.

производство этих танков было освоено на ЧКЗ, что, естественно, привело к сокращению выпуска КВ-1с.

В результате этих напряжённых работ чудовищные потери бронетехники, понесённые РККА летом – осенью 1941 г., с начала 1942 г. начали восполняться. Если на 1 декабря 1941 г. на фронте было лишь 1730 исправных советских танков, то к 1 мая 1942 г. их численность возросла уже до 4065 [Свирин 2006а, с. 318].

Наличие, поступление и потери бронетанковой техники РККА в 1941-1942 гг. (тыс. шт.) [Кривошеев 1993, с. 357–358]

	1941	1942
Состояло танков на начало года	22,6 ¹⁹⁷	7,7
Потери танков и САУ	20,5	15,1
Поступило танков и САУ	5,6	28 ¹⁹⁸

Это, в свою очередь, позволило в марте 1942 г. начать формирование танковых корпусов, хотя по численности танков (20 КВ, 40 Т-34 и 40 Т-60 или Т-70) они были меньше танковой дивизии довоенных штатов. В мае 1942 г. началось создание первых советских танковых армий. Разумеется, первоначальные штаты этих бронетанковых соединений оказались неоптимальными, и опыт создания и применения танковых корпусов и армий приходилось нарабатывать в ходе боёв. Но не вызывает сомнений, что без постоянного поступления новых танков, масштабы которого превышали убыль бронетанковой техники в боях, вопрос о создании крупных бронетанковых соединений вообще не стоял бы.

Однако, решив проблему количественного насыщения танковых соединений материальной частью, советское командование вскоре было вынуждено решать вопрос качественного усиления бронетехники. Ещё с середины 1930-х годов руководство РККА высказывало тревогу по поводу нехватки механизированной артиллерии, необходимой для обеспечения огневой поддержки танков, как тогда говорили, «дальнего действия». Однако в 1942 г., когда почти половина выпущенных за год танков являлись слабо вооружёнными и ещё хуже защищёнными, по сути, башенными танкетками, а вторая половина состояла или из средних танков, или из приближённых к ним по уровню защищённости КВ-1с, вопрос о производстве вооружений, способных качественно усилить бронетанковые соединения, стал попросту критическим.

Только в самом конце 1942 г. в СССР был начат выпуск самоходных ар-

197 На 22.06.1941.

198 В том числе – около 3 тыс. по ленд-лизу.

тиллерийских установок (САУ). Собственно эксперименты с различными проектами САУ шли в Советском Союзе на протяжении практически всех 1930-х годов. Однако руководители советских бронетанковых войск неизменно отмечали, что «самоходки», орудие в которых располагалось в неподвижной рубке, с трудом переносят огонь на новую цель – фактически, как правило, требовалось развернуть всю установку, так как угол поворота орудия в рубке был невелик. Поэтому считалось более перспективным на базе обычного танка разработать «артиллерийский танк», в башне которого будет размещена более мощная пушка. Проблема была в том, что у советских конструкторов не получалось разработать приемлемого проекта ни классической САУ, ни «артиллерийского танка». Шасси наиболее массовых советских танков (Т-26 и БТ) в силу своих малых размеров для этих целей не годились, а Т-28 был дорог, выпускался малой серией¹⁹⁹, и использовать его шасси не для танка, а для машины поддержки танков считалось излишним расточительством. В результате к 1941 г. в СССР не было не только ни одной серийной «самоходки», но даже и планов по производству такой техники. Опыт идущей войны заставил взглянуть на этот вопрос по-новому. Успешные действия германских САУ продемонстрировали, что отсутствие башни – не такой уж существенный недостаток, а шасси танков Т-70 и Т-34 уже позволяли начать массовое производство самоходных орудий. Дело в том, что отсутствие башни означало ненужность изготовления и погона башни – то есть кольцевого узла крепления башни к корпусу. Изготовление башенного погона являлось очень сложной и ответственной операцией, требовавшей остродефицитного оборудования. Соответственно, отказ от башни и башенного погона позволял радикально упростить и удешевить единицу бронетехники. Наконец, лёгкие танки Т-60 и Т-70, вооружённые 20-мм и 45-мм пушками, крайне нуждались в поддержке «тяжёлым калибром». Поэтому, в свете всех вышеперечисленных факторов, с конца 1942 г. началось производство 76-мм САУ СУ-76 на базе узлов Т-70 [Свирин 2008, с. 173] и 122-мм САУ СУ-122 на базе Т-34 [Свирин 2008, с. 199]. Если опыт фронтовых испытаний СУ-122 был, в целом, удачным, то СУ-76 продемонстрировала крайне низкую надёжность. Ситуация была настолько тяжёлой, что на несколько месяцев производство СУ-76 было официально остановлено²⁰⁰ и возобновилось только после внесения в конструкцию существенных изменений. Однако и новая машина, получившая индекс СУ-76М, также не вполне устраивала военных, поэтому в конце лета 1943 г. в серийное производство была запущена под тем же индексом²⁰¹ (СУ-76) новая самоходка, которая также была вооружена 76-мм дивизионной пушкой, также базировалась на автомобильных моторах и узлах, в значитель-

---

199 С 1933 по 1940 годы всего было выпущено около 500 таких танков.

200 Для условий Великой Отечественной войны – случай уникальный.

201 Изначально САУ, отработанная к лету 1943 г., называлась СУ-15М.

ной мере позаимствованных у танка Т-70, но имела уже сравнительно мало общего с исходной СУ-76. Востребованность таких лёгких САУ на фронте была столь высока, что ради выпуска этих машин с конца 1943 г. производство Т-70 было практически полностью свёрнуто. Важно отметить, что СУ-76 нередко применялись для непосредственной поддержки стрелковых соединений, взяв на себя фактически функции «танков поддержки пехоты», как они виделись довоенным теоретикам. Именно обеспечение советских стрелковых дивизий и корпусов мобильной артиллерией, обладающей существенной оперативной подвижностью, существенно повысило ударный потенциал советской пехоты на заключительном этапе военных действий.

Однако, если освоение СУ-122 и СУ-76 решало проблему качественного усиления лёгких и средних танков, а также стрелковых соединений, то вопрос с тяжёлыми танками оставался открытым. Между тем осенью 1942 г. вермахт впервые применил на советско-германском фронте тяжёлые танки Pz-VI «Тигр» [Свирин 2006b, с. 15], кроме того, бронирование даже средних немецких танков начало с 1943 г. постепенно увеличиваться за счёт экранирования лобовой проекции дополнительными бронелистами. Одновременно усиливалось и вооружение немецких танков – новые длинноствольные 75-мм пушки сравнительно легко пробивали броню и Т-34, и КВ-1с. Бронетанковые части испытывали настоящую нужду в качественном усилении, позволяющем гарантированно поражать неприятельские танки на средних дистанциях в лобовую проекцию, уничтожать сооружения полевой фортификации и подавлять на больших дистанциях вражескую противотанковую артиллерию. По воспоминаниям советских танкистов, в первой половине 1943 г. они «вдруг стали чувствовать себя совершенно голыми, так как броня не могла надёжно защищать нас от огня фрицевских 75-мм противотанковых пушек, которых у них стало много...» [Свирин 2006b, с. 30]. С начала лета 1943 г. начался выпуск тяжёлых 152-мм самоходных установок на шасси танка КВ – СУ-152 [Свирин 2008, с. 232]. Хотя на Курской дуге эти самоходки применялись очень ограниченно и не сыграли существенной роли, на осень 1943 г. они, в какой-то мере, заполнили нишу тяжёлой бронетехники. Позднее они были заменены аналогичной самоходкой на базе танка ИС – ИСУ-152 и ИСУ-122. Кроме того, с августа 1943 г. начался выпуск предназначенных для борьбы с неприятельскими танками САУ СУ-85 на базе шасси Т-34, впервые эти самоходки вступили в бои в ходе «Битвы за Днепр». Впрочем, во главе угла советского тяжёлого танкостроения были всё же собственно танки. Уже осенью 1943 г. началось производство версии КВ, оснащённой 85-мм пушкой, и был рекомендован к серийному производству танк ИС-1, являвшийся глубокой модернизацией КВ²⁰². Первоначально предполагалось вооружать ИС-1 85-мм пушкой, но по результатам анализа повреждений немецких танков на Курской дуге было решено, что эта пушка недостаточно мощна. Поэтому с декабря 1943 г. начался выпуск новой версии этого танка – ИС-2, оснащённого 122-мм орудием. Впер-

---

202 Изначально танк ИС проходил под индексом КВ-13.

вые ИС-2 вступили в бой в феврале 1944 года [Барятинский 2006, с. 236]. А с весны 1944 г. началось серийное производство Т-34-85 – среднего танка с 85-мм орудием. Осенью 1944 г. был начат выпуск 100-мм САУ на базе Т-34 – СУ-100, постепенно вытеснившей с конвейера СУ-85, однако в бой СУ-100 впервые вступили только в январе 1945 года [Свирин 2008, с. 324]. На этом формирование модельного ряда советских бронетанковых войск в годы Великой Отечественной войны в общих чертах завершилось. Таким образом, добившись в 1942 г. количественного роста уровня производства (в том числе – и за счёт упрощения конструкций и масштабного выпуска лёгких танков с относительно низкой боевой ценностью), в 1943 г. советское танкостроение совершило качественный рывок, обеспечивший советским механизированным соединениям резкое повышение ударной мощи на заключительном этапе войны.

К сожалению, история производства артиллерийского вооружения в СССР в годы войны и предвоенные десятилетия в отечественной историографии изучена несколько менее полно, по сравнению с историей производства бронетанковой техники, поэтому относительно ряда моделей артиллерийского вооружения мы вынуждены ограничиться отметкой «нет данных». Ситуация с модельным рядом артиллерийских систем, по сравнению с аналогичным рядом танковых моделей, была с одной стороны легче, а с другой – неизмеримо тяжелее. Внедрение в серийное производство новых образцов артиллерийского вооружения началось с 1937–38 годов, то есть несколько раньше, чем освоение в серии танков нового поколения. Проблема была в том, что новые образцы пушек и гаубиц должны были заменить модели даже не начала 1930-х годов, а начала XX века, лишь слегка модернизированные в начале 1930-х. В результате новую дивизионную 122-мм гаубицу удалось освоить лишь в 1940 г., а до того артиллерийские заводы продолжали поставлять в РККА дивизионную гаубицу, принятую на вооружение ещё царскими генералами в 1910 году. В 1930 г. эту гаубицу усовершенствовали (в основном модернизация коснулась лафета), и на этом развитие артиллерийской системы данного класса в СССР остановилось до 1940 г.

Исторические записки

Выпуск артиллерийских систем в СССР в годы Второй Мировой войны
[Широкоград 2000а, с. 136; Широкоград 2000б, с. 454–858]

	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
76-мм дивизионная пушка Ф-22	1503						
76-мм дивизионная пушка Ф-22УСВ		1010	2616	6046			
76-мм дивизионная пушка ЗиС-3				10139	13924	16128	7825
107-мм дивизионная пушка М-60		24	103				
122-мм дивизионная гаубица обр. 1910/30 г.	1294	1139	21				
122-мм дивизионная гаубица М-30		639	2762	4240	3770	3485	2630
152-мм гаубица обр. 1938 г. М-10	4	685	833				
152-мм гаубица обр. 1943 г. Д-1					84	258	715
76-мм горная пушка обр. 1938 г.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	1300	900	3918	6809	2555		
76-мм полковая пушка обр. 1943 г. ОБ-25						3194	1928
45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г. 53-К	4536	2480	1329	20129	17225	200	
45-мм противотанковая пушка обр. 1942 г. М-42					4151	4628	2064
37-мм противотанковая авиадесантная пушка обр. 1944 г. ЧК-М1						315	157
57-мм противотанковая пушка ЗиС-2			371		1855	2525	5265
100-мм противотанковая пушка БС-3						341	1140
152-мм пушка-гаубица МЛ-20	567	901	1342	1809	1002	275	325
122-мм корпусная пушка обр. 1931 и 1931/37 г. А-19	256	469	442	385	414	160	245
152-мм пушка Бр-2	4	23					
203-мм гаубица Б-4	326	Н.д.	Н.д.	Н.д.			
280-мм мортира Бр-5	22	25					
210-мм пушка Бр-17		3	6				
305-мм гаубица Бр-18		3					
37-мм зенитная автоматическая пушка 61-К		544	2256	3896	5477	5998	1645
25-мм зенитная автоматическая пушка 72-К			300	200	1500	2400	500
25-мм спаренная зенитная автоматическая пушка 94-КМ						12	225
85-мм зенитная пушка обр. 1939 г.	20	940	3371	2761	3715	1903	712
45-мм полуавтоматическая универсальная пушка 21-К	Н.д.	Н.д.	610	388	345	486	373
50-мм миномёты	1720	23105	28056	104403	17584		Н.д.
82-мм миномёты	1678	6700	18026	100181	35082	2889	Н.д.
107-мм миномёты		950	624				Н.д.
120-мм миномёты		2100	3575	25061	16201	3044	Н.д.
160-мм миномёты						593	Н.д.

В сентябре 1939 г. был утверждён штат стрелковой дивизии, согласно которому в ней (без учёта миномётов, а также полковой, противотанковой и зенитной артиллерии) должно было состоять 20 76-мм дивизионных пушек, 28 122-мм гаубиц и 12 152-мм гаубиц. Однако по опыту «Зимней войны» было решено увеличить количество гаубиц в дивизии, и в апреле 1941 г. был принят новый штат, согласно которому в стрелковой дивизии РККА должно было насчитываться 16 дивизионных 76-мм пушек, 32 122-мм гаубицы и 12 152-мм гаубиц [Ащеулов 2009, с. 245]. Очевидно, что рост производства пушек Ф-22УСВ, а также гаубиц М-10 и М-30 был обусловлен именно желанием советского командования наконец укомплектовать стрелковые дивизии современной артиллерией. Судя по всему, на будущее планировалось начать поэтапную замену 76-мм пушек в дивизиях на 107-мм орудия, однако в штаты дивизий пушки М-60 официально не вводились.

Однако начало войны резко изменило подходы и приоритеты в области артиллерийского вооружения. 122-мм дивизионная гаубица обр. 1910/30 г. имела массу в походном положении около 2,5 т, а М-30 – уже около 3 т, и если старая гаубица относительно легко передвигалась гужевой тягой, то М-30 лошадиными упряжками передвигалась уже с трудом. Но если М-30 ещё можно было перевести на гужевую тягу, то М-10, чья походная масса составляла 4,5 т, практически безальтернативно требовала для своего передвижения трактора. Попытки буксировки тяжёлых артиллерийских систем не шестёрками, а восьмёрками лошадей вели к очень быстрому истощению тягловой силы и фактически были безуспешны. Неслучайно по предвоенному штату в стрелковой дивизии должно было состоять 99 тракторов [Ащеулов 2009, с. 32], причём на моторизованную тягу переводилась не только дивизионная артиллерия, но даже и противотанковая. Таким образом, ещё в довоенный период был официально принят курс на системный перевод всей войсковой артиллерии на моторизованную тягу. Это решение трудно оценить однозначно. Разумеется, с теоретической точки зрения моторизация артиллерии представляется благом – артиллерийский тягач безусловно выигрывает у лошадиной упряжки и в маршевой скорости, и в грузоподъёмности. Однако такой курс автоматически подразумевал крупномасштабное производство специализированных артиллерийских тракторов. Между тем было очевидно, что советская экономика не в состоянии одновременно выпускать массово (а речь шла о тысячах машин) и танки новых моделей, необходимых для укомплектования мехкорпусов, и сельскохозяйственные трактора, в которых нуждались колхозы и совхозы, и специальные артиллерийские тягачи для стрелковых войск. На 1 января 1941 г. в РККА следовало иметь (по штатам) 10528 специализированных артиллерийских тягачей, между тем налицо было лишь 6150. Формально в армии состояло 21448 тракторов, но более двух третей от этого числа приходилось на сельскохозяйственные трактора, которые использовались за неимением лучшего. Помимо этого, из вышеуказанных 21 тысячи тракторов 4100 (т. е. около 20%) нуждались в капитальном или среднем ремонте [Широкорад 2003, с. 172]. В довоенный период предполагалось, что в случае мобилизации трактора для моторизации артиллерии поступят из сельского хозяйства. Стремительное наступление вермахта летом 1941 г.

в значительной мере сорвало мобилизацию тракторов, но даже там, где она прошла относительно штатно, в части поступили только сравнительно тихоходные сельскохозяйственные трактора С-60 и С-65. Специализированных артиллерийских тракторов хронически не хватало и до войны, а с началом военных действий ситуация с этим типом техники ухудшилась ещё больше. Тракторные заводы переводились на выпуск бронетанковой техники, а уже имевшиеся тягачи утрачивались в ходе боевых действий. В результате значительная часть тяжёлых артиллерийских систем была потеряна летом – осенью 1941 г. исключительно ввиду отсутствия тягловой силы. Ещё в большей, по сравнению с дивизионной артиллерией, степени, проблема тяговой силы распространялась на артиллерию корпусную. На вооружении корпусных артиллерийских полков состояли 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 (вес в походном положении – 8 т), 122-мм корпусная пушка А-19 (вес в походном положении – 8 т) и 107-мм пушка образца 1910/30 годов (вес в походном положении – 3 т). Очевидно, что МЛ-20 и А-19 также не могли транспортироваться иначе как с использованием тракторов, поэтому для корпусной артиллерии летне-осенняя компания 1941 г. обошлась ещё дороже. Только с 22 июня по 10 июля войска Западного фронта потеряли свыше 8 тыс. орудий и миномётов, а войска Юго-Западного фронта с начала войны и до конца сентября 1941 г. утратили свыше 20 тыс. орудий и миномётов [Великая Отечественная 2013, с. 478]. Если учесть, что на 22 июня 1941 г. вся РККА совокупно располагала около 76 тыс. артиллерийских систем [Ащеулов 2009, с. 24], становится очевидным, что за лето 1941 г. только 2 фронта потеряли приблизительно треть всей артиллерии советской армии. В результате обеспеченность советской пехоты артиллерийской поддержкой резко сократилась. В декабре 1941 г. был принят новый штат стрелковой дивизии, отражавший реальные возможности советской промышленности на тот момент – дивизионная артиллерия была сокращена всего до 16 76-мм пушек и 8 122-мм гаубиц [Лобанов 2005 с. 59–68]. То есть в то время, как немецкая пехотная дивизия располагала 54 дивизионными орудиями калибра 105-152-мм, советская дивизия того периода могла оперировать лишь 24 дивизионными орудиями калибра 76-122-мм. Более того – уже летом 1941 г. было принято решение об упразднении корпусного уровня в управлении стрелковыми соединениями, и к концу 1941 г. из 62 довоенных стрелковых корпусов осталось лишь 6. Соответственно, ликвидировались и корпусные артиллерийские полки, а их матчасть передавалась в артиллерию резерва Верховного главнокомандования (АРВГК) и использовалась исключительно на важнейших участках фронта. В результате в подавляющем большинстве боевых эпизодов советские стрелковые дивизии не могли рассчитывать на артиллерийскую поддержку со стороны корпусной артиллерии или АРВГК. Разумеется, при анализе боевых действий в конце 1941 – начале 1942 годов это обстоятельство нельзя упускать из виду.

Как видно из вышеприведённой таблицы, в 1941 г. удалось резко нарастить выпуск 82-мм миномётов, и на какой-то период значение этого вида вооружений кардинально возросло. Достаточно отметить, что по декабрьскому штату 1941 г. в каждой дивизии следовало сформировать отдельный миномётный батальон в 24 82-мм миномёта, а наркомат общего машиностроения был

в ноябре 1941 г. преобразован в наркомат миномётного вооружения [Коржихина 1995, с. 405]. В 1942 г. удалось разработать и запустить в серийное производство 76-мм дивизионную пушку ЗиС-3. Это орудие стало практически идеальным решением для советской артиллерийской промышленности. ЗиС-3 была приспособлена к производству на конвейере, поэтому, по сравнению с Ф-22УСВ, её производство занимало втрое меньше времени и обходилось на треть дешевле [Великая Отечественная 2013, с. 510]. Относительно простая конструкция позволила наладить широкомасштабное производство в кратчайшие сроки, а вес этой пушки в походном положении составлял всего 1,85 т, что позволило использовать в качестве тяги или четвёрку лошадей, или любой грузовик. Другим фаворитом артиллерийского выпуска 1942 г. стали 120-мм миномёты, которые за счёт осколочной эффективности своего боеприпаса и возможности ведения навесного огня до известной степени компенсировали нехватку в советских стрелковых дивизиях гаубиц. Надо отметить, что миномёт как класс артиллерийских вооружений был значительно менее требователен, по сравнению с классическими нарезными артиллерийскими системами, к качеству изготовления работ и станочному парку. Это позволило развернуть выпуск миномётов различных калибров на множестве заводов, ранее в артиллерийском производстве не задействованных. Весной 1942 г. был принят новый штат стрелковой дивизии, согласно которому количество дивизионных орудий калибра 76-122-мм возросло до 32 [Ащеулов 2009, с. 44]. В дальнейшем численность дивизионной артиллерии практически не менялась. Ставка была сделана на всемерное расширение АРВГК, в состав которой теперь включались дивизии, полки и бригады, оснащённые не только тяжёлыми орудиями калибра 152-мм и выше, но и пушки и гаубицы от 76 до 122-мм. Если на лето 1941 г. в состав АРВГК входило 4854 орудия, то к 1 декабря 1941 г. – уже 5704, к 1 мая 1942 – 10080, а к концу 1942 – 18133 пушки, мортиры и гаубицы [Ащеулов 2009, с. 49]. Как показала практика, это было эффективное решение. На пассивных участках фронта, где крупномасштабных боёв не велось, было бессмысленно держать значительные артиллерийские силы. Зато создание мощной АРВГК позволило оперативно сосредотачивать мощный артиллерийский кулак на важнейших участках фронта. Всего же количество орудий и миномётов в РККА возросло с конца 1941 г. по конец 1943 года с 30 до 100 тыс. штук [Великая Отечественная 2013, с. 516]. Таким образом, в отношении артиллерийских систем перелом в ходе военных действий экономически был подготовлен за счёт форсированного производства миномётного вооружения и оптимизированных с точки зрения простоты производства и малого веса 76-мм дивизионных орудий. Дальновидные экономические решения вкупе с эффективными организационными мерами по созданию АРВГК привели к тому, что с зимы 1942–1943 годов ударная мощь советских стрелковых соединений на важнейших направлениях фронта резко возросла.

Синхронно с вышеописанными процессами разворачивались работы по оптимизации модельного ряда производимой продукции и в авиапромышленности. На 1941 г. советская авиаиндустрия находилась на стадии крупномасштабного обновления модельного ряда. Авиазаводы прекращали выпуск устаревших моделей самолётов, разработанных ещё в середине 1930-х годов, и переключались на новые типы авиатехники.

Однако, ввиду большого количества моделей самолётов и их существенного различия в тактическом назначении, мы позволим себе рассмотреть процесс экономического обеспечения перелома в войне в сфере авиапромышленности не совокупно, как мы это делали выше, а с разбивкой на основные классы авиатехники.

Выпуск истребителей в годы Второй Мировой войны [Самолётостроение 1992, с. 432–435; Самолётостроение 1994 с. 235–237].

	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
И-15	1304							1304 ²⁰³
И-153	1011	2362	64					3437
И-16	1835	2710	356					4901
Як-1		64	1332	3476	2720	1128		8720
Як-3						2180	2380	4560
Як-7			207	2431	3296	465		6399
Як-9				59	2493	7831	5087	15470
ЛаГГ-3			2463	2771	1065	229		6528
Ла-5				1129	4808	3826		9763
Ла-7						2236	3669	5905
МиГ-3		120	3100	52				3272
Пе-3			196		13	19		228
Всего	4150	5256	7718	9918	14395	17914	11136	70487

На начало Второй Мировой войны основу выпуска советских истребителей составляли уже явно устаревшие И-15, И-153 и И-16. Лишь начиная с 1940 г. в войска начали поступать фронтовые истребители нового типа – Як-1²⁰⁴ и МиГ-3; синхронно прекращалось производство истребителей старых типов. В 1941 г. в серийное производство был запущен ещё один фронтовой истребитель – ЛаГГ-3. В отличие от Як-1 и МиГ-3, фюзеляжи истребителей ЛаГГ изготавливались из т. н. «дельта-древесины», т. е. пластифицированной особым образом авиафанеры. Это позволяло экономить остродефицитные дюралюминий и хромансильевые сплавы. К сожалению, с началом боевых

203 Учитываются лишь истребители, выпущенные в 1939–1945 годах, суммарное производство И-15, И-153 и И-16 было много больше.

204 Модели советской авиатехники нередко меняли названия. Скажем, Як-1 изначально назывался И-26. Во избежание перегрузки текста мы будем пользоваться теми названиями, которые устоялись к концу войны.

действий выпуск химикатов, необходимых для пластификации, практически прекратился, и фюзеляжи ЛаГГ-3 начали изготавливать из обычной фанеры. Для того, чтобы обеспечить необходимую прочность, детали приходилось делать толще, вес конструкции возрос, а тактико-технические характеристики, наоборот, резко снизились. Так как на Як-1 и ЛаГГ-3 стоял один и тот же авиамотор ВК-105, а Як-1 был существенно легче²⁰⁵, напрашивался вывод о ненужности ЛаГГ-3 как такового. Одновременно была поставлена под вопрос необходимость дальнейшего производства МиГ-3. Как показала практика, этот истребитель был наиболее эффективен в боях на высотах 7-8 км, в то время, как основная масса воздушных боёв на советско-германском фронте разворачивалась на высоте до 5 км. Кроме того, МиГ-3 оснащался мотором АМ-35. Этот авиамотор выпускался на единственном в СССР заводе-монополисте, производившем вообще все моторы серии «АМ». Проблема была в том, что моторами этой серии (АМ-38) комплектовались штурмовики Ил-2, которые были крайне востребованы на фронте. Мощности авиамоторного завода были ограничены, поэтому наращивать выпуск АМ-38 он мог только за счёт сокращения производства АМ-35. В результате сочетания этих факторов в конце 1941 г. было принято решение о свёртывании выпуска МиГ-3 и ЛаГГ-3. Однако конструкторский коллектив, разработавший ЛаГГ-3, сумел буквально в последний момент спасти судьбу своей машины, установив на тот же планер новый, более мощный, мотор АШ-82. Новую версию истребителя назвали Ла-5, но так как новых моторов постоянно не хватало, на одном из заводов продолжали выпускать и ЛаГГ-3. Что касается КБ А.С. Яковлева, разработавшего Як-1, то на базе исходной модели это конструкторское бюро создало целый спектр моделей истребителей. Хотя формально все они относились к типам Як-7 и Як-9, фактически существовало более десятка различных модификаций. Скажем, Як-9Б имел небольшой отсек для авиабомб и использовался в качестве истребителя-бомбардировщика, Як-9Т имел более мощное вооружение, а Як-9Д – увеличенную дальность полёта. Разумеется, каждый раз улучшение той или иной характеристики шло за счёт ухудшения остальных ТТХ самолёта. Как показывает вышеприведённая таблица, уже в 1942 г. масштабы выпуска истребителей для советских ВВС превышали довоенные значения, но, кроме количественных параметров, важны были ещё и параметры качественные.

Боевой потенциал любого истребителя определяется комплексным соотношением его тактико-технических характеристик. Надо признать, что при сравнительном анализе такого комплекса даже новейшие советские истребители в 1941 г. не обладали техническим преимуществом по сравнению с истребителями люфтваффе. Разумеется, война в воздухе не сводится только и исключительно к характеристикам самолётов – огромную роль играли и выучка пилотов, и организация ВВС, и оперативные решения командиров авиасоединений, но даже в идеальной ситуации полного равенства во всех перечисленных выше сферах советские истребители проигрывали чисто

---

205 А значит – выигрывал в скорости и маневренности.

технически. В 1940 г. советские авиаспециалисты имели возможность ознакомиться с основной на тот момент версией истребителя Мессершмитта Вf-109Е. Соответственно, новые советские истребители конструировались в расчёте на противоборство именно этим самолётам. Однако к лету 1941 г. люфтваффе уже в значительной степени перевооружились на новую версию истребителя Мессершмитта – Вf-109F. И если с Вf-109Е Як-1 ещё мог сражаться на равных, то Вf-109F его уже очевидно превосходил. Именно поэтому КБ Яковлева и было вынуждено разрабатывать множество модификаций истребителя с гипертрофией одной конкретной характеристики в ущерб всем остальным, рассчитывая таким образом обеспечить выполнение одним самолётом только одной функции. О создании полноценного универсального фронтового истребителя, способного перехватывать неприятельские бомбардировщики, сопровождать свои бомбардировщики и наносить удары по наземным целям, на тот момент речи не шло. К концу осени 1942 г. – то есть как раз к началу Сталинградского сражения – на фронт начали прибывать первые Ла-5, которые уже вполне могли считаться универсальными. Проблема была в том, что синхронно на советско-германском фронте начали появляться немецкие истребители новой модификации – Вf-109G-2. Поэтому немецкие пилоты появление нового советского истребителя отметили, но особого беспокойства по этому поводу не испытывали – техническое превосходство оставалось по-прежнему за ними. Только летом 1943 г., в небе над Курской дугой, немецкие лётчики впервые столкнулись с советским истребителем, безусловно равным машинам Мессершмитта по техническим параметрам. Это была новая версия Ла-5 – Ла-5ФН. Весной 1944 г. КБ Яковлева максимально облегчило свой истребитель, добившись этим существенного прироста максимальной скорости. Новая версия «Яка» получила индекс Як-3. Таким образом, к весне 1944 г. исходная конструкция Як-1 разделилась на три основные модификации: истребитель завоевания господства в воздухе Як-3²⁰⁶ (большая максимальная скорость, но малая дальность), тяжёлый фронтовой пушечный истребитель Як-9Т (относительно малая скорость, но большой вес секундного залпа) и дальний истребитель Як-9Д (относительно слабовооружённый и не слишком быстроходный, но зато – с очень большим радиусом действия). Наконец, осенью 1944 г. на фронт начали поступать Ла-7 – дальнейшее развитие Ла-5. Именно эти два истребителя – Ла-7 и Як-3 – и сломали окончательно хребет люфтваффе на советско-германском фронте.

Выше речь шла о фронтовых истребителях. Единственным по-настоящему дальним истребителем (если не считать Як-9Д, который являлся фронтовым истребителем с искусственно завышенной дальностью) советских ВВС был Пе-3, однако выпуск этих истребителей носил малосерийный характер. Таким образом, в отношении истребительной авиации перелом в ходе Великой Отечественной войны был достигнут путём сосредоточения всех сил на производстве важнейшего класса истребителей вообще (фрон-

---

206 На фронт первые Як-3 попали уже летом 1944 г.

товых), ставки на выпуск самолётов композитной схемы²⁰⁷, что позволяло экономить дефицитные конструкционные металлы, и взвешенной модельной политики, в рамках которой удалось добиться гармоничного сочетания выпуска универсального фронтового истребителя (серия «Ла») и ряда взаимодополняющих узкоспециализированных модификаций (серия «Як»).

Выпуск бомбардировщиков в годы Второй мировой войны

[Самолётостроение 1992, с. 432–435; Самолётостроение 1994 с. 235–237]

	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Р-10	331	18						349 ²⁰⁸
МДР-2	192	38						220
ДБ-3/ ДБ-3Ф (Ил-4)	959	1106	757	858	1568	706	485	6439
СБ	1778	2195	237					4210
Су-2		113	724	40				877
Як-4		138	63					201
Че-2		13	4					17
Пе-2		1	1671	2524	2428	2944	1634	11202
Пе-8			23	22	29	5		79
Ер-2			71		2	148	241	462
Ту-2				79	17	378	742	1216
Всего	3260	3622	3550	3523	4044	4181	3102	25282

К началу Второй мировой войны основу советского бомбардировочного авиавыпуска составляли фронтовые бомбардировщики СБ и дальние бомбардировщики ДБ-3 (позднее переименованы в Ил-4). Кроме того, в серийном производстве состояли самолёты Р-10, которые должны были использоваться в качестве лёгких бомбардировщиков и разведчиков, и гидросамолёты МДР-2. Помимо этого, неторопливо доводился до готовности четырёхмоторный бомбардировщик Пе-8, который должен был совмещать большую дальность полёта и значительную бомбовую нагрузку. Собственно, руководство ВВС не было уверено в необходимости производства такой сложной и дорогой машины при наличии уже отработанного ДБ-3, чем и было обусловлено неспешное внедрение, в общем-то, уже готового самолёта в серию. Как и в случае с истребителями, всё это были конструкции середины (а то и первой половины) 1930-х годов, поэтому вопрос о начале

207 То есть самолётов, в конструкции которых сочетались деревянные и металлические элементы.

208 Учитываются лишь бомбардировщики, выпущенные в 1939–1945 годах.

выпуска новых моделей не вызывал споров. Однако сама номенклатура бомбардировщиков (лёгкий – фронтовой – дальний) считалась вполне оправданной, поэтому и новые модели авиатехники заказывались конструкторам именно под эти тактические ниши. Соответственно, на смену Р-10 в серию были запущены лёгкие бомбардировщики Су-2 и Як-4, ДБ-3 должен был уступить место в сборочных цехах новому дальнему бомбардировщику Ер-2, а на смену МДР-2 шёл Че-2. Некоторые вопросы вызывал лишь самолёт на роль фронтового бомбардировщика. Дело в том, что успешные действия германских пикирующих бомбардировщиков в 1939–1940 годах (особенно с учётом победных фанфар, на которые не скупилась нацистская пропаганда) убедили советское руководство, что новый фронтовой бомбардировщик непременно должен быть пикирующим. Разработать совершенно новый самолёт в краткие сроки было невозможно, поэтому было решено пойти по пути приспособления уже готовой конструкции. В СССР приблизительно в это же время конструкторским бюро В.М. Петлякова разрабатывался высотный истребитель ВИ-100. Так как необходимость в таком самолёте к 1940 г. отпала (по данным разведки, вероятный противник не располагал значимым количеством высотных бомбардировщиков, для борьбы с которыми потребовался бы специализированный высотный перехватчик), было решено на базе ВИ-100 разработать пикирующий бомбардировщик. С самолёта сняли высотное оборудование (турбокомпрессоры и гермокабины) и перестроили для выполнения бомбардировочных задач. Новый бомбардировщик получил индекс Пе-2. К сожалению, «истребительное» прошлое самолёта давало о себе знать – из 1000 кг допустимой бомбовой нагрузки во внутренних бомбоотсеках удалось уместить только 600, остальное приходилось на наружные бомбодержатели. Если сравнивать получившийся пикировщик Пе-2 с синхронным ему бомбардировщиком Юнкерса Ju-88А-4 образца 1940 г., то выяснится, что Юнкерс был намного более грузоподъёмным и превосходил Пе-2 в дальности. Петляковская машина компенсировала это превосходством в скорости. В целом, Пе-2 в определённой мере был не столько собственно бомбардировщиком, сколько истребителем-бомбардировщиком. Однако за счёт того, что конструкция Пе-2 была хорошо приспособлена к массовому производству, выпуск, как их стали называть на фронте, «пешек» с самого начала приобрёл значительные объёмы. С другой стороны, руководство ВВС понимало, что Пе-2 – в определённой степени вынужденный вариант, поэтому оно настаивало на разработке «настоящего» фронтового бомбардировщика. Такую машину разработал А.Н. Туполев, однако его пикирующий бомбардировщик Ту-2 был рекомендован к серийному производству буквально накануне начала Великой Отечественной войны. Затем завод, на котором предполагалось выпускать Ту-2, отправился в эвакуацию, и наладить выпуск этого бомбардировщика удалось только в 1942 году.

Начало Великой Отечественной войны заставило пересмотреть приоритеты бомбардировочного авиавыпуска. Су-2 и Як-4 показали невысокую эффективность, но куда важнее было то, что их функции «самолёта поля боя» с успехом взял на себя бронированный штурмовик Ил-2. Поэтому выпуск лёгких бомбардировщиков был свёрнут. Так как решающее значение

для исхода войны имели боевые действия на суше, важность гидросамолётов и летающих лодок резко снизилась, поэтому от производства Че-2 также было решено отказаться. Новый дальний бомбардировщик Ер-2 постоянно преследовали проблемы с двигателями, поэтому его выпуск несколько раз прекращался и возобновлялся заново. В целом, выпуск Ер-2 и Пе-8 в годы войны не носил значительных размеров, и основным советским дальним бомбардировщиком по-прежнему оставался Ил-4. Ту-2 также испытывал проблемы с мотором, поэтому, хотя этот бомбардировщик и был запущен в серийное производство, основным советским фронтовым бомбардировщиком на протяжении всей войны оставался Пе-2. Таким образом, можно сказать, что в отношении бомбардировочного авиавыпуска перелом в ходе Великой Отечественной войны был экономически обеспечен чётким выделением наиболее приоритетных классов бомбардировочной авиатехники и ставкой не на выпуск ограниченного количества «вундерваффе», а на постоянное наращивание производства уже отработанных моделей.

Выпуск самолётов в 1940–1943 гг. (штук) [Мухин 2011, с. 174]

	1940	1941	1942	1943
Всего самолётов В том числе:	10565	15735	25436	34884
Истребителей	4756	7081	9918	14657
Штурмовиков	-	1542	8229	11193
Бомбардировщиков	3575	3754	3534	4057
Итого боевых самолётов	8331	12377	21681	29877
Транспортных	551	257	469	1241
Учебных	1683	3101	3286	3766
авиамоторов	21452	28218	38621	49114
Средняя мощность 1 мотора (л. с., номинальная)	733,3	949,9	1071,8	1158,3
То же – взлётная	854,0	1065,0	1185,5	1260,0

Как видно из приведённой таблицы, к 1943 г. советской авиапромышленности удалось добиться существенного прироста средней мощности авиамотора, что, в первом приближении, позволяет судить о росте боевого потенциала авиатехники. При этом очевидна ставка на опережающее развитие производства штурмовиков и истребителей, как типов самолётов, менее зависящих от поставок дефицитных конструкционных материалов.

Наконец, следует отметить ещё один важный фактор, обеспечивший существенный прирост обеспечения РККА боевой техникой. В ходе Великой Отечественной войны было обращено большое внимание на ремонт повреждённой техники непосредственно в прифронтовой зоне. В июле 1943 г. были

созданы подвижные танкоремонтные и танкоагрегатные ремонтные заводы [Великая Отечественная 2013, с. 509], что позволило проводить не только средний и мелкий, но и капитальный ремонт повреждённой бронетехники без отправки её обратно на завод-изготовитель. Огромные масштабы приобрёл ремонт стрелкового оружия в полевых артиллерийских ремонтных мастерских. Всего там за годы войны было отремонтировано и возвращено в войска 620 тыс. пулемётов и 5,5 млн винтовок и пистолетов-пулемётов [Великая Отечественная 2013, с. 500]. Уже с 25 июня 1941 г. авиазаводы начали отправлять в авиачасти оперативно-технические группы в составе монтажников, мотористов, вооруженцев и других специалистов для ремонта самолётов и авиамоторов непосредственно в войсках. Например, к концу 1941 г. к различным авиаподразделениям были прикомандированы 143 заводские ремонтные бригады, насчитывавшие в своём составе 870 человек [Самолётостроение 1994, с. 215]. Очевидно, что работа по ремонту боевой техники и различных видов вооружений носила комплексный характер и охватывала практически все основные классы вооружений.

Таким образом, комбинируя применение передовых технологических приёмов и методов, взвешенный подход к формированию модельного ряда производимой оборонной продукции и ставку на массовое производство (а не мелкосерийный выпуск неких «вундерваффе» с впечатляющими характеристиками, но низкой технологичностью), советская «оборонка» в тылу постепенно экономически подготовила перелом в ходе боевых действий на фронте. Особенно важным в этом плане было неуклонное снижение себестоимости выпускаемых в СССР образцов вооружения.

Снижение себестоимости некоторых типов авиатехники
в денежном выражении (тыс. руб.) [Мухин 2011, с. 187].

Тип самолёта или авиадвигателя	Завод-изготовитель, №	1941	1942	1943
Як-7Б	153	161,4	133,7	111,1
Як-9Д	153	-	133,7	111,7
Ил-2	18	236,1	174,8	165,6
Пе-2	22	442,0	310,0	279,4
Ли-2	84	558,9	439,7	388,3
ВК-105	16	84,5	70,0	52,4
АШ-82	19	95,5	62,8	56,3
АМ-38	24	56,5	55,6	53,8
ВК-105	26	50,3	49,9	43,9

Аналогичные процессы постоянного снижения себестоимости вооружений и боеприпасов за счёт снижения трудоёмкости и материалоёмкости были характерны практически для всей советской оборонной промышленности [Ермолов 2012, с. 324]. Всего, по сравнению с 1940 г., к 1944 г. себесто-

имость военной продукции снизилась примерно вдвое [Попов 2015, с. 14].

Подводя итог, можно сказать, что перелом в войне был с точки зрения экономики обеспечен целым рядом факторов. Советская система управления сумела найти эффективные решения крайне сложных проблем, связанных с организацией производства в условиях разрыва большинства производственных цепочек, чудовищной нехватки квалифицированной рабочей силы, жилья, продовольствия и необходимых товаров широкого потребления. Для этого предпринимались меры экономического, организационно-управленческого и даже научно-технического характера. Ужесточение трудового законодательства соседствовало с массовым трудовым энтузиазмом. Самодеятельность директоров крупных предприятий иногда противоречила директивам центра, а порой – творчески их дополняла. Поиск оптимального вида модельного ряда оборонной техники шёл рука об руку с освоением новых, прорывных технологий и методик. И именно это сочетание разноплановых факторов и процессов и предопределило в итоге экономическую победу СССР в той великой войне.

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

Литература

1. Антуфьев 1992 – Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УРО РАН, 1992.
2. Ащеулов 2009 – Ащеулов О.Е. Артиллерия Красной армии. 1941–1943 гг. М.: Компания Спутник+, 2009.
3. Бабак 2004 – Бабак Ф. К. Индивидуальное стрелковое оружие. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2004.
4. Баканов 2011 – Баканов С.А. Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 57–62.
5. Балыш 2009 – Балыш А.Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 30-е – 40-е гг. XX в.: промышленность боеприпасов. М.: МАИ-Принт, 2009.
6. Барятинский 2006 – Барятинский М. Советские танки в бою. М.: Яуза, 2006.
7. Болотин 1990 – Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие. М.: Воениздат, 1990.
8. Будков и др. 1985 – Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Недра, 1985.
9. Быстрова 2006 – Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006.
10. Великая Отечественная 2013 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. VII. М.: Воениздат; Кучково поле, 2013.
11. Великая Отечественная 2015 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. XI. М.: Воениздат; Кучково поле, 2015.
12. Виноградов, Ещенко 2020 – Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Промышленность Астраханской области в годы Великой Отечественной войны. // Вопросы истории. 2020. № 10-4. С. 76–84.
13. Ермолов 2012 – Ермолов А.Ю. Государственное управление промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетей, 2012.
14. Запарий и др. 2021 – Запарий Вас.В., Мельников Н.Н., Гижевский Б.А., Запарий В.В. Вклад советской металлургии в создание и начало серийного производства советского тяжёлого танка серии «КВ» (1939–1941 гг.) // Известия высших учебных заведений. Чёрная металлургия. 2021. Т. 64. №9. С.651–659.
15. Запарий и др. 2020 – Запарий Вас. В., Запарий В.В. Отраслевая наука танкопрома в годы войны и её вклад в решение задач инженерно-технической оптимизации броневого производства в 1941–1945 гг. Часть 1. // Чёрные металлы. 2020 № 10. С. 72–76.
16. Запарий 2001 – Запарий В.В. Чёрная металлургия Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Перестройка на сортамент военного времени. // Мир и война: 1941 г. М., 2001. С. 83–103.
17. Зиязетдинов 2010 – Зиязетдинов Р.М. Нефтяники Башкирии в годы Великой Отечественной войны. // Вестник Академии наук РБ. 2010. Том 15, №2. С. 35–41.
18. История железнодорожного транспорта 2012 – История железнодорожного транспорта России. XIX – XXI вв. М.: Издательский дом Мещерякова, 2012.
19. История Новороссии 2017 – История Новороссии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
20. Коновалов 2015 – Коновалов А.Б. Политика укрепления потенциала угольной промышленности Кузбасса в 1941–1945 гг. // Шахтёрские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Кемерово, 2015. С. 12–33.

21. Коржихина 1995 – Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М.: РГГУ, 1995.
22. Кривошеев 1993 – Кривошеев Г.Ф. и др. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.
23. Куманёв 2005 – Куманёв Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005.
24. Лобанов 2005 – Лобанов А.В. Войсковая артиллерия РККА в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 5. С. 59–68
25. Маркова 2010 – Маркова А.Н. Экономические факторы победы. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7. С. 12–21.
26. Морехина 1962 – Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Соцэжгиз, 1962.
27. Мощанский 2008 – Мощанский И.Б. Танки Т-34-76, Т-34-57 в боях за Москву. М.: ООО"БТБ-КНИГА", 2008.
28. Мухин, 2011 – Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011.
29. Мухин 2018 – Мухин М.Ю. Топливо победы: Азербайджан в годы Великой Отечественной войны. М.: Художественная литература, 2018.
30. Парамонов 1999 – Парамонов В. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара: Самарский университет, 1999.
31. Попов 2015 – Попов Д.А. Военная экономика СССР 1941–1945: закономерность победы. // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. №2 (76) С. 4–21
32. Потёмкина,Климанов2020 –ПотёмкинаМ.А.,КлимановА.Ю.Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны. // Новейшая история России. 2020. Т.10. №3. С. 757–772.
33. Савицкий 2005 – Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
34. Самолётостроение 1992 – Самолётостроение в СССР 1917–1945 гг. Кн. I. М.: ЦАГИ, 1992.
35. Самолётостроение 1994 – Самолётостроение в СССР 1917–1945 гг. Кн. II. М.: ЦАГИ, 1994.
36. Самуэльсон 2010 – Самуэльсон Л. Танкоград. Секреты русского тыла. 1917–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2010.
37. Свирин 2006а – Свирин М.Н. Бронебойный щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. М.: Яуза, 2006.
38. Свирин 2006б – Свирин М.Н. Стальной кулак Сталина. История советского танка. 1943–1955. М.: Яуза, 2006.
39. Свирин 2008 – Свирин М.Н. Самоходки Сталина. История советской САУ. 1919– 1945. М.: Яуза, 2008.
40. Соколов 2013 – Соколов А.К. Советское нефтяное хозяйство. 1921–1945. М.: ИРИ РАН, 2013.
41. Тыл 1968 – Тыл Советской армии. М.: Воениздат, 1968.
42. Фельдман 2009 – Фельдман А.М. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики. // История России, 2009. № 6. С. 79–92.
43. Урал 1995 – Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург: УРГУ, 1995.

44. Чадаев 1985 – Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Мысль, 1985.
45. Широкоград 2000а – Широкоград А.Б. Отечественные миномёты и реактивная артиллерия. М.: Харвест, 2000.
46. Широкоград 2000б – Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000.
47. Широкоград 2003 – Широкоград А.Б. Гений советской артиллерии. М.: АСТ, 2003.
48. Шмыров 2007 – Шмыров Б.Д. Мы за ценой не постоим? // Военно-исторический архив. 2007. № 11. С. 82–104.
49. Zharkynbayeva и др. 2020 – Zharkynbayeva R., Abdirayimova A., Dadabaeva G. The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War // Journal of Slavic Military Studies. 2020. № 3. С. 403–419.

References

1. Antuf'ev A.A. (1992) *Ural'skaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War], URO RAN, Ekaterinburg, Russia.
2. Ashcheulov O.E. (2009) *Artilleriya Krasnoj armii 1941–1943* [Artillery of the Red Army. 1941–1943], Kompaniya Sputnik+, Moscow, Russia.
3. Babak F.K. (2004) *Individual'noe strelkovoe oruzhie* [Individual firearms], AST, Poligon, Moscow, St. Petersburg, Russia
4. Bakanov S.A. (2011) “Ugol'naya promyshlennost' Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny” [The coal industry of the Urals during the Great Patriotic War], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 1(30), pp. 57–62
5. Balysh A.N. (2009) *Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v 30-e – 40-e gg. XX v.: promyshlennost' boeprilasov* [The military-industrial complex of the USSR in the 30s - 40s. 20th century: ammunition industry], MAI-Print, Moscow, Russia.
6. Baryatinskij M. (2006) *Sovetskie tanki v boyu* [Soviet tanks in battle], YAUza, Moscow, Russia.
7. Bolotin D.N. (1990) *Sovetskoe strelkovoe oruzhie* [Soviet small arms], Voenizdat, Moscow, Russia.
8. Budkov A.D., Budkov L.A. (1985) *Neftyanaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [The oil industry of the USSR during the Great Patriotic War], Nedra, Moscow, Russia.
9. Bystrova I.V. (2006) *Sovetskij voенно-promyshlennyj kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody)* [Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930–1980s)], IRIRAN, Moscow, Russia.
10. Velikaya Otechestvennaya (2013) *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov*. V 12 t. T.VII [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. T.VII], Voenizdat; Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
11. Velikaya Otechestvennaya (2015) *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov*. V 12 t. T.XI [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. T.XI], Voenizdat; Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
12. Vinogradov S.V., Eshchenko YU.G. (2020) “Promyshlennost' Astrahanskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny”. [Industry of the Astrakhan region during the Great Patriotic War.], *Voprosy istorii*, no. 10-4, pp.76–84.
13. Ermolov A.YU. (2012) *Gosudarstvennoe upravlenie promyshlennost'yu v 1940-e gody: tankovaya promyshlennost'* [State management of industry in the 1940s: the tank industry], Aletejya, St. Petersburg, Russia.

14. Zaparij Vas.V., et al. (2021) “Vklad sovetskoj metallurgii v sozdanie i nachalo serijnogo proizvodstva sovetskogo tyazhyologo tanka serii «KV» (1939–1941 gg.)” [The contribution of Soviet metallurgy to the creation and start of serial production of the Soviet heavy tank of the KV series (1939–1941)], *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. CHyornaya metallurgiya*. no. 9, pp. 651–659.
15. Zaparij Vas.V., et al. (2020) “Otraslevaya nauka tankoproma v gody vojny i ee vklad v reshenie zadach inzhenerno-tehnicheskoy optimizacii bronevogo proizvodstva v 1941–1945 gg. CHast' 1.” [Branch science of the tank industry during the war years and its contribution to solving the problems of engineering and technical optimization of armored production in 1941-1945. Part 1.], *CHyornye metally*, no. 10, pp.72–76.
16. Zaparij V.V. (2001) “CHyornaya metallurgiya Urala v period Velikoj Otechestvennoj vojny. (1941–1945). Perestrojka na sortament voennogo vremeni” [Ferrous metallurgy of the Urals during the Great Patriotic War. (1941–1945). Restructuring for wartime assortment], *Mir i vojna: 1941 g.* [Peace and War: 1941], Moscow, Russia.
17. Ziyazetdinov R.M. (2010) “Neftyaniki Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny” [Oilmen of Bashkiria during the Great Patriotic War], *Vestnik Akademii nauk RB*, vol. 15, no. 2, pp. 35–41.
18. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta (2012) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii. XIX–XXI vv.* [History of railway transport in Russia. XIX – XXI centuries], Izdatel'skij dom Meshcheryakova, Moscow, Russia.
19. Istoriya Novorossii (2017) *Istoriya Novorossii* [History of Novorossiia], Centr gumanitarnyh iniciativ, Moscow, Russia.
20. Konovalov A.B. (2015) “Politika ukrepleniya potentsiala ugol'noj promyshlennosti Kuzbassa v 1941–1945 gg.” [The policy of strengthening the potential of the coal industry of Kuzbass in 1941–1945.], *SHAhtyorskije goroda Kuzbassa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945)*. Kemerovo, Russia pp.12–33.
21. Korzhihina T.P. (1995) *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya* [Soviet state and its institutions], RGGU, Moscow, Russia.
22. Krivosheev G.F. et al. (1993) *Grif sekretnosti snyat. Poteri Vooruzhennyh Sil SSSR v vojnah, boevyh dejstviyah i voennyh konfliktah* [The seal of secrecy has been removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts], Voenizdat, Moscow, Russia.
23. Kumanyov G.A. (2005) *Govoryat stalinskoe narkomy* [They say Stalin's people's commissars], Rusich, Smolensk, Russia
24. Lobanov A.V. (2005) “Vojskovaya artilleriya RKKA v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. ” [Military artillery of the Red Army during the Great Patriotic War 1941– 1945.], *Voенno-istoricheskij zhurnal*, no. 5, pp. 59–68.
25. Markova A.N. (2010) “Ekonomicheskie faktory pobedy” [Economic factors of victory], *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*, no. 7, pp. 12–21.
26. Morekhina G.G. (1962) *Rabochij klass – frontu. Podvig rabocheho klassa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945.* [The working class to the front. The feat of the working class during the Great Patriotic War of 1941–1945.], Socekgiz, Moscow, Russia.
27. Moshchanskij I.B. (2008) *Tanki T-34-76, T-34-57 v boyah za Moskvu* [Tanks T-34-76, T-34-57 in the battles for Moscow], ООО BTB-KNIGA, Moscow, Russia.
28. Mukhin M. Yu. (2011) *Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet aircraft industry during the Great Patriotic War], Veche, Moscow, Russia.
29. Mukhin M. Yu. (2018) *Toplivo pobedy: Azerbajdzhan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Fuel of victory: Azerbaijan during the Great Patriotic War], Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.

30. Paramonov V. (1999) *Rossiya v 1941–1945 gg.: problemy industrial'nogo razvitiya* [Russia in 1941–1945: problems of industrial development], Samarskij universitet, Samara, Russia.

31. Popov D.A. (2015) “Voennaya ekonomika SSSR 1941–1945: zakonmernost' pobedy” [The military economy of the USSR 1941–1945: the pattern of victory], *Vestnik Habarovskoj gosudarstvennoj akademii ekonomiki i prava*, no. 2(76), pp. 4–21.

32. Potyomkina M.A., Klimanov A.YU. “Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya i perspektivy izucheniya promyshlennoj evakuacii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny” [Modern Russian historiography and prospects for studying industrial evacuation during the Great Patriotic War], *Novejshaya istoriya Rossii*, Vol. 10 no. 3, pp. 757–772.

33. Savickij I.M. (2005) *Vazhnejshij arsenal Sibiri* [The most important arsenal of Siberia], SO RAN, Novosibirsk, Russia.

34. Samoletostroenie (1992) *Samoletostroenie v SSSR 1917–1945 gg. Kn. I.* [Aircraft building in the USSR 1917–1945. Book. I.], CAGI, Moscow, Russia.

35. Samoletostroenie (1994) *Samoletostroenie v SSSR 1917–1945 gg. Kn. II.* [Aircraft building in the USSR 1917–1945. Book. II.], CAGI, Moscow, Russia.

36. Samuelson L. (2010) *Tankograd. Sekrety russkogo tyla. 1917–1953* [Tankograd. Secrets of the Russian rear. 1917–1953], Politicheskaya enciklopediya, Moscow, Russia.

37. Svirin M.N. (2006a) *Bronevoj shchit Stalina. Istoriya sovetskogo tanka. 1937–1943* [Armor shield of Stalin. History of the Soviet tank. 1937–1943], YAuz, Moscow, Russia.

38. Svirin M.N. (2006b) *Stal'noj kulak Stalina. Istoriya sovetskogo tanka. 1943–1955* [Stalin's steel fist. History of the Soviet tank. 1943–1955], YAuz, Moscow, Russia.

39. Svirin M.N. (2008) *Samohodki Stalina. Istoriya sovetskoj SAU. 1919–1945* [Self-propelled guns of Stalin. History of the Soviet self-propelled guns. 1919–1945], YAuz, Moscow, Russia.

40. Sokolov A.K. (2013) *Sovetskoe neftyanoe hozyajstvo. 1921–1945* [Soviet oil industry. 1921–1945], IRIRAN, Moscow, Russia.

41. Tyl (1968) *Tyl Sovetskoj armii* [Rear of the Soviet Army], Voenizdat, Moscow, Russia

42. Fel'dman A.M. (2009) “Rabochie promyshlennosti SSSR i Germanii k iyuny 1941 g.: sravnitel'nye harakteristiki” [Industrial workers of the USSR and Germany by June 1941: comparative characteristics], *Istoriya Rossii*, no. 6, pp. 79–92.

43. Ural (1995) *Ural v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg* [Ural in the Great Patriotic War 1941–1945], URGU, Ekaterinburg, Russia.

44. CHadaev YA.E. (1985) *Ekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)], Mysl', Moscow, Russia.

45. SHirokorad A.B. (2000a) *Otechestvennye minomyoty i reaktivnaya artilleriya* [Domestic mortars and rocket artillery], Harvest, Moscow, Russia.

46. SHirokorad A.B. (2000b) *Enciklopediya otechestvennoj artillerii* [Encyclopedia of domestic artillery], Harvest, Minsk, Belorussiya.

47. SHirokorad A.B. (2003) *Genij sovetskoj artillerii* [The genius of Soviet artillery], AST, Moscow, Russia.

48. SHmyrov B.D. (2007) “My za cenoy ne postoi?” [Are we not worth the price?], *Voenna-istoricheskij arhiv*, no. 11, pp. 82–104.

49. Zharkynbayeva R., et al. (2020) “The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War”, *Journal of Slavic Military Studies*, no. 3. pp. 403–419

Информация об авторе

Михаил Ю. Мухин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН; старший научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
mukhin@mail.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History),
Leading Researcher of the Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences; Senior researcher,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993;
mukhin@mail.ru

Нефтяная промышленность Азербайджана: советское наследие

Исмаил А. Агакишиев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
almamater412@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты становления нефтяной промышленности Азербайджана на протяжении советского периода истории этой страны. На основе анализа многочисленных данных автор приходит к выводу, что долгое время именно Азербайджан был основным источником углеводородных ресурсов для СССР, поэтому роль азербайджанских нефтяников в годы индустриализации и Великой Отечественной войны трудно переоценить. Хотя в послевоенный период удельный вес азербайджанской нефти в общесоюзной нефтедобыче снижался, Азербайджан по-прежнему оставался одним из важнейших нефтедобывающих регионов СССР. В результате крупномасштабных финансовых вливаний из общесоюзного бюджета к началу 1980-х годов в Азербайджане окончательно сложился мощный нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий комплекс, включивший в себя, кроме того, целый ряд машиностроительных предприятий, производивших нефтедобывающее и нефтеперерабатывающее оборудование. Помимо этого, в Азербайджане был создан научно-образовательный комплекс, обеспечивавший нефтяную промышленность Азербайджанской Советской Социалистической Республики кадрами соответствующего качества. Таким образом, на протяжении советского периода истории Азербайджана в республике сложился целостный технологический базис нефтяной индустрии, гарантировавший устойчивое и поступательное развитие этой отрасли. Именно этот технологический базис, созданный в советское время, в конечном счёте, обеспечил интенсивное развитие нефтяной индустрии в постсоветском Азербайджане.

Ключевые слова: нефтедобыча, индустриализация, Великая Отечественная война, история Азербайджана, Сталин, реформы Хрущёва, Багиров, Алиев, нефтяная промышленность, промышленность Азербайджана.

Oil industry of Azerbaijan: soviet heritage

Ismail A. Agakishiev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
almamater412@gmail.com

Abstract. The article discusses the main aspects of the formation of the oil industry in Azerbaijan during the Soviet period in the history of this country. Based on the analysis of numerous data, the author comes to the conclusion that for a long time it was Azerbaijan that was the main source of hydrocarbon resources for the USSR, so the role of Azerbaijani oil workers during the years of industrialization and the Great Patriotic War can hardly be overestimated. Although in the post-war period the share of Azerbaijani oil in the

all-Union oil production decreased, Azerbaijan still remained one of the most important oil-producing regions of the USSR. As a result of large-scale financial injections from the all-Union budget, by the beginning of the 1980s, a powerful oil production and oil refining complex was finally formed in Azerbaijan, which, in addition, included a number of machine-building enterprises that produced oil production and oil refining equipment. In addition, a scientific and educational complex was created in Azerbaijan, which provided the oil industry of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic with personnel of the appropriate quality. Thus, during the Soviet period in the history of Azerbaijan, an integral technological basis of the oil industry was formed in the republic, which guaranteed the sustainable and progressive development of this industry. It was this technological basis, created in the Soviet era, that ultimately ensured the intensive development of the oil industry in post-Soviet Azerbaijan.

Keywords: *oil production, industrialization, Great Patriotic War, history of Azerbaijan, Stalin, Khrushchev's reforms, Bagirov, Aliyev, oil industry, industry of Azerbaijan.*

Общеизвестно, что в наши дни именно нефтедобывающая отрасль является становым хребтом экономики Азербайджана. За постсоветский период эта промышленность сделала большой шаг вперёд, однако для того чтобы адекватно представлять себе суть и значение этих достижений, требуется исследовать состояние нефтяной индустрии Азербайджанской ССР к моменту обретения Азербайджаном независимости. Поэтому данная статья посвящена рассмотрению становления нефтепромышленности Азербайджана на протяжении советского периода.

С ликвидацией Азербайджанской Демократической Республики и провозглашением 28 апреля 1920 г. Азербайджанской Советской Социалистической Республики начался новый, советский этап развития нефтяной промышленности Азербайджана. Говоря о значении провозглашения Советской власти в Азербайджане, В.И. Ленин подчёркивал: «...мы получили весть, что бакинский пролетариат взял власть в свои руки... Это означает, что мы имеем теперь такую экономическую базу, которая может оживить всю нашу промышленность... Таким образом, наш транспорт и промышленность от бакинских промыслов получают весьма существенную помощь»²⁰⁹. Чуть позже, в декабре 1920 г., Ленин говорил: «Теперь дело с нефтью идёт хорошо, и мы начинаем становиться на собственные ноги и с топливом»²¹⁰. Как видно, руководитель Советского государства прекрасно осознавал особое место бакинской нефтяной промышленности в деле предстоящего восстановления и дальнейшего развития отечественной экономики. В то же время он понимал, что уровень развития нефтяной промышленности на момент окончания Гражданской войны таков, что вынуждает искать неординарные пути обеспечения подъёма отрасли.

---

209 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 251.

210 Там же. Т. 31. С. 477.

Действительно, в начале 1920-х гг. объёмы добычи и переработки нефти по сравнению с довоенными годами и даже с периодом Первой мировой войны значительно снизились и в России в целом, и в Азербайджане. Это было, прежде всего, связано с уменьшением объёмов работ в бурении. В значительной степени это было вызвано снижением численности рабочих на промыслах. С 1916 по 1921 г. численность рабочих-нефтяников Баку сократилась более чем вдвое – с 52 тыс. до 23 тыс. человек [История Азербайджана 1963, с. 270]. Главной причиной сокращения численности рабочих был массовый уход рабочих с промыслов из-за голода. Особенно заметным был уход с промыслов тартальщиков. Основную массу их в начале 1920 г. составляли выходцы из Персии (до 86,3%). В условиях голода большинство тартальщиков вернулись на родину. Огромный дефицит ощущался и в среде других профессиональных групп нефтяников [Иголкин 1999, с. 119]. Большие проблемы существовали в области технического и технологического обеспечения нефтедобычи и нефтепереработки, а также в сфере транспортировки нефти. Из сорока нефтеперегонных заводов действовали лишь восемнадцать [Мурадалиева 2005, с. 123].

Для восполнения дефицита рабочей силы предпринимались определённые усилия. Так, например, в 1921 г. в Баку было поселено около 4,5 тыс. бывших солдат армии Врангеля, вернувшихся из Турции. Основная их часть стала работать на нефтяных промыслах. Разразившийся летом 1921 г. голод в Поволжье привёл к перемещению в Баку огромной массы людей. Многие из них также стали работать в нефтяной промышленности. Миграция в Азербайджан привела тогда и к существенным изменениям в национальном составе работников нефтяной промышленности Баку. Так, например, доля русских в отрасли выросла с 33,2% до 47,6%. И, наоборот, удельный вес азербайджанцев, среди которых большую часть составляли выходцы из Персии, резко упал. Доля выходцев из Персии снизилась с 29,5% до 17,3%. В количественном отношении дефицит рабочей силы в какой-то мере удалось восполнить. Но доля квалифицированных кадров резко сократилась.

24 мая 1920 г. был издан Декрет о национализации Бакинской нефтяной промышленности. Собственностью государства были объявлены все нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие, нефтеторговые и другие связанные с отраслью предприятия, ликвидированы все частные нефтепромышленные фирмы [Иголкин 1999, с. 131]. Однако вскоре стало ясно, что сама по себе национализация не в состоянии способствовать решению основных проблем нефтяной промышленности. Специальная комиссия Совета труда и обороны РСФСР, возглавляемая видным специалистом-нефтяником, академиком И.М. Губкиным, обследовала состояние дел на Бакинских нефтяных промыслах. Комиссия особо отметила низкую техническую оснащённость нефтепромыслов, что, по её мнению, вызывало частые аварии и пожары. В связи с этим большое значение было придано совершенствованию организации управления нефтяным хозяйством.

Во главе нефтяной промышленности Азербайджана в этот период был поставлен профессиональный революционер А. Серебровский. С 1921 г. главой партийной организации, а по существу – Азербайджанской Республики назначили видного партийного работника того времени С.М. Кирова.

Таким образом, Москва, учитывая особую значимость нефтяного хозяйства для развития единого Советского государства, ввела в руководство нефтяной промышленности Азербайджана своих эмиссаров. Нефтяная промышленность изначально была выведена из подчинения республиканских органов власти и переподчинена российским, а после образования в 1922 г. СССР – всесоюзным органам хозяйственного и партийного управления. Следует признать, что предпринятые в те годы меры по развитию нефтяной отрасли, несомненно, дали результаты. Введением в эксплуатацию новых нефтеносных площадей, увеличением численности рабочих, мерами, направленными на предотвращение пожаров и аварий на нефтепромыслах, созданием новых предприятий нефтяного машиностроения и по переработке нефти удалось добиться определённого прогресса в развитии отрасли. К 1928–1929 гг. добыча нефти в Азербайджане составила уже 13,7 млн тонн, что было значительно выше уровня 1920 г. Тем не менее следует отметить, что в сфере нефтяного бизнеса за этот же период произошли колоссальные изменения.

Несмотря на видимые успехи в развитии отрасли, СССР стал значительно отставать по уровню добычи и переработки нефти от ведущей нефтяной державы – США. В 1913 г. добыча нефти в России составляла 27% от уровня добычи нефти в США, а в 1928 г. – только 9%. В абсолютных показателях добыча нефти в СССР отставала даже от соответствующих показателей Венесуэлы. К концу 1920-х показатели развития нефтяной промышленности напрямую ассоциировались с уровнем индустриального могущества стран, так как нефть обеспечивала основным горючим авиацию, транспорт, военную промышленность.

Уже в начале 1920-х гг. Ленин и многие из его соратников стали понимать, что при классической советской системе управления обеспечить рывок в развитии отрасли будет крайне сложно. Вот почему Ленин предложил передать Бакинские нефтяные промыслы в форме концессий иностранным предпринимателям. Так, 2 апреля 1921 г. в письме Серебровскому Ленин писал: «Было бы очень хорошо 1/4 бакинских нефтяных месторождений, может, даже 2/4, сдать в концессию» [Мурадалиева 2005, с. 128].

Тема бакинской нефти негласно присутствовала при обсуждении проблем взаимоотношений Советской России с мировым сообществом на Генуэзской и Гаагской конференциях. Как пишет азербайджанский исследователь Мурадалиева, на этих конференциях «не упоминалось о нефти ни в протоколах, ни в других официальных документах. Но в действительности речь шла именно о ней. Требованием покрыть старые долги западные державы хотели вынудить Советскую Россию уступить им на правах концессий нефтяную промышленность. Многие тогда подмечали, что в те дни даже в воздухе Генуи пахло азербайджанской нефтью» [Мурадалиева 2005, с. 139–140].

На Генуэзской конференции в апреле 1922 г. особую активность проявляла компания «Ройял Датч Шелл», представители которой добивались от делегации РСФСР согласия на передачу бакинской нефти в долговременную концессию. Советское правительство, в принципе, было согласно на это, но оговаривало эту возможность условием: 1/4 бакинских нефтеносных земель

останется в руках Советского государства, а 3/4 этих земель будут переданы иностранным компаниям в виде концессий [Павлович 1923, с. 24].

Соглашению помешала лишь неуступчивость ряда западных делегаций, прежде всего французской, в вопросах о довоенных и военных долгах России. Заключением в предместье Генуи Рапалло сепаратного договора с Германией Советская Россия сумела расколоть фронт западных держав, до того солидарно выступавших с претензиями к России. Но в то же время вопрос о предоставлении концессий в Бакинском нефтяном районе вновь был отсрочен. Тема предоставления нефтяных концессий снова попала на повестку дня на конференции в Гааге в июне – июле 1922 г. Здесь советские представители предъявили список нефтяных предприятий, которые могли бы быть переданы в виде концессий иностранным фирмам. Среди этих предприятий были нефтяные промыслы на Биби-Эйбате, в Биби-Эйбатской бухте, на острове Артём, на острове Чекмен, в районах сел Шубаны, Пута, Гала [Павлович 1923, с. 24].

Несмотря на заинтересованность многих иностранных компаний в советских предложениях, переговоры не принесли результатов. Вопрос о концессиях в нефтяной промышленности так и не был решён. Представляется, что главной причиной стало соперничество крупнейших нефтяных компаний. Каждая из них, прежде всего «Стандарт Ойл» и «Ройял Датч Шелл», стремились к монопольному положению на российском рынке и не хотели уступать друг другу. Вряд ли можно считать конструктивной концессионную политику Советской России в нефтяной промышленности. Советские руководители были слишком осторожны в предоставлении иностранцам широкого доступа к бакинской нефти. И это, в свою очередь, встречало настроенное отношение со стороны зарубежных инвесторов. Как бы то ни было, добиться роста эффективности бакинской нефтяной промышленности на основе использования средств и опыта зарубежных компаний не удалось. Вот почему Советскому государству пришлось, по сути, самостоятельно решать проблему обеспечения рывка в развитии нефтяной промышленности в решающий период индустриализации – в годы довоенных пятилеток.

Первые советские пятилетки должны были обеспечить громадный шаг вперёд в развитии индустриального потенциала страны. Естественно, что в рамках поставленных грандиозных задач развитию энергетического комплекса отводилось большое место. Особое место в плане экономического развития принадлежало нефтяной промышленности. Долгое время итоговые результаты развития нефтяного сектора точно не были определены. И лишь в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1930 г. было указано, что добыча нефти к 1933 г. должна составить 45-46 млн тонн. Это была явно завышенная и, как показала жизнь, нереальная цифра. Исследователь этого периода А.А. Иголкин, тщательно изучив материалы того периода, выявил особенности развития нефтяной промышленности СССР тех лет, которые, по его мнению, и стали причинами невыполнения планов. Таких причин было несколько. Одна из них – недостаточное развитие металлургической промышленности, в силу чего нефтедобыча не была обеспечена должным количеством соответствующего оборудования. Касаясь периода первой пятилетки, Иголкин отмечал, что «при тех поставках оборудования

и материалов, которые получала нефтяная промышленность, выполнить амбициозные планы было абсолютно невозможно» [Иголкин 2005, с. 127]. Тот же автор привёл любопытные факты относительно второй пятилетки: для нефтедобычи планом было выделено 25 тыс. 340 тонн обсадных труб, а реально отгружено 12 тыс. 22 тонны. Бурильных же труб планом было предусмотрено 7550 тонн, а отгружено лишь 2787 тонн [Иголкин 2005, с. 162]. Другой важной причиной недостижимости предусмотренных рубежей развития нефтяной промышленности была нехватка нефтеёмкостей и транспорта. Сданный в 1930 г. нефтепровод Баку – Батум имел пропускной способностью лишь 1,6 млн тонн в год [Иголкин 2005, с. 130]. Самой важной, определяющей особенностью в развитии нефтяной промышленности была структура капитальных вложений в нефтяную промышленность СССР. Эта структура существенно отличалась от соответствующих показателей США. Так, в СССР 1925–1926 гг. на добычу нефти было затрачено 65,8% всех капиталовложений в нефтяную промышленность, а в США – 48,2%. В США 24,1% капиталовложений отрасли было выделено на переработку нефти и 9,6% – на создание новых нефтепроводов. В СССР на эти цели было выделено соответственно 7,5 и 3,5% [Дьяконова 1999, с. 134]. Эти различия объясняются разницей в подходах к перспективам развития нефтяной отрасли.

В отличие от США в Советском Союзе изначально главное внимание уделялось проблеме увеличения производства конкретного продукта, в данном случае нефти. А в Соединённых Штатах гораздо большее внимание обращалось на соответствие развития производства будущим рыночным потребностям. Тенденция погони за количественными показателями сохранялась в СССР и в годы первых пятилеток. При этом плановые показатели развития нередко определялись не реальными возможностями, а стремлением превзойти соответствующий показатель зарубежных стран. Эта погоня за количеством приводила к серьёзным проблемам в развитии нефтяной промышленности.

Видимо, главным недостатком развития нефтяной промышленности СССР в 1930-е гг. была хищническая, ничем не оправданная эксплуатация нефтяных недр в Баку, да и на других месторождениях страны. В погоне за конкретными показателями был взят курс на всемерное выкачивание нефти из верхних пластов. Но при этом забывали, что данный метод ведёт к истощению её запасов и в конечном счёте – к возникновению кризисных явлений в производстве «чёрного золота». В 1928/29, 1929/30 и в первой половине 1930/31 хозяйственного года прирост добычи нефти обгонял задания пятилетнего плана. В 1928/1929 г. при плане 12,7 млн тонн добыли 13,7 млн тонн нефти, а в 1929/30 г. при плане 14,4 млн тонн – 17,3 млн.

Сегодня специалистам ясно, что план пятилетки был выполнен не в абсолютных, а в стоимостных показателях, поскольку в течение пятилетки стоимость всех видов выполняемых работ и конечной продукции всё время росла. Помимо этого, как пишет Иголкин, «ценой досрочного выполнения плана стали не только частичные авралы, чрезмерное трудовое напряжение, жизнь впроголодь ради того, чтобы купить за рубежом необходимое оборудование, – но и хищническое истощение недр».

Исследователи дореволюционного периода развития нефтяной промышленности в качестве примера «хищнической» эксплуатации нефтяных недр чаще всего приводят фонтанный метод добычи нефти. Но при этом признают, что со временем этот метод использовался всё меньше. Так, И.А. Дьяконова пишет, что фонтанная добыча в общероссийской добыче в 1887 г. составила 42%, в 1900 г. – 11,3%, в 1913 г. – только 1,8% [Дьяконова 1999, с. 73]. Но в советское время погоня за высокими показателями привела к реанимации этого метода и использованию его в колоссальных масштабах. В 1926/1927 хозяйственном году фонтанным способом добывалось 32,4% нефти, а в 1931 г. – 42,4% [Иголкин 2005, с. 110]. Всё это предопределило грядущие проблемы нефтяной промышленности.

Нельзя сказать, что специалисты-нефтяники и руководители отрасли не замечали проблем развития нефтяной промышленности. Недовольное темпами и характером развития основного нефтяного центра страны, советское руководство видело выход из сложившейся ситуации в проведении организационных мероприятий.

Так, в июле 1935 г. в Баку прошёл пленум Бакинского комитета Компартии Азербайджана, посвящённый развитию нефтяной промышленности республики. Вёл заседание пленума секретарь Закавказского краевого комитета партии Л. Берия. Его присутствие и руководство работой пленума подчёркивали значимость и важность события.

В своём докладе Берия подчеркнул быстрый рост добычи нефти в Азербайджане. По его словам, она выросла с 10,5 млн тонн в 1930 г. до 19,1 млн тонн в 1934 г. Положительно охарактеризовав другие показатели развития отрасли, Берия заявил, что дальнейшее развитие нефтяной промышленности требует серьёзной реорганизации системы управления ею. Единую систему предприятий нефтяной промышленности Азербайджана, объединённую в рамках единого треста «Азнефть», разделили на четыре самостоятельных нефтедобывающих треста, подчиняющихся Народному комиссариату тяжёлой промышленности СССР. Вот выдержка из выступления Берия на Пленуме по этому поводу: «Разукрупнение Азнефти создаёт лучшие условия для руководства нефтяным хозяйством и требует ещё более напряжённой работы у буровой и скважины каждого руководителя, специалиста и рабочего-нефтяника для увеличения добычи нефти»²¹¹. В целях улучшения технического и технологического обслуживания предприятия нефтедобычи был создан самостоятельный трест «Азнефтехснаб». Для расширения и совершенствования работы в области нефтяного машиностроения создавали другой трест – «Азнефтемаш». В целях лучшей организации строительных работ на предприятиях нефтяной промышленности создавалась специальная организация – «Азнефтепромжилстрой». В качестве самостоятельного управления, обслуживающего отрасль, создавалась организация «Азэлектроток», которая призвана была улучшить энергоснабжение нефтяной промышленности. Создавался также ряд других организаций, связанных с нефтяной

---

211 Бакинский рабочий. 15 июля 1935.

промышленностью²¹². В дальнейшем приходилось вновь и вновь обращаться к теме повышения эффективности нефтяного производства. В феврале 1938 г. в Баку было проведено специальное Всесоюзное совещание нефтяников, которым руководил недавно назначенный на должность народного комиссара тяжёлой промышленности член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. Приезд Кагановича и характер обсуждения проблем развития нефтяной промышленности на совещании свидетельствовали о глубокой обеспокоенности руководства страны недостаточными, как ему казалось, темпами роста добычи нефти. В выступлении Кагановича, как и в многочисленных беседах с присутствовавшими на совещании специалистами и рабочими, сквозит желание понять причины, сдерживавшие рост добычи нефти. Но главным инструментом достижения максимальных целей нарком считал подстёгивание работников административными путями. Так, в своей речи на совещании буровой мастер Ванесов сказал, что для достижения высоких результатов достаточно «работать с людьми». На это Каганович бросил реплику: «Правильно». Но дальше Ванесов признался, что часто имеют место простои в связи с неподготовленностью производства к работе. На вопрос Кагановича о причинах простоев Ванесов ответил, что виноваты строители и монтажники. На вопрос Кагановича: «Кто обязан подготовить рабочее место для буровой бригады?» – Ванесов ответил: «Здесь виноватых не найдёшь. Если спросить строителей, говорят – геолог нам вовремя точки не наметил, поэтому вышки не строим. Если спросим монтажников – почему не собрали станок, – говорят: есть свои причины. В результате бригада гуляет без дела». На этот раз Каганович промолчал. В выступлении мастера нефтедобычи Ряхиной звучали мысли о неслаженности работ на нефтяных промыслах, о том, что в основе проблем лежат главным образом технические причины. Хотя Каганович подталкивал выступавшую к мысли о том, что главным является самоотверженность самих работников, Ряхина сказала: «Когда проводим технические мероприятия, видим, что скважина увеличивает дебет нефти».

Персонафикация в объяснении нерешаемости тех или иных проблем была тесно связана с компанией массовых репрессий, охвативших страну в 1937–1938 гг. Эти репрессии охватили и нефтяную промышленность, в том числе нефтяную промышленность Азербайджана. Проблемы нефтяной промышленности в этот момент очень легко было связать с темой намеренных, вредительских действий тех или иных работников – специалистов и рабочих.

В своём выступлении на совещании управляющий «Эмбанефти», ветеран революционного движения в Баку Гутин заявил: «Беседуя со мной в Москве, тов. Каганович сказал, что мы должны не объяснять, почему скважина даёт мало нефти, а добиваться большого количества». Каганович перебил его репликой: «Это неточно. Я за всякое объяснение, увеличивающее добычу»²¹³. Эта реплика, по существу, означала отрицание значения поиска

212 Там же.

213 Бакинский рабочий. 21 февраля 1938.

причин проблем. Все недостатки можно было вполне списать в это время на злонамеренность. Вскоре Гутин был репрессирован.

Впрочем, в тот период были арестованы и в большинстве своём расстреляны практически все руководители нефтяной промышленности Азербайджана. Среди партийных и хозяйственных работников нефтяной промышленности, репрессированных в 1937–1938 гг., мы встречаем имена управляющих трестами А. Петерсона, С. Борца, С. Слуцкого, Е. Гинзбурга, М. Нариманова, Д. Ахундаде, А. Крылова, крупных специалистов нефтяной промышленности В. Махнова, А. Аكوпова, Г. Маштакова и других. Массовые репрессии руководителей и специалистов стали способом списать на конкретных людей провал попыток решить нереально поставленные задачи.

Несмотря на многие проблемы, Советскому Союзу удавалось из года в год наращивать производство нефти. К 1938 г. фактическая добыча нефти в стране достигла отметки 30,2 млн тонн, причём около 22 млн тонн было добыто в Бакинском нефтяном районе (около 70% общесоюзной нефтедобычи). К началу Второй мировой войны Баку оставался главным центром производства нефти и нефтепродуктов в СССР. Это определяло его особое место в стратегических планах вступивших в войну держав.

Развитие нефтяной промышленности было основным в развитии индустриального комплекса Азербайджана в 1930-е гг. И хотя нефтяной отрасли промышленное развитие республики не ограничивалось, нефтяной комплекс в общем индустриальном потенциале республики занимал основное место. Наряду с нефтедобычей заметные сдвиги произошли в развитии нефтяного машиностроения и нефтехимической промышленности. Развитие нефтяного сектора вызывало существенные изменения в социальной структуре населения.

За счёт роста численности городских рабочих, прежде всего занятых в нефтяных отраслях, быстро увеличивалось городское население. Численность населения столицы республики Баку приблизилось к 600 тыс. человек. Баку стал четвёртым по численности населения городом Союза. Высокие темпы роста промышленного развития обусловил приток рабочих и инженеров в Азербайджан из-за пределов республики. Это сказывалось на национальном составе населения. В 1939 г. 44% населения Азербайджана были неазербайджанцами. Особенно велика была доля неазербайджанцев в Баку. К концу 1930-х гг. среди рабочих Баку азербайджанцы составляли только 19%. В составе рабочего класса республики было много русских, армян, татар, лезгин. В то же время и доля рабочих-азербайджанцев явно обнаруживала тенденцию к увеличению. Если до революции основную массу рабочих-азербайджанцев составляли временные переселенцы-отходники из Персии (Южного Азербайджана), то в советское время основную массу составляли мигранты из сельских районов Азербайджана.

Большие сдвиги происходили и в среде специалистов вообще, и специалистов-нефтяников в частности. Азербайджанский индустриальный институт в эти годы стал одним из главных центров страны по подготовке кадров нефтяников. Его питомцами стали в эти годы многие из тех, кому в будущем предстояло возглавить ответственные участки отечественной нефтяной промышленности. Среди них прежде всего следует назвать будущих министров нефтяной и газовой промышленности СССР Н. Байбакова, М. Евсеенко, Н. Шашина.

Именно в эти годы сформировалась азербайджанская национальная техническая интеллигенция. В Бакинском районе работали такие крупные организаторы производства как А.П. Серебровский, М.В. Баринов, Г.Б. Агавердиев, А. Петерсон, Ф.А. Рустамбеков. Первоначально среди руководителей было мало азербайджанцев. Но к концу 1930-х гг. благодаря широким масштабам подготовки кадров в вузах и техникумах и особому вниманию к подготовке национальных кадров появилась плеяда азербайджанцев, которым в будущем предстояло стать ведущими специалистами нефтяной отрасли.

Особое место в истории нефтяной промышленности СССР в недавнем прошлом и в наши дни занимает тема роли бакинской нефтяной промышленности в победе советского народа в Великой Отечественной войне. И это естественно. Несомненно, что одной из основных причин развязывания мирового пожара были претензии фашистской Германии и её союзников на овладение энергетическими ресурсами, прежде всего нефтеносными районами в Европе. В 1945 г. германский министр вооружений и военной промышленности Шпеер признался на допросе, что «потребность в нефти, несомненно, была основным мотивом при принятии решения о вторжении в Россию» [Султанов 2005, с. 47]. Главный инициатор Второй мировой войны – Германия, быть может, как никакая другая страна была заинтересована во владении нефтяными ресурсами.

Сумасбродные планы гитлеровского руководства с его претензиями на мировое господство не могли не вызвать желания пополнить свой скудный нефтяной ресурс путём подчинения себе других стран. Между тем в 1939 г. добыча нефти на территории рейха составила всего 805 тыс. тонн. Для ведения современной войны на больших пространствах этого количества нефти было явно недостаточно. Даже оккупация целого ряда стран Европы в 1939–1940 гг. и овладение там запасами нефтепродуктов, взятие под контроль нефтепромыслов союзной Германии Румынии с годовой добычей нефти в 5,5 млн тонн никак не могли удовлетворить растущие аппетиты агрессора [Комаров 2003, с. 46].

Следует признать, что в период относительного улучшения советско-германских отношений после заключения в 1939 г. Пакта о ненападении Германия проявляла огромный интерес к поставкам нефти и нефтепродуктов из СССР. В этот период она стала основным импортёром советской нефти и нефтепродуктов. В 1940 г., например, 75% советского экспорта нефти и нефтепродуктов направлялось в Германию [Капустин и др. 1995, с. 25]. С началом войны против СССР для Германии скорейшее овладение Бакинским нефтяным районом становилось стратегической целью. Для Советского Союза такое же стратегическое значение имело использование бакинской нефти для отражения агрессии.

Первоначально гитлеровское командование делало ставку на стратегию «сокращения», рассчитывая разгромить советские войска на протяжении нескольких недель. Однако после поражения в Московской битве командование вермахта перешло к стратегии «измора», планируя прорваться к нефтепромыслам Грозного и Баку. Однако, столкнувшись с трудностями в преодолении Большого Кавказского хребта, немецкие дивизии устремились к Волге. Ставилась цель резко ограничить снабжение центральных районов СССР и советских войск нефтью и нефтепродуктами, доставлявшимися по Каспийскому морю и далее по Волге. Для этого немцы решили захватить Сталинград.

Поэтому оборона Кавказа и Сталинградская битва имели для СССР жизненно важное, быть может, судьбоносное значение. Сколь ни значима была военная помощь со стороны союзников СССР, сколь ни значимыми были поставки в СССР продовольствия и обмундирования, союзники не в состоянии были обеспечить СССР необходимым количеством нефтяного горючего. В отношении нефти и нефтепродуктов Советский Союз мог рассчитывать главным образом только на собственные силы. И в эти годы в тяжелейших условиях нефтяники Азербайджана стойко выполняли стоящие перед ними задачи. Уже в 1941 г. в Баку было добыто рекордное количество нефти – 23,5 млн тонн [Аббасов 1967, с. 74]. Ни до этого, ни после нефтяная промышленность Азербайджана не достигала такого показателя. План по переработке нефти был выполнен на 122,8%. План по производству бензина – на 118% [Мадатов 1975, с. 56].

В 1942 г. в связи с оккупацией Северного Кавказа прекратилась добыча нефти в Майкопе и Грозном. Кроме того, была перерезана железнодорожная магистраль, соединяющая Баку с Центром. Несмотря на это, доставка нефти из Баку не прекращалась. Нефтепродукты из Баку перевозились по Каспийскому морю и далее через Среднюю Азию и Казахстан.

Особое внимание обращалось на производство нефтепродуктов непосредственно для нужд действующей армии. За исключением краткого периода в 1942 г. непрерывно увеличивалось производство авиабензина и других материалов для фронта. Бакинские заводы регулярно перевыполняли планы производства переработанной нефти. В 1943 г. нефтеперерабатывающая промышленность Азербайджана выполнила план по выпуску авиационных бензинов на 134%, лигроину – на 127,9%, керосину – на 101,7%, дизельному топливу – на 139,6%, авиамаслам – на 105,7%, флотскому топливу – на 162% [Мадатов 1975, с. 214]. И в последующие годы производство всех видов продукции нефтяной промышленности, связанных со снабжением армии, непрерывно росло. «Именно горючее Баку, – как справедливо отмечает Э.Б. Мурадалиева, – привело в движение советские танки, самолёты, машины, принося всё новые и новые победы над фашизмом» [Мурадалиева 2005, с. 171].

Справедливости ради следует констатировать, что в годы войны происходило регулярное снижение добычи бакинской нефти. В 1942 г. было добыто только 15,7 млн тонн нефти²¹⁴. В 1943 г. – 12,7 млн тонн²¹⁵. В 1944 г. – 11,8 млн тонн²¹⁶. В 1945 г. – 11,5 млн тонн²¹⁷.

Таким образом, на протяжении всех военных лет в Азербайджане наблюдалось неуклонное снижение добычи нефти. И хотя около 70% добытой в 1941–1945 гг. в СССР нефти приходилось на долю Баку, в годы войны на-

---

214 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 1, оп. 280, д. 5, л. 82.

215 Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР), ф. 1610, оп. 10, д. 732, л. 15.

216 РГАСПИ, ф. 1, оп. 129, д. 65, л. 346–347.

217 ГААР, ф. 1610, оп. 10, д. 760, л. 18.

блюдалось снижение удельного веса производимой в Азербайджане нефти в общем балансе нефтедобычи страны. Всё это сказалось на развитии нефтяной промышленности Азербайджана в послевоенные годы.

Говоря о снижении нефтедобычи в Азербайджане в годы войны, исследователи объясняют это рядом причин. Азербайджанские авторы по этому поводу в числе одной из главных причин называют переброску в годы войны на восток страны, в район так называемого «второго Баку» нефтяного оборудования и инженерно-технических кадров. В связи с этим резко были уменьшены масштабы бурения, что сказалось на общих показателях нефтедобычи. Ч. Султанов пишет: «Создание второго Баку в годы Второй мировой войны за счёт разрушения бакинских нефтепромыслов и лишение их инженерно-технического персонала было грубейшей ошибкой ГКО СССР. Этой непродуманной акцией в духе коммунистического “Даёшь!” был нанесён огромный ущерб бакинским нефтепромыслам, что наряду с другими факторами привело к резкому падению добычи в Баку, что, в свою очередь, привело к уменьшению маневренности войск, и это, безусловно, привело к дополнительным человеческим жертвам на всех фронтах» [Султанов 2005, с. 253]. С этой точкой зрения согласна и Э.Б. Мурадалиева. По её мнению, переброска оборудования и кадров нефтяников из Баку в Сибирь способствовала разрушению нефтяной инфраструктуры Азербайджана. В результате потери нефтедобычи в Баку в годы войны составили два десятка млн тонн [Мурадалиева 2005, с. 167].

Нет сомнения, что освоение новых нефтеносных месторождений на востоке страны, сопровождаемое передислокацией части оборудования и кадров на восток, сказалось на развитии нефтяной промышленности Азербайджана.

Справка о добыче нефти и бурении по Азнефтекомбинату [Мухин 2018, с. 191–192]

	Единица измерения	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945 ²¹⁸
Добыча нефти	тыс. т	21547,5	22175,5	23481,9	15709,5	12692,0	11839,0	11504,6
Среднесуточная добыча нефти	т.	59034	60589	64334	43040	34773	32347	31520
Годовой прирост добычи нефти	тыс.т.	-557,6	628,1	1306,3	-7772,4	-3017,5	-853,0	-334,4
Ввод скважин из бурения	шт.	496	538	621	120	76	114	140
Ввод скважин из бездействия	шт.	694	624	641	304 ²¹⁹	764	993	870
Бурение всего	тыс.м.	887,6	943,2	929,8	116,9	67,6	138,8	250,0
В т. ч. – эксплуатационное	тыс.м.	716,7	701,9	665,2	79,3	24,6	66,2	145,0
В т. ч. – разведочное	тыс.м.	170,9	241,3	264,6	37,9	43,0	72,6	105,0

218 Ожидаемое в 1944 г. выполнение.

219 Кроме того – 748 скважин введено из консервации (прим. в документе).

Действительно, масштабы бурения вокруг Баку существенно снизились. Сказались и мероприятия по свёртыванию работ на части скважин в период непосредственной угрозы захвата Баку немцами летом – осенью 1942 г. Быть может, освоение «второго Баку» было начато несколько преждевременно – в годы войны на новых месторождениях было добыто слишком мало нефти. Но ставить под сомнение необходимость проведённого комплекса работ по освоению новых нефтеносных месторождений, нет никаких оснований. Послевоенная история нефтяной промышленности СССР это убедительно доказала. Главную причину снижения объёмов добычи нефти в Азербайджане в годы войны следует искать в другом. Ранее отмечалось, что ещё в 1920–1930-е гг. погоня за высокими плановыми показателями сопровождалась нарушениями технологических правил добычи. Это вело к использованию расточительных методов добывания нефти. В тяжёлых условиях войны эта тенденция получила ещё большее развитие. Истощение верхних пластов нефти, сужение разведывательных и бурильных работ и стало главной причиной снижения добычи нефти.

В годы войны об этом мало кто задумывался. В связи с этим весьма интересны воспоминания ветерана нефтяной промышленности, бывшего министра нефтяной промышленности СССР и председателя Госплана СССР Н. Байбакова. Он отмечал, что порой в связи с проблемами доставки нефти в другие районы страны и заполненностью всех резервуаров оставшуюся после переработки нефть некуда было девать. Оставшуюся без использования нефть «закачивали... в пласт»²²⁰. Такая примитивная форма попыток сохранения нефтяного запаса, конечно же, не могла сохранить нефтедобычу хотя бы на достигнутом уровне. Более того, она вела в конечном итоге к возникновению всё новых проблем. В связи с этим очень символическими выглядят слова из выступления в 1944 г. тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мирджафара Багирова: «Помимо того, что мы не можем подводить страну, не можем подводить народное хозяйство, а сегодня и фронт, обязаны выполнять всё это, помимо всего есть исключительно наши местные интересы, если так можно выразиться, есть один момент чисто республиканского патриотизма. Речь идёт о том, будет ли занимать Баку ведущее место в системе нефтяного хозяйства Советского Союза или мы его сдадим.... А без того... я Баку и Азербайджан не мыслю...»²²¹.

Очевидно, руководитель Азербайджана того периода прекрасно осознал, какие проблемы ждут нефтяную промышленность Азербайджана в послевоенный период.

По воспоминаниям бывшего секретаря ЦК Компартии Азербайджана Миргасана Сеидова, в декабре 1943 г. по дороге в Тегеран Сталин остановился в Баку. По возвращении из Тегерана Сталин вновь остановился в Баку, «вызвал к себе Багирова и председателя Совнаркома республики Тей-

---

220 Байбаков Н. Дело жизни. М., 1984. С. 67.

221 РГАСПИ, ф. 1, оп. 29, д. 65, л. 346–347.

мура Кулиева, основательно их отчитал по поводу... безобразия на территории нефтепромыслов и сказал: “Этот искусственный металлический «лес» на земле Апшерона – нефтяные вышки, источник нашего неоценимого богатства. Благодаря им мы ведём войну. Как можно содержать их в таком состоянии?.. Поезжайте в Румынию, посмотрите, как там вокруг каждой скважины растут розы. Что это за безобразие у вас?” В ответ Багиров объяснил это отсутствием средств на проведение благоустроительных работ. Тогда Сталин приказал своему помощнику Поскребышеву: “По приезду в Москву подготовьте решение Политбюро о выделении из союзного бюджета в распоряжение правительства Азербайджана по два рубля за каждую тонну сверхплановой нефти в качестве нефтяного фонда. При этом половину этого фонда израсходовать на осушение и благоустройство территории нефтепромыслов, а вторую половину – на политико-воспитательные, культурно-просветительские мероприятия”».

Вскоре решением Политбюро был создан «Нефтяной фонд», которым имело право распоряжаться правительство Азербайджана [Сеидов 1998, с. 61–62]. «Нефтяной фонд» просуществовал до 1959 г., когда руководитель Компартии Советского Союза Н.С. Хрущёв счёл излишним дополнительное стимулирование развития нефтяной промышленности Азербайджана и ликвидировал его решением Президиума Совета министров СССР. Между тем во второй половине 1940-х – в 1950-е гг. фонд сыграл большую роль в подготовке кадров специалистов для Азербайджана в центральных вузах страны. Велика была роль фонда и для улучшения жилищных условий нефтяников. Благодаря новым возможностям в Баку были возведены десятки жилых зданий, а также дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки, другие культурно-просветительские учреждения. Особое значение имело использование средств фонда для повышения материального стимулирования труда нефтяников.

Создание «Нефтяного фонда» с предоставлением широких прав использования его в республике было связано с планами резкого увеличения производства нефти и нефтепродуктов в СССР. В этих планах большие надежды возлагались на Баку. Сразу после войны Сталин выдвинул задачу достигнуть 60-миллионной отметки добычи нефти. Традиционно предполагалось, что роль Баку в решении этой задачи будет велика. Действительно, уже в скором времени намеченное было реализовано. Более того, в начале 1950-х гг. по всей стране добывалось уже более 100 млн тонн нефти. Однако большой рывок в этой области был достигнут благодаря новым месторождениям нефти во «втором Баку» – районе между Уралом и Волгой. Что касается Азербайджана, то его удельный вес в общесоюзной добыче неуклонно падал. И хотя в послевоенные годы добыча нефти в Баку в абсолютных показателях всё время росла, темпы её увеличения не соответствовали намечаемым рубежам.

В послевоенные годы большая работа проводилась по освоению морских месторождений на Каспии. Благодаря самоотверженному труду нефтяников, целенаправленной работе партийных и хозяйственных руководителей, огромной государственной помощи к концу 1940х гг. был создан целый комплекс нефтедобычи в море – легендарный город на сваях Нефтяные Камни. Добыча нефти на море явилась серьёзным вкладом в увеличение объёмов производимой нефти.

Но тем не менее хроническим стало невыполнение планов по добыче нефти на суше. Главной причиной этого, безусловно, были тяжёлые последствия нерациональной эксплуатации нефтяных скважин в прежние годы, особенно в годы войны. Компенсировать ущерб, нанесённый отрасли, было очень сложно. Но республиканское руководство не могло признаться в этом. Причину проблем искали, как и прежде, в нерадивости отдельных руководителей.

На XVII съезде Коммунистической партии Азербайджана в январе 1949 г. в своём Отчётном докладе руководитель партийной организации республики М.Д. Багиров, признавая регулярное невыполнение плана добычи нефти на суше, главной причиной посчитал отставание в проведении геологоразведочных работ. При этом он всё же вынужден был говорить, что на это «своевременно нами не было обращено должного внимания». Другой причиной невыполнения плана он считал недостатки в деле «отбора наилучших, проверенных людей». Именно слабой работой руководителей и специалистов он объяснял бездействующие скважины, низкую технологическую дисциплину, аварии и простои, неэкономное расходование средств. Багиров отметил наличие «бесхозяйственного, негосударственного отношения к народному достоянию со стороны многих руководящих работников нефтяной промышленности, и не только нефтяной промышленности». И добавил при этом: «Сказанного достаточно для того, чтобы потребовать от руководителей объединений, трестов, промыслов, заводов и других предприятий нефтяной промышленности покончить с этими антигосударственными явлениями»²²².

Видимо, руководитель Азербайджана налаживание необходимой работы в нефтяной промышленности связывал с личной отдачей работников, при этом каждую ошибку, промах руководителей и специалистов он пытался объяснить антигосударственными, по сути, политическими помыслами. Он как бы продолжал прежнюю линию в объяснении хозяйственных неудач происками вражеских элементов. Конечно, Багиров всё же не забывал отметить заботу партии и правительства, лично товарища Сталина и, конечно же, «повседневную помощь азербайджанским нефтяникам... верного соратника великого Сталина – Лаврентия Павловича Берия, который непосредственно занимается вопросами нефти».

Спустя три года, на XXIX съезде Компартии Азербайджана в сентябре 1952 г., Багиров вновь вернулся к теме недостатков в развитии нефтяной промышленности Азербайджана. Он был вынужден констатировать, «что рост добычи нефти за последние годы идёт главным образом за счёт морских месторождений. Мы до сих пор, – говорил он, – не добились должного перелома и не создали условий для ежегодного роста добычи нефти на суше». И здесь он привёл массу данных о невыполнении плана по бурению, разведочным работам. И опять-таки вина за всё это была взвалена на конкретных людей. Их имена – известных тогда руководителей и специалистов – были названы. О них было сказано, что они оказались «людьми

---

222 Бакинский рабочий. 26 января 1949.

случайными, которые своим несоветским поведением вызывают по отношению к себе сомнения, люди ныне разоблачённые и снятые». Он добавил, что это преступные элементы, затесавшиеся в коллективы нефтяников.

Все проблемы Багиров свёл к персональным ошибкам, а необходимость радикальных кадровых перемен была названа панацеей от всех бед. Он говорил, что нужны новые люди, которые «могут обеспечить успешную реализацию заданий партии и правительства, – люди, не вызывающие своим поведением никакого сомнения и заслуживающие полного доверия. Только люди, любящие свою социалистическую Родину больше, чем самих себя, готовые до конца своей жизни защищать её, могут поставить на службу отечеству богатые резервы и возможности нефтяной промышленности республики»²²³.

Риторика Багирова полностью укладывалась в представления тех лет: «Нет таких крепостей, которых не могли взять большевики». Но ни этот «корчагинский» ресурс, ни постоянное запугивание и подстёгивание кадров уже не могли обеспечить новые рекордные показатели. Гораздо больших успехов в те годы добивались путём материального стимулирования работников. В этом плане была велика роль «Нефтяного фонда». Огромных масштабов достигло регулярное премирование работников нефтяной промышленности за успехи в освоении нефтяных месторождений, добыче нефти, внедрении передовых научных методов в производство. Только в конце 1948 г. лишь по одному объединению премия нефтяникам за достигнутые производственные показатели составила 4,5 млн руб. По тем времена это была огромная сумма²²⁴.

Каждый год большие группы нефтяников – учёных, специалистов и рабочих удостаивались Сталинских премий – самых престижных премий того времени. Так, в 1950 г. премий были удостоены руководители предприятий Устабаба Пир Мамед, М. Расулов, М. Лалаян, В. Гриценко, Д. Мамедов, А. Арутюнов, инженеры Г. Овнатанов, Э. Мехтиев, А. Краснобаев, М. Матыс, С. Мовсумзаде, А. Сулейманов, М. Абдуллаев, К. Аливердизаде, рабочие Е. Джоев, Мамед Вели Мамедджафар оглы. И так каждый год. В 1952 г., например, Сталинская премия была присуждена за разработку и освоение комплексного метода эксплуатации нефтяных месторождений группе нефтяников, возглавляемой директором объединения «Азнефть» А.П. Карасёвым. Среди премированных были инженеры М.Г. Алиев, И.Ю. Прок, Ш.З. Ахмедов, А.Г. Габриэлян, буровой мастер А.М. Бабаев²²⁵.

Повышение эффективности нефтяного производства напрямую увязывалось с традиционной мерой: реорганизацией системы управления. В годы войны управление предприятиями, занимающимися добычей нефти, было

223 Бакинский рабочий. 24 сентября 1952.

224 Там же. 26 января 1949.

225 Бакинский рабочий. 15 марта 1952.

сосредоточено в объединении «Азнефть». Сразу после войны возникло ещё два объединения соответствующего профиля – «Азнефтеразведка» и «Азморнефть». В 1953 г. «Азнефть», «Азнефтеразведка» и «Азморнефть» были объединены в одно предприятие – «Азнефть»²²⁶. На этом поиск оптимального варианта управления отраслью не завершился. 2 июня 1954 г. в Азербайджане было создано самостоятельное Министерство нефтяной промышленности. Министерство имело статус союзно-республиканского²²⁷. Но и на этом реорганизации не закончилось. В 1957 г., после создания республиканских советов народного хозяйства (Совнархозов) и соответствующей структуры в Азербайджане, Министерство нефтяной промышленности в Азербайджане вновь ликвидировали, и его предприятия передали в ведение Совнархоза Азербайджанской ССР. После этого количество производственных объединений нефтяного профиля вновь увеличили. Организационные перетряски послевоенных лет отражали характерные для того времени бесконечные реорганизации системы управления. На практике все эти многочисленные административные новации так и не обеспечили интенсивного развития нефтяной промышленности Азербайджана.

Тем не менее, несмотря на систематическое невыполнение планов добычи нефти, нефтедобыча в абсолютных цифрах в течение всего послевоенного периода вплоть до начала 1960-х гг. непрерывно возрастала. К концу 1950-х – началу 1960-х гг. добыча нефти в республике почти достигла отметки довоенного времени. Это стало результатом огромных усилий коллективов нефтяников, стимулирования труда работников отрасли и, в том числе, внедрения достижений науки и техники в производство. Необходимо также отметить существенный рост профессионального уровня работников, занятых в нефтяной промышленности. Огромную роль в этом сыграли вузы и техникумы нефтяного профиля. Азербайджанский индустриальный институт, который до 1953 г. носил имя Л. Берии, а после этого – М. Азизбекова, давал стране, в том числе Азербайджану, ежегодно высококвалифицированных специалистов. Лишь в 1951–1954 гг. предприятия нефтяной промышленности республики пополнились 1200 выпускниками вузов, то есть по 300 специалистов ежегодно. В 1955–1956 гг. на предприятия отрасли было распределено 968 специалистов высшей квалификации²²⁸. Такой рост дипломированных специалистов объясняется тем, что в их число входили выпускники заочных и вечерних отделений, уже работавших на предприятиях нефтяной промышленности. К 1959 г. в вузах обучалось 146, а в техникумах – 429 работников нефтяной промышленности²²⁹. На 1 декабря 1960 г.

---

226 РГАСПИ, ф. 1, оп. 251, д. 1. л. 53.

227 Бакинский рабочий. 6 июня 1954.

228 Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 8627, оп. 13, д. 573, л. 80; там же. Д. 593, л. 7.

229 Там же. Д. 622, л. 59.

в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана было занято 4580 дипломированных инженеров и техников²³⁰.

Несмотря на достигнутые Азербайджаном успехи, значение отрасли в общем балансе нефтедобывающей промышленности СССР продолжало снижаться. И это понятно – всё больше нефти давали нефтяные скважины «второго Баку», всё больше нефти добывалось в Татарии, Башкирии, Казахстане, несметные богатства «чёрного золота» были обнаружены в Западной Сибири. На фоне огромных достижений в добыче нефти западных районов страны снизился уровень внимания центрального советского правительства к проблемам развития нефтедобывающей промышленности Азербайджана. В 1959 г. ликвидировали «Нефтяной фонд», что резко уменьшило выплаты нефтяникам республики в качестве премиальных за те или иные достижения и успехи. Сократилось выделение средств на техническое и технологическое обновление производства, капитальные вложения в отрасль. Разведывательные и бурильные работы свёртывались. Всё это привело к уменьшению добычи нефти. Весьма характерно, что в период 1960–1980 гг. в статистических сборниках, ежегодно публикуемых в Азербайджане, не выделялась графа о количестве производимой в Азербайджане нефти. За этот период, согласно неофициальным источникам, количество добываемой нефти упало с 20 до 12 млн тонн. Между тем было хорошо известно, что нефтяной потенциал Азербайджана далеко не исчерпан.

Нужно было вести в широких масштабах поисковые разведывательные работы, совершенствовать технологию бурильных работ. Но на это нужны были огромные средства, которые союзное государство не выделяло. В этих условиях азербайджанское руководство вынуждено было искать иные пути для поддержания нефтяного комплекса. И дело было не только в обеспечении необходимых темпов нефтедобычи. Проблема состояла и в том, что с производством нефти было тесно связано развитие всего индустриального комплекса республики. Речь шла о нефтехимической, химической и машиностроительной отраслях. Значительная часть предприятий этих отраслей была связана с развитием нефтедобычи, использовали получаемое от нефтедобычи сырьё и производили оборудование для производства. Так, например, крупные предприятия машиностроительного комплекса – Кишлинский машиностроительный завод, машиностроительный завод им. Л. Шмидга, завод «Бакинский рабочий», большинство нефтехимических и химических предприятий Баку и Сумгаита – были тесно связаны с потребностями и заказами предприятий нефтедобычи. Для бесперебойной работы всех этих предприятий требовались сырьё и заказы в необходимом количестве. В этот период развитию отраслей, тесно связанных с нефтяным комплексом, стало уделяться огромное внимание.

В конце 1960-х гг. руководителем Азербайджана стал Г.А. Алиев. На основе глубокого анализа ситуации в нефтяной промышленности республики были внесены серьёзные коррективы в её развитие с учётом объективных ре-

---

230 Развитие народного хозяйства Азербайджанской ССР и рост материального и культурного уровня жизни народа: Статистический сборник, Баку, 1961. С. 195–198.

алий и возможностей республики. И это привело к успеху. Упор на развитие отраслей промышленности, связанных непосредственно с нефтяным сектором, вывел из тупика не только нефтяную промышленность, но и определил в значительной мере всю экономику республики. В последующие 1970-е – начало 1980-х гг. во многом благодаря принятым мерам промышленность республики стала развиваться ускоренными темпами. Выступая на XXX съезде Компартии Азербайджана в 1981 г., Г.А. Алиев имел все основания заявить: «Мы добились полного преодоления былого отставания экономики, произвели глубокие качественные изменения в масштабах и структуре промышленного... производства»²³¹. Благодаря принятым мерам коренным образом изменилась ситуация в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Впоследствии в одном из своих выступлений Алиев говорил: «...Наши нефтеперегонные заводы достались нам в наследство чуть ли не от царских времён, они никак не соответствовали современным требованиям. Когда я стал анализировать этот вопрос, выяснилось, что в СССР существует новое оборудование, новые установки, но руководители союзного министерства строят их в других регионах. Представьте себе: в Азербайджане издревле добывают нефть, а нефтеперерабатывающие заводы с новой технологией возводят в другом месте... Мы поставили перед министерством, перед Советом Министров СССР вопрос “ребром” и добились сооружения в Азербайджане двух больших нефтеперегонных заводов... На заводе им. XXII партсъезда... мы полностью заменили... оборудование, построили на этом месте новый завод с помощью германских специалистов. Для производства высококачественного бензина было закуплено оборудование во Франции и построен комплекс каталитического риформинга...» [Ахундова, 2007 с. 462].

В 1976 г. новая, отвечающая времени установка по переработке нефти была создана на Новобакинском нефтеперерабатывающем заводе. В 1982 г. такая же установка, впоследствии получившая название ЭЛОУ АВТ-6, была смонтирована на Бакинском нефтеперерабатывающем заводе. Она перерабатывала до 6 млн тонн нефти в год. В результате применения новых технологий Баку стал выпускать бензин самого высокого качества. С 1970 по 1980 г. в развитие нефтеперерабатывающей промышленности республики было вложено 400 млн рублей. Всё это стало возможным благодаря настойчивости республиканского руководства. С другой стороны, очевидно, что без крупномасштабных капиталовложений из всесоюзного бюджета становление современной нефтехимической отрасли в Азербайджанской ССР было бы немислимо.

Все заводы нефтяного машиностроения в 1970-е – начале 1980-х гг. были реконструированы. На это было выделено 480 млн рублей. На базе машиностроительного завода имени лейтенанта Шмидта был создан целый ряд производств нефтяного профиля: на Сураханском заводе освоили выпуск глубинных насосов, на заводе «Бакинский рабочий» наладили производство станков-качалок, на Бакинском машиностроительном заводе начали изготавливать бурильные замки и долота. Ведущим предприятием нефтяного ма-

---

231 Материалы XXX съезда Компартии Азербайджана, Баку, 1981. С. 17.

шиностроения стал завод им. Л. Шмидта. В начале 1980-х гг. 70% из всех наименований нефтепромышленного оборудования, используемого нефтяной промышленностью СССР, выпускалось на бакинских заводах [Ахундова 2007, с. 463–464].

Таким образом, в отраслевую структуру промышленного производства Азербайджана были внесены серьёзные коррективы. Значительно расширилось производственное назначение целого ряда действующих в Азербайджане промышленных предприятий. Целью их стало, например, обеспечение нужд нефтяных предприятий в масштабах всей страны. Прежде всего речь шла о нефтехимической и химической промышленности, предприятиях, входящих в машиностроительный комплекс. Удельный вес продукции прогрессивных отраслей, определяющих технический прогресс – машиностроения, химической и нефтехимической промышленности, – вырос с 14,3 до 21,03%²³². Во многом благодаря этому удельный вес продукции машиностроения в структуре промышленного производства в Азербайджане вырос с 5,1% в 1960 г. до 13,5% в 1980 г. Удельный вес продукции химической и нефтехимической промышленности вырос с 2,9% до 7,5%²³³. В связи с этим значительно возросла роль предприятий машиностроительного комплекса Азербайджана в обеспечении потребностей нефтяной промышленности всего Советского Союза. Ведущие машиностроительные предприятия Азербайджана стали главными поставщиками нефтяного оборудования для всей страны. На химических и нефтехимических предприятиях перерабатывалась значительная часть нефти, добываемой в различных районах страны.

Позитивные изменения в структуре нефтяного комплекса Азербайджана открывали широкие перспективы для дальнейшего развития всего индустриального комплекса Азербайджана, для социальных изменений в республике. Правда, следует признать, что до конца выполнить намеченное удавалось далеко не всегда. В середине 1970-х гг. ЦК Компартии Азербайджана обратился в ЦК КПСС с конкретным предложением относительно новой программы индустриального развития республики на перспективу. 27 июля 1976 г. ЦК КПСС принял специальное постановление «О результатах рассмотрения предложения ЦК Компартии Азербайджана о развитии отдельных отраслей промышленности в 1976–1980 гг.». Согласно принятому постановлению предполагалось строительство 14 новых современных промышленных предприятий, и в их числе ряд предприятий нефтяного профиля²³⁴.

Наметившиеся в начале 1980-х гг. трудности социально-экономического развития СССР, противоречия и допущенные ошибки в ходе реализации курса на «перестройку» самым отрицательным образом сказались на развитии нефтяной промышленности Азербайджана. Политические катаклизмы

---

232 Материалы XXX съезда Компартии Азербайджана. С. 64.

233 Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 70-летию Великого Октября: Статистический сборник. Баку, 1987. С. 49.

234 Материалы Пленума ЦК Компартии Азербайджана, 16 октября 1976 года. Баку, 1976. С. 36.

второй половины 1980-х гг. усугубили ситуацию. Нефтяная промышленность Азербайджана вступала в новый этап своего развития.

Подводя итог, следует признать, что в результате крупномасштабных финансовых вливаний из общесоюзного бюджета к началу 1980-х годов в Азербайджане окончательно сложился мощный нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий комплекс, включавший в себя, кроме того, целый ряд машиностроительных предприятий, производивших нефтедобывающее и нефтеперерабатывающее оборудование. Именно этот технологический базис, созданный в советское время, в конечном счёте обеспечил интенсивное развитие нефтяной индустрии в постсоветском Азербайджане.

Литература

1. Аббасов 1967 – Аббасов М. Баку в годы Великой Отечественной войны. Баку: Азернешр, 1967.
2. Ахундова 2007 – Ахундова Э. Гейдар Алиев: Личность и эпоха. Ч. II. Баку: Озан, 2007.
3. Дьяконова 1999 – Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999.
4. Иголкин 1999 – Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М.: РГГУ, 1999.
5. Иголкин 2005 – Иголкин А.А. Особенности развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) // Нефть страны Советов: Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М.: Древлехранилище, 2005.
6. История Азербайджана 1963 – История Азербайджана. Т. 3. Ч. 1. Баку: АН АзССР, 1963.
7. Капустин и др. 1995 – Капустин В.М., Кукес С.Г., Бертолусини Р.Г. Нефтяная промышленность США и бывшего СССР. М.: Химия, 1995.
8. Комаров 2003 – Комаров Д.Е. Этот дефицит может быть покрыт только за счёт России // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 46–48.
9. Мадатов 1975 – Мадатов Г. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку: Элм, 1975.
10. Мурадалиева 2005 – Мурадалиева Э.Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и история. Баку: Джафаров, 2005.
11. Мухин 2018 – Мухин М.Ю. Топливо победы. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Художественная литература, 2018.
12. Павлович 1923 – Павлович М. Мировая борьба за нефть. М.: Молодая гвардия, 1923.
13. Сеидов 1998 – Сеидов М.А. Общественно-политическая обстановка в Азербайджане в 1940-х – начале 1950-х годов: Рукопись неизданной книги. Баку, 1998.
14. Султанов 2005 – Султанов Ч. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти? Баку: Нафта-Пресс, 2005.

References

1. Abbasov, M. (1967), *Baku v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [*Baku during the Great Patriotic War*], Azerneshr, Baku, Azerbajdzhan.
2. Ahundova, E. (2007), *Gejdar Alijev: Lichnost' i epoha. Ch. 2* [*Heydar Aliyev: Personality and Epoch, Part 2*], Ozan, Baku, Azerbajdzhan.
3. D'yakonova, I.A. (1999), *Neft' i ugol' v energetike carskoj Rossii v mezhdunarodnyh sopostavleniyah* [*Oil and coal in the energy sector of tsarist Russia in international comparisons*], Rosspen, Moskva, Rossiya.
4. Igolkin, A.A. (1999), *Otechestvennaya neftyanaya promyshlennost' v 1917–1920 gg.* [*Domestic oil industry in 1917–1920*], RGGU, Moskva, Rossiya.
5. Igolkin, A.A. (2005), “Osobennosti razvitiya neftyanoy promyshlennosti SSSR v gody pervyh pyatiletok (1928–1940 gg.)” [*Features of the development of the oil industry of the USSR during the first five-year plans (1928–1940)*] in *Neft' strany Sovetov: Problemy istorii neftyanoy promyshlennosti SSSR (1917–1991 gg.)*. [*Oil of the Country of the Soviets: Problems of the History of the Oil Industry of the USSR (1917–1991)*]., Drevlekhranilishche, Moskva, Rossiya.

6. Istoriya Azerbajdzhana (1963), Istoriya Azerbajdzhana. T. 3. CH. 1. [*History of Azerbaijan. T. 3. Part 1.*], AN AzSSR, Baku, Azerbajdzhan.
7. Kapustin, V.M., et al. (1995), Neftyanaya promyshlennost' SSHA i byvshego SSSR. [*Oil industry of the USA and the former USSR*], Himiya, Moskva, Rossiya.
8. Komarov, D.E. (2003), "Etot deficit mozhet byt' pokryt tol'ko za schet Rossii" [*This deficit can only be covered by Russia*], *Voenno-istoricheskij zhurnal*, no. 5.
9. Madatov, G. (1975), Azerbajdzhan v Velikoj Otechestvennoj vojne [*Azerbaijan in the Great Patriotic War*], Elm, Baku, Azerbajdzhan.
10. Muradaliyeva, E.B. (2005), Krov' zemnaya – nef't Azerbajdzhana i istoriya [*Blood of the earth - oil of Azerbaijan and history*], Dzhaferov, Baku, Azerbajdzhan.
11. Mukhin, M. Yu. (2018), Toplivo pobedy: Azerbajdzhan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [*Fuel of victory: Azerbaijan during the Great Patriotic War*], Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
12. Pavlovich, M. (1923), Mirovaya bor'ba za nef't' [*World struggle for oil*], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
13. Seidov, M.A. (1998), Obshchestvenno-politicheskaya obstanovka v Azerbajdzhane v 1940-h – nachale 1950-h godov: Rukopis' neizdannoj knigi [*Socio-political situation in Azerbaijan in the 1940s – early 1950s: Manuscript of an unpublished book*], Baku, Azerbajdzhan.
14. Sultanov, C.H., Vystoyali li SSSR i Evropa protiv fashizma v sluchae poteri bakinskoj nef'ti? [*Would the USSR and Europe have stood against fascism in the event of the loss of Baku oil?*], Baku, Azerbajdzhan.

Информация об авторе

Исмаил А. Агакишиев, кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27
almamater412@gmail.com

Information about the author

Ismail A. Agakishiev, Cand. of Sci. (History), docent
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
bld.27, Lomonosovskii prospect, Moscow, Russia, 119192
almamater412@gmail.com

Безопасность полётов и аварийность в Магаданском управлении гражданской авиации во второй половине 60-х годов XX в.

Максим В. Третьяков

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт,
Магадан, Россия,
maximmgn@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-1381-6506

Аннотация. Предлагаемая статья является продолжением заявленной в прошлом номере темы [Третьяков 2021] и посвящена обзору и анализу аварийных ситуаций, произошедших в Магаданском управлении гражданской авиации в 1966–1969 гг. Укрупнение регионального авиаподразделения было своевременным шагом, поскольку во второй половине 1960-х гг. развитие области шло ускоренными темпами и потребность в авиаперевозках возросла. Но в реалиях более частого применения авиатехники, особенно вертолётов и самолётов на местных линиях, увеличились и нештатные ситуации. Показано, что в этот период их наибольшее число произошло с вертолётами Ми-4 (кроме аварий имела место одна катастрофа), а также с новинками авиапарка – самолётами Ан-12 (обошлось только поломками техники). Их причины в основном сводились к технической неисправности (в том числе и внезапной, либо точно не установленной), а также метеоусловиям и прямой вине экипажа. На это влияло и то, что даже новая техника была не вполне совершенной (особенно вертолёты), а также выявлявшиеся исключительно опытным путём особенности её эксплуатации в условиях Севера. Безусловно, что руководство управления расследовало каждый случай, ведя борьбу с происшествиями как сугубо инженерными, так и административными мерами, но это не всегда приносило должный результат. Несмотря на некоторую стабилизацию и предпосылки к снижению аварийности, наличие в 1969 г. двух авиакатастроф Ил-14 (в том числе при выполнении пассажирского рейса) не позволяют говорить о высоком уровне безопасности полётов в конце 1960-х гг.

Ключевые слова: авиация, Магаданская область, управление, самолёт, вертолёт, происшествие, авария, катастрофа.

Flight safety and accident rate in the Magadan Civil Aviation Administration in the second half of the 60s of the XX century

Maxim V. Tretyakov

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute,
Magadan, Russia,
maximmgn@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-1381-6506

Abstract. The proposed article is a continuation of the topic stated in the last issue and is devoted to the review and analysis of emergency situations that occurred in the Magadan Civil Aviation Administration in 1966–1969. The enlargement of the regional aviation division was a timely step, since in the second half of the 1960s. The development

of the region proceeded at an accelerated pace and the need for air transportation increased. But in the realities of more frequent use of aircraft, especially helicopters and aircraft on local routes, emergency situations have also increased. It is shown that during this period, the largest number of them occurred with Mi-4 helicopters (except for accidents, there was one accident), as well as with the novelties of the fleet - An-12 aircraft (there were only equipment breakdowns). Their reasons were mainly reduced to a technical malfunction (including sudden or not exactly established), as well as weather conditions and the direct fault of the crew. This was also influenced by the fact that even the new technology was not quite perfect (especially helicopters), as well as the peculiarities of its operation in the North that were revealed exclusively by experience. Of course, the management of the department investigated each case, fighting incidents with both purely engineering and administrative measures, but this did not always bring the desired result. Despite some stabilization and prerequisites for a decrease in the accident rate, the presence of two Il-14 aircraft crashes in 1969 (including during a passenger flight) does not allow us to speak of a high level of flight safety in the late 1960s.

Keywords: aviation, Magadan region, management, aircraft, helicopter, incident, accident, disaster

К середине 1960-х гг. Магаданская область находилась на стадии промышленного подъёма, связанного с открытием и разработкой новых месторождений полезных ископаемых, главным образом на Чукотке, где строились комбинаты и прииски. Всё увеличивающаяся потребность в услугах авиации и возросший объём работ наряду с ростом и модернизацией авиапарка предопределили укрупнение МОАГ в Магаданское управление гражданской авиации, что и произошло 15 февраля 1966 г. Начальником стал пилот 1-го класса, впоследствии Заслуженный пилот СССР Николай Иванович Крылов. Управление состояло из шести авиаотрядов – Магаданского, 2-го Магаданского, Сеймчанского, Анадырского, Шмидтовского и Чаунского, а также Билибинской отдельной авиаэскадрильи, сети аэропортов и посадочных площадок, диспетчерских пунктов, ремонтного предприятия АРМ-73 и Учебно-тренировочного отряда-23. Исходя из удельного веса в Аэрофлоте в целом, МУГА присвоили 2-ю категорию.

Активное применение авиации, рост пассажирских и грузовых перевозок, а особенно договорных работ (в основном для геологов) вёл к увеличению налёта часов на единицу техники, которая, возможно, в чём-то была ещё не полностью совершенна (особенно вертолёты), исходя из чего «кривая» аварийности пока не снижалась. Безусловно, руководство вело ежедневную работу, направленную на повышение безопасности полётов, функционировал институт общественных инспекторов, немалое место отводилось идеологической составляющей в повышении сознательности и ответственности за порученное дело, но полностью изжить авиапроисшествия в этот период не удалось.

Помимо инцидентов с собственно магаданской авиатехникой, в работе региональных авиаторов имели место нештатные ситуации и с самолётами иных управлений, расследование которых возлагалось на местных специалистов с привлечением коллег-владельцев воздушного судна. Эти немногочисленные инциденты в этот период обходились без жертв, но из них также делались выводы, немаловажные для всех участников.

28 (либо 23) января 1966 г. произошло авиационное происшествие с Ан-12 (№ 11344) (командир корабля Бочаров А.Ф.), принадлежавшим Северо-Кавказскому УГА. 5 февраля образовали комиссию под председательством старшего пилота-инспектора по безопасности полётов МОАГ Ярыгина В.М., в неё включили трёх представителей СКУ ГА. Расследование установило следующее. В 21 ч. 33 мин. при заходе на посадку в аэропорт Певек в простых метеоусловиях Ан-12 сбил мачту ближнеприводного радиомаяка, приземлившись у посадочного знака, получив две пробоины в герметичной части фюзеляжа. Причиной случая стало невыдерживание экипажем глиссады снижения и пролёта мачты ниже установленной высоты. Сопутствующим фактором явилось несоответствие фактического удаления мачты от торца ВПП указанному в инструкции реальному расстоянию, однако диспетчер контрольного пункта не предупредил об этом экипаж. Поскольку определение виновных относилось к компетенции СКУ ГА, Н.И. Крылов ограничился проведённым расследованием, подписав соответствующий приказ по его завершении²³⁵.

Очередная предпосылка к авиационному происшествию (ПАП) случилась вскоре после создания управления. 18 февраля 1966 г. в 12 ч. 35 мин. экипаж Ан-12 (№ 11355) 185-го ЛО МОАО в составе командира корабля Варламова Н.П., второго пилота Худякова В.А., штурмана Цветкова Г.А., бортмеханика Курбатова Ю.Г., бортрадиста Захарова Н.А. выполнял спецрейс Магадан – Кепервеем в нормальных метеоусловиях. При заходе на посадку командир корабля, учитывая информацию об имевшихся ранее случаях повреждений основных фар при посадке в Кепервееме, принял неправильное решение производить посадку с одной выпущенной фарой, что уменьшило освещение полосы из-за морозной дымки. Из-за неправильного выбора точки выравнивания и недостаточной яркости самолёт приземлился на неуплотнённый снежный покров в 60 м от начала концевой полосы безопасности и оборвал электропроводку датчиков юза передних колёс обеих тележек шасси, после чего сел на ВПП. Ситуация усугубилась тем, что экипаж принял меры к сокрытию случая, но местного расследования в МОАО избежать не удалось. Его итоги в источниках отсутствуют, но ясно то, что Н.И. Крылов полностью согласился с материалами, не видя необходимости созывать комиссию управления.

24 февраля 1966 г. в 12 часов произошла поломка Ан-12 (№ 11001) того же отряда под управлением командира корабля Ярыгина В.М. При посадке на ВПП аэропорта Кепервеем правая тележка шасси ударилась о тундровый кочковый бугор, разрушив её узлы. Виновными в происшествии, как не подготовившие должным образом ВПП и не следившие за её состоянием, были командир БОАЭ Зеркалов В.Г., а также ряд начальников: аэродромной службы эскадрильи Карпушин, ОНС МУГА Широков Е.А., аэропорта Кепервеем

---

235 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 138. Т. 1. Л. 88.

Флегонтов. Самолёт надлежало восстановить в самый короткий срок²³⁶, а повреждённые детали отправить в ГосНИИ ГА для установления сопутствующих причин разрушения, поскольку имелась вероятность конструкторского либо производственного дефекта. Применительно к указанным случаям стоит отметить одно обстоятельство. В начале февраля 1966 г. отмечалось, что в Кемерове снег на ВПП уплотнён недостаточно, а на боковых полосах безопасности уплотнение вообще отсутствовало, исходя из чего комиссия МГА 16 января закрыла аэропорт для самолётов с турбовинтовыми двигателями²³⁷. Существенные недостатки нашли и на иных объектах, что было неудивительно, поскольку проблемы с содержанием отдалённых аэродромов повторялись ежегодно. Чтобы вернуться к нормальной работе, Н.И. Крылов мобилизовал командование авиаотрядов и начальников аэропортов, предоставив им право привлекать к приведению полос в годное состояние работников иных служб (не только механизационной), разработав соответствующий план-график. Но вполне возможно, что, несмотря на открытие аэропорта, за прошедший месяц свои коррективы внесли погодные условия, с последствиями которых просто не успели справиться. Тем не менее это привело к двум инцидентам меньше чем за неделю, заставив руководство МУГА сделать соответствующие оргвыводы.

Очередное ЧП с Ан-12 (№ 11003) произошло по иной причине. 2 марта 1966 г. экипаж в составе командира корабля Зуева В.И., 2-го пилота Кондалова Ю.П., штурмана-инструктора Гребенникова М.П., бортмеханика Ерёмкина А.С., бортрадиста Асташенка Р.С. и штурмана-стажёра Алексева В.В. выполнял спецрейс Магадан – Певек. Вылет из Магадана состоялся в 9 ч. 27 мин., полётный вес составлял 60,4 т с центровкой в пределах допустимой, полёт проходил на высоте 8 км в простых метеоусловиях. В 11 ч. 35 мин. экипаж установил связь с Певеком, и руководитель полётов разрешил снижение до 1500 м на дальний привод. На высоте 400 м экипаж доложил о готовности к посадке, получив на неё разрешение. Допустив низкое выравнивание, самолёт ударился основными шасси о неукатанную поверхность аэродрома за 10 м до рулёжной дорожки на удалении 134 м от начала ВПП и 281 м до посадочного знака. От удара разрушился узел крепления правой установки шасси, прозвучала сирена и погасла зелёная лампочка выпущенного положения правой стойки с одновременным включением табло «выпусти шасси».

В начале пробега Зуев В.И. принял решение об уходе на второй круг, самолёт оторвался и набрал высоту 1800 м. Кружа над аэродромом, экипаж выяснял причину случившегося и через смотровой люк увидел, что правая стойка свёрнута во внешнюю сторону. Убедившись в неисправности шасси, готовились к посадке исходя из ситуации. Приземлившись и пробежав 625 м по прямой, самолёт стал крениться вправо, от чего первоначально удерживался

---

236 Ан-12 отремонтировали, но менее чем через год он снова попал в аварийные сводки, о чём пойдёт речь далее.

237 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 138. Т. 1. Л. 55.

левым тормозом и элеронами. Но при дальнейшем движении правого крена не избежал, задев лопастями четвёртого двигателя и правой консолью крыла за полосу. В конце пробега самолёт выкатился за боковую полосу безопасности и остановился в 5 м от ВПП, развернувшись на 120°. В результате происшествия разрушился узел правой установки шасси, воздушный винт четвёртого двигателя, повреждены правая консоль крыла и негерметичная часть фюзеляжа.

Основной причиной случая была ошибка в технике пилотирования у командира корабля, а сопутствующими – отсутствие радиотехнических средств посадки с $MK=166^\circ$, нечёткая работа экипажа при заходе на посадку и отказ бортового радиолокатора, что затрудняло определить состояние от самолёта до начала ВПП. Помимо административных взысканий, с Зуева В.И. удержали 1/3 оклада в частичное погашение затрат на ремонт²³⁸.

Но на этом его неприятности не закончились. 18 мая 1966 г., уже возглавляя эскадрилью таких самолётов, Зуев В.И. вместе со своим начальником, командиром 185-го ЛО Прокопенко Н.Ф. проводили тренировку экипажей, отрабатывая режимы авторотации воздушного винта с посадкой на трёх двигателях. Из-за наличия осадков (слабого ливневого снега и температуры +1°) само мероприятие уже являлось нарушением приказа МГА № 501-65 г., которым такие манёвры разрешались только при сухой и чистой полосе. Тем не менее полёты не отменили, и в очередном из них Зуев В.И. разъяснил экипажу свои действия по выключению двигателя после набора 6 км высоты. Отработав задание, бортмеханик, желая продублировать выключение третьего двигателя, ошибочно выключил четвёртый. В сложившейся ситуации командир корабля принял решение садиться на двух двигателях, выполняя заход в соответствии с РЛЭ самолётов Ан-12. Приземлившись у посадочного знака, самолёт незначительно отделился от ВПП и сел вновь, начав разворачиваться влево. Из-за мокрой ВПП торможение не дало эффекта, и, видя неизбежность выкатывания, Зуев В.И. скомандовал снять винты с упора, выключить двигатели и затормозил аварийно. Самолёт выкатился на левую обочину и остановился, увязнув в грунте необработанной части боковой полосы безопасности.

Расследование установило, что причина заключалась в ошибках командира корабля, которому происшествие стоило должности²³⁹, а также в посадке на двух двигателях на мокрую ВПП. Бортмеханика понизили, переведя на Ил-14. Для избежания подобных случаев посадки Ан-12 на двух двигателях до окончания планировки обочин в аэропорту Магадан-56 км запретили, равно как и тренировочные полёты на трёх двигателях в случае наличия мокрой ВПП. На наш взгляд, мера наказания Зуева В.И. была чрезмерной, возможно, по каким-то причинам он стал «крайним» в сложившейся ситуации, на которого удобно списали большую часть вины за совокупность просчётов.

---

238 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 138. Т. 1. Л. 175.

239 Там же. Л. 358. Приказом начальника МУГА от 21 марта 1967 г. № 88 Зуева В.И. восстановили командиром Ан-12, но выше по службе он уже не выдвигался (Там же. Д. 152. Т. 1. Л. 127).

Инциденты с Ан-12 продолжались и позже, причём в случае, о котором пойдёт речь, в составе экипажа был заместитель командира эскадрильи, общественный инспектор по безопасности полётов Мезинов В.Н. 26 января 1967 г. Ан-12 (№ 11001) (командир корабля-стажёр Ефременко, штурман Муратов, бортмеханик Ковтун, бортрадист Лопата) заходил на посадку в аэропорт Анадырь в условиях снегопада и метели, видимость 1500 м. На пробеге самолёт начал уклоняться влево к линии огней ВПП, о чём штурман предупредил экипаж. Мезинов В.Н. принял меры по выводу самолёта на центр полосы с опозданием, исходя из чего левая тележка шасси сбила фонарь огней ВПП, выйдя на обочину. В сложившейся ситуации руководитель полётов Попов дал команду о выключении двигателей, на что экипаж не среагировал, выведя самолёт на центр полосы и нормально закончив пробег. Зарулив на стоянку, бортмеханик совместно с начальником ЛЭРМ аэропорта Анадырь Тимофеевко обнаружили ряд неисправностей на левом шасси. Экипаж вместе с руководителем полётов выехали на полосу для установления места столкновения самолёта с препятствием. Дальнейший ход событий оправдать и объяснить чем-либо довольно сложно. Не обнаружив из-за метели места столкновения, Мезинов убедил экипаж, что самолёт получил повреждения из-за руления по глубокому снегу, настроив их на вылет в Магадан без составления технического акта и записи дефектов как в бортовой журнал, так и в карту-наряд ЛЭРМ. Не получив противодействия, экипаж вылетел в Магадан на неисправном самолёте, где произвёл благополучную посадку, хотя осмотр на стоянке показал наличие не обнаруженного в Анадыре повреждения заднего левого колеса левой ноги шасси, не гарантировавшей безопасности полёта. Основная вина экипажа и лично Мезинова заключалась в дезинформации об истинной причине повреждений, полученных при посадке в Анадыре, а также продолжении полёта на неисправной технике, что сразу привело к снятию Мезинова В.Н. с руководящей должности и переводу во вторые пилоты на три месяца²⁴⁰, а иных участников происшествия наказали командиры МОАО и АОАО, с чем Н.И. Крылов согласился.

3 марта 1967 г. при рулении на старт в аэропорту Магадан-56 км экипаж Ан-12 № 11379 (командир корабля Ефременко В.Н.) при опробовании взлётно-посадочного режима обнаружил, что температура выходящих газов первого двигателя достигла 500° С, одновременно послышался «хлопок», из-за чего самолёт зарулил обратно на стоянку. При осмотре в двигателе обнаружили необработанную половину заглушки, что и стало причиной случая. Расследование установило ряд ошибок авиатехников, бортмеханика и командира корабля, допущенных при подготовке к вылету, в результате чего специалисты передоверились друг другу, до конца не проверив отсутствие заглушек и полную готовность самолёта. Несмотря на то, что взлёт не состоялся и обошлось без жертв, вывод из строя двигателя из-за халатности, главным образом, бортмеханика, был серьёзным инцидентом, что и определило его

---

240 Мезинову В.Н. удалось восстановиться в прежней должности с 3.03.1977 г., а командиром Ан-12 ещё раньше – с 26.05.1967 г.

отстранение от лётной работы. В отношении авиатехников и пилота ограничили понижением в должности и выговорами²⁴¹.

Аналогичный случай произошёл 13 апреля. Ан-2 (№ 33113) БОАЭ (командир Зимовнов Б.М., второй пилот Кутузов Г.К.) готовился к полёту Билибино – Илirianей и обратно. Перед взлётом экипаж самолёт не осмотрел, хотя во время стоянки авиатехник установил подушку в тоннель маслорадиатора, не предупредив об этом пилотов. Наблюдавший за взлётом диспетчер Макеев увидел наличие подушки, о чём сообщил на пункт, который дал команду на возврат самолёта. Через шесть минут он благополучно приземлился в Билибино. Расследование установило вину пилотов, не осмотревших самолёт перед вылетом, за что на них наложили административные взыскания.

В очередном инциденте тяжёлых последствий удалось избежать благодаря своевременным действиям экипажа. 19 апреля Ан-12 (№ 11378) (командир корабля Коротичкий Н.Ф.) выполнял рейс Магадан – Певек. В 19 ч. 06 мин. экипаж запросил диспетчера об условиях посадки и метеоусловиях в районе пункта назначения. По погоде посадка разрешалась только с МК=166° и установлением связи с диспетчером подхода. Но в 19 ч. 30 мин. дежуривший старший диспетчер передал на борт ложную метеосводку, разрешив посадку с МК=346°, что экипаж и выполнил. На пробеге командир корабля определил, что самолёт может выкатиться за пределы ВПП, и применил аварийное торможение. Ан-12 остановился в 30 м от конца полосы с вышедшими из строя всеми четырьмя покрышками основных тележек шасси. Расследование установило, что с 18 до 20 ч. (время посадки – 19 ч. 41 мин.) погода не соответствовала МК=346°, и за передачу ложных сведений, случайно не закончившуюся серьёзным происшествием, старшего диспетчера уволили из Аэрофлота.

Но нештатные ситуации происходили и с иными воздушными судами. 11 января 1966 г. при посадке в Анадыре (аэропорт Угольные Копи) Ан-2 150-го лётного отряда (ЛО) Анадырского ОАО приземлился в 10 м до полосы, столкнулся с фонарём, повредив переднюю кромку плоскости, сломав правую лыжу, и лопнул также задний подкос правой стойки шасси. В частичное покрытие расходов на ремонт с командира самолёта взыскали 1/3 оклада согласно ст. 83 КЗоТ²⁴² и отстранили от полётов на три месяца.

21 февраля 1966 г. экипаж Ан-2 (№ 79943) Чаунского ОАО под управлением командира Бабожанова В.А. и второго пилота Каргина В.В. выполнял спецрейс Певек – Бараниха. Впереди с интервалом 5-6 мин. по этому же маршруту летел Ан-2 (№ 55603) (командир Обухов). При подлёте к Баранихе видимость ухудшилась, и диспетчер дал команду экипажам производить заход на посадку по схеме. Чтобы избежать столкновения, Бабожанов попросил Обухова увеличить скорость, а сам, напротив, её уменьшил. Готовясь к третьему развороту, Бабожанов посчитал, что интервал между самолётами ещё мал, и выполнил

241 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 152. Т. 1. Л. 149.

242 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 152. Т. 1. Л. 210.

его с запозданием, что привело к выходу самолёта из четвёртого разворота на удалении 14-15 км от ВПП. Экипаж не установил на высотомерах давление аэропорта (732 мм), приступив к снижению по стандартному давлению, что оказалось преждевременным. В условиях снегопада произошла потеря вертикальной видимости, из-за чего не определили, что самолёт находился на недопустимо малой высоте. Продолжая снижение, Ан-2 неожиданно для экипажа столкнулся со склоном горы на высоте 50 м выше уровня аэродрома (высотомер показывал 330 м), зарывшись лыжами в мягкий снег и стал капотировать, разрушая воздушный винт. Левая лыжа оторвалась, самолёт лёг на левую плоскость и разрушил её. Продвинувшись около 112 м, Ан-2 перевернулся, ударился правой полукоробкой о снег, помял консоли, затем перевалился на левую плоскость, сломал её и упал на «спину», повредив хвостовое оперение, т. е. восстановлению не подлежал. Экипаж получил незначительные ушибы. Причиной аварии стало снижение самолёта по стандартному давлению при отсутствии вертикальной видимости. Помимо наложенных взысканий, руководство МУГА приняло ряд упреждающих мер. В контрольную карту проверок перед посадкой внесли пункт «установить давление аэродрома», командирам Ан-2 и Ми-4 в случае утраты вертикальной видимости при заходе на посадку предписывалось немедленно прекращать снижение, набирать безопасную высоту и возвращаться на аэродром вылета, либо запасной, выпуск Ан-2 и Ми-4 по одному маршруту с интервалом менее 10 минут был запрещён²⁴³.

17 апреля 1966 г. Ан-2 (№ 01250) Сеймчанского ОАО под управлением командира самолёта Нерадовского Н.С., второго пилота Нефедова Г.В. выполнял спецрейс по заказу 121-й экспедиции, перевоза груз на посадочную площадку Голубая Долина в 90 км от аэропорта Сеймчан. На борту находилось два пассажира и 850 кг груза, взлёт состоялся в 2 ч. 45 мин. при ясной погоде. В 3 ч. 28 мин. командир пролетел над посадочной площадкой места назначения для определения направления ветра, после чего установил курс посадки. На посадочной прямой он видел, что самолёт снижается в направлении препятствия (груз и другой самолёт, который разгружали), но никаких мер не принял, наметив точку приземления в 200 м от препятствия, что было ошибочным решением. На пробеге, видя, что самолёт до препятствия не остановится, Нерадовский Н.С. незначительно отвернул влево, но избежать столкновения с бочками, залитыми бензином Б-95, не удалось. При ударе самолёт получил ряд поломок, что можно считать относительно благополучным завершением инцидента. Поскольку в случившемся была очевидна вина экипажа, командира перевели во вторые пилоты на один год, а на его коллегу наложили административное взыскание с удержанием с них частичных расходов за ремонт²⁴⁴.

В иной аварийной ситуации причиной стала неисправность техники, а действия экипажа и технического состава были верными. 27 июля 1966

243 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 138. Т. 1. Л. 184–186.

244 Там же. Л. 312.

г. в 6 ч. 15 мин. местного времени Ан-2 (№ 35474) СОАО под управлением командира самолёта Людовского Ю. М., второго пилота Осипова Е.П., штурмана-съёмщика Плющ В.П. и бортоператора Бабурина Х.Ш. вылетели на съёмочные работы в районе п-ова Тайгонос. В 6 ч. 40 мин. приступили к работе на высоте 450–650 м от уровня моря. Пролетев от начала маршрута 22 км, экипаж начал набор высоты для преодоления трёх сопков высотой 500 и 580 м. При подходе ко второй сопке внезапно начались перебои в работе двигателя. Командир отвернул вправо от съёмочного маршрута, начав снижение по распадку. Принимаемыми мерами восстановить работу двигателя не удалось. В сложившейся ситуации Людовский Ю.М. приказал всем уйти в хвост, а сам приступил к посадке с режима парашютирования, выключив зажигание, аккумуляторы и перекрыв бензокран. Посадка производилась на левый берег правого притока р. Айнаваям с попутным ветром до 5 м/сек. В процессе пробега самолёт получил существенные разрушения. Люди остались невредимы и были эвакуированы в аэропорт Гижига вертолётном Ми-4 спустя 4 часа после аварии. Комиссия установила, что экипаж нарушений не допустил, и имел достаточно топлива для нормального продолжения полёта. Претензий к техническому обслуживанию самолёта и ведению документации не было. При запуске двигателя после происшествия каких-либо отклонений не выявили. Тем не менее пришли к выводу, что возможной причиной его отказа в полёте стало заедание иглы поплавкового механизма карбюратора, который направили в ГосНИИ ГА для исследования²⁴⁵.

Иногда инциденты происходили по причине недосмотра либо халатности со стороны отдельных сотрудников. 1 июня 1966 г. Ил-14 под управлением командира корабля Сорокина Р.А. и второго пилота Лукина Е.С. выполнял рейс 29 «ц» Магадан – Анадырь. В пути произошла задержка и ночёвка в аэропорту Гижиги по метеоусловиям. 2 июня после взлёта экипаж обнаружил, что на борт ошибочно выдан портфель со штурманскими картами с другого самолёта, из-за чего пришлось совершить возврат, совершив вынужденную посадку. Случай классифицировали как ПАП, объявив экипажу и диспетчеру аэропорта Гижига взыскания, причём более строго наказали второго пилота²⁴⁶, поскольку проверка наличия карт перед вылетом входила в его прямые обязанности.

Вполне возможно, что в 1966 г. в управлении произошло больше нештатных ситуаций, чем указано в документах. Это следует из того, что руководство отрядов сообщало в управление своевременно не обо всех случаях. В июне 1966 г. в БОАЭ произошло повреждение лопастей несущего винта Ми-4 и хвостовой установки Ан-2, 23 декабря при техобслуживании повредили Ил-18 (№ 75817) Московского управления, причём об этом стало известно только после получения радиограммы из

---

245 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 139. Т. 2. Л. 72.

246 Там же. Л. 7.

Министерства гражданской авиации. Случай потери ориентировки Ан-2 СОАО, произошедший 8 декабря, доложили лишь 23 числа, предоставив первичные материалы²⁴⁷. Исходя из этого видно, что в работе управления имелось множество разнообразных проблем, нечёткое взаимодействие, а порой и недобросовестное отношение сотрудников к своим обязанностям. С этим велась борьба, но всё же полной нормализации обстановки ещё добиться не удалось.

1967 г. начался с катастрофы вертолёт Ми-4 (№ 38280) АОАО. 6 января в 14 ч. 01 мин. Ми-4 вылетел²⁴⁸ из пос. Лорино в аэропорт Лаврентия по санитарному заданию, имея на борту 7 пассажиров, в том числе одного ребёнка. В пути, опасаясь попадания в низкую облачность над морем, пилот без разрешения диспетчерской службы Лаврентия и в нарушение § 327 НПП ГА-66 г. изменил курс полёта по трассе и, не набрав безопасной высоты, принял ошибочное решение по обходу опасного метеоявления в сторону более сложных метеоусловий и наибольших препятствий – сопки свыше 600 м. Продолжая полёт в отсутствии видимости ниже безопасной высоты, вертолёт ударился о склон горы, потерпев катастрофу. Спасшиеся пассажиры в показаниях отмечали, что после резкого удара вертолёт в кабине возник пожар, из-за чего погибли ребёнок и ещё 2 человека, а остальные получили ожоги и телесные повреждения. Выживших 7 января доставили в посёлки Лорино и Лаврентия для оказания помощи. Вертолёт и страховой мешок с ценностями сгорели, также был причинён материальный ущерб пассажирам. В судебном заседании установили вину пилота, приговорённого к пяти годам условно с испытательным сроком три года и взысканием в пользу отряда пяти тысяч рублей в возмещение ущерба.

Ряд инцидентов произошёл при выполнении договорных работ, главным образом, для геологов. 22 апреля 1967 г. Ми-4 под управлением командира вертолёт Горшкова Н.В., второго пилота Новикова Н.Г., бортмеханика Григорьева А.В. и проверяющего, начальника МУГА Крылова Н.И.²⁴⁹ выполнял спецрейс Магадан – район Талона в радиусе 50 км – Магадан. Облетев верховья рек Карамкен и Ойра, экипаж произвёл посадку на лёд толщиной 70-80 см устья р. Челомджа. После посадки геологи два с половиной часа осматривали скалистые отложения. Из-за столь длительной стоянки под правым колесом просел лёд, и вертолёт накренился на правый борт под углом 40°. Лопасти несущего винта легли на лёд, предотвратив дальнейшее проваливание. Принятыми мерами вертолёт подняли на берег и привели в рабочее состояние. Видимо, наличие в экипаже начальника управления предотвратило административный «разбор полётов» и поиск виновных. Ограничились лишь принятием мер для недопущения

---

247 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 152. Т. 1. Л. 11.

248 Там же. Л. 246. Мы не приводим фамилию пилота по этическим соображениям.

249 Крылов Н.И. как начальник управления был действующим пилотом 1-го класса и имел право проверки лётного состава на вертолётах, а также допуск к полётам командиром Ил-18.

впредь подобных случаев – посадки на лёд допускались как исключение и только при кратковременной стоянке²⁵⁰.

Но происходили и более серьёзные ситуации. 23 июня 1967 г. Ми-4 (№ 36579) под управлением командира Пимошенко, второго пилота Кулешова и бортмеханика Карпачёва выполнял десантно-съёмочные полёты из залива Креста по отметкам 621-1104-1115-944 и обратно в интересах 183-й экспедиции. Подбор второй площадки осуществлялся без расчёта полётного веса, из-за чего вертолёт не завис и, скатываясь по склону горы, коснулся камней хвостовой опорой и винтом, разрушив концы лопастей на 10-15 см. Выполнив повторный заход на 400-500 м ниже отмеченного уровня, экипаж сделал зависание, сбросив репер и продукты, после чего продолжил полёт на иные точки.

Первоначальное расследование проводилось командиром эскадрильи Смирновым К.В., но руководство МУГА его выводы не устроили, и начальник управления сформировал новую комиссию для более детального изучения обстоятельств. Изучение барограммы показало, что площадки детально не просматривались, к тому же экипаж не рассчитал полётный вес перед посадкой. После ПАП пилоты продолжили выполнение задания на неисправном вертолёте, повторяя уже сделанное нарушение. Командира сняли с лётной работы на полгода, второму пилоту объявили строгий выговор, у обоих вычли 1/3 оклада в счёт частичного возмещения ущерба. Кроме взысканий, разработали меры по недопущению подобных случаев, а именно: все вертолёты укомплектовали ракетами и ракетницами, без которых в полёт не выпускали, приняли зачёты по умению пользоваться номограммами для определения полётного веса, повторно изучили требования к подбору посадочных площадок с воздуха, а также затронули ряд иных вопросов, направленных на повышение безопасности полётов.

Но это полностью не исправило ситуацию – случаи повторялись. 30 июня экипаж Ми-4 № 02295 в составе командира вертолёта Митрофанова М.У., второго пилота Филиппова Е.В. и бортмеханика Рябинина вылетел из Амгуэмы в круговой полёт с целью определения нижней кромки облаков и горизонтальной видимости. При заходе на посадку экипаж допустил подход с низко опущенным хвостом, зацепив за землю хвостовой опорой и винтом, что привело к его разрушению. Поскольку более серьёзных последствий удалось избежать, всё ограничилось административным взысканием с удержанием трети оклада с командира вертолёта в счёт ремонта²⁵¹. 17 июля Ми-4 (№ 19244) СОАО, управляемый командиром Хамчишкиным В.С., вторым пилотом Столбецовым В.К. и бортмехаником Мациевским Г.Б. выполнял полёт по обслуживанию 261-й экспедиции на удалении 245 км от аэропорта Охотск ДВТУ. Дозаправившись в Омолоне, экипаж вылетел в район горы 2495, приземлившись на точке высотой 1600 м над уровнем моря. Погрузив

---

250 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 152. Т. 1. Л. 219.

251 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 153. Т. 2. Л. 70-71.

две бочки бензина, экипаж взлетел, но при наборе высоты двигатель отказал полностью. Командир перевёл вертолёт в режим авторотации и, передав управление коллеге, попытался его запустить, но неудачно, после чего вновь перешёл к активному пилотированию. На высоте 1250 м над уровнем моря вертолёт задел хвостовыми опорой и винтом за склон горы, пролетел 105 м и столкнулся с землёй, потерпел аварию и полностью разрушился. Члены экипажа получили лёгкие ушибы. Расследование выяснило, что причиной отказа двигателя стала заправка некачественного бензина вместе с водой. Виновниками аварии в различной степени были бортмеханик, снятый с лётной работы с изъятием свидетельства, второй пилот (объявили строгий выговор), а также командир, которого на год перевели «на землю». Поскольку случай вскрыл ряд недостатков работы в Сеймчанском ОАО в целом, взыскания также наложили на всё руководство от командира эскадрильи до отряда²⁵².

17 августа 1967 г. Ми-4 (№ 02294) под управлением командира вертолёта Пелипко В.Д., второго пилота Тимофеева В.П., бортмеханика Андреева Ф.Ф. в 0 ч. 30 мин. вылетел по маршруту Рассоха – Нельгю – Медвежий – Марс – Рассоха. Подлетев в 2 ч. 05 мин. к пункту «Марс», имея на борту трёх человек и 150 кг груза, экипаж сделал два контрольных круга с целью осмотра места посадки и определения направления ветра, после чего принял неправильное решение о приземлении на непригодную площадку в залесенной местности. Снижаясь над вершинами деревьев, на недопустимо малую высоту, вертолёт задел хвостовым винтом за вершину дерева, от чего разрушился. Продолжая манёвр, Ми-4 накренился вправо с последующим вращением влево. Вертолёт ударился о землю, упал на левый борт и потерпел полумку. Поскольку сам факт посадки в такой местности уже был нарушением руководящих документов, основная вина лежала на командире вертолёта. Учитывая безупречную после первого инцидента работу, о чём говорилось выше, Картушинский Т.М. счёл возможным ограничиться его переводом во вторые пилоты с удержанием трети оклада. Помимо членов экипажа, взыскание также наложили на и. о. командира эскадрильи.

Как мы уже отмечали, с вертолётами Ми-4 в 1960-х гг. инциденты происходили довольно часто и по различным причинам – отказ техники, ошибка экипажа либо нарушение правил производства полётов, а также непредвиденные обстоятельства (как в случае с долговременной стоянкой на льду). Очередная поломка произошла 15 октября, когда Ми-4 (№ 38288) под управлением командира вертолёта Кузьмина В.А., второго пилота Козеля В.М. и бортмеханика Исаенко В.А. выполнял спецрейс по переброске оборудования и продуктов из Тахтаюмска на отметку 423. Прогноз погоды предусматривал облачность и снег с дождём. Получив разрешение на вылет, вертолёт перелетел на Иретскую косу, где взял 670 кг груза и трёх пассажиров, после чего продолжил полёт. Подлетая к месту назначения, экипаж увидел, что из-за сильного ветра и низовой метели посадочная площадка не просматри-

---

252 Там же. Л. 89.

вается. Приняв решение на возврат, экипаж продолжил полёт со стороны подветренного склона сопки и попал в нисходящий поток, не справившись с техникой пилотирования. В этой ситуации лопасти винта столкнулись с вершинами деревьев и отрубили их, вертолёт упал в кустарники на правый борт. Экипаж и пассажиры остались невредимы. Причиной поломки явился полёт вдоль подветренного склона горы и запоздалые действия командира по увеличению мощности двигателя, за что ему объявили выговор и удержали треть оклада.²⁵³ Поскольку вертолёт подлежал ремонту, 2 ноября его вывезли с места аварии в Тахтаюмск на внешней подвеске другого вертолёта под управлением Майорова В.И. и Зимникова А. В., которых поощрили ценными подарками.²⁵⁴

Помимо вертолётов, ряд инцидентов (и довольно часто) происходил с самолётами Ан-2, на которых выполнялся основной объём перевозок по местным линиям. Как и в случае иных нештатных ситуаций, их причины были различны, и некоторые случаи мы рассмотрим подробнее. 24 июля 1967 г. произошла поломка Ан-2 (№ 35369) 2-го МОАО под управлением командира самолёта Семичева О.Н. и второго пилота Томурко В.Н. В 4 ч. 55 мин. самолёт прибыл в Таватум для посадки пассажиров, следующих в Северо-Эвенск. На борт поднялись 16 человек (из них шесть детей), также загрузили примерно 100 кг багажа. Число пассажиров превышало наличие посадочных мест (10), поэтому часть людей стояло в проходе, а сидевшие не были пристёгнуты ремнями. Экипаж допустил неоправданную поспешность, не проконтролировав размещение людей и груза в салоне и не проверив готовность самолёта к взлёту. По сведениям пилотов, взлёт состоялся в 4 ч. 58 мин., то есть спустя всего три минуты. После отрыва на высоте 4-5 м отказал двигатель. Попытки его запустить не принесли результата, и экипаж принял решение о посадке прямо перед собой. На пробеге самолёт выкатился за пределы ВПП, ударился правой нижней плоскостью о стоявший за полосой безопасности вездеход, развернулся на 90° и остановился, повредив также винт и шасси. Экипаж и пассажиры остались невредимыми. Созданная комиссия начала расследование случая, определив основную версию. Из-за столь быстрой стоянки и бесконтрольности посадки экипаж взлетал «с тормозов», т. е. вывел двигатель на взлётный режим и отпустил тормоза. В этом случае самолёт очень резко начал движение, из-за чего стоявшие в проходе пассажиры могли переместиться в хвост, превысив заднюю центровку сверх допустимого. Поскольку запущенный в процессе расследования двигатель работал без перебоев и в полном соответствии с техническими требованиями, для полного выяснения причин карбюратор направили на исследование в ГосНИИ ГА. Экипаж сняли с лётной работы на год.

Иной случай был более серьёзным, начавшись с обычного полёта по рыбной разведке. 11 августа экипаж командира Изегова прибыл на базу после

---

253 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 153. Т. 2. Л. 242.

254 Там же. Л. 237.

продолжительной работы в Усть-Омчуге и получил задание вылететь на разведку рыбы в районе Охотска. Понимая сложность полёта, командир 258-го лётного отряда Сотниченко К.С. настаивал на переносе вылета на следующий день для проведения более полной подготовки, поскольку командир эскадрильи Волобуев Н.И. ограничился лишь обсуждением поставленной задачи. Но руководитель 2-го МОАО Конорезов Н.А. с переносом вылета не согласился и выпустил экипаж в полёт. Непосредственно перед вылетом в экипаж включили штурмана-стажёра Марченко И.Г., который изначально в плане полётов не был и, соответственно, к этому рейсу не готовился. Дальнейший ход событий, установленных уже впоследствии, фактически предопределил происшествие. 12 и 14 августа полёты выполнялись без штурмана, а между ними, 13 августа, прервав работу, экипаж прилетел на площадку Огонёк, не предусмотренную заданием на полёт, откуда перевёз в аэропорт Югорёнок трёх неоформленных пассажиров, подделав документы с целью сокрытия полёта. 14 августа спустя 2 ч. 10 мин. полёта Изегов принял решение о посадке на случайно встретившуюся галечную косу, на пробеге самолёт начал зарываться шасси в сыпучий грунт с тенденцией к капотированию. Для его предотвращения Изегов с опозданием решил уйти на второй круг, прибавив мощности двигателю, что лишь усугубило ситуацию – самолёт опрокинулся на «спину». От резкого торможения повредились масло-бензопровода в капоте двигателя и возник пожар, потушенный силами экипажа. Выдвинутую пилотами версию о пожаре самолёта в воздухе, из-за чего он и произвёл посадку, комиссия МУГА²⁵⁵ опровергла исходя из объективных свидетельств и конструктивных особенностей Ан-2, при которых лента крепления маслобака могла оборваться только от резкого торможения либо капотирования. В итоге командиру вертолёта объявили выговор и с обоих пилотов удержали 1/3 оклада. Тем не менее произошедший случай свидетельствовал о ненормальной ситуации с безопасностью полётов и подготовкой к выполнению заданий во 2-м МОАО, что вынудило аппарат МУГА провести в отряде проверку. Изданный по её итогам приказ, помимо перечисления случаев, объективно констатировал отсутствие надлежащей подготовки к полётам, из-за чего на руководящий состав наложили ряд взысканий²⁵⁶.

Конец десятилетия выдался для магаданской авиации трагичным. 10 июля 1969 г. из-за пожара на борту разбился Ил-14 МОАО²⁵⁷. Спустя полтора месяца, 1 сентября, в районе аэропорта Залив Креста потерпел катастрофу Ил-14 АОАО, погибло 22 человека – пять членов экипажа, 17 пас-

---

255 Руководство управления сочло первоначальное расследование силами 2-го МОАО поверхностным и не установившим все причины происшествия.

256 ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 153. Т. 2. Л. 112.

257 Упомянутый нами ранее интернет-ресурс AirDisaster приводит подробное описание обеих катастроф, но без ссылки на источник. В документах ГАМО нам обнаружить такие сведения не удалось, скорее всего они попросту отсутствуют.

сажиров, из них трое детей²⁵⁸. Разбирательство на уровне обкома КПСС выявило ещё 38 предпосылок к авиапроисшествиям, допущенных в отряде в первом полугодии. Принятое по итогам проверки 9 сентября постановление «Об авиационной катастрофе в Анадырском объединённом авиаотряде» подытожило удручающие факты. Вина за все упущения возлагалась на командование АОАО и аэропорта, а косвенно – и на руководство управления, ослабившего контроль за работой подчинённых по обеспечению безопасности полётов, поскольку причиной большинства случаев являлась недисциплинированность, нарушение инструкций и выполнение обязанностей в нетрезвом виде²⁵⁹, за что всему руководству управления объявили партийные взыскания²⁶⁰.

***

В 1960-х гг. шло активное промышленное развитие Магаданской области, что затронуло все сферы, в том числе и региональный воздушный транспорт. Как авиагруппа, так и образованное в начале 1966 г. управление, оказывали большую помощь народному хозяйству в перевозках грузов, выполнении договорных работ для геологических предприятий, а также оленеводов, и этот вид работ местными властями контролировался отдельно. В целом можно сказать, что получаемая новая авиатехника (особенно вертолёты – Ми-1 и Ми-4) имели недостатки, в том числе и непредвиденные, которые выявлялись опытным путём. Во многом на то, что с вертолётными случалось наибольшее количество происшествий, также влиял фактор специфики их применения на Севере, поскольку они выпускались без учёта климатических условий, поступаая в управления страны по разрядке МГА. Эксплуатация поступивших в конце 1960-х гг. Ил-14 (взамен выведенных из парка северо-восточной авиации Ли-2) также не была безаварийной. Тем не менее стоит сказать, что руководство МУГА вело постоянную работу по повышению безопасности полётов, лётный состав совершенствовал технику пилотирования, инженерный персонал изучал технические особенности самолётов и вертолётов.

Вместе с тем имеющиеся на сегодняшний день архивные источники позволяют признать, что ряд нештатных ситуаций произошёл из-за прямых либо косвенных нарушений инструкций, которые во многом не диктовались крайней необходимостью выполнения полёта либо непреодолимым обстоятельством. Как в транспортной авиации, так и в ПАНХ, от руководства управления требовали усилить борьбу с причинами нештатных ситуаций, что наряду с повышением надёжности авиатехники и средств самолётовождения

---

258 ГАМО. Ф. П-612. Оп. 8. Д. 114. Л. 23.

259 ГАМО. Ф. П-21. Оп. 7. Д. 11. Л. 127.

260 Там же. Д. 12. Л. 63.

в последующий период всё же привело к снижению аварийности, практически исключив случаи с человеческими жертвами. Безусловно, нельзя не согласиться с высказанным в конце 2000-х гг. мнением специалистов-экспертов, участников Некоммерческого партнёрства «Безопасность полётов», что «каждое новое поколение реактивных самолётов безопаснее предыдущего. Сейчас потеря одного воздушного судна в мировой коммерческой авиации приходится больше чем на миллион вылетов». Но главная мысль – далее: «В перспективе нужно стремиться к такому положению, когда даже одно авиационное происшествие – слишком много!» [Аралов 2008, с. 44].

Литература

1. Аралов 2008 – Аралов Г. Даже одно происшествие – это много // Гражданская авиация. 2008. № 5. С. 42–45.
2. Третьяков 2021 – Третьяков М.В. Состояние безопасности и аварийность в Магаданской отдельной авиагруппе гражданской авиации в 1958–1965 гг. // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 258–273.

References

1. Aralov, G. (2008), *Dazhe odno proisshestvie – e'to mnogo* [Even one incident is a lot], *Grazhdanskaya aviatsiya*, no. 5, pp. 42–45
2. Tretyakov, M.V. (2021), *Sostoyanie bezopasnosti i avarijnost' v Magadanskoj otdel'noj aviagruppe grazhdanskoj aviacii v 1958–1965 gg.* [The state of safety and accidents in the Magadan separate aviation Group of civil Aviation in 1958–1965], *Istoricheskie zapiski*, no. 20 (138), pp. 258–273.

Информация об авторе

Максим В. Третьяков, кандидат исторических наук
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской Академии наук,
Магадан, Россия
685000, Россия, Магадан, Портовая ул., 16,
maximmgn@mail.ru

Information about the author

Maxim V. Tretyakov, Cand. of Sci. (History)
North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Magadan, Russia
bld. 16, Portovaya Street, Magadan, Russia, 685000,
maximmgn@mail.ru

История постсоветской России: общество и власть

Седьмой Съезд народных депутатов России 1992 г.: законодательная власть против исполнительной

Фатима В. Малхозова

Институт российской истории Российской академии наук,

Москва, Россия,

fa-m@yandex.ru,

ORCID ID 0000-0002-8207-5414

Аннотация. 1992 г. стал первым годом независимой Российской Федерации, которая обрела свою государственность на обломках Советского Союза. Политическая система России была заложена в период её пребывания в составе СССР и прописана в Конституции РСФСР 1978 г., в которую вносились постоянные правки, соответствующие меняющемуся состоянию общества и государства. Согласно изменениям, внесённым в Конституцию РСФСР в 1989 г., высшим органом государственной власти в стране стал Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР. Председателем Верховного Совета, а следовательно, и руководителем Съезда был избран Б.Н. Ельцин, который вместе с депутатским корпусом принял Декларацию о государственном суверенитете России и вёл «войну законов» с союзным центром. В июне 1991 г. Б.Н. Ельцин был избран президентом России, после чего в результате острой борьбы главой Верховного Совета был избран его первый заместитель Р.А. Хасбулатов. В 1992 г. начался новый этап в истории России, она перестала быть союзной республикой в составе «советской империи» и превратилась в Российскую Федерацию. Б. Ельцин глава исполнительной власти, Р. Хасбулатов – глава представительной. Президент, Съезд народных депутатов являлись новыми органами власти, которые включили в советскую Конституцию РСФСР 1978 г., не предусматривающую не только парламент, но и разделение властей. Несмотря на это, Верховный Совет постсоветского периода называл себя парламентом.

Первым «полем битвы» двух ветвей власти за ведущую роль в системе государственных органов стал седьмой Съезд народных депутатов России. Формально в основе противостояния лежала программа экономических реформ, практически – реализовалась в борьбе за разные проекты Конституции, которые должны были определить политическую систему России как парламентской или президентской республики.

Ключевые слова: Съезд народных депутатов, Верховный Совет, Б. Ельцин, Р. Хасбулатов, Е. Гайдар, В. Черномырдин, 1990-е, «шоковая терапия», экономические реформы, конституционная реформа, парламент, парламентаризм.

The Seventh Congress of People's Deputies of Russia in 1992: Legislative vs.

Fatima V. Malkhozova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
fa-m@yandex.ru,
ORCID ID 0000-0002-8207-5414

Abstract. 1992 was the first year of the independent Russian Federation, which found its statehood on the wreckage of the Soviet Union. Russia's political system emerged when it was part of the Soviet Union and was enshrined in the 1978 Constitution of the RSFSR, which was constantly amended. In 1989, the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR became the highest body of state power in the country. B. N. Yeltsin was elected the first chairman of the Supreme Soviet. N. Yeltsin, who, together with the deputy corps, adopted the Declaration of State Sovereignty of Russia and waged a "war of laws" with the union center.

In 1992, the Russian Federation emerged. B. Yeltsin is president, R. Khasbulatov is the head of the representative power. The Constitution of the RSFSR of 1978, did not provide not only for the parliament, but also for the separation of powers. Despite this, the Supreme Soviet of the post-Soviet period called itself a parliament.

The first "battlefield" of the two branches of power was the Seventh Congress of People's Deputies. Formally it was a struggle for a program of economic reforms, practically it was a struggle for different drafts of the Constitution, which was to make Russia a parliamentary or presidential republic.

Keywords: Congress of People's Deputies, Supreme Soviet, B. Yeltsin, R. Khasbulatov, E. Gaidar, V. Chernomyrdin, 1990s, "shock therapy," economic reforms, constitutional reforms, parliament, parliamentarism

Съезды народных депутатов играли важную роль не только в политической, но и общественной жизни страны. Согласно изменениям, внесённым в Конституцию РСФСР в 1989 г., высшим органом государственной власти в стране стал Съезд народных депутатов РСФСР, между созывами Съездов из числа народных депутатов избирался Верховный Совет РСФСР. Особенностью данных советских органов являлось то, что они обладали не только законодательными, но и контролирующими и распорядительными полномочиями. Председателем Верховного Совета был избран Б.Н. Ельцин, который вместе с депутатским корпусом принял Декларацию о государственном суверенитете России и инициировал «войну законов» с союзным центром. В июне 1991 г. Б.Н. Ельцин был избран первым президентом России, а его бывший заместитель Р. Хасбулатов, которого пресса называла «верный Руслан», подчёркивая его преданность Ельцину, в результате острой борьбы занял пост председателя Верховного Совета.

В 1992 г. начался новый этап в истории России, она перестала быть союзной республикой в составе «советской империи» и превратилась в Российскую Федерацию. Б. Ельцин стал главой государства и исполнительной

власти, Р. Хасбулатов – главой представительной власти. Должность президента, Съезд народных депутатов являлись институтами власти, которые включили в советскую Конституцию РСФСР 1978 г., не предусматривающую не только парламент, но и разделение властей. Несмотря на это, Верховный Совет девяностых годов называл себя парламентом.

Россия не только обновила систему власти, но и перестала быть социалистической. В 1992 г. начались радикальные реформы, которые должны были перевести народное хозяйство России на рельсы рыночной экономики. План радикальных экономических реформ на 1992 г. включал либерализацию цен, переход к жёсткой финансовой и кредитной политике, приватизацию, изменение во внешнеэкономической и валютной политике. Реформы начались при максимально неблагоприятной обстановке, обусловленной распадом СССР, разрывом хозяйственных связей, миграцией населения из бывших союзных республик, выводом войск из-за рубежа с их последующим сокращением и резким снижением социальной поддержки населения.

Принятые меры оказали позитивное влияние на российскую экономику. В значительной степени удалось решить проблему товарного дефицита и наполнить рынок. Предприятия стали работать по-настоящему самостоятельно, без госзаказов, фондов, разнарядок. Началось движение к рынку потребителя [Ясин 1993, с.130]. Вместе с тем в результате широкой либерализации цен в течение 1992 года уровень потребительских цен на товары народного потребления в октябре превысил уровень цен к началу 1992 г. в 16,5 раза, в то время как рост заработной платы рабочих и служащих увеличился только в 7,7 раза²⁶¹.

Первый год радикальных экономических реформ вызвал значительное падение уровня жизни и уровня социальной защищённости большинства населения. Напряжение в обществе нарастало, уже весной 1992 г. экономисты и политики заговорили о необходимости коррекции реформ. Главным объектом критики стал автор «шоковой терапии» Е.Т. Гайдар, удаление которого из правительства стало главной целью «консервативной» части Съезда народных депутатов России. Здесь необходимо сделать оговорку о том, что в статье употребляется терминология того времени, когда «реформаторами» называли сторонников реформ Гайдара, «консерваторами» – противников «шоковой терапии». Хотя это достаточно спорное определение, учитывая, что противники Гайдара не были против реформ в принципе, но они были против программы «шоковой терапии». Как бы там ни было, в новых условиях большая часть депутатского корпуса предпочла дистанцироваться от тяжёлых последствий реформ и объявила себя главным оппонентом правительства. Отношения между Ельциным и Хасбулатовым осложнились. Верховный Совет отверг все призывы президента отменить или хотя бы отложить Съезд до весны следующего года.

Полномочный представитель правительства в Верховном Совете и член Совета по предпринимательству при Президенте РФ Е.Г. Ясин рассуждал на

---

261 Госкомстат России. ГАРФ. Ф.10026. Оп.1 Д.903. Л.125.

страницах «Независимой газеты, что правительство Гайдара приняло немало удачных мер, и потомки когда-нибудь оценят это. «Я далеко не во всём согласен с этими ребятами. Но когда они взялись за эту чёрную, неблагодарную работу, я не мог не поддержать их, хорошо зная, что вскоре на них обрушатся потоки брани за операцию, конечную необходимость которой порой просто невозможно объяснить людям, от неё страдающим»²⁶².

Социальные последствия реформ, приведших миллионы россиян к черте бедности, испугали многих реформаторов «первого призыва» [Эпоха Ельцина 2011, с. 239]. Среди соратников президента одним из первых сигналы тревоги стал подавать советник Президента РФ по политическим вопросам С. Станкевич. В октябре 1992 г. в преддверии седьмого внеочередного Съезда народных депутатов С. Станкевич написал письмо Б.Н. Ельцину «О необходимости стратегического поворота в осуществлении российских реформ». Он подверг резкой критике результаты первого года реформ в России, негативное воздействие которых, по его мнению, было многократно усилено тремя обстоятельствами:

– экономические и политические изменения происходили одновременно и были спрессованы в несколько месяцев;

– они происходили без какой-либо психологической компенсации и идейно-политической мобилизации (в других республиках стимулируется рост национализма, в России был необходим разумный державный патриотизм);

– государственная система не только не реагировала адекватно на многочисленные вызовы, но была поражена прогрессирующим параличом из-за непрерывной конфронтации между представительной и исполнительной властями на всех уровнях при фатальной беспомощности судебной власти²⁶³.

Станкевич писал: «Анализ развития экономической и социально-политической ситуации приводит к однозначному заключению о том, что назрел и остро необходим стратегический поворот в осуществлении российских реформ. Большинство даже реформистски настроенных россиян решительно против продолжения реформ в нынешнем виде, настаивают на немедленном внесении существенных корректив»²⁶⁴.

Внеочередной Съезд народных депутатов РФ, назначенный на декабрь, по мнению советника президента, был абсолютно неизбежен, а расчёты на его откладывание являлись следствием неточной оценки расстановки сил в депутатском корпусе. Станкевич предупреждал, что главная борьба на предстоящем Съезде развернётся вокруг Гайдара, и осторожно советовал президенту дистанцироваться или даже избавиться от непопулярного правительства. «Постановка на Съезде вопроса о недоверии главе правительства неизбежна. (*подчеркнуто С.*) Как известно, Верховный Совет уже признал

262 Ясин Е. Кризис, реформы, демократия // Независимая газета. 4 декабря 1992. С. 1

263 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 87.

264 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 89.

работу правительства «неудовлетворительной». [...]В то же время крайне опасно и пагубно (*подчёркнуто С.*) намертво связать имя и престиж президента с данным или каким-то другим правительством. В ходе столь сложных реформ состав правительства обязательно должен периодически обновляться, сохраняя некоторую преемственность. Но главный гарант преемственности и самой возможности проведения реформ – глава государства»²⁶⁵.

Чтобы обеспечить продолжение реформ на необходимую глубокую перспективу, Станкевич предлагал «осуществить опережающий стратегический поворот (по классу типа “нэповского”). Ленин в своё время пошёл на нэповский поворот, чтобы сократить опасный разрыв между властью и обществом, получить поддержку ведущей социальной силы и выиграть время для продолжения своей линии. Сейчас необходим аналогичный манёвр, только линия пойдёт в обратную сторону»²⁶⁶. Суть поворота: упорядоченные, спокойные, человекоберегающие реформы на основе широкого согласия основных общественных сил. Активная индустриальная и аграрная политика с целью раскрепощения производителя, полное использование нового федерализма (самостоятельность республик и регионов), гарантированный минимум социальной защищённости.

Среди возможных мер, которые мог бы принять президент:

– Делегирование дополнительных полномочий российским регионам и разделение с ними ответственности за реформы.

– Создание в регионах постоянно действующих хозяйственных совещаний (при главах администраций) с привлечением промышленников и аграрников к сотрудничеству,

– Создание на конституционной основе Совета Федерации – из представителей всех субъектов Федеративного договора. «Пусть 1-2 раза в год обсуждают, как выполняется договор».

О стратегическом повороте и связанных с ним действиях Станкевич предлагал президенту объявить на седьмом Съезде. Выступлению должна была предшествовать частичная перегруппировка в правительстве и интенсивные консультации по отдельности с двумя коалициями – «Гражданский союз» и «Демократический выбор», а также с парламентскими фракциями, прежде всего – с «Промышленным союзом» и «Аграрным союзом». Выступление президента могло бы состояться до Съезда на Верховном Совете, так как, по мнению Станкевича, «он более предсказуем»²⁶⁷. Итогом могла бы стать прочная связка: обновлённое правительство – относительно устойчивое большинство в Верховном Совете. «За Верховный Совет можно побороться», – настаивал Станкевич²⁶⁸. Этого пока никто всерьёз не делал.

---

265 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 90.

266 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 91.

267 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 93.

268 ГАРФ. 10026. Оп. 4. Д. 3273. Л. 93.

Над выработкой стратегии взаимоотношений с Верховным Советом работали и другие аналитические группы. Такие экспертные группы начали работать сразу после избрания Ельцина президентом. Уже в июне 1991 г. после победы Ельцина на президентских выборах заместитель председателя Высшего консультативно-координационного совета Президиума Верховного Совета РСФСР (ВККС) Г.Э. Бурбулис обратился к Управляющему делами Совета Министров РСФСР А.И. Третьякову с просьбой организовать с 20 июня по 15 августа 1991 г. выезд на одну из дач или домов отдыха Совета Министров РСФСР небольшой группы экспертов ВККС во главе с А.А. Собяниным и членов их семей для работы над анализом деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР с момента подготовки первого Съезда и вплоть до выборов Президента РСФСР, а также для анализа и обобщения результатов первых президентских выборов²⁶⁹. Группа экспертов под руководством А.А. Собянина продолжила свою работу и в последующем.

В преддверии седьмого Съезда народных депутатов России, 10 октября 1992 г. А. Собянин представил «Предложения по подготовке реформаторского крыла российского депутатского корпуса к VII Съезду»²⁷⁰. Для поддержания курса правительства перед реформаторской частью депутатского корпуса на VII Съезде ставились следующие принципиальные задачи²⁷¹:

- Отстоять курс на реформы.
- Добиться решения Съезда о частной собственности на землю.
- Не допустить формальной ротации на Съезде состава Верховного Совета РФ, так как это привело бы к выбыванию из числа членов ВС РФ преимущественно депутатов-реформистов.
- Не допустить изъятия у Президента его полномочий по формированию структур федеральных органов исполнительной власти.
- Отменить мораторий на выборы глав администраций.
- Рассмотреть вопрос о Председателе ВС РФ и сфере его полномочий.

Реформаторы будут иметь шансы на успех на Съезде только в том случае, отмечал Собянин, если они сломают сценарий Съезда, навязываемый «право-левой» «оппозицией». Для этого нужно сделать центральным вопросом Съезда вопрос о референдуме по земле²⁷².

Анализ поимённых голосований на V сессии ВС РФ, проведённый экспертами, свидетельствовал о существенном укреплении сил, оппозиционных правительству и президенту, и о дальнейшем ослаблении реформаторского крыла корпуса народных депутатов – членов Верховного Совета

---

269 ГАРФ. 10026. Оп.1. Д.843. Л.149.

270 ГАРФ. 10026. Оп.1. Д.843. Л.154.

271 Там же.

272 Там же.

РФ²⁷³. Если по итогам VI Съезда и предыдущей IV сессии ВС правительство и президент могли рассчитывать на поддержку по крайней мере 33% состава Верховного Совета, то теперь их количество сократилось до 20%.

Самое неприятное для исполнительной власти заключалось в том, что в лагерь оппозиции перешли такие депутаты, которые были и могли бы продолжать быть самой надёжной опорой реформам, если бы получали, по мнению аналитиков, «самое минимальное внимание к себе со стороны президента и и. о. главы правительства».

Главная опасность VII Съезда, по мнению аналитиков, состояла не в попытке свержения «реформаторских» правительства и президента России, исполнительная власть имела ресурсы постоять за себя. Главная опасность заключалась в «тихой» аппаратной ротации состава Верховного Совета РФ с «вымыванием» из него реформаторов, последующих неизбежных действиях президента по досрочному роспуску такого состава депутатского корпуса и, в конечном счёте, в компрометации «всерьёз и надолго» – самой идеи представительной власти в России²⁷⁴.

Эксперты предлагали противопоставить аппаратной ротации Верховного Совета «гражданскую переаттестацию» состава Верховного Совета, т. е. ротацию с учётом мнения избирателей или, иными словами, формирование состава Верховного Совета РФ из числа народных депутатов РФ, поддерживающих программы тех или иных политических блоков и фракций, пропорционально числу голосов, поданных избирателями за программы этих блоков и фракций в ходе специального опроса граждан, организуемого Центральной Избирательной комиссией РФ.

В случае (почти неизбежном) отказа Съезда принять требование о гражданской переаттестации состава ВС РФ вынести это требование на общероссийский референдум, присоединив соответствующий вопрос к вопросу референдума о частной собственности на землю голосами 350-ти депутатов непосредственно на VII Съезде.

Аналитики писали о том, что действия спикера и значительной части депутатов подорвали престиж депутатского корпуса в глазах избирателей. В случае их дальнейшего противодействия реформ, их престиж окончательно упадёт, а президент «будет вынужден – и притом получит для этого все моральные основания – непосредственно обратиться к народу с требованием о досрочном роспуске враждебного реформам парламента и установления на неопределённый срок (возможно, до конца срока президентских полномочий) режима административного управления»²⁷⁵.

Возможно, на Ельцина также влияли такие прогнозы, более того, вероятно, идея о досрочном роспуске «враждебного реформам парламента» и введения

---

273 ГАРФ. 10026. Оп.1. Д.843. Л.156.

274 Там же. Л.161.

275 ГАРФ. 10026. Оп. 1. Д. 843. Л. 161.

прямого управления стала для него более привлекательна, о чём свидетельствуют дальнейшие действия президента на Съезде. Перед открытием Съезда с большим шумом прошли друг за другом Конгресс интеллигенции и второй Форум сторонников реформ, на которых выступал президент. Его самые жёсткие заявления встречали восторженными аплодисментами. «Любые проявления нашей слабости, выходящие за рамки компромисса, опасны и вредны. Умиrotворение агрессора – худшая политика», – вторил ему Гайдар [Шейнис 2005, с. 125].

Несмотря на попытки президента отсрочить Съезд, он неумолимо приближался. Трижды в Верховном Совете ставилось на голосование предложение перенести Съезд на март-апрель 1993 г., и трижды оно было отвергнуто. К этому времени разрыв между Председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым и демократами стал полным. 3 сентября «Коалиция реформ» и группа «Реформа» провели пресс-конференцию, участники которой объявили, что выходят на «тропу войны», то есть начинают борьбу за переизбрание Хасбулатова и с этой целью готовы блокироваться со своими оппонентами [Шейнис 2005, с. 124].

По мнению депутатов, противников Хасбулатова, спикер присвоил себе полномочия, которые выходили за рамки Конституции. Он пытался построить в Верховном Совете иерархическую систему, возвышающую приближённых к нему сотрудников аппарата над депутатами, которые в свою очередь ограничивались в своих правах. Отношения с президентом осложнялись с каждым днём. Провал агрессивного сценария шестого Съезда нанёс престижу председателя Верховного Совета колоссальный урон и обернулся для него длительной изоляцией со стороны президента. Ельцин позже напишет о спикере: «У него всегда по одному и тому же вопросу было заготовлено несколько мнений. [...] И только теперь я понимаю, он специально втягивал меня в эти изнурительные, изматывающие отношения. Это была его главная идея: угрожая противостоянием, заставить отступать, уступать, отрезать самому себе хвост по кусочкам. И привести к взрыву» [Ельцин 1994, с. 286–287].

На протяжении многих месяцев общение Б. Ельцина и Р. Хасбулатова сводилось к протокольным рукопожатиям и редкому соседству в президиумах на торжественных мероприятиях²⁷⁶. «Когда я был председателем (Верховного Совета), он советовался со мной по каждому вопросу, в большую политику не лез. За время нашей совместной работы я хорошо изучил его натуру. [...] Внешне это выглядело как обыкновенная беседа двух деловых людей. Но внутреннее напряжение было высоко. Каждый хотел быть лидером», – вспоминал Ельцин [Ельцин 1994, с. 286].

И только накануне VII Съезда Хасбулатову удалось добиться нескольких персональных аудиенций в Кремле. Нетрудно предположить, что в ходе этих коротких встреч Хасбулатов стремился убедить Ельцина, что только он, председатель Верховного Совета, способен стать надёжным посредником на любых переговорах президента с парламентом. Этим можно объяснить

---

276 Пархоменко С. Баргер как средство достижения политического компромисса // Независимая газета. 26 ноября 1992. С.1

и тот факт, что на прямые контакты парламентских фракций, блоков, комитетов и отдельных депутатов с Ельциным Председатель Верховного Совета неизменно реагировал с нескрываемым ревнивым раздражением: «Прекратите бегать по каждому поводу в Кремль и на Старую площадь!».

Р. Хасбулатов мог быть уверен в своём положении, если бы ему удалось доказать президенту, что он надёжно контролирует законодательный процесс и может гарантировать выполнение достигнутых договорённостей. Только в этом случае Хасбулатов мог бы начинать торг о конкретных условиях политического бартера. Но политические итоги работы Верховного Совета не давали ему таких козырей.

Накануне седьмого Съезда народных депутатов президент Б. Ельцин и председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов подписали распоряжения о компенсационных выплатах народным депутатам Верховного Совета и работникам аппарата, а также работникам подразделений администрации президента в размере 2,5 тыс. рублей в месяц с 1 декабря 1992 г. по март 1993 г. (постановление помечено «не для печати») ²⁷⁷. Обе стороны подготовились к Съезду.

Депутатские фракции накануне Съезда

К началу седьмого Съезда в корпусе народных депутатов насчитывалось 14 политических депутатских фракций. Семь – или ровно половина – из них входили в состав двух широких межфракционных объединений: «Парламентскую коалицию реформ» (ПКР), объединяющую основную часть депутатов фракций «Радикальные демократы», «Демократическая Россия», «Согласие ради прогресса» и значительное число депутатов из других фракций ²⁷⁸.

Остальные семь фракций не были объединены в устойчивые, постоянно функционирующие коалиции. В ходе VI Съезда три фракции из этих семи («Смена», «Рабочий союз» и «Промышленный Союз») объявили о создании блока «Созидательные Силы», но блок активно себя не проявил, как не проявило себя совместной деятельностью и другое заявленное межфракционное формирование – «Демократический Центр», попытавшееся объединить остальные четыре фракции.

Фракции были малочисленны, от 49 до 67 депутатов и едва выдерживали требования регламента о минимальной численности фракций в 50 человек. Лишь фракция «Аграрный Союз» выделялась своей многочисленностью – 130 депутатов, превосходя другие фракции в три раза. Всего во фракциях было объединено 829 депутатов, или около 80% состава депутатского корпуса, и только 211 депутатов (чуть более 20% общего количества) не входили ни в одну из фракций ²⁷⁹.

---

277 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1. Д. 1570. Л. 20-21.

278 ГАРФ.10026. Оп. 3. Д. 104. Л. 74.

279 ГАРФ.10026. Оп.3. Д.104. Л.74.

При этом следует отметить, что представительство фракций в Верховном Совете было отнюдь не пропорционально их полной численности. Так, фракции, входящие в «Парламентскую коалицию реформ», были представлены в Верховном Совете примерно пятой частью своего полного состава. То же относилось к фракциям блока «Российское Единство». Напротив, все «центристские фракции» (за исключением «Промышленного Союза») делегировали в Верховный Совет от трети до половины (!) общего числа своих членов.

Принадлежность депутата к фракции часто не определяла его политическую позицию. Специфика действующего состава Съезда состояла в том, что депутат не нес никакой ответственности за непосещение заседаний фракции или неподдержку им решений, принятых большинством фракции. Избранные не по партийным спискам, а на индивидуальной основе, российские депутаты были «суверенны» и при принятии тех или иных решений считали себя ответственными даже не перед избирателями (которые фактически не могли их отозвать), а, в лучшем случае, лишь перед своей совестью. К тому же программные документы и установки многих фракций зачастую были весьма неопределёнными, иногда мало чем отличались друг от друга и не всегда соответствовали реальным действиям лидеров фракций. Поэтому неудивительно, что вплоть до VII Съезда некоторые депутаты позволяли себе входить в две и даже три фракции. И только на VII Съезде институт двойного и тройного членства депутатов во фракциях был, наконец-то, ликвидирован. При этом следует отметить, что не по инициативе самих входящих в несколько фракций депутатов, а с помощью чисто административных мер. В сложившихся обстоятельствах единственным надёжным инструментом для определения подлинных политических позиций отдельных депутатов и анализа реальных политических составов любых депутатских формирований являлся анализ их поимённых голосований.

Съезд

1 декабря 1991 г. открылся седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Вступительное слово произнёс Председатель ВС Р.И. Хасбулатов, который отметил, что «Съезд собрался в условиях меняющейся динамики общественного сознания. Мы не можем не видеть настроения крайней тревоги, беспокойства за судьбы реформ, нарастания элементов безразличия и безысходности»²⁸⁰. Спикер заверил, что Съезд оправдает свою роль высшего органа представительной власти, если не позволит затянуть себя в тупик политических интриг и пропагандистских выпадов и на деле станет инструментом консолидации политических сил в обществе.

Согласно регламенту, депутаты избрали рабочие органы и приступили к обсуждению повестки дня. С самого начала обсуждения повестки стенограмма заседания одобрена комментариями «шум в зале» и репликами

---

280 Седьмой Съезд народных депутатов РФ. Бюллетень №1. 1 декабря 1992. М.: Издание Верховного Совета РФ, 1992. С. 3.

Хасбулатова «Прошу не нервничать!»²⁸¹. Съезд принял за основу проект, предложенный Верховным Советом, но добавил пункты о председателе Совета Министров, положении в Вооружённых Силах России и состоянии законности и борьбы с преступностью.

Повестка, принятая седьмым Съездом народных депутатов в первый день своей работы 1 декабря 1992 г., включала следующие вопросы.

1. О ходе экономической реформы РФ.
2. О проекте закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Российской Федерации».
3. О Председателе Совета Министров Российской Федерации.
4. Информация о работе над проектом новой Конституции РФ.
5. Об обновлении (ротации) части состава Верховного Совета РФ. Избрание заместителя Председателя Верховного Совета РФ.
6. Избрание судей Конституционного Суда РФ.
7. О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией.
8. О положении в Вооружённых Силах и военной политике.
9. О Законе Российской Федерации «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации»²⁸².

Уже при обсуждении повестки стало ясно, что центральным вопросом станет экономическая политика, а главным обвиняемым правительство Е. Гайдара. Депутатские фракции, президент, спикер, члены правительства приготовились к жёсткой схватке. В центре борьбы – ход и последствия радикальных экономических реформ. Противостояние в Большом Кремлёвском дворце, транслировавшееся телевидением на всю страну, грозило вылиться на улицы и стать неуправляемым.

Президент решил выступить первым, рассчитывая преломить настроения депутатов. В день открытия Съезда истекли дополнительные полномочия, предоставленные президенту пятым Съездом народных депутатов. В своей борьбе против Верховного Совета Президент решил опереться на Съезд. Парадоксальность ситуации состояла в том, что он пытался взять в союзники Съезд, который по проекту его новой Конституции подлежал упразднению. Но логика Ельцина была понятна, он решил противопоставить Верховному Совету во главе с Хасбулатовым тысячный форум народных депутатов, которыми председатель Верховного Совета не мог легко манипулировать. Выступление Ельцина оказалось холостым выстрелом, склонить депутатов на свою сторону не удалось.

Настроению депутатов больше соответствовал доклад председателя Верховного Совета, который в конце первого дня Съезда выступил с обзором положения в экономике и других областях российской жизни. Ситу-

---

281 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т.1. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 9.

282 Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. 1–14 декабря 1992. М.: «Известия», 1992. С. 6

ация, представленная Хасбулатовым, была апокалиптической, а политика правительства – «безнравственной». Основные проблемы – это спад производства, грозящий его остановкой; полный крах инвестиционной политики; падение жилищного строительства – до уровня 1951 года. Объективных причин для такого объёмного падения производства нет, следовательно, преобладают факторы субъективного порядка. Другая острая проблема – это абсолютное ухудшение качества жизни, обнищание людей. Проводится откровенно конфискационный вариант экономической политики.

Хасбулатов предложил кабинету определиться: либо принять парламентскую парадигму «социально-ориентированного рынка» и переменить курс, либо открыто заявить о своей приверженности «неоклассическому либерализму», и тогда... Но логического слова «отставка» спикер не произнёс. Выступление Хасбулатов закончил под «бурные, продолжительные аплодисменты»²⁸³.

На следующий день с резкой критикой Хасбулатова на Съезде выступил Е. Гайдар. Противоборство властей вылилось в состязание ораторов-экономистов. Напомнив собравшимся, в каких стартовых условиях начало действовать нынешнее правительство, Гайдар обрушился на Хасбулатова и его «альтернативы»: либо «скандинавская», социально-ориентированная экономика, либо «американская после рузвельтовского периода» классическая либеральная рыночные модели. По мнению Гайдара, выбор такой альтернативы не являлся главной задачей текущего периода, выбирать подходящую модель общество, возможно, было бы готово через 3–5 лет. И в свою очередь усомнился в «социальной» ориентированности Верховного Совета: «Утверждается бюджет на 1992 г. Верховный Совет вносит в него 1 триллион 300 млн рублей. Это социально-ориентированный рынок?»²⁸⁴. Это популизм, ведущий к хронической бедности и застойной, слабой развитости. И далее: «Остатки пенсионного фонда переданы коммерческим структурам... Это социально ориентированный рынок?»²⁸⁵.

Речь Гайдара произвела на депутатов сильное впечатление. Несмотря на то, что даже вечный оппонент Гайдара, экономический эксперт «Гражданского союза» И. Дискин назвал доклад Гайдара «блестящим», преломить настроение депутатов премьеру не удалось. Съездовское большинство не желало вникать в логику Гайдара и, как позже напишет депутат В.Л. Шейнис, рукоплескало обличительным выпадам, «какой бы несправедливый и даже разнузданный характер они ни носили. Развернулся – и продолжался пять дней – шабаш» [Шейнис 2003, с. 121]. «Излишне умный для большинства депутатов Е. Гайдар также продолжает нервировать и провоцирует

---

283 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т.1. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 93

284 Гайдар возвращает Хасбулатова с небес на землю и берёт всю ответственность за ход реформ на своё правительство//Независимая газета. 3 декабря 1992. С. 1.

285 Там же.

таких обиженных на судьбу людей, как А. Тулеев, на откровенное враньё с трибуны, в которое более половины депутатов охотно верит», – писали «Аргументы и факты»²⁸⁶.

Дискуссия по экономической реформе имела два важных последствия. Во-первых, она укрепила позиции Хасбулатова как главы Верховного Совета. Спикер сделал то, что не удавалось ни президенту, ни демократам, он сформировал большинство [Шейнис 2003, с. 124]. Но произошло это на антиправительственной и антипрезидентской платформе путём объединения агрессивной оппозиции из «Российского единства» и фракций центра при координации Р. Хасбулатова.

Поздно вечером 2 декабря после заседания Р. Хасбулатов собрал руководителей парламентов республик РФ и глав администраций. По словам председателя Верховного Совета Татарстана Ф. Мухаметшина, целью совещания являлось подведение предварительных итогов Съезда и постановка задач «по организованному проведению его в дальнейшем»²⁸⁷. В интервью журналистам Мухаметшин заявил, что Хасбулатов положительно оценил итоги двух дней, сказав, что Съезд начал набирать темп и работать более эффективно. На вопрос корреспондента, как главы парламентов и администраций могут воздействовать на депутатов, председатель ВС Татарстана ответил, что «многие из них могут поработать с депутатами, разъясняя позицию и задачи Съезда»²⁸⁸. Участники совещания планировали дальнейшую совместную работу, подобные «летучки» становились важным инструментом влияния председателя ВС РФ на депутатов.

Оппоненты обвиняли Хасбулатова в стремлении сменить состав правительства, ввести туда «своих» людей и проводить свою программу. Но какая бы это была программа, неизвестно, в недрах Съезда существовало несколько программ. Хотел ли Хасбулатов брать на себя ответственность за реформы? Одно дело контролировать и критиковать министров за провалы, и совсем другое – проводить тяжелейшие и при любом раскладе непопулярные экономические реформы. Спикер ничем не рисковал, он получал власть назначать министров через послушных депутатов, в случае провала программы правительства ответственность ложилась на самих членов правительства. Верховный Совет оставался органом, который всё контролирует, но ни за что не отвечает, этим он и раздражал исполнительную власть.

Тем временем в Царицыной палате Большого Кремлёвского дворца заседала редакционная комиссия, которая пыталась написать проект постановления о ходе реформы. Найти компромисс между различными точками зрения на итоги и перспективы гайдаровского курса народным избранникам

---

286 Если бы я был... // Аргументы и факты. 1992. № 48. С.1

287 Ликбез для российских депутатов // Независимая газета. 4 декабря 1992. С.3.

288 Ликбез для российских депутатов // Независимая газета. 4 декабря 1992. С.3.

было непросто. Результатом работы комиссии стало постановление Съезда «О ходе экономической реформы в Российской Федерации».

В основе постановления, принятого Съездом, лежали программы, разработанные разными политическими силами. На исходе первого года реформ, которые обострили многочисленные проблемы и противоречия, появление программ, предлагающих иные решения, корректировку реформ, позволяющих снизить экономическую и социальную цену, было естественным. Наиболее известными были программы Гражданского союза, Высшего Экономического Совета, института экономики РАН и др.

На седьмой Съезд Правительство представило «Программу неотложных мер по оздоровлению экономической ситуации», где ни цель, ни средства её достижения специально не оговаривались, поэтому применительно к экономической программе Правительства их можно считать неизменившимися.

Наиболее заметная альтернативная экономическая программа, подготовленная накануне седьмого Съезда – «Программа антикризисного регулирования» – была разработана политическим блоком «Гражданский Союз». Программа союза, в которой были сфокусированы основные установки «умеренной» правительственной оппозиции, также в общем виде предусматривала создание и гарантирование «достойных условий существования для населения, повышение эффективности экономики и формирования цивилизованного рыночного хозяйства»²⁸⁹. Каких-либо принципиальных различий в выборе цели и средств её достижения («формирование рыночного хозяйства», исходя из логики программы, являлось именно средством) в программах Правительства и «Гражданского Союза» не было.

Таким образом, как правительственная, так и оппозиционные ей экономические программы ставили единую цель – экономическое и социальное развитие России. Более того, как правительственная программа, так и программа «Гражданского Союза» и других программ исходили из того, что путь к осуществлению поставленной цели лежит через создание основ рыночной экономики. То есть определённая близость наблюдалась и в подходе к средствам достижения результата. И поэтому было бы ошибкой рассматривать программу «Гражданского Союза» как альтернативную в полном смысле слова – не случайно она разрабатывалась на платформе конструктивной оппозиции²⁹⁰.

Но хотя сами по себе общие декларативные формулировки «создание эффективной рыночной экономики» (Правительству) и «формирование цивилизованного рыночного хозяйства» («Гражданский Союз») были достаточно близки друг другу, за ними в конкретном плане стояли значительные различия. И именно в тактике осуществления реформ экономические программы Правительства и «Гражданского Союза» – представлявшие собой два доминирующих взгляда на проведение экономической реформы

---

289 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1. Д. 233. Л.2.

290 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1. Д. 233. Л.3.

в России, с которыми фактически сторонники и оппоненты Правительства вышли на седьмой Съезд народных депутатов, – можно считать альтернативными.

Различия заключались в определении и формулировании конкретных путей перехода к рыночной экономике, выборе приоритетов на различных его этапах. Правительство ещё в своей «Программе углубления экономических реформ» в качестве «главного приоритета экономической политики» на первом этапе перехода к рынку выбрало «либерализацию и финансовую стабилизацию», допустив при этом возможность некоторого спада производства, но лишь как временную меру. Правительство не стало ставить себя перед дилеммой: или рост производства (хотя бы сохранение его на прежнем уровне), или финансовая стабилизация, которая должна была проявить себя в достижении минимальной дефицитности госбюджета и в сокращении инфляции. Предполагалось в 1992–1993г. добиться одновременно устойчивой сбалансированности госбюджета (дефицит – не более 3% ВВП), снижения уже к середине 1993 г. темпов инфляции до 3% в месяц и прекращения спада производства с последующей его стабилизацией. Итоги же развития экономических реформ оказались иными. К концу года стало очевидно, что спад производства составит 18–20% (что и подтвердилось), причём за последние четыре месяца он не только не замедлился, но даже ускорился; инфляция, ни разу не упав ниже 10% в месяц, выросла настолько, что перспектива гиперинфляции стала вполне реальной; дефицит федерального бюджета вырос ещё больше²⁹¹.

Однако при анализе итогов проводимой политики в новой, антикризисной программе вывод Правительства был отнюдь не пессимистический. В его программе акцент был сделан не на продолжающемся с марта по сентябрь абсолютном спаде промышленного производства, а лишь на сокращении темпов этого спада в сентябре. Что касается баланса бюджетной системы, то и здесь при характеристике экономической ситуации в правительственной программе упор был сделан на то, что в отдельные периоды (январь апрель, сентябрь) Правительству удавалось достичь положительного сальдо, хотя, по признанию самого же Правительства, в целом за 9 месяцев 1992 г. суммарный дефицит составил 6,7% ВВП.

Такая не критическая оценка правительством текущей экономической ситуации вызвала, в свою очередь, наибольшую его критику со стороны всех оппонентов. Ими подчёркивалось, что основная идея Правительства – проведение жёсткой дефляционной политики, направленной на достижение бездефицитного госбюджета, при стабилизации производства – не была реализована. И именно этот факт, по мнению оппонентов Правительства, должен был явиться мерилем всей проводимой экономической политики.

Оценивая экономическую ситуацию в стране, а следовательно, и деятельность правительства Е. Гайдара, программа «Гражданского Союза» констатировала, что «макроэкономическая стабилизация не была достиг-

---

291 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 233. Л. 3.

нута»; что же касается причины «ускорившегося спада производства», то её «следует искать, прежде всего, в бюджетных ограничениях и налоговом бремени»²⁹².

В своей оценке экономической ситуации в стране VII Съезд поддержал идею конструктивной оппозиции по поводу необходимости «безотлагательного принятия и реализации антикризисных мер». Выводы, сделанные в программе «Гражданского Союза» относительно связи финансовой политики, проводимой Правительством Е. Гайдара, и спадом производства, так же как и общая оценка экономической ситуации в стране, практически полностью вошли в постановление Съезда народных депутатов РФ «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». В нём при анализе создавшейся экономической ситуации было зафиксировано, что проводимая правительством налоговая и кредитная политика делает невыгодным производство продукции»²⁹³, и именно это явилось причиной резкого спада производства.

Обращаясь к проблеме ценообразования, Съезд отметил, что резкий рост цен был вызван именно отсутствием механизма его сдерживания. Грубые диспропорции, допущенные в ценообразовании, отмечалось в постановлении, отразились как на уровне жизни населения, снизив его реальные доходы, так и на положении предприятий, вызвав нехватку у них наличных денежных средств и взаимные неплатежи»²⁹⁴.

Решение Съезда относительно «усиления роли государства в процессе преобразований», закреплённое в Постановлении «О ходе экономической реформы в Российской Федерации», стало одним из самых принципиальных. Этим решением была фактически повторена фундаментальная «поправка» оппозиции, с которой она выходила на Съезд, критикуя правительство.

Программа «Гражданского Союза», например, призвала «незамедлительно отказаться от губительной идеи, что... рыночная экономика строит и настраивает себя сама»²⁹⁵. И вообще экономическая политика, подчёркивалось в программе, должна «опираться на активную роль государства»²⁹⁶. Именно это положение и было зафиксировано в Постановлении Съезда «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». В числе важнейших условий углубления экономической реформы Съезд отметил необходимость «придания реформе социальной направленности», решения коренных социальных проблем населения. Съезд не удовлетворился

---

292 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1. Д. 233. Л.4.

293 Постановление Съезда народных депутатов РФ «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» // Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. М.: «Известия», С. 17.

294 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

295 Там же.

296 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

значительным расширением социальных мероприятий, предложенных Правительством в его новой программе, по сравнению с той, что была представлена в октябре 1992 г. («Программа углубления экономических реформ»). Основной причиной этого явилось то, что Правительство Е. Гайдара, выдвигая комплекс мероприятий по социальной поддержке населения, предлагало её лишь нетрудоспособной части населения, при этом правительство исходило из того, что в целом имеет место «постепенная адаптация населения к новым условиям»²⁹⁷.

Призывы «повернуть реформу лицом к народу» выдвигались оппозицией на протяжении практически всего периода деятельности правительства. Однако по большей части каких-либо конструктивных предложений представлено не было. Особенно здесь отличалась так называемая «непримиримая оппозиция», в программных документах которой проблема ставилась в плоскость: «или продолжение экономической реформы – или жизнь народа».

В своей программе «Гражданскому Союзу» удалось в определенной степени представить конструктивные предложения по совершенствованию социальной политики. Однако авторы программы не решились просчитать, насколько бюджет способен выдержать дополнительную нагрузку от проведения социальных мероприятий. И хотя подобные расчёты были сделаны в правительственной программе, Съезд всё-таки в большой степени руководствовался положением «Гражданского Союза», представлявшего конструктивную оппозицию, а именно тем, что необходимо перейти от политики поддержки наименее обеспеченных слоёв населения к созданию системы социальных гарантий для всего населения. Съезд поручил Верховному Совету и Правительству РФ «установить критерии минимального уровня жизни населения... и обеспечить их реализацию в разрабатываемых законопроектах»²⁹⁸.

В постановлении Съезда была зафиксирована необходимость принятия мер по предотвращению массовой безработицы и социальной защите высвобождаемых работников. Постановление не конкретизировало, принятие каких мер наиболее целесообразно, хотя вполне возможно, Съезд учёл блок конкретных предложений правительства, изложенных в его программе (раздел «социальная политика»).

Отдельным пунктом в постановлении была выделена проблема развития агропромышленного комплекса. Предложения, содержащиеся как в правительственной программе, так и в программе «Гражданского Союза», касающиеся перехода от фронтальной поддержки всех хозяйств на селективную – прежде всего высокотоварных хозяйств, – приняты Съездом не были. Съезд высказался в пользу развития процессов акционирования и приватизации государственных и муниципальных предприятий, подчеркнув при этом

---

297 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 233. Л.

298 Постановление Съезда народных депутатов РФ «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» // Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. М.: «Известия», С. 18.

необходимость «предусмотреть в соответствующих законодательных актах приоритет трудовых коллективов» этих предприятий²⁹⁹.

Одним из острейших вопросов на Съезде, получившим большой общественный и политический резонанс, стал вопрос о введении института частной собственности на землю. Инициатором обсуждения этой проблемы стали правительство и движение «Демократическая Россия», которые добивались принятия на Съезде поправки к Конституции, утверждающей неограниченную частную собственность на землю. Съезд принял соответствующую поправку, хотя и не в полном объёме, как того требовали «демократы» и правительство.

Особое место в Постановлении Съезда о ходе экономической реформы занимала проблема регулирования валютного курса рубля. Съезд высказался против существующей политики установления курса рубля на основе валютных аукционов, видя в этом «искусственное обесценение национального богатства»³⁰⁰, чем полностью поддержал предложение «Гражданского Союза» об установлении Центральным банком России «реалистического, значительно более высокого курса рубля для импортно-экспортных операций»³⁰¹. Вместе с тем в Постановлении предусматривалось запретить использование иностранной валюты как денежной единицы на территории Российской Федерации, что не предлагалось ни «Гражданским Союзом», ни правительством.

Съезд поручил Верховному Совету РФ «установить систему парламентского контроля» за предоставлением помощи иностранным государствам и, что представляется более важным, за получением Россией иностранных кредитов. Тем самым Съезд удовлетворил требования правительственной оппозиции о введении контроля за деятельностью правительства в вопросе получения новых иностранных кредитов. Съезд признал необходимым также рассмотреть вопрос о создании государственной системы контроля, что также было вызвано не в последнюю очередь требованием правительственной оппозиции.

Съезд подтвердил решение Верховного Совета РФ о признании деятельности Правительства РФ по реализации экономической реформы неудовлетворительной. Те положительные перемены в экономике страны, о которых говорили в своих выступлениях президент и и. о. премьер-министра, Съезд не счёл существенными для того, чтобы повлиять на уже данную накануне оценку. Более того, в представлении Съезда «проводимая Правительством Российской Федерации экономическая реформа, формы и методы её реализации не соответствуют интересам большинства граждан

---

299 Постановление Съезда народных депутатов РФ «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» // Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. М.: «Известия», С. 19.

300 Там же. С. 20.

301 ГАРФ. Ф.10026. Оп.1. Д. 233. Л. 9

Российской Федерации и привели к отрицательным социально-экономическим последствиям»³⁰².

Седьмой Съезд народных депутатов формально собрался для обсуждения экономического положения в стране. Но данное многолюдное собрание не могло решить конкретные и сложные вопросы законодательного обеспечения экономической политики. Неслучайно постановление об экономической реформе представляло собой малосодержательный текст, основной задачей которого являлась демонстративная критика правительства и мало выполнимые в реальных условиях поручения.

Съезд против правительства

Основная задача, которую Хасбулатов поставил перед седьмым Съездом народных депутатов, состояла в принятии новых поправок в Конституцию, согласно которым правительство оказывалось подчинённым Съезду, потом Верховному Совету и лишь потом президенту. К концу первого дня работы Съезда Хасбулатов обнародовал предложения 12 фракций провести голосование по важнейшим конституционным поправкам, связанным с законом о Совете Министров по типу тайных выборов, используя бюллетени.

Голосовать за предложенные поправки означало голосовать против президента. Но среди депутатов много руководителей различных уровней. А если ты директор завода и записался в недруги президента, что тебя ждет в дальнейшем? Какова судьба твоих дотаций, льгот, лицензий? В случае принятия поправок Ельцин проигрывал, что чётко понимали демократы и настаивали на поимённом голосовании. Понимали это и их оппоненты во главе с Хасбулатовым, которые настаивали на тайном голосовании, при котором противники Ельцина смогли бы сохранить анонимность. Аргументация, прямо скажем, не однозначная. Депутаты признавали, что прямо или косвенно зависимы от президента и если они проголосуют не так, как того хотел бы президент, то их помогут прогнать с насиженного места. Таким образом, забота о личном благополучии в политической деятельности депутата оказывалась в приоритете перед заботами об интересах избирателей и страны.

По результатам двух голосований депутаты приняли решение проводить тайное голосование («за» 630 голосов, «против» – 164)³⁰³. В ответ на решение о тайном голосовании группа депутатов от «Демократической России» устремилась к президиуму, чтобы продемонстрировать спикеру текст регламента, не предусматривающий ничего подобного. Хасбулатов, отмахиваясь одной рукой, закричал в зал «Кто-нибудь, защитите же меня

---

302 Постановление Съезда народных депутатов РФ «О ходе экономической реформы в Российской Федерации» // Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации. М.: «Известия». С. 17

303 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т.1. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 328.

от этих людей!»³⁰⁴. К президиуму хлынула толпа и почти тут же завязалась драка. Хасбулатов впервые утратил контроль над депутатами. В ложах сидели шокированные дипломаты, фоторепортёры и телеоператоры снимали драку депутатов. Президент, улыбнувшись, покинул зал³⁰⁵. Вслед за ним удалился и Хасбулатов, а его заместитель С. Филатов объявил перерыв до утра. Потасовка депутатов стала гранью, за которой оказались исчерпаны возможности компромисса между проправительственным меньшинством и оппозиционным большинством. «Только сегодня Съезд и начался по-настоящему», – прокомментировал журналистам вице-премьер В. Махарадзе драку народных депутатов³⁰⁶.

Тайное голосование вызвало критику со стороны СМИ. «А имеют ли депутаты право решать вопросы (я уж не говорю судьбы) избирателей втайне от них? Конституционно ли это? Уходя за ширмы кабин для тайного голосования, депутат, таким образом, уходит из-под контроля избирателей за его политической деятельностью. Тех самых избирателей, которые и послали его в верховный орган власти решать их собственную судьбу», – писали «Аргументы и факты»³⁰⁷. А вице-премьер Шохин дал интервью, в котором расценил случившееся как показатель неработоспособности Съезда³⁰⁸.

На следующий день Съезд возобновил свою работу, казалось, инцидент был исчерпан. 4 декабря с отчётом о работе над проектом новой Конституции России выступил председатель Конституционной комиссии О.Г. Румянцев. Конституционная комиссия работала над Основным законом, одной из ключевых проблем которой стало не только обеспечение равновесия ветвей власти, но и обеспечение федерализма в новой России. Конституционная комиссия предложила для обеспечения стабильности конституционного строя провести широкое согласование основ конституционного строя с регионами и вынести на референдум основные принципы новой Конституции³⁰⁹.

Предложения Румянцева не нашли поддержки среди депутатов. В стране полным ходом принимались региональные Конституции, противоречащие Основному закону России, самая сложная ситуация сложилась в Татарстане и Чечне, осенью разразился кровавый осетино-ингушский конфликт. В этих условиях идея референдума не казалась лучшим выходом. Депутаты

---

304 Тодрес В. Второй день Съезда завершился массовой дракой в президиуме // Независимая газета. 4 декабря 1992. С.1.

305 Минкин А. Депутаты били друг друга // Московский комсомолец. 4 декабря 1992. С.1.

306 Съезд балансирует на грани конфликта с президентом // Независимая газета. 4 декабря 1992. С. 1.

307 Шарымов В. Втайне от народа // Аргументы и факты. 1992. Декабрь. № 48. С. 1.

308 Съезд балансирует на грани конфликта с президентом // Независимая газета. 4 декабря 1992. С.1.

309 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 1. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 372.

утверждали, что никто конституционные положения читать не будет, союзный референдум показал бесполезность вынесения сразу нескольких вопросов. Одни депутаты клеймили проект, другие настаивали, что принимать Основной закон должен парламент, третьи требовали перебрать состав Конституционной комиссии, формальным главой которой являлся президент. Хасбулатов предложил вернуться к проекту Конституции на следующем Съезде народных депутатов, что с облегчением было принято большинством. «Обсуждение многострадального проекта новой Конституции показало, что все, даже очень важные вопросы находятся на периферии внимания Съезда», – констатировал В. Шейнис [Шейнис 2005, с. 160].

Кроме того, блокированию принятия новой Конституции мешали и личные интересы депутатов. Новые проекты Конституции не предусматривали Съезд и в случае принятия Основного Закона в ближайшее время ему грозил роспуск. Уверенности быть переизбранными в новый парламент, который был меньше Съезда в три раза, у депутатов не было. Поэтому принятие Конституции было выгодно отложить до окончания срока депутатских полномочий.

Пока принятие новой Конституции откладывалось, седьмой Съезд народных депутатов принял ряд решений по дальнейшей реформе конституционного законодательства и внёс в действующую Конституцию ряд новых поправок. Также он изменил текст преамбулы Конституции России, из него были исключены упоминания о Союзе Советских Социалистических Республик, который прекратил своё существование в декабре 1991 года.

Тем временем, согласно регламенту, состоялось выступление на Съезде министра обороны П.С. Грачёва, которое осталось на периферии внимания народных депутатов. А между тем военные реформы, разработка новой военной доктрины, сокращение армии играли важную роль в социально-экономической развитии российского общества. Грачёв начал свой доклад словами: «Армия давно просит слова. Армия давно хочет быть услышанной»³¹⁰. Но ключевой вопрос, который интересовал депутатов, – будет или нет армия вмешиваться в политический конфликт. Министр обороны решительно отверг всякого рода слухи о том, что военные «спят и видят, как бы им начать играть роль некой самостоятельной политической силы». По словам Грачёва, для солдат и офицеров «нет ничего страшнее, чем попасть в опасные “ножницы” межпартийных и групповых противоречий. Но различные группировки в угаре борьбы за власть пытаются сейчас реально расколоть армию, внести смуту в воинские коллективы, втянуть офицеров в политическую борьбу»³¹¹. В подтверждение своих слов он напомнил, что даже на Съезде распространяются различные листовки и обращения к личному составу, попытки очернить руководство Минобороны и прочие провокации. Грачёв обратился к Съезду с призывом исключить любое разыгрывание «ар-

---

310 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т.1. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 412.

311 Там же.

мейской карты» из арсенала дозволенных средств политической борьбы. Депутаты выразили свою поддержку министру обороны аплодисментами.

Съезд обсуждал множество других вопросов: о состоянии законности и войны с преступностью, об уничтожении и распространении ядерного оружия, о выборах глав администраций. «Но как ни резки и злы были нападки агрессивной оппозиции на президента, его помощников, на правительство, было очевидно, что всё это – лишь сопутствующие темы, что она намеренно раскаляет атмосферу, чтобы тем вернее решить вопрос», – писал В. Шейнис [Шейнис 2005, с. 163].

Эмоции на Съезде лились через край. «Едва ли кремлёвские стены видели до этого столько взаимной ненависти, оскорблений, бессилия и торжества» – описывали обстановку Съезда «Аргументы и факты»³¹². Постоянная скрытая работа шла в зале и кулуарах. «Всё что-то у кого-то подписывают», – отмечала та же газета³¹³. Лидеры Фронта национального спасения ещё до конца седьмого Съезда собирали подписи для созыва следующего, и снова «чрезвычайного». Ожидания ни одной из противоборствующих групп текущий Съезд не оправдывал. Не случилось ни дискредитации Съезда, ни отставки Ельцина. Непримируемый радикал С. Юшенков продолжал критиковать председателя Верховного Совета: «Немедленно ушёл бы в отставку. Он – полное противоречие регламенту Съезда и представлениям о самых элементарных нормах нравственности»³¹⁴. Ему парировал М. Челноков: «Поскольку президент является гарантом нестабильности в стране, я проводил бы линию на его импичмент либо его досрочные перевыборы»³¹⁵.

Но Ельцин выбрал другую формулу компромисса. Рано утром 8 декабря президент принял в Кремле 18 депутатов – председателей и координаторов фракций, которым объявил о выдвижении кандидатуры Гайдара. Реакция последовала незамедлительно, большинство фракций решительно отвергло предложенную кандидатуру³¹⁶. Выход из тупика предложил координатор «Коммунистов России» И. Рыбкин: президент может рассчитывать на взаимопонимание с депутатами, если предоставит им право утверждать назначение руководителей 4-5 ключевых ведомств, а главное «силовых министерств» – обороны, безопасности, внутренних дел. Обдумав предложение, Ельцин неожиданно для всех согласился вынести на утреннее заседание Съезда вопрос о предоставлении Верховному Совету контроля за назначением не только трёх силовых ведомств, но и министра

---

312 В некотором царстве, в микрофонном государстве // Аргументы и факты. 1992. Декабрь. № 49 –50. С. 1

313 Если бы я был... // Аргументы и факты. 1992. № 48. С. 1.

314 Если бы я был... // Аргументы и факты. 1992. № 48. С. 2.

315 Там же.

316 Пархоменко С. Егор Гайдар – официальный кандидат на пост председателя правительства России// Независимая газета. 9 декабря 1992. С.1.

иностранных дел. Вероятно, Ельцин планировал свести будущие дебаты в Верховном Совете к обсуждению кандидатур П. Грачёва, В. Баранникова и В. Ерина, которое не обещало ему серьёзных неприятностей. Кроме того, незамеченной оставалась одна деталь. В случае отклонения кандидатуры Е. Гайдара, никакой, даже «технической», отставки правительства не происходило, правительство оставалось в прежнем составе дожидаться либо закона о Совете министров, либо вотума недоверия.

В этот же день, 8 декабря на Съезде выступил Б. Ельцин и представил на должность премьера Е. Гайдара со словами: «в этот крайне сложный момент в жизни России вижу на посту председателя правительства России Егора Тимуровича Гайдара»³¹⁷. Президент напомнил о том, что в период реформ правительство всегда находится под огнём критики. Оно обречено «разгребать завалы прошлого», делать самую чёрную и неблагодарную работу. Для проведения рыночной реформы нужен не представитель какой-либо партии, а специалист, досконально знающий экономику и её болезни. По мнению президента, только Гайдар был способен найти решения, которые приведут «к выздоровлению всего организма»³¹⁸, и его пребывание на посту премьер-министра, является гарантией проведения страны по пути реформ.

Съезд не внял призывам президента и отложил утверждение кандидатуры на следующий день. Обсуждение поправок Конституции также было перенесено на вечернее заседание. После выступления Б. Ельцина журналисты поговорили с лидерами основных блоков. Представители проправительственных фракций – С. Юшенков от «Коалиции реформ», Н. Павлов от «Российского единства», Н. Травкин от «Демократического центра» и др. – выразили неудовлетворение предложенными компромиссами. Со стороны «Коалиции реформ» явно слышались голоса тех, кто выражал готовность уйти в оппозицию президенту, поскольку он отдаёт слишком много³¹⁹. Лидеры консервативного блока заявили, что список утверждаемых депутатами министров слишком короткий, к тому же в нем нет глав экономических ведомств.

Главная интрига Съезда: кто займёт кресло премьера? Перспектива премьерства для правых, для левых, для центристов представлялась почти одинаковой. Лидер «Промышленного союза» Юрий Гехт называл журналистам наиболее вероятных кандидатов на пост премьера – Ю. Скоков (его Гехт называл «козырным тузом» Ельцина) и Г. Хижа, – но они сами не согласятся³²⁰. Оба кандидата с опытом производственной и политической работы. Бывший помощник президента Ю. Скоков – радиоинженер по

---

317 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 2. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 124.

318 Там же. С.125

319 *Тодрес В.* Ни «непримиримые», ни «умеренные» не хотят Гайдара ни на каких условиях // Независимая газета. 9 декабря 1992. С. 1.

320 *Кузнецова В.* Стратегия Ельцина – пассивная оборона // Независимая газета. 8 декабря 1992. С. 2.

образованию, генеральный директор НПО «Квант», один из инициаторов создания Акционерного коммерческого банка межотраслевой интеграции, занимающейся производством автономной энергетики. В 1990 г. Скоков занял пост первого заместителя председателя Совета Министров РСФСР, в период с сентября 1991 г. по апрель 1992 – помощника президента России. Г.Г. Хижа до прихода в политику занимал должность генерального директора научно-производственного объединения электронного приборостроения «Светлана», в 1991–1992 гг. стал первым заместителем мэра Санкт-Петербурга А. Собчака, с 1992 г. – вице-премьер правительства, курирующий отраслевые министерства.

Но президент и его окружение настойчиво твердили о безальтернативности кандидатуры Е. Гайдара. В то же время проправительственное меньшинство трезво оценивало шансы Гайдара быть утверждённым. Поэтому, когда в кулуарах Кремля началось активное обсуждение вариантов, которые могли бы умиротворить непримиримых противников гайдаровского кабинета, многие вспомнили о методе «пакетной номинации», который успешно не раз применялся в последние годы. Стратегия состояла в том, чтобы сразу предложить Гайдара вместе с заместителем. В качестве комбинации предлагались Ю. Скоков, Г. Хижа, В. Исправников, Н. Травкин, А. Вольский.

Стратегическую линию, которой придерживался Ельцин с начала Съезда, демократы определяли как «линию пассивной обороны». Это не могло удовлетворить ни одну из сторон. Уступки начались ещё до начала Съезда – перемещение Г. Бурбулиса, низвержение М. Полторанина и увольнение Е. Яковлева перед Съездом вызвали обиду и острое раздражение в обоих противостоящих лагерях. На восьмой день Съезда «Независимая газета» писала: «Неделя Съезда принесла новые открытия: президента можно заставить смириться не только с давлением, но и с пренебрежением к нему. И пренебрежение останется безнаказанным, поскольку стратегическая линия, которой пока придерживается Ельцин, – линия в высшей степени пассивной обороны»³²¹.

Благодаря настойчивости и изобретательности немногочисленных активистов демократической фракции, которые провели ночь в сложнейших консультациях и согласованиях, собирая буквально поштучно голоса депутатов, пакет конституционных норм, который позволил бы Съезду накрыть правительство железным колпаком контроля, удалось заблокировать. Были одобрены три поправки из семи, для одобрения одной поправки не хватило единственного голоса, для двух других – четырёх голосов. Вместе с тем, по словам депутатов из «Коалиции реформ», которых потом принял Б. Ельцин, они не услышали в ответ на свой успех ничего, кроме заверений о «полном удовлетворении» исходом дела и «искренней благодарности»³²².

---

321 Пархоменко С. Стратегия Ельцина – пассивная оборона // Независимая газета. 8 декабря 1992. С. 1.

322 Там же.

«Два года мы убеждаем друг друга, что человек, возглавивший демократические реформы в России, отличается уникальной способностью принимать нетривиальные, интуитивные, рискованные, но единственно точные решения в ситуации острого конфликта, обстоятельствах непримиримой борьбы. А когда напряжение этой борьбы достигает пика, мы вдруг обнаруживаем того же самого человека покорно и вяло дожидаящимся решения своего дела, своей судьбы. Неделю мы наблюдаем его в последнем ряду президиума будто повергнутому в какое-то тяжёлое оцепенение», – писала «Независимая газета»³²³.

Президентские поправки к Конституции, дающие Верховному Совету возможность контролировать назначение четырёх министров, были приняты подавляющим большинством голосов. Попытки проправительственных фракций перенести обсуждение этого вопроса на следующий день, когда стали бы известны итоги тайного голосования по кандидатуре Е. Гайдара, не увенчались успехом. В ответ на такое предложение Р. Хасбулатов заявил: «Здесь вам не рынок и не торговля»³²⁴.

Блестящая предвыборная речь Е. Гайдара произвела сильное впечатление на депутатов. Умеренно оптимистичные прогнозы, желание искать согласие с Верховным Советом, готовность к компромиссам, в том числе по кадровым вопросам, произвели должный эффект и, вероятно, добавили голоса сомневающимся. Уверенно прогнозировать исход голосования не решился бы никто. По мнению наблюдателей, скрытых сторонников Гайдара на Съезде было больше, чем это могло показаться на первый взгляд. И, укрываясь в кабинках для тайного голосования, некоторые депутаты прятались не от избирателей, а от собственного начальства³²⁵.

Антиельцинская оппозиция не смогла завершить «конституционный кульбит», не собрав двух третей при голосовании поправок к Конституции. Сторонники президента в свою очередь не могли набрать 521 голос, чтобы утвердить Гайдара премьером. Недобрав 54 голоса, Е. Гайдар не был утверждён Съездом на должность премьер-министра и остался исполняющим обязанности.

На следующий день произошёл «взрыв». Ельцин так опишет эти события в своих мемуарах: «Я приехал со Съезда на дачу в полном трансе. Наверное, такое со мной случилось впервые за пять лет, с 1987 года... [...] Я не выношу обстановки публичного наскока. Когда бьют с разных сторон, все вместе. Содержание уже неважно. В интонации, да даже в походке человека, поднимающегося на трибуну, я ощущаю это звериное желание ударить больно, эту попытку распалить, завести себя, этот страшный импульс к удару» [Ельцин 1994, с. 292]. Затем кто-то из домашних сказал «надо спросить

---

323 Там же.

324 Независимая газета. 10.декабря 1992. С. 1.

325 *Алексеев В.* Идут депутаты: салют Гайдару // Независимая газета. 10 декабря 1992. С. 1.

у людей – или ты, или они» [Ельцин 1994, с. 292]. И Ельцин ухватился за эти слова. Идею референдума ему давно подсказывали политологи и юристы, но речь шла от том, чтобы таким образом решить судьбу Съезда: распускать, не распускать. А тут была совершенно другая постановка: с кем вы хотите дальше жить, с президентом или со Съездом? Ельцин попросил соединить его с помощником В. Илюшиным, позже к ним присоединились С. Шахрай и спичрайтеры. Спонтанная рабочая группа подготовила текст выступления. Идея состояла в том, чтобы обратиться за поддержкой к простым людям, кто-то предложил сразу после выступления организовать поездку на АЗЛК или на подшипниковый завод. Ельцин выбрал автозавод. Выступление президента планировалось как прямое обращение к народу, для этого требовалась прямая трансляция по телевидению. Сложность состояла в том, чтобы организовать трансляцию втайне от Съезда и Хасбулатова, но, по воспоминаниям пресс-секретаря президента В. Костикова, накануне выступления удалось заручиться поддержкой руководителей двух ведущих телевизионных каналов В. Брагина и О. Попцова [Костиков 1997, с. 149].

10 декабря президент выступил на Съезде с жёстким заявлением, в котором охарактеризовал работу Съезда как «ползучий переворот» и «мощное наступление на курс, проводимый президентом и правительством»³²⁶. Основной целью седьмого Съезда являлось «создать невыносимые условия для работы правительства и президента, практически деморализовать их. [...] Взять права, но уйти от ответственности»³²⁷. Президент обозначил на Съезде две непримиримые позиции. Одна – на продолжение реформ, другая – «позиция дешёвого популизма» и восстановление «тоталитарной советско-коммунистической системы». Это даже не путь назад, это путь в никуда. Проводником «обанкротившегося курса» на срыв реформ президент назвал председателя Верховного Совета Хасбулатова³²⁸.

Выход из глубочайшего кризиса президент видел в проведении референдума: «Я не призываю распустить Съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы. Какой курс граждане поддерживают? Курс президента, курс преобразований или курс Съезда, Верховного Совета и его председателя, курс на сворачивание реформ и в конечном счёте на углубление кризиса? [...] В ваших руках теперь судьба реформ, судьба президента и судьба Съезда. Я лично не могу позволить продлить страдания народа на десятилетия. *(Шум в зале, выкрики, аплодисменты)*»³²⁹.

---

326 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 126.

327 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 127.

328 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 129.

329 Там же.

Ельцин предложил провести референдум в январе 1993 г. и вынести на него вопрос: «Кому вы поручаете выход из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации, нынешнему составу Съезда Верховного Совета или президенту России? (*шум в зале*)»³³⁰. Стенограмма выступления Ельцина обильно снабжена комментариями: «шум в зале», «сильный шум в зале», «аплодисменты», «выкрики».

Призвав депутатов, поддерживающих курс реформ, покинуть Съезд, президент удалился в Грановитую палату. Эта акция не была заранее подготовлена и стала неожиданностью даже для сторонников президента. Расчёт состоял в том, чтобы расколоть Съезд и, разрушив кворум, сделать его неспособным. За президентом последовало не более 120 человек, что было недостаточно даже для того, чтобы лишить Съезд кворума. Это был колоссальный просчёт, который смазал всю политическую силу выступления. На глазах у всей страны за президентом вышла небольшая группа депутатов. Парламентская фракция «Согласие ради прогресса», на поддержку которой рассчитывал президент, также осталась в зале. Ельцин был шокирован таким оборотом дела.

Р. Хасбулатов попросил принять Съезд его отставку, мотивируя это оскорблениями со стороны президента и покинул зал заседаний. Заместители председателя Верховного Совета быстро привели его обратно под аплодисменты оставшейся части зала. Хасбулатов признался, что для него выступление президента стало большой неожиданностью, так как накануне у них состоялся телефонный разговор, в ходе которого он заверил Ельцина, что, если он желает утвердить исполняющим обязанности Гайдара, Съезд препятствовать не будет. «Он выразил удовлетворение этими решениями. Договорились о дальнейшем сотрудничестве»³³¹. Хасбулатов обвинил окружение президента в его изоляции: оно «не заблокировало его только от меня, потому что это невозможно, и вот это является единственным источником более или менее правдивой информации на сегодняшний день. Даже вице-президент не может показать ему реальную картину...»³³².

После ухода Ельцина у микрофонов выстроилась огромная очередь депутатов, которые вносили бесконечные предложения о дальнейшей работе Съезда. Депутат В. Лукин предложил создать небольшую группу из наиболее авторитетных депутатов, которая бы могла отправиться к президенту и обсудить с ним создавшееся положение. Хасбулатов согласился. Было сформировано «посольство» из народных депутатов во главе с заместителем Председателя Верховного Совета Ю. Яровым.

Съезд принял предложение рассмотреть вопрос об обращении президента и отклонил предложение о включении вопроса об отставке председателя

---

330 Там же. С. 130.

331 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 162.

332 Там же.

Верховного Совета. Депутаты также приняли обращение к народу, в котором объяснили, что президентом России Б.Н. Ельцин была предпринята попытка «нарушить конституционный баланс исполнительной и законодательной властей, сорвать работу высшего органа законодательной власти России, высказаны неоправданные оскорбления в адрес Верховного Совета Российской Федерации, его председателя, Съезда народных депутатов»³³³.

Вице-президент А. Руцкой призвал Съезд и президента к компромиссу. За обращением, по его мнению, стояла «политическая кучка, которая прилипла к президенту, разворачивала Верховный Совет и Съезд, правительство и президента в противоположные стороны», и эти люди давно заслужили «уголовную ответственность»³³⁴.

По просьбе депутатов выступили «силовики» – министр безопасности В.П. Баранников, министр внутренних дел В.Ф. Ерин, министр обороны П.С. Грачёв, которые заверили Съезд в своей лояльности и приверженности Конституции. Удостоверившись, что перспектива насильственного разгона Съезду не грозит, большинство депутатов утратило интерес к ораторам. «Депутаты слушали их вполуха, входили и выходили из зала, разговаривали, поворачиваясь к трибуне спиной», – описал обстановку В. Шейнис [Шейнис 2005, с. 170]. Депутат из Кемеровской области В.Н. Цапаев даже одёрнул народных избранников: «Мы пригласили уважаемых нами министров. [...] Почему шум? Почему хождение? Почему нет внимания к такому серьёзному вопросу? В зале невозможно находиться. Стыдно»³³⁵. Вернувшийся на место председательствующего Р. Хасбулатов грубо прокомментировал: «А это хождение, кстати, не депутатов, а чиновничества, разных секретарей, советников и прочих. Здесь же у нас не просто Съезд народных депутатов, а Съезд, можно сказать, чиновничества. Я сдерживал их натиск, но всё равно прорвались, где-то достали пропуска. Вот они и шныряют, не дают нам работать. Никакими силами их не удержишь, любую щель найдут, как тараканы. (*Смех в зале*)»³³⁶.

Тем временем на Манежной площади собралось около 300 сторонников Б. Ельцина, где выступавшие ораторы поочерёдно поздравляли друг друга с тем, что «президент наконец вернулся к народу», и клеймили «демократов-проституток, перекинувшихся на сторону депутатника»³³⁷. К таковым

---

333 Обращение VII Съезда народных депутатов Российской Федерации к российскому народу // Московский комсомолец. 11 декабря 1992. С. 1.

334 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 166.

335 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 189.

336 Там же.

337 Вчера в кремле началось любовое противостояние президента и Съезда // Независимая газета. 11 декабря 1992. С. 1.

был причислен и руководитель Российской телерадиокомпании О. Попцов, отказавшийся передать по информационным каналам объявление о предстоящем митинге.

В небольшом отдалении от демократов, возле музея В.И. Ленина собралась толпа сторонников Трудовой России под красными флагами. Наиболее «горячие» бабушки из «Трудовой России» перебежали проезжую часть, подняв над головой плакаты с требованием отставки Ельцина, Гайдара и Козырева.

Согласно запланированному сценарию, после выступления президент поехал на московский автомобильный завод (АЗЛК) [Костиков 1997, с. 150]. Расчёт на энтузиазм рабочих не оправдался, его встретили напряжённым ожиданием, что явно контрастировало с публичными выходами в народ, к которым привык Ельцин. Люди устали. Затянувшаяся склока властей всем надоела: то они вместе воюют против союзной власти, то они борются друг с другом. Кто прав, кто виноват? Как говорится, «чума на оба ваших дома». А между тем жизнь дорожала, зарплаты падали, начались увольнения рабочих.

В конфликт между президентом и Съездом вмешался председатель Конституционного Суда В. Зорькин и потребовал временного перемирия. На следующее утро делегация народных депутатов во главе с Ю. Яровым отправилась в Кремль, где провела первый раунд консультаций с президентом Б. Ельциным. После совещания Ю. Яров сделал сообщение для прессы, в котором заверил, что переговоры прошли «в обстановке открытости, доброжелательности и конструктивности»³³⁸. В обстановке нарастающего конфликта при участии Зорькина состоялись переговоры между Ельциным и Хасбулатовым. Итогом этих переговоров стал согласительный документ «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»³³⁹. Согласно данному постановлению, на 11 апреля 1993 г. назначался референдум по основным положениям новой Конституции России. Проект основных положений должен был быть опубликован не позднее 31 марта 1993 г.

Победа, которая казалась такой близкой, уплыла из рук депутатов. Фактически все пункты постановления, виртуозно составленного С. Шахраем и без обсуждения принятого Съездом, свидетельствовали: президент прорвал позиции большинства и заключил перемирие глубоко на их территории. А именно: все поправки оппозиции к Основному закону были приостановлены до референдума 11 апреля. Главы местных администраций оставались на местах, расклад сил в Конституционном суде сохранялся прежним. До референдума ограничивались законодательные возможности Верховного Совета, который не должен был нарушать «сложившийся баланс законодательной, исполнительной и судебной власти». В ответ на принятые реше-

---

338 Президент и Съезд пока помирились // Независимая газета. 12 декабря 1992. С. 1.

339 Постановление Съезда народных депутатов РФ «О стабилизации конституционного строя РФ» от 12.12.1992 // Сборник документов, принятых седьмым Съездом народных депутатов РФ. М.: «Издание Верховного Совета РФ», 1992. С. 50.

ния кадет М. Астафьев воскликнул: «В стране произошёл государственный переворот. К власти пришла хунта: Ельцин, Хасбулатов, Зорькин!»³⁴⁰.

Президент в свою очередь праздновал победу. Накануне голосования по кандидатуре премьера он пригласил всех членов правительства на ужин. По воспоминаниям Гайдара, «настроение было хорошее, всеми владело ощущение, что страшная гроза неуправляемой конфронтации прошла стороной» [Гайдар 1996, с. 233]. Оставшись наедине с президентом, Гайдар сказал ему, что попытка удержать его на посту слишком опасна, она даёт оппозиции дополнительные возможности дестабилизировать обстановку. Гайдар предложил поддержать кандидатуру генерального директора ВАЗ В. Каданникова и выразил готовность вместе с командой оставаться в составе нового правительства и продолжить работу. Президент ответил, что будет ориентироваться по ходу голосования, но пообещал выдвинуть кандидатуру Каданникова [Гайдар 1996, с. 233].

Между Съездом и президентом было принято соглашение, по которому парламентские фракции получили право выдвинуть кандидатуры на пост председателя правительства. Количество выдвиженцев не ограничивалось, но из любого количества, даже сотни, президент должен был выбрать только пять кандидатов для проведения «мягкого» голосования. «Мягкое» рейтинговое голосование по кандидатурам на пост премьера вновь оставило последнее слово за президентом. Именно он должен был выбрать из тройки лидеров того, кто минимум на шесть месяцев должен был стать главой правительства, независимо от доверия к нему Съезда.

Примечательно, что в списке кандидатов небольшую группу составляли члены действующего правительства: Гайдар, Шохин, Шумейко, Хижа, Чубайс. Фракция коммунистов выдвинула руководителя администрации президента Ю. Петрова, что было расценено Ельциным как предательство: «он меня об этом выдвижении не предупредил. То есть снова была вчистую нарушена общепринятая этика отношений» [Ельцин 1994, с. 297]. Оппозиция чувствовала себя неудобно, предчувствуя подвох. Несмотря на то, что в перечне стояли имена вице-президента А. Руцкого, одного из авторов альтернативной экономической программы «Реформы без шока» В. Исправникова, директора Воронежского машиностроительного завода Г. Костина. А свою недавнюю надежду директора ВАЗа Каданникова оппозиционеры стали называть «засланным казачком» Е. Гайдара. Среди депутатов распространились слухи, что либералы подружились с Каданниковым настолько, что Гайдар согласен остаться при нём формально вторым, фактически первым лицом правительства³⁴¹. Судя по мемуарам Гайдара, это соответствовало действительности.

Президент оставил в списке для голосования пять фамилий: Е. Гайдар, В. Каданников, Ю. Скоков, В. Черномырдин, В. Шумейко. К недовольству

---

340 *Тодрес В.* Двуглавый орёл компромисса // Независимая газета. 15 декабря 1992. С. 1.

341 *Тодрес В.* Двуглавый орёл компромисса // Независимая газета. 15 декабря 1992. С. 1.

«умеренной» оппозиции, в пятёрку не был включён Хижа. «А джентльменское соглашение?», – выкрикнул из зала Травкин. «Никаких джентльменских по Хиже не было», – ответил Ельцин. «Не успели понять, что Хижа может пройти, так давай – зарубили», – прокомментировал Р. Хасбулатов³⁴².

Лидером голосования стал Ю. Скоков, он набрал 637 голосов, за ним следовал В. Черномырдин – 621 голос, замыкал тройку Гайдар – 400 голосов, Каданников – 399, Шумейко – 283. События на Съезде шли по запланированному сценарию, Гайдар вошёл в тройку лидеров после «мягкого голосования». Оставалось предложить его Съезду и в случае почти неминуемого отказа оставить исполняющим обязанности. Что именно изменило эти планы? Вероятно, Ельцин был шокирован результатом рейтингового голосования, в ходе которых Гайдар получил только 400 голосов. Согласно одной из версий, Гайдара сгубили голоса депутатов-аграриев, которых не привлекли на свою сторону ни президент в своей речи на Съезде, ни сам Гайдар, отказавшийся от встречи с ними³⁴³.

Президент рассчитывал на большую поддержку. Об этом он позже напишет: «Рассуждал я так: если бы отрыв был у Гайдара хотя бы в 20–30 голосов, то есть он прочно вошёл бы в тройку предпочтений, то не было бы вопросов, я тогда бы оставил его кандидатуру, дал ему ещё раз слово на Съезде, и мы бы вместе постарались убедить депутатов. Хотя, как теперь вижу, шансов не было никаких» [Ельцин 1994, с. 298]. По мнению некоторых аналитиков, Ельцин обменял Гайдара на себя, на сохранение своей власти³⁴⁴.

После оглашения результатов голосования Ельцин попросил перерыв на 40 минут. В этот короткий период он кардинально перекроил заготовленный план. Перед окончательным утверждением Черномырдина состоялся разговор Б. Ельцина и Е. Гайдара, в котором президент предложил премьеру самому снять свою кандидатуру³⁴⁵. Гайдар отказался, заявив, что это дело президента. На вопрос Ельцина, какой сделать выбор, Е. Гайдар ответил, что Ю. Скоков является наихудшим вариантом, кандидатура В. Черномырдина предпочтительнее [Гайдар 1996, с. 235]. Но Ельцин и сам это понимал, ему не нужен был Скоков, который, по его признанию, был «слишком честолюбивый человек» [Ельцин 1994, с. 299]. Источники из окружения президента объясняли выбор Ельцина просто: Скоков по своему характеру мог «устроить революцию», а Черномырдин делать революцию не стал бы. После короткого, но непростого разговора со Скоковым («И всё-таки лицо

---

342 Там же.

343 Третьяков В. За сорок минут Ельцин «закрыл» курс реформ // Независимая газета. 16 декабря 1992. С. 1.

344 Третьяков В. За сорок минут Ельцин «закрыл» курс реформ // Независимая газета. 16 декабря 1992. С. 1..

345 Зуйченко А. Шоковое решение Ельцина остановило «шоковую реформу» // Независимая газета. 16 декабря 1992. С. 1.

выдаёт человека. Юрий Владимирович в глубине души был страшно обижен»), Ельцин предложил премьерство Черномырдину: «Он ни минуты не колебался» [Ельцин 1994, с. 299].

Спустя короткое время Ельцин предложил на пост премьера В. Черномырдина. Он был утверждён 721 голосом. Весь кабинет министров автоматически ушёл в отставку, хотя наблюдатели предсказывали, что большая часть министров могла войти в состав нового правительства. Сам же Гайдар заявил в кулуарах, что уйдёт и не вернётся.

Реакция прессы, как и реакция Запада на выдвижение Черномырдина была достаточно прохладной. Демократическая общественность оценивала его не как опытного хозяйственника, руководителя одного из важнейших корпораций страны – «Газпром», а как типичного партийного работника.

«Ельцин сделал свой выбор всего за 40 минут. Это поразительно, в какое короткое время решаются в России вопросы общенациональной важности, – писал главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков. – За 40 минут президент, взвесив слишком большой отрыв голосов, поданных за Скокова и Черномырдина (более 200), от 400 голосов Гайдара, по существу отказался от экономического курса, который он поддерживал и освящал своим именем на протяжении последних 12 месяцев, отказался от человека, в верности которому клялся и прямо накануне Съезда, и в ходе его, и в своём последнем слове – отводя кандидатуру Гайдара. За 40 минут Ельцин поменял премьера с программой на премьера без программы»³⁴⁶.

В качестве нового премьера Черномырдин заявил: «Должен сказать, что я за реформы, но без обнищания нашего народа. Я за то правительство, которое сумеет это сделать вместе с нашим народом, вместе с президентом, Съездом»³⁴⁷. Практический опыт Черномырдина как отраслевого министра старой школы и удачливого бизнесмена, не испорченного либеральными экономическими теориями, несмотря на любовь к Гайдару, внушал доверие депутатам. Неслучайно новое назначение вызвало искреннюю радость лидера крайне левой оппозиции Г. Зюганова. После фраз Черномырдина во время выступления: «Россия – не страна лавочников», «рынок, а не базар», «развитие базовых отраслей промышленности», – журналисты написали, что у России опять премьер, говорящий понятным народом языком³⁴⁸.

Основной целью седьмого Съезда народных депутатов являлось снятие с должности Гайдара и корректировка его реформаторской экономики. Новому вице-премьеру Съезд выдал «наказ» – остановить обнищание народа и, самое главное, не допустить повышения цен на хлеб. «Как бы ни ругали Гайдара, он оставил после себя полки магазинов, на которые уже можно

---

346 Третьяков В. За сорок минут Ельцин «закрыв» курс реформ // Независимая газета. 16 декабря 1992. С. 1.

347 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 4. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 267.

348 Россия как единый нефтегазовый комплекс // Независимая газета. 16 декабря 1992. С. 2.

посмотреть и что-то выбрать (правда, очень дорого)», – писали газеты³⁴⁹. И если полки в результате борьбы Черномырдина с лавочниками, которую он пообещал в своём первом телеинтервью, не опустеют, можно считать, что дело Гайдара оказалось в надёжных руках. Нижегородский губернатор Б. Немцов подтверждал: «Гайдар занимался “раскруткой” рыночных механизмов в масштабе всей страны. Там, где реформы начались (а таких регионов немало), их не остановит никакой новый премьер»³⁵⁰.

Реформаторы резко отреагировали на отставку Гайдара. «Подозрения в том, что г-н Ельцин не имеет никаких твёрдых политических и экономических убеждений, полностью подтвердились», – писала «Независимая газета» после снятия Гайдара³⁵¹. Отказавшись от Гайдара, а также от наиболее сильных политических фигур в правительстве, Ельцин, по мнению своих сторонников, втянул себя в заведомо проигрышную игру с консервативной оппозицией. Общественные движения и депутатские фракции, до последнего сохранявшие верность президенту как гаранту реформ, заявили об уходе в оппозицию. Решения президента, по мнению его сторонников, свидетельствовали о том, что главной целью Б. Ельцина являлось не усиление команды и курса реформ, а укрепление своих собственных властных возможностей.

На следующее после отставки утро Ельцин позвонил Гайдару и предложил стать его главным экономическим советником. Гайдар отказался, мотивировав тем, что такое назначение будет стеснять нового премьера. Кроме того, дублирование в руководстве экономикой является опасным [Гайдар 1996, с. 238].

Ротация состава Верховного Совета

Важное место в работе седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации занял вопрос об обновлении (ротации) состава Верховного Совета Российской Федерации, который был дополнен вопросом об избрании заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации. Ротация состава Верховного Совета была проведена в последний день работы Съезда. По итогам проведённых голосований в состав Верховного Совета Российской Федерации были введены 27 народных депутатов (16 в Совет Республики, 11 в Совет Национальностей).

После сложения депутатских полномочий В.Ф. Шумейко одна должность заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации стала вакантной. 14 декабря состоялись выборы нового заместителя председателя Верховного Совета. В качестве кандидатов фракциями, блоками, отдельными депутатами назывались фамилии В. Исправникова, В. Агафонова, М. Захарова и др. Но Хасбулатов отнёс выдвигаемые кандидатуры, мотивировав тем,

---

349 В некотором царстве, в микрофонном государстве // Аргументы и факты. 1992. № 49–50. С. 1.

350 Там же.

351 Зуйченко А. Шоковое решение Ельцина остановило «шоковую реформу» // Независимая газета. 16 декабря 1992. С.1.

что в условиях более интенсивной работы над проектом Конституции необходим опытный юрист»³⁵². На должность заместителя председателя Верховного Совета был избран Н.Т. Рябов. По предложению Хасбулатова, он был также назначен вторым заместителем председателя Конституционной Комиссии Б. Ельцина. Очевидно, у Хасбулатова были большие планы на Рябова.

Одновременно с обсуждением ротации Верховного Совета шла критика первого заместителя Председателя Верховного С.А. Филатова, который «неоднократно вопреки решениям и шестого Съезда, и Верховного Совета вёл пропаганду против седьмого Съезда, чтобы он не состоялся». Депутат Е.А. Тарасов задавал вопрос: «Имеет ли он моральное право занимать эту должность?»³⁵³. Исключение Филатова из руководства Верховного Совета было делом времени. В январе 1993 г. С. Филатов ушёл из Верховного Совета и вместо опального Ю. Петрова возглавил Администрацию Президента.

В целом, следует отметить, что Ельцин не был единственным бенефициаром седьмого Съезда. Хасбулатов удачно разыграл свою партию: «сдал» референдум, за который высказывался вначале, взял под защиту Конституционную комиссию и отверг предложение об удалении Ельцина с поста председателя комиссии, а под конец неожиданно для депутатов с голоса провёл решение о назначении вторым заместителем председателя Конституционной комиссии Н. Рябова, которого причислял к своей команде [Шейнис 2005, с.162].

Позиции Хасбулатова среди депутатского корпуса стали прочнее. Согласно данным «Независимой информационно-аналитической группы» А. Собянина и Э. Гельмана на VI и VII Съездах численность устойчиво-реформаторского лагеря сократилась с 478 до 273 депутатов, т. е. на 205 человек, половина из которых перешла в лагерь устойчивой оппозиции, а половина «застряла» в депутатском «болоте»³⁵⁴. Результаты поимённых голосований позволили идентифицировать 188 из этих депутатов, повлиявших в наибольшей степени на «политическое лицо» Съезда и Верховного Совета, с представителями фракций «Смена» (27 депутатов), «Свободная Россия» (25 депутатов), «Родина» (19 депутатов) и «Рабочий Союз» (24 депутата). Значительно меньше таких депутатов во фракциях «Левый Центр – Сотрудничество» (12 депутатов), «Промышленный Союз» (9 депутатов), «Суверенитет и Равенство» (10 депутатов) и «Россия» (6 депутатов), а в остальных шести политически наиболее однородных фракциях, составляющих основу «Парламентской коалиции реформ» и блока «Российское Единство», их насчитывается в общей сложности лишь 11³⁵⁵.

---

352 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 4. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 230.

353 Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации. Стенографический отчёт. Т. 4. М.: Издательство «Республика», 1993. С. 27.

354 ГАРФ.10026 ОПЗ. Д. 104 Л. 76.

355 ГАРФ.10026 ОПЗ. Д. 104 Л. 76.

Интересно, что среди 188 депутатов, перешедших от поддержки к оппозиции курсу реформ, находились все или почти все депутаты, заявляющие о своей принадлежности или близости к «Гражданскому Союзу», который занимал центристские позиции. Однако эта оппозиция касалась не столько экономической части реформ, сколько её политической компоненты – президентской власти. Дальнейшие исследования показывают, что из 188 депутатов, перешедших из демократического, реформаторского лагеря в консервативный лагерь, большинство – 109 депутатов – работали на постоянной основе в системе органов законодательной власти (причём 104 депутата из них работали в Верховном Совете), 14 занимали руководящие должности в системе органов исполнительной власти, 22 являлись директорами предприятий, 3 депутата возглавляли крупные профсоюзные организации и СТК и 34 депутата продолжали занимать те же неруководящие должности и должности в нижнем эшелоне управления, которые они занимали до своего избрания³⁵⁶. Эти данные позволяли сделать вывод, что основным источником неудовлетворённости в депутатском корпусе являлись не столько рядовые депутаты, сколько депутаты, находящиеся на самых «важных» постах в структуре органов законодательной власти.

Мог возникнуть вопрос, как такое, относительно не очень большое, число депутатов – 18% состава депутатского корпуса – могло вызвать столь кардинальное изменение позиции Съезда в целом? Ответ заключался в том, что на первых российских Съездах реформаторский и консервативный лагерь находились в почти точном численном равновесии друг с другом. Естественно, что в таких условиях перемещение 18% депутатов с одного фланга депутатского корпуса на другой повлекло за собой очень резкое нарушение баланса сил, что, как выяснилось, вызвало немедленный перекос всей системы государственной власти, поскольку в действующей Конституции не были заложены правовые механизмы, обеспечивающие эффективное разделение властей. Именно это и положило начало глубокому политическому и конституционному кризису.

После Съезда

После закрытия Съезда газета «Аргументы и факты» написала: «По ходу Съезда стало очевидно, что он давно изжил себя и, слава Богу, не предусмотрен ни в одном из обсуждавшихся проектов новой Конституции»³⁵⁷. В подтверждение своей позиции газета опубликовала расходы на проведение Съезда. По утверждённой смете седьмой Съезд должен был обойтись в 97 млн рублей, но, по некоторым данным, эта сумма перевалила за 110 млн. Поимённое электронное голосование обходилось казне примерно в 700 рублей. Час трансляции по телевидению стоил примерно 1 млн 300 тыс. руб. Аренда кремлёвского зала Съезда – 260 тыс в сутки, депутатский автопарк

---

356 ГАРФ.10026 ОПЗ. Д. 104 л. 77.

357 Чего не «съел» Съезд... // Аргументы и факты. 1992. № 49–50. С.1.

«наездил» 20 млн рублей³⁵⁸. Приезжие депутаты размещались в гостинице «Россия», им выделялись суточные. Ещё одна форма поддержки, после датирования «умопомрачительная» буфетная цена чашки кофе – 90 руб. – была снижена до 25 руб.

На этом поощрения депутатов не заканчивались. За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей по обеспечению общественного порядка и безопасности в период работы седьмого Съезда народных депутатов председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов издал распоряжение наградить сотрудников Управления охраны объектов высших органов государственной власти и управления Российской Федерации в размере денежного оклада по должности и званию³⁵⁹. Распоряжением Хасбулатова от 25 декабря 1992 г. за активное участие в подготовке и проведении седьмого Съезда народных депутатов в размере должностного оклада по представлению председателей палат Верховного Совета и постоянных комиссий были премированы члены Верховного Совета, народные депутаты, работающие на постоянной основе в Верховном Совете, работники аппарата палат, комиссий палат и комитетов Верховного Совета, а также подведомственных предприятий³⁶⁰.

Распоряжением Председателя Верховного Совета от 31 декабря 1992 г. за активное участие в подготовке и проведении седьмого Съезда народных депутатов была объявлена благодарность сотрудникам Парламентского центра РФ³⁶¹. Здесь же следует отметить подписанное накануне Съезда распоряжение председателя Верховного Совета «О компенсационных выплатах народным депутатам РФ и работникам аппарата Верховного Совета РФ»³⁶², согласно которому были введены компенсационные выплаты народным депутатам и работникам аппарата в размере 2,5 тыс. руб. в месяц с 1 декабря 1992 г. по март 1993 г. включительно. Ни один Съезд до этого не вызывал такой поток материальных благодарностей.

***

Седьмой Съезд народных депутатов Российской Федерации, проходивший с 1 по 14 декабря 1992 года, стал крупным общественно-политическим событием. Съезд проходил на фоне обострения социально-экономической и политической обстановки, общественные настроения характеризовались нарастанием тревоги и беспокойством за судьбу преобразований в области

---

358 ... и что он съел // Аргументы и факты. 1992. № 49–50. С. 1.

359 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1 Д. 1570. Л. 71.

360 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 1554. Л. 93.

361 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 1554. Л. 101.

362 ГАРФ. Ф.10026. Оп. 1. Д. 1570. Л. 19.

экономики. Закономерно, что основным вопросом Съезда стали обсуждения хода экономической реформы и выборы главы правительства. На фоне жёсткой борьбы, развернувшейся на Съезде, на периферии внимания депутатов оказались не менее важные вопросы, касающиеся принятия новой Конституции и реализации Федеративного договора, ещё более актуальные на фоне острейшего осетино-ингушского конфликта осени 1992 г.

Противостояние на Съезде со всей очевидностью поставило вопрос о поиске оптимальных вариантов взаимодействия представительных и исполнительных органов власти на всех уровнях. По итогам обсуждений Съезд принял постановления по всем вопросам, включённым в его повестку, которые при соблюдении достигнутых договорённостей могли бы стать основой для консолидации общества, дальнейшего углубления экономической реформы и способствовать налаживанию конструктивного взаимодействия между представительной и исполнительной властями.

Реализации такого сценария помешало отсутствие опыта взаимодействия законодательной и исполнительной властей, отсутствие парламентских традиций, небольшой период которой в истории России знаменовался постоянными притеснениями и роспусками со стороны верховной власти. На смену Государственным думам пришли Советы, органы, которые их главный идеолог Ленин противопоставлял парламенту, называя их высшей формой демократии. Ирония начала 1990-х состояла в том, что те самые Советы, которые не предусматривали разделения властей, теперь провозгласили себя парламентом, при этом пытаясь сохранить в себе суть Советов с их обширными полномочиями. Но каждый раз «спотыкались» о президента, который бился за каждую пядь своих прав. Формально борьба шла за ту или иную программу экономических реформ, но решающая битва разразилась за разные проекты Конституции, которые должны были сделать Россию парламентской или президентской республикой.

Список литературы

1. Гайдар 1996 – Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. 365 с.
2. Ельцин 1994 – Ельцин Б. Записки Президента. М.: Огонек, 1994. 415 с.
3. Костиков 1997 – Костиков В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: «Вагриус», 1997. 350 с.
4. Шейнис 2005 – Шейнис В. Взлёт и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М.: [Изд-во Р. Элинина], 2005. 769 с.
5. Шейнис 2003 – Шейнис В. Седьмой Съезд российских депутатов. Политическая драма в пяти действиях. // Полития. 2003. № 1. С. 121-140.
6. Эпоха Ельцина 2011 – Эпоха Ельцина. Очерки политической истории России. М., 2011. 815 с.
7. Ясин 1993 – Ясин Е. Судьба экономической реформы в России // Вопросы экономики. № 2. 1993. С. 123–130.

References

1. Gaydar, Ye. (1996), Dni porazheniy i pobed [*Days of defeats and victories*], Vagrius, Moscow, 1996.
2. Yeltsin, B. (1994), Zapiski Prezidenta [*Notes of the President*], Ogonek, Moscow, 1994.
3. Kostikov, V. (1997), Roman s prezidentom. Zapiski press-sekretarya [*An affair with the president. Press Secretary's notes*], Vagrius, Moscow, 1997.
4. Sheynis, V. (2005), Vzlet i padeniye parlamenta: perelomnyye gody v rossiyskoy politike (1985–1993) [*The Rise and Fall of Parliament: the Turning Years in Russian Politics (1985-1993)*], No.2, Izd-vo R. Elinina, Moscow, 2005.
5. Sheynis, V. (2003), Sedmoy syezd rossiyskikh deputatov. Politicheskaya drama v pyati deystviyakh [*The Seventh Congress of Russian Deputies. A political drama in five acts*] // *Politiya*, №1, pp.121–140
6. Epokha Yeltsina. Ocherki politicheskoy istorii Rossii [*The Yeltsin era. Essays on the political history of Russia*], Moscow, 2011.
7. Yasin, Ye. (1993), Sudba ekonomicheskoy reformy v Rossii [*The fate of economic reform in Russia*] // *Voprosy ekonomiki*, № 2, pp. 123–130.

Информация об авторе

Фатима В. Малхозова, кандидат исторических наук
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
fa-m@yandex.ru

Information about author

Fatima V. Malkhozova, Cand. of Sci. (History)
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia bld.19, Dmitria Ylianova Street, Moscow, Russia
fa-m@yandex.ru

Владимир Путин: глава правительства Российской Федерации (2008 – 2012)³⁶³

Пётр П. Черкасов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
ptch46@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется внутренняя и внешняя политика Владимира Путина с мая 2008 г. до марта 2012 г., когда он возглавлял правительство Российской Федерации. Его приход в Белый дом совпал с началом мирового экономического кризиса, болезненно ударившего по экономике России. Путину удалось мобилизовать все имеющиеся ресурсы и минимизировать неизбежные экономические потери, доказав свою способность управлять страной не только в благополучные времена. Вместе с тем Путину, который успешно справился с экономическим кризисом 2008 – 2009 гг., не удалось победить коррупцию и бедность, что он считал своими важнейшими задачами, как не удалось обеспечить устойчивый экономический рост, что, разумеется, было проблематично в условиях кризиса. Успешная в целом деятельность Владимира Путина во главе правительства облегла его победу на президентских выборах в 2012 году и возвращение в Кремль.

Ключевые слова: Россия, Владимир Путин, Председатель правительства, Президент, мировой экономический кризис, социальная сфера, США, Запад.

Vladimir Putin: Head of government of Russian Federation (2008 – 2012)

Petr P. Cherkasov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
ptch46@mail.ru

Abstract. This article analyzes the domestic and foreign policy of Vladimir Putin from May 2008 to March 2012, when he headed the government of the Russian Federation. His arrival to the White House coincided with the beginning of the global economic crisis, which hit the Russian economy painfully. Putin managed to mobilize all available resources and minimize the inevitable economic losses, proving his ability to govern the country not only in good times. Nevertheless, Putin, who successfully coped with the economic crisis of 2008–2009, failed to defeat corruption and poverty, which he considered his most important tasks, as well as he failed to ensure sustainable economic growth, a task problematic in a crisis. Vladimir Putin's overall success as head of government made it easier for him to win the 2012 presidential election and return to the Kremlin.

Keywords: Russia, Vladimir Putin, Prime Minister, President, world economic crisis, social sphere, USA, West.

---

363 Статья представляет собой продолжение предыдущего исследования автора. См. [Черкасов 2021, с. 112–127].

Когда 26 марта 2000 г. президентом России был избран Владимир Путин³⁶⁴, мало кто мог в полной мере оценить значение и долговременные последствия этого события. Одни рассматривали Путина исключительно как ставленника «большой семьи» ушедшего на покой Бориса Ельцина и по этой причине не ждали больших перемен. Другие, как в России, так и на Западе, где СМИ изначально создали Путину негативный имидж, видели в нём только «человека из КГБ», который способен положить конец демократическим завоеваниям девяностых и реставрировать в той или иной форме коммунистический режим. Те же немногие, кто работал с Путиным в мэрии Санкт-Петербурга, знали его как ученика и последователя Анатолия Собчака, одного из «отцов» молодой российской демократии. О соотношении консервативного и либерального начал в мировоззрении Владимира Путина ещё долго будут спорить политики и политологи, но так и не придут к согласию.

Первые два президентских срока В. Путина показали, что он придерживается консервативно-либеральных убеждений. Будучи патриотом и безусловным государственным деятелем в политике, он в то же время не видел альтернативы либеральной модели для успешного развития российской экономики. При этом Путин не разделял мнения тех экономистов-радикалов, которые продолжали настаивать, вопреки печальному опыту 1990-х годов, на постулате о саморегулируемости рынка и фактическом отстранении государства от участия в экономической жизни. Именно поэтому либеральная экономическая модель, сформулированная Егором Гайдаром и его командой в 1992 г., которой в основных её параметрах придерживались все последующие правительства, была существенно скорректирована Путиным в сторону более активного присутствия государства в экономике, включая отдельные элементы её государственного регулирования.

Первые два срока президентства Владимира Путина (2000 – 2008 гг.) в целом были для России успешными. За восемь лет укрепились расшатанные в 90-е годы основы государства, снизился опасный накал внутривнутриполитической борьбы, которая, однако, во многом утратила открытый состязательный характер, окрепла экономика, заметно улучшились условия жизни населения, возросли активность и влияние России в международных делах.

В значительной степени этому способствовали благоприятная для России конъюнктура в мировой экономике и, прежде всего, высокие цены на энергоносители³⁶⁵, составлявшие главную статью российского экспорта. Но очевидны были и личные заслуги президента Путина, сумевшего покончить с «феодальной вольницей» региональных элит и притушить очаги сепаратизма на территории России, установить ту самую «вертикаль власти»,

---

364 Официально В.В. Путин вступил в должность президента Российской Федерации 7 мая 2000 г.

365 В 1999 г. нефть на мировых рынках стоила 17,9 долл. за баррель; в 2000 – 28,5; в 2001 – 24,2; в 2002 – 25; в 2003 – 28,8; в 2004 – 38,3; в 2005 – 54,5; в 2006 – 65,1; в 2007 – 72,4; в 2008 – 97,3 долл. за баррель. Подробнее: Статистика: история цен на нефть [Электронный ресурс] // Сайт Руксперт. URL: http://ruexpert.ru/Статистика:История_цен_на_нефть (дата обращения 21 мая 2020).

за которую его будут последовательно критиковать политические оппоненты как в самой России, так и за рубежом.

В то же время за первые восемь лет ему не удалось создать саморегулируемую и многоуровневую систему управления государством. На смелую разрушительную хаосу 90-х годов пришло централизованное ручное управление из Кремля, но и оно работало со сбоями.

В данной статье проанализирована внутренняя и внешняя политика Владимира Путина с мая 2008 г. до марта 2012 г., когда он возглавлял правительство Российской Федерации (2008 – 2012 гг.).

* * *

В начале 2008 г. подходил к концу второй президентский срок Владимира Путина. По действовавшей на тот момент Конституции, он не мог баллотироваться на третий срок, не изменив соответствующей главы Основного закона, к чему его подталкивали наиболее ретивые сторонники. Вопреки ожиданиям, Путин не поддался искушению, твёрдо заявив, что не будет инициировать внесение поправки в Конституцию 1993 года, определявшей, что один и тот же человек не может занимать пост главы государства более двух сроков подряд, т. е. восемь лет.

Вместе с тем мало кто в России и за рубежом представлял, что Путин может добровольно отойти от управления государством. И дело было не в жажде власти, в чём его упрекала непримиримая оппозиция, а в незавершённости инициированных им структурных преобразований. Передать начатое грандиозное переустройство страны в случайные руки (даже через свободные выборы) он считал недопустимым и безответственным.

Поэтому задолго до истечения своих полномочий Путин начал подготовку транзита власти, причём такого транзита, который, гарантировал бы продолжение взятого им курса.

Одна из таких гарантий предполагала сохранение за Путиным определяющего влияния на принятие важнейших государственных решений. В задуманной Путиным комбинации пост главы государства должен был занять человек, во-первых, разделяющий его видение перспектив развития России, а во-вторых, пользующийся его исключительным доверием.

Из «ближнего круга» своих соратников Путин после тщательного отбора выбрал двоих – Дмитрия Анатольевича Медведева и Сергея Борисовича Иванова. Первый был его сподвижником по работе в мэрии Санкт-Петербурга и затем в Москве, а второй – коллегой по службе в КГБ (ещё в Ленинграде) и впоследствии в ФСБ и СВР. Оба они после избрания Путина президентом России в 2000 г. прошли «обкатку» в высших структурах власти – оба в разное время возглавляли Администрацию президента, оба занимали посты вице-премьеров. Иванов потрудились и в должности секретаря Совета безопасности, а позднее – министра обороны. Первый из них – человек сугубо штатский, университетский преподаватель, специалист в области гражданского права – вызывал определённое доверие в либеральной части общества. Второй – ветеран КГБ, генерал СВР – мог рассчитывать на поддержку силовых структур и патриотов советской формации.

В конечном счёте, Путин сделал ставку на Медведева, в чём, как покажет последующее развитие событий, не ошибся. «Владимир Владимирович прекрасно знал, на что шёл, когда в 2008 году выбрал Дмитрия Медведева, а не Сергея Иванова», – многозначительно заметил по этому поводу Тьерри де Монбриаль, президент Французского института международных отношений, имевший опыт личного общения со всеми участниками этой истории [Монбриаль 2019, с. 482].

Выбор в пользу считавшегося либералом Медведева, а не «силовика» Иванова, помимо прочего, можно было трактовать и как сигнал Западу, встревоженному Мюнхенской речью Путина (2007 г.)³⁶⁶. Уходящий президент, возможно, хотел тем самым успокоить своих западных «партнёров», дать им понять, что Россия настроена на продолжение диалога, несмотря на её недовольство действиями последних. Медведев олицетворял собой и курс на продолжение в России либеральных реформ – не только в экономике, но и во внутренней политике.

10 декабря 2007 г. президент Путин публично поддержал кандидатуру Медведева на пост главы государства, а 17 декабря съезд партии «Единая Россия» выдвинул его своим кандидатом на предстоящие президентские выборы.

Поддержка Путина и «Единой России», с которой солидаризировались «Справедливая Россия», Аграрная партия и либеральная «Гражданская сила», обеспечили Медведеву 2 марта 2008 г. убедительную (70,28%) победу на выборах³⁶⁷.

Владимир Путин на следующий день после вступления Медведева в должность главы государства (7 мая 2008 г.) был назначен председателем правительства России. На должность одного из своих заместителей Путин пригласил Сергея Иванова, поручив ему курировать военную промышленность.

---

366 Выступая на Мюнхенской конференции по политике безопасности (февраль 2007 г.), Путин впервые открыто предъявил счёт России «коллективному Западу» за попытки постоянно обманывать её и за отказ считаться с российскими интересами. С шокировавшей западных участников конференции откровенностью президент Путин отверг однополярную модель современного мира, навязываемую Соединёнными Штатами другим государствам после окончания холодной войны. Полный текст речи В. Путина в Мюнхене (с ответами на вопросы) см.: [Путин 2018, с. 91–126].

367 Деятельность Дмитрия Медведева на посту главы государства, как и оценка его президентства, выходят за рамки данной работы. Задача автора – показать роль Владимира Путина, в частности, в период, когда он возглавлял правительство России (2008 – 2012). Здесь же можно упомянуть лишь о некоторых решениях президента Медведева: внесение изменений в Конституцию о расширении срока полномочий главы государства и Государственной Думы с четырёх до шести лет, либерализация законодательства в сфере предпринимательской деятельности, гуманизация исправительной системы, военная реформа и принятие новой оборонительной доктрины, реформа МВД (полиция вместо милиции), создание научных инновационных центров (Сколково), расширение территории Москвы, реформа часовых поясов на территории России и др. Демонстрируя самостоятельность, президент Медведев отправил в отставку казавшегося «непотопляемым» мэра Москвы Юрия Лужкова (с формулировкой – «в связи с утратой доверия»), а также вице-преьера и министра финансов Алексея Кудрина, одного из ближайших соратников Путина. В президентство Медведева был преодолен почти вековой раскол Русской Православной Церкви путём присоединения к ней на правах автономии Русской Зарубежной Православной Церкви (2008 г.). В 2009 г. произошла окончательная нормализация отношений между Россией и Ватиканом, где открылось российское посольство.

Проведённая на вершине пирамиды власти в 2008 г. рокировка окончательно прояснила новую ситуацию, в которой ушедший на второй план Путин продолжал играть важнейшую роль в выработке и реализации государственных решений.

В политике Запада по отношению к постсоветской России «добрые слова» не всегда подкреплялись добрыми делами. Столкнувшись с этим пришлось и обнадёженному Западом «либералу» Медведеву.

Ровно через три месяца после своей инаугурации, день в день, он оказался перед лицом агрессии, которую в ночь на 8 августа 2008 г. развязал поощряемый США президент Грузии Михаил Саакашвили против Южной Осетии, где были обстреляны и понесли потери российские миротворцы, находившиеся в этом районе по мандату ООН³⁶⁸. «Грузино-осетинская война августа 2008 года, которая не могла быть начата без “благословения” со стороны США и по ходу которой военные самолёты США срочно перебрасывали грузинский военный контингент из Ирака назад в Грузию, стала водоразделом, после которого на возможности конструктивных отношений с США и Западом был со всей очевидностью поставлен крест», – констатировал один из ведущих аналитиков ИМЭМО Н.А. Косолапов³⁶⁹.

9 августа Верховный Главнокомандующий Дмитрий Медведев распорядился выдвинуть подразделения 58-й армии, дислоцированной на Северном Кавказе, в район боевых действий. Операция по «принуждению к миру», как её назовут, завершилась через пять дней полным разгромом грузинских агрессоров. Политическим итогом этой пятидневной войны стало официальное признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии³⁷⁰.

Таким образом, первый тест на стойкость и способность действовать в критической ситуации президент Медведев, энергично поддержанный Путиным, в целом прошёл успешно.

Но вот второй тест показал двусмысленную позицию, которую Россия первоначально заняла по ливийской проблеме. Российский представитель в ООН, действуя в соответствии с полученной из Москвы директивой, 17 марта 2011 г. воздержался при голосовании в Совете Безопасности резолюции, давшей «зелёный свет» иностранной военной интервенции (в

---

368 На личную ответственность Михаила Саакашвили в развязывании этого военного конфликта указывает Саломе Зурабишвили, министр иностранных дел в 2004–2005 гг. а с декабря 2018 г. – президент Грузии. См.: [Zourabichvili 2009, pp. 297–324]. Да и сам М. Саакашвили в конечном счёте вынужден был признать, что именно он отдал приказ о наступлении на Цхинвал, хотя и пытался оправдать своё решение желанием «нейтрализовать вражеские позиции, с которых вёлся обстрел наших линий и деревень», а также намерением «заблокировать продвижение российских войск в сторону грузинской территории через Рокский тоннель». См.: [Saakachvili 2008, pp. 11–12].

369 Запись беседы автора с Н.А. Косолаповым 23 марта 2021 г.

370 Все политические наблюдатели обратили внимание на то, что ни одна из стран СНГ, включая союзную Белоруссию, не последовала примеру России и не признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что свидетельствовало о настороженном отношении бывших советских республик к действиям России на постсоветском пространстве.

основном силами стран-участниц НАТО) с целью свержения режима М. Каддафи. Впоследствии Владимир Путин неоднократно отмечал, что это была серьёзная ошибка российской дипломатии. Россия на правах постоянного члена СБ ООН, по его мнению, должна была наложить вето на проект резолюции.

Когда, год спустя, в ООН будет проводиться аналогичное голосование по Сирии, представитель России заблокирует подготовленный Соединёнными Штатами и их союзниками проект резолюции о вмешательстве в гражданскую войну в этой стране.

Что касается Владимира Путина, то на посту председателя правительства ему пришлось заняться прежде всего социально-экономическими проблемами. По унаследованной с брежневских времён традиции, глава правительства отвечал прежде всего и главным образом за экономику. Именно он, наряду с соответствующими министрами (финансов, экономического развития, промышленности, сельского хозяйства) и председателем Центробанка считался ответственным за провалы и просчёты в экономике и мог вместе с ними быть отправлен в отставку, как это неоднократно бывало при Ельцине.

С приходом в Белый дом Путину пришлось сменить сферу ответственности и род занятий, к чему он быстро адаптировался, поскольку и на посту главы государства, помимо вопросов стратегического характера (оборона и внешняя политика), он постоянно, пусть и не в деталях, занимался решением экономических и других проблем. Но два его президентских срока (2000 – 2008) пришлись на благоприятную для России экономическую конъюнктуру, поддерживаемую высокими ценами на энергетическое сырьё, что всегда было чрезвычайно важно для России. Эти восемь лет показывали высокие темпы экономического роста. А вот в должности главы правительства Путин вступил совсем в другой, крайне неблагоприятной для экономики России, ситуации.

На рубеже 2007–2008 гг. в США разразился ипотечный кризис, который в считанные месяцы перерос в экономический кризис глобального характера, сопоставимый по масштабам и последствиям с Великой депрессией 1930-х гг. В 2009 г. мировой ВВП впервые после 1945 г. показал отрицательную динамику. Одновременно более чем на 10% упала мировая торговля. Главной жертвой экономических потрясений в мире в целом и особенно в России стал средний класс. Рекордного показателя за всё время мониторинга всемирного рынка труда достигла безработица – 200 млн человек в 2009 году.

До России, уже интегрированной, хотя и не в полной мере, в мировую экономику, кризис добрался в мае 2008 г., когда Путин только заступил на пост главы правительства. В силу разных причин структурно-экономического и политического характера неустойчивая и деформированная своей сырьевой составляющей экономика России пострадала в наибольшей степени по сравнению с другими странами. В 2009 г. по сравнению с предыдущим ВВП России упал на 7,9%, в то время как у США – только на 2,5%, а у Германии и Великобритании – на 5%. На этом фоне впечатляюще выглядел Китай, где годовой прирост составил 9% [Буянов 2020, с. 123].

Кризисная ситуация в российской экономике усугубилась обвалом мировых цен на нефть³⁷¹, составлявшую более трети бюджетных поступлений³⁷², а также огромной задолженностью (527 млрд долларов на октябрь 2008 г.) российских компаний перед внешними кредиторами. Положение усугубилось резким оттоком иностранных инвестиций из России (свыше 20 млрд долларов) в результате российской военной операции против Грузии в августе 2008 г.

Решением всех этих острых проблем и занялось правительство Владимира Путина, авторитет и политическое будущее которого напрямую зависели от его способности справиться с кризисом³⁷³.

На борьбу с кризисом правительство Путина бросило все имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Только в 2008 г. бюджетные антикризисные меры оценивались в 1089 млрд руб. (2,6% ВВП), из которых 785 млрд получил финансовый и 304 млрд – реальный сектора экономики. Финансовый сектор получил поддержку в виде субординированных кредитов и рекапитализации банков. Солидная финансовая поддержка была оказана Агентству по страхованию вкладов и Агентству по ипотечному жилищному страхованию.

Реальная экономика была стимулирована путём снижения налогового бремени на отдельные отрасли и на производителей. Правительство Путина в срочном порядке приняло меры, облегчающие приобретение жилья для военнослужащих и социально уязвимых групп населения.

В ещё большем объёме (на общую сумму 1835 млрд руб.) меры государственной поддержки банковской системы, регионов, производителей и малоимущих граждан были продлены в 2009 г. Только на поддержку банков в 2009 г. ушло почти 5,5% ВВП. Антикризисные мероприятия с акцентом на социальную защищённость и стабильность были продолжены и в 2010 г.

При общем падении российской экономики почти на 8% (2009 г.) правительству Путина удалось обеспечить сохранность вкладов и доходов населения, а также свободный обмен рубля на иностранную валюту. В этом отношении кризис 2008–2009 гг. оказался для экономики и для граждан Рос-

---

371 Бездефицитный бюджет России на 2009 год был рассчитан с учётом цены за баррель нефти марки Urals в 70 долларов, а к ноябрю 2008 г. цена нефти упала до 50 долларов за баррель, что потребовало срочного пересмотра бюджета в сторону сокращения его расходной части.

372 Доля бюджетных поступлений от продажи нефти, составлявшая в 2006 г. 34%, в 2009 г. снизилась до 24%.

373 Наряду с экономикой Путин активно участвовал и в разработке решений, относящихся к внешней и оборонной политике, хотя приоритет здесь оставался за главой государства, т. е. за Дмитрием Медведевым. В качестве председателя правительства и члена Совета безопасности Путин участвовал в подготовке договора СНВ-3, подписанного 8 апреля 2010 г. в Праге и заменившего истекший ещё в 2000 г. договор СНВ-1. Значительное место во внешнеполитической деятельности Путина занимали вопросы тесного взаимодействия с Казахстаном и Белоруссией. Именно Путин инициировал создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Он же был одним из инициаторов создания объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). «Отдавая Дмитрию Медведеву должное, – заметил в связи с этим авторитетный политолог Дмитрий Тренин, – логично тем не менее рассматривать его четырёхлетнее президентство как часть “путинского” периода российской внешней политики». – [Тренин 2021, с. 214].

сии значительно менее болезненным по сравнению с катастрофой дефолта 1998 года, хотя и более затяжным. Ещё в 2014 г. Дмитрий Медведев, вернувшийся к тому времени в Белый дом, признается: «Строго говоря, мы не выходили из кризиса 2008 г. в полном объёме» [Буянов 2020, с. 123].

Тем не менее Владимир Путин доказал способность успешно руководить страной не только в благоприятных для России и её экономики условиях, но и в период серьёзных финансово-экономических потрясений, что, несомненно, облегчало впоследствии его возвращение в Кремль.

Особое беспокойство по этому поводу выражал Вашингтон, где откровенно предпочли бы иметь дело с «либералом» Медведевым, а не с «чекистом» Путиным. Президент Барак Обама выказывал публичную поддержку Медведеву и одновременно позволял себе критические высказывания по адресу Путина, а вице-президент Джозеф Байден пошёл ещё дальше. В ходе своего визита в Москву в 2011 году он настойчиво отговаривал Путина от участия в президентских выборах 2012 года, что трудно было трактовать иначе, чем прямое вмешательство во внутренние дела России.

«Несмотря на интригу, которую пытался сохранить Дмитрий Медведев к концу своего президентства – мол, мы с Путиным решим, кто пойдёт на следующий срок, – практически никто не сомневался в итоговом решении... – справедливо отмечает современный публицист. – Как показала сама жизнь, два этих политика принадлежат всё-таки к разным весовым категориям, поэтому у Медведева был лишь один шанс остаться в Кремле – если бы этого пожелал Путин.

Однако не пожелал. И не потому, что Владимир Владимирович властолюбив – этого греха за ним, на мой взгляд, не наблюдается, он лишь использует свои властные полномочия так, как считает нужным, а это не одно и то же. Действительно, если Ельцин наслаждался властью, то Путин, используя свои властные рычаги как вёсла, изо всех сил пытается во главе России “выгрести”. Отсюда и признание: “тружусь как на галерах”...

Согласно всем опросам, как официальным, так и антипутинским, у Владимира Владимировича на российском политическом поле не было на тот момент ни единого серьёзного конкурента. Однако виновна в этом, если судить объективно, не только нынешняя политическая система или традиционная для российского народа привязанность к сильному лидеру, но и слабость оппозиции, – подчёркивает П. Романов. – За всё время правления Путина и Медведева, – продолжает он, – ничего, кроме критики, из этого лагеря не прозвучало [Зыгарь 2021]³⁷⁴. Оппозиция (ни левая, ни правая, ни та, что ближе к центру) так и не предложила альтернативную программу, понятную и приемлемую не только для неё самой – это как раз просто, – но и народу.

Ни разу оппозиция не смогла объединить в одно целое свои мелкие и разношерстные отряды. Внутренние дразги да и просто личные амбиции каждый раз оказывались важнее российских интересов.

---

374 В обобщённом виде претензии несистемной оппозиции к Путину и Медведеву изложены в книге бывшего главного редактора телеканала «Дождь».

Не выдвинула оппозиция из своих рядов и фигуру, способную реально претендовать на роль общенационального лидера. И дело, разумеется, не в том, что “охранка” всех потенциальных национальных лидеров отправила на каторгу. Их просто нет. И это российская беда. Между тем поиск и воспитание оппозиционных лидеров – не обязанность Кремля, а забота оппозиции» [Романов 2020, с. 49–50].

Похожий взгляд на природу тандема Медведев – Путин высказывает политический аналитик Н.А. Косолапов, заведующий Отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН.

Из беседы с Н.А. Косолаповым:

«Надо признать, что бездумное копирование американской системы (два президентских срока по четыре года, и всё) в стране, которая по сути ещё только начала переживать смену всего жизненного уклада и не имела устоявшейся партийно-политической системы (даже правящая партия несколько раз сменила название), отлаженного госуправления и много чего ещё – в такой стране частая смена лиц у власти гарантировала бы как минимум длительную системную нестабильность, как максимум несла бы опасность внутренних конфликтов и дезинтеграции.

Действовавшая на тот момент Конституция ставила чёткие ограничения, и надо было или их соблюдать, хотя бы формально, или менять Конституцию в пожарном порядке (что не было бы понято тогда ни в стране, ни за рубежом), или идти на прямое её нарушение. Вариант тандема изящно решал проблему соблюдения Конституции по форме и обхода её ограничений, по существу.

Вариант тандема давал и крайне важную возможность проверить Запад, прежде всего США «на вшивость». Заслуженно или нет, но Медведев воспринимался там как политический и психологический антипод Путина. Возникал вопрос, произойдут ли какие-то перемены – и какие именно – в подходе США к России в период президентства Медведева. 8 августа 2008 года началась операция Грузии против Южной Осетии – в день, когда в Пекине открывались Олимпийские игры и Путин присутствовал на их открытии...»³⁷⁵.

В целом можно констатировать, что те четыре года, когда Владимир Путин возглавлял правительство в условиях мирового экономического кризиса, болезненно затронувшего Россию, показали, что он способен эффективно управлять страной не только в благополучные для российской экономики времена. Безусловно, это облегчило его возвращение в Кремль.

На очередных президентских выборах, состоявшихся 4 марта 2012 г., Путин одержал убедительную победу уже в первом туре, получив по официальным данным 63,6% голосов. На пост главы правительства избранный президент предложил кандидатуру Дмитрия Медведева, которая была утверждена Государственной Думой.

---

375 Запись беседы автора с Н.А. Косолаповым 23 марта 2021 г. В беседе политический аналитик высказывает свою личную точку зрения.

Очередная рокировка ещё на стадии её подготовки после парламентских выборов (декабрь 2011 г.) вызвала протесты в части общества, где результаты проведённых выборов в Государственную Думу сочли сфальсифицированными в пользу правящей партии «Единая Россия». Возвращение Владимира Путина в Кремль, а Дмитрия Медведева – в Белый дом ещё более усилило протестные настроения. Поощряемая из-за рубежа либеральная оппозиция чувствовала себя обманутой и оскорблённой «вероломством» и «цинизмом» власти.

Не сумев предотвратить возвращение Владимира Путина в Кремль, Вашингтон расширил оказание поддержки несистемной оппозиции в России, что дало основание Москве говорить о недопустимом вмешательстве США в российский политический процесс и впоследствии принять меры, ограничившие возможности такого вмешательства. «Если в 1990-е годы США были коллективным патроном руководства России, то в начале 2010-х они стали превращаться в патрона российской либеральной оппозиции», – заметил по этому поводу Дмитрий Тренин, директор Московского Центра Карнеги [Тренин 2021, с. 218].

Так начинался третий президентский срок Владимира Путина. В соответствии с принятой незадолго до выборов конституционной поправкой срок полномочий президента был увеличен с четырёх до шести лет³⁷⁶. Таким образом, Владимир Путин получил мандат на управление страной до 2018 года.

---

376 В ноябре 2008 года тогдашний президент Дмитрий Медведев инициировал принятие поправок в Основной закон, увеличивших срок полномочий главы государства с четырёх до шести лет, а Государственной Думы – с четырёх до пяти лет. Эти поправки вступали в действие в 2012 году.

Список литературы

1. Буянов 2020 – Буянов В.С. Очерки о России: власть, политика, идентичность. М., 2020. С. 123.
2. Зыгарь 2021 – Зыгарь М. Вся королевская рать: Краткая история современной России. 2-е изд. М., 2021.
3. Монбриаль 2019 - Монбриаль Тьерри де. Русский дневник 1977 – 2011. Пер. с франц. М, 2019. С. 482.
4. Путин 2018 – Путин Владимир. Россия, устремлённая в будущее. Ключевые цитаты. Исторические речи. М., 2018. С. 91–126.
5. Романов 2020 – Романов Пётр. Россия и Запад: от Медведева до Путина. М., 2020. С. 49–50.
6. Тренин 2021 – Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М., 2021. С. 214, 218.
7. Черкасов 2021 – Черкасов П. Начало эры Путина (2000 – 2008) // «Мировая экономика и международные отношения», № 5, 2021. С. 112–127.
8. Zourabichvili 2009 – Zourabichvili Salomé. La tragédie géorgienne 2003 – 2008. Paris, 2009. P. 297–324.
9. Saakachvili 2008 – Mikheil Saakachvili avec Raphaël Glucksmann. Je vous parle de liberté. Paris, 2008. PP. 11–12.

References

1. Buyanov, V.S. (2020), *Ocherki o Rossii: vlast', politika, identichnost' [Essays about Russia: power, politics, identity]*, Moscow.
2. Cherkasov, P. (2021), *Nachalo e`ry` Putina (2000 – 2008) [The beginning of the Putin's era (2000 – 2008)]*, *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya*, No. 5.
3. Mikheil Saakachvili avec Raphaël Glucksmann (2008), *Je vous parle de liberté*. Paris.
4. Montbrial, Thierry de. (2019), *Russkij dnevnik 1977– 2011 [Russian diary 1977 – 2011]*, Moscow.
5. Putin, Vladimir (2018), *Rossiya, ustremennaya v budushhee. Klyuchevy`e citaty`. Istoricheskie rechi [Russia, looking to the future. Key quotes. Historical speeches]*, Moscow.
6. Romanov, Peter (2020), *Rossiya i Zapad: ot Medvedeva do Putina [Russia and the West: from Medvedev to Putin]*, Moscow.
7. Trenin, Dmitry (2021), *Novy`j balans sil. Rossiya v poiskax vneshnepoliticheskogo ravnovesiya [A new balance of power. Russia in Search of Foreign Policy balance]*, Moscow.
8. Zourabichvili, Salomé (2009), *La tragédie géorgienne 2003–2008*. Paris.
9. Zygar, M. (2021), *Vsya korolevskaya rat`: Kratkaya istoriya sovremennoj Rossii [The Whole Royal Army: A Brief History of Modern Russia]*, Moscow.

Информация об авторе

Пётр П. Черкасов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
главный научный сотрудник Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д.32а;
ptch46@mail.ru

Information about the author

Petr P. Cherkasov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. of Sci. (History), Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian
Academy of Sciences, Chief Researcher of the Primakov National Research Institute of
World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
bld. 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia;
ptch46@mail.ru

Актуальные проблемы «истории окружающей среды»

«Environmental history»/«История окружающей среды»/ «Экологическая история»: новый/старый маршрут исторической науки

Валерий И. Дурновцев

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
vdurnovcev@gmail.com,
ORCID ID 0000-0000-5860-2808

***Аннотация.** Статья посвящена истории возникновения и развития научного направления в мировой историографии – «Environmental history» («История окружающей среды»). Содержится критический анализ применения в российской исторической науке понятия «Экологическая история» в качестве равнозначного понятию «Environmental history». Предлагается привести в соответствии с международной практикой российскую версию взаимодействия Человека и Природы во времени, взаимоотношений человека и окружающей его среды в прошлом, природы и культуры в историческом движении. Рассмотрены проблемные историографические аспекты разработки «Истории окружающей среды» в России и мире.*

***Ключевые слова:** история окружающей среды, историография, проблематика истории окружающей среды*

«Environmental history»: new/old route of historical science

Valeriy I. Durnovtsev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vdurnovcev@gmail.com
ORCID ID 0000-0000-5860-2808

***Abstract.** Article is devoted to history of emergence and development of the scientific direction in a world historiography – «Environmental history». The critical analysis of application contains in the Russian historical science of the concept «Ecological History» as equivalent to the concept «Environmental history». It is offered to provide according to the international practice the Russian version of interaction of the Man and the Nature in time, relationship of the person and the environment surrounding him in the past, the nature and culture in historical movement. Problem historiographic aspects of development of «History of environment» in Russia and the world are considered*

***Keywords:** «Environmental history», historiography, perspective of history of environment*

Отсчёт истории возникновения «Environmental history» как нового направления в мировой историографии обычно ведётся со второй половины 60-х гг. минувшего века, а персонально связывается с Родериком Нэшем, автором получившей широкую известность и выдержавшей четыре переиз-

дания книги «Wilderness and the American mind» («Пустыня и американский разум», 1-е изд. 1967). Историк и в самом деле был в числе первых, применивших термин «Environmental history», т. е. история окружающей среды в статье в «Тихоокеанском историческом обзоре» и в курсе «История окружающей среды в Америке» в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре [Williams 1994]. Если история, писал Р. Нэш, учительница жизни, то давайте мы зададим ей вопрос: чему мы можем научиться у прошлого в части, касающейся взаимоотношения человека с природой? Впрочем, известно о прочтении курса на тему «Environmental history» в 1969 г. в Лондонском университете экономистом Генри Бернштейном, на что обратили внимание британский историк Р.Х. Гроув, заслуженно считающийся одним из основоположников истории окружающей среды, автор одной из заметных и новаторских работ в этой области «Зелёный империализм: колониальная экспансия, райские районы тропических островов и истоки защиты окружающей среды», 1600–1860 (1995), и его жена Винита Дамодоран. Однако каких бы то ни было теоретических и практических последствий это замечание не возымело [Pádua 2010].

Непосредственным толчком возникновению «Environmental history» послужило широкое общественное движение в США в защиту окружающей среды, обострившее внимание к сохранению «дикой природы». «Голоса улицы» были услышаны историками и побудили их ответить на требования общественности своими методами и средствами. Был использован интеллектуальный багаж – огромная литература о выдающейся роли природно-географического фактора в человеческой истории.

На самом деле историографические и историко-географические корни «Environmental history» уходят далеко вглубь исторического познания и, разумеется, задолго не только образования США, но и открытия Америки. Её предыстория обнаруживается там и тогда, где и когда речь заходит о взаимоотношениях Природы и Человека, а это, безусловно, мощный пласт истории исторической мысли и науки, начиная с эпохи античности. Так что возникшие сомнения в новаторстве проблематики были неслучайными.

Ближайших источников идей о необходимости изучать историю людей в контексте истории природы было предостаточно. Среди них книга «Человек и природа» (1864) американского дипломата и филолога, первого защитника «дикой природы» в Америке Джорджа Перкинса Марша, подчеркнувшего, что природа «мстит за себя» обществам, которые ухудшают окружающую среду [Марш 1866]. Или эссе 1893 г. знаменитого американского историка, автора оригинальной теории «фронтира» Фредерика Тёрнера, в которой он писал, что развитие Америки можно объяснить как прогрессивную и последовательную трансформацию от «дикой природы» к «цивилизации» [Тёрнер 2009, с. 13–43].

Изначально «Environmental history», с одной стороны, непосредственным образом оказалась связанной с «environmental sciences» – науками, занимающимися изучением окружающей среды, но с другой стороны, и это в нашем случае главное, – с исторической наукой.

Одно из распространённых и поистине всеобъемлющих определений «Environmental history»: взаимодействие Человека и Природы во времени.

В таком случае её познавательные границы расширились, покрывая, например, историческую и культурную географию, историю естественных наук. «Environmental history» поистине становилась историописанием «без берегов».

Но требовалось уточнение объёма и содержания «Environmental history». Они предлагались по мере расширения её проблемных полей. В 1988 г. Дональд Уорстер заявил, что новое направление «пытается сделать историю более содержательной в её нарративах», исследуя «роль и место природы в человеческой жизни», а в 1993 г. подчеркнул, что оно «исследует пути, которыми биофизический мир влиял на курс истории человечества и путей, что люди об этом думали, пытаясь преобразовать свою среду». В 2001 г. Дж. Дональд Хьюз определил предмет «Environmental History» как «исследование человеческих отношений в течение времени с естественными сообществами, из которых они – часть, чтобы объяснить процессы изменения, которые затрагивают те отношения». В 2006 г. он заметил, что это история, которая ищет понимания людей, поскольку они жили, работали и думали в отношениях к остальной части природы через изменения, внесённые временем». Историки окружающей среды «заинтересованы тем, что люди думали о природе и как они выразили свои идеи в народных религиях, массовой культуре, литературе и искусстве» [Hughes 2006].

В самом общем виде история окружающей среды в границах исторической науки изучается в трёх постоянно пересекающихся направлениях. Это сама природа, её изменение с течением времени, включающее физическое воздействие на человеческие общества земель, воды, атмосферы и биосферы. Это процессы использования людьми природных ресурсов, в том числе анализ последствий увеличения численности населения, промышленные и технологические революции, колониальные экспансии, изменения структуры производства и потребления. Наконец, это образы природы в литературе и искусстве, религии и науке.

Дональд Хьюз предлагал рассматривать «Environmental history» в трёх измерениях. Первое: континуум культуры – природы. Второе: континуум между историей и наукой. Третье: континуум времени и пространства. По существу, его «Три измерения истории окружающей среды» – приглашение к широкой дискуссии по методологическим, источниковедческим и историографическим проблемам, ничуть не уступающим многовековым спорам в «традиционной» историографии [Hughes 2008].

Так материальная, политическая и культурная история образовали исследовательское пространство истории окружающей среды, которое, в свою очередь, стало условием качественного глобального изучения социоприродной динамики, с одной стороны, и стимулом локальных многосторонних исследований, с другой.

История окружающей среды не является областью более или менее отвлечённого знания. Она непосредственным образом участвует в выработке жизненно необходимого для человеческой цивилизации ответа на вопрос: может ли экономика развиваться без разрушения окружающей среды? Можно спросить и иначе: для новых поколений обедняет ли планету образ жизни современного человечества? В прошлом эти вопросы если и задавались, то в единичных случаях. Люди осознавали наносимый ими ущерб природе, но не

более. И только возникновение идеи «окружающей среды», установление причинно-следственной связи между миром людей и миром природы позволили описать масштаб и объём человеческого воздействия на природу. После Второй мировой войны проблемы истощения природных ресурсов, биоразнообразия, загрязнения приобрели особую остроту, в фокусе оказалось изменение климата. Окружающая среда стала пространством, где сходятся история и современность, начала и концы человеческой истории [Warde, Robin, Sörlin, 2018].

Шведский историк окружающей среды Сверке Сёрлин писал: «Прогрессивный гуманизм не должен застывать в одних рамках, он должен постоянно находиться в поиске природы, её “законов” и “пределов”, с тем чтобы тем самым найти Историю и, в конце концов, обнаружить Природу как часть этой истории. Таким образом, мы утверждаем, что история окружающей среды может выполнить свою миссию лучше всего, если ей удаётся охватить разные проблемные поля, имеющие методологические и дискурсивные различия» [The Oxford Handbook of Environmental history 2014, p. 218].

Для исторической науки история окружающей среды как научное направление завершает эпоху «традиционной», классической, антропологической историографии и одновременно открывает новые перспективы её бесконечного движения к реалиям истории.

Предыстория понятия «*Environmental history*» ведёт к термину *environment* (от французского глагола *environner* – «окружать»), в соответствии с которым человеческие сообщества в значительной степени развиваются под влиянием окружающей среды, природно-географических факторов и существенно зависят от них. Во второй половине минувшего века энвайронментализм стал по преимуществу отождествляться с защитой окружающей среды и приобрёл заметную социальную окраску. Близкий к нему географический детерминизм стал переходящим этапом философской и историографической мысли.

Отсутствие в русском языке прилагательного от слов «окружающая среда» привело к достаточно широкому применению в русскоязычной научной литературе термина «энвайронментализм». Но выразительный русский аналог «*Environmental history*» оказался невозможным. В российской историографии закрепился перевод «*Environmental history*» как «Экологической истории».

Автор одного из первых капитальных исследований, чётко ориентированных на историю окружающей среды России, А.М. Калимуллин считает правомерным и оправданным применение термина «Экологическая история», когда речь идёт об «*Environmental history*», ссылаясь на происходящую «экологизацию» всех наук и формирование особого экологического мышления [Калимуллин 2006, с. 15].

Точно так же считают авторы вводной статьи к сборнику «Человек и природа: экологическая история» Д. Александров, Ф.-Й. Брюггемайер и Ю. Лайус: «Поскольку на русском языке по уже сложившейся традиции слово “экология” часто используется не в узкоспециальном, а в самом широком контексте и прилагательное *environmental* обычно переводится как экологический, название дисциплины “экологическая история” является, по нашему мнению, адекватным и наиболее удобным». В другом месте Ю.А. Лайус поясняет, почему этот термин является более предпочтительным в русской

языковой практике – слово «экология» широко используется в культуре [Человек и природа 2008, с. 15].

Получается, что русской версии «Environmental history» мы обязаны «экологии культуры». Д.С. Лихачёв в знаменитых «Заметках о русском» писал: «Человек живёт в определённой окружающей среде. Загрязнение среды делает его больным, угрожает его жизни, грозит гибелью человечеству... Человечество тратит миллиарды и миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранить также природу, которая даёт людям возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах. Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [Лихачёв 2014].

Но слова великого русского гуманиста, открывая богатейшие возможности и невероятные перспективы создания всемирной экологической истории человечества, не снимают с повестки дня актуальную задачу изучения истории окружающей среды именно в системе исторических наук.

И нам не кажутся убедительными аргументы в пользу термина «экологическая история» в русской версии и фактическом отказе от применения общепринятого в европейских языках термина «история окружающей среды» – «Environmental history». Кстати, вполне согласующимся с мировоззренческой позиций Д.С. Лихачёва.

Начнем с того, что «История окружающей среды» соответствует методологически оправданной в современном научном знании «историзации природы». «История окружающей среды» существует и развивается в системе новой исторической науки «на равных» с экономической, политической, социальной, культурной историей. И что-то незаметно стремление западных исследователей к замене «Environmental history», скажем, «Ecological history».

Авторы введения к сборнику «Человек и природа» ссылаются на «большинство языков», в которых название научного направления включает две составляющие – «окружающая среда» и «история». И в самом деле, для немецкой историографии «Environmental history» – это «Umweltgeschichte», французской – «Histoire et environnementale», испанской – «Historia ambiental», шведской – «Miljöhistoria» и т. д. Исключения бывают: например, в чешской историографии предпочтительно словосочетание «historie ochrany životního prostředí», т. е. «история охраны окружающей среды».

Казалось бы, это аргументы в пользу обозначения истории окружающей среды как одного из современных направлений российской историографии, но не экологической истории.

Мы не видим оснований для сужения «Истории окружающей среды»/«Environmental history» до заведомо ограниченной её русской версии – «Экологической истории». Самый широкий контекст характерен именно для «Истории окружающей среды», не противоречащий к тому же понятно-требованию строгости в терминологии.

Исследовательское пространство истории окружающей среды несводимо к вопросам её защиты, к экологической проблематике, хотя и ретроспективно ограниченной. «История окружающей среды» неизмеримо содержательнее богаче «Экологической истории» в её точном определении, а не в результате молчаливой договорённости. Российские исследователи за последние полтора десятка лет, отправляясь от заявленного в американской и бурно развивающейся в европейской историографии научного направления, изучающего историю взаимодействия человека и природы во времени, выбравшие темами своих научных занятий именно историю окружающей среды, без каких-то видимых сомнений признали её как «экологическую историю». Точно так же иногда, но, заметим, не всегда, поступают переводчики текстов зарубежных авторов по истории окружающей среды, опубликованных в России. Скажем, название одного из обстоятельных трудов, переведённых на русский язык, соответствует сложившейся терминологии – «Природа и власть. Всемирная история окружающей среды» Й. Радкау [Радкау 2014]. Показательно название коллективного труда российских и зарубежных исследователей (Пол Джозефсон, Николай Дронин, Алекс Черп, Рубен Мнацкян, Дмитрий Ефременко, Владислав Ларин) – «An Environmental History of Russia» [An Environmental History of Russia 2013].

Но что поделаешь: термин изобретён, стал привычным, придётся с ним считаться. Во всяком случае до поры до времени. Например, когда, в конце концов, станет понятно, что изучение человеческой истории под углом зрения биологической науки в некотором отношении такой же оксюморон, как и научное освоение исторической реальности с точки зрения рационального использования природных ресурсов – сферы прикладной экологии.

Или когда адептам вступающую в полную силу российской истории окружающей среды станет тесно в прокрустовом ложе обязывающего «соответствовать» понятию, отражающее только одну, хотя и важную сторону защиты окружающей среды.

Или когда российские историки окружающей среды, а их количество несопоставимо с исследователями, отчётливо и принципиально заявившими о себе как об экоисториках, но сплошь и рядом выходящих за определённые им соответствующим понятием границы, институционально объединятся под одним девизом – История окружающей среды.

Или когда слишком заметной станет абсурдность изучения ключевого фактора истории России, страны, которая колонизируется, как феномена экологической истории. И очевидность того, что тексты по исторической географии России от Н.П. Барсова до В.К. Яцунского и А.В. Дулова являются вовсе не компонентами экологической истории, а тем более её предвестниками, но именно истории окружающей среды. А в наследии десятков отечественных учёных увидят «чёткие контуры существенного влияния природно-климатического фактора на российский исторический

процесс» [Милов 2009, с. 5]. И в этом длинном списке будут и «горные вершины» русской историографии и естествознания, и выдающиеся учёные историки советской эпохи, и наши великие современники.

Не стоит забывать и об «Исторической экологии». Всем хорош сборник «Историческая экология и историческая демография» [Историческая экология и историческая демография 2003]: доброй памятью о главном редакторе, идеях, лежащих в его основе, квалифицированных авторов, содержании их статей, которые тем не менее заслуживают другого, более точного девиза – «История окружающей среды и историческая демография».

Полезно было бы прислушаться и к мнению экологов.

В последние десятилетия появилось так много разных направлений экологии, что даже специалисты в классической экологии не успевают следить за бурным ростом разных побегов на древе своей науки. Многие наблюдают за этим процессом с раздражением и ревностью. Экологическая мода и экологические деньги породили множество «детей лейтенанта Шмидта» от экологии. Такие «пасынки» и вправду не имеют отношения к области знания, которая, по определению, «...изучает организацию и функционирование надорганизменных систем различных уровней: популяций, биоценозов (сообществ), биогеоценозов (экосистем) и биосферы... Наша веточка не имеет ничего общего ни с «экологией культуры», ни с «экологией духа»; она выросла на одном из вполне процветающих стволов под названием «эволюционная экология», там, где она тесно сплетается с одним из других здоровых побегов – «палеоэкологией» [Смирнов 2002, с. 84–98].

По наблюдениям Péter Szabó, проследившим применение термина «историческая экология», т. е. «Historical ecology» за 65 лет (с 1948 по 2013 год) в англоязычной историографии, термины «Ecological history» и «Historical ecology» были взаимозаменяемыми [Historical ecology 2018].

Таким образом, нам представляется, что произошедшая подмена названия научного направления, вошедшего в мировую историографию как «Environmental history», как «История окружающей среды» его русской версией «Экологическая история», во-первых, сужает исследовательское пространство историков, в том числе в ретроспективном аспекте, во-вторых, порождает постоянную путаницу между «Исторической экологией» и «Экологической историей», в-третьих, в массовом сознании и даже в кругах продвинутой научной общественности объективно прочнее связывает «Экологическую историю» с экологией, чем с дисциплинами и направлениями в системе исторических наук. Направление в российской историографии, связанное с историческими взаимоотношениями человека, общества, государства с природой, может чётко и обоснованно быть обозначено как «История окружающей среды» и совпадать терминологически и содержательно с общепризнанной в мировом научном сообществе «Environmental history».

И именно в таком качестве она уверенно займёт своё место среди других научных дисциплин и направлений в системе исторических наук.

Завершая экскурс в историю определений «Environmental history», обратим внимание на одно из новейших предложений, связанных с ролью кате-

горий текста и контекста в историческом анализе, в своё время предложенного Робертом Дарнтоном и применённым редактором и одним из авторов «Справочника по истории окружающей среды» Э. Изенбергом [The Oxford Handbook of Environmental history 2014]. Природа включена в исторический анализ как текст и контекст одновременно. Историк «читает» окружающую среду, он переводит доступные ему «нетрадиционные» источники на естественные языки. Поистине, «не быть вещам, где слова нет» (Стефан Георге).

В то же время природа – часть контекста исторических изменений, влияющая на человеческую историю. И в таком случае предмет «Environmental history» может быть представлен следующим образом: она изучает окружающую среду в историческом контексте, но в то же время человеческую историю в контексте окружающей среды.

Возникновение новых научных школ нередко сопровождается критикой «школьниками» приверженцев «традиционных» взглядов. Достаточно припомнить жёсткий анализ школой «Анналов» позитивистских концепций, не всегда справедливых к «великому старику» Л. Ранке, мировоззрение которого, кстати, не совсем уместно полностью отождествлять с позитивизмом.

Чаще всего задавался вопрос: в какой мере сторонники нового направления могут претендовать на новаторство своих подходов, имея в виду и широкое распространение концепции географического детерминизма, и безусловную близость «Environmental history» к исторической географии? Были и язвительные замечания: выходит, что историки окружающей среды собираются изучать историю человечества как историю червяков.

Однако последовавший бурный поток эффективных исследовательских практик, чётко ориентированных на «Environmental history», и в самом деле выделяющихся постановкой проблем и подходов, не оставил сомнений в том, что историография параллельно с «лингвистическим поворотом» наметила новый маршрут в научном освоении исторической реальности. Позднее Дж.Р. МакНилл назвал его революцией.

Стимулировали развитие нового научного направления и дискуссии в среде историков истории окружающей среды. В частности, о том, каковы дисциплинарные границы нового направления и на каких темах в первую очередь должны сосредоточиться их интеллектуальные усилия. Наиболее известной была дискуссия, развернувшаяся на страницах «Journal of American History», инициатором которой был Дональд Уорстер, а участниками – Альфред Кросби, Уильям Кронон, Каролин Мерчант, Ричард Уайт и другие. С известной степенью условности речь шла о взглядах «материалистов» и «идеалистов». Материалистическая концепция заключалась в следующем – история окружающей среды «работает» на трёх уровнях: во-первых, открытие структуры и распределение окружающих сред в прошлом; во-вторых, внимание на производственную технологию, поскольку она взаимодействует с окружающей средой; и в-третьих, чисто ментальный тип столкновения, в котором восприятие, идеологии, этика, законы и мифы стали частью человека или диалогом группы с природой. Итак, экология, экономика/ производство и культура/познание имеют первостепенное значение. Устанавливалась и иерархия научных интересов, где фундаментом выступали первые два уровня, а культура выступала в роли надстройки.

Материалисты акцентировали внимание на агроэкологической истории, т. е. на переходе от натурального хозяйства к капиталистической агроэко-системе. Капиталистическим способом производства обосновывался не только организованный человеческий труд, но и трансформация окружающей среды. Доказывалось, что капиталистическая эра ввела в производство новое отношение людей к миру природы. Перестройку природы, а не общества, вот что мы должны раскрыть, утверждал «материалист» Д. Уорстер.

У. Кронон возражал против потенциально чрезмерного материализма Д. Уорстера как подхода, который напрасно закрывал двери в проходы, отличающиеся от его собственного. Он возражал против слепого следования за капиталистическим способом производства. Другой оппонент, Р. Уайт, не поддерживал материалистическую концепцию. Он утверждал, что ставка на способы производства, иерархия научных направлений, основанная на экономической базе, понижает значение культуры по отношению к другим областям в самом вульгарном марксистском смысле.

Но был ещё один, историографический, аспект дискуссии. Если «материалисты» хотели, по существу, вывести историю окружающей среды за пределы исторической науки, оставить за ней ревизионистскую роль, то «идеалисты» настаивали на поддержке культурного поворота в истории и в конечном итоге оставляли историю окружающей среды в границах научного исторического познания, защищали её культурную историю.

Дискуссия отражала очевидный факт: масштаб «Истории окружающей среды», её исследовательские поля слишком разнообразны, проблематика развивается в чрезмерно многих направлениях одновременно, и только время покажет её научную будущность.

«История окружающей среды» быстро получила поддержку в национальных историографиях. Были созданы американская, европейская ассоциации, журналы. Перед историками открылись блестящие перспективы не столько методологического, сколько существенного обновления исследовательских практик. Её неопиты объединились из-за открывшейся возможности общими усилиями преодолеть издержки одностороннего антропологического подхода. Ближайшим интеллектуальным источником нового направления стала школа «Анналов», выступившая против ограничения истории изучением государственных институций и политики и подчеркнувшая насущную необходимость «полных историй».

Феномен возникновения и бурного развития «Экологической истории» – это историографическая закономерность. О неизбежности её появления – неважно где, неважно когда – свидетельствовали многие факты мировой историографии. Одним из проявлений кризисных явлений в традиционной историографии были явные односторонности антропоцентризма, преувеличение во многих историографиях политико-государственных факторов. Не последнюю роль сыграл преобладающий в гуманитаристике монодисциплинарный подход, защита консервативных традиций, сложившихся научных школ, предметных границ, методов и исследовательских практик.

На первых этапах развития нового направления внимание исследователей сфокусировалось на актуальной национальной проблематике.

Так, «История окружающей среды» в Германии вначале возникла в ходе дискуссий о применении ядерных технологий. Но затем спектр исследований был существенно расширен, в частности, за счёт масштабного изучения истории леса. В Индии, где возникло острое противоречие между модернизацией и традицией в использовании природных ресурсов, «История окружающей среды» содействовала эффективному выбору в методах хозяйствования, изучению истории лесов и землепользования. Австралийские исследователи увидели в обновлении проблематики исторической науки новый этап развития исторической географии. В росте экологических проблем из-за массовой вырубке лесов, опустынивания и увеличения числа стихийных бедствий они нашли предмет научно-исторического изучения. Японская историография обратилась к истории загрязнения окружающей среды, почвы, воздуха, воды и болезней, вызванных загрязнением. Эти же проблемы оказались актуальными в китайской историографии.

Постепенно становилось очевидно, что «Экологическая история» легко преодолевает политические и административные границы. Оказалось, что национальные нарративы имеют в конечном итоге глобальное значение. А естественные границы – береговые линии рек, морей, океанов или горных цепей только подчёркивали вторичность политических рубежей, когда речь шла о природе как вместилище человеческой истории.

В своё время Дж. Даймонд поставил в повестку дня решение серьёзной проблемы – «становление гуманитарной истории как исторического естествознания». Историческими науками естествознания он назвал эволюционную биологию, геологию и климатологию [Diamond 1997]. Но этот список далёк от исчерпанности. Благодаря необычайно многочисленным массовым локальным, региональным исследованиям последних десятилетий историография заметно продвинулась в расширении проблематики истории окружающей среды. «Environmental history» – это не только наука истории, но и ботаника, генетика, почвоведение, лесоведение, археология, эпидемиология – список открыт и постоянно пополняется.

Междисциплинарные подходы стали выдающимся качеством «Истории окружающей среды».

При этом невозможно принижать значение вневременных культурных факторов, независимых от природной среды. Безусловное требование непрременного обнаружения природно-географического и климатического факторов в человеческой истории, конечно, крайность, сродни их игнорированию. Вряд ли стоит в обязательном порядке искать чёрную кошку в тёмной комнате, тем более там, где её нет.

Антропологизация истории – это процесс вырастания человека из природы, становления его культуры, а изучение этого процесса основывается и на природе, и на культуре. Переход от «природы» к культуре связан с биологической эволюцией, эволюционной антропологией как наукой. Коль скоро мы изучаем человека и природу, так может что-либо человеческое или природное быть за пределами нашего исследования [Worster 1998, p. 306].

Кажется, пришла пора избавиться от мифов вокруг «географического детерминизма» и его изображения едва ли не в карикатурном виде. Содержание этого понятия до сих пор предстаёт как нечто застрявшее в исторической

мысли прошлых веков. Климатические изменения существенно влияют на государственную политику, экономическое развитие, общественные институты. Но это влияние может быть и ограниченным: неэкологический детерминизм – отнюдь не категорический императив, в обязательном порядке выпячивающий роль природы и климата в человеческой истории.

Во всём нужна мера, и только конкретные местные усилия в сфере «Истории окружающей среды» создают условия для включения её в пространство антропологической истории, национальной, а вслед за этим глобальной истории окружающей среды. Предмет изучения может быть историческим, но предварительные подходы к нему естественноисторическими, а вслед за этим и методы.

Наиболее близка к «Истории окружающей среды» историческая география. Исторические географы на первых порах ревниво отнеслись к защитникам нового научного направления, полагая, что они вторглись в сферы их деятельности. Тем более что и в самом деле не всегда можно было провести демаркационную линию между исторической географией и историей окружающей среды.

Но «Экологическая история», сохраняя тесную связь с исторической географией и новейшими тенденциями её развития, отнюдь не ограничивается общим проблемным полем. «Историзация природы» предельно расширяет познавательное пространство историков, вовлекает в сформировавшееся научное сообщество представителей широкого спектра разнообразных наук. Научные кадры историков окружающей среды рекрутируются отнюдь не только среди тех, кто получил классическое, академическое образование в традиционных исторических факультетах, которое при ближайшем рассмотрении и готовности к открытому научному сотрудничеству и кооперации не только со всеми гуманитарными и естественными науками оказалась в некотором отношении давно ожидаемой новостью в мире истории, подготовленной всем ходом исторического познания. Теперь далеко не всегда можно провести демаркационную линию между исторической географией и «Историей окружающей среды». Да и нужда в ней вряд ли востребована, тем более что междисциплинарные подходы нашли и в том, и в другом случае всеобщую поддержку и воплощение во взаимопроникновении методов и их конкретном применении.

«Environmental history» отвергает представления о свободе исторического опыта от природных условий его приобретения. Несмотря на различия в политических и нравственных позициях, историки руководствуются и объединяются решением хотя бы одного из следующих вопросов. 1. Что собой представляла природа в прошлом? 2. Какова связь и взаимозависимость между социально-экономическим развитием и окружающей средой в истории? 3. Каково было отношение людей к природе в процессе развития человеческой цивилизации? [Worster 1988].

Ответы на эти вопросы обнаруживаются во внушительной историографии «Истории окружающей среды». В статье невозможно рассмотреть даже в общих чертах, как историки реализуют задачи, которые поставлены самой логикой развития нового направления в исторической науке.

В новейшей историографии задают тон работы тех, кого сейчас можно назвать основателями первого поколения историков окружающей среды: Уильяма Кронона, Альфреда Кросби, Томаса Данлэпа, Сэмюэля Хейса, Дж. До-

нальда Хьюза, Кэролайн Мерчант, Мартина Мелози, Артура МакЭвоя, Уильяма МакНила, Родерика Нэша, Джона Опай, Стивена Пайна, Хэла Ротмена, Сьюзен Шрепфер, Джозела Тарра, Ричарда Уайта, Дональда Уорстера и многих других. Они оказали огромное влияние на традиционную историю.

Русская/советская и современная российская историческая наука, нерасторжимая часть мировой историографии, вносила и вносит посильный вклад в общемировой процесс научного исторического познания. Даже в годы и десятилетия, не слишком благоприятствующие независимым опытам реконструкции исторической реальности, множество исследовательских проблем древности, средневековья и новой истории – истории России, Востока и Запада – нашли адекватные решения в трудах российских исследователей.

С миром западной историографии российскую историческую науку связывала более или менее последовательная антропоцентричность исходных методологических идей, хотя она порой микшировалась благодаря вульгарно интерпретированным марксистским идеологемам, сопровождающимся к тому же политическим давлением. «Позволить правительству контролировать поиск правды – всё равно что поручить лисе охранять курятник», – замечал Юваль Ной Харари, наверняка имевший в виду и историческую правду.

Но в наследии «классиков марксизма» обнаруживаются идеи, выводящие науку истории за границы собственно человеческой истории и сохраняющие значение в нынешнюю эпоху. Для середины и второй половины XIX века эти идеи при должном к ним отношении могли бы быть вполне прорывными, хотя в той или иной форме они были характерны для многих историков и философов.

В Российской империи/СССР/Российской Федерации изучение природы, окружающей среды с исторической точки зрения имеет не менее богатую историю, чем в других странах, а история исторической науки, игнорирующая или не замечающая в полной мере именно национальные опыты реконструкции прошлого на системном социоприродном уровне не только обедняют, но создают условия для неадекватных и необъективных характеристик.

Только перечень имён русских учёных, так или иначе связанных с проблемой «Человек и Природа» в истории, слишком велик даже для простого перечисления: И.Н. Болтин, С.М. Соловьёв, В.В. Докучаев, Н.П. Барсов, В.О. Ключевский, Л.И. Мечников, Д.И. Багaley, М.К. Любавский, С.М. Середонин, В.И. Вернадский, В.Н. Сукачёв, В.А. Ковда, М.И. Будыко, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилёв, А.В. Муравьёв, В.З. Дробижев. Как и в других странах, представители школы отечественной исторической географии могут уверенно рассматриваться в качестве непосредственных предшественников «Истории окружающей среды». История природных ресурсов России, а это тысячи и тысячи работ, естественно, образуют мощный пласт исследований, соответствующих именно «Истории окружающей среды» как одного из направлений исторической науки в условиях её междисциплинарного диалога с другими направлениями научного познания.

Перед современными историками науки открываются богатые перспективы вычленения именно научно-исторической компоненты в исследованиях по истории окружающей среды в России за последние два века.

Можно бесконечно рассуждать о провальной борьбе советской науки с «тлетворной западной идеологией». Что касается собственно конкретных исследований в области взаимодействия человека, общества, государства, как ни назови, и природы в историческом измерении, то тут отечественным учёным есть что предьявить мировому научному сообществу.

Как и в других странах, многоаспектное изучение истории окружающей среды началось задолго до возникновения этого направления в исторической науке.

Не забудем, что в классическом марксизме (не путать его со скудоумным подобием в форме пропагандистского «марксизма-ленинизма») было немало идей, прогнозирующих будущее научного познания взаимодействия истории природы и истории человека. В наследии марксизма многое вполне соответствовало умонастроению советских учёных различных специальностей.

Например, советские философы и социологи, читая и перечитывая «Святое семейство», обращали внимание на то, что его автор К. Маркс подлинное познание исторической действительности считал невозможным, если из исторического движения будет исключено теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и промышленность [Маркс 1844, с.166]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что человек «имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю» [Маркс, Энгельс 1846, с. 143]. Наконец, в «Диалектике природы» Ф. Энгельса по-прежнему привлекает заявление об односторонности взгляда, что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие. Нельзя забывать, что «человек воздействует обратно на природу, изменяет её, создаёт себе новые условия существования» [Энгельс, 1882, с. 545–546].

Одна из серьёзных коллективных монографий начала 1980-х гг. – «Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия» [Общество и природа 1981]. В сборнике статей, отнюдь не единственном в этом роде, публикация содержательных работ завершалась библиографическим указателем по проблеме взаимодействия общества и природы в советской философской, исторической, этнографической, антропологической и археологической литературе за 1960–1981 гг. В нём сотни названий.

Под флером идеологической пелены в сборнике обнаруживаются вполне со звучащие сегодняшнему дню рассуждения. Например, о том, что нарастающее воздействие на природу влечет за собой необходимость регулирования этого в конечном итоге губительного для человечества процесса. Активность «глобального субъекта», т.е. общества по отношению к природе требует изучения механизмов взаимодействия между ними. Будущее человечества зависит от его способности обеспечить естественное воспроизводство природных процессов.

Показательны историографические экскурсии в новейших исследованиях российских ученых по проблемам «Истории окружающей среды»/ «Экологической истории», четко ориентирующиеся на мировые тенденции в ее развитии и опирающиеся на отечественный опыт. В этих работах, квалифицированный разбор которых содержится, частности, изобилуют ссылками на труды предшественников, которые в совокупности составляют важнейший ресурс истории и историографии окружающей среды.

Совсем недавно общим местом историков в тех случаях, когда они в тех или иных контекстах обращались и обращаются к соответствующей проблематике, было убеждение в отставании разработки истории окружающей среды России по сравнению с аналогичными исследовательскими опытами в «продвинутых» странах Западной Европы и США.

Так, Дж.Р. МакНилл в статье 15-летней давности сближал Ближний Восток с Россией на основании неразработанности истории окружающей среды в обеих регионах [МакНилл 2008, с.8]. Й. Радкау в уже упоминавшейся книге «Природа и власть», отметив малочисленность литературы по российской истории окружающей среды, предложил несколько возможных перспективных направлений ее развития: исследование почвы, леса, крестьянской общины, воды и гидростроительных объектов, климата, охоты. Но эти гигантские по своему значению проблемы и аналогичные им давно включены в повестку дня гуманитарных и естественных наук в России.

В то же время мнение таких авторитетных учёных, как Й. Радкау и Дж.Р. МакНилл, поучительно для российских историков, недостаточно обращающих внимание на историографическое осмысление проблематики «Environmental history» в отечественной науке.

Неосведомлённость западных историков о реальном состоянии изучения в России «Истории окружающей среды» задолго до институционализации этого направления в мировой историографии достойно сожаления. А главное – без тщательного и всестороннего учёта «Истории окружающей среды» в России на разных этапах её исторического развития, какое бы то ни было обобщение на уровне «Global environmental history» [McNeill 2012], заведомо непродуктивно.

Дэвид Мун, известный исследователь экологической истории России, в недавней весьма содержательной историографической статье обратил внимание на то, что в многочисленных капитальных работах по экологической всемирной истории и в трудах, претендующих на глобальное изучение отдельных сквозных проблем, России уделяется недостаточное, и это ещё мягко сказано, внимание. Это решительно не соответствует её месту в потоке мировой истории, природно-географическим и климатическим факторам её развития. В недавней статье он поставил перед собой задачу показать и объяснить, почему в исследованиях по всемирной и глобальной экологической истории несправедливо мало уделяется место экологической истории России.

Историк объясняет это различием академических и дисциплинарных традиций, незнанием русского языка, трудностями в проведении архивных изысканий. В результате не только искажается всемирная история, она, собственно, уже и не всемирная, а российская, маргинализируется [The Oxford Handbook of Environmental history 2014].

Нельзя не согласиться с автором и с тем, что долгое время западная историография находилась в плену «традиционной интерпретации», которая состояла в том, чтобы связать примеры российской исключительности с массовой деградацией окружающей среды, вызванной государством, в первую очередь советским периодом правления коммунистической партии.

Кажется, мало-помалу положение стало меняться. Во-первых, расширился фронт исследований за счёт российских учёных и притока зарубежных

исследователей, обнаруживших непаханое поле «Environmental history» России. Во-вторых, расширились временные границы проблематики исследований, дело перестало ограничиваться советской эпохой. Наметился поворот в сторону естественных наук в гуманитарных исследованиях, повлёкший за собой перемены в методологии истории, в частности методологии истории окружающей среды. Наконец, в-третьих, раздвинулись географические рамки научно-исследовательской работы и образовательных практик в области «Истории окружающей среды» [Вруно, р. 635–650].

В России созданы и успешно работают ряд научных и образовательных центров, в сферу интересов которых входит «История окружающей среды». Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Тамбов, Череповец, Барнаул, Сургут, Краснодар, Тюмень, Симферополь – таков их далеко не полный перечень, а за ним многие десятки учёных, увидевших благоприятные условия для обновления своих профессиональных интересов.

В периодической печати в ходе многочисленных научных конференций обозначилась тематика исследований, скорее похожая на программу действий: «История окружающей среды» как новое научное направление (источники, историография, методология); экологическая политика Российской империи/СССР/ России - реалии и отражения; история советского природопользования; культура отношения к природным ресурсам; движения в защиту окружающей среды в России; экологические последствия миграций, колонизации и освоения новых территорий; русский город и деревня в контексте «Истории окружающей среды»; лесная история; история водных ресурсов; история животных; проблемы загрязнения окружающей среды; борьба с эпидемиями; образы природы в литературе, искусстве и кино; эволюция природоохранного законодательства в России: от древности к современности; экологическая идеология и экологическое сознание российского общества.

Открываются первые магистерские программы. Несколько лет в Российском государственном гуманитарном университете успешно реализуется магистерская программа «Экологическая история: источники, методы, исследовательские практики» (Россия – Запад)» (в настоящее время – «Окружающая среда: источники, методы, исследовательские практики»). В 2017–2020 гг. в РГГУ проведены три международных научные конференции под девизом «Проблемы экологической истории/истории окружающей среды» с участием сотен специалистов из научно-исследовательских центров и университетов страны [Человек и природа 2017].

Участие в работе конференций учёных-историков, историографов, специалистов из государственных и ведомственных архивов определяют существенный аспект изучения «Истории окружающей среды» в России в наши дни.

Литература

1. Историческая экология и историческая демография 2003 – Историческая экология и историческая демография. Сб. научных статей. Под ред. Ю.А. Полякова. М., 2003.
2. Калимуллин 2006, с. 15 – Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. С. 15.
3. Лихачёв 2014 – Лихачёв Д. Заметки о русском. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014.
4. МакНилл 2008, с. 8 – Мак Нилл, Дж. Р. О природе и культуре экологической истории//Человек и природа: экологическая история. СПб.: Европейский ун-т в Санкт–Петербурге: Алетейя, 2008. С. 8.
5. Маркс 1844, с.166 – Маркс К. Святое семейство//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 2. С. 166.
6. Маркс, Энгельс 1846, с. 143. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 143.
7. Марш 1866 – Марш, Дж. П. Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.
8. Милов 2009, с. 5 – Милов Л.В. Предисловие//История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Эксмо, 2009. С. 5.
9. Общество и природа 1981 – Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
10. Радкау 2014 – Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды». М.: ВШЭ, 2014.
11. Смирнов 2002 – Смирнов Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или Поиск решений на перекрёстке проблем // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 23. С. 84–98.
12. Тёрнер 2009, с. 13–43 – Тёрнер, Фредерик Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. С 13–43.
13. Человек и природа 2017 – Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики. М.: РГГУ, 2017, 252 с.; Проблемы экологической истории/истории окружающей среды: Сборник статей. Вып. I. М.: РГГУ. 293 с.; Проблемы экологической истории/истории окружающей среды. Сборник статей. Вып. II. М.: РГГУ, 2020. 582 с.
14. Энгельс 1882, с.545-546 – Энгельс Ф. Диалектика природы// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 545-546.
15. Bruno, p.635–650 – Bruno, Andy. Russian Environmental History: Directions and Potentials/ Slavica Publishers. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Volume 8, N 3. P. 635–650.
16. Diamond 1997 – Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. N.Y: W. Norton, 1997.
17. Historical ecology 2018 – Historical ecology: past, present and future (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5424069/>) (дата обращения 23.07.2018). См. также: Whitehead, NL. Ecological history and historical ecology: diachronic modeling versus historical explanation. In: Balée W, editor. Advances in Historical Ecology. Columbia University Press; New York: 1998.
18. Hughes 2006 – Hughes, Donald. What is Environmental History? [Polity; 1st edition. 2006.
19. Hughes 2008 – Hughes, J. Donald. Three Dimensions of Environmental History/ Environment and History. 2008. 14.

20. McNeill 2012 – J.R. McNeill and Alan Roe. *Global Environmental History*. Routledge, 2012.
21. The Oxford Handbook of Environmental history 2014 – The Oxford Handbook of Environmental history/Ed. By A.C. Isenberg. Oxford Univ. Press, 2014.
22. Pádua 2010 – Pádua, José Augusto. *As bases teóricas da história Ambiental// Dossiê teorias socioambientais*. Estud. av. 24(68) . 2010 [Электронный ресурс] – URL: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-40142010000100009> (дата обращения 23.07.2018).
23. Warde, Robin, Sörlin 2018 – Paul Warde, Libby Robin, Sverker Sörlin. *The Environment: A History of the Idea*. John Hopkins University Press, 2018.
24. Williams 1994 – Williams M. The relations of environmental history and historical geography// *Journal of Historical Geography*. № 20. 1 (1994).
25. Worster 1998, p. 306 – Worster D. *The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History*. Cambridge, 1988. P. 306.

References

1. Historical ecology and historical demography 2003 – Historical ecology and a historical demography. Сб. scientific articles. Under the editorship of Yu.A. Polyakov. M., 2003.
2. Kalimullin 2006, page 15 – Kalimullin A.M. Historical research of regional environmental problems. M.: Prometheus, 2006. Page 15.
3. Likhachev 2014 – Likhachev D. Notes about Russian. M.: Humming-bird; Azbuka-Attikus, 2014.
4. McNeal 2008, page 8 – Mac Neil, Dzh. R. O to the nature and culture of ecological history//Person and nature: ecological history. SPb.: European un-t in St. Petersburg: Алтейя, 2008. Page 8.
5. Marx 1844, page 166 – Marx K. Sacred family//Marx K., Engels F. Soch., 2nd prod. T.2. Page 166.
6. Marx, Engels 1846, page 143. Marx K., Engels F. German ideology//Marx K., Engels F.//Marx K., Engels F. Soch., 2nd prod. T. 3. Page 143.
7. March 1866 – March, J. The item Person and the nature, or About influence of the person on change of physiographic conditions of the nature. SPb., 1866.
8. Milov 2009, page 5 – Milov L.V. The preface//History of Russia since the most ancient times until the end of the XVII century. M.: Eksmo, 2009. Page 5.
9. Society and the nature 1981 – Society and the nature: Historical stages and interaction forms. M, 1981.
10. Radkau 2014 – Radkau Y. Priroda and the power. World history of environment". M.: VShE, 2014.
11. Smirnov 2002 – Smirnov N. G. Istoricheskaya ecology: between daily occurrence and eternity, or search of decisions at the intersection of problems//News of the Ural state university. 2002. No. 23. Page 84–98.
12. Turner 2009, page 13–43 – Turner, Frederik Dzh. Frontir in the American history. M.: Whole world, 2009. From 13–43.
13. The person and the nature 2017 – the Person and the nature: Interaction history, sources and information resources, visual images and research practitioners. M.: RGGU, 2017, 252 pages; Problems of ecological history/history of environment: Collection of articles. Vyp. I. M.: RGGU. 293 pages; Problems of ecological history/history of environment. Collection of articles. Vyp. II. M.: RGGU, 2020. 582 pages.
14. Engels 1882, page 545–546 – Engels F. Dialektika of the nature//Marx K., Engels F. Soch., 2nd prod. T. 20. Page 545–546.

Информация об авторе

Валерий И. Дурновцев Российский государственный гуманитарный университет
Доктор исторических наук, профессор
Москва, Россия; 125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д.6.
vdurnovcev@gmail.com

Information about the author

Valeriy I. Durnovtsev, Dr of Sci. (History), prof. Russian State University
for the Humanities Moscow, Russia; 125047, CFO, Moscow, Miuskaya pl., 6.
vdurnovcev@gmail.com

Люди и животные в экологической истории России (на примере столичной социокультурной среды XIX – нач. XX вв.)

Анастасия А. Локтева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
zveruschka@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-2755-9571

Аннотация. *Статья посвящена проблемам исторической зооантропологии в рамках социокультурного пространства российских столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга XIX – нач. XX вв.), определению места животных в рамках экологической истории Российской империи этого периода. Рассматриваются локальные особенности отношения российского общества указанного периода к животным, восприятие «иных», не человеческих агентов. На примере источников разного типа демонстрируется глубокая интеграция животных в повседневную жизнь столичного города – как на его улицах, так и внутри построек человека: домов, торговых рядов, трактиров, промышленных объектов. Находившиеся на стадии активной урбанизации и модернизации Москва и Санкт-Петербург не могли бы пройти этот путь без использования труда лошадей, употребления в пищу крупного и мелкого рогатого скота и домашней птицы, охраны имущества собаками, а припасов – кошками, также этот период характеризуется становлением института домашних питомцев. Кроме того, город был полон других животных, которые являлись частью окружающей среды и с которыми каждый горожанин неизбежно взаимодействовал: крыс и мышей, птиц, лягушек, комаров, мух, тараканов.*

Ключевые слова: *животные в истории, городская культура, история повседневности, социокультурная среда, зооантропология.*

People and animals in the ecological history of Russia (on the example of the capital's socio-cultural environment of the 19th – early 20th centuries)

Anastasia A. Lokteva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zveruschka@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-2755-9571

Abstract. *The article is dedicated to questions of historical Anthrozoology in social and cultural discourse of Russian capital cities (XIX – early XX cc. Moscow and Saint Petersburg). The study explores the place of animals in environmental history of the Russian Empire during this period. Local features characterizing attitude of the Russian society in those times to animals and its perception of non-human ‘others’ is also in focus. Through various sources the deep integration of animals in everyday life of the capital (inside dwellings as well as outside them) can be easily demonstrated. Active urbanization processes in Moscow and Saint Petersburg could never make it without the*

use of labor of horses, meat from cattle and poultry, dogs and cats guarding the stores. In addition, during this time period pet-keeping culture was established. Moreover, the city was full of other creatures that were the part of its environment and with whom every citizen inevitably interacted; those were rats and mice, birds, frogs, mosquitos, flies and cockroaches.

Key words: *Animal studies in history, urban culture, history of everyday life, cultural discourse, anthrozoology.*

«Надев широкий боливар, / Онегин едет на бульвар»³⁷⁷. Вспоминая знакомые с детства строки, читатель вряд ли задумается, что в них фигурирует не только человек – герой знаменитого романа, но и как минимум одно животное. Причём животное весом в тонну – лошадь. Для того чтобы в начале XIX в. молодой дворянин мог оказаться на просторе бульвара, он должен был воспользоваться экипажем, запряжённым, возможно, даже не одной лошадью. То есть использовать для своего перемещения из точки «А» в точку «Б» мускульную силу животного. Это животное должно было существовать: стоять, ржать, спать, пить, есть, испражняться и даже иногда болеть в специальном помещении – конюшне, нередко – непосредственно на территории дома владельца выезда. В таком случае в людской должен был быть кучер, конюх, а также, вероятно, лакей – все эти люди жили в городе для того, чтобы обслуживать выездных лошадей. Если же, как указывает Ю. Лотман, «молодой повеса» до смерти его дядюшки ещё не имел средств на содержание собственного выезда, значит, на гуляние его возил наёмный экипаж, которые тянули лошади, также проживавшие в Санкт-Петербурге, находясь в свободное от работы время в конюшнях многочисленных извозчичьих дворов, а для осуществления их деятельности нужны были всё те же специалисты, только наёмные, или работники извозчичьего двора. В любом случае «ехать» куда-либо можно было только использовав энергию лошади.

Жизнь любого горожанина XIX в., как богатого, так и бедного, была наполнена постоянным взаимодействием с разнообразными животными: они были источником пищи, одежды, транспортом, охраной, а также выполняли множество других необходимых функций. До установления повсеместного использования машинного труда, в первую очередь, в транспорте человек просто не мог обойтись без огромного количества животных, которые жили и умирали рядом с ним. Лошади были незаменимыми участниками российской экономики: в 1875 г. их в стране было 20 млн [Коптев 1887, с. 6]. В 1904 г. из 40 млн лошадей, обитавших на Земле, в Российской империи проживала их крупнейшая мировая популяция – 21 млн особей [Ветеринарный фельдшер, 1904, № 1]. Благодаря огромной протяжённости страны в ней существовало множество пород, приспособленных к различным климатическим и географическим условиям: «твёрдые как гранит шведка и финка, железные и закалённые на морозе мезенка и сибирка, лёгкие и воздушные, как

---

377 Пушкин А.С. Драматические произведения. Евгений Онегин [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/p4.txt> (дата обращения 03 мая 2021).

гуляющий в южной степи ветер, черноморка и кабардинка» [Коптев 1887, с. 520]. Практически всех их можно было встретить в столичных городах, где для каждой лошади находилась работа по её специализации.

Развитие экономики и промышленности дореволюционной России было неразрывно связано с использованием труда и тел животных, для содержания которых, в свою очередь, была необходима активная эксплуатация природных ресурсов. Климат оказывал огромное и сложно прогнозируемое влияние на развитие экономики точно так же, как и планы правительств. Например, переробой с поставками сена для лошадей возникали в Российской империи как и во время голода 1833–34 гг. (из-за извержения индонезийского вулкана в 1815 г.) [Цинцадзе 2019, с. 6], так и в результате перераспределения имевшихся запасов фуража на фронт в 1916–17 гг. Были и куда менее масштабные и менее заметные влияния: любое производство истощает природу, для постройки даже самого небольшого завода необходимо уничтожить имеющуюся растительность, перекопать и выровнять почву, тем самым уже нарушив экосистему данного места, ещё даже не начав производство. То есть при постройке, например, текстильного производства на берегу реки Москвы (а таких производств с каждым годом становилось всё больше) [Ульянова 2021] разрушалась существующая на этом месте экосистема: под антропогенным воздействием исчезали животные, а воды реки загрязнялись промышленными отходами.

При этом упоминания природы и животных в исторических источниках самого разного типа довольно редки, и это указывает не на то, что животных было мало, а на то, что они были столь привычны обывателю, что их просто не достаивали упоминанием. Такими же невидимыми стали животные и в российской историографии [Лайус 2017, с. 6].

Несмотря на активное развитие в последние годы экологической истории Российской империи, отдельных исследований, посвящённых животным в её рамках, практически не существует. Обычно если исторические исследования и затрагивают каких-либо животных, то по касательной и упоминаются животные сельскохозяйственные. Причём они действуют не как субъекты, а как вторичные объекты исследования. При этом, как отметил в своём знаменитом эссе ‘Why Look at Animals’ Дж. Берджер, на протяжении всей истории человек был не просто окружён животными, они находились вместе с человеком в центре его мира [Berger 1991, p. 3].

Отечественная историография, фокусируясь на фактах общественно-политической истории, оставляет вне фокуса внимания природные процессы, окружающую творящую историю человека. Особенно это касается истории позднего аграрного общества России, начиная со второй половины XIX в., когда были заложены основы новой модели природопользования – природопокорительной, которая была реализована уже после 1917 г.

Таким образом, является очевидным необходимость исследования реального места животных в жизни людей, включения исторической зооантропологии России в экологическую историю региона. Поскольку разведение сельскохозяйственных животных являлось критически важным для экономического процветания империи, сведения о рабочих домашних животных в деревне представлены в источниковой базе весьма репрезентативно. Исследования по истории экономики, сельского хозяйства, по животноводству,

ветеринарии затрагивали, в той или иной степени, историю животных. В то же время в городах, особенно в столичных, блекнут индивидуальные черты всех его жителей, и если у человека, благодаря языку и культуре, существует способ фиксации фактов своей истории, то история того или иного животного обычно заканчивается с его короткой жизнью. Городская суэта не даёт человеку возможности войти в какие-либо эмоциональные отношения с животным, урбанизация превращает животных и человека в винтики механизма,двигающиеся каждый по своей траектории.

Если за последние десять-пятнадцать лет в российской науке термин «Экологическая история» стал полноценным русскоязычным эквивалентом понятия «Environmental History», то для дисциплины, изучающей в её рамках взаимодействие человека и живой части окружающей среды, определения не существовало. Автор уже в течение нескольких лет оперирует термином «Историческая зооантропология», что является эквивалентом «Anthrozoology» или «Animal Studies in History». При прямом переводе слова «Anthrozoology» с английского возникает дополнительный смысл, указывающий на принадлежность дисциплины к биологии, а не к истории. Такое же смещение происходит и при использовании термина «история животных», который, кроме того, прочно зарезервирован философами [Тимофеева 2017].

Итак, «Историческая зооантропология» – это не какая-то «новая история», новая дисциплина, это возможность показать, что все уже известные нам исторические факты были связаны с животными, которые не требуют (как другие меньшинства) признания своих заслуг в историческом процессе, но признание результатов их жизни демонстрирует эти факты в новом свете – более полно. При этом крайне важно понимать единство всех объектов исследования: человека, других животных, природы во всем ее многообразии (климат, водные ресурсы, ископаемые, географические пространства) – все они являются частью истории Земли. Как человек не строил свою цивилизацию в некоей виртуальной реальности, так и животные не сосуществовали в истории с человеком вне окружающей среды.

В ходе развития прав человека и истории меньшинств, последние, получив право голоса, могут высказаться, таким образом, можно услышать мнение обеих сторон, проявить экологическую память, которая является неотъемлемой частью исторической памяти общества. При работе с историей животных возникает проблема отсутствия взаимной коммуникации. Ряд современных философов, зооантропологов, культурологов полагают, что они подошли достаточно близко к ответу на вопрос о том, что животному нужно на самом деле, что оно хочет сказать. Но достижения современных биологов чётко отвечают на этот вопрос: языка у животных не существует. Это эпистемологически невозможно. При этом как сейчас, так и в прошлом человечество имеет твёрдые убеждения касательно того, чем животное является и как с ним взаимодействовать. Исторически эти убеждения, сформированные социокультурной средой человека, локально и хронологически различны, но в целом формируют массив зооантропной культуры внутри каждого конкретного места и времени.

При работе с историей животных важно учитывать, что в сознании человека существует твёрдое убеждение, что он значительно отличается от

них – стоит выше. Нашу планету населяет свыше пяти с половиной тысяч видов млекопитающих, к которым относится и Homo Sapiens [Заксер 2020, с. 17], но существующая в современных «Animal Studies» дихотомия Human Animal – Non-Human Animal не находит поддержки среди большинства «человеческих животных», которые хотели бы отделить себя от «братьев наших меньших». Страх перед животными подкреплялся страхом перед неизведанным, тем, что Б. Латур называет страхом перед иными. «Иными» в разные эпохи и в различном культурном контексте могут становиться разные сущности: женщины, дети, рабы, слуги, иностранцы, при этом вызывая у обывателя безотчётный, сверхъестественный страх [Haraway 2008, p. 22]. Одновременно, как отмечал К. Лоренц, человечество постоянно стремится к утраченному раю, подсознательно пытаясь восстановить разорванные связи с природой [Лоренц 1970, с. 140] – снова стать одним из этих пяти с половиной тысяч млекопитающих. Но при этих попытках русский человек постоянно двигается «сверху – вниз», не желая терять приобретённого в ходе развития христианской цивилизации чувства уверенности в собственном доминировании над всем сущим миром. Как и в дореволюционные времена, так и сейчас отношение к природе в России представляет собой «эклетичную смесь архаических, христианских и картезианских представлений», которая подпитывает уверенность индивида в справедливости и неизбежности потребительского отношения к природе. Очевидно, что такие отношения не могут быть равноправными, человек использует природу, и в том числе животных, по своему усмотрению, уверенный в своем праве. Таким образом, существовавшая в истории забота о живущих с человеком животных происходила не из признания их прав, а из необходимости более эффективной их эксплуатации [Ашмарина 2019, с. 50–57].

Важно также понимать, что ввиду отсутствия у животных языка историки могут изучать лишь идеи и понятия людей о животных, но не мысли самих животных. Нельзя сказать, что осознание людьми того, что они придают животным свои антропоморфные черты, появилось только с развитием «Animal Studies». На самом деле, конечно, не только учёные задавались вопросом, как же устроено сознание животных, пусть и в несколько наивной форме. Как это делал Фридрих Великий, грейхаунд которого по кличке Бише «написала» объёмное письмо сестре императора Вильгельмине, а её спаниель Фолишон ответил: «Как много теорий существует о том, что мы такое! Некоторые утверждают, что мы автоматы, другие – что демоны, изгнанные из Рая, а другие всё же – что существа, снабженные неким инстинктом, который они тем не менее не могут определить. Мы оба знаем, моя дорогая Бише, что мы есть, и попросту посмеёмся над такими ошибками, кои сами по себе являются продуктом человеческого тщеславия. Посмотри, разве мы не таковы же, как и они, во всех аспектах? Разве наши страсти хоть чем-то отличаются от их? Любовь, ревность, злость, зависть мучают нас точно так же, как их» [MacDonough 1999, p. 62]. Далее Фолишон объясняется Бише в любви и просит принять от него в подарок софу и миску, которые его хозяйка велела послать своему брату, так как она «понимает собачий язык» и приняла живейшее участие в обустройстве личного счастья своего питомца. В ответном письме Бише заявляет: «Что мы были бы без

страстей?! Жизнь представлялась бы ничем иным, как постоянной смертью, мы бы прозябали на Земле как растения (*vegetate*), которые живут без удовольствия и умирают без боли» [MacDonough 1999, p. 63].

При этом к началу XIX столетия в отношении европейцев к животным произошёл критический важный сдвиг: животные потеряли ту часть своей субъектности, которая делала возможным, например, фигурирование их на судебных процессах в качестве обвиняемых или свидетелей. Теперь, если животное причиняло вред человеку, перед правосудием отвечал его хозяин, а не оно само [Ritvo 1987, p. 2]. Таким образом, животное лишилось части своей личности. Но зато с утверждением романтизма и сентиментализма природа перестала ощущаться как нечто опасное и получила некоторую экзотическую привлекательность.

Люди, не имевшие эмоциональной связи с каким-либо животным, старательно отрешивались от той части себя, которая была «животным», относя её к категории низменных страстей. Старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна писала в дневнике 14 января 1891 г., что она желала бы больше никогда не любить, не быть влюблённой и не вызывать чувства любви, так как видит, что это отупляет, влюблённость делает человека «близким к животным, духовной жизни никакой, все поглощено этой страстью» [Сухотина-Толстая 1987, с. 223]. С.А. Толстая сетовала, что старшие её сыновья поглощены своей помещичьей деятельностью, что их интерес – лошади и собаки – «никакой духовной жизни» [Толстая 2017, с. 234]. Человек просвещённый, столичный, старательно отделяет себя от животного и от природы: «Вот вам картина природы Северного Сахалина. 30 лет тому назад здесь бродили медведи да гиляки – жалкие, несчастные дикари, вряд ли в умственном и нравственном отношении стоящие многим выше своих товарищей по тайге. Недаром же гиляки верят, что у медведя такая же точно душа, как у гиляка, что душа медведя точно так же идёт после смерти к “хозяину”, богу тайги, жалуется ему на гиляков, и хозяин судит их как равных» [Дорошевич 1903].

Но тем не менее люди, которые и задумывались о том, чтобы не стать животным, не могли обойтись без постоянного взаимодействия с ними. Горожанин XIX – нач. XX вв. нуждался в лошадях в качестве транспорта, коровах, свиньях, козах, домашней птице – для питания, собаках – для охраны имущества и охоты, кошках – для защиты припасов. Представители высших слоёв общества, богатые купцы, чья нога никогда не ступала на скотный двор, взаимодействовали с животными в спорте – охоте и конных соревнованиях. Это были животные домашние, необходимые в быту, тогда как дикие животные вызывали у людей огромный страх, ассоциировались с необузданными силами природы, с её опасностями, от которых человек активно отгораживался, возводя свои поселения: «Конечно, медведи в лесу знают, что у нас дома медвежья шкура. Чуткие они, медведи-то. Чуют своего издалека. И придут, придут съесть» [Фигнер 1964, с. 104], – всерьёз верила няня будущей революционерки В. Фигнер, а вслед за ней и сама девочка. Дочь императора Николая I великая княжна Ольга вспоминала, как перед свадьбой с цесаревичем Александром Николаевичем Мария Гессенская, обрадовавшись приезду родственников, разрыдалась и долго не могла успокоиться: «Слёзы и душевное потрясение вызвали опять болезненную красноту её лица,

а через несколько дней была назначена свадьба. Камер-фрау Рорбек рекомендовала старое симпатическое средство: без ведома Мари ей положили под кровать язык лисицы, и она таким образом проспала несколько ночей»³⁷⁸.

Как ни старался горожанин отделить себя от природы, в душе он всячески к ней стремился, чувствовал себя её частью. Так, молодая Т.А. Берс (дочь гоф-медика, чья юность прошла внутри московского Кремля) писала о поездке в поместье: «После того как всё затихло и потушили огонь, слышалось фыркание лошадей, блеяние овец и лёгкий шум возившихся кур на насесте. Это непривычное соседство вызвало во мне какое-то ощущение близости к природе, необычайной и привлекательной. Мне не спалось и хотелось, чтобы и другие чувствовали прелесть этой ночи.

– *Лиза, ты спишь?* – *тихо окликнула я её, – как хорошо здесь, ведь правда?»* [Кузминская 1925-1926].

Таким образом, животные, которые взаимодействовали с человеком не только в городах, являлись как бы мостиком, ведущим обратно, к природе, к естественности.

Несмотря на господство в научных теориях XIX в. идей Просвещения, учёные уже считали животных отнюдь не механизмами. Так автор лекций в Гейдельбергском университете В. Вундт отмечал, что «мы много потеряли бы и сделали бы вред самим себе, если бы ограничились изучением одной лишь человеческой души» [Вундт 1865, с. 26]. Даже из самого названия книги «Душа человека и животных» следует, что он считал, что у животных душа имеется, а также «впечатления, мысли и чувства». Животные представлялись учёному переходным форматом между простейшими существами и человеком: «животная душа – то же самое, но в простейшей форме», поэтому её следует изучать [Вундт 1865, с. 27]. Человек и животные в материальном мире представляют собой «цепь существ, постепенно возвышающихся друг над другом», в духовном же мире есть и более высшие существа после человека. Проводится явная параллель и уравнивание процессов реального и духовного мира. Процесс сознания автор называет способностью к умозаключению. Он задаётся вопросом, не действуют ли животные по инстинкту или особенностям своей физической организации [Вундт 1865, с. 388]. Он спорит с современными ему учёными о смутности этих представлений, близких к инстинктам. Но ведь в таком случае, учитывая физическую схожесть их с человеком, весьма странно, что душевно между этими видами лежит такая пропасть. «Все живые существа представляют непрерывную постепенность, нигде не имеющую той резкой границы, которую мы стараемся внести сюда искусственно» [Вундт 1865, с. 389]. Да и как может быть врождённым то, что связано с сознанием, то есть с жизненным опытом? Ведь, сознавая себя, индивид развивается. Утверждать, что у животных нет духовного развития, нельзя, так как если это было так,

---

378 Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. Сон юности. 1825–1846 гг. [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. URL: http://www.dugward.ru/library/olga_nick.html#002 (дата обращения: 10 мая 2021).

то и народы, стоящие «с незапамятных времён на одной и той же ступени культуры, должны были бы стоять на ней с самого момента своего появления» [Вундт 1865, с. 391]. Сознание животных индивидуально, хотя и находится на низкой ступени своего развития, считал К. Вундт.

Особняком в отношениях человек-животное стоят животные-компаньоны, которые полностью существуют (и существуют в прекрасных условиях) благодаря наличию к ним у человека привязанности. Взамен же такие животные должны разве что терпеть антропоморфизацию их человеком – цена тем более не великая, что животным нет ни малейшего дела до того, что о них думает человек. Но именно антропоморфизация питомца указывает нам на наличие между ним и его человеком психоэмоциональной связи, высокую ценность его для владельца [Федорович 2011, с. 56–65].

В конце XVIII в. в России была доступна переводная французская книга о домашних животных «Наставление о воспитании животных, служащих к забаве человеческой». Само её название уже ясно указывает нам на выделение класса нерабочих домашних питомцев автором этого сочинения, причём этих животных так много и они так разнообразны, что необходимо отдельное пособие, не имеющее отношения к домоводству или сельскому хозяйству. Важно отметить критическое изменение отношения человека к другим животным, произошедшее в XIX в. Если во французском труде отмечалось, что собака: «сверх красоты своего вида» обладает «нежностью и преизящным чувствованием» [Бюкоз 1789], что, «ещё более усовершенствованное нашим воспитанием», делает её прекрасным другом для человека, за чем следует глава, как употреблять мясо собаки в пищу и какие лекарства можно из неё сделать, то в 1867 г. супруга Ф.М. Достоевского Анна, путешествуя по Европе, всерьёз беспокоилась, не сделана ли котлета из «собачатины», и отказывалась есть, предпочитая остаться голодной.

Таким образом, следуя теории праздного класса Т. Веблена, мы видим, что количество «живых предметов роскоши», к которым мы относим экономически бесполезных домашних питомцев, уже достигало даже в конце XVIII в. такого масштаба, что российскому читателю понадобилось руководство по их правильному содержанию. Любопытна даже сама структура пособия: первая и самая обширная его часть посвящена собакам: сначала их видам и породам, потом идут советы по содержанию и лечению, затем по употреблению в пищу, затем по использованию продуктов из собак в лечении различных людских болезней. Следом, что вполне логично и для современного читателя, идут кошки, а вот дальше – белки.

Таким образом, человек эпохи становления промышленности, проводящий активную модернизацию и урбанизацию, всё равно оставался частью окружающей среды, производя все эти действия в её рамках и с её участием.

Но новизна явления в отсутствие структур, регулировавших бытование этих экономически бесполезных, нерабочих домашних животных привела к тому, что возникшее явление не получило своего вокабуляра, собачки назывались «французскими» или «английскими», что крайне мало говорило об их породе, а только о том, что они дороги, так как привезены из-за границы, оттуда же, откуда французские чулки, ленты и гувернантки. Так, в романе «Идиот» мы находим среди перечисленных автором предметов роскоши,

которые подарил Настасье Филипповне её соблазнитель, «даже французскую собачку». Очевидно, что наличие животного в данном случае указывает на богатство дарителя и его попытку через такой предмет роскоши утвердить социальный статус своей любовницы.

Стоит отметить, что такие комнатные животные представляли собой уникальное явление, так как обычно у предмета роскоши есть высокая цена, объясняемая или сложностью его изготовления и ценностью затраченных материалов, или сложностью доставки. В случае же с домашними питомцами они являют собой уникальное явление – живой предмет роскоши, не имеющий ценности, которая бы объясняла уровень его цены.

Если же систематизировать данные о животных, от которых так старательно открещивались и так старательно продолжали эксплуатировать жители российских городов XIX – нач. XX вв., то станет очевидно, что с развитием экономики и промышленности нечеловеческие горожане просто отошли на второй план, но количество их только увеличивалось. Урбанизация критически видоизменяла окружающую среду, уничтожала существовавшие экологические конструкты, но требовала для обслуживания своих интересов всё больше и больше животных. Изменилась сама модель взаимодействия человека и животных в городе. В течение первой половины XIX века значительно сократилось количество городского скота, пастбища стали застраиваться промышленными объектами, но потребление мяса и молока городским населением только увеличивалось: скот присутствовал в городском пространстве уже в форме мясных туш или в процессе транспортировки на бойни и скотопригонные дворы для забоя. Для перевозки грузов, торговли, частных поездок было необходимо всё большее и большее количество лошадей, которые также существовали внутри города.

На примере двух столичных городов Российской Империи – Москвы и Санкт-Петербурга – можно проследить эволюцию взаимоотношения горожанина с окружающей средой, в частности с фауной, на протяжении XIX – нач. XX вв.

Человек в городе, хотя, на первый взгляд, и взаимодействует с природой меньше, в реальности потребляет её гораздо интенсивнее, чем в деревне, ведь для транспортировки необходимых ресурсов в город также используются плоды окружающей среды: древесина для повозок и отопления, камень, песок, вода – для строительства, город потреблял шерсть и хлопок в виде одежды, коноплю для веревок, солому и сено для обслуживания рабочих домашних животных. На рынки отправляется большая часть плодов сельского хозяйства деревни.

Москва не имела уже окружавших её стен или городских рвов, город был расположен более горизонтально, чем Санкт-Петербург. Поэтому здесь для транспортного сообщения были критически важны лошади. Также в старой столице функционировало несколько мостов, которые разводили, а также лодочных речных переправ, что замедляло любое движение. Они же, несмотря на попытки властей внедрять понятия о санитарии, служили сточными канавами для всех промыслов и заведений, расположенных вокруг.

До войны 1812 г. старая столица, по мнению её губернатора Ф.В. Ростопчина, жила излишне роскошно: «Число лошадей соответствовало числу

прислуги; дворянин, имевший не более 20 тысяч дохода, держал на конюшне около 20 лошадей, которых плохо кормили, плохо чистили»³⁷⁹. Это расточительство помогло жителям эвакуироваться при наступлении французов, на лошадях они смогли выехать сами и спасти какую-то часть своего имущества. Москвичи держали различный скот, домашнюю птицу, часть скотины при эвакуации пришлось оставить, и она стала пропитанием французских солдат – те, например, ловили на Москве-реке уток и гусей. При этом скотина не жила прямо в самом доме, как в деревнях, так как столкнувшись с провинциальной действительностью горожане были поражены тем, что свиньи, телята, куры и кошки живут прямо в избе. Также они были удивлены обилием насекомых-паразитов: блох, тараканов и клопов³⁸⁰.

Сразу после ухода французов, с зимы 1812 г., сожжённый почти дотла город (уничтожены 9/10 больших домов)³⁸¹ начал отстраиваться, усадебная структура домовладений сохранилась, что означает её эффективность для москвичей, так как они затратили на восстановление жизни значительные усилия, но не поменяли её формат. Через несколько месяцев после окончания войны: «запасы еды изобильны, жизнь недорогога» [Булгаков 2010, с. 168]. Однако сам пожар в городе такого размера и оккупация являются значительным событием для экологической истории. Очевидцы писали, что бульвары были буквально завалены обгорелыми трупами как людей, так и лошадей, почерневшими от разложения. Оставшиеся в городе жители очень опасались эпидемий, связанных с этим, особенно по весне. Таким образом, пожар не привёл к значительному изменению экологического портрета старой столицы, зоосоставляющая также была восстановлена: «Аптеки, магазины моды, Балконы, львы на воротах/ И стаи галок на крестах»³⁸².

Дороги были всё того же плохого качества, мостовая была настолько неровной, что на любой улице можно было сломать экипаж. К середине столетия и в Москве, и в Санкт-Петербурге дощатые тротуары на центральных улицах стали огораживать тумбами, что несколько снизило, но не исключило наезды экипажей на пешеходов [Лихачёв 2007]. В столице зимой многие пользовались путем по льду многочисленных рек и каналов, что было далеко не безопасно, зачастую лошади проваливались в проруби [Санкт-Петербургские ведомости 1858, № 9, с. 43].

Таянье снега превращало московские холмы в ручьи такой ширины, что мальчишки могли пускать по ним кораблики. Реки внутри города были с одной стороны полезны для развития промышленности, но если летом

---

379 Москва в 1812 году: письма, дневники, записки, воспоминания современников. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 36.

380 Там же. С. 145.

381 Там же. С. 356.

382 Пушкин А.С. Евгений Онегин. Глава VII. Строфа XXXVIII [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetry-classic.ru/7-38.html> (дата обращения 15 мая 2021).

дождь шёл весь день, то в результате бывало по несколько погибших, затопливо сады и огороды, срывало плотины, мельницы и мосты [Булгаковы 2010, с. 369]. И в конце XIX столетия летом после дождя на московской Пречистенке «вода закрывала колёса экипажей» [Булгаковы 2010, с. 149]. Непролазная грязь была одной из причин, по которой аристократы, насколько это было возможно, долго сопротивлялись требованиям властей не ездить тройкой или четвёркой в ряд (другой – была гордость, парой – считалось мещанской запряжкой), так как из глины две лошади экипаж просто не могли вытянуть [Пыляев 1990, с. 443].

И в 1860-х гг. в городских усадьбах старой столицы жили своим хозяйством, дома в стиле ампир были окружены хозяйственными постройками, садами, «даже парками, подобно деревенским помещичьим усадьбам» [Волошина 1993, с. 106]. Существовали также и рощи, в которые ездили на пикники с самоварами купцы. В рощах и садах пели соловьи.

Движение между этими домами было весьма интенсивным, нередко бывали и заторы. В течение дня городские улицы наполняли люди и лошади, у этого процесса был свой ритм.

На рассвете грузовые лошади тащат по улицам возы с дровами, водовозы развозят воду также при помощи лошадей, запряжённых в повозку-бочку. Скот отправляется на городские пастбища. Далее появляются извозчики, которые живут тут же, в городе, на постоянных дворах, а их лошади – в плохих содержащихся тамошних конюшнях. Извозчиков было так много, что обыватель мог видеть их на улице «везде, где он только кидал взор» [Гиляровский 2019, с. 171]. На всех крупных перекрёстках и площадях находились извозничьи биржи. Они развозят учащихся и чиновников на учёбу и работу. Семьи, имеющие собственный выезд, отправляют на нём детей в пансионы. Для работы каждого вагона появившейся в обеих столицах конки (конной железной дороги) также нужны были как минимум шесть лошадей, эти животные очень быстро истощали все свои силы, и век их был недолог. При этом один какой-нибудь перевернувшийся экипаж как минимум на час практически останавливал движение, и происходили подобные случаи достаточно часто. Всё это движение сопровождалось невообразимым грохотом, так как на основных улицах мостовая была вымощена булыжником. В связи с этим зимой в столичных городах было значительно тише, так как транспорт был санным.

К середине дня начинаются визиты, для них используются как дрожки, коляски, так и большие кареты³⁸³. Вечером горожане отправляются в театры, на балы, званые вечера, в гости, клубы – их экипажи ждут хозяев у ворот, привычно мёрзнут лошади, греются у костров кучера. Ночь – время, когда грузовые и легковые лошади могут пересечься: ещё разъезжаются игроки и припозднившиеся гости, а навстречу им шествует называемый В.И. Гиляровским «ночным брокером» ассенизационный обоз [Гиляровский 2019, с. 206].

---

383 Москва в 1812 году: письма, дневники, записки, воспоминания современников. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 10.

В Санкт-Петербурге вследствие большей скученности зданий в центре города извозчики использовали несколько меньше, горожане больше ходили пешком. Но для хозяйственного обслуживания города всё равно было не обойтись без огромного количества лошадей. В самом центре столицы располагались кавалергардские и конногвардейские полки, что добавляло несколько тысяч лошадей, которые проживали в казармах, тренировки проходили там же, в манежах. Чтобы только обойти все эти помещения, требовалось не менее двух часов [Игнатъев 1986, с. 43].

Весь жизненный цикл жителя Москвы и Санкт-Петербурга – от вызова к роженице врача до отправки гроба на кладбище – проходил в сопровождении лошади – единственного вида транспорта вплоть до революции 1917 г. Лошади в полном смысле слова формировали собой городскую среду: «Десятки тысяч лошадей, обдававших прохожих своим теплом, как это ни странно, делали воздух города менее “официальным”, менее безразличным к человеку», писал Д.С. Лихачёв [Лихачёв 2007]. Столичный житель по «дыханию лошади, не просто парному, а густому и не скоро тающему», мог запросто определить температуру воздуха на улице³⁸⁴.

Горожане были окружены животными не только на улицах – в домах их тоже существовали целые экосистемы, состоящие из желанных и нежеланных спутников. Среди последних можно перечислить различных насекомых-паразитов: тараканов, постельных клопов, мух, комаров. Комаров было особенно много в Санкт-Петербурге, где более болотистая местность. Александр III упоминает в письме к супруге, как один из офицеров упал во время приёма в обморок – так его заели комары³⁸⁵. Для ловли блох дамы использовали специальные трубочки, изнутри намазанные патокой, которые прятались в корсет.

Многие мещане держали домашнюю птицу, но её качество было довольно низким, так как в условиях тесноты столичного города обеспечить курам, гусям и уткам необходимое пространство было сложно. Большая же часть птицы оказывалась в городе уже для продажи на базаре, при доставке их подвешивали вниз головой, связав по несколько штук за лапы, там же их и умерщвляли, а гусей ощипывали ещё живыми [Зосимовский 1890, с. 52].

Самым распространённым среди простого населения домашним животным-компаньоном были певчие птицы. Певчие жаворонки, снегири, малиновки, щеглы, чижики и канарейки тысячами продавались на всех ярмарках и рынках. «Кажется, нет того дома, где бы не жила канарейка, услаждающая слух любителя своею громкой, серебристой песенкой»³⁸⁶, канарейки содержались в тесных клетках и поэтому быстро умирали, сменяясь следующими поющими пленниками. Попугаи были популярны за умение «говорить»,

---

384 Царские дети. М.: изд-во Сретенского монастыря, 2015. С. 50.

385 Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М.: Русское слово, 2011. С. 120

386 Ветеринарный фельдшер. 1905. № 6. С. 278.

их судьба была чуть более завидной, так как эти южные птицы требуют внимания к условиям содержания.

Стоянки извозчиков привлекали тысячи воробьёв и голубей, которые питались овсом, оброненным лошадами [Гиляровский 2019, с. 38]. Мальчишки ловили зазевавшихся воробьёв и пытались держать их в домиках-коробках.

Кошки жили в каждом доме и являлись в подавляющем большинстве случаев не домашними питомцами, а рабочими домашними животными, так как содержались они исключительно для борьбы с грызунами. Если мышей можно было вывести с помощью мышеловок, то против крыс был нужен хищник. Несмотря на полезность кошек, ценность их оставалась низкой, их не лечили и крайне редко давали им имена.

Во дворах для охраны жили «дворные» собаки, они должны были либо находиться на цепи, либо носить намордник, дабы не стать жертвой рейда против бешенства [Зосимовский 1890, с. 46]. Бегающие по городу стаи воспринимались властями как абсолютное зло, градоначальники предписывали отстреливать их всех без разбора³⁸⁷.

Породистыми собаками в России называли только охотничьих, причём в каждой усадьбе могла обитать своя «порода». Граф А. Орлов в имении Хреновском держал свою породу собак для охоты на волков.

«Комнатные» или «дамские» собаки были миниатюрными экземплярами охотничьих собак. Богатые барыни держали во множестве чёрных и каштановых с пятнами коротконогих «шарлоток» – потомков популярной во всей Европе «собак короля Карла» (порода кинг-чарльз спаниель). Такие собачки редко покидали комнаты, рискуя на улице моментально погибнуть под колёсами экипажей. От смешения родственников «шарлоток» – «шпанок» (спаниелей) – с вислоухими дворняжками пошли собаки для мещан – «каштанки», сообщает знаменитый охотовед Л.П. Сабанеев [Сабанеев 1896, с. 9].

Если говорить о моде на собак, то в ней, как и в остальных сферах общества, царила англоманья. Самыми популярными породами собак среди богатых к началу XX в. стали бульдоги, в основном это был типаж современного французского бульдога. Эти небольшие приземистые собаки нередко всюду сопровождали своих владельцев: императрица Александра Фёдоровна с удовольствием брала Ортипо вел. кн. Татьяны с собой во время осмотра госпиталей, и та ехала с ней в одном экипаже, Ф. Шаляпин брал своего Бульку даже на спектакли, где он громко лаял в гримёрной пещи, Ф. Юсупов-младший не мог без своего Клоуна отправиться в Оксфорд и разработал хитроумный план, выдав на таможне собаку за спелёнатого младенца. Второй по популярности породой в обществе были фокстерьеры, их страстным любителем был вел. кн. Михаил Александрович, в своих дневниках он уделяет огромное внимание здоровью своих фоксов, с тоской оплакивает их гибель от бешенства. Супруга младшего брата императора Н. Брасова брала собаку этой породы с собой даже при посещении раненых

---

387 Хроника архива ветеринарных наук. 1915. № 18. С. 506.

во время Первой мировой войны. Фокстерьер сопровождал князя и княгиню Тенишевых в свадебном путешествии.

Прогулка с собакой по улицам города была явлением новым и крайне редким, этот вид досуга стал более популярен на рубеже веков и был следствием всеобщей англomanии. Генеральша В. Духовская водила своего привезённого из Германии дога Урса на огромной цепи, вызывая панику у мужиков [Духовская 2019, с. 117]. Моционы вдоль Невы вел. кн. Ольги Александровны с борзой и одной горничной удивляли весь петербургский свет [Воррес 1998, с. 127].

Весьма распространённым народным развлечением, которое уважали и многие представители высшего света, была травля животных. Обычно бои быков и степных лошадей с медведями, волков с собаками, проходили после скачек. Например, подобную старинную русскую забаву можно было посмотреть в Москве в районе Рогожских улиц у крупного конного торговца Г.С. Бардина. «Московские ведомости» печатали даже портреты наиболее успешных бойцов-медведей: Ахана, Великана и Давилы [Коптев 1887, с. 811]. Показательная травля волков собаками, которую считалось приемлемым смотреть даже детям, была логическим завершением охотничьих выставок в обеих столицах вплоть до конца XIX в. [Зосимовский 1890, с. 211].

Таким образом, пристально взглянув на жизнь столичного российского города XIX – XX вв., можно убедиться в его зооантропности [Miltnerberger 2006, p. 78], в том, что в нём вместе с людьми в неразрывной связи жили лошади, коровы, куры, утки, свиньи, собаки, кошки, птицы, грызуны, насекомые. Историкам нужно только показать эту связь человека с окружающей его средой, сделать её одним из субъектов истории, и тогда это единение станет очевидным для всех читателей.

Список литературы

1. Ашмарина 2019 – Ашмарина С.В. Проблема истощения и восстановление лесных ресурсов Урала (конец XIX – нач. XX вв.) // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Вып. 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019.50–57.
2. Бюкоз 1789 – Бюкоз П.Ж. Наставление о воспитании животных, служащих к забаве человеческой, с показанием, чем их кормить, пользоваться в их болезнях и какую можно получать от них пользу и увеселение. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. 167 с.
3. Булгаков 2010 – Булгаков А.И. Братья. Булгаковы: письма в 3 т. М.: Захаров, 2010. Т.1. С. 168.
4. Волошина 1993 – Волошина М.В. Зелёная змея: История одной жизни. М.: ТОО «Энигма», 1993. 411 с.
5. Воррес 1998 – Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания / Й. Воррес, Л. Ден. М.: Terra-Книжный клуб, 1998. 417 с.
6. Вундт 1865 – Вундт В. Душа человека и животных. СПб., 1865. С. 26.
7. Гиляровский 2019 – Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Азбука, 2019.
8. Дорошевич 1903 – Дорошевич В.М. Сахалин. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1903. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/sahalin.html?p=2> (дата обращения: 05.05.2021).
9. Духовская 2019 – Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. М.: Захаров, 2019. 576 с.
10. Заксер 2020 – Заксер Н. Человек в животном. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 17.
11. Зосимовский 1890 – Зосимовский З.В. Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным. СПб: Тип. П.П. Сойкина, 1890. 413 с.
12. Игнатъев 1989 – Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Правда, 1989. 588 с.
13. Коптев 1887 – Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства / [Введение: Ф.А. Свечин]. М.: типо-лит. В.В. Чичерина, 1887. 941 с.
14. Кузминская 1925–1926 – Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moaya.html#perv (дата обращения: 10. 05. 2021).
15. Лихачёв 2007 – Лихачёв Д.С. Воспоминания. М.: Вагриус, 2007. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=153556&p> (дата обращения: 11.05.2021).
16. Лоренц 1970 – Лоренц К.З. Кольцо царя Соломона. М.: Знание, 1970. С. 140
17. Пыляев 1990 – Пыляев М.И. Старый Петербург. Л.: Рекл.-изд. предприятие «Титул»: Инновационно-коммерческий «Балтийский банк», 1990. 497 с.
18. Сабанеев 1896 – Сабанеев Л.П. Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1: Легавые. М.: А.А. Карцев, 1896. С. 9.
19. Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 12.1. № 9. С. 43.
20. Сухотина-Толстая 1987 – Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Современник, 1987. С. 223.
21. Тимофеева 2017 – Тимофеева О. История животных. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 200 с.
22. Толстая 1862–1910 – Толстая С.А. Дневники (1862–1910) / С.А. Толстая. М.: Захаров, 2017. 688 с.
23. Ульянова 2021 – Ульянова Г. Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века. М.: Новое обозрение, 2021. 352 с.

24. Федорович 2011 – Федорович Е. Ю. Развитие поведения животных в онтогенезе как результат их взаимодействия с окружением // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 56–65.
25. Фигнер 1964 – Фигнер В.Н. Запечатлённый труд: Воспоминания: в 2 т. [Предисл. Э. Павлюченко]. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 439 с.
26. Berger 1991 – Berger J. About looking. New York.: 1991. P. 3.
27. Haraway 2008 – Haraway D. When species meet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. P. 22.
28. Lajus 2017 – Lajus J. Environmental History in Russia and about Russia // Environment and History. 2017. Vol. 23. № 4.
29. MacDonough 1999 – MacDonough K. Reigning cats and dogs. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 62.
30. Miltenberger 2006 – Miltenberger S. Promiscuously Mixed Together: New Yorkers and Domestic Animals in the Nineteenth Century Anthrozootic City. PhD diss.: University of California, Davis. P. 78.
31. Ritvo 1987 – Ritvo H. The Animal Estate. The English and Other Creatures in Victorian England. Harvard University Press, 1987. P. 2.

References

1. Amsharina, C.V. (2019) Problema istoshcheniya i vosstanovlenie lesnykh resursov Urala (konets XIX – nach. XX vv.) [The problem of depletion and restoration of the forest resources of the Urals (the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries)] // Problemy ekologicheskoy istorii / istorii okruzhayushchey sredy [Problems of ecological history / history of the environment]. Issue. 1, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, Moscow, Russia, pp. 50-57.
2. Berger J. (1991) About looking. New York.: 1991, p. 3.
3. Bulgakov, A.I. (2010) Brat'ya. Bulgakovy: pis'ma v 3 t. [Brothers. Bulgakovs: letters in 3 volumes], Zakharov, Moscow, Russia p. 168.
4. Byukoz, P.Zh (1789) Nastavlenie o vospitanii zhivotnykh, sluzhashchikh k zabave chelovecheskoy, s pokazaniem, chem ikh kormit', pol'zovat' v ikh boleznyakh i kakuyu mozjno poluchat' ot nikh pol'zu i uveselenie [Instructions on the education of animals that serve for human amusement, with an indication of how to feed them, use them in their illnesses, and what benefit and entertainment can be obtained from them], Univ. tip., u N. Novikova, Moscow, Russia, 167 p.
5. Doroshevich, V.M. (1903) Sakhalin [Sakhalin], T-vo I.D. Sytina, Moscow, Russia, available at: <https://avidreaders.ru/read-book/sahalin.html?p=2> (Accessed 05.05.2021).
6. Dukhovskaya, V.F. (2019), Iz moikh vospominanii [From my memories], Zakharov, Moscow, Russia.
7. Gilyarovskiy, V.A. (2019), Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites], Azbuka, Russia.
8. Fedorovich, E. Yu. (2011) Razvitie povedeniya zhivotnykh v ontogeneze kak rezul'tat ikh vzaimodeystviya s okruzheniem [Development of animal behavior in ontogeny as a result of their interaction with the environment] // Voprosy psikhologii [Questions of Psychology] // № 6, pp. 56–65.
9. Figner, V.N. (1964), Zapechatlennyi trud: Vospominaniya [Imprinted work: Memoirs], Thought, Moscow, Russia.
10. Haraway, D. (2008) When species meet. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008, p. 22.
11. Ignatiev, A.A. (1989), Pyat'desyat let v stroyu [Fifty years in the ranks], Pravda, Moscow, Russia.

12. Koptev, V.I. (1887), *Materialy dlya istorii russkogo konnozavodstva* [Materials for the history of Russian horse breeding], tipo-lit. V.V. Chicherina, Moscow, Russia.

13. Kuzminskaya, T.A. (1925–1926) *Moya zhizn' doma i v Yasnoy Polyane* [My life at home and in Yasnaya Polyana], available at: http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv (Accessed: 10.05.2021).

14. Lajus J. (2017) *Environmental History in Russia and about Russia // Environment and History*. 2017. Vol. 23. № 4.

15. Likhachev, D.S. (2007), *Vospominaniya*, [Memoirs], Vagrius Moscow, available at: <https://www.litmir.me/br/?b=153556&p> (Accessed 11.05.2021).

16. Lorents, K.Z. (1970) *Kol'tso tsarya Solomona* [Ring of King Solomon], *Znanie*, Moscow, Russia, p. 140.

17. MacDonough, K. (1999) *Reigning cats and dogs*. New York: St. Martin's Press, 1999, p. 62.

18. Miltenberger, S. (2006) *Promiscuously Mixed Together: New Yorkers and Domestic Animals in the Nineteenth Century Anthrozootic City*. PhD diss.: University of California, Davis, p. 78.

19. Pylyayev, M.I. (1990), *Staryi Peterburg* [Old Petersburg], Titul, Leningrad, Russia.

20. Ritvo, H. (1987) *The Animal Estate. The English and Other Creatures in Victorian England*. Harvard University Press, 1987, p. 2.

21. Sabaneev, L.P. (1896) *Sobaki okhotnich'i, komnatnye i storozhevye* [Dogs for hunting, indoor and guard dogs], A.A. Kartsev, Moscow, Russia, p. 9.

22. Sukhotina-Tolstaya, T.L. (1987), *Dnevnik* [Diary], *Sovremennik*, Moscow, Russia, p. 223.

23. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1858. 12.1. № 9. P. 43.

24. Timofeeva, O. (2017) *Istoriya zhivotnykh* [History of animals], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 200 p.

25. Tolstaya, S.A. (2017), *Dnevniki (1862–1910)* [Diaries (1862–1910)], Zakharov, Moscow, Russia.

26. Tsintsadze, N.S. (2019), *Gosudarstvo, obshchestvo i priroda v Rossii kontsa XIX–pervoy treti XX veka: tango vtroem* [State, society and nature in Russia at the end of the 19th – the first third of the 20th century: tango for three], *Aleteyya*, St. Petersburg, Russia. 570 p.

27. Ul'yanova, G (2021), *Kupchikhi, dvoryanki, magnatki. Zhenshchiny-predprinimatel'nitsy v Rossii XIX veka* [Women entrepreneurs in 19th century Russia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 352 p.

28. Voloshina, M.V. (1993), *Zelenaya zmeya: Istoriya odnoi zhizni* [The Green Snake: The Story of One Life], Enigma, Moscow, Russia.

29. Vorres, I. (1998), *Poslednyaya velikaya knyaginya. Vospominaniya* [The last Grand Duchess. Memories], Terra-Knizhnyi klub, Moscow, Russia, 417 p.

30. Zakser, N. (2020) *Chelovek v zhivotnom* [Man in the animal], *Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki*, Moscow, Russia, p. 17.

31. Zosimovsky, Z.V. (1890), *Istoricheskii ocherk deyatel'nosti Rossiiskogo obshchestva pokrovitel'stva zhivotnym* [A historical sketch of the activities of the Russian Society for the Protection of Animals], *Tip. P.P. Soikina*, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Анастасия А. Локтева, соискатель
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6
zveruschka@yandex.ru

Information about the author

Anastasia A. Lokteva, applicant for candidate dissertation
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;
zveruschka@yandex.ru

Промышленное загрязнение городских рек в Российской империи: случай города Твери (1873 – 1910)

Иван И. Манцеров

Российский государственный архив литературы и искусства,
Москва, Россия
ivan-mancerov@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблемы выработки эффективных мер противодействия промышленному загрязнению общественных водоёмов в Российской империи на примере конфликта, произошедшего во второй половине XIX века между текстильной фабрикой Товарищества Тверской мануфактуры и Тверской городской Думой. Ключевой особенностью работы является смещение фокуса внимания исследователя на локальный случай, роль которого оказалась существенной в масштабе империи, а также включение изучаемого эпизода в контекст развития санитарной и экологической политики Российской империи. Исследование проведено с опорой на архивные источники Государственного архива Тверской области (ГАТО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Изучаемому сюжету присуща высокая научная актуальность с точки зрения наметившихся трендов развития отечественной экологической истории.*

Ключевые слова: *промышленное загрязнение, городская река, Тьмака, Волга, общественные водоёмы, городская дума, Морозовы, научная экспертиза.*

Industrial pollution of urban rivers in the Russian Empire: the Case of Tver (1873 – 1910)

Ivan I. Mantserov

Russian state Archive of Literature and Art, Moscow, Russia
ivan-mancerov@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the problem of developing effective measures to counteract industrial pollution of public reservoirs in the Russian Empire on the example of the conflict that occurred in the second half of the XIX century between the textile factory of the Tver Manufactory Association and the Tver City Duma. The key feature of the work is the shift of the researcher's focus to a local case, the role of which turned out to be significant on the scale of the empire, as well as the inclusion of this episode in the context of the development of sanitary and environmental policy of the Russian Empire. The study was conducted based on archival sources of the State Archive of the Tver Region (GATO), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The studied plot is characterized by high scientific relevance from the point of view of emerging trends in the development of national environmental history.*

Key words: *industrial pollution, city river, T'maka, Volga, public reservoirs, city дума, Morozov, scientific expertise.*

В последние десятилетия XX века под воздействием растущего интереса к проблемам негативного воздействия человечества на окружающую среду и вопросам взаимовлияния Человека и Природы возникла особая ветвь исторической науки, получившая название «Environmental history».

Появление данного историографического феномена, ставшего ярким примером междисциплинарного синтеза исторического инструментария и естественнонаучных подходов, позволило историкам напрямую затронуть проблемы, ранее не попадавшие в фокус исторических исследований. Среди исследовательских сюжетов, вошедших в проблемное поле экологической истории, особое место занимают вопросы защиты водных ресурсов от загрязнения стоками фабрик и заводов в контексте индустриального развития государств.

Промышленное развитие стран в XVIII – XIX вв., сопровождавшееся активным использованием токсичных химикатов в производственной деятельности, приводило к возникновению многочисленных локальных конфликтов между местным населением и руководством фабрик и заводов. Основной причиной разбирательств, сопровождавшихся иногда громкими судебными процессами, зачастую становилось отравление водоёмов (рек, озёр) стоками промышленных предприятий.

Одним из наиболее значимых конфликтов подобного рода стала борьба между Тверской городской Думой и руководством текстильной фабрики Товарищества Тверской мануфактуры (принадлежавшей Морозовым) в г. Твери во второй половине XIX – начале XX века. Причиной его возникновения послужило длительное неконтролируемое загрязнение вод притока Волги, небольшой реки Тьмаки, стоками из корпусов Морозовской фабрики, что лишало местных жителей возможности пить речную воду и даже использовать её для бытовых нужд.

Помимо изучения двух основных этапов противостояния городских властей с фабричной администрацией Морозовской мануфактуры, автор ставит целью статьи поиск ответа на вопрос о реальном значении рассматриваемого кейса в контексте формирования паттернов противодействия промышленному загрязнению водоёмов в масштабе Российской империи.

Выбор именно Тверского кейса в качестве примера для изучения эволюции представлений о феномене загрязнения и эффективных средствах борьбы с ним (научных, юридических и организационных) представляется обоснованным в силу ряда обстоятельств. Во-первых, несмотря на то, что разногласия между жителями как городов, так и сельской местности с владельцами заводов на фоне загрязнения рек были распространённым явлением, широкой огласки они не получали. В случае же процесса вокруг загрязнения реки Тьмаки наблюдалась совершенно иная картина – возникнув на локальном уровне, этот конфликт спустя годы стал известным в национальном масштабе, привлекая при этом профильные министерства и ведущих специалистов в области химии, гигиены и медицины в качестве акторов. Во-вторых, обращает на себя внимание существенная продолжительность разбирательств, активная фаза которых приходится на период с 1879 по 1910 гг. без учёта неудачных попыток борьбы с фабрикой с момента её основания в 1858 г. В-третьих, важно учесть тот факт, что в большинстве подобных случаев в Российской империи (имеются в виду аналогичные разбирательства в Казани, Ивановской губернии и др.) противостояние длилось

недолго ввиду перевеса одной из сторон. Случай же в Твери представляет собой своего рода лабораторию, площадку для обсуждений и экспериментов в поиске эффективных средств решения спора о промышленном загрязнении конкретной реки – во многом это было обусловлено паритетом между управлением фабрики Морозовых и органами городского управления в Твери. Такое положение дел способствовало поиску компромиссного решения, способного привести к балансу между интересами экономического развития и состоянием окружающей среды. Помимо этого, окончание противоборства было ознаменовано совершенно нетипичным в юридической практике подобных споров приговором, а именно осуждением фабричных управляющих на арест. На основании вышесказанного становится очевидным, что именно случай реки Тьмаки наиболее полно отражает основные стадии развития представлений о борьбе с загрязнением водоёмов, а потому именно его изучение представляется наиболее целесообразным.

Данной теме присуща высокая научная актуальность, основанная прежде всего на введении в научный оборот новых источников из фондов Государственного архива Тверской области (г. Тверь) и Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Привлечение материалов из фондов Тверской городской управы, Хозяйственного департамента МВД, Министерства торговли и промышленности позволило установить основные стадии протекания конфликта, определить роль научной экспертизы, проследить отношение сторон процесса к функциям водных ресурсов, оценить процесс развития очистных сооружений на Морозовской фабрике.

На сегодняшний день проблемы борьбы с промышленным загрязнением в истории России затрагивались несколькими отечественными исследователями, среди которых А.В. Виноградов [Виноградов 2017], А.Б. Агафонова [Агафонова 2014], Г.Ю. Афанасьев [Афанасьев 2016]. Ряд работ А.В. Виноградова, посвящённых локальным противоборствам промышленных предприятий и страдавшего от их деятельности населения в Казанской губернии (завод Товарищества «Ушков и К^о»), на реке Трубеж при впадении в озеро Плещеево и иных местах, содержит сведения о тенденциях восприятия понятия «загрязнение», «вред» и «порча» участниками борьбы за чистоту водоёмов, анализ развития законодательных норм санитарного характера, направленных на регулирование загрязнения вод, а также материалы, позволяющие судить о вовлечённости в «водяные недоразумения»³⁸⁸ в различных уголках Российской империи экспертного сообщества. Перечисленные аспекты составляют лишь малую долю изучаемых исследователями сфер обширной проблемы токсичного загрязнения водоёмов, помимо указанных выше тем отечественные специалисты вносят вклад в формирование полной картины санитарного состояния позднеимперской России посредством изучения законодательного регулирования промышленного загрязнения, проблем водоснабжения городов, вреда бытовых отходов и городских стоков для чистоты воды.

---

388 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 17. Д. 183. Л. 2.

***

По некоторым сведениям, первые поселения на территории современного города Твери располагались в местах впадения в Волгу её притоков – Тьмаки и Тверцы. Закономерно, что в своей повседневной жизни жители Твери привыкли использовать речную воду для питья, ловли рыбы, стирки белья и иных бытовых функций. До середины XIX века использование речных вод в данном регионе оставалось безопасным занятием в связи с тем, что спускавшиеся в воду городские отходы (стоки огородов, бань), содержавшие в себе в основном органические вещества, уносились течением в полноводную Волгу, где в совокупности с большим объёмом речной воды их концентрация достигала значений, не представлявших угрозы для здоровья людей.

Однако с началом т. н. «промышленного переворота», выразившегося в появлении первых фабричных предприятий (в том числе и на берегах рек), ко вредной органике в качестве загрязнителя воды добавились использовавшиеся производствами токсичные химические соединения.

В 1858 г. в малонаселённом районе г. Твери под названием Затьмачье купцами Сидором Шибаевым, Викулой Митюшиным и Василием Бушмариным на берегу реки Тьмаки была основана текстильная фабрика Товарищества Тверской мануфактуры³⁸⁹. Первоначально в связи с неразвитостью санитарного законодательства основание фабрики, впоследствии выкупленной Морозовыми, не встретило никакого сопротивления ввиду её удалённого расположения от центра города и гарантией соблюдения противопожарных мер. Тем не менее последствия работы фабрики стали ощущаться местными жителями практически сразу. На момент появления Морозовской фабрики уже существовал запрет на постройку фабричных заведений, вредных для чистоты воды, выше по течению рек³⁹⁰. Помимо этого, существовала ст. 65 Устава Строительного, запрещающая строить в городах и выше городов по течению рек предприятия, вредные для чистоты воздуха и воды [Оглоблин 1913, с. 410]. Однако ввиду отсутствия конкретизации удалённости фабрик, а также понятия «вред» при основании фабрики Товарищества Тверской мануфактуры данный закон принят во внимание не был.

Основание производства вдоль берега реки представлялось оправданным решением ввиду возможности использования вод Тьмаки для спуска отходов фабрики и промывки готовых изделий – отсутствие необходимости выделять средства на вывоз фабричных отходов делало предприятие ещё более прибыльным. Однако данная практика существенно отражалась на народном здоровье. Фабрика Морозовых осуществляла полный цикл работ текстильной фабрики, в числе которых были отбеливание, окрашивание и

---

389 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 2046. Л. 1.

390 О наблюдении Начальником Городских Полиций за чистотой и опрятностью в городах: Указ № 20881 от 2 августа 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 27. – С. 814–815.

промывка готовых изделий. В этой связи закономерным было использование токсичных химических соединений хрома, мышьяка, а также различных кислот, которые попадали в реку вместе со сточными водами.

По данным письма тверского городского головы М.И. Арефьева губернатору от 1908 г., очевидное даже для невооружённого глаза загрязнение вод реки Тьмаки характеризуется как «зло», с которым городское управление борется долгие годы³⁹¹. Наиболее значимым негативным следствием сброса фабричных нечистот в Тьмаку М.И. Арефьев считал загрязнение Волги тьмакской водой, употребление которой считалось опасным уже с 1874 г.

В архивных источниках зафиксированы сведения о многочисленных признаках отравления водой из Тьмаки, которую население продолжало употреблять из-за отсутствия альтернативных источников водоснабжения, способных обеспечить достаточное количество воды для бытовых нужд и питья. Содержавшиеся в воде тяжёлые металлы (свинец, цинк, медь, хром), их оксиды, соляная кислота и иные соединения при попадании в организм вызывали боль в желудочно-кишечном тракте, рези, диарею и рвоту. По вкусовым качествам и запаху тьмакская вода также не соответствовала гигиеническим требованиям, поскольку местные отмечали в ней привкус керосина, обусловленный утечками масел и смол с производства. Кроме того, загрязнение воды негативно сказывалось на речной фауне – «по показанию содержателя живорыбных садков А.В. Белоусова, рыба в садке свежепойманная частью уснула, а часть её хотя и жива, но плавает, как полусонная»³⁹².

Население Затьмачья, представленное в основном крестьянами, было фактически отрезано от основного ресурса, обеспечивавшего их жизнедеятельность. Однако, несмотря на очевидный вред фабричной деятельности для окружающей среды, к 1870-м гг., решить однозначно вопрос о её существовании не представлялось возможным по двум причинам. Во-первых, появление Морозовской фабрики обеспечило многих жителей Затьмачья рабочими местами – несмотря на низкий уровень зарплат и негодные в санитарном отношении условия жизни, бывшие крестьяне с энтузиазмом пошли работать на фабрику. Во-вторых, вплоть до начала 1870-х гг. не существовало инстанции, способной заявить свои права на чистую реку в противовес безраздельному её использованию фабрикой.

Некоторые учёные, впоследствии принявшие активное участие в разработке мер по охране водоёмов от промышленного загрязнения, отмечали связь доминирующих трендов общественного развития Российской империи с санитарной обстановкой в стране. Одним из таких специалистов был ученик Ф.Ф. Эрисмана, известный гигиенист Г.В. Хлопин, который при изучении санитарного состояния городов Поволжья и казённых заводов Урала неоднократно отмечал, что санитарная обстановка в населённых пунктах и состояние народного здоровья напрямую зависят от развитости самоу-

---

391 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2046. Л. 1об.

392 Там же. Л. 2.

правления на местах и степени гражданской свободы. Данный тезис нашёл практическое отражение в случае с рекой Тьмакой, поскольку с момента введения Городового положения Александром II и появлением Тверской городской Думы борьба за чистоту реки перешла на новую стадию с поразительной активностью.

Городовое положение делегировало городской думе полномочия в том числе и по поддержанию здоровой врачебно-санитарной обстановки на вверенной территории посредством издания соответствующих положений [Виноградов 2013, с. 237]. Кроме того, согласно Городовому положению, обязательство по обеспечению равного доступа к водным ресурсам региона также оставалось за городской думой, однако в условиях увеличения масштабов загрязнения выполнение данной функции было затруднено, что послужило в дальнейшем поводом к обсуждению вопроса о принадлежности права на реку между сторонами конфликта.

Среди наиболее значимых практических мер, предпринятых Тверской городской Думой для защиты реки Тьмаки, была организация комитета для исследования качества воды в 1871 и комиссии для выработки мер по борьбе с загрязнением в 1875 г. Каких-либо значимых последствий деятельности комитета 1871 г. в архивных источниках не отражено, поскольку данная инстанция не имела полномочий привлечь к ответственности сторону, осуществлявшую загрязнение воды – его деятельность была направлена в первую очередь на оценку состояния речной воды. В то же время комиссия 1875 г., образованная при Тверском губернском правлении и включавшая в состав членов врачебного и строительного отделений правления, а также городского врача и городского полицмейстера, имела больше полномочий. Слабым местом комиссии было отсутствие в её составе квалифицированных специалистов в области химии, гигиены и санитарии, способных дать полное научное обоснование позиции города в деле защиты Тьмаки от нечистот.

Фабричная территория продолжала активно расширяться – в 1872 г. был открыт новый ткацкий корпус³⁹³. Городское управление неоднократно предостерегало население от питья речной воды и рекомендовало пользоваться колодцами. В то же время городской полицмейстер предпринял попытку привлечь фабрикантов к ответственности за загрязнение Тьмаки на основании ст. 863 Уложения о наказаниях, которая требовала уничтожения вредных для чистоты воды фабрик, устроенных в городе или выше города по течению рек, за счёт владельца с последующим арестом на срок от 7 дней и денежным взысканием [Оглоблин 1913, с. 411]. Полицмейстер препроводил соответствующий протокол в прокуратуру, однако в возбуждении следствия и проверки по делу было отказано.

Таким образом, первые шаги в деле борьбы с промышленным загрязнением общественных водоёмов в Твери перед началом судебного процесса были сделаны усилиями Тверской городской Думы и Тверского губернского

---

393 Там же. Л. 1-2.

правления. Учитывая отсутствие практики применения каких-либо серьёзных мер пресечения по отношению к фабрикантам по вопросам загрязнения водоёмов в Российской империи, представляется обоснованным, что и в данном случае Морозовы не воспринимали усилия думы как серьёзную угрозу существованию фабрики. Тем не менее фабриканты предприняли ряд попыток договориться с городскими властями. Так, в 1875 г. фабричная администрация Морозовской мануфактуры предложила тверскому губернатору разовую выплату в размере 30000 рублей на устройство отвода фабричных стоков в Волгу ниже города либо на организацию водопровода в Затьмачье³⁹⁴. Фабриканты были готовы потратить деньги на предоставление городу альтернативного источника водоснабжения, что могло решить проблемы с доступом к качественной питьевой воде в Затьмачье, однако одним из условий был отказ города от претензий по отношению к фабрике в деле использования вод реки Тьмаки, что могло означать признание за ней статуса сточной канавы. Предложение промышленников обсуждалось неоднократно в период с 1875 по 1877 г. – на этот срок деятельность комиссии по борьбе с загрязнением была приостановлена. Подобные паузы в разбирательствах с фабрикой крайне негативно сказывались на состоянии речной воды, поскольку никаких мер, ограничивающих сток фабричных отходов в реку, принято не было. В конце концов, на данное предложение был дан отрицательный ответ, несмотря на то что в составе Тверской городской Думы были лица склонные к его принятию – среди них наиболее известен был городской врач П.С. Потемкин, считавший необходимым в интересах города получить от промышленников хотя бы небольшую выгоду в виде устройства водопровода и временно решить проблему с питьевой водой³⁹⁵.

Однозначно ответить на вопрос о причинах отказа города от устройства водопровода за счёт промышленников трудно, однако факт нежелания «продать» реку промышленникам говорит прежде всего о том, что данный природный объект выполнял для города не только утилитарную функцию предоставления чистой воды – река Тьмака была важной частью городского ландшафта и местом, вокруг которого строилась жизнь множества горожан, а потому превращение её в сточную канаву с официально признанным статусом промышленной реки не представлялось разумным решением. Стоит отметить, что в последующие годы фабрика неоднократно предлагала более крупные суммы на устройство и даже содержание водопровода в обмен на отказ от претензий (так, в 1884 г. фабричная администрация вновь получила отказ, несмотря на готовность выделить городу единовременно 52000 рублей и ежегодно по 12000 рублей на устройство и содержание водопровода). Попытки фабрикантов купить право на загрязнение реки были признаком отсутствия стимулов к установке качественных и эффективных очистных сооружений – тенденция к поиску способа минимизации вреда от промыш-

---

394 Там же. Л. 2.

395 Там же. Л. 17.

ленного производства ради улучшения экологической ситуации без ущерба для экономического потенциала региона пока находилась на начальной стадии, в то время как вопрос о самом факте существования фабрики на берегу Тьмаки становился всё острее.

Вторым важным шагом, предпринятым городской думой, была организация взятия проб речной воды в 1874 и 1878 гг. с последующей отправкой их для проведения анализа в Медицинский Совет МВД. Изучение воды на предмет наличия в ней загрязнителей (органики или токсичных химических соединений) было одной из первых предпосылок к широкому привлечению экспертного сообщества к решению споров о промышленном загрязнении с опорой на научное знание.

В обоих случаях передача проб на анализ не позволила Тверской городской Думе получить данные, которые могли бы послужить основой для обвинения фабрики в загрязнении реки. Взятого количества воды (8 бутылок) оказалось недостаточно, помимо этого анализ был проведён не сразу после передачи проб в Медицинский Совет (август 1878 г.), а лишь в апреле 1879 г. Незрелость практики проведения анализа речных вод на предмет наличия загрязнителей сказалась на качестве диагностики несмотря на то, что Тверская городская Дума вместе с пробами направила полную информацию о сложившейся ситуации, а также средства на обеспечение проведения анализа проб в размере 100 рублей. Тем не менее выводы экспертной комиссии были не конкретными – учёные констатировали «порчу» воды и наличие в ней красильных частичек и взвешенных веществ. Согласно заключению экспертов, в предоставленных пробах «не выявлено вредных минеральных веществ»³⁹⁶. Данное заключение без перечисления конкретных загрязнителей и их концентрации в сравнении с отсутствовавшими на тот момент требованиями к сточным водам было слабым аргументом со стороны обвинения.

В 1879 г. городская дума перешла к более решительным действиям, инициировав судебный процесс в отношении фабрики Морозовых по делу о загрязнении реки Тьмаки через мировой суд, а в июле 1880 г. от городского управления в суд была подана официальная жалоба на промышленников, и в этом же году мировой судья 2-го участка Тверского округа на основании данного обвинения обязал фабрикантов остановить спуск нечистот в реку. Уже 5 октября 1881 г. по данному делу было принято постановление мирового суда о запрете спуска неочищенных сточных вод Морозовской фабрики в реку Тьмаку³⁹⁷. Летом 1882 г. судебный пристав Ушаков вручил фабрикантам повестку, согласно которой в случае отказа от прекращения спуска нечистот городское управление примет меры к закрытию сточных труб фабрики³⁹⁸. Фабричное управление отказалось принять повестку,

---

396 Там же. Л. 2об.

397 РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 183. Л. 1.

398 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2046. Л. 8об.

поэтому контроль за исполнением постановления Мирового суда с февраля 1883 г. был возложен на полицию³⁹⁹. Показательно, что вышеуказанное постановление было одобрено и утверждено Кассационным Департаментом Правительствующего Сената⁴⁰⁰.

С начала 1880-х гг. в конфликте между фабрикой Товарищества Тверской мануфактуры и городом обозначился новый этап, связанный с переходом противостояния на национальный уровень. После начала судебного процесса в отношении фабрики в 1879 г. и принятия постановления о запрете спуска сточных вод к разбирательству были привлечены вышестоящие инстанции, среди которых особое место занимают Министерство торговли и промышленности, Министерство финансов и Министерство внутренних дел (Медицинский департамент). Беспрецедентность принятого запрета всколыхнула промышленный мир, поскольку в прошлые десятилетия никаких серьёзных мер в отношении промышленников, допускаявших спуск загрязнённых вод в общественные водоёмы, не принималось. Химик В.В. Марковников, принимавший активное участие в экспертизе сточных вод Морозовской фабрики, в своём отчёте отмечал, что ранее владельцам фабрик представлялась более выгодным решением выплата штрафа, нежели соблюдение непродуманных законов, формулировки которых оставляли простор для свободных трактовок [Марковников 1885, с. 6]. Запрет же спуска нечистот на Морозовской фабрике означал, что тенденция к восприятию феномена промышленного загрязнения претерпевает значительные изменения, и времена безнаказанного спуска неочищенных сточных вод подходят к завершению.

Широкий резонанс, ставший характерным для данного кейса с начала 1880-х гг., был во многом обусловлен двумя причинами – именитостью участников в лице Морозовых и категоричностью принятого постановления. Угроза закрытия сточных труб была сопоставима с закрытием фабрики, поскольку на тот момент технологий, способных обеспечить производственную деятельность без спуска отработанных вод в реку, не существовало. При этом стоит отметить, что, по архивным данным, к моменту судьбоносного постановления на фабрике присутствовали очистные сооружения в виде прудов для осаждения красильных частиц и иных тяжёлых фракций, однако ни их количество, ни объём отстаиваемой воды не позволяли обеспечить должную степень очистки, поэтому вплоть до середины 1880-х гг. очистные сооружения на Морозовской фабрике оставались примитивными.

Промышленные круги увидели выход из сложившейся ситуации в привлечении к разбирательствам экспертов в сфере химии и гигиены, способных доказать безвредность стоков для качества речной воды научным путём. В условиях несостоятельности и неэффективности имевшихся законов санитарного характера единственным способом решить назревшие противоречия было привлечение объективного научного знания.

---

399 Там же. Л. 12–12об.

400 Там же. Л. 6.

В период с 1882 по 1887 г. усилиями доктора химии, совещательного члена Медицинского Совета МВД А.В. Пеля, директора Технологического института, химика Н.П. Ильина и доктора химии В.В. Марковникова была составлена достаточно полная научная картина в отношении вопроса о загрязнении Тьмаки. Экспертиза, назначенная Медицинским Советом, ставила целью поиск ответов на несколько вопросов: как и какими веществами фабрика загрязняет Тьмаку, насколько сильно на чистоте речной воды сказываются городские стоки, и насколько соответствует качество тьмакской воды общим гигиеническим требованиям.

Основные выводы Медицинского Совета МВД были сформулированы в письме министра МВД графа Д.А. Толстого тверскому губернатору от 15 ноября 1882 г.⁴⁰¹. На основании экспертных заключений вышеперечисленных специалистов Медицинский Совет указывал на определяющее воздействие городских стоков на речную воду в качестве основного загрязнителя, в то время как вред фабричных вод признавался существенным лишь на ограниченном участке от фабрики до Мельничного моста, расположенного приблизительно в 650 метрах от сточных труб. Ниже моста по течению Тьмаки вода признавалась идентичной по качеству той, что находилась выше фабрики. Влияние же стоков с улиц, огородов, бань, свалок, а также продуктов человеческой жизнедеятельности вплоть до устья Тьмаки признавалось определяющим и изменяющим качество воды к худшему.

Одним из ключевых вопросов, стоявших перед экспертами, был вопрос оценки вредного влияния фабрик на волжскую воду. В своём докладе В.В. Марковников отмечал, что на фоне очевидного загрязнения Тьмаки городскими стоками (химик лично наблюдал жировые и мыльные пятна на поверхности Тьмаки далеко от фабричной территории) делать какие-либо выводы о причастности фабрик Морозова и Берга к этому процессу затруднительно [Марковников 1885, с. 10, 11, 14]. В.В. Марковников, основываясь на анализе взятых проб в разных местах по течению Тьмаки (перед фабрикой, из фабричной трубы и ниже фабрики по течению), констатировал отсутствие негативного воздействия фабричных вод на Волгу. В то же время, проведя экспертизу вод реки Волги в районе Волжского моста, учёные отметили превышение содержания в волжской воде вредной органики и азотной кислоты, что лишний раз указывало на вину городских стоков.

Таким образом, экспертиза вод реки Тьмаки членами Медицинского Совета МВД фактически обосновала невиновность промышленников. Попытка города убедить ведомство в обратном посредством предоставления заключения Санитарной комиссии города⁴⁰², содержащего сведения о безвредности городских стоков, не увенчалась успехом. Эксперты единогласно признали город виновником загрязнения как Тьмаки, так и Волги органическими соединениями и приняли сторону промышленников. Дополнительно

---

401 Там же. Л. 21–23.

402 Там же. Л. 12.

эксперты указали на то, что вода Тьмаки совершенно непригодна для питья и даже для технического использования на всем своём протяжении независимо от фабричной деятельности – до фабрики тьмацкая вода также обладала болотистым вкусом и желтоватым оттенком, что позволило экспертам определить наличие в ней вредных веществ.

Несмотря на то, что заключение экспертов означало победу промышленников на данном этапе, Медицинский Совет всё же рекомендовал управлению фабрики установить более совершенные очистные сооружения согласно рекомендациям Н.П. Ильина. Суть данных рекомендаций заключалась в замене крупных камней гравием и песком в каналах между прудами для отстаивания воды, а также в увеличении глубины и площади бассейнов⁴⁰³.

По итогам проведённой экспертизы на основании собранных химиками материалов несколько лет спустя 3 марта 1887 г. за «неосновательностью обвинений» после подачи апелляции и установки (по некоторым данным – фиктивной) отвечающих требованиям экспертов очистных сооружений спускаемая из фабричных труб вода была признана очищенной надлежащим образом, что позволило снять наложенный в 1881 г. запрет на спуск сточных вод⁴⁰⁴. Важно отметить, что сведений о соблюдении промышленниками данного запрета и приостановке работы фабрики нет.

При ознакомлении с итогами экспертизы А.В. Пеля, Н.П. Ильина и В.В. Марковникова становится очевидным, что учёные уделили внимание прежде всего загрязнению воды органическими веществами, упустив из виду роль тяжёлых металлов, вредных для чистоты воды солей и кислот, уничтожавших речную флору и фауну. Принимая во внимание тот факт, что жалобы местных жителей на качество воды участились именно с момента основания фабрик Морозова и Каулина, заключение экспертов представляется парадоксальным, однако обоснованным при учёте популярности теории самозарождения микроорганизмов и работ Л. Пастера. Повышенное внимание к органическому загрязнению прослеживается и в докладе В.В. Марковникова, который утверждал, что процессы гниения, брожения и развития низших организмов в воде являются главными факторами загрязнения, а также что наиболее чистой является вода, свободная от органических соединений [Марковников 1885, с. 15]. Принятие В.В. Марковниковым стороны промышленников, по-видимому, имело в том числе и экономические основания – видя важность повышения уровня промышленного развития в масштабах империи, химик утверждал, что существующее санитарное законодательство оставляло слишком большой простор для произвола органов городского самоуправления и суда в деле осуждения промышленников по санитарным вопросам [Марковников 1885, с. 7]. В частности, эксперт указывал на то, что Мировой суд мог с лёгкостью добиться закрытия важной в экономическом отношении для региона фабрики посредством привлече-

---

403 Там же. Л. 21–21об.

404 РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 183. Л. 2.

ния экспертов любого уровня компетентности, что являлось недопустимым явлением, сдерживавшим развитие экономики страны. Таким образом, прогрессивное суждение В.В. Марковникова уже на тот момент содержало призыв к компромиссу между экономическими и экологическими интересами империи посредством смещения фокуса с вопроса уничтожения фабрики к тезису о минимизации вреда, наносимого ей общественным водоёмом. В.В. Марковников признавал, что именно дороговизна вывоза фабричных отходов удерживала промышленников от соблюдения даже самых общих санитарных требований, в то время как эффективных способов химической очистки сточных вод ещё не было выработано – подобный расклад в совокупности с отсутствием рекомендаций по обеспечению недорогой и эффективной очистки стоков способствовал продолжавшемуся загрязнению притока Волги. Кроме того, по мнению Марковникова, фабрика Товарищества Тверской мануфактуры являла собой пример относительно добросовестного отношения к чистоте близлежащих водоёмов в сравнении с другими фабриками⁴⁰⁵.

Таким образом, участие высококвалифицированных экспертов в изучении последствий загрязнения вод реки Тьмаки позволило существенно углубить понимание феномена загрязнения водоёмов, что к началу XX в. привело к появлению прогрессивных мер химической очистки и фильтрации воды, методик диагностики вод общественных водоёмов и эволюции понятия чистоты применительно к речным водам. Химик А.П. Доброславин отмечал, что несмотря на то, что первичная оценка качества воды базируется на человеческом восприятии при помощи зрения, обоняния и вкуса, на втором этапе эксперт обязан прибегать к использованию соответствующих реактивов для проведения химического анализа и выявления вредных веществ в пробах воды [Доброславин 1888, с. 5].

Усилиями учёных расплывчатые понятия «вред» и «порча» постепенно стали уступать место конкретным показателям и веществам. В то же время до появления первых норм, регулирующих состав сточных фабричных вод, должно было пройти ещё немало времени.

Разбирательства 1879–1887 гг. завершились в пользу стороны промышленников, а независимая экспертиза членов Медицинского Совета не оправдала ожиданий Тверской городской Думы. В данных условиях стало ясно, что у города отсутствуют инструменты для эффективной борьбы с загрязнением, поскольку даже оценки ведущих экспертов базировались на довольно субъективных представлениях о загрязнении – для выдвижения новых обвинений Тверской городской Думе, помимо сбора научных данных и информации о составе вод Тьмаки и Волги, была необходима опора в виде общепризнанных требований, позволявших объективно оценить речную воду и охарактеризовать её как пригодную в санитарном отношении или загрязнённую. До тех пор любые попытки думы запустить новый судебный процесс не приводили к желаемым результатам, это выразилось в появлении

---

405 Там же. Л. 3.

в период с 1889 по 1902 г. череды мелких судебных исков в адрес фабрики Товарищества Тверской мануфактуры, которые подавались по отработанной схеме – представители Тверского губернского правления в сопровождении полиции осуществляли взятие проб речной воды, препровождали их квалифицированным лицам на местном уровне и на основании полученных заключений обвиняли фабрикантов в загрязнении. Множество данных дел завершались мелкими денежными взысканиями или вовсе оправданием промышленников. Однако в 1890-е гг. юридическая практика судебного рассмотрения вопросов загрязнения водоёмов претерпела важные изменения, поскольку основной статьёй обвинения стала ст. 111 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Мирового устава), согласно которой порча воды без умысла нанести вред общественному здоровью, повлекшая за собой загрязнение общественного водоема, наказывалась арестом на срок до 3 месяцев и денежным взысканием в размере до 300 рублей⁴⁰⁶. Введение в практику данной статьи грозило обвиняемым реальным ограничением свободы в противовес случаям, когда даже очевидное отравление воды, повлекшее за собой гибель людей, вело лишь к незначительным наказаниям.

С момента введения запрета на спуск нечистот в реку фабрикой Морозовых роль научного сообщества в подобных разбирательствах претерпела трансформацию. Так, выполняя лишь совещательную функцию в предшествующий этому событию период, начиная с 1880-х гг. эксперты начали становиться относительно независимой силой, периодически выступая в роли адвокатов для противостоящих сторон. Наиболее ярко данный тренд проявился в 1903 г., когда в адрес управляющего фабрикой Морозовых и ответственного по административно-хозяйственной части Д.Н. Попова поступили обвинения в спуске им в реку Тьмаку конденсационных вод и, как следствие, в отравлении речных вод машинным маслом и газовой смолой. Усилиями химика Н.П. Зимина обвинения с фабриканта удалось снять за их «неосновательностью»⁴⁰⁷. Вторая попытка обвинения Д.Н. Попова по ст. 111 за спуск в реку красильных и банных вод фабрики также завершилась безуспешно благодаря профессору Л.Г. Богаевскому, обнаружившему в процедуре взятия проб тьмакской воды для проведения анализа нарушения.

Помимо помощи учёных, фабриканты прибегали и к иному способу ухода от ответственности – установке формальных, но неэффективных очистных сооружений. Так, в период с октября 1905 г. по сентябрь 1908 г. несмотря на многочисленные предписания, состояние систем водоочистки на Морозовской фабрике не изменилось к лучшему за исключением увеличения числа отстойных прудов, которое в условиях возросшего объёма стоков (ежесуточно из красильного корпуса поступало в Тьмаку около 800000

---

406 Там же. Л. 1–2.

407 Там же. Л. 3.

вёдер сточных вод) не обеспечивало должного отстаивания воды⁴⁰⁸.

В масштабе Российской империи по состоянию на начало XX в. проблемы отсутствия эффективного санитарного законодательства стали ощущаться сильнее, чем в предшествующие десятилетия. Повсеместное загрязнение небольших рек стоками заводов, утечки нефтепродуктов с барж на Каспийско-Волжских водных путях, вредные выбросы химических заводов во многих губерниях, антисанитария в городах – данные проблемы поставили перед государством вопрос о необходимости проектирования масштабных мер санитарного характера. В деле борьбы за чистоту речных вод важное достижение принадлежит Г.В. Хлопину, сформулировавшему в 1907 г. «Санитарные требования, которым должны удовлетворять сточные воды, спускаемые в общественные водоёмы». Данные требования, всколыхнувшие научное сообщество и вызвавшие волну негодования со стороны как промышленников, так и экспертов были унифицированными и распространяли своё действие, в соответствии с рекомендацией Медицинского Совета МВД, на всю территорию империи, не учитывая локальные особенности загрязняемых водоёмов. Многие видные учёные, среди которых был также доктор медицины Г.И. Россоломо, признали требования, составленные Хлопиным, неисполнимыми и требующими корректировок в русле применения индивидуального подхода. Однако, несмотря на всю противоречивость, именно на их основе Тверская городская Дума 30 января 1908 г. издала, а затем 12 августа того же года приняла предписания, в соответствии с которыми сточные воды фабрики Морозовых могли быть признаны безопасными только в случае их полного соответствия требованиям 1907 г., а также при соблюдении ряда факторов: отсутствия запаха, бесцветности, отсутствия сторонних привкусов, «вредных металлов и металлоидов», а также болезнетворных микроорганизмов⁴⁰⁹. До достижения состояния, предусмотренного постановлением думы, спуск воды из сточных труб фабрики Морозовых был запрещён⁴¹⁰.

Ясно, что наличие лишь достаточно примитивных очистных технологий (во многих случаях для удаления, например, масляных плёнок с поверхности воды применялись только лопаты) не оставляло шансов фабрикантам добиться соответствия сточной воды новым требованиям. Стоит отметить, что обеспокоенные благополучием своих предприятий промышленники Московской, Тверской и Владимирской губерний стали демонстрировать стремление решить вопрос с очисткой во избежание применения по отношению к их фабрикам радикальных мер, однако никакой инстанции, способной дать для каждой фабрики индивидуальные рекомендации по созданию эффективной и доступной по цене системе очистки стоков, ещё не

---

408 Там же. 606-706.

409 Там же. Л. 9.

410 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2046. Л. 4.

существовало. В этой связи жалобы промышленников, в частности управления Морозовской фабрики, на то, что использование предлагаемых экспертами способов очистки стоков «иногда даже имело обратное значение», не лишены оснований⁴¹¹. Кроме того, долгие годы восприятия загрязнения как неотъемлемой черты экономического прогресса в глазах промышленников также сыграли роль в загрязнении окружающей среды.

В 1910 г. после десятилетий тяжб противостояние Тверской городской Думы и фабрики Товарищества Тверской мануфактуры завершилось судебным процессом, окончательное решение по которому было вынесено Тверским Окружным судом 26–28 марта. Управляющие фабрикой Морозовых Д.Н. Попов (по 15 мая 1905 г.) и И.И. Кузнецов (с 29 июня 1905 г.), обвинённые на основании ст. 26, 29, 102 и 111 Мирового устава в нарушении предписаний Тверской городской Думы от 1908 г., допущении спуска неочищенных вод красильно-отбельного корпуса фабрики, а также банных и дренажных вод в реку Тьмаку, были приговорены к аресту в земском арестном доме на срок 1 и 2 месяца. В ходе рассмотрения дела весомую роль сыграла крупная экспертная комиссия, членами которой являлись Г.В. Хлопин (от города), Г.И. Россолимо, С.П. Ланговой (со стороны фабрики), архитектор по фамилии Назарьин, городской фармацевт Миссенгевич и др. лица, в совокупности составлявшие комиссию из 14 человек. Единогласным решением комиссии сточные воды фабрики были признаны несоответствующими гигиеническим требованиям, а потому в грядущий летний строительный период фабриканты по решению суда были обязаны установить рекомендуемые экспертами средства очистки, а именно: песочные и почвенные фильтры для очистки красильных вод, механические приспособления для откачки осадка из отстойных прудов, устройства для уловления смолы и масел в конденсационных водах⁴¹². Дополнительно, согласно предписаниям комиссии, использование химических реактивов (известкового молока, железного купороса⁴¹³) для осаждения вредных примесей в воде признавалось действенной мерой и требовалось к исполнению. На фабричное руководство также возлагалась функция по обеспечению проведения на регулярной основе анализов качества спускаемых фабрикой сточных вод. Некоторые неэффективные, однако, уже установленные на фабричной территории средства очистки (механические насосы) были квалифицированы как не позволяющие достигнуть надлежащей степени очистки воды технологии⁴¹⁴.

Несмотря на появление полноценного комплекса рекомендаций, соблюдение которых в определённой перспективе позволило бы наладить спуск достаточно очищенной воды в Тьмаку, данные меры никак в качественном от-

---

411 РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 183. Л. 3.

412 Там же. Л. 18об.

413 Там же. Л. 7.

414 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2224. Л. 1.

ношении не могли вернуть воды Тьмаки в прежнее состояние. Накопившийся за годы непрерывного спуска нечистот в реку и почву осадок, состоявший из тяжёлых металлов и иных нерастворимых соединений, в совокупности со смолами и нефтепродуктами продолжал вымываться в реку. Помимо этого, годы неконтролируемого слива стоков в реку трансформировали химический состав тьмакской воды, что привело со временем к изменению гидрологического режима реки – за исключением периодов приостановки работы фабрики Морозовых Тьмака, как и часть Волги при впадении в нее Тьмаки, перестала замерзать зимой⁴¹⁵. Усугубляло ситуацию и продолжавшееся расширение фабрики за счёт открытия новых красильных и отбельных корпусов⁴¹⁶.

Судебный приговор, после оглашения которого дрогнул фабричный мир, заставил представителей промышленности обратиться в Министерство торговли и промышленности с запиской, основной посыл содержания которой заключался в необходимости поиска компромиссных мер, способных убедить фабрикантов от произвола местных властей и закрытия фабрик. Учитывая резонанс, созданный постановлением об аресте управляющих Морозовской фабрики, принадлежавшей виднейшей промышленной династии в империи, желание промышленных кругов представляется закономерным. Речь шла прежде всего о создании инстанции, которая должна была служить мостом между интересами индустриального развития и сбережением общественных водоёмов от загрязнения.

Таким образом, 12 июля 1911 года император Николай II подписал указ о создании «Временного комитета по изысканию мер к охране водоёмов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов»⁴¹⁷ – организации, основу деятельности которой составляли исследование воды в водоёмах Московского промышленного района, проектирование рекомендаций по охране общественных водоёмов от промышленного загрязнения, а также консультирование промышленников в вопросах применения эффективных средств очистки воды в соответствии с локальными условиями при минимальных затратах [Белов 1925, с. 5].

Несмотря на то, что комитет был образован при профильном промышленном министерстве, основной порядок его работы определялся именно экспертами – единственной категорией лиц из числа присутствовавших в комитете, претендовавшей на денежное вознаграждение за труды. В состав Временного комитета входили по два члена от Министерства внутренних дел и Министерства торговли и промышленности, по одному члену от Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия, шесть представителей от промышленности и три эксперта, также допускалось привлечение к работе комитета третьих лиц из числа тех, чьи сведения

---

415 РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 183. Л. 22об, 23.

416 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2363. Л. 1; Д. 2365. Л. 1.

417 ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2474. Л. 1.

могли быть полезны при изучении каждого конкретного случая [Оглоблин 1913, с. 416]. Заключение Временного комитета направлялись губернатору, который имел право отклонить нецелесообразные, по его мнению, предложения комитета, обосновав свой отказ письмом в адрес министра внутренних дел. Деятельность комитета оформлялась ежегодными отчётами, полнота и качество которых наряду с результативностью проводимой работы на местах и в лаборатории убедила министерства в необходимости продлить работу комитета ещё на 5 лет по истечении первого срока его работы.

Длившийся с разной степенью интенсивности конфликт фабрикантов Морозовых с представителями органов городского самоуправления в Твери, таким образом, формально завершился победой интересов города, однако оценка финала столь многогранного и сложного разбирательства с категоричных позиций выглядит предвзято – особенно если учесть, что даже положительное решение в отношении последнего иска в адрес промышленников не могло позитивно сказаться на качестве вод Тьмаки и Волги в ближайшей перспективе даже при учёте уже известного феномена самоочищения рек. Тем не менее признание в качестве даты завершения конфликта весны 1910 г. представляется автору обоснованным.

В 1918 г. после наступления революции фабрика Товарищества Тверской мануфактуры, у истоков которой стоял основатель крупной промышленной династии С.В. Морозов, была национализирована. Временный комитет по охране водоёмов, успешно продолжавший работать и в годы революции, в 1919 г. был реорганизован в Центрводоохран с полным сохранением вверенных ранее функций. С 1920-х гг. на территории бывшей Российской империи стали образовываться региональные организации с аналогичными функционалом и структурой.

***

Случай, произошедший на реке Тьмаке, был одним из десятков аналогичных инцидентов, однако по ряду причин именно он стал наиболее ярким, а его последствия – наиболее значительными для санитарной политики империи. Равновесие сил противоборствующих сторон в совокупности с отсутствием определённых законодательством норм, регулирующих промышленное загрязнение, сделали разбирательство по делу о загрязнении Тьмаки своего рода полем для экспериментов и выработки решений, которые легли бы в основу предотвращения дальнейших аналогичных споров.

Одним из наиболее значимых итогов стал наметившийся переход от борьбы с фактом существования фабрики на берегу реки к воздействию на процесс загрязнения водоёма как на автономное явление – разделение экономического потенциала развития отдельных регионов и вопросов сохранности окружающей среды позволило сторонам прийти к пониманию необходимости сохранения ускоренных темпов промышленного развития при минимальных экологических издержках.

Большое значение кейс реки Тьмаки имел и для научного изучения проблемы загрязнения – в ходе многочисленных экспертиз тьмакской воды феномен загрязнения был проанализирован специалистами как комплексное

явление, требующее в каждом конкретном случае индивидуального подхода к подбору средств очистки, методов диагностики и др.

Особое удивление вызывает радикальность принятого судом решения по делу Д.Н. Попова и И.И. Кузнецова, ставшего первым случаем назначения меры наказания фабричных управляющих в виде ареста по санитарным статьям законодательства.

Появившийся через год после оглашения приговора Временный комитет по охране водоёмов стал главным достижением по итогам многолетних тяжб. Будучи органом, в составе которого работали наиболее квалифицированные специалисты в вопросах химии, гигиены и медицины, данный комитет стал своего рода арбитром, предотвращавшим долгие и мучительные судебные разбирательства. Проводя масштабную работу в лабораториях и на опытных станциях, сотрудники комитета формировали массив знаний о водоёмах на вверенных территориях, что позволяло предоставлять фабрикантам рекомендации, отвечавшие требованиям ситуации в соответствии с локальными условиями.

Массив накопившихся санитарных проблем Российской империи мог быть успешно решён, однако сложившаяся внутривластная и международная обстановка внесла свои коррективы. Начавшийся качественно новый этап в истории санитарного контроля, проявившийся в подготовке под руководством МВД проекта закона «О санитарной охране воздуха, воды и почвы», быстро сошёл на нет, а перспективные начинания были свёрнуты. Тем не менее, несмотря на неполное практическое осуществление задуманных санитарных преобразований в позднеимперской России на закате её существования, уровень теоретического осмысления проблем промышленного загрязнения воды, гигиены, санитарии и здравоохранения значительно повысился.

В завершение работы представляется уместным в контексте тезиса о преемственности экологической истории и исторической географии указать на то, что роль природного фактора и ландшафта даже в столь узких кейсах, каким является случай на Тьмаке, может являться определяющей. Понятия «провоцирующего ландшафта» и ландшафта как актора исторического процесса постепенно актуализируются в рамках современных историографических трендов, а изученный эпизод из истории промышленного загрязнения водоёмов в Российской империи является тому иллюстрацией.

Литература

1. Агафонова 2014 – Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX – начале XX веков. // Вестник Череповецкого государственного университета, № 7. – 2014. – С. 28–32.
2. Афанасьев 2016 – Афанасьев Г.Ю. Экологическая проблема загрязнения больших городов в истории повседневности Российской империи второй половины XIX – начала XX в // История повседневности. – 2016. – №. 1 (1). – С. 116–125.
3. Белов 1925 – Белов П.С. Центральный комитет по охране водоёмов от загрязнения промышленными сточными водами; его задачи и деятельность. 1912 – 1925 г. / Проф. П. С. Белов; Высш. сов. нар. хозяйства. Глав. экон. упр. СССР. – Москва: [б. и.], 1925. – 29 с.
4. Виноградов 2017 – Виноградов А.В. Борьба с промышленным загрязнением в поздней имперской России (1850–1917 гг.) // Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. – 2017. – С. 82–88.
5. Виноградов 2013 – Виноградов А.В. Санитарный надзор за промышленными предприятиями Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Филология и культура. – 2013. – №. 3 (33). С. 236–239.
6. Доброславин 1888 – Доброславин А.П. О воде и её значении для здоровья / [Соч.] Проф. А.П. Доброславина. – Воронеж: типо-лит. В.В. Юркевича, 1888. – 6 с.
7. Марковников 1885 – Марковников В.В. Обезвреживание сточных вод Товарищества Тверской мануфактуры / Доклад, читанный в общем собрании Московского отдела Императорского русского технического общества. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. – 1885.
8. Оглоблин 1913 – Оглоблин В.Н. Законы, нормы и разные постановления относительно сточных промышленных вод заграницей и в России // Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. – 1913. – № 8. – Т. XVII. – С. 407–422.

References

1. Agafonova, A.B. (2014), “Ehkologicheskie problemy gorodskoi sredy v XIX-nachale XX vekov” [Ecological problems of the urban space in the XIX-early XX centuries], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 7, Cherepovets, pp. 28–32.
2. Afanas'ev, G.YU. (2016), “Ehkologicheskaya problema zagryazneniya bol'shikh gorodov v istorii povsednevnosti Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX-nachala XX v” [The ecological problem of pollution of big cities in the history of everyday life of the Russian Empire in the second half of the XIX-early XX century], *Istoriya povsednevnosti*, No. 1, pp. 116–125.
3. Belov, P.S. (1925), *Tsentral'nyi komitet po okhrane vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami; ego zadachi i deyatel'nost'. 1912-1925 g.* [The Central Committee for the Protection of Reservoirs from Industrial Wastewater Pollution; its tasks and activities. 1912–1925], Moscow.
4. Vinogradov, A.V. (2017), “Bor'ba s promyshlennym zagryazneniem v pozdneimperskoi Rossii (1850–1917 gg.)” [Fighting industrial pollution in Late Russian Empire (1850-1917)], *Ehkologicheskaya istoriya Rossii: lokal'nye izmereniya i perspektivy integral'nykh issledovaniy*, pp. 82-88.
5. Vinogradov, A.V. (2013), “Sanitarnyi nadzor za promyshlennymi predpriyatiyami Kazanskoi gubernii v XIX–nachale XX vv.” [Sanitary inspection of industrial enterprises of the Kazan region in the XIX – early XX centuries.], *Filologiya i kul'tura*, No. 3, pp. 236–239.

6. Dobroslavin, A.P. (1888), *O vode i ee znachenii dlya zdorov'ya* [About water and its importance for health], Tipografiya V.V. Yurkevicha, Voronezh.

7. Markovnikov, V.V. (1885), “Obezvrezhivanie stochnykh vod Tovarishchestva Tverskoi manufakturny” [Sewage treatment of the Tver Manufactory Partnership], *Doklad, chitanniy v obshchem sobranii Moskovskogo otdela Imperatorskogo rossiiskogo tekhnicheskogo obshchestva*, Tipografiya E.H. Licsnera i YU. Romana, Moscow.

8. Ogloblin, V.N. (1913), “Zakony, normy i raznye postanovleniya otnositel'no stochnykh promyshlennykh vod zagranitse i v Rossii” [Laws, rules and various regulations regarding industrial wastewater abroad and in Russia], *Izvestiya obshchestva dlya sodeistviya uluchsheniyu i razvitiyu manufakturnoi promyshlennosti*, Vol. 17, No. 8, pp. 407–422.

Информация об авторе

Иван И. Манцеров Российский государственный архив литературы и искусства
Москва Россия;
125212, Россия, Москва, ул. Выборгская, 3к2;
ivan-mancerov@mail.ru

Information about the author

Ivan I. Mantserov, Russian state Archive of Literature and Art, Moscow Russia
bld. 3, corp. 2, Vyborgskaya str., Moscow, Russia, 125212;
ivan-mancerov@mail.ru

Из истории отечественного здравоохранения

«Охранение народного здоровья» в Российской Империи: организация, функционирование, достижения, последствия (1880-е гг. – 1916 г.)

Владимир Н. Круглов
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия,
vladimirkruglov2007@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется положение дел в сфере медицины и здравоохранения Российской Империи последних десятилетий XIX и первых десятилетий XX вв. Рассматривается многоуровневая система организации «охранения народного здоровья» (прежде всего земская медицина), её кадровое и материально-техническое развитие, влияние на этот процесс государственных структур, взаимоотношения врачебного сообщества и государства. Особое внимание уделено усилиям по борьбе с заболеваемостью острозаразными болезнями и преждевременной смертностью населения (прежде всего детей), их результатам, сравнению таковых с зарубежными показателями. Отдельно рассмотрена история создания первого в истории России и Европы государственного ведомства по руководству медициной. Наконец, затронуты вопросы о степени преемственности медицинской организации Российской Империи и советского периода, а также о правомерности и актуальности современных оценок эффективности усилий «царской медицины».

Ключевые слова: Российская Империя, здравоохранение, земская медицина, рождаемость, заболеваемость, смертность.

“Protection of public health” in Russian Empire: organization, functioning, results, consequences (1880s – 1910s)

Vladimir N. Kruglov
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
vladimirkruglov2007@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the state of affairs in the field of medicine and healthcare of the Russian Empire in the last decades of the XIX and the first decades of the XX centuries. The multilevel system of the organization of “protection of public health” (first of all, medicine of the zemstvos), its personnel and material and technical development, the influence of state structures on this process, the relations of the medical community and the state are considered.

Special attention is paid to efforts to combat the incidence of acute infectious diseases and premature mortality of the population (primarily children), its results, and comparison of those with foreign indicators. The history of the creation of the first state department for the management of medicine in the history of Russia and Europe is considered separately. Finally, questions are raised about the degree of continuity of the medical organization of the Russian Empire and the Soviet period, as well as about the legitimacy and relevance of modern assessments of the effectiveness of the efforts of “royal medicine”.

Key words: *Russian Empire, healthcare, medicine of the zemstvos, fertility, morbidity, mortality*

Интерес к социальной истории, возросший в гуманитарной науке в последние десятилетия, а также снятие идеологических ограничений в начале 1990-х гг. позволили по-новому взглянуть на многие сферы жизни дореволюционной России, изучение которых ранее считалось «неудобным» и порой практически табуировалось, или даже заново исследовать их. Обратной стороной этого процесса является неравномерность интереса исследователей, из-за чего некоторые сюжеты оказались на периферии. Одним из таковых является организация и функционирование системы медицинского обслуживания населения. Время от времени выходят статьи, посвящённые различным вопросам развития данной сферы на рубеже XIX–XX вв., однако обобщающие исследования, поднимающиеся выше уровня учебной литературы, нечасты [среди наиболее интересных следует выделить следующие: Мирский 1996, Васильев 2001, Ульянова 2002, История здравоохранения 2014, Мазаник 2021]. Даже эпидемия коронавируса, резко поднявшая общественный интерес к истории медицины, дала результатом, в первую очередь, либо выход переводов обобщающих работ зарубежных авторов, либо переиздания научной литературы советского периода [Макнил 2021; Васильев, Сегал 2020]. Это положение имеет одним из следствий статичность трактовок, когда оценки, выработанные в специфической атмосфере идеологической заданности, некритично воспроизводятся спустя многие годы после отказа от этой идеологии, несмотря на то, что проводимые исследования дают все основания для их пересмотра или хотя бы корректировки.

К тому же представляется, что опыт Российской империи представляет интерес и по сей день. Прежде всего обращает на себя внимание система органов «охранения народного здоровья», построенная на сочетании усилий государственных структур и общества – причём как организованного, так и индивидуального. Хотя надо отметить, что эта система не была едина для всей страны: свою специфику имели земские губернии, охватывавшие территорию центральной России, национальные окраины, города и промышленность. Организация здравоохранения не была статична, время от времени корректировалась в соответствии с требованиями времени – причём на направление корректировки влияли как центральное правительство, так и местные органы. Наконец, заслуживают высокой оценки темпы, которыми шли изменения в этой важнейшей для страны и общества сфере, и результаты этих изменений.

Структура, принципы и методы работы

Организация широкой медицинской помощи начала складываться после выхода «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1864). Ранее санитарно-медицинское дело, с одной стороны, строилось по примеру европейских стран с их упором на коммерческую деятельность частнопрактикующих врачей, с другой, находилось в ведении различных государственных ведомств (прежде всего Медицинского департамента Министерства внутренних дел, которому подчинялись губернские врачебные управы, приказов общественного призрения, военного ведомства и др.). Теперь же появилась уникальная система, основанная на привлечении к делу управления данной сферой общественности – именно на земства возлагалась обязанность организовать медобслуживание на подведомственной им территории. В их ведение перешли губернские больницы и лечебницы, учреждения среднего образования (фельдшерские и повивальные школы). Они же финансировали мероприятия по санитарному надзору и просвещению, охране материнства и детства, борьбе с «социальными болезнями» и эпидемиями. Последний пункт в те времена имел особую важность из-за огромных пространств Империи. Историки медицины выявили закономерность: периоды подъёма в развитии данной сферы (как научного, так и организационного) следовали именно за крупными эпидемиями [подробнее см., напр.: Макнил 2021].

Рассмотрим принципы работы *земской медицины* подробнее.

Принцип плановости выразился в поступательном развитии медобслуживания. Поначалу врачи объезжали зачастую огромные территории уездов по вызовам на дом, для осмотра больных, оценки санитарно-эпидемиологической ситуации (это была «разъездная система»). Затем, с 1880-х гг., началось создание «опорных пунктов» («стационарная система»). Территория каждого уезда делилась на сеть врачебных участков, в центре каждого из которых открывалась больница с родильным отделением и амбулаторией, а зачастую и с заразным баракком. В участках постоянно практиковали врачи, в обязанности которых входило оказание амбулаторной и стационарной помощи, выезд к тяжелобольным, распространение гигиенических знаний, проведение санмероприятий и т. д., а также штат помощников (фельдшеры, акушерки, сиделки, сторожа). В отдельных губерниях действовала смешанная система, при которой больничный врач время от времени выезжал для приёма больных на фельдшерские пункты.

Для повышения эффективности работы разработали нормативы охвата врачебными услугами. Предполагалось, что одна больница должна приходиться на 10 тыс. чел., а оптимальный радиус обслуживания определили в 10 вёрст – при таких показателях достигалась бы стабильная и высокая посещаемость лечебных заведений пациентами. Земская медицина упорно двигалась к этой цели: число врачебных участков выросло с 530 в 1870 г. до 2686 в 1910 г. В том же 1910 г. уже в 64% участков имелись больницы, которые дополнительно обслуживали население ещё 12% участков [Ульянова 2002, с. 632]. По состоянию на 1914 г. в среднем на одну больницу приходилась 25 тыс. чел., а средний радиус обслуживания составлял 17 вёрст [Мирский 1996, с. 304; История здравоохранения 2014, с. 100].

Принцип научности выражался в том, что врач выступал не только как практик, но и как исследователь–универсал с широкой теоретической и клинической подготовкой. Он должен был вести регистрацию больных и попутно собирать сведения о характере заболеваний, особенности их протекания и пр. Разрабатывались методики сбора, систематизации и анализа данных. Понятно, что такой широкий круг обязанностей оказался обременителен – и на рубеже XIX–XX вв. началось формирование отдельной группы: санитарно-эпидемиологических врачей. Они, в отличие от подавляющего большинства медиков тех лет, имели специализацию, при этом выполняли контрольные функции по отношению к другим врачам.

Правда, не у всех идея организации, по сути, отдельной медслужбы вызвала понимание. Так, земцы опасались подрыва своих позиций в данной сфере, ухода медицинской части под влияние «санитаров». Как следствие, во многих земствах санитарные советы либо не работали вовсе, либо работали нерегулярно, либо то открывались, то закрывались (часто это мотивировалось нехваткой финансовых средств) [см., напр.: Смирнова 2013, с. 123]. Тем не менее мысль о том, что следует не только ликвидировать последствия заболеваний, но и стремиться предотвращать оные, укреплялась в сознании общества. Больше того, вследствие бурного развития медицинской науки началось расслоение ранее единой сферы медицины по профессиональному признаку: появились бактериологи, эпидемиологи, хирурги, офтальмологи, гинекологи и т. д. Причём новые группы врачей, едва формирившись, проявляли тягу к объединению, согласованию действий. Так, в 1912 г. в Петербурге прошёл I Всероссийский съезд детских врачей, в 1911, 1912 и 1914 гг. состоялись совещания по вопросам бактериологии и эпидемиологии и т. д.

Однако, в отличие от Европы, в России не существовало сословно-цехового деления медиков и вызываемого им соперничества – например, между врачами и хирургами. Не было и характерной для западных стран слепой приверженности определённому подходу в работе. Как следствие, развернувшаяся в начале XX в. дискуссия о том, какому виду санитарной деятельности следовать – гигиеническому (просветительская работа) или эпидемиологическому (вакцинация), – завершилась признанием важности обоих подходов [подробнее см.: Михель, Сироткина 2004].

Принцип всеобщности и общедоступности явился подлинным прорывом русской медицины. Поначалу в земских больницах взимали плату за консультации и лечение. Однако постепенно, по мере распространения в обществе демократических идей и укрепления финансовых возможностей земств, идеи общедоступности стали принимать осязаемые очертания. Утвердилось мнение, что раз население платит земский сбор, то его лечение и содержание в лечебницах должно быть бесплатным. Земства получили право решать данный вопрос самостоятельно [Смирнова 2013, с. 40]. Как следствие, сначала в уездных, а затем и в губернских начали постепенно понижать оплату за услуги, а затем и вовсе отменять её для различных категорий больных (соответственно уровню остроты положения с той или иной заразой, и повсеместно – для эпидемических больных). С 1880-х гг. земства начали отменять плату с амбулаторных больных (сначала на фельдшерских

пунктах, а затем и на врачебных приёмах). Бесплатными один за другим становились такие виды помощи, как амбулаторная с выдачей лекарств и лечебных пособий, лечение в больницах, хирургическая и специальная помощь, родовспоможение... Уже к 1890 г. около 70 % уездных земств осуществляли бесплатное амбулаторное и стационарное лечение [История здравоохранения 2014, с. 100], а к 1910 г. плата за помощь сохранилась лишь в уездных городских больницах для пациентов из других уездов⁴¹⁸.

Делалось всё это не только из благих побуждений. Одной из главных целей было увеличение посещаемости больниц населением. Если в городах обращение в медучреждения превратилось в обыденность довольно быстро, то селяне шли в стационары и на приём к врачам неохотно. В таких условиях бесплатность становилась весомым аргументом «за». С той же целью всё более широкого охвата открывались учреждения нового типа: детские ясли-приюты (в первую очередь на селе в пору страды), лечебно-продовольственные пункты для пришлых рабочих, грязелечебницы. Создавалась система родовспоможения («акушерская часть»). И постоянно шла просветительская деятельность, особую роль в которой играла работа с крестьянством. Издавались листовки и брошюры, проводились народные чтения и беседы со световыми картинками. Организовывались даже передвижные выставки: в 1912 г. были пущены 5 вагонов на железных дорогах (Северо-Западной, Николаевской, Пермской, Московско-Казанской и Владикавказской) и 1 баржа (на Мариинской системе и Волге) [Десять лет Октября 1927, с. 86]. Так осуществлялся принцип единства лечебной и санитарно-профилактической работы, что, в свою очередь, способствовало преодолению недоверия к медицине в глубинке. Как следствие, с каждым десятилетием возрастало количество обращений в лечебные учреждения (по преимуществу в амбулатории, позволявшие не отрываться на период лечения от работы и семьи) [Смирнова 2013, с. 72, 76].

Медико-организационная работа проводилась силами земств и стала играть очень важную роль в их деятельности. Это видно по бюджетным расходам: если в конце 1860-х гг. названные мероприятия отнимали 8 % затрат органов самоуправления, то в 1890 г. – уже 21 %, в 1903 г. – 28 %, в 1913 г. – 25 % (причём падение доли скрывает количественный рост: с 30 млн. до 63,7 млн. руб. за те же годы) [Мирский 1996, с. 310]. Медицина прочно занимала вторую строку расходной части, вслед за народным образованием [Королёва 2011, с. 94].

Говоря о финансах, необходимо упомянуть о принципиально важной составляющей успешного развития русского здравоохранения – а именно, роли *государственных структур*. В первую очередь она проявлялась и в финансовой помощи земствам. Благодаря успешной экономической политике в 1890–1910-е гг. значительно вырос объём государственного

---

418 Конечно, бывали исключения – например, то или иное земство, испытывая бюджетные трудности, могло временно отменять бесплатность лечения в стационарах и амбулаториях (подобные решения обычно принимались на уездном уровне). Однако общий принцип сохранился.

бюджета. Соответственно, вверх пошли казённые расходы. В частности, траты на здравоохранение увеличились с 44 млн. руб. в 1901 г. до 145,1 млн. в 1913 г. Кроме того, правительство стремилось облегчить положение местного самоуправления, находившегося в состоянии финансовой стеснённости. Субсидии на «охранение народного здоровья», ранее спорадические, стали регулярными и постоянно росли: если в 1907 г. выделили 2,4 млн. руб., то в 1913 г. – уже 40,8 млн.! [Мирский 1996, с. 311]. Начиная с 1911 г. правительство начало финансировать санитарные мероприятия земств: устройство сооружений водоснабжения, постройку заразных барачков и дезинфекционных камер и т. д. Вышел также циркуляр об участковых санитарных попечительствах. Так оказалась поставлена точка во внутренних спорах земцев относительно необходимости развития санитарно-гигиенической службы. Кроме того, с местных бюджетов регулярно снимались расходы общегосударственного характера, не связанные напрямую с местными потребностями [подробнее см.: Коломиец 2012, с. 403–406; Королёва 2011, с. 92–93], что позволяло им экономить десятки миллионов рублей.

Не охваченными земским самоуправлением оставались обширные территории страны: Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Средняя Азия. Здесь ведение врачебно-санитарной частью возлагалось именно на государственных чиновников: губернаторов, начальников областей, градоначальников, деятельность которых контролировал Медицинский департамент МВД, в 1904 г. разведённый на Управление главного врачебного инспектора и Отдел народного здоровья и общественного призрения [Ерофеев 2012, с. 89–91]. Государство, можно сказать, поделило зоны ответственности: на развитых территориях обязало к практической деятельности общественность, в своём же ведении оставило «проблемные участки», где необъятные просторы, слабое развитие коммуникаций, нехватка персонала были лишь главными из минусов.

Влияние государственной медицины в первую очередь распространялось на христианское население. Иностранцы же не принуждались к посещению медучреждений. Они вообще находились на особом положении – в их внутренние дела старались не вмешиваться. Собственно, слабая постановка медицинской части, например, в Туркестане или Закаспийском крае объяснялась тем, что местные жители крайне редко обращались за помощью к врачам, предпочитая лечиться своими средствами, а русское население было достаточно малочисленно [Крузе 1981, с. 74]. Однако постепенно ситуация менялась в лучшую сторону. Этому способствовало хозяйственное и культурное освоение отдалённых территорий, обустройство населённых пунктов, появление сети образовательных и медицинских учреждений, влѣкшее за собой распространение санитарной культуры. Этот процесс затрагивал прежде всего города – и, к примеру, в Западной Сибири в 1910–1914 гг. впервые «городская» смертность оказалась ниже, чем в сельской местности [Гончаров 2003, с. 18].

Земская постановка медицинского дела стала образцом для *городских властей*, которым заведование «охранением народного здоровья» вменило Городовое положение 1870 г. Упор здесь делался на санитарно-гигиеническую сторону вопроса, а также на общественное призрение.

Тон задавали крупнейшие центры. В Санкт-Петербурге муниципальная медицина появилась в 1884 г. и также осуществлялась бесплатно. В 1910 г. в городе насчитывалось 278 лечебных заведений разного типа (муниципальные, военные, благотворительные, частные) [Грекова, Голиков 2001, с. 68]. В Москве муниципальная врачебная помощь начала действовать с 1866 г., к 1914 г. «вторая столица» обладала одной из наиболее разветвлённых сетей медучреждений в стране: 21 больница, 14 амбулаторий, 11 родовспомогательных заведений. Обслуживание в них было бесплатным. К этому можно добавить 20 университетских клиник, 22 больницы благотворительных организаций, 88 частных больниц [Ульянова 2002, с. 633]. Москва и Петербург были в числе первых городов страны, где появились станции скорой медпомощи [Антипенко 1986, с. 86–88].

Впрочем, надо иметь в виду, что активное развитие данной отрасли медицинского дела находилось на ранних стадиях. Санитарные мероприятия сдерживались медленным распространением централизованного водопровода, канализации. Сами врачи отмечали, что «наши города значительно отстают от земств в деле санитарного благоустройства», а в циркуляре МВД на имя губернаторов указывалось на отсутствие солидарности между земствами и городами в деле организации медицинской помощи населению [Ульянова 2002, с. 633]. В наши дни такое положение часто ставится в вину «царскому правительству» – что, однако, неправомерно, поскольку вопросы коммунального хозяйства находились в ведении муниципального управления. Госорганы могли посоветовать, подтолкнуть к действию, но собственно вопросы разработки проекта, определения подрядчика, выделения земли, финансирования и проч. решали на местах. И именно от экономического положения того или иного города зависело, как скоро в нём появятся очистительные системы. Хотя общее ускорение развития страны сказывалось и здесь: если к 1910 г. водопровод был построен в 149 городах, то в 1911 г. эта цифра выросла до 205, а в 1913 г. – до 227 из почти 900 городов страны (без Финляндии). Канализация в 1912 г. имелась в 13 городах, а к 1917 г. – уже в 23, общественных бань насчитывалось 606 [Клопотов 1971, с. 126].

В период правления Александра III и Николая II правительство много внимания уделяло «рабочему вопросу»: улучшению условий труда и быта фабрично-заводских рабочих, повышению уровня их жизни – и, конечно же, медобслуживанию. Так, принятое в 1882 г. законодательство о фабричной инспекции включало в себя пункты о наблюдении за надлежащим образом организации санитарно-медицинской помощи и охраны труда. В 1903 г. вышли «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». Самые же серьёзные изменения в этой сфере произошли после принятия законов «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и об их государственном страховании (1912). Обязательными стали организация амбулаторного лечения и первой помощи при несчастных случаях. Создавались больничные кассы, в которые поступали отчисления предпринимателей и трудящихся. Предусматривалась выплата пособий (при утрате трудоспособности в связи с заболеванием, травмой, беременностью и родами, при смерти – на погреб-

бение). «Кассовая медицина» быстро приобрела широчайшее распространение: к 1916 г. существовали 2403 кассы, насчитывавшие почти 2 млн. членов [Архипов, Адонин 2008, с. 111]. В то же время заметно приостановилось создание новых лечебниц при фабриках и заводах. Вместо этого их владельцы обязывались непременно входить в соглашения об оказании помощи с земскими, городскими и частными лечебными учреждениями и стремились скорее пользоваться услугами уже существующих заведений, нежели создавать свои.

Как бы то ни было, медицинское обслуживание постепенно налаживалось, и к началу Первой Мировой войны различными его видами (амбулаторным, больничным и пр.) пользовались уже 83–85 % фабрично-заводских рабочих [Десять лет Октября 1927, с. 22; Крузе 1981, с. 70].

Наконец, развитию здравоохранения способствовала *благотворительная деятельность*. Начало ей было положено ещё на заре XIX в., когда члены Императорской фамилии занялись вопросами филантропии, обеспечения больных, слабых и нищих. Но настоящий пик благотворительности переживала спустя столетие, причём развитие шло стремительными темпами. Если в 1897 г. в Империи числилось 3,5 тыс. зарегистрированных общественных благотворительных организаций светского характера, то в 1902 г. их количество выросло до 11 тыс., а к 1914 г. составило около 15 тыс.; они располагали капиталами общим размером около 270 млн руб. Это были организации самого разного толка: Императорское человеколюбивое общество, Ведомство учреждений Императрицы Марии, Священный Синод, Российское общество Красного Креста, национальные и конфессиональные общины и др. Принимали участие в этой работе и министерства (военное, путей сообщения, народного просвещения). Не меньшим масштабом отличалась деятельность церковных приходских попечительств и братств, которых только в 1900 г. насчитывалось 18,6 тыс. [Щапов 1994, с. 86–87]. Немало пожертвований поступало от частных лиц: дворян, купцов, мецан, ремесленников, священников. Финансировались и строились лечебные и научно-медицинские заведения (клиники, больницы, богадельни, приюты, общежития, инвалидные дома). Крупнейшей коллективной акцией в поддержку медицины стало создание в 1913 г. Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества, принятого под покровительство Императрицы Александры Фёдоровны. Его финансовую базу составили более 1 млн руб., собранных коммерческими банками Санкт-Петербурга и Москвы по подписке, приуроченной к 300-летию юбилею воцарения Дома Романовых. Новая волна благотворительности поднялась в Великую Войну, когда появились «Романовский комитет», «Татьянинский комитет», Всероссийское общество попечения о беженцах, Общество трудовой помощи инвалидам Мировой войны и др.

К 1917 г. благотворительность в сфере «охраны народного здоровья» стала существенным фактором общественной жизни, естественной сферой приложения усилий для представителей всех сословий. Это одна из самых светлых страниц истории русского общества, которая на долгое время оказалась забытой. Однако возрождение интереса к ней исследователей в последние десятилетия, можно надеяться, вернёт актуальность данной проблематике и, быть может, опыт предков окажется примером для наших современников и потомков.

Важнейшую роль в функционировании медпомощи в Российской Империи играло *медицинское образование* – главный «поставщик» кадров для данной сферы. Оно было по преимуществу казённым. Существовали также частные заведения, однако государство, понимая важность качественного образования, прямо или косвенно контролировало подготовку специалистов в них (к примеру, следя за содержанием программ обучения). Для привлечения студентов с 1890-х гг. начали предоставлять возможность бесплатно получения высшего медицинского образования – с условием отработки каждого года обучения за государственный счёт в провинции по направлению МВД. К 1917 г. в России насчитывалось два десятка медицинских вузов. Среди них – соответствующие факультеты Московского, Киевского, Харьковского, Юрьевского, Вильнюсского, Казанского, Саратовского, Новороссийского, Варшавского, Томского университетов, Военно-медицинская академия, Психоневрологический институт в Петербурге, Высшие женские курсы в Одессе, Екатеринославе, Саратове, женские мединституты в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону. Стоит специально отметить, что именно в России открылся первый в мире медицинский вуз для женщин – им стал Особый женский курс для образования учёных акушерок при Медико-хирургической академии (1872). Врачебное дело оказалось «готовой» сферой приложения сил женщин, и в 1913 г. они уже составляли 10% от общей численности врачей⁴¹⁹ (тогда как в 1903 г. – лишь 4% [Ульянова 2002, с. 635]).

В вузах концентрировалась исследовательская работа – и надо отметить, что конец XIX и начало XX вв. стали временем подлинного расцвета русской медицинской науки. Причём нужно подчеркнуть, что она была достаточно плотно «вписана» в мировую: отечественные врачи постоянно участвовали в зарубежных научных форумах, публиковались в профильных заграничных изданиях, стажировались и работали в зарубежных учреждениях (так, И.И. Мечников трудился в Пастеровском институте в Париже и за работы в области иммунологии в его стенах удостоился в 1908 г. Нобелевской премии, в том же заведении работал В.А. Хавкин – создатель первых эффективных вакцин против холеры и чумы). Имена С.П. Боткина, И.М. Сеченова, Н.В. Склифосовского, Ф.Ф. Эрисмана, В.М. Бехтерева, А.П. Доброславина, В.П. Образцова, Г.А. Захарьина, В.Ф. Снегирёва, И.П. Павлова и десятков других специалистов в самых разных сферах медицинского знания вошли в историю мировой медицины. Многие из подготовленных ими учеников продолжали деятельность и в советское время, внося огромный вклад в науку и практику уже в новых условиях.

В описываемый период общее число студентов-медиков составляло около 8600 чел., ежегодно диплом получали без малого 1000. В результате усилий вузов их численность неуклонно росла. Если в 1889 г. в России насчитывалось примерно 13 тыс. гражданских врачей всех специальностей,

---

419 Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М: Статистика, 1972. С. 458.

то в 1910 г. – 24,8, в 1913 г. – 28,1, а в 1915 г. – уже 33,1 тыс. [Ульянова 2002, с. 635]. По этому «валовому» показателю Россия вышла на 3-е место в мире (после Японии и Германии). Причём интересна динамика: один врач в 1911 г. приходился на 6360 чел., в 1914 г. – уже на 5140, в 1915 г. – 5000. В сельской местности в 1914 г. врач обслуживал в среднем 20 тыс. чел., в городе – 1,8 тыс. Здесь речь идёт именно о врачах – т. е. лицах с высшим образованием. Но имелись также и фельдшеры – лица со средним образованием. Они должны были помогать врачам и работать под их наблюдением, однако, компенсируя нехватку оных, нередко действовали самостоятельно (преимущественно в деревнях). Понимая это, власть заботилась о повышении их квалификации: в 1897 г. вышел «Новый нормальный устав земских фельдшерских школ», по которому в программах преподавания доля общеобразовательных предметов сократилась в пользу специальных дисциплин (гинекология, санитария, детские, глазные, ушные болезни, даже психиатрия). По состоянию на 1913 г. в России насчитывалось 46 тыс. чел. среднего медперсонала⁴²⁰, среди которых фельдшеры составляли большинство.

Появление всё новых и новых кадров расширяло радиус действия медицинских учреждений. Постоянно увеличивалось количество лечебных участков: в 1902 г. их было 2892, а в 1913 г. – 4282. Количество больниц к концу 1913 г. составило более 8,1 тыс. (без учёта родильных приютов и психлечебниц)⁴²¹. Как следствие, стремительно росло количество населения, получившего медицинскую помощь: если в 1901 г. по всей России таковых насчитывалось 49 млн. чел., то в 1913 г. – уже 98 млн. ($\frac{2}{3}$ от общего количества населения) [Новосельский 1916, с. 82]. Причём более 90 % больных обращалось именно в общественные заведения. В самых крупных городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе) число врачей на душу населения не уступало ведущими мировым центрам – Вене, Берлину, Парижу.

Взаимоотношения врачебного сообщества и государства

Почти сразу началась самоорганизация врачей: с начала 1870-х гг. собирались их губернские съезды, а в 1883 г. появилось Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова («Пироговское общество»). Оно стало идеологическим и организационно-методическим центром общественной и земской медицины, на его съездах обсуждались актуальные вопросы организации медпомощи и санитарного обслуживания населения, принимались согласованные решения, определявшие дальнейшие шаги в этих сферах. Выходили специализированные печатные органы (журнал «Общественный врач», «Медицинский вестник», «Московская медицинская газета» и др.), на страницах которых разворачивались дискуссии о роли

---

420 Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. С. 457.

421 Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. III. С. 1–6.

медицины в жизни общества, о принципах её функционирования. Последние, в общем и целом, сложились к концу XIX в.: плановость в медицинской работе и развитии системы здравоохранения, научность в практической деятельности, сочетание лечебной и санитарно-профилактической деятельности, всесословность и общедоступность. И надо отметить, что нигде в то время к постановке медицинской работы не подходили с такой тщательностью и основательностью, как в нашей стране.

Одним из следствий этого стало восприятие врачами-земцами «народного здравия» как, во-первых, общественной службы, одновременно призывания и возвращения долга трудящимся, а во-вторых, как своей вотчины – «живого дела», которое следует охранять от «сковывающих и омертвляющих» посягательств извне. Что прямо сказалось на взаимоотношениях с госструктурами. «Общественники» вообще весьма болезненно реагировали на попытки чиновников расширить своё влияние в отведённых им сферах. В медицине такая позиция имела очень глубокие корни – ещё в 1862 г. известный врач В.И. Ельцинский выступил против подчинения «невежественным администраторам» больничных врачей, за участие последних в руководстве больницами и использование губернских лечебниц в качестве научной базы для повышения индивидуальной квалификации и развития медицинской науки [История здравоохранения 2014, с. 101]. Характерная для 1860-х гг. атмосфера общественного подъёма, нарастающая радикализация настроений затронула сообщество достаточно сильно и сохранилась на многие десятилетия. На профессиональных форумах всё чаще звучала критика власти, от практических и теоретических вопросов с лёгкостью переходили к рассуждениям о «бесправии личности», отсутствии «свободы печати, собраний, союзов», «бюрократическом произволе» [Михель, Сироткина 2004].

Конечно, эта критика сейчас может (небезосновательно) показаться лишь идеологически мотивированной, а значит, заведомо неконструктивной и даже деструктивной. В то же время необходимо принимать во внимание такую важную особенность Российской империи до 1905 г., как отсутствие привычной нам сегодня политической жизни. Открытые высказывания на злободневные темы были невозможны, монополия на политические шаги и принятие решений, затрагивающих судьбы страны и населения, принадлежала императорской власти. Однако повышение уровня образованности общества, появление в нём новых слоёв и групп (в число которых входили, среди прочих, и земские врачи, быстро приобретшие большое уважение и свойственную такому весомость положения), распространение идеологий, общие процессы «модернизации» и складывания массового общества повышали и уровень запросов, выводили их за пределы сферы бытового и материального. Запрет же на легальную политическую деятельность обусловил политизацию деятельности общественной: образования, науки, благотворительности и др. Буквально любая доступная сфера жизни почти неизбежно становилась площадкой для критики действий госструктур.

Но эта критика вовсе не оставалась «гласом вопиющего в пустыне». Так, например, недовольство медиков и земцев Врачебным уставом 1892 г. и Уставом лечебных заведений гражданского ведомства 1893 г., которые ограничивали их самостоятельность в руководстве врачебно-санитарными

мероприятиями и лечебными заведениями, привели к тому, что сначала введение в действие этих актов было приостановлено, а затем, в начале XX в., МВД приступило к работе по корректировке существующего законодательства. Т. е. структуры самоуправления и общественные организации активно отстаивали свои интересы и защищали сферы влияния. Государство же отнюдь не было всесильным и старалось без особой нужды не портить с ними отношения. Хотя, конечно, многое зависело от конкретных обстоятельств. Так, по собственно проблемам «народного здоровья» сотрудничество шло вполне конструктивно, конфликты же возникали, как правило, в случае попыток органов самоуправления выйти за определённые для них законодательством рамки.

Пик конфликтов пришёлся на конец XIX в. и первую половину 1900-х гг., после чего пошёл на спад. Однако застарелая неприязнь давала о себе знать, что ярко продемонстрировала история с созданием единого государственного органа руководства здравоохранением. Проекты организации такового начали циркулировать ещё в начале 1880-х гг., а принципиальный вопрос поставила Комиссия по вопросу об улучшении санитарных условий и уменьшении смертности в России («Боткинская комиссия»), работавшая в 1886–1889 гг. Согласно задумке её членов, Главное управление по делам здоровья во главе с министром-врачом должно объединить все медучреждения страны, руководить санитарными работами, вести статистику причин смертности и т. д. [История здравоохранения 2014, с. 189–191]. Однако воплощение этой и сходных идей в жизнь встречало резкую оппозицию. «Передовые (либеральные) врачи-“пироговцы” вели бешеную борьбу против попыток “огосударствить” медицину... Царское самодержавие путём создания “единого министерства здравоохранения” хотело поднять и растоптать бюрократическим сапогом ростки земской и городской медицины», – писал большевик Н.А. Семашко [Семашко 1947, с. 7]. Увы, именно в таком духе на проблему смотрела вся «передовая общественность». Характерна резолюция Ярославского губернского санитарного совещания о том, что создание ведомств не соответствует пользе дела и интересам страны: «Ни в каком руководстве, кроме существующего, земская медицина надобности не встречает... Для более быстрого и планомерного роста общественной медицины нуждается в реформе общественного самоуправления на широких началах» [Смирнова 2013, с. 248].

Впрочем, не поддерживали эту идею ни МВД (которое лишилось бы весомой доли полномочий и влияния), ни появившаяся в 1906 г. Государственная дума (по соображениям политическим – не желая допустить расширения сферы влияния чиновников). Дискуссии то вспыхивали, то затихали, пока, наконец, не последовало Высочайшее указание. Николай II, уделявший много внимания развитию медицины и в целом положению населения страны, в резолюции на доклад министра внутренних дел (1908) написал: «Обращаю самое серьёзное внимание... на безотрадное состояние в России санитарного дела. Необходимо во что бы то ни стало добиться не только улучшения его, но и правильной постановки. Нужно быть в состоянии предупреждать эпидемии, а не только бороться с ними. Требую, чтобы безотлагательно было разработано и внесено на законодательное

рассмотрение дело упорядочения в России санитарно-врачебной организации»⁴²². В 1912 г. появилась Междуведомственная комиссия для пересмотра врачебно-санитарного законодательства во главе с академиком Г.Е. Рейном – опытным хирургом-акушером, возглавлявшим Медицинский совет МВД. Он был известен тем, что давно уже выступал за структурное обособление врачебной части. От Императора Рейн получил прямое указание «дело это вести ускоренным ходом». Подводя в 1914 г. итоги работы комиссии, её члены «значительным большинством» высказались «относительно необходимости выделения всей врачебно-санитарной части в самостоятельную ведомственную организацию» – Главное управление государственного здравоохранения, которое «должно будет обеспечить объединение всех усилий как общественных организаций, так и ряда отдельных ведомств... по намеченному общему плану оздоровления страны».

Это решение вновь натолкнулось на возражения со стороны МВД, и его контраргументы заслуживают внимания: «Ведомство в настоящей своей организации работает успешно... выработан за последние годы целый ряд крупных санитарных законопроектов, уже находящихся на законодательном рассмотрении, и проведены различные мероприятия по упрочению народного здоровья. О том же говорит и неуклонное падение смертности... Если в 1906–1911 гг. число смертей на тысячу жителей достигало 29,4, то в 1911 году оно выразилось в 26, а в 1912 г. – 25. Исходя из этих соображений, Министр внутренних дел сомневался, что всё в России сразу и круто изменится в этой отрасли от одного того факта, что в Петрограде появится новое министерство. В западных странах, где культура идёт впереди нашей и врачей имеется гораздо более, чем на Руси, всё же самостоятельных министерств народного здоровья... не имеется, и хотя в последнее время этот вопрос поднимался и в Англии, и во Франции, но нигде он до сего времени, как *дорогой и сложный* (курсив мой. – В.К.), не прошёл. Только на острове Кубе и в Новой Зеландии есть самостоятельные министерства народного здоровья, но едва ли масштабы именно этих стран применимы в России»⁴²³. Соображения, как видим, вполне основательные, вовсе не свидетельствующие о «косности и неповоротливости бюрократического режима». К ним можно добавить распространённую в госструктурах того времени позицию общего отказа от присвоения бюрократическими структурами несвойственных им полномочий – «излишнего попечения над самостоятельностью», которое будет содействовать не столько дальнейшим успехам, сколько «сковыванию сил народа», порождению иждивенческих настроений и нравственному разложению.

Тем не менее понимание того, что коренные изменения в этой сфере (организационное упорядочение, увеличение финансирования и т. д.) необходимы и неизбежны, укрепилось и становилось превалирующим. И здесь

---

422 О преобразовании врачебно-санитарной части в Империи // Особые журналы Совета Министров Российской Империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М.: РОССПЭН, 2006. С. 380.

423 Подробнее о дискуссиях: О преобразовании врачебно-санитарной части в Империи. С. 378–389.

следует затронуть важную тему изменения взгляда на роль и место государства в жизни страны и общества, а именно развитие представления о неизбежном повышении его значения. С одной стороны, это объяснялось практикой. К примеру, многочисленные ошибки земств при помощи пострадавшим от неурожая в 1890-е гг. привели к реформе «продовольственного дела», заключавшейся в резком усилении руководства таковым со стороны госорганов [Белокуров 2012, с. 35] (что, кстати, очень быстро сказалось на положении дел благотворно). Постоянное увеличение казённых дотаций самоуправлению служило весомым аргументом в споре о том, кто должен играть «первую скрипку» и занимать «командные высоты». Вообще, ограниченность прав земств наводила на размышления о пределах их эффективности, заставляла задуматься, что, возможно, в своём классическом виде они сделали всё возможное, а для качественного рывка необходимо объединение усилий, средств и проч., подвластное только государству.

С другой стороны, к усилению и расширению позиций государства подталкивало распространение сциентизма – представлений о ключевой и определяющей роли науки в жизни человеческого общества. Они сформировались по следам замечательных успехов исследований, экспериментов и изобретений буквально во всех областях, в очень короткий по историческим меркам отрезок времени изменивших повседневную жизнь и перевернувших представления о возможностях человека, вооружённого «подлинно научным знанием». Казалось, скоро наука не просто излечит язвы общества, а решит саму проблему смерти, что уж говорить о «правильной» организации жизни и деятельности в масштабах всей планеты. «Научность» предлагаемых изменений стала лозунгом прогрессистских движений, быстро набравших популярность в общественно-политической жизни. Государство же – аппарат управления обществом – представало наиболее подходящим орудием проведения в жизнь их представлений и идей (правда, перед этим оно должно было подвергнуться реформированию на «правильных» началах). Так что появление и идей, и проектов, выдержанных в таком духе, и сами действия в этом направлении становились лишь вопросом времени. Окончательный перелом наступил в годы и по итогам Первой мировой войны, «расширение» государства стало магистральным направлением развития цивилизации.

В то же время нельзя недооценивать способности бюрократических структур к сопротивлению невыгодным инициативам (не по злой воле, конечно, а исходя из «узковедомственных интересов», проще говоря, нежелания допустить сужение масштаба своей компетенции). Лишь трудности военных лет, потребовавшие концентрации усилий и согласованности действий, подтолкнули к решительному шагу, и Рейн, неустанно продвигавший идею единого ведомства, в конце концов добился своего. В сентябре 1916 г. появилось Главное управление государственного здравоохранения на правах министерства – первое такого рода учреждение и в отечественной, и в европейской истории. К сожалению, оно не успело оставить заметного следа в истории русской медицины, однако стало первым опытом объединения руководства столь важной для общества сферой, и в этом качестве является прямым предшественником советских и российских

органов управления ею. Больше того, заведующий канцелярией управления Н.Г. Фрейберг в 1918 г. получил приглашение участвовать в организации наркомата здравоохранения РСФСР, консультировал его руководство, участвовал в разработке советского медицинского законодательства, а также, что немаловажно, передал в наркомздрав материалы «Комиссии Рейна», изученные, без сомнения, весьма внимательно [История здравоохранения 2014, с. 228].

В научных публикациях можно встретить скептическую оценку перспектив деятельности «царского минздрава» [Мазаник 2021, с. 665], однако вряд ли с ней можно согласиться. В деле преобразования столь сложных сфер единая, систематически организованная структура играет первостепенную роль. Она создаёт тот «скелет», каркас, на который дальнейшими усилиями и мероприятиями (отныне – централизованными и планомерными, не тормозящимися различной ведомственной принадлежностью профильных служб) можно нарастить оболочку количественных показателей, повышать качество работы, ускорять внедрение новых лекарств, технологий и проч., т. е. действовать «вширь и вглубь». На это указывает вся мировая практика.

Результаты организационных усилий

В свете вышеизложенного закономерен вопрос: как же обстояло дело с заболеваемостью и смертностью в рассматриваемый период? Можно ли полагать, что благодаря развитию медицинских учреждений и различных отраслей охраны здоровья достигнуты какие-либо успехи?

До сих пор распространено представление о том, что, несмотря на все усилия общества и государства, Россия находилась в плачевном положении: постоянные эпидемии заразных болезней, высокая общая и особенно детская смертность. Указывается на сильное отставание по многим параметрам от «передовых стран». На первый взгляд, многое из перечисленного верно – если брать ситуацию в статике, «по состоянию на 1913 год», и оценивать её с позиций современности. Однако если взглянуть на динамику – скажем, сравнив показатели 1910-х гг. с показателями предыдущих десятилетий, – то можно убедиться, что активная работа на данном направлении (финансовые вложения, организационные усилия, просветительство) дала вполне осязаемые плоды.

Возьмём для начала положение дел с заболеваемостью населения различными заразными болезнями. Для России эта проблема стояла особенно остро – ведь такие города, как Астрахань, и такие транспортные артерии, как Волга, бывшие «воротами» для торговли и иных связей Европы и Азии, представляли собой естественный путь для различных эпидемий. Вообще, активное развитие инфраструктуры, ставшее благом для экономики, привело к значительным издержкам для «народного здоровья». Исследователи отмечали, что «чем доступнее был какой-либо район страны железнодорожному или пароходному сообщению, тем быстрее шло распространение болезней» [Васильев, Сегал 1960, с. 220]. Поэтому, например, в начале 1890-х и на рубеже 1900–1910-х гг. имели место две масштабные эпидемии холеры. Однако интересно, что если смертность в первую из них составила, по раз-

---

ным оценкам, 300–400 тыс. чел., то во вторую умерло чуть более 100 тыс., т. е. втрое-вчетверо меньше. Количество переболевших также заметно снизилось: с 600 тыс. до около 300 тыс. чел. [Васильев, Сегал 1960, с. 268–278]. Конечно, без ощутимого прогресса в здравоохранении эти цифры были бы иными.

Впрочем, холера уже нечасто приобретала широкое распространение – лидировали иные болезни. Так, в 1913 г. наибольшее число заболевших пришлось на грипп (23% от общего количества – 3,6 млн. чел.), малярию (22% – 3,5 млн.), сифилис (8% – 1,2 млн.) [Ульянова 2002, с. 627]. Причём малярия, чесотка и многие другие болезни держались на высоком уровне, в первую очередь, из-за низкого уровня бытовой культуры и санитарных условий сельского населения, из-за пагубных традиций, сопровождавших деторождение и воспитание новорождённых [подробнее см.: Соколов, Гребенщиков 1901; Прохоров 2001, с. 22–23; Миронов 2010, с. 404–405; Демографическая модернизация 2006, с. 20–21, 23]. Тот же сифилис в 80–90% случаев распространялся внеполовым (бытовым) путём [О.Ш. 1900, с. 120; Десять лет Октября 1927, с. 137]. Лечение же затруднялось отсутствием эффективного средства⁴²⁴. Похожего рода факторы обуславливали распространение тифов, детских инфекционных и других заболеваний (стоит отметить, что проблема лекарств и вакцин против тех или иных заболеваний – например, дизентерии, скарлатины – стоит и по сей день).

Однако приходится указать и иной аспект, сильно осложнявший работу врачей. Как ни парадоксально, борьбе с распространением болезней не содействовало само население. И прежде всего сельское. Закоренелое недоверие к «городским» (медикам, чиновникам, даже земцам) и стойкое следование традициям и «заветам дедов», обильно сдобренные суевериями, приводили к тому, что крестьяне избегали обращаться за медпомощью (среди прочего не считали серьёзными заболеваниями корь и коклюш), не исполняли врачебных указаний (например, во время цинги часто отказывались от выдававшихся им мяса, молока и масла), во время обследований сёл и деревень скрывали больных (а сами больные старались скрыть симптомы болезней). Борьба с оспой, проводившаяся путём прививок, и вовсе поначалу вызвала массовые волнения селян, уверенных, что их приехали «резать». Постепенно, правда, основная часть населения осознала важность этих мероприятий (сопротивлялись им лишь мусульмане, старообрядцы и сектанты) [Чистович 1916, стб. 812].

Но не только «простой люд», а и многие представители образованных слоёв не верили в эффективность врачебных усилий. Так, попытки принять закон об обязательном оспопрививании провалились в значительной степени из-за противодействия противников вакцинирования из числа медицинской элиты. Скептически были настроены иные «властители дум». К примеру, Л.Н. Толстой решительно противился новому способу лечения от бешенства:

---

424 Первое, сальварсан, появилось в продаже лишь в 1910 г. – и, стоит отметить, поступило в распоряжение русских врачей уже спустя два месяца.

«Я не верю в прививку Пастера... Меня бы хоть три собаки укусили, я бы не поехал [вакцинироваться]» [подробнее см.: Богданов 2018]. Даже сам Александр III, по воспоминаниям приближённых, «не любил лечиться, не особенно верил в могущество врачебной науки и считал медицину “бабьим делом” – уделом спальни и детской» [Кирпичникова 2010, с. 73–74]. Его пример вообще можно считать хрестоматийным: даже в последний год жизни, страдая от смертельного недуга, император постоянно игнорировал рекомендации лечащих врачей, избегал обследований, отказывался от приёма лекарств [Медицина и императорская власть 2009, с. 118–128].

В этих условиях широкая и настойчивая просветительская работа становилась для медицинского сообщества не чем-то второстепенным, а самой что ни на есть насущной задачей. Впрочем, новые поколения, вступавшие в активную жизнь на рубеже веков, всё лучше понимали важность заботы о собственном здоровье. Среди ярких свидетельств этого – массовый подъём физкультурного движения в начале XX в. и вообще распространение занятиями различными видами спорта, устойчиво высокий интерес к посвящённой санитарии и гигиене литературе, выставкам, наглядной пропаганде. Перед началом Первой Мировой войны авторитетный демограф С.А. Новосельский утверждал: «Главной общей причиной понижения смертности следует признать повышение культурного уровня населения» [Новосельский 1978, с. 127].

Несмотря на все трудности, широкая программа санитарного просвещения населения и мероприятий по борьбе с опасными заболеваниями осуществлялась планомерно и неуклонно. Велось оздоровление малярийных мест, на которое накладывалось хозяйственное освоение территорий. Благодаря этому, например, на Кавказе и в северных губерниях страны заболеваемость этой болезнью значительно снизилась [Васильев 2001, с. 33]. Программа первичного оспопрививания в течение 1901–1908 гг. охватила около 40 млн. чел. по всей стране, причём к 1911 г. прививалось до 91% новорождённых [Чистович 1916, стб. 812]. Правда, наблюдались различные проблемы (например, большой процент неудачных и недостаточное количество повторных прививок), в связи с чем в 1914 г. вышло новое положение об оспопрививании. Как бы то ни было, уровень заболеваемости всего лишь за несколько лет упал вдвое: с 143,8 тыс. чел. в 1909 г. до 72,2 тыс. в 1913 г.⁴²⁵

Столь же показательное положение со смертностью. Часто указывается на невысокую «продолжительность жизни» населения России (29–30 лет на рубеже XIX–XX вв.). Для начала стоит отметить, что это показатель не продолжительности жизни как таковой, а ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Показатель достаточно абстрактный, служащий больше целям статистического анализа и прочим узкодемографическим задачам, нежели указывающий на действительное положение дел. Его низкий уровень объяснялся высокой детской смертностью – младенческой и в пер-

---

425 По данным «Отчётов о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России» за 1909–1913 гг.

вые годы жизни. Статистика для этой категории имеется не по всей Империи, а только по губерниям Европейской России (где, впрочем, проживало подавляющее большинство населения страны) и только до 1912 г. Всё же, согласно ей, если в 1901 г. коэффициент умерших составлял 298,8 на каждую 1000 родившихся, то к 1913 г. снизился до 241 [Кваша 2003, с. 47–48]. Улучшение, может быть, не слишком впечатляющее, но всё же заметное и с однозначным вектором. Новосельский комментировал положение дел так: «Смертность обнаруживает понижение как в грудном возрасте, до 1 года, так и в возрастах выше 1 года, причём понижение смертности в грудном возрасте происходит медленнее понижения её в возрастах старше 1 года» [Новосельский 1978, с. 123].

В процентах младенческая смертность выглядит так (см. табл. 1):

Таблица 1. Младенческая смертность в Российской Империи

Год	Умерших на 100 родившихся (0–1 год)
1892	30,7
1896	27,4
1900	25,2
1904	23,2
1908	24,4
1911	23,7

Цит. по: Рашин 1956, с. 194.

Интересно, что данные по Европейской России рубежа 1900–1910-х гг. оказываются сравнимы с показателями таких стран, как, например, Австро-Венгрия или Румыния (20–21%), а также не слишком значительно отличаются от средних по Германской Империи (16–19%), Испании (18%) и Италии (17%) [Куркин 1938, с. 38; Васильев, Сегал 1960, с. 301; Ульянова 2002, с. 625; Мазаник 2021, с. 651]. Ещё интереснее то, что темпы снижения смертности опережали таковые в Европе [Кваша 2003, рис. 1]. Впрочем, подобные сопоставления вряд ли имеют какой-либо практический смысл – ведь развитие государств это не гонка, в каждой стране свои социокультурные условия, этнорелигиозные особенности, традиции и обычаи, на корректировку которых могут порой уйти десятилетия. Проблем детства это касается едва ли не в первую очередь.

Но если с младенческой смертностью дела, при всех улучшениях, обстояли напряжённо, то, например, результаты снижения смертности от острых заразных болезней выглядят впечатляюще (см. табл. 2):

Таблица 2. Смертность от острозаразных болезней (в тыс. чел.)

Годы	Оспа	Скарлатина	Дифтерия	Корь	Коклош	Тифы	Всего
1891 – 1895	70,7	110,3	132,3	92,2	68,9	113	590
1896 – 1900	57,2	104,1	84,8	104	72	78,1	500
1901 – 1905	41,9	112,4	53,3	701,8	73,3	78,4	467
1906 – 1910	42	106,6	57,6	80,3	63,9	72,7	422
1911 – 1914	29,1	86,9	54,8	85,1	58,2	60,3	374

Цит. по: Новосельский 1916, с. 69–70.

Как следствие, снижалась общая смертность: пик её в рассматриваемый период – 41 на 1000 чел. – пришёлся на 1892 г., когда особенно свирепствовала эпидемия холеры, а также сказались результаты масштабной засухи и последовавшего за ней продовольственного кризиса. В последующие же годы смертность неуклонно падала (см. табл. 3):

Таблица 3. Общая смертность населения (для 50 губерний Европейской России)

Год	Коэффициент (на 1000 чел.)
1880–1890	34,2
1895	35,5
1900	31,1
1904	29,9
1908	28,3
1913	27,4

Цит. по: Рашин 1956, с. 155–156.

При этом демографы отмечают: если вычесть смертность младенцев и детей ранних возрастов, то «отличие России от таких стран, как США и Франция... не кажется столь существенным, а в возрастах старше 70 лет... даже ниже, чем в других странах... По смертности взрослых Россия не слишком отличалась ни от Франции, ни от США. Только Швеция, признанный лидер... заметно оторвалась от всех трёх стран» [Демографическая модернизация 2006, с. 19, 276]. Стоит добавить ещё один штрих: между 1900 и 1910 гг. во всех европейских странах понизилась как смертность, так и рождаемость (в последнем случае исключение составила лишь Италия) [Рубакин 1959, с. 68, 86]. Эти же процессы характерны и для России, однако при этом коэффициент естественного прироста держался на довольно стабильном уровне: 15,7‰ в 1886–1890 гг., 16,8‰ в 1911–1913 гг. (с неко-

торами колебаниями в сторону повышения или понижения) [Рашин 1956, с. 154], превосходя таковой практически всех европейских государств. Т. е. демографическое положение нашей страны являлось весьма стабильным.

Перелом, после которого начинается понижение смертности, приходится на 1892 г. (примерно синхронно со странами Западной Европы). Многие исследователи и по сей день указывают на медленность, «недостаточность», огромные числовые показатели смертности [из последнего: Мазаник 2021, с. 652–653]. Однако упускается из вида то, что понижение носило характер хоть и плавный, но неуклонный, причём охватывало все регионы страны [Рашин 1956, с. 187–188]. На деле перед нами – как раз успехи, к тому же говорящие о большой и – самое главное – результативной работе. Конечно, «охранение народного здоровья» всё ещё находилось в стадии развития, предстояло совершить ещё немало усилий: распространять гигиенические знания и навыки, предпринять дополнительные меры по улучшению санитарного состояния городов и особенно села. Однако врачи, отдавая дань сложности ситуации, смотрели в будущее с оптимизмом – и для этого имелись все основания. Ведь за очень короткий по историческим меркам промежуток времени смертность (исключая ранние возраста) существенно понизилась во всех возрастных категориях. В Империи начался демографический взрыв, продолжавшийся вплоть до 1920-х гг. Если перепись 1897 г. зафиксировала численность населения страны (без Финляндии) на отметке 125,6 млн. чел., то по состоянию на 1914 г. этот показатель составил 165,7 млн. [подробнее см.: Сифман 1977], а к 1917 г. почти достиг 170 млн. [Зайцев 1927, с. 91].

Впрочем, исследователи революционных настроений XX в. связывают их бурное развитие, воинственность и радикальность и вызывавшуюся ими дестабилизацию общественно-политического положения (как правило, с катастрофическими результатами) как раз именно с ростом численности населения, а в особенности – увеличением доли молодых возрастов, представители которых, как известно, более всего подвержены нигилистическим настроениям и их буйным проявлениям. Так что достижения медицины и их внедрение в жизнь широких слоёв общества, увы, имели среди последствий и негативные.

Продолжая тему заболеваемости и смертности – уже в компаративном аспекте, – отмечу, что начавшиеся ещё в дореволюционный период, устоявшиеся в советский и до сих пор бытующие в литературе прямолинейные сопоставления России с европейскими странами (как ведущими, так и второплановыми) нужно оценивать трезво. При таких сравнениях сразу возникает вопрос их правомерности. Не секрет, что на показатели распространения заболеваемости теми или иными болезнями сильно влияют географическое положение, численность населения, его культурный уровень, наконец, протяжённость территории страны. Естественно, что даже во Франции или Германии, не говоря уже, например, о Норвегии или Бельгии, куда легче наладить широкую и разветвлённую сеть учреждений медицины и гигиены и, как следствие, побороть серьёзные заболевания. Хотя интересно, что упомянутые страны долгое время испытывали большие трудности в решении этой задачи. Так, в середине 1880-х – начале 1890-х гг. в Западной

и Центральной Европе бушевала холера: во Франции она охватила 20 департаментов, в Австрии – 35 городов и местечек, крупное распространение приобрела в Германии, где поразила 267 городов [О-ский 1903, с. 508]. В одном только Гамбурге за 5 месяцев 1892 г. от неё умерло 8,6 тыс. чел. В Испании заболело около 340 тыс. чел., из которых умерло примерно 120 тыс. В последнее десятилетие XIX в. по Европе прокатилась одна из крупнейших волн заболеваемости гриппом [Васильев 2001, с. 16]. В той или иной части континента и в начале XX в. то и дело наблюдались вспышки тифов, менингита и прочих болезней [Задонина, Леви 2009, с. 296–303]. К примеру, смертность от брюшного тифа в итальянских и французских городах заметно превосходила таковую в России [Васильев 2001, с. 15]. Наконец, санитарно-эпидемическая ситуация резко ухудшилась во время Первой мировой войны, а в год её окончания мир «накрыла» Великая эпидемия гриппа.

Кстати, подобно России, в Европе эпидемии служили делу развития медицинской науки – достаточно вспомнить деятельность таких врачей, как Л. Пастер, Р. Кох, П. Эрлих и др. Французская комиссия во главе с Пастером в 1884 г. признала: «При современном уровне наших знаний, раз эпидемия холеры коснулась какой-либо точки европейского континента, нет средств остановить её движение» [Васильев, Сегал 1960, с. 270]. Однако именно в таких условиях и были сделаны различные научные открытия, способствовавшие созданию вакцин против холеры и иных инфекционных заболеваний.

Однако прямые сравнения показателей вряд ли действительны ещё и из-за особенностей сбора данных о ней. А с медицинской статистикой в европейских странах в начале XX в. дело обстояло не лучшим образом. Современные исследователи даже констатируют, что «в Западной Европе статистики заболеваемости, по сути, не было в 1880–1890-е гг.» [Мирский 1996, с. 319]. Но и позднее в этом деле не произошло кардинальных сдвигов. Дело, прежде всего, в том, что отсутствовал учёт в виде, схожем с принятым в Российской Империи. Значительный объём помощи населению приходился на долю частнопрактикующих врачей, что создавало естественные препятствия для сбора информации. А отсутствие сети поликлинических учреждений не позволяло наладить изучение общей заболеваемости. Различались методы получения показателей, из-за чего постранные данные зачастую оказывались несопоставимы. Не существовало единой медстатистики для таких крупных держав, как Германия, где данные выявлялись отдельно по каждому из входящих в Рейх княжеств, и Великобритания, где учёт шёл по её составным частям (Англия и Уэльс, Шотландия, Ирландия). Лишь статистика заболеваемости туберкулёзом, сифилисом и некоторыми другими инфекционными болезнями существовала на правах государственной, хотя далеко не везде [Бедный, Савин, Стягов 1975, с. 46]. Как следствие, возникает вопрос о правомерности сравнений на основе такого рода сведений⁴²⁶.

---

426 На эту проблему уже указывали исследователи дореволюционной России [в отношении сельскохозяйственной статистики – Давыдов 2016, с. 827–840], но пока, увы, заметных работ по этой теме применительно к медицине нет.

Наконец, даже централизованные службы здравоохранения на правах государственных ведомств в большинстве зарубежных стран – Великобритании, Франции, Италии, Польше, Японии, Канаде и др. – появились позже, чем в нашей стране (это произошло в 1920-е гг.) [Заблудовский 1981, с. 268].

Представляется, что если и стоит проводить сравнения с какой-либо зарубежной страной, то наиболее подходят для этого США, схожие по таким параметрам, как географический, территориальный, инфраструктурный, даже демографический (численность их населения в начале XX в. соответствовала показателям Европейской России). Процессы, связанные с проблемой здоровья населения, там протекали практически идентично: урбанизация породила массовые скопления населения на ограниченных пространствах, что привело к ухудшению санитарно-эпидемиологической ситуации, усугублявшейся отсутствием или недостаточностью водопроводов, канализации, систем утилизации отходов. Следствием этого становились вспышки холеры, дизентерии, тифов, малярии и т. п. По состоянию на 1900 г. – год начала сбора статистических сведений о заболеваемости населения – среди причин смерти лидировали пневмония и туберкулёз, а общий уровень смертности от инфекционных болезней достигал 800 на 100 тыс. чел. населения [Waksman 1999, p. 628]. Борьба с ними шла посредством организации на уровне штатов департаментов здравоохранения, которые занимались устройством отхожих мест и канализаций, следили за качеством пищи, проводили кампании по распространению знаний о гигиене и санитарии. Т. е. наблюдались те же самые процессы и предпринимались те же самые меры, что и в России. Как следствие, в 1913 г. официальная статистика обеих стран фиксировала примерно одинаковый порядок относительных цифр смертности, вызванной острозаразными заболеваниями. Причём для России показатель был 471 на 100 тыс. чел.⁴²⁷, а в Соединённых Штатах – около 500 [Armstrong, Conn, Pinner 1999, p. 63].

Показатели эти – даже с поправкой на несовершенство учёта (причём в этом отношении сравнение не в пользу американцев) – весьма красноречивы. А вывод из них таков: для государств со столь обширной целостной территорией, как Российская Империя, высокий уровень заболеваемости и смертности представлял проблему *естественную*, и наша страна отнюдь не может считаться примером «худшей в мире организации здравоохранения» (увы, заявления подобного рода и по сей день нередки в текстах недобросовестных публицистов). Как раз напротив. Уже на прошедшем в 1897 г. в Москве XII Международном конгрессе врачей земская медицина получила высокую оценку, да и впоследствии зарубежные учёные неизменно отдавали должное достижениям русских медиков. Так, на Международной гигиенической выставке в Дрездене (1911) материалы земской санитарной статистики вызвали общее восхищение широтой охвата данных. За Россией

---

427 Отчёт о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг., 1915. С. 5. Необходимо, впрочем, оговориться, что эти данные не включают заболеваемость туберкулёзом. Если причислить их, то наша страна теряет преимущество перед Штатами.

единодушно признали приоритет в организации учёта заболеваемости. Известный немецкий статистик Е. Ресле, ознакомившись с постановкой медицинского дела и методикой сбора данных, написал: «Ясно, что этому самому могущественному из всех народов, так основательно исследующему свои жизненные условия и с такой преданностью думающему о том, как их улучшить, должно принадлежать будущее этого мира» [Мирский 1996, с. 312]. К сожалению, этому весьма лестному пророчеству не суждено было сбыться.

Судьба «царской медицины» и её наследия

Поступательное движение русской медицины замедлила Первая мировая война, явившаяся для неё подлинной проверкой на прочность. Боевые действия на обширных территориях, перемещение огромных масс населения, приведшие к напряжению для транспортной сети и хозяйства многих городов страны, трудности быта резко увеличившейся численно армии обусловили в 1914 и особенно 1915 гг. всплеск заболеваемости. Лидировали традиционные для условий одномоментных массовых миграций болезни: холера, тифы, натуральная оспа, дизентерия, сифилис. Правда, уже в 1916 г. по большинству недугов отмечалось заметное снижение как на фронте, так и в тылу (среди гражданского населения сохраняли позиции сыпной и возвратный тиф, а в армии – грипп, малярия и дизентерия [Прохоров 2001, с. 35–36; Васильев 2001, с. 49–52]), даже при том, что значительное количество врачей подпали под военную мобилизацию. Стремительно росла хозяйственно-техническая оснащённость военных медучреждений [Васильев 2001, с. 54]. По этим показателям Россия не отличалась от прочих воюющих государств (как союзных, так и вражеских), что лишь в очередной раз доказывает высокую степень развития отечественной медицины тех лет и её способность реагировать на серьёзные эпидемические вызовы.

Увы, улучшение ситуации оказалось недолгим из-за трагических событий 1917 г. Пришедшее к власти Временное правительство отменило действие всех установлений эпохи монархии – в том числе и Врачебного устава, служившего «основным законом» для русской медицины. Её дезорганизация, среди прочего, прямо сказалась на сборе статистики, который по многим позициям надолго прервался или оказался весьма неполным, а главное – на положении дел с заболеваемостью. Положение быстро вышло из-под контроля, что создало ощущение надвигающейся катастрофы.

Этой обстановкой с большой выгодой для себя воспользовались большевики. Они не только довершили дело своих предшественников, но и пошли гораздо дальше, провозгласив курс на полное огосударствление медицинской помощи. Летом 1918 г. был создан наркомат здравоохранения РСФСР – ведомство, взявшее на себя руководство данной сферой. Земства к тому времени оказались замещены советами, а борьбу с «наследием земщины» нарком Семашко объявил чуть ли не главной целью своей деятельности. В виду имелась прежде всего оппозиция новому режиму со стороны врачей-«пироговцев». Необходимо было подорвать их монополию на выражение мнения медицинских кругов. Собственно, само создание ведомства

и осуществилось в пику «общественникам». Деятельность общественных организаций русских врачей оказалась фактически парализована («Пироговское общество» исчезло последним, в 1925 г., хотя к тому времени оно уже многие годы имело чисто символическое значение). В условиях установленной большевиками монополии на рынке труда и, конечно, репрессий сделать это удалось достаточно легко. Кроме того, многие врачи в конце концов сами предложили новому режиму свои опыт и знания, считая, что никакие политические перемены в стране не должны отражаться на выполнении обязанностей (прежде всего по борьбе с эпидемиями инфекционных болезней). Земские больницы и созданные на деньги благотворителей лечебницы национализировались, результатом чего стало уничтожение общественной и частной сфер медпомощи. Зато новая власть без особых усилий получила в свои руки разветвлённую сеть заведений здравоохранения.

Борьба с «земщиной» обуславливалась также тем, что большевики, по сути, присвоили её основополагающие черты: бесплатность, общедоступность, упор на профилактику, единство науки и практики. Всё это с характерной напористостью объявили нововведением советской власти. Однако новый режим оказался явлением нового типа – идеологическим. Как следствие, именно постулаты идеологии отныне определяли направление развития всех сфер государства и общества. В результате на практике «земскую» общедоступность сменил новый принцип оказания медпомощи: доступ к ней получали только «трудящиеся», прочие группы населения оказались дискриминированы («Вместо лицемерного принципа “демократического равенства”, который на самом деле означал всегда привилегии богатых, советская власть в области здравоохранения проводит классовый принцип преимущественного обслуживания городского пролетариата и беднейшего крестьянства» [Пять лет советской медицины 1923, с. 6]).

Ещё дальше большевики пошли с началом форсированной индустриализации на рубеже 1920–1930-х гг., когда вместо «классов» сделали упор на отдельные группы промышленных рабочих [подробнее см.: Вишленкова, Затравкин, Шерстнева 2020]. Практически одновременно здравоохранение перестроили на основе производственного принципа – «дифференцированного медицинского обслуживания отдельных групп населения в соответствии с их ролью в социалистическом строительстве», предполагавшего преимущественное внимание к работникам ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства [Очерки истории 1957, с. 234]. Остатки «царской» системы «охранения народного здоровья» оказались ликвидированы, а ситуация с доступом к врачебной помощи – при формально резком росте количественных показателей – сильно ухудшилась. Особенно болезненно реагировали на новые порядки оказавшиеся в ущемлённом положении крестьяне. К примеру, в письмах по поводу проекта Конституции 1936 г. встречаются такие их жалобы: «Раньше, в прошлые годы, пойдём в больницу бесплатно. Сейчас платишь за какую-нибудь разведённую хиной воду 50 к. или 70 к., а если мази, то рубль берут» [Фицпатрик 2008, с. 243].

Как следствие, «показатели смертности в 1930-х годах были существенно выше, чем можно было бы ожидать при сохранении предреволюционных тенденций – все они находятся выше линии тренда предреволюционных

десятилетий. Если судить по общему коэффициенту смертности, то Россия смогла вернуться на эту линию только в 1950-х годах. Что же касается младенческой смертности, то... есть данные далеко не за все годы, но те, что есть, указывают не на ускорение, а на замедление снижения... И только в конце 1940-х годов, после появления антибиотиков, это снижение резко ускорилось и произошёл отрыв от линии дореволюционного тренда... Накануне Второй мировой войны и заболеваемость, и смертность в России всё ещё оставались очень высокими, настоящего перелома в их динамике не наступило» [Демографическая модернизация 2006, с. 263–264].

Именно эта ситуация побуждала наркомздрав сразу по окончании войны выдвигать инициативы и принимать решения, предполагавшие расширение оказания медпомощи: охват всё новых и новых групп населения посредством территориальных участков (районный принцип), укрепление связи клиник для приходящих пациентов (амбулаторий и поликлиник) и стационаров (больниц) и т. д. Конечно, всё это прямо отсылало к принципам земской медицины, о чём даже открыто заявил в 1945 г. глава ведомства Г.А. Митерев [подробнее см.: Бартон 2008, с. 190]. Однако движение в этом направлении не отличалось стабильностью, в середине и второй половине 1950-х гг. наблюдался откат к преимущественному обслуживанию промышленных рабочих (хотя и они не были защищены от таких шагов, к примеру как фактическое введение в 1955 г. оплаты стационарного лечения [подробнее см.: Иванова 2011, с. 71–74]). Лишь в новой Программе КПСС (1961) все виды бесплатного медицинского обслуживания городского и сельского населения, а также бесплатные отпуск медикаментов и пользование санаториями для больных были официально закреплены в числе неотъемлемых черт строящегося коммунистического общества⁴²⁸. В целом же «переход от социальной политики, построенной по производственному признаку, к универсальной и эгалитарной системе распределения социальных благ» завершился лишь к началу 1970-х гг. [Иванова 2011, с. 273].

Если оставить за скобками государственный характер, организационная структура советской медпомощи поразительно напоминала земскую. Сохранились даже такие элементы, как фельдшерская служба. Годами большевики поносили «фельдшеризм» как врачебный суррогат «для мужиков». После прихода к власти они «хотели отказаться от [этой] системы, но потом решили сохранить её. Сейчас фельдшеры в своей белой униформе весьма распространены в СССР, являясь или помощником врача, или работая самостоятельно на бескрайних просторах, там, где число врачей недостаточно», более того, они «являются основой превентивной системы здравоохранения»⁴²⁹. В свете этого в исторической литературе достижения

---

428 Программа Коммунистической Партии Советского Союза // Справочник партийного работника. Вып. 4. М.: Госполитиздат, 1963. С. 102

429 Soviet medicine: the world's most socialized health system // Life. Vol. 68. 1970. No. 2 (23 January). P. 34.

дореволюционной медицины замалчивались или всячески принижались и обесценивались. Это до сих пор характерно для публикаций даже в научных изданиях. Лишь недавно исследователи начали отмечать, что «если термин “земская” заменить словом “советская”, то все формулы остаются совершенно приемлемыми» [Мирский 1996, с. 307], что «в нашей стране была создана уникальная и образцовая для своего времени система общественной медицины... пришедшие к власти большевики унаследовали от старого режима систему, во всех отношениях подходящую для функционирования в условиях социализма»⁴³⁰, что «введённый в практику земств принцип бесплатности медицины в дальнейшем стал основополагающим принципом государственного здравоохранения в СССР» [Пашков 2011, с. 64], что «выработанные и апробированные на практике основополагающие принципы (участковость, доступность, бесплатность медицинской помощи для населения, профилактический характер и т. д.) были... взяты на вооружение и получили дальнейшее развитие в советском здравоохранении» [История здравоохранения 2014, с. 235].

Тем временем за границей богатейшее наследие русской науки и практики оценили по достоинству: в 1934 г. Лига Наций рекомендовала систему земской медицины как образец для всех развивающихся стран. Затем принципы её организации и деятельности легли в основу функционирования Всемирной организации здравоохранения. В этой связи представляется, что назрел пересмотр отношения к отечественным достижениям конца XIX – начала XX вв. Необходим отказ от устаревших, в значительной степени идеологически обусловленных суждений и оценок прошлого, более трезвый и даже более комплиментарный взгляд на ход и результаты развития данной, важнейшей сферы жизни народа и страны. Так будет сделан важный шаг на пути восстановления исторической преемственности – особенно важный сейчас, когда вопросы сохранения памяти, проведения исторической политики выдвинулись в число самых острых проблем развития российского общества, определения его будущего.

---

430 Красавин В. Про Пермскую губернскую больницу, реформы здравоохранения и национальные традиции [Электронный ресурс] // Личное дело. 2005. №6. URL: <http://www.prpc.ru/gazeta/87/hospit.shtml> (дата обращения 20.04.2022).

Список литературы

1. Антипенко 1986 – Антипенко Э.С. Развитие скорой и неотложной медицинской помощи в дореволюционной России (1880–1913 гг.) // Итоги и задачи историко-медицинских исследований. История профилактического направления медицины / Под ред. Ю.П. Лисицына, Ю.А. Шилиниса. М., 1986. С. 86–88.
2. Архипов, Адонин 2008 – Архипов А.П., Адонин А.С. Страховое дело: учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 424 с.
3. Бартон 2008 – Бартон К. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945–1953 // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 174–193.
4. Бедный, Савин, Стягов 1975 – Бедный М.С., Савин С.И., Стягов Г.И. Социально-гигиеническая характеристика заболеваемости городского и сельского населения. М.: Медицина, 1975. 256 с.
5. Белокуров 2012 – Белокуров Е.В. Продовольственная кампания 1901–1902 годов: к вопросу об организации продовольственного дела в России (конец XVIII – начало XX века) // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6. С. 27–38.
6. Богданов 2018 – Богданов К.А. Лев Толстой, Луи Пастер и бешеные собаки. Очерк христианской антрозоологии // Новое литературное обозрение. 2018. № 5. С. 31–68.
7. Васильев, Сегал 1960 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки. М.: Медгиз, 1960. 400 с.
8. Васильев, Сегал 2020 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. От чумы до коронавируса. М.: Родина, 2020. 560 с.
9. Васильев 2001 – Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 254 с.
10. Вишленкова, Затравкин, Шерстнева 2020 – Вишленкова Е.А., Затравкин С.Н., Шерстнева Е.В. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666.
11. Гончаров 2003 – Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVII – начала XX вв. / Отв. ред.: Ю.М. Гончаров, Т.Н. Соболева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 3–23.
12. Грекова, Голиков 2001 – Грекова Т.И., Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. Очерки, адресованные врачам и их пациентам. СПб.: Фолио-Плюс, 2001. 414 с.
13. Давыдов 2016 – Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
14. Демографическая модернизация 2006 – Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 599 с.
15. Десять лет Октября 1927 – Десять лет Октября и советская медицина (1917–1927) / Под ред. Н.А. Семашко. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. 145 с.
16. Ерофеев 2012 – Ерофеев Я.А. Центральные и губернские органы «охранения народного здоровья» в XVIII – начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных / Отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск: Нонпарель, 2012. С. 86–92.
17. Заблудовский 1981 – Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. М.: Медицина, 1981. 352 с.

18. Задонина, Леви 2009 – Задонина Н.В., Леви К.Г. Хронология природных и социальных феноменов в истории мировой цивилизации. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2009. 864 с.

19. Зайцев 1927 – Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / Под общ. ред. В.Г. Громана. Ч. 2. М.: РАНИОН, 1927. С. 60–93.

20. Иванова 2011 – Иванова Г.М. На пороге государства всеобщего благосостояния. Социальная политика СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: Институт российской истории РАН, 2011. 285 с.

21. История здравоохранения 2014 – История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / Под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.

22. Кваша 2003 – Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55.

23. Кирпичникова 2010 – Кирпичникова М.В. О медицине в Гатчинском дворце в царствование Александра III // История Петербурга. 2010. № 4. С. 71–75.

24. Клопотов 1971 – Клопотов К.К. Городское хозяйство // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 7. М.: Сов. энциклопедия, 1971. С. 126–127.

25. Коломиец 2012 – Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей: очерки. М.: Вопросы экономики, 2012. 527 с.

26. Королёва 2011 – Королёва Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 214 с.

27. Крузе 1981 – Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. / Под ред. Т.М. Китаниной. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1981. 143 с.

28. Куркин 1938 – Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М.: В/О «Союзоргучёт», 1938. 88 с.

29. Мазаник 2021 – Мазаник А.В. Медицина и здравоохранение в России в начале XX века // Российская Империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, К.А. Соловьёва. М.: Квадрига, 2021. С. 644–668.

30. Макнил 2021 – Макнил У. Эпидемии и народы / Пер. с англ. Н. Проценко при уч. А. Черняева. М.: Изд-во Ун-та Дм. Пожарского, 2021. 448 с.

31. Медицина и императорская власть 2009 – Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века: по материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства Императорского двора Его Императорского Величества. 1 января 1843 г. – 15 июня 1918 г. / Под ред. Г.Г. Онищенко. М.: МедиаПресс, 2009. 326 с.

32. Миронов 2010 – Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в Имперской России: XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

33. Мирский 1996 – Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. М.: РОССПЭН, 1996. 376 с.

34. Михель, Сироткина 2004 – Михель Д.В., Михель И.В., Сироткина И.Е. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925 гг.) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139.

35. Новосельский 1916 – Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. 94 с.

36. Новосельский 1978 – Новосельский С.А. Демография и статистика: избранные произведения / Под ред. Л.Е. Полякова. М.: Статистика, 1978. 269 с.
37. О-ский 1903 – О-ский В.М. Холера // Энциклопедический словарь. Т. XXXVII (63). СПб.: тип. АО Брокгауз и Ефрон, 1903. С. 507–515.
38. Очерки истории 1957 – Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) / Под ред. М.И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957. 394 с.
39. О.Ш. 1900 – О.Ш. Сифилис // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX (59). СПб.: тип. АО Брокгауз и Ефрон, 1900. С. 113–123.
40. Пашков 2011 – Пашков К.А. Зубоврачевание и стоматология в России: основные этапы и направления развития (IX–XX век). Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 304 с.
41. Прохоров 2001 – Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX веке. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 275 с.
42. Пять лет советской медицины 1923 – Пять лет советской медицины: 1918–1923. Юбилейный сборник. М.: тип. им. Гутенберга, 1923. 259 с.
43. Рашин 1956 – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / Под ред. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
44. Рубакин 1959 – Рубакин А.Н. Империализм и ухудшение здоровья трудящихся. М.: Соцэкгиз, 1959. 516 с.
45. Семашко 1947 – Семашко Н.А. Очерки по теории организации советского здравоохранения. М.: Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1947. 47 с.
46. Сифман 1977 – Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. Сборник статей / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 62–82.
47. Смирнова 2013 – Смирнова Е.М. От общественного призрения к общественной медицине: здравоохранение Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ярославль: Ярославская гос. мед. акад., 2013. 271 с.
48. Соколов, Гребенщиков 1901 – Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. Докл. в соедин. собр. О-ва рус. врачей, О-ва дет. врачей в С.-Петербурге и Стат. отд-ния Рус. о-ва охранения нар. здоровья, 22 марта 1901 г. в зале Музея Н.И. Пирогова. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 77 с.
49. Ульянова 2002 – Ульянова Г.Н. Здравоохранение и медицина // Россия в начале XX века / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. С. 624–652.
50. Фицпатрик 2008 – Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с.
51. Чистович 1916 – Чистович Ф. Оспопрививание // Новый энциклопедический словарь. Т. 29. Пг.: Изд-во Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1916. Стб. 809–812.
52. Щапов 1994 – Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке: историки мира спорят / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 84–88.
53. Armstrong, Conn, Pinner 1999 – Armstrong G.L., Conn L.A., Pinner R.W. Trends in infectious disease mortality in the United States during the 20th century // The journal of the American medical association (JAMA). Vol. 281, No. 1 (January 6, 1999). Pp. 61–66.
54. Waksman 1999 – Waksman S.A. Achievements in public health, 1900–1999: control of infectious diseases // Morbidity and mortality weekly report. Vol. 48, No. 29 (July 30, 1999). Pp. 621–629.

References

1. Antipenko, J.S. (1986), “Razvitie skoroi i neotlozhnoj medicinskoj pomoshhi v dorevoljucionnoj Rossii (1880–1913 gg.)”, in *Itogi i zadachi istoriko-medicinskih issledovanij. Istorija profilaktičeskogo napravlenija mediciny*. Moscow, USSR, pp. 86–88.
2. Arhipov, A.P., Adonin, A.S. (2008), *Strahovoe delo: uchebno-metodičeskij kompleks*, Moscow, Russia.
3. Barton, K. (2008), “Vseohvatnaja pomoshh' pri stalinizme? Sovetskoe zdravooхранenie i duh gosudarstva blagodenstvija, 1945–1953”, in *Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940–1985*. Moscow, Russia, pp. 174–193.
4. Bednyj, M.S., Savin, S.I., Stjagov, G.I. (1975), *Social'no-gigieničeskaja harakteristika zabolevaemosti gorodskogo i sel'skogo naselenija*. Moscow, USSR.
5. Belokurov, E.V. (2012), “Prodovol'stvennaja kampanija 1901–1902 godov: k voprosu ob organizacii prodovol'stvennogo dela v Rossii (konec XVIII – nachalo XX veka)”, in *Istoričeskij zhurnal: nauchnye issledovanija*, no 6, pp. 27–38.
6. Bogdanov, K.A. (2018), “Lev Tolstoj, Lui Paster i beshenye sobaki. Oчерk hristianskoj antrozoologii”, in *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 5, pp. 31–68.
7. Vasil'ev, K.G., Segal, A.E. (1960), *Istorija epidemij v Rossii. Materialy i oчерki*. Moscow, USSR.
8. Vasil'ev, K.G., Segal, A.E. (2020), *Istorija epidemij v Rossii. Ot chumy do koronavirusa*. Moscow, Russia.
9. Vasil'ev, K.G. (2001), *Istorija jepidemij i bor'ba s nimi v Rossii v XX stoletii*. Moscow, Russia.
10. Vishlenkova, E.A., Zatravkin, C.N., Sherstneva, E.V. (2020), “Korennoj perelom”: dovoennaja reforma sovetskogo zdravooхранenija”, in *Quaestio Rossica*, vol. 8, no 2, pp. 652–666.
11. Goncharov, Ju.M. (2003), “Brachnost', rozhdanost' i smertnost' v gorodah Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.”, in *Naselenie. Upravlenie. Jekonomika. Kul'turnaja zhizn' Sibiri XVII – nachala XX vv*. Barnaul, Russia, pp. 3–23.
12. Grekova, T.I., Golikov, Ju.P. (2001), *Medicinskij Peterburg. Oчерki, adresovannye vracham i ih pacientam*. Saint-Petersburg, Russia.
13. Davydov, M.A. (2016), *Dvadcat' let do Velikoj vojny: rossijskaja modernizacija Vitte–Stolypina*. Saint-Petersburg, Russia.
14. *Demografičeskaja modernizacija Rossii, 1900–2000* (2006). Moscow, Russia.
15. *Desjat' let Oktjabrja i sovetskaja medicina (1917–1927)* (1927). Moscow, Russia.
16. Erofeev, Ja.A. (2012), “Central'nye i gubernskie organy «охранenija narodnogo zdravija» v XVIII – nachale XX v.”, in *Aktual'nye problemy istoričeskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchjonyh*. Novosibirsk, Russia, pp. 86–92.
17. Zabludovskij, P.E., Krjuchok, G.R., Kuz'min, M.K., Levit, M.M. (1981), *Istorija mediciny*. Moscow, USSR.
18. Zadonina, N.V., Levi, K.G. (2009), *Hronologija prirodnyh i social'nyh fenomenov v istorii mirovoj civilizacii*. Irkutsk, Russia.
19. Zajcev, V. (1927), “K voprosu o chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii”, in *Vlijanie neurozhaev na narodnoe hozjajstvo Rossii*. Ch. 2. Moscow, USSR, pp. 60–93.
20. Ivanova, G.M. (2011), *Na poroge gosudarstva vseobshhego blagosostojanija. Social'naja politika SSSR (seredina 1950-h – nachalo 1970-h godov)*. Moscow, Russia.
21. *Istorija zdravooхранenija dorevoljucionnoj Rossii (konec XVI – nachalo XX v.)* (2014). Moscow, Russia.
22. Kvasha, E.A. (2003), “Mladenčeskaja smertnost' v Rossii v XX veke”, in *Sociologičeskije issledovanija*, no 6, pp. 47–55.

23. Kirpichnikova, M.V. (2010), “O medicine v Gatchinskom dvorce v carstvovanie Aleksandra III”, in *Istorija Peterburga*, no 4, pp. 71–75.

24. Klopotov, K.K. (1971), “Gorodskoe hozjajstvo”, in *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija*. 3-e ed. Vol. 7. Moscow, USSR, pp. 126–127.

25. Kolomic, A.G. (2012), *Finansovye reformy russkikh carej: ocherki*. Moscow, Russia.

26. Koroljova, N.G. (2011), *Hozjajstvenno-jekonomicheskaja dejatel'nost' zemstv v period modernizacii rossijskoj derevni (1907–1914)*. Moscow, Russia.

27. Kruze, E.E. (1981), *Uslovija truda i byta rabocheho klassa Rossii v 1900–1914 gg.* Leningrad, USSR.

28. Kurkin, P.I. (1938), *Rozhdaemost' i smertnost' v kapitalisticheskikh gosudarstvax Evropy*. Moscow, USSR.

29. Mazanik, A.B. (2021), “Medicina i zdravoochranenie v Rossii v nachale XX veka”, in *Rossijskaja Imperija mezhdru reformami i revoljucijami, 1906–1916*. Moscow, Russia, pp. 644–668.

30. Maknil, W. (2021), *Jepidemii i narody*. Moscow, Russia.

31. *Medicina i imperatorskaja vlast' v Rossii*. Zdorov'e imperatorskoj sem'i i medicinskoe obespechenie pervyh lic Rossii v XIX – nachale XX veka: po materialam dejatel'nosti Pridvornoj medicinskoj chasti Ministerstva Imperatorskogo dvora Ego Imperatorskogo Velichestva (2009). Moscow, Russia.

32. Mironov, B.N. (2010), *Blagosostojanie naselenija i revoljucii v Imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX vv.* Moscow, Russia.

33. Mirskij, M.B. (1996), *Medicina Rossii XVI–XIX vv.* Moscow, Russia.

34. Mihel', D.V., Mihel', I.V., Sirotkina, I.E. (2004), “Medicina protiv jepidemij v Povolzh'e: social'no-istoricheskij kontekst (1890–1925 gg.)”, in *Vestnik Evrazii*, no 3, pp. 113–139.

35. Novosel'skij, S.A. (1916), *Obzor glavnejshih dannyh po demografii i sanitarnoj statistike Rossii*. Petrograd, Russia.

36. Novosel'skij, S.A. (1978), *Demografija i statistika: izbrannye proizvedenija*. Moscow, USSR.

37. O-skij, V.M. (1903), “Holera”, in *Enciklopedicheskij slovar'*. Vol. XXXVII (63). Saint-Petersburg, Russia, pp. 507–515.

38. *Ocherki istorii zdravoochranenija SSSR (1917–1956 gg.)* (1957). Moscow, USSR.

39. O.Sh. (1900), “Sifilis”, in *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Jefrona*. T. XXX (59). Saint-Petersburg, Russia, pp. 113–123.

40. Pashkov, K.A. (2011), *Zubovracevanie i stomatologija v Rossii: osnovnye jetapy i napravlenija razvitija (IX–XX vek)*. Kazan', Russia.

41. Prohorov, B.B. (2001), *Zdorov'e naselenija Rossii v XX veke*. Moscow, Russia.

42. *Pjat' let sovetskoj mediciny: 1918–1923. Jubilejnyj sbornik* (1923). Moscow, USSR.

43. Rashin, A.G. (1956), *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)*. Statisticheskie ocherki. Moscow, USSR.

44. Rubakin, A.N. (1959), *Imperializm i uhudshenie zdorov'ja trudjashihhsja*. Moscow, USSR.

45. Semashko, N.A. (1947), *Ocherki po teorii organizacii sovetskogo zdravoochranenija*. Moscow, USSR.

46. Sifman, R.I. (1977), “Dinamika chislenosti naselenija Rossii za 1897–1914 gg.”, in *Brachnost', rozhdaemost' i smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, USSR, pp. 62–82.

47. Smirnova, E.M. (2013), *Ot obshhestvennogo prizrenija k obshhestvennoj medicine: zdravoochranenie Jaroslavskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* Jaroslavl', Russia.

48. Sokolov, D.A., Grebenshnikov, V.I. (1901), *Smertnost' v Rossii i bor'ba s neju. Dokl. v soedin. sobr. O-va rus. vrachej, O-va det. vrachej v S.-Peterburge i Stat. otd-nija Rus. o-va ohraneniya nar. zdravija, 22 marta 1901 g. v zale Muzeja N.I. Pirogova*. Saint-Petersburg, Russia.

49. Ul'janova, G.N. (2002), “Zdravoohranenie i medicina”, in *Rossija v nachale XX veka*. Moscow, Russia, pp. 624–652.

50. Fitzpatrik, Sh. (2008), *Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja*. Moscow, Russia.

51. Chistovich, F. (1916), “Ospoprivivanie”, in *Novyj jenciklopedicheskij slovar'*. Vol. 29. Petrograd, Russia, pp. 809–812.

52. Shhapov, Ja.N. (1994), “Blagotvoritel'nost' v dorevoljucionnoj Rossii: nacional'nyj opyt i vklad v civilizaciju”, in *Rossija v XX veke: istoriki mira sporjat*. Moscow, Russia, pp. 84–88.

53. Armstrong G.L., Conn L.A., Pinner R.W. (1999), “Trends in infectious disease mortality in the United States during the 20th century”, in *The journal of the American medical association (JAMA)*, vol. 281, no 1, pp. 61–66.

54. Waksman S.A. (1999), “Achievements in public health, 1900–1999: control of infectious diseases”, in *Morbidity and mortality weekly report*, vol. 48, no 29, pp. 621–629.

Информация об авторе

Владимир Н. Круглов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН, Москва, Россия 143405, Московская
обл., г. Красногорск, ул. Вокзальная, д. 24
vladimirkruglov2007@yandex.ru

Information about the author

Vladimir N. Kruglov, Cand. of Sci. (History), senior researcher, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia 143405 Russia, Moscow
district, the city of Krasnogorsk, Vokzalnaya st, 24
vladimirkruglov2007@yandex.ru

«Закрывать частные лечебные учреждения нецелесообразно...»: Особенности государственно-рыночной модели здравоохранения в годы НЭПа⁴³¹

Татьяна М. Смирнова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия,

tmsmirnova@mail.ru.

ORCID ID 0000-0001-5440-3313

Аннотация. В статье исследуется, что представляла собой новая экономическая политика в сфере охраны здоровья населения, каким образом реформы НЭПа повлияли на работу советских медучреждений и формирующуюся советскую модель здравоохранения в целом. В центре внимания автора – проблема развития частного предпринимательства в медицине 1920-х гг. На основе анализа широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, автор анализирует причины частичного возврата в сфере здравоохранения к рыночным принципам и частной медицине, масштабы её развития, соотношение бесплатной и платной медицинской помощи, особенности государственного контроля работы частных клиник и вольнопрактикующих врачей и т. п. Автор показывает внутренние противоречия государственно-рыночной модели здравоохранения, основанной на попытке соединить жёсткую централизацию и плановые начала с развитием частного предпринимательства. Привлечение в медицину частного капитала способствовало восстановлению аптечной сети, развитию стоматологии и санаторно-курортного лечения, а также разгрузке государственных лечебных учреждений за счёт платёжеспособных слоёв населения. Однако развитие частной медицины пошло по собственному сценарию, выходя за рамки государственного контроля. К концу 1920-х гг. возможности смешанной государственно-нэповской модели здравоохранения периода 1920-х гг. были в основном исчерпаны.

Ключевые слова: аптечное дело, история здравоохранения, история советской стоматологии, Наркомздрав, новая экономическая политика (НЭП), социальная политика, платная медицинская помощь, частная медицина

«Closing of private medical institutions is not advisable...»: peculiarities of state-market model of medical care during the NEP years

Tatiana M. Smirnova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia, tmsmirnova@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-5440-3313

---

431 Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию много-томного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

Abstract. *The article examines what the New economic policy (NEP) was in the field of public health protection, how the NEP reforms influenced the functioning of Soviet medical institutions, and the emerging Soviet model of health care in general. The author focuses on the problem of development of private entrepreneurship in medicine in the 1920s. Based on analysis of a wide range of sources, including those introduced into scientific circulation for the first time, the author traces the reasons for a partial return to market principles and private medicine, the scale of its development, the ratio of free and payed medical care, the specifics of state control over the work of private clinics and freelance doctors, etc. The article demonstrates the internal contradictions and dual nature of state-market model of healthcare based on an attempt to combine centralization and planning with private entrepreneurship. Private capital in medicine contributed to rectoration of pharmacy network, development of dentistry, as well as unloading of state medical institutions at the expense of solvent segments of the population. However the development of private medicine went according to its own scenario, going beyond state control. By the end of the 1920s the possibilities of the state-market model of health care were largely exhausted.*

Key words: *pharmacy business, history of health care, history of Soviet dentistry, Narkomzdrav (Peoples Commissariat of health care) new economic policy (NEP), social policy, free and payed medical care, private medicine.*

Вопросы развития советской медпомощи в условиях новой экономической политики в равной степени относятся как к истории НЭПа, так и к истории отечественного здравоохранения. Обе темы имеют колоссальную историографию, тем не менее период НЭПа до сих пор остаётся наименее изученным в истории отечественного здравоохранения, а проблема частичного возрождения рыночных отношений в сфере медпомощи, в свою очередь, относится к числу наименее изученных в истории НЭПа.

История советского здравоохранения длительное время изучалась преимущественно не историками, а медиками – врачами-практиками (гигиенистами, инфекционистами, педиатрами и т. п.), организаторами здравоохранения и медицинскими демографами, которые акцентировали внимание на специфических вопросах развития медицины (науки и практики), рассматриваемых без учёта исторической конъюнктуры и социальной составляющей⁴³². Опиравшаяся преимущественно на институциональный подход и соответствующую источниковую базу, советская историография истории здравоохранения характеризуется акцентом на декларируемых принципах государственной системы здравоохранения, реконструкции её нормативно-правовой базы, а не реальной практики медицинской помощи. Ключевым в этих работах был тезис о превосходстве советского здравоохранения над зарубежным «капиталистическим» и российским дореволюционным.

---

432 Наибольшую известность получили работы первого наркома здравоохранения Н.А. Семашко; одного из организаторов советского здравоохранения М.И. Барсукова; врача-педиатра и гигиениста Э.М. Коноус; Н.А. Виноградова, с 1959 по 1962 гг. возглавлявшего министерство здравоохранения РСФСР, и других известных медиков [Барсуков 1957, Виноградов 1954, Виноградов 1955, Виноградов 1957, Коноус 1954; и др.]

Каким образом введение НЭПа повлияло на развитие здравоохранения и качество медпомощи населению; какими были реальные условия труда и уровень жизни медработников; в какой мере в связи с введением НЭПа получила развитие частная медицина и как это повлияло на степень доступности медпомощи населению; в чём заключались принципиальные отличия между декларируемой властью политикой по отношению к частным медучреждениям и реальной практикой – все эти вопросы не нашли достаточного освещения в отечественной историографии.

Не затрагиваются эти проблемы и в зарубежной историографии XX века, которая также в подавляющем большинстве представлена работами медиков. Советское здравоохранение с первых же лет своего существования привлекало внимание зарубежных коллег, прежде всего активистов-реформаторов, приезжавших в СССР для знакомства с советским опытом организации системы здравоохранения и участия в научных исследованиях. Так, известный американский физиолог У.Х. Гент приехал в Россию в 1922 г. в качестве руководителя медицинского бюро АРА, увлечшись учением И.П. Павлова об условных рефлексах, он около 7 лет проработал в Государственном институте экспериментальной медицины под руководством великого физиолога. Личные впечатления и наблюдения Гента легли в основу цикла статей «Медицинский обзор Советской России» и книги «История русской медицины» [Gantt 1927, Gantt 1937]⁴³³. В центре внимания зарубежных авторов находилась проблема феномена советской медицины, вопросы охраны материнства и младенчества, а также различные аспекты работы советских врачей, рассматриваемые в большинстве своём не с исторической точки зрения, а сквозь призму личного восприятия и идеологических оценок [Davis 1983, Field 1932, Field 1957, Field 1975, Haines 1928, Newsholme and Kingsbury 1933, Sigerist 1937, Weissman 1990]. В конце 1970-х гг. на Западе начался поворот к социальной истории медицины, характеризующейся интересом не столько к системе здравоохранения, сколько к человеку (врачу и пациенту) в ней [Porter 1985].

В отечественной историографии этот методологический переворот произошёл лишь в конце XX в., когда в рамках антропологического подхода в центре исследования оказались не институты, а люди (медики и пациенты, как реальные, так и потенциальные), «отношение к здоровью» как социальное явление [Журавлёва 2006, Михель 2009, Пушкарёва, Мицюк, Белова 2019 и др.]. Благодаря обращению к этой теме историков, социологов, культурологов, философов и психологов она приобрела междисциплинарный характер. Новые подходы и расширение источниковой базы способствовали расширению исследовательской проблематики, в том числе и за счёт тем, ранее считавшихся секретными, как, напри-

---

433 Вернувшись в США, Гент перевел на английский язык труды И.П. Павлова, организовал при Университете Джона Гопкинса в Балтиморе лабораторию его имени, а в 1952 г. на базе этой лаборатории создал американское «Павловское общество».

мер, разработка биологического оружия, опыты с человекообразными приматами, проблемы биоэтики и др. [Башкуев 2018, Россиянов 2006]. В последние годы внимание исследователей привлекают такие аспекты проблемы, как история аптечного дела и фармации [Семенченко 2003, Петрище 2011, Петрище 2013, Сергеева 2014]; медицинские аспекты наркомании, получившей в годы НЭПа большое распространение [Васильев 2011, Петрище, Артёменко 2015]; международное сотрудничество в сфере здравоохранения и советские медицинские антропологические экспедиции [Башкуев 2015, Башкуев 2016, Башкуев 2018, Поддубный, Егорышева, Морозов 2017, Ратманов 2020] и др. По-новому посмотрели современные исследователи на историю родовспоможения и охраны материнства и младенчества; развитие профилактической медицины и санитарно-эпидемиологической службы, историю становления отечественной стоматологии и многие др. проблемы [Гончар 2019, Градскова 2007, Мицюк 2014, Пушкарёва 2000, Альбицкий 2018, Щепин 2006 и др.]. Одним из приоритетных направлений в последние десятилетия стало изучение советского здравоохранения в региональном ракурсе [Борлакова 2002, Василенко 2006, Георгица, Чернолихов 2014, Клементьева 2016, Ованесов, Судавцова 2007, Пилипенко 2006 и др.].

В изучении НЭПа основное внимание традиционно уделяется общим вопросам (таким как причины, альтернативы, сложности и последствия; содержание этой политики в социальной, экономической и идеологической сферах; критерии её эффективности и т. п.), а также её влиянию на развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства, финансово-кредитной и налоговой систем и т. п. Большое развитие получила также региональная история НЭПа. В последние годы активно изучается частное предпринимательство в сфере услуг и развлечений; отдельные работы посвящены влиянию НЭПа на жилищно-коммунальную сферу. В то же время такие актуальные и интересные проблемы, как развитие в этот период частной адвокатуры, возрождение рыночных отношений в сферах образования, воспитания и медицины, по-прежнему ждут своего исследователя [Бехтерева 2010, Давыдов, Скворцов, Тропов 2013, Дашкин, Егоров, Сомов 2016, Игишева, Клинова 2014, Некрасов 2005, Орлов 2014 и др.].

«Испытание на крепость»: советские медучреждения в условиях местного финансирования

Введение НЭПа внесло существенные коррективы в формирующуюся систему советского здравоохранения. Прежде всего изменились принципы и источники её финансирования. Большинство медицинских учреждений было переведено на местный бюджет, что неизбежно привело к сокращению их сети.

9 декабря 1921 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О местных денежных средствах», а на следующий день в качестве приложения к нему – «Перечень расходов, подлежащих отнесению на местные денежные средства». В соответствии с указанным перечнем, «хозяйственно-материальное обслуживание» всех местных лечебных и санитарных учреждений (больниц

и санаториев, детских лечебных учреждений, яслей и домов матери и ребёнка⁴³⁴, учреждений по санитарному просвещению и т. д.) полностью переводилось на местный бюджет. Формально речь шла о таких расходах, как наём помещений, отопление, освещение, водоснабжение, текущий ремонт, оборудование, уборка, мелкие хозяйственные и канцелярские расходы⁴³⁵. Фактически же учреждения здравоохранения перешли на местное финансирование полностью, включая оплату медперсонала и расход на медикаменты. Причём в некоторых регионах это произошло ещё до принятия указанного декрета. В результате основными источниками финансирования городских лечебных учреждений стали страховые взносы рабочих предприятий, средства общественных организаций и общественные пожертвования. На селе основная нагрузка по содержанию медицинских учреждений фактически легла на население. На государственном финансировании по-прежнему оставался местный административный аппарат, а также медучреждения, находившиеся в непосредственном ведении Наркомздрава РСФСР (курорты государственного значения, показательные, научно-исследовательские, железнодорожные, военные и тюремные медучреждения, протезные заводы и др.), и лечебно-санитарные учреждения, обслуживавшие «исключительно фабрично-заводских рабочих государственных предприятий»⁴³⁶.

Если учесть, что в то же время на местное финансирование были переведены и все учреждения Наркомпроса, соцобеспечения, юстиции и прочих ведомств, то очевидно, что на местные бюджеты свалилась непосильная ноша. Поначалу пытались сэкономить средства за счёт сокращения местного административного аппарата. В ряде регионов сокращение штатов местных отделов здравоохранения превысило 50%. Так, например, штат ярославского губздравотдела, насчитывавший более 100 человек, в 1922 г. сократили до 40 [Георгица, Чернолихов 2014, с. 256], штат Владимирского губздравотдела в ноябре 1922 г. был сокращен с 39 человек до 29⁴³⁷. Однако это не принесло существенных результатов, тем более что как раз административный аппарат формально не был переведён на местное финансирование.

Главный редактор «Еженедельника советской юстиции» А. Лисыцын назвал перестройку финансирования всех местных учреждений «испытанием на крепость»: «Новая экономическая политика перетряхнула положительно все советские органы и учреждения, выявив всё здоровое и хирургическим ножом твёрдого бюджета уничтожив всё слабое или пока ещё нежизнен-

---

434 Все учреждения для детей до 3 лет находились в ведении Наркомздрава РСФСР.

435 СУ. 1921. № 80. Приложение к ст. 693.

436 СУ. 1921. № 80. Приложение к ст. 693.

437 Отчёт Владимирского губисполкома и его отделов 15-му губернскому съезду Советов (15 декабря 1923 г.). Владимир, 1923. С. 216.

ное»⁴³⁸. К сожалению, в разряд «слабых» и «нежизненных» попала значительная часть местных медицинских учреждений. Как писала доктор Р.М. Бравая, с переходом на местное финансирование «учреждения, наспех организованные, не успевшие пустить глубокие корни вокруг себя, не устояли при первых финансовых затруднениях и вынуждены были закрыться»⁴³⁹. Учитывая, что в первые годы после революции рост сети медицинских учреждений носил в значительной степени стихийный (и даже «лихорадочный», как писали современники) характер, следует признать, что к числу «наспех организованных» относилась значительная их часть⁴⁴⁰. Местные власти торопились отрапортовать в центр о выполнении плана по открытию медучреждений и «закрывали глаза» на «мелкие недочёты». Больницы и амбулатории спешно открывали в неприспособленных или нуждающихся в капитальном ремонте помещениях без необходимого медицинского оборудования и квалифицированного персонала, планируя решить эти проблемы постепенно в рабочем порядке. Однако в условиях нового финансирования сделать это оказалось невозможно. Начался обратный процесс – сеть медучреждений сокращалась также стремительно, как ещё недавно росла. Так, например, в 1923 г. по сравнению с 1922 г. (то есть всего за один год) почти вдвое сократилась сеть учреждений охраны материнства и младенчества. Как видно из приводимой ниже таблицы, сокращение затронуло все без исключения виды учреждений охраны материнства и младенчества⁴⁴¹.

Учреждения охраны материнства и младенчества	Численность в 1922 г. (по территории РСФСР)	Численность в 1923 г. (по территории РСФСР)
Дома матери и ребёнка	237	110
Дома ребёнка	765	491
Детские консультации	179	127
Консультации для беременных	29	28
Ясли (фабричные и районные)	914	447
ИТОГО	2124	1203

438 Лисицын А. К переводу народных судов на местные средства // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 14.

439 См., например: Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР: Исторический очерк. М., 1929. С. 207; Первое десятилетие социалистического строительства: Сборник статей по вопросам советского, хозяйственного и кооперативного строительства в Курской губернии. Курск, 1927. С. 85.

440 Бравая Р.М. Указ соч. С. 208.

441 Статистические данные взяты у: Бравая Р.М. Указ соч. С. 208.

В первое время местные власти, отмечая резкое сокращение сети подведомственных им учреждений здравоохранения, в то же время выражали надежду на то, что благодаря этому процессу останутся лишь наиболее квалифицированные учреждения, что поможет в целом поднять «на должную высоту постановку дела»⁴⁴². Однако на практике снижение сети медицинских учреждений в ряде регионов (прежде всего в сёлах, небольших городах и национальных окраинах) приобрело катастрофический характер. Так, в Кубано-Черноморской области сеть больниц смог сохранить только Краснодарский отдел здравоохранения, ряд отделов области (например, Кавказский) после перевода на местное финансирование были вынуждены закрыть все медучреждения, находившиеся в их ведении. В целом по области больничная сеть подверглась такому сокращению, что число оставшихся в них койко-мест составило лишь 47% от нормы [Яхутль 2011, с. 295-296]. В Курской губернии за 1921 г. прекратили работу 20 лечебных учреждений, всего по губернии, несмотря на продолжающуюся эпидемию холеры, было свёрнуто более 2 тысяч лечебных коек⁴⁴³. В Пензенской губернии ввиду слабости местного бюджета численность медперсонала сократилась настолько, что на одного его представителя в Наровчатском уезде губернии приходилось почти 8,5 тысячи населения, в Саранском – около 7 тысяч, а в Мокшанском – примерно 4,7 тысячи. Причём основная часть медперсонала располагалась в городах, в сельской же местности, как показали проверки губернской РКИ, население «фактически осталось без помощи и вынуждено волей-неволей обращаться за помощью к знахарям»⁴⁴⁴. Впрочем, квалификация уездных и выездных фельдшеров, изредка приезжавших в деревню, была немногим выше. Как проходил приём больных такими специалистами блестяще описал М.А. Булгаков в опубликованном в январе 1925 г. фельетоне «Целитель»:

«– Батюшка, что ж с ногой-то будет?

– Ничего особенного. Следующий! Отгниёт по колено – и шабаш [...] Капли тебе выпишу. Когда нога отвалится, приходи. Я тебе удостоверение напишу. Соцстрах будет тебе за ногу платить. Тебе ещё выгоднее. А тебе что?

– Не вижу, красавец, ничего не вижу. Как вечером – дверей не найду.

– [...] Трахома у тебя, бабушка. С катарактой первой степени по статье А. [...] Капли выпишу. Когда совсем ни черта видеть не будут, приходи. Бумажку напишу. Соцстрах тебе за каждый глаз по червю будет платить. Тут не реви, старушка, в соцстрахе реветь будешь. А вам что? [...] Водяной рак щеки у вашего потомка.

---

442 См., например: Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год с приложением нового плана города Москвы. М., 1925. С. 93.

443 *Вождаева А.И., Чаплыгина Г.Б.* Предисловие к описи № 1 фонда Р-202 «Курский губернский отдел здравоохранения. 1918–1928 гг.» Государственного архива Курской области. С.7.

444 Низовой советский аппарат Пензенской губернии. (По материалам обследований Губ. КК и Губ. РКИ). Пенза, 1924. С. 12–13.

- Господи, что ж теперь будет?
– Гм... Известно что: прободение щеки, и вся физиономия набок. Помучается с месяц – и крышка. Вы тогда приходите, я вам бумажку напишу. А вам что?
– На лестницу не могу взойти. Задыхаюсь.
– У вас порок пятого клапана.
– Это что такое значит?
– Дыра в сердце [...]
– Завещание написать успею?
– Ежели бегом добежите»⁴⁴⁵.

**«Обеспечить население медицинской помощью
в достаточной степени...»:
частная медицина в годы НЭПа
(на примере Москвы и Московской губернии)**

После принятия СНК РСФСР 9 января 1922 г. декрета «Об открытии частных лечебных заведений и аптек» закрытие государственных медицинских учреждениях частично компенсировалось открытием частных, действовавших, согласно декрету, под контролем Наркомздрава и местных органов здравоохранения⁴⁴⁶.

По данным переписи населения 1926 г., частная медицина не получила широкое распространение. В частности, в Центрально-Промышленном районе в ходе переписи было учтено всего 800 частных дантистов, 276 фельдшеров и 291 врач, включая ветеринаров⁴⁴⁷. Однако, как следует из материалов местных исполкомов и здравотделов, налоговых органов и проверок РКИ, эти данные не отражают реальные масштабы развития частной медицины в годы НЭПа. Так, по далеко не полным подсчётам врача-гигиениста Г.И. Дембо, в 1920-х гг. преподававшего в 1-м Ленинградском медицинском институте, летом 1926 г. только в Москве насчитывалось 27 частных лечебных заведений (13 стационаров, 12 амбулаторий и 2 – смешанного типа) с общим числом лечебных коек 345, на которых только за первую половину 1926 г. было проведено около 24 тысяч койко-дней. В Ленинграде частных лечебных учреждений, по данным Дембо, было чуть меньше – 22, а лечебных коек в них оказалось меньше в 4 раза – 85⁴⁴⁸.

---

445 Булгаков М.А. Целитель // Собр. Соч. в пяти т. Т.2. М., 1992. С. 507–508. (Фельетон впервые опубликован 4 января 1925 г. в газете «Тудок»)

446 СУ РСФСР. 1922. № 6. Ст. 58.

447 Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. 19. С. 287–290. В данных этой переписи частные врачи фиксировались как лица свободных профессий.

448 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 6, 10.

По данным обследований МКК-МРКИ, реальная численность разнообразных частных лечебных учреждений в столице колебалась в годы НЭПа в пределах от 40 до 70: в 1922 г. – 70; в 1923 – 55; 1924 – 46; 1925 – 50; 1926 – 46; 1927 – 45; 1928 – 40⁴⁴⁹. Эти цифры в основном (с небольшими отличиями) подтверждаются адресными справочниками «Вся Москва», которые начиная с 1925 г. содержали специальную рубрику с указанием частных лечебных учреждений города. В справочнике 1925 г. указаны 44 частные лечебницы (18 лечебниц женских болезней с родильными отделениями, 5 хирургических, 10 амбулаторных, 2 лечебницы болезней уха, горла и носа, одна глазная, одна гастроэнтерологическая, одна урологическая, одна венерологическая, одна для страдающих заиканием; две лечебницы для нервно-душевно больных и один пансионат-санаторий «для дефективных детей и взрослых», а также санаторий «Останкино»)⁴⁵⁰. В справочнике 1926 г. указано 47 частных лечебных учреждений (19 лечебниц женских болезней с родильными отделениями; 4 хирургических и 15 амбулаторных; 2 лечебницы болезней уха, горла и носа; одна глазная, одна гастроэнтерологическая, одна урологическая, одна для страдающих заиканием; две лечебницы для нервно-душевно больных и один пансионат-санаторий «для дефективных детей и взрослых», а также «Бюро дежурств» для оказания медпомощи на дому)⁴⁵¹. В справочнике 1927 г. также перечислены 47 частных лечебниц, но с небольшими изменениями в их составе (17 лечебниц женских болезней с родильными отделениями; 2 хирургические и 16 амбулаторных лечебниц; 2 лечебницы болезней уха, горла и носа, 2 зубные, одна глазная, одна урологическая, одна гастроэнтерологическая и одна для лиц, страдающих заиканием; 2 лечебницы для нервно-душевно больных и один пансионат-санаторий «для дефективных детей и взрослых», а также одно «Бюро дежурств» для оказания медпомощи на дому)⁴⁵². Адресная книга 1928 г. содержит информацию о 36 частных лечебниц (14 хирургических и гинекологических, в том числе с родильными отделениями; 16 амбулаторных; 2 болезней уха, горла и носа, одна глазная, одна внутренних болезней, одна «для нервных и душевнобольных» и одна для лиц, страдающих заиканием)⁴⁵³. В изданном в том же году справочнике «Лечебные учреждения» помимо 37 частных лечебных учреждений указаны

---

449 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 31.

450 Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год с приложением нового плана города Москвы. М., 1925. С. 608.

451 Вся Москва: адресная и справочная книга на 1926 год с приложением нового плана г. Москвы. М., [1926]. С. 605.

452 Вся Москва: адресная и справочная книга на 1927 год с приложением нового плана г. Москвы. М., 1926. С. 427.

453 Вся Москва: адресная и справочная книга на 1928 год с приложением нового плана г. Москвы. М., 1928. М. С. 425, 430,

также 11 частных рентген-кабинетов и 10 химико-бактериологических лабораторий, где можно было сдать медицинские анализы и получить их расшифровку⁴⁵⁴.

Таким образом, адресные справочники «Вся Москва» свидетельствуют о существовании в столице вплоть до 1928 г. более 40 относительно крупных стабильно функционировавших частных лечебных учреждений. Судя по материалам районных здравотделов столицы, к ним можно добавить ещё несколько десятков небольших медучреждений, многие из которых существовали «от проверки до проверки». Так, например, в 1923 г. только здравотделом Краснопресненского райсовета «в порядке санитарного надзора» было проведено обследование 35 частных медучреждений (12 «лечебниц для проходящих больных» и 23 стационара)⁴⁵⁵. К сожалению, аналогичные данные по оставшимся 5 районам Москвы (Бауманскому, Хамовническому, Замоскворецкому, Сокольническому и Рогожско-Симоновскому) отсутствуют⁴⁵⁶. Но и имеющиеся данные позволяют сделать выводы о наличии в Москве в годы НЭПа достаточно разветвлённой сети частных медучреждений. Численность же разнообразных врачебных (или лечебных) кабинетов неизменно превышала тысячу. Так, на 1 января 1928 г. в Москве было зарегистрировано 310 врачебных и 930 зубоврачебных кабинетов. При этом проверяющие отмечали, что не все частные лечебные кабинеты были зарегистрированы. Что касается вольнопрактикующих врачей, то, по признанию современников, их численность практически не поддавалась учёту⁴⁵⁷. Желание заниматься частной практикой изъявили не только врачи из «бывших», с дореволюционным стажем и сложившейся ранее клиентурой, но и выпускники советских вузов и ускоренных курсов, не имевшие никакого опыта⁴⁵⁸. При этом лишь единицы официально регистрировались в качестве вольнопрактикующих врачей, большинство рассматривало частную практику как временную подработку, совмещая её с работой в каком-либо медицинском учреждении. Любопытно, что власти зачастую не только не препятствовали этому, но в каком-то смысле

---

454 Лечебные учреждения и медицинский персонал Москвы: Справочник. М., 1928. С. 40–41, 62, 120, 126, 157–161.

455 Отчёт о деятельности совета и его отделов, с января по 1 ноября 1923 г. РСФСР, Краснопресненский районный совет Р. и К. депутатов. М., 1923 С. 25.

456 Следует отметить, что в этот период отчёты Советов различных районов Москвы существенно отличались как по своей структуре, так и по содержанию и степени информативности. См.: Отчёт о работе Бауманского совета за 1923 год. М., 1923. С. 30–31; Отчёт Хамовнического районного совета рабочих и красноармейских депутатов. Январь – октябрь 1923 г. М., 1923. С. 12–13; Краткий отчёт о деятельности Замоскворецкого совета Раб. и Кр. Депутатов: октябрь 1923 – январь 1925 г. М., 1925. С. 25–37; Отчёт о работе Замоскворецкого Районного Совета. С 1-го октября 1923 г. по 1-ое сентября 1924 г. М, 1924. С. 44–62; Работа Сокольнического районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1924 год. Москва, 1925. С. 17–21.

457 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 31, 33–34, 94об.

458 Там же. Л. 33–34об.

даже способствовали. В частности, в изданном в 1925 г. Ленинградским губисполкомом справочнике «Весь Ленинград» в разделе «Указатель лиц, наиболее необходимых населению профессий» даны адреса и телефоны около 3,5 тысяч врачей общей практики и «узких» специальностей, а также более тысячи дантистов⁴⁵⁹. Любой желающий мог воспользоваться этой информацией для получения медицинской помощи в частном порядке.

В целом отношение местных властей к частной медицине было довольно лояльным. Так, руководство Моссовета по итогам проверки частной медицинской помощи в столице и столичной губернии в 1928 г. пришло к следующему выводу: «До тех пор, пока МОЗ [Московский отдел здравоохранения – Т. С.] не сможет обеспечить население медицинской помощью в достаточной степени, не устранил очереди в амбулаториях, закрывать частные лечебные учреждения нецелесообразно»⁴⁶⁰. Главным условием деятельности частных лечебных учреждений был строжайший контроль за ней местных здравотделов с точки зрения соблюдения санитарно-гигиенических норм и качества оказания медицинских услуг. Так, в 1927 г. специальными врачебными комиссиями было проведено 110 обследований частных лечебных учреждений (включая небольшие врачебные кабинеты) Москвы, в ходе которых было установлено, что для своих владельцев эти учреждения являлись в большей степени «коммерческими предприятиями», что нередко приводило к «отступлению от основных медицинских норм и элементарно-гигиенических правил»⁴⁶¹. Интересно, что нарушения в этом отношении выявляли преимущественно в новых медучреждениях, открытых с началом НЭПа⁴⁶².

В то же время и со стороны врачебных инспекций были установлены многочисленные факты «формальных придинок» на почве личной неприязни. Так, проверка МКК-МРКИ установила, что заключение сотрудника МОЗ [Скутельского] о необходимости закрыть лечебницу Усольцева для душевнобольных основано на формальных «придирах», сделанных «без учёта специфики учреждения» (как, например, «не однотипные кровати») и вызванных преимущественно личными мотивами. Острый дефицит медоборудования, койко-мест и медикаментов неизбежно приводил к тем или иным нарушениям в работе практически всех лечебных учреждений, как государственных, так и частных, что, по словам проверяющих МКК-МРКИ, приводило к произволу в работе врачебных инспекций, действующих по принципу «кого хочу – того закрою», обоснование же для закрытия при необходимости всегда найдётся⁴⁶³.

---

459 Весь Ленинград на 1925 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1925. С. 195–228.

460 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 46.

461 Там же. Л. 32.

462 Там же. Л. 42–46.

463 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Л. 31об, 102, 135об, 137об.

Постановлением СНК от 21 декабря 1922 г. и рядом специальных циркуляров Наркомздрава РСФСР врачам было запрещено совмещать государственную и частную медицинскую практику. Однако механизм контроля исполнения данного решения отсутствовал, и его нарушение не влекло за собой никаких санкций. В результате в 1927 г. 570 московских врачей официально работали одновременно и в государственных, и в частных лечебных учреждениях⁴⁶⁴. Сколько врачей государственных клиник неофициально оказывали медицинские услуги частным образом «на дому» установить невозможно.

В ряде крупных городов в качестве конкуренции частной медпомощи начали открывать государственные хозрасчётные медицинские учреждения, где за плату медицинскую помощь мог получить «всякий», включая «нетрудовой элемент»⁴⁶⁵. Однако главную задачу по-прежнему видели в развитии сети государственных бесплатных медицинских учреждений. Первые пока ещё незначительные успехи в этом направлении были отмечены в 1924 г., а с 1925 г. начался стабильный рост государственной сети учреждений здравоохранения – больниц, амбулаторий, санаториев, диспансеров, женских и детских консультаций и т. п. Рост больничной сети крупных городов вплоть до конца 1920-х годов был невысокий – 4-5 % в год. С учётом бурного роста населения этих городов относительный показатель уровня больничного обслуживания населения в наиболее крупных промышленных городах (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск) не только не вырос, но, напротив, чуть снизился [Никитский 1942, с. 15]. Темпы роста неразвитой ранее больничной сети небольших провинциальных городов были чуть выше. Однако примитивное оборудование этих больниц и недостаток квалифицированных кадров не позволяли оказывать специальные виды медицинской помощи, их реальная деятельность ограничивалась, по свидетельству современников, «общей лечебной и родильной помощью» [Никитский 1942, с. 15].

«Городской уклон» в медицине в условиях НЭПа

Перевод медучреждений на местное финансирование усилил сложившуюся ранее диспропорцию в развитии сельской и городской медпомощи. Скудных средств крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ, с 1925 г. – крестьянские общества взаимопомощи) не хватало на содержание лечебных учреждений. Местному населению нередко приходилось самостоятельно оплачивать работу врачей и фельдшеров. Так, например, в Енисейской губернии сельские управы заключали с медицинским персоналом коллективный договор, на основании которого врачу за год работы полагалось 25 пудов хлеба, медсестре – 12, а санитарке – 6. Однако выдача хлебного пайка осуществлялась нерегулярно,

---

464 ГКУ МО ЦГАМО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1556. Л. 32-33, 78.

465 Там же. Л. 31об.

при этом пшеницу часто заменяли рожью или просом. В результате к середине 1922 г. численность врачей в губернии снизилась по сравнению с 1920 г. на 22,1%, фельдшеров – на 15,96%, а медсестёр – на 55,39% [Катцина, Крылов, Пашина, Мезит 2017, с. 43–44]. В Кубано-Черноморской области с 1 ноября 1921 г. медработникам полностью прекратили денежные выплаты из местного бюджета, а продовольственный паёк получали только 55% [Яхутль 2011, с. 297]. Численность медработников на селе стремительно падала, в 1924–1925 гг. один сельский врач был вынужден обслуживать более полутора тысяч человек, в то время как по нормативу полагалось не более 500. В ряде регионов ситуация была ещё хуже. Так, например, в Бурят-Монгольской автономной ССР в конце 1923 г. на одного сельского участкового врача приходилось более 34 тысяч человек, а на одного фельдшера – 50 тысяч. К концу 1924 г. эти показатели немного улучшились, составив, соответственно, 16 700 и 37 357, но оставались критическими⁴⁶⁶.

Таким образом, на селе сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, острый дефицит бесплатной государственной медпомощи создавал благоприятную почву для роста здесь сети частных лечебных учреждений. С другой стороны, отсутствие подходящих помещений, связи и нормальных дорог, низкая платёжеспособность сельского населения – всё это делало коммерчески невыгодным открытие на селе частных медучреждений. «Частник», как известно, ориентирован на платёжеспособного клиента.

В 1924–1925 гг. был принят ряд важных государственных постановлений, направленных на развитие сельской медицины: постановление СНК РСФСР от 30 июня 1924 г. «Об обеспечении медицинской помощью сельского населения»; декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. «О воспрещении изъятия из ведения органов здравоохранения всех строений, специально приспособленных под лечебно-санитарные учреждения в городах и сельских местностях без согласия Народного Комиссариата Здравоохранения»; декрет СНК РСФСР от 2 декабря 1925 г. «Об обеспечении сельских местностей медицинской помощью и об улучшении материально-бытового положения участкового медицинского персонала» и декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 декабря 1925 г. «Об основах построения нормальной волостной (районной) организации здравоохранения»⁴⁶⁷. Эти документы способствовали увеличению финансирования сельского здравоохранения и установили основные нормативы медицинского обслуживания сельских жителей. В каждой волости (районе) должно было быть не менее одной больницы с амбулаторией, родильным и заразным отделениями, зубоврачебным кабинетом и аптекой; консультации для матерей и грудных детей, а также летние ясли и детские площадки для физически слабых детей; основные санитарные учреждения (дезинфекционные установки, оспопри-

---

466 Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская республика: Очерки и отчёты. 1923-1924. Верхнеудинск, 1925. С. 294.

467 СУ РСФСР. 1924. № 59. Ст. 583; СУ РСФСР. 1925. № 21, ст. 152; № 90. Ст. 652; № 94. Ст. 683.

вивательные пункты, передвижные выставки по санитарному просвещению и др.). В волостях, пораженных сифилисом, туберкулёзом, трахомой и другими бытовыми болезнями, больницы должны были быть оснащены специализированными венерическими и туберкулёзными отделениями или койками и т. п.⁴⁶⁸ С учётом реального состояния сельской медицины, принятые нормативы были на тот момент практически невыполнимыми.

8–15 декабря 1925 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд участковых врачей, на котором большое внимание было уделено именно сельским участкам, названным Н.А Семашко основой всего «оздоровительного движения»⁴⁶⁹. На съезде была поставлена более скромная, чем в декрете от 14 декабря, но тем не менее также нереальная для того времени задача – обеспечить каждый сельский врачебный участок двумя врачами.

Несмотря на принятые правительством решения по усилению сельской медицины, на практике в развитии здравоохранения по-прежнему сохранялся «городской уклон» – на амбулаторный приём и содержание больничной койки в городе отпускалось в 1,5 раза больше средств, чем в сельской местности; численность городских врачей росла значительно быстрее, чем деревенских (в 1926 г. в деревне работали лишь 13,2 % всех врачей РСФСР) [Сточик 1988, с. 68]. Руководитель финансового отдела Наркомздрава РСФСР М.М. Гинзбург в 1924 г. на V Всероссийском съезде здравотделов был вынужден констатировать, что на уездную медицину приходится лишь около половины общего бюджета здравоохранения, причём основная часть этой суммы поступала в уездные города. «Здравотделы при сокращении расходов на здравоохранение идут по линии наименьшего сопротивления, – подчеркнул Гинзбург, – понижая количественно и качественно медицинскую помощь крестьянину»⁴⁷⁰. По тому же пути развивалась на селе и частная медицина – вместо открытия оборудованных медучреждений, действовавших под контролем здравотделов, в сёлах стали открываться шарлатаны-целители и вольнопрактикующие врачи без опыта, квалификация которых зачастую была немногим выше.

По данным Н.А. Семашко, в январе 1926 г. более чем в 40 % волостей не было больниц, а в 21,3 % волостей не было вообще никаких врачебных пунктов [Сточик 1988, с. 68]. К этому следует добавить, что около 15 % действующих врачебных участков были не укомплектованы медперсоналом [Горфин 1961, с. 67]. Проверяющие местных РКИ вынуждены были констатировать, что в небольших уездных городах и в сёлах практически повсеместно преобладала платная медпомощь⁴⁷¹. Лишь к концу 1920-х гг. медицинская сеть на селе заметно выросла.

---

468 СУ РСФСР. 1925. № 94. Ст. 683.

469 См.: Труды Всесоюзного съезда участковых врачей. М., 1926. С. 99.

470 Бюллетень НКЗ. 1924. № 11. С. 15.

471 См., например: Низовой советский аппарат Пензенской губернии... С. 13.

Численность сельских медучреждений (по территории РСФСР)⁴⁷²

	1913 г.	1928 г.
Врачебных участковых амбулаторий	3 069	4 765
Больниц	2 016	2 717
Коек в больницах	38 600	47 435
Фельдшерских пунктов	3 183	3 209
Яслей постоянных	—	4 016
Коек в них	—	105 000
Врачей	3 154	6 636

В общую статистику медучреждений не входили зубоврачебные кабинеты, сеть которых только начинала создаваться.

**Формирование советской стоматологии
в условиях рыночных отношений**

О том, насколько остро стоял вопрос с организацией стоматологической помощи населению, можно судить по принятым в 1918 г. Коллегией Наркомздрава РСФСР нормативам: 1 зубной врач на 10 тысяч городского населения и 1 – на 38 тысяч сельского населения. Но даже и эти мизерные нормы на практике не выполнялись. К началу НЭПа один дантист обслуживал более 8,5 тысяч человек в Москве, в городах провинции – более 20 тысяч, в сельской местности – более 134 тысяч⁴⁷³. В крупных городах неразвитость государственной сети зубоврачебных учреждений отчасти компенсировалась получившей большое развитие в период НЭПа частной стоматологией. Численность частных стоматологических кабинетов в середине 1920-х гг. превышала число государственных, а зубопротезное дело почти полностью было сосредоточено в руках «частника». К 1927 г. принятые в 1918 г. нормативы обеспечения населения государственной стоматологической помощью выполнялись лишь в Ленинграде (1 зубной врач на 3,3 тысячи жителей) и в Москве (1 врач на 10 тысяч человек). В целом по стране на 1 стоматолога приходилось более 30 тысяч жителей, а в сельской местности – более 125 тысяч [Гончар и Ратманов 2014, с. 106]. В результате стоматологиче-

472 Френкель Я.А., Тапельзон С.Л., Родов Я.И. Вопросы организации медицинской помощи на селе // План. № 12 1937 г. С. 19

473 Пакали В.П. Вопросы организации труда стоматологов в работах П.Г. Дауге // П.Г. Дауге – организатор советской стоматологии. Материалы X пленума Всесоюзного научного медицинского общества стоматологов и VI выездной сессии ЦНИИС, посвящённой столетию со дня рождения П.Г. Дауге, 17–19 сентября 1969 г., Рига. Рига, 1971. С. 27.

скую помощь на селе оказывали фельдшеры, не имеющие соответствующих знаний; либо разнообразные местные бабки-знахарки, что приводило к тяжёлым осложнениям. Типичный приём фельдшером сельской больницы стоматологических пациентов описал в своём рассказе 1923 г. «Зубодёрка» В.Я. Шишков:

«Приёмный покой в сельской больнице. Пятница – зубодёрный день [...] Больных зубами много, у всех от страха сосёт под ложечкой: фельдшер не лечит зубы, а рвёт [...]

Пред фельдшером стоял весь прокоптевший слесарь:

– Зубы у меня здоровецкие, гвоздь перекушу, вот какие зубы. А в двух зубах, действительно, дырочки чуть-чуть. Нельзя ли пломбы сделать, чтобы форменно...

– Садись, садись... Пломбы. Много я смыслю в пломбах [...]

К концу приёма фельдшер был окончательно измучен; хромоногий старик Вавилыч, сторож, два раза выносил в помойку вырванные зубы. [...]

Маньке высадил зуб легко, даже прозевала крикнуть и заорала, когда зуб уже валялся на полу. Таня же стала кричать спозаранку, когда Быкообразов засучил повыше рукава и взял в руки клещи. Несчастной Ксюше по ошибке вырвал ядрёный крепкий зуб, сказав:

– Эх, чёрт... Осечку дал, темно. Ну не ори, новый вырастет»⁴⁷⁴.

Несмотря на острый дефицит специалистов и медтехники, советская стоматология изначально была нацелена на развитие профилактики. Основоположник советской системы организации стоматологической помощи населению П.Г. Дауге считал профилактическую работу «наиболее производительной и дешёвой» в зубоврачебной практике⁴⁷⁵. 10 сентября 1923 г. Наркомздрав РСФСР принял циркуляр № 210 о необходимости перенесения центра тяжести в работе с индивидуально-лечебной деятельности на организованные массово-профилактические мероприятия. В соответствии с этим решением была начата работа по созданию сети школьных профилактических зубоврачебных амбулаторий⁴⁷⁶. Из-за дороговизны стоматологического оборудования и нехватки квалифицированных кадров работа эта шла медленно и сначала затронула только центральные губернии. План зубоврачебной части лечебного отдела Наркомздрава на 1924/25 гг. предусматривал лишь завершение разработки «оснований» для построения сети школьных профилактических зубоврачебных амбулаторий

---

474 Шишков В.Я. Зубодёрка // Русская советская сатирико-юмористическая проза: рассказы и фельетоны 20–30-х годов. Л., 1989. С. 44–48 (Фельетон впервые опубликован в 1923 г. в № 7 московского сатирического журнала «Дрезина», выходявшего в качестве приложения к газете «Гудок»).

475 Пакали В.П. Указ. соч. С. 28.

476 Треймане Л.Б. П.Г. Дауге – основоположник плановой санации полости рта у детей // П.Г. Дауге – организатор советской стоматологии... С. 31.

в городе и мероприятий по организации стоматологической помощи школьникам сельской местности путём регулярных объездов деревень⁴⁷⁷. Так, например, в 1927 г. в Московской губернии за 3 месяца было совершено 46 выездов в сельскую местность с участием 20 стоматологов⁴⁷⁸.

Негосударственный сектор в аптечном деле

Введение НЭПа способствовало оживлению аптечного дела, переживавшего кризис вследствие «лекарственного голода», вызванного прекращением ввоза медицинских препаратов из-за рубежа во время Гражданской войны. С января 1922 г. на основании уже упомянутого ранее декрета СНК РСФСР от 9.01.1922 г. «Об открытии частных лечебных заведений и аптек»⁴⁷⁹ в фармации начал развиваться негосударственный сектор, представленный преимущественно арендными аптеками. Государственные аптеки в большинстве своём были переведены на хозрасчёт. Однако местные здравотделы оказались не способны содержать хозрасчётные аптеки и всё чаще передавали их в аренду частникам [Петрище 2005, Петрище 2011]. В результате в ряде регионов, особенно в сельской местности, частные аптеки были единственными источниками лекарственных средств для населения. Господство «частника» в аптечном деле длилось менее двух лет. Уже во второй половине 1923 г. началось постепенное изъятие аптек из рук арендаторов и частных владельцев, а в июне 1924 г. циркуляром Наркомздрава РСФСР № 116 «дальнейшая выдача разрешений на открытие частных аптек» была запрещена. Одновременно была прекращена практика сдачи государственных аптек в аренду частным лицам⁴⁸⁰. К концу 1925 года все частные и арендованные аптеки перешли в собственность государства. Привлечение частного капитала в аптечное дело помогло вывести его из кризиса. Если на 1 апреля 1924 г. в РСФСР было 1956 больничных и 3430 амбулаторных аптек, то к началу 1926 г. их численность увеличилась до 2249 и 3568, соответственно [Семенченко 2003, с. 491].

***

НЭП внёс серьёзные коррективы в работу формирующейся советской системы здравоохранения, с одной стороны, открыв новые возможности, с другой – став серьёзным испытанием на прочность.

К концу 1920-х гг. в основном сформировалась централизованная си-

---

477 Одонтология и стоматология. 1925. № 1. С. 87–88.

478 *Треймане Л.Б.* Указ. соч. С. 31–32.

479 СУ РСФСР. 1922. № 6. Ст. 58.

480 Декреты, Постановления, Распоряжения и Циркуляры по фармацевтической части // Вестник фармации. 1927. № 5/6. С. 101.

стема советского здравоохранения, основанная на принципах всеобщего бесплатного медицинского обслуживания населения, единстве лечебной и профилактической работы, а также единстве практики и науки. Для того времени это была передовая модель. Очевидно, что её практическая реализация была далека от теории, многие из поставленных задач (сплошная диспансеризация населения; поголовная плановая вакцинация, и многие другие, включая и базовую задачу бесплатной медицинской помощи всем социальным категориям населения) на тот момент были нереализуемы. Тем не менее, несмотря на нехватку средств, кадров, медикаментов и прочие серьёзные недостатки, эта система была эффективной и дала на протяжении очень короткого хронологического периода положительные результаты, прежде всего в сфере улучшения эпидемиологической ситуации. В значительной степени это стало возможно благодаря, с одной стороны, созданию жёсткой централизованной системы здравоохранения, а с другой – привлечению в медицину частного капитала, способствовавшего восстановлению аптечной сети, развитию стоматологии (включая практически неразвитое ранее зубопротезирование) и санаторно-курортного лечения, а также разгрузке государственных лечебных учреждений за счёт платёжеспособных слоёв населения. Однако частная медицина получила развитие прежде всего в крупных городах, сельская местность всё больше и больше отставала как по качеству медпомощи, так и по степени охвата ею населения. К тому же частник был ориентирован на получение быстрой прибыли, а развитие государственной системы здравоохранения требовало крупных вложений, нацеленных на отсроченный результат – строительство современных больничных корпусов, разработка новых медицинских препаратов и методов лечения, закупка дорогого оборудования, подготовка квалифицированных кадров, налаживание международных связей.

Таким образом, к концу 1920-х гг. возможности смешанной государственно-нэповской модели здравоохранения периода 1920-х гг. были в основном исчерпаны. Дальнейшее развитие здравоохранения предполагало отказ от рыночных отношений, ужесточение централизации и усиление плановых начал.

Литература

1. Альбицкий 2018 – Альбицкий В.Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России (1917–1930 гг.). Москва: Союз педиатров России, 2018. 207 с.
2. Барсуков 1957 – Барсуков М.И. Очерки истории здравоохранения СССР (1917 – 1956 гг.). М.: Медгиз, 1957. 394 с.
3. Башкуев 2015 – Башкуев В.Ю. Советские медицинские и антропологические экспедиции в Бурят-Монгольскую АССР (1920-е – начало 1930-х гг.): евгенический подтекст проекта социалистического нацистроительства // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 2(18). С. 54–64
4. Башкуев 2016 – Башкуев В.Ю. Экспорт советской медицины в 1920-х гг.: Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Монгольской Народной Республике // Власть. 2016. № 6. С. 192–198
5. Башкуев 2018 – Башкуев В.Ю. Современная отечественная и зарубежная историография истории медицины в контексте проблемы взаимодействия России и монгольских народов в области охраны здоровья // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2018. № 2 (30). С. 57–71.
6. Бехтерева 2010 – Бехтерева Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 1. С. 57–64.
7. Борлакова 2002 – Борлакова Ф.А. Развитие здравоохранения в Карачае и Черкессии (1860-1941 гг.): дис. ... канд. ист. н. Черкесск: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2002. 175 с.
8. Василенко 2006 – Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.): дис. ... канд. ист. н. Армавир: Армавирский государственный пед. университет, 2006. 253 с.
9. Васильев 2011 – Васильев П.А. Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Том 4. История. № 3. С. 35–42
10. Виноградов 1954 – Виноградов Н.А. Здравоохранение в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925). М.: Медгиз, 1954. 35 с.
11. Виноградов 1955 – Виноградов Н.А. Здравоохранение в годы борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926–1929). М.: Медгиз, 1955. 44 с.
12. Виноградов 1957 – Виноградов Н.А. Здравоохранение в СССР (1917–1957). М.: Медгиз, 1957. 100 с.
13. Георгица, Чернолихов 2014 – Георгица И.М., Чернолихов А.А. Создание советской системы здравоохранения в Ярославской губернии (1918–1928 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 254–259.
14. Гончар 2019 – Гончар В.В. История организации стоматологической помощи на Дальнем Востоке (конец XIX – XX вв.): дисс. ... д. мед. н. Хабаровск. 2019: Институт повышения квалификации специалистов здравоохранения Министерства здравоохранения Хабаровского края. 318 с.
15. Гончар, Ратманов 2014 – Гончар В.В., Ратманов П.Э. Реформирование советского зубопротезирования в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Дальневосточный медицинский журнал. 2014. № 4. С. 106–109.
16. Горфин 1961 – Горфин Д.В. Очерки истории развития сельского здравоохранения СССР. 1917–1959. М.: Медгиз, 1961. 236 с.

17. Градскова 2007 – Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 242–261.
18. Давыдов, Скворцов, Тропов 2013 – Давыдов А.Ю., Скворцов В.Н., Тропов И.А. Новая экономическая политика в новейшей отечественной историографии: к вопросу о структурировании проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 4. С. 27–36.
19. Дашкин, Егоров, Сомов 2016 – Дашкин Р.А., Егоров Г.В., Сомов В.А. Проблемы изучения нэпа (1921–1929 гг.) в современной отечественной историографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (111). С. 146–151.
20. Журавлёва 2006 – Журавлёва И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 237 с.
21. Игишева, Клинова 2014 – *Игишева Е.А., Клинова М.А.* Экономические представления и стратегии поведения советского населения в годы нэпа: современная отечественная историография // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45) С. 102–110.
22. Катцина, Крылов, Пашина, Мезит 2017 – Катцина Т.А., Крылов И.И., Пашина Н.В., Мезит Л.Э. Становление советского здравоохранения в российской провинции в 1920-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 25 (1). С. 41–45.
23. Клементьева 2016 – Клементьева Н.В. Здравоохранение Южного Урала (1917–1936 гг.) М.: Флинта, 2016. 211 с.
24. Конюс 1954 – Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940). М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
25. Михель 2009 – Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–313.
26. Мицюк 2014 – Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 162–177.
27. Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 99 с.
28. Никитский 1942 – Никитский В.С. Больничное дело за 25 лет советского здравоохранения // Советское здравоохранение. 1942. № 11–12. С. 13–22.
29. Ованесов, Судавцова 2007 – Ованесов Б.Т., Судавцова Н.Д. Здравоохранение Ставрополя (1918-2005 гг.). Ставрополь: ООО «Стройиздат-Грантстрой», 2007. 542 с.
30. Орлов 2014 – Орлов И.Б. Современная историография нэпа (к вопросу составления «исследовательской карты») // Харьковский историографический сборник. 2014. Вып. 13. С. 85–96.
31. Петрище 2005 – Петрище Т.Л. Официальная государственная доктрина и правовое регулирование негосударственного фармацевтического сектора в 1920-е годы // Достижения фундаментальной клинической медицины и фармации: Материалы 60-й науч. сессии сотр. ун-та. Витебск, 2005. С. 580–583.
32. Петрище 2011 – Петрище Т.Л. Исторические предпосылки формирования системы лекарственного обеспечения населения в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Вестник фармации. 2011. № 2 (52). С. 75–88.
33. Петрище 2013 – Петрище Т.Л. Израиль Ионасович Левинштейн (1883–1972) – организатор фармации, фармацевтического образования и науки в 1920-е гг. (К 130-летию со дня рождения // Вестник фармации. Витебск, 2013. № 4 (62). С. 93–98.

34. Петрище, Артёменко 2015 – Петрище Т.Л., Артёменко Н.А. Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2015. Т. 14. № 6. С. 93–103.

35. Пилипенко 2006 – Пилипенко В.А. Становление и развитие здравоохранения в Коми АССР в 1920–1930-х годах: дис. ... канд. ист. н. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2006. 209 с.

36. Поддубный, Егорышева, Морозов 2017 – Поддубный М.В., Егорышева И.В., Морозов А.В. Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов // Вестник современной клинической медицины. 2017. Т. 10. № 5. С. 74–78.

37. Пушкарёва, Мицюк 2017 – Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А. Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии (1975–2015) // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 147–163.

38. Пушкарёва, Мицюк, Белова 2019 – Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А., Белова А.В. История деторождения как предмет социально-гуманитарных исследований в России // История медицины. 2019. Т.6. № 3. С. 206–212.

39. Ратманов 2020 – Ратманов П.Э. Связи в области медицины между СССР и Веймарской республикой в 1921–1932 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 3. С. 158–168.

40. Россиянов 2006 – Россиянов К. О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. Т. 27. № 1. С. 3–51.

41. Семенченко 2003 – Семенченко В.Ф. История фармации. М.: ИКЦ "МарТ", 2003. 640 с.

42. Сергеева М.С. Развитие отечественного фармацевтического образования 1920–1930 гг.: Московский медико-фармацевтический комбинат // История медицины. 2014. № 4 (4). С. 18–28.

43. Сточик 1988 – Сточик А.М. Сельское здравоохранение в первой половине 20-х годов // Советское здравоохранение. 1988. № 9. С. 65–70.

44. Щепин 2006 – Щепин В.О. Диспансеризация населения в России. М.: [ГУ ННИИ общественного здоровья РАМН], 2006. 231 с.

45. Яхутль 2011 – Яхутль Ю.А. Развитие здравоохранения в период нэпа в Кубано-Черноморской области // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 295–297.

46. Davis 1983 – Davis C. Economic Problems of the Soviet Health Service: 1917–1930 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. № 3. P. 343–361.

47. Field 1932 – Field, A. W. Protection of Women and Children in Soviet Russia. London: Victor Gollancz, 1932. 263 p.

48. Field 1957 – Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957. 266 p.

49. Field 1975 – Field M.G. American and Soviet medical manpower: growth and evolution, 1910-1970 // International Journal of Health Services. 1975. Vol. 5. № 3. P. 455–474.

50. Gantt 1927 – Gantt W.H. A medical review of Soviet Russia // British medical journal. 1927. Vol. 1, № 3447. P. 198–200; № 3448. P. 244–246; № 3450. P. 338–340.

51. Gantt 1937 – Gantt W. H. Russian medicine. N-Y.: P.B. Hoeber, Inc. 1937. 214 p.

52. Haines 1928 – Haines A.J. Health work in Soviet Russia. New York: Vanguard press, 1928. 177 p.

53. Newsholme and Kingsbury 1933 – Newsholme A., Kingsbury J. A. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. Red Medicine. New York: Doubleday, Doran and Co., 1933. 324 p.

54. Porter 1985 – Porter R. The Patient's View Doing Medical History from Below // *Theory and Society*. 1985. V. 14. № 2. 1985. P. 175–198.
55. Sigerist 1937 – Sigerist H.E. Socialized medicine in the Soviet Union. New York: Norton, 1937. 378 p.
56. Weissman 1990 – Weissman N.B. Origin of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918-1928 // *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington, 1990. P. 97–120.

References

1. Albitsky, V.Yu. (2018), *Istoki i stanovlenie gosudarstvennoj sistemy ohrany zdorov'ya detej v Sovetskoj Rossii (1917–1930 gg.)* [*The origins and formation of the state system of child health protection in Soviet Russia (1917–1930)*], Union of Pediatricians of Russia, Moscow, Russia.
2. Barsukov, M.I. (1957), *Oчерки istorii zdavoohraneniya SSSR (1917–1956 gg.)* [*Essays on the history of healthcare of the USSR (1917–1956)*], Medgiz, Moscow, Russia.
3. Bashkuev, V.Y. (2015), “Sovetskie medicinskie i antropologicheskie ekspedicii v Buryat-Mongol'skuyu ASSR (1920-e – nachalo 1930-h gg.): evgenicheskij podtekst proekta socialisticheskogo naciestroitel'stva” [Soviet medical and anthropological expeditions to the Buryat-Mongolian ASSR (1920s – early 1930s): eugenic subtext of the Socialist nation-building project], *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya RAN*, no. 2(18), pp. 5–64.
4. Bashkuev, V.Yu. (2016), “Eksport sovetskoj mediciny v 1920-h gg.: Mediko-sanitarnye ekspedicii Narkomzdrava RSFSR v Mongol'skoj Narodnoj Respublike” [The export of Soviet medicine in the 1920s: Medical and sanitary expeditions of the People's Commissariat of Health of the RSFSR in the Mongolian People's Republic], *Vlast'*, no. 6, pp. 192–198.
5. Bashkuev, V.Yu. (2018), “Sovremennaya otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya istorii mediciny v kontekste problemy vzaimodejstviya Rossii i mongol'skih narodov v oblasti ohrany zdorov'ya” [Modern domestic and foreign historiography of the history of medicine in the context of the problem of interaction between Russia and the Mongolian peoples in the field of health protection], *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya RAN*, no. 2 (30), pp. 57–71.
6. Bekhtereva, L.N. (2010), “Problemy novoj ekonomicheskoy politiki 1920-h godov v sovremennoj otechestvennoj istoriografii” [Problems of the new economic policy of the 1920s in modern Russian historiography], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*, Issue 1, pp. 57–64.
7. Borlakova, F.A. (2002), *Razvitie zdavoohraneniya v Karachae i CHERkessii (1860–1941 gg.)* [Development of healthcare in Karachay and Cherkessia (1860–1941)], Ph.D. Thesis, Kabard.-Balkar. gos. un-t im. H. M. Berbekova, Russia.
8. Vasilenko, V.G. (2006), *Istoriya zdavoohraneniya i medicinskogo obrazovaniya na Donu i Severnom Kavkaze (XIX v. – 1940 g.)* [History of healthcare and medical education in the Don and the North Caucasus (XIX century – 1940)], Ph.D. Thesis, Armavirskij gosudarstvennyj ped. universitet, Russia.
9. Vasiliev, P.A. (2011), *Istoriografiya narkotizma v rannesovetskoj Rossii: obzor i kritika* [Historiography of drug addiction in Early Soviet Russia: review and criticism], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, Volume 4 History, no. 3, pp. 35–42.
10. Vinogradov, N. A. (1954), *Zdavoohranenie v period perekhoda na mirnyuyu rabotu po vosstanovleniyu narodnogo hozyajstva (1921–1925)* [*Healthcare during the transition to peaceful work to restore the national economy (1921–1925)*], Medgiz, Moscow, Russia.

11. Vinogradov, N. A. (1955), *Zdravoohranenie v gody bor'by za socialisticheskuyu industrializaciyu strany (1926–1929)* [Healthcare during the struggle for the socialist industrialization of the country (1926–1929)], Medgiz, Moscow, Russia.

12. Vinogradov, N. A. (1957), *Zdravoohranenie v SSSR (1917–1957)* [Healthcare in the USSR (1917–1957)], Medgiz, Moscow, Russia.

13. Georgitsa, I.M. and Chernolikhov, A.A. (2014), “Sozdanie sovetskoj sistemy zdravoohraneniya v YAroslavskoj gubernii (1918-1928 gg.)” [The creation of the Soviet healthcare system in Yaroslavl province (1918–1928)], *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, no. 1. Vol. 1: *Gumanitarnye nauki*, pp. 254–259.

14. Gonchar, V.V. (2019), *Istoriya organizacii stomatologicheskoy pomoshchi na Dal'nem Vostoke (konec XIX – XX vv.)* [History of the organization of dental care in the Far East (late XIX – XX centuries)], Ph.D. Thesis, Institut povysheniya kvalifikacii specialistov zdravoohraneniya Ministerstva zdravoohraneniya Habarovskogo kraja, Russia.

15. Gonchar, V.V. and Ratmanov, P.E. (2014), “Reformirovanie sovetskogo zubovrachevaniya v konce 1920-h – nachale 1930-h gg.” [The reformation of Soviet dentistry in the late 1920s – early 1930s.], *Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal*, no. 4, pp. 106–109.

16. Gorfin, D.V. (1961), *Ocherki istorii razvitiya sel'skogo zdravoohraneniya SSSR. 1917 – 1959* [Essays on the history of the development of rural healthcare of the USSR. 1917–1959], Medgiz, Moscow, Russia.

17. Gradskova, Y. (2007), “Kul'turnost', gigiena i gender: sovetizaciya «materinstva» v Rossii v 1920–1930-e gody” [Culture, hygiene and gender: Sovietization of “motherhood” in Russia in the 1920s – 1930s] // in Yarskaia-Smirnova, E.P. (ed.), *Sovetskaya social'naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost'*: *Sbornik statei* [Soviet Social Policy of the 1920s–1930s: Ideology and everyday life], Moscow, pp. 242–261.

18. Davydov, A.Yu., Skvortsov, V.N. and Tropov, I.A. (2013), “Novaya ekonomicheskaya politika v novejshej otechestvennoj istoriografii: k voprosu o strukturirovanii problemy” [New Economic Policy in Modern Russian Historiography: on the issue of structuring the problem], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, Vol. 4, no. 4, pp. 27–36.

19. Dashkin, R.A., Egorov, G.V. and Somov, V.A. (2016), “Problemy izucheniya nepa (1921-1929 gg.) v sovremennoj otechestvennoj istoriografii” [Problems of studying NEP (1921– 1929) in modern Russian historiography], *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 7(111), pp. 146–151.

20. Zhuravleva, I.V. (2006), *Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva* [Attitude to the health of the individual and society], Nauka, Moscow, Russia.

21. Igisheva, E.A. and Klinova, M.A. (2014), “Ekonomicheskie predstavleniya i strategii povedeniya sovetskogo naseleniya v gody nepa: sovremennaya otechestvennaya istoriografiya” [Economic concepts and strategies of behavior of the Soviet population during the NEP years: Modern Russian Historiography], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 4(45), pp. 102–110.

22. Kattsina, T.A., Krylov, I.I., Pashina, N.V. and Mezit L.E. (2017), “Stanovlenie sovetskogo zdravoohraneniya v rossijskoj provincii v 1920-e gody” [The formation of Soviet healthcare in the Russian province in the 1920s], *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny*, no. 25 (1), pp. 41–45.

23. Klementyeva, N.V. (2016), *Zdravoohranenie Yuzhnogo Urala (1917-1936 gg.)* [Healthcare of the Southern Urals (1917–1936)], Flint, Moscow, Russia.

24. Konyus, E.M. (1954), *Puti razvitiya sovetskoj ohrany materinstva i mladenchestva (1917–1940)* [Ways of development of the Soviet protection of motherhood and infancy (1917–1940)], Centr. in-t usovershenstvovaniya vrachej, Moscow, Russia..

25. Mikhel, D.V. (2009), "Social'naya istoriya mediciny: stanovlenie i problematika" [Social history of medicine: formation and problematics], *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, Vol. 7, no. 3, pp. 295–313.
26. Mitsuk, N.A. (2014), "Istoriya materinstva v Rossii na stranicah zarubezhnoj (angloyazychnoj) istoriografii" [The history of motherhood in Russia on the pages of foreign (English-language) historiography], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, Vol. 17, no. 4, pp. 162–177.
27. Nekrasov, A.A. (2005), *Anglo-amerikanskaya istoriografiya novoj ekonomicheskoy politiki v SSSR [Anglo-American historiography of the new economic policy in the USSR]*, YarGU, Yaroslavl', Russia.
28. Nikitsky, V.S. (1942), "Bol'nichnoe delo za 25 let sovetskogo zdravooхранeniya" [Hospital business for 25 years of Soviet healthcare] *Sovetskoe zdravooхранenie*, no. 11–12, pp. 13–22.
29. Ovanesov, B.T. and Sudavtsova, N.D. (2007), *Zdravooхранenie Stavropol'ya (1918–2005 gg.) [Stavropol healthcare (1918-2005)]*, ООО "Stroyizdat-Grantstroy", Stavropol', Russia.
30. Orlov, I.B. (2014), "Sovremennaya istoriografiya nepa (k voprosu sostavleniya «issledovatel'skoj karty»)» [Modern historiography of the NEP (on the issue of drawing up a "research map")], *Har'kovskij istoriograficheskij sbornik*, Issue. 13, pp. 85–96.
31. Petrishche, T.L. (2005), "Oficial'naya gosudarstvennaya doktrina i pravovoe regulirovanie negosudarstvennogo farmacevticheskogo sektora v 1920-e gody" [Official state doctrine and legal regulation of the non-state pharmaceutical sector in the 1920s], in *Dostizheniya fundamental'noj klinicheskoy mediciny i farmacii: Materialy 60-j nauch. sessii sotr. un-ta [Achievements of fundamental clinical medicine and pharmacy: Materials of the 60th Scientific sessions of the sotr. un-ta]*, Vitebsk, Belarus.
32. Petrishche, T.L. (2011), "Istoricheskie predposylki formirovaniya sistemy lekarstvennogo obespecheniya naseleniya v period novoj ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.)" [Historical prerequisites for the formation of the system of drug supply to the population during the period of the new economic policy (1921-1929)], *Vestnik farmacii*, no. 2 (52), pp. 75–88.
33. Petrishche, T.L. (2013), "Izrail' Ionasovich Levinshtejn (1883–1972) – organizator farmacii, farmacevticheskogo obrazovaniya i nauki v 1920-e gg. (K 130-letiyu so dnya rozhdeniya)" [Israel Ionasovich Levinstein (1883–1972) – organizer of pharmacy, pharmaceutical education and science in the 1920s (To the 130th anniversary of his birth)], *Vestnik farmacii*, no. 4 (62), pp. 93–98.
34. Petrishche, T.L. and Artemenko, N.A. (2015), "Narkomaniya v 1920-e gody: medicinskie, pravovye i sociokul'turnye aspekty problemy" [Drug addiction in the 1920s: medical, legal and socio-cultural aspects of the problem], *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta*, Vol. 14, no. 6, pp. 93–103.
35. Pilipenko, V.A. (2006), Stanovlenie i razvitie zdravooхранeniya v Komi ASSR v 1920-1930-h godah [Formation and development of healthcare in the Komi ASSR in the 1920s-1930s], Ph.D. Thesis, Syktyvkar State University, Russia.
36. Poddubny, M. V., Egorysheva, I. V. and Morozov, A. V. (2017), "Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Narkomata zdravooхранeniya RSFSR v period 1920-1930 godov" [International cooperation of the People's Commissariat of Health of the RSFSR in the period 1920–1930], *Vestnik sovremennoj klinicheskoy mediciny*, Vol. 10, no. 5, pp. 74–78.
37. Pushkareva, N.L. and Mitsuk, N.A. (2017), "Rodovspomozhenie i kul'tura detorozhdeniya v novejshej zarubezhnoj istoriografii (1975–2015)" [Maternity care and the culture of childbirth in the latest foreign historiography (1975-2015)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 147–163.

38. Pushkareva, N.L., Mitsuk, N.A. and Belova, A.V. (2019), “Istoriya detorozhdeniya kak predmet social'no-gumanitarnyh issledovanij v Rossii” [The history of childbearing as a subject of socio-humanitarian research in Russia], *Istoriya mediciny*, Vol. 6, no. 3, pp. 206–212.

39. Ratmanov, P.E. (2020), “Svyazi v oblasti mediciny mezhdru SSSR i Vejmarskoj respublikoj v 1921–1932 gg. v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii” [Connections in the field of medicine between the USSR and the Weimar Republic in 1921–1932 in Russian and foreign historiography], *Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal*, 2020. no. 3, pp. 158–168.

40. Rossiyanov, K.O. (2006), “Opasnye svyazi: I.I. Ivanov i opyty skreshchivaniya cheloveka s chelovekoobraznymi obez'yanami” [Dangerous connections: I.I. Ivanov and human-ape crossing experiments], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, Vol. 27. No. 1. pp. 3–51.

41. Semenchenko, V.F. (2003), *Istoriya farmacii [History of Pharmacy]*, IKC-MarT, Moscow, Russia.

42. Sergeeva, M.S. (2014), “Razvitie otechestvennogo farmacevticheskogo obrazovaniya 1920–1930 gg.: Moskovskij mediko-farmaceuticheskij kombinat” [Development of domestic pharmaceutical education 1920–1930: Moscow Medical and Pharmaceutical Combine], *Istoriya mediciny*, no. 4 (4). pp. 18–28.

43. Stochik, A.M. (1988), “Sel'skoe zdravooohranenie v pervoj polovine 20-h godov” [Rural healthcare in the first half of the 20s], *Sovetskoe zdravooohranenie*, no. 9, pp. 65–70.

44. Shchepin, V.O. (2006), *Sovetskoe zdravooohranenie [Medical examination of the population in Russia]*, GU NNII obshchestvennogo zdorov'ya RAMN, Moscow, Russia.

45. Yahutl, Yu.A. (2018), “Razvitie zdravooohraneniya v period nepa v Kubano-Chernomorskoj oblasti” [Development of healthcare during the NEP period in the Kuban-Black Sea region], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 3, pp. 295–297.

46. Davis, C. (1983), “Economic Problems of the Soviet Health Service: 1917–1930”, *Soviet Studies*, Vol. 35, no. 3, pp. 343–361.

47. Field, A. W. (1932), *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. London: Victor Gollancz.

48. Field, M.G. (1957), *Doctor and Patient in Soviet Russia*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

49. Field, M.G. (1975), “American and Soviet medical manpower: growth and evolution, 1910–1970”, *International Journal of Health Services*, Vol. 5, no. 3, pp. 455–474.

50. Gantt, W.H. (1927), “A medical review of Soviet Russia”, *British medical journal*, Vol. 1, no. 3447, pp. 198–200; no. 3448, pp. 244–246; no. 3450, pp. 338–340.

51. Gantt, W. H. (1937), *Russian medicine*, N-Y.: P.B. Hoeber, Inc..

52. Haines, A.J. (1928), *Health work in Soviet Russia*, New York: Vanguard press.

53. Newsholme, A. and Kingsbury, J. A. (1933), *Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia*. New York: Doubleday, Doran and Co.

54. Porter, R. (1985), “The Patient’s View Doing Medical History from Below”, *Theory and Society*, Vol. 14, no. 2, pp. 175–198.

55. Sigerist, H.E. (1937), *Socialized medicine in the Soviet Union*, New York: Norton.

56. Weissman, N.B. (1990), “Origin of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928”, in *Health and Society in Revolutionary Russia*, Bloomington, pp. 97–120.

Информация об авторе

Татьяна М. Смирнова, доктор исторических наук
Институт российской истории РАН, Москва, Россия 117292,
Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19;
tmsmirnova@mail.ru

Information about the author

Tatiana M. Smirnova, Doctor of Sci. (History) The Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia bld. 19, Dm. Ulianova St., Moscow,
Russia, 117292;
tmsmirnova@mail.ru

Исторические исследования и историческая политика

**«Советским участникам конгресса историков должна быть
рекомендована активная линия поведения».
Советско-румынские «войны» исторической памяти
и подготовка делегации СССР к Международному
конгрессу историков (Бухарест, 1980)⁴⁸¹**

Александр С. Стыкалин

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия,

zhurslav@gmail.com

ORCID ID 0000-0003-0834-9090

Светлой памяти Владислава Якимовича Гросула (1939 – 2022)

Аннотация. *С середины 1960-х годов по мере осложнения отношений СССР с Румынией всё сильнее проявляются разногласия в официальных подходах каждой из сторон к ключевым событиям в истории русско-румынских отношений. Это в первую очередь коснулось таких событий, как присоединение Бессарабии к Российской империи в 1812 г., переход этого края под румынскую юрисдикцию в 1918 г., включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г. Разногласия проявлялись также в оценке межвоенной румынской политики в Бессарабии, которая, по советским оценкам, основывалась на дискриминации населения этого края. С румынской стороны всё более открыто демонстрировалось неприятие советского проекта создания в СССР самостоятельной молдавской социалистической нации, отличной от румын. Именно разногласия в бессарабском вопросе (признание румынскими историками и идеологами исторических прав Румынии на Бессарабию) давали повод для подозрений в сохранении территориальных претензий Румынии к СССР, что вносило дополнительную напряжённость в советско-румынские отношения. В Москве старались долгое время избежать публичной полемики с представителями союзнической страны по вопросам, касающимся общей истории соседних государств, однако до некоторой степени скорректировали свою тактику в 1980 г., что было связано с проведением в Бухаресте Международного конгресса историков, который был использован хозяевами для донесения до мирового исторического сообщества румынского взгляда на взаимоотношение румын с соседними народами.*

Ключевые слова: *Советский Союз, Румыния, Молдова, Бессарабия, Брежнев, Чаушеску, историческая память, Международный конгресс историков*

---

481 В основе статьи лежит сообщение на круглом столе по ключевым проблемам российско-молдавских отношений, прошедшем 18 мая 2021 г. в Институте всеобщей истории РАН.

"An active line of conduct should be recommended to the Soviet participants in the Congress of Historians." Soviet-Romanian "wars" of historical memory and preparation of the USSR delegation for the international congress of historians (Bucharest, 1980)

Alexandr S. Stykalin

Institute of Slavic Studies, RAS, Moscow, Russia,

zhurslav@gmail.com

ORCID ID 0000-0003-0834-9090

Abstract. *Since the mid-1960s, as relations between the USSR and Romania became more complicated, disagreements in the official approaches of each of the parties to key events in the history of Russian-Romanian relations have become increasingly apparent. This primarily affected such events as the annexation of Bessarabia to the Russian Empire in 1812, the transfer of this region to Romanian jurisdiction in 1918, the incorporation of Bessarabia and Northern Bukovina into the USSR in the summer of 1940. Disagreements also manifested themselves in the assessment of the interwar Romanian policy in Bessarabia, which, according to Soviet estimates, was based on discrimination against the population of this region. On the Romanian side, rejection of the Soviet project of creating in the USSR an independent Moldovan socialist nation, different from the Romanians, was demonstrated more openly. The disagreements on the Bessarabian question (the recognition by Romanian historians and ideologists of Romania's historical rights to Bessarabia) gave rise to suspicions of maintaining Romania's territorial claims against the USSR, which introduced additional tension in Soviet-Romanian relations. For a long time, Moscow tried to avoid public polemics with representatives of the allied country on issues related to the common history of neighboring states. But it to some extent adjusted its tactics in 1980, which was associated with the holding of an international congress of historians in Bucharest, which was used by the hosts to report to the world historical community of the Romanian view of the relationship of Romanians with neighboring peoples.*

Keywords: *Soviet Union, Romania, Moldova, Bessarabia, Brezhnev, Ceaușescu, historical memory, international congress of historians*

Принадлежность СССР и восточноевропейских государств к единому советскому блоку в условиях биполярной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений отнюдь не означала отсутствия территориальных проблем в отношениях между ними. Тлеющие угли старых национально-территориальных споров между отдельными странами могли разгореться с новой силой в определённых условиях, в частности, в моменты усиления между ними существенных разногласий по конкретным вопросам внутри-блокового (в том числе экономического) сотрудничества. При всех попытках Москвы и её союзников по СЭВ и Организации Варшавского договора демонстрировать перед всем миром единство советского лагеря весьма напряжёнными на протяжении всей эпохи коммунизма оставались венгерско-румынские отношения, над которыми довлел тяжёлый груз прежних

исторических споров вокруг Трансильвании. Однако и Советский Союз вопреки прочно утвердившемуся мнению кремлёвской элиты об отсутствии территориальных проблем в его отношениях с соседними социалистическими государствами, в том числе с Румынией, не раз оказывался перед необходимостью обосновывать дополнительными аргументами, привлекая историков, свои исторические права на некоторые принадлежащие ему земли. Так, на протяжении четверти века советско-румынские отношения осложнял «бессарабский вопрос». Мнение румынской стороны о том, что «бессарабский вопрос» был несправедливо разрешен, звучало все более открыто.

В конце 1950-х гг. Румыния воспринималась в Москве как надёжный союзник, что находило отражение как в дипломатических донесениях из Бухареста, так и в отчётах советских делегаций, выезжавших в эту страну. Один из характерных лейтмотивов, встречающихся в отчётах: в Румынии партийное руководство находится в твёрдых руках, и здесь невозможно ничего подобного венгерским событиям осени 1956 г.⁴⁸² Однако прошло всего три года и в 1962–1963 гг. ситуация меняется. Румыния стала вызывать у советских лидеров немало «головной боли»: её руководство всё более последовательно выступало против планов экономической интеграции стран СЭВ, увидев в них попытку превратить богатую природными ресурсами страну в своего рода аграрно-сырьевой придаток более развитых социалистических государств. Румынская правящая элита особенно жёстко оппонировала проектам создания разного рода надгосударственных плановых органов, которые обладали бы полномочиями диктовать отдельным странам, какую продукцию и в каком объёме производить [Anton 2007]. Всё это приводит к конфликтам между Н.С. Хрущёвым и Г. Георгиу-Дежем – сначала летом 1962 г. в ходе недельного посещения Хрущёвым Румынии, а затем в июне 1963 г., когда во время его внеочередного приезда (в целях прояснения румынской позиции относительно перспектив экономического сотрудничества в рамках СЭВ) происходит бурная перепалка между лидерами двух стран⁴⁸³. Особый резонанс вызвал так называемый «план Валева» – речь идёт о публикации весной 1964 г. в малотиражном советском научном издании (Вестнике МГУ, географическая серия) статьи экономо-географа Э.Б. Валева, в которой прорабатывалась идея формирования Нижнедунайского экономического региона, включающего в себя некоторые территории как двух союзных республик СССР (Украинской ССР и Молдавской ССР), так и Румынии и Болгарии. В Румынии этот проект дал повод для довольно

---

482 Так, в отчёте советской писательской делегации, посетившей Румынию в августе 1959 г. в связи с юбилеем событий августа 1944 г., когда был отстранён диктатор Антонеску и страна порвала с нацистской Германией, приводится жалоба одного из румынских функционеров: наверно, ваши газеты так мало пишут о Румынии, потому что у нас всё спокойно, а если бы у нас случилось что-то подобное венгерским событиям, то на нас сразу обратили бы больше внимания. См.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 26, д. 2423.

483 Позже, в октябре 1964 г. при отстранении Хрущёва соратники по руководству КПСС припомнили ему этот эпизод как пример неумения вести нормальный уважительный диалог с руководителями социалистических стран. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т. 1 Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 865.

шумной пропагандистской кампании⁴⁸⁴. В результате газета «Известия» для того, чтобы создать более благоприятную атмосферу предстоявшей советско-румынской встречи на высоком уровне, не упоминая статьи Э. Валева, выступила с критикой некоторых абстрактно-схоластических концепций советских учёных, не учитывающих всего комплекса проблем, с которыми приходится сталкиваться при выработке планов экономической интеграции стран-членов СЭВ⁴⁸⁵.

Растущие советско-румынские разногласия не ограничивались экономикой. На апрельском пленуме ЦК Румынской рабочей партии 1964 г. принимается Декларация РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения – программный документ, в котором нашли отражение базовые принципы румынской внешней политики: суверенитет, равноправие, гарантированное невмешательство во внутренние дела. Если в контексте углублявшегося советско-китайского спора Декларация прочитывалась как попытка занять нейтральную позицию, то в более широком плане она была воспринята (в частности, западными наблюдателями) как обоснование права на неподчинение блоковой дисциплине и давлению с позиций коммунистического глобализма, на отход от общей линии советского блока в случае её противоречия национально-государственным интересам, соответственно, как одно из проявлений тенденции к усилению полицентризма в социалистическом лагере и мировом коммунистическом движении.

Уже начиная с 1963 г. Румыния, хотя и осторожно, но демонстрирует союзническую нелояльность. Так, 4 октября 1963 г. в Нью-Йорке, в дни работы очередной сессии Генассамблеи ООН, её министр иностранных дел Корнелиу Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарём США Дином Раском. Румынское правительство, говорил он, не было заранее информировано о планах размещения советских ракет на Кубе и, соответственно, не могло оказать никакого влияния на принятие этого решения. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может вместе с СССР нести ответственность за все последствия этого шага. Мэнеску от имени своего правительства призвал США в случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, рассматривать Румынию как нейтральное государство, не направляя против неё военного удара [Garthoff 1995, p. 111].

---

484 В журнале «Экономическая жизнь» («Viața economică») 12 июня 1964 г. один из ведущих румынских экономистов К. Муржеску расценил публикацию статьи как провокацию тех сил, которые стремились к нарушению суверенитета и ущемлению территориальной целостности Румынии путём создания неких надгосударственных органов, пытающихся вмешиваться во внутренние дела страны вопреки её интересам. Главный пафос его выступления заключался в том, что никак нельзя позволить иностранным учёным при разработке своих далёких от реальности прожектов «черкать своим карандашом по карте нашей родины», думая лишь о том, чтобы, не спросив нас, присоединить наши территории к какому-либо экономическому региону, после чего будут диктовать нам, как эти регионы развивать. Интерпретация Муржеску конкретных предложений Валева была некорректной и довольно демагогической. См.: [Поквилайлова 2013, с. 185–192].

485 Богомолов О. Глубже разрабатывать проблемы сотрудничества стран социализма // Известия. 1964. №16.

К 1964 г. советско-румынские разногласия приобретают и явно нежелательное для Москвы бессарабское «измерение». Так, начиная с посещения Пекина в марте 1964 г. делегацией во главе с премьер-министром Ионом Георге Маурером на встречах румынских функционеров с Мао Цзэдуном затрагивается бессарабский вопрос. Высказывания «великого кормчего» о том, что Советский Союз включил в свой состав территории, на которые он имеет меньше исторических прав, чем некоторые его соседи⁴⁸⁶, совершенно не вызвали возражений представителей румынской компартии, о чём были осведомлены в Москве⁴⁸⁷. В условиях, когда историческая наука начала обслуживать курс официального Бухареста на всё большее дистанцирование от Москвы, румынская сторона, отстаивая своё видение прошлого двусторонних отношений, иногда брала в союзники самого Карла Маркса. В конце 1964 г. была опубликована 20-тысячным тиражом под эгидой Румынской академии наук и под редакцией академика А. Оцетя антология «К. Маркс. Записки о румынах». В приведённых в ней выдержках из наследия Маркса содержалась резкая критика экспансионистской политики царской России на Балканах, что напрямую (в нарушение ранее существовавших табу) подводило читателя к мысли о несправедливости присоединения в 1812 г. Бессарабии к Российской империи, а значит, и о сохраняющихся исторических правах Румынии на эти земли. Хотя эта публикация и не привела к открытой полемике с советской стороны, поскольку совпала с предпринятыми Москвой после отставки Н.С. Хрущёва попытками (впрочем, довольно неэффективными) улучшить двусторонние отношения, она предвосхитила советско-румынские «войны исторической памяти», которые развернулись десятилетием позже, в 1970-е годы. К тому времени Румыния уже была явным диссидентом в социалистическом содружестве, не поддержав ни позицию Москвы и большинства её союзников в связи с «шестидневной войной» 1967 г. на Ближнем Востоке, ни августовскую интервенцию 1968 г. в Чехословакии.

Чем далее, тем более выстраивание отношений Советского Союза с Румынией должно было считаться с необходимостью то и дело возвращаться в связи с вопросом о Бессарабии к обоснованию позитивной роли присоединения этого края к России – это воспринималось в Москве всё более серьёзно, по сути как защита территориальной целостности СССР от несправедливых «посягательств» партийных идеологов и связанных с ними

---

486 Как известно, междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишинёве. В 1918 г. аннексирована Румынией, в июне 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими договорённостями о разделе сфер влияния (румынской стороне был предъявлен ультиматум на этот счёт 26 июня, всего через 4 дня после капитуляции Франции, выступавшей главным гарантом версальских границ Румынии). По итогам Второй мировой войны – вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР).

487 Вопрос этот нашёл отражение в записях заседаний Президиума ЦК. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т. 1 Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 859.

историков соседней социалистической страны. Задачи противодействия распространению в открытой румынской печати представлений, находившихся в слишком явном противоречии с официальными советскими трактовками спорных проблем общего прошлого в российско-румынских, украинско-румынских, советско-румынских отношениях, входили в круг обязанностей советских дипломатов, работавших в Бухаресте. Критическое изучение публикуемой в Румынии исторической литературы (научной, публицистической и даже художественной) занимало достаточно весомое место в их деятельности. В марте 1980 г. посол СССР в Румынии член ЦК КПСС В.И. Дрозденко⁴⁸⁸ предельно откровенно заявил своему собеседнику, члену политисполкома ЦК румынской компартии В. Казаку, что вопрос об освещении румынскими историками тех или иных проблем общего прошлого «имеет не столько историческое, сколько политическое значение», ведь «речь идёт не о различной трактовке некоторых исторических вопросов, а о материалах, в которых завуалированы территориальные претензии к Советскому Союзу и предпринимаются попытки поставить под сомнение правомерность государственной принадлежности части территории МССР и Украины к Советскому Союзу» [Стыкалин 2017, с. 12–30].

Румынские функционеры отвечали на эти упреки дежурными заверениями в том, что речь никак не может идти о территориальных притязаниях с румынской стороны. Ведь, в конце концов, и Румыния подписала в 1975 г. заключительный акт Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включавший в себя положение о нерушимости существующих границ, а 2 июня 1976 г. Чаушеску в одном из публичных выступлений прямо заявил об отсутствии у официального Бухареста территориальных претензий к кому бы то ни было (это заявление было очень позитивно встречено в Москве, что создало благоприятную атмосферу для состоявшейся вскоре поездки Чаушеску в СССР, в ходе которой он в первый и последний раз посетил и Советскую Молдавию). Речь идёт, как это постоянно подчёркивалось румынской стороной, только о восстановлении в научных трудах исторической правды, однако готовность румын отстаивать свою принципиальную позицию по бессарабскому вопросу говорила сама за себя: «Мы знаем, какова истина в этом вопросе!» – воскликнул Казаку в ходе беседы с советским послом. Не только широким румынским общественным мнением, но во всё большей мере и бухарестской партийной элитой Бессарабия воспринималась как неотъемлемая составная часть румынского «национального пространства» (“spațiul românesc”), утраченная в результате военных неудач и неблагоприятных для Румынии геополитических изменений.

Румынские собеседники советских дипломатов выдвигали ответные претензии. Особое недовольство выражалось в связи с характером освещения в советских публикациях проблем межвоенной истории: почему у вас

---

488 В прошлом видный партийный функционер Советской Украины, занимавший посты первого секретаря Киевского горкома, обкома КПУ, секретаря ЦК КПУ, входивший в политбюро ЦК КПУ.

всё время «говорят о какой-то румынизации» применительно к Бессарабии тех лет, а «Кого мы румынизировали – румын»? – иронически вопрошал Казаку советского посла. Румынская сторона была особенно последовательна именно в непризнании советского проекта искусственного конструирования в Молдавской ССР самостоятельной молдавской социалистической нации. Всё более критичным становилось отношение румынской историографии и к стратегии Коминтерна применительно к Румынии, особенно его резолюциям 1920-х годов, в которых называлась незаконной румынская оккупация Бессарабии в 1918 г. и содержалось положение о национальной дискриминации в 1920-е – 1930-е годы бессарабских молдаван. В исторической литературе, хотя и осторожно, но получает развитие тезис о широком присутствии в румынской компартии чуждой национальным интересам агентуры (не в последнюю очередь венгерской), нацеленной на развал Великой Румынии, который позже становится общим местом румынской исторической науки посткоммунистической эпохи.

Попытки заявить о принадлежности Бессарабии к числу румынских исторических земель, иными словами, уже всё менее завуалированное стремление идеологов и пропагандистов режима Чаушеску напомнить лишний раз об исторических правах Румынии на обладание этой провинцией вызывали в Москве тем большее раздражение, что означали, по сути, ревизию отнюдь не только утвердившегося в советской историографии отношения к событиям начала XIX в. (присоединению этого края к Российской империи в 1812 г.), но и принятых, официальных оценок роли СССР на некоторых этапах Второй мировой войны (речь идёт, в частности, о вхождении Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г.)⁴⁸⁹. Это воспринималось куда серьёзнее, уже не просто как нарушение некоей джентльменской договорённости не ворошить прошлое в двусторонних отношениях, муслируя старые обиды, а как настоящее святотатство. В свою очередь в Бухаресте полагали, что в Советском Союзе были склонны принижать заслуги Румынии в победе над нацизмом после её разрыва с Германией в августе 1944 г.

Именно разногласия в оценке роли Красной Армии и СССР во Второй мировой войне поднялись в 1970-е годы до уровня фактора, реально способствовавшего ухудшению межгосударственных отношений. В силу серьёзных расхождений как в вопросе о молдавском советском «национальном проекте», так и в оценках некоторых ключевых событий истории XX в. Советский Союз в годы брежневского правления, по сути, оказывался на грани идеологической войны с одним из своих союзников по Варшавскому договору, которая могла в любой момент (и это было крайне нежелательно для Москвы) вспыхнуть и выплеснуться на поверхность в виде

---

489 См. в этой связи подготовленную в 1972 г. для аппарата ЦК КПСС записку «О тенденциозном освещении вопросов истории второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков». См.: РГАНИ, ф.5, оп.64, д.110. По версии некоторых румынских историков, антинациональная линия Коминтерна относилась к числу факторов, подталкивавших королевскую Румынию в поисках союзников к сближению с нацистской Германией.

ожесточённой полемики, как это произошло в отношениях между КПСС и КПК в начале 1960-х годов. Такого рода проблем Советский Союз в то время не имел больше ни с одним государством, кроме Китая и Японии, а в Европе ни с одним из соседних государств. Понятно, что выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества относилось к числу очень непростых задач советской внешней политики, при этом требовавших активного применения исторической аргументации. Неудивительно постоянное обращение Л.И. Брежнева и Николае Чаушеску в ходе своих встреч к проблемам освещения в печати двух стран спорных моментов в истории их взаимоотношений, как и призывы советского лидера к румынам «раз и навсегда покончить с подобными публикациями» во избежание (к радости империалистов) публичной полемики между «братскими партиями» [Вуга 2013, р. 326–339, 352–356]. Кстати сказать, с советской стороны в ходе переговоров пытались договориться о неких «правилах игры». Так, уже упомянутый Дрозденко говорил своему собеседнику В. Казаку в марте 1980 г.: ведь мы же не пишем в советских изданиях, что в Румынии живут молдаване, имея в виду жителей г. Яссы и всей запрутской Молдовы, потому что мы не хотим причинять трудностей Румынии, создавать у румынских друзей впечатление существующих территориальных споров, которых между двумя союзными социалистическими странами в действительности нет и быть не может. Вот и вы, призвал посол румынского партфункционера, не называйте наших молдаван румынами. Показательно, что Дрозденко не стал спорить с репликой Казаку о том, что молдаване в румынской Молдове являются румынами. Постановка вопроса о молдаванах в Румынии действительно была табуирована в советской литературе. В Москве реально понимали, что, при всей общности исторических традиций, в Румынии, на территории, некогда принадлежавшей Молдавскому княжеству, отсутствует какая бы то ни было почва для молдавского сепаратизма, который мог бы послужить инструментом давления на бухарестские власти.

Состояние советско-румынских отношений неизбежно вело к пересмотру приоритетов в тематике исторических и историко-культурных исследований. В 1961 г. в Москве под академическим грифом была опубликована монография молодого, а впоследствии крупного историка В.Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств». Эта книга вполне вписывалась в общий тренд советской историографии, подчёркивавшей освободительную миссию России на Балканах. Вместе с тем процесс объединения в конце 1850-х годов Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии), поддержанный в то время и Россией, был показан в ней как естественный процесс создания национального государства в результате объединения ряда малых государственных образований и складывания на этой основе единой нации (как это происходило в те же десятилетия в Германии и Италии). Никакого противопоставления молдаван румынам, валахам, утвердившегося в более поздней исторической литературе, у Виноградова в 1961 г. не было, само Молдавское княжество рассматривалось,

по сути, как феномен румынской национальной государственности⁴⁹⁰. О положительном влиянии идей национального единения на развитие румынской культуры, появление в ней шедевров, способных стать важнейшей частью культурного наследия не только румын, но и советских молдаван, не раз писал в те же годы московский литературовед и переводчик румынской литературы Ю.А. Кожевников [Кожевников 1965]. Это вызывало возражения (по большей части со стороны партийных пропагандистов МССР, призванных отстаивать концепцию строительства молдавской социалистической нации как части советской многонациональной общности), но до середины 1960-х годов по большому счёту не меняло общей ситуации с изучением в СССР румынской истории и культуры. Лишь после того, как выяснилось, что румынская партийно-государственная элита ностальгирует по Бессарабии, темы, связанные с изучением национального единства румын, признаются неактуальными и отходят на второй план, в новых условиях надо было делать акцент не на том, что объединяло румын (валахов) и молдаван, а на молдавской специфике и в том числе на своеобразии молдавских государственных традиций. Конечно, особая ответственность в этом плане возлагалась на историческую науку Молдавской ССР. Именно историки и – шире – работники идеологического фронта этой республики оказывались на переднем крае в подспудных советско-румынских столкновениях исторической памяти, когда при отсутствии прямой полемики с обеих сторон излагались резко отличающиеся друг от друга, плохо совместимые, а подчас и абсолютно противоположные версии некоторых исторических событий и процессов (вхождение Бессарабии в состав Российской империи в 1812 г., её аннексия Румынией в 1918 г., политика королевской Румынии в отношении молдаван Бессарабии в межвоенный период, присоединение Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г., роль Румынии во Второй мировой войне).

Начиная с середины 1950-х годов, в условиях хрущёвской «оттепели» между Румынией и Советской Молдавией налаживаются довольно тесные культурные связи (включая широкую подписку в Кишинёве на румынские издания), и, несмотря на реальное усиление румынского культурного влияния на титульное молдавское население МССР [Sojocaru 2014], в индоктринации советских молдаван румынофильскими идеями поначалу не видели слишком серьёзного внешнеполитического вызова. Ситуация изменилась к 1965 г. С одной стороны, в Москве всё больше проясняются реальные настроения бухарестской элиты в отношении Бессарабии. С другой стороны, в МССР к середине 1960-х годов активизируется румынофильское движение среди национальной творческой интеллигенции под лозунгами единства

---

490 Уместно сослаться и на свидетельство известного молдавского историка И.Э. Левита: «Мы считали неправомерным обелять и прославлять реакционных молдавских бояр, не желавших объединения сугубо из боязни утратить свою политическую власть и выступавших против всяких прогрессивных реформ, и объявлять их истинными патриотами, а униюистов (многие из них являлись активными участниками революции 1848 г. в княжествах), сторонников преобразований – антипатриотами» [Левит 2014, с. 213].

молдавской и румынской культуры, это особенно проявилось на съезде писателей Советской Молдавии осенью 1965 г. В этих условиях культурные и гуманитарно-научные связи МССР с Румынией всё более ограничиваются, а советские молдавские историки получают задание всё более концентрироваться на темах, приобретающих острое политическое звучание в свете необходимости противопоставить версиям румынской историографии взгляды, обосновывающие большее историческое право СССР на обладание Бессарабией. Речь шла об изучении не только многогранного российского влияния на развитие Молдавии и её культуры на протяжении нескольких столетий, но и формирования под этим влиянием особой молдавской идентичности, отличной от румынской. При этом, как явствует из многих документов (и в частности, записок, адресованных в Москву, в ЦК КПСС из партийных органов Молдавской ССР), идеологические работники Советской Молдавии, чувствуя изначальную уязвимость своих установок перед лицом всё активнее пробуждавшегося интереса образованных молдаван к истории и культуре своих, говорящих на том же языке запрутских соплеменников, занимали, как правило, более наступательную в сравнении с центром, с Москвой (а в некоторых случаях и откровенно алармистскую) позицию [Negru 2013]. Так, в подготовленном в феврале 1980 г. в Институте языка и литературы АН Молдавии отзыве на монографию Ю.А. Кожевникова «Эпоха романтизма в румынской литературе» (М., 1979) говорилось о неприемлемости забвения того факта, что многие классики румынской литературы были и молдавскими писателями. Как отмечалось далее, московские исследователи, литераторы, издатели иногда в ложном свете трактуют вопросы молдавско-румынской культурной общности, выводя из общности языка общность национального самосознания румын и молдаван: «имеющаяся несогласованность оказывает плохую услугу культурному строительству в республике и может быть превратно истолкована недругами молдавского народа», а потому во всех научных центрах страны должен быть установлен «единый подход к этому исключительно важному вопросу не только в культурном, но и в политическом аспекте»⁴⁹¹.

Разногласия в понимании этнической сущности бессарабских молдаван (можно ли их считать румынами?) оставались камнем преткновения при попытках наладить продуктивный советско-румынский диалог на разных уровнях. Как следует из документов, при всех шероховатостях в двусторонних отношениях контакты населения приграничных районов Румынии и СССР (в частности, Советской Молдавии) на рубеже 1970-х – 1980-х годов были достаточно интенсивными, имели место регулярные поездки делегаций местных партийных функционеров, хозяйственных работников, передовиков производства, а также спортсменов, самодеятельных коллективов и т. п. Как читаем в одном из отчётов, глава делегации румынских

---

491 К реализации этого единого подхода, проецировавшего на многовековую историю представления об особости молдавского этноса, отличного от румын, были активно приобщены и украинские советские историки. См.: AOSPRM, f. 51, in 52, d.73, f.12-13.

партработников, посетившей Советскую Молдавию в конце 1980 г., «в беседе неоднократно подчёркивал, что независимо от отношений между руководителями государств (т. е. СССР и СРР) в конечном итоге народ решает свою судьбу, поэтому мы должны крепить дружбу между нашими народами»⁴⁹². В отчётах о посещении делегациями Молдавской ССР близлежащих румынских уездов (составители которых, как правило, реагировали на любые антисоветские проявления принимающей стороны и особенно на разногласия по вопросу о праве Румынии на Бессарабию) в 1980 г. доминировали отзывы о том, что советских гостей встречали дружелюбно и гостеприимно, с румынской стороны высказывались пожелания об улучшении межгосударственных отношений, расширении и углублении взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества⁴⁹³. Вместе с тем принципиальные различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, роли Румынии во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве самостоятельной молдавской нации на существование порождали взаимонепонимание. Гостям из СССР, судя по многочисленным отчётам, хранящимся в Кишинёве в фондах ЦК компартии Молдавской ССР, как правило, резало ухо само слово «Бессарабия» применительно к Советской Молдавии, в музеях гг. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты межвоенной Великой Румынии, включавшие междуречье Днестра и Прута. Вызывали возмущение трактовки перехода Бессарабии под румынскую юрисдикцию в 1918 г. как совершенного на плебисцитной основе «великого национального воссоединения» (тем большее, что они зачастую сопровождалась ссылками на цитаты из работ В.И. Ленина о праве народов на самоопределение), равно как и замалчивание освободительной роли Красной Армии в 1944 г. Не нравилось, и когда румынские собеседники ставили под вопрос существование самостоятельного молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской социалистической нации. В музее Михая Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему никак не ставился вопрос о принадлежности великого поэта к молдавскому народу (ведь этому их учили в школе). Случались и острые конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии ветеранов войны (а таких было немало и среди этнических молдаван) оправдывали, если даже очень осторожно и не в полный голос, нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. исконные румынские земли.

---

492 АОСПРМ, f.51, in.52, d.106, f.36.

493 АОСПРМ, f.51, in.52, d.106, f. 4, 14, 18.

Даже в моменты усиления напряжённости в отношениях с Румынией советская сторона долгое время всячески избегала открытой полемики⁴⁹⁴. Косвенная критика позиции румынских историков содержалась в статьях с анализом западной историографии по поводу спорных проблем в истории советско-румынских отношений новейшего времени [Лебедев 1967]. Кроме того, советской историографией неизменно уделялось внимание освещению именно «светлых страниц» в истории двусторонних отношений, например, попыткам сближения СССР и Румынии в 1930-е годы и контактам министров иностранных дел двух государств М.М. Литвинова и Н. Титулеску в целях создания системы коллективной безопасности в Европе. Правда, и здесь советскими историками давались более критические оценки политики межвоенной Румынии, в целом расходившиеся с версиями их румынских коллег [Шевяков 1982]. Как бы то ни было, это стремление уклониться от прямой полемики с румынами подлежало пересмотру, когда в Москву поступила информация об усиленной подготовке режима Чаушеску к очередному, XV Международному конгрессу исторических наук, который должен был пройти в Бухаресте в августе 1980 г. Ведь вполне ожидаемым было использование румынской стороной трибуны форума для донесения неприемлемых для советской науки исторических концепций и представлений до более широкого круга западных гуманитариев. Эта новая, наступательная тактика нашла отражение в рекомендациях советским историкам, командированным к участию в Международном конгрессе исторических наук⁴⁹⁵.

Ставя это событие в более широкий международный контекст, следует иметь в виду, что 1980 год относился к числу достаточно спокойных и бесконфликтных в развитии советско-румынских отношений. Переживаемые Румынией экономические трудности и стремление не допустить (во имя

---

494 В резолюции на вышеупомянутую записку 1972 г. «О тенденциозном освещении вопросов истории второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков» было сочтено целесообразным подготовить ряд новых публикаций по истории Коминтерна, о его роли в сплочении мирового коммунистического движения, подготовке кадров и т. д., с тем «чтобы, не вступая в открытую полемику, раскрыть существо тех вопросов, которые встречают неверное толкование у румынских историков». См.: РГАНИ, ф.5, оп.64., д.110, л. 152. См. там же отклик историков В.Н. Виноградова и А.А. Язьковой (1972) на книгу видного румынского историка К. Джуреску, в которой, по мнению советских специалистов, «целый ряд вопросов истории страны с древнейших времен до создания в 1918 г. так называемой Великой Румынии трактуется в духе румынской буржуазной историографии». Как полагали составители отклика, публиковать рецензии на эту книгу в советских исторических журналах было бы нецелесообразно, поскольку это привело бы к полемике между историками двух стран. Отклик был подготовлен в связи с поступившим в аппарат ЦК КПСС запросом из ЦК КП Украины о том, насколько целесообразно реагировать на это издание.

495 См. записку посольства СССР (январь 1980 г.), подписанную 1-м секретарём посольства М. Мунтяном (впоследствии профессором МГИМО и Дипакадемии МИД РФ), «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков – экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР. См.: АОСРМ, ф.51, in.54, d.7, f.13-19. Как отмечалось в записке, «советским участникам конгресса историков должна быть рекомендована активная линия поведения, позволяющая использовать наш потенциал для разоблачения несостоятельности румынского подхода».

сохранения общественного спокойствия⁴⁹⁶) слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили румынское правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых займов, планировалось, в частности, получить у Международного банка реконструкции и развития заём в 325 млн долларов. Это вызвало немало вопросов со стороны международных кредиторов, Международный валютный фонд запросил информацию о состоянии румынской экономики и финансов, возникли сомнения в кредитоспособности страны, в Бухаресте должны были дать отчёт о ходе выполнения обязательств по погашению ранее взятых кредитов. На нежелание предоставлять новые кредиты повлиял и большой скандал, разыгравшийся в 1978 г. (бегство на Запад генерала Секуритате И.М. Пачепы, обнаружавшего конкретные факты замышлявшихся спецслужбами Чаушеску провокаций против эмигрировавших на Запад румынских диссидентов) – он особенно сильно ударил по имиджу румынского национал-коммунизма в глазах западных политических элит, оказывавших до этого покровительство режиму Чаушеску как проводившему довольно независимую от Москвы внешнюю политику (особенно наглядно это выразилось в отказе присоединиться в августе 1968 г. к акции СССР и его союзников по вводу войск в Чехословакию).

Хотя проблему с получением новых займов в основном удалось в это время решить, зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть только усилилась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд долларов, что отражало неблагополучие экономического положения в стране. Всё большая часть бюджета должна была идти на погашение внешних займов. В сложившихся условиях совсем не было смысла спориться ни с Москвой, ни с другими партнёрами по СЭВ и ОВД. Уже отсутствие публичного осуждения Румынией (диссидентом в социалистическом содружестве) советской военной акции в Афганистане (резко контрастировавшее с её позицией августа 1968 г. в отношении Чехословакии) во многом объяснялось усилением экономической зависимости от СССР. Более того, в этот период со стороны Чаушеску проявилось некоторое повышение интереса к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ. Так что большого стремления педалировать разногласия с СССР у руководства румынской компартии в это время не было. Однако, зная чувствительность общественного мнения в самой Румынии к бессарабскому вопросу, в Бухаресте сохраняли последовательность, ни в коем случае не желая публично признать за СССР большее историческое право на Бессарабию, чем имеет на неё Румыния. Любые уступки здесь противоречили базовым идейным установкам румынского национал-коммунистического режима, в интересах сохранения своей социальной базы умело разыгрывавшего национальную карту. Абсолютно

---

496 Симптомы усилившейся общественной напряжённости были забастовка шахтёров в Долине Жиу в 1977 г., первые организованные проявления правозащитного диссидентского движения, а в ноябре 1979 г. прозвучавшая на съезде румынской компартии из уст ветерана этой партии К. Пырвулеску острая критика культа личности Чаушеску явилась первым симптомом образования трещины и в правящей элите.

неприемлемыми, с румынской точки зрения, были и попытки формирования самостоятельной молдавской советской нации, которая позиционировала бы себя продолжательницей определённых традиций румынской национальной государственности и, в частности, такого её феномена как Молдавское княжество.

Получив право на проведение в своей стране 10–17 августа 1980 г. важнейшего международного форума историков, проходящего каждые пять лет, режим Чаушеску воспринял подготовку конгресса и участие в нём румынских историков как важнейшую общегосударственную задачу – идеологическую, пропагандистскую, внешнеполитическую⁴⁹⁷. В соответствии с полученным сверху заданием румынские историки, выступая «единым фронтом» и пользуясь всеми возможностями хозяев конгресса, должны были в своих включённых в программу выступлениях в ходе дискуссий и не в последнюю очередь в печатной продукции, распространяемой на конгрессе, донести до мирового исторического сообщества определённые взгляды на историю Восточной и Юго-Восточной Европы, её отдельных регионов, на сложные взаимоотношения румын с ближайшими соседями, включая венгров и болгар.

Дело здесь отнюдь не ограничивалось изложением румынской официальной позиции по дискуссионным вопросам, связанным с переделом в разные эпохи межгосударственных границ, с историей таких полиэтничных исторических провинций как Бессарабия, Буковина, Трансильвания, Добруджа (и, соответственно, обоснованием исторических прав Румынии на некоторые земли соседних государств, в частности Бессарабию и Северную Буковину). В спорах с венгерскими историками предстояло отстаивать так называемую «теорию континуитета», т. е. представления о непрерывности проживания восточнороманского населения в Карпатско-Дунайском регионе со времён Римской империи. Должное внимание предполагалось уделить выявлению не только римских, но и дакских корней румынской государственности и культуры.

1980 год был объявлен правительством Румынии годом 2050-летия основания дакского централизованного государства, и на проведённую по этому поводу в самый канун конгресса, 8–9 августа, большую конференцию, организованную Румынской академией наук, был приглашён ряд авторитетных западных учёных, знатоков античного мира, делегатов международного конгресса историков. В условиях с каждым годом всё растущего культа личности Чаушеску в приуроченных к этому юбилею публикациях прессы отмечалась преемственность от национальных вождей и героев эпохи даков – Бурбисты и Дечебала к лидеру сегодняшней Румынии,

---

497 См. выступление Чаушеску 27 мая на совещании в связи с подготовкой конгресса [Roman 2011; см. об этом также в более широком контексте: Filipescu 2016]. По свидетельству исследователей, все тексты румынских историков, представленные конгрессу, были заранее изучены в партийно-пропагандистских инстанциях, а залы заседаний конгресса наводнены секуристами в штатском.

«гению Карпат»⁴⁹⁸. Древняя Дакия, в немалой мере располагавшаяся на территории современной Румынии, позиционировалась как третий наряду с Древними Грецией и Римом центр античной цивилизации и культуры, имевший международное значение. Возведение истоков румынского этногенеза и национальной государственности на более чем 2000-летнюю глубину (на пленарном заседании конгресса в день его открытия с большим докладом о румынском этногенезе выступил председатель национально-го комитета историков Румынии академик Ш. Пашку) создавало базу для утверждений идеологов и историков о превосходстве «культурной модели» и государственной традиции румын, восходящей к дакам и римлянам, над традициями и культурными моделями славян и венгров. Более того, в периодике появлялись утверждения о том, что именно румыны, их государственные образования становились в разные эпохи преградой, сдерживающей экспансию мадьяр и славян, способную создать угрозы для западной цивилизации⁴⁹⁹.

В записке посольства СССР в Бухаресте в связи с подготовкой конгресса историков содержались конкретные рекомендации для советских (в том числе из Украины и Молдавии) историков, членов делегации СССР на конгрессе. В посольстве считали целесообразным, чтобы все советские участники независимо от тем их докладов получили должную политинформацию о современной Румынии, её внутренней и внешней политике, особом курсе в рамках СЭВ и Организации Варшавского договора, о состоянии советско-румынских отношений. Это позволило бы им лучше подготовиться к тому, чтобы в необходимых случаях давать отпор неприемлемым концепциям румынских историков. В записке содержалось также предложение, чтобы советские историки в споре с румынами координировали свои позиции с историками Венгрии и Болгарии, «учитывая известную антивенгерскую

---

498 В советских дипломатических донесениях 1980 года постоянно приводились свидетельства культа личности Чаушеску, приобретшего огромные масштабы. Так, в провинциальных музеях все стены были расписаны цитатами из его речей, растиражированы его фотографии времён революционной юности. В многочисленных публикациях лета 1980 г., посвящённых 15-летию его избрания генеральным секретарём компартии, и на приуроченных к этой годовщине конференциях сама эта дата рассматривалась как одна из ключевых в истории страны, начало «золотого века», ведь, согласно официальной версии, именно за прошедшие годы румынская национальная государственность и культура получили на основе социализма «новое самосознание», приобрели «второе дыхание», позволившие благодаря «гению» Чаушеску как теоретика-марксиста вывести Румынию на самые передовые мировые рубежи. Воспевание заслуг Чаушеску объявлялось органической потребностью нации, со времён Буребисты и Дечебала, господарей Штефана Великого и Михая Храброго, чествовавшей своих героев и вождей – не в силу страха перед тиранами и невежества масс, как это было присуще восточным народам, а совершенно осознанно. См. в этой связи подготовленный в посольстве СССР в Бухаресте обзор румынской прессы за 1980 г. См.: AOSPRM, f. 51, in.56, d.1, f.28-39.

499 Как отмечалось в одной из юбилейных публикаций, хотя «дако-римский корпус» румынской нации и не удалось уберечь от «славянского прорыва» VI–VIII вв., обеспечив тем самым «чистоту расы», всё-таки сохранение унаследованного от Римской империи языка, на котором были выражены «самые высокие достижения человеческого гения своего времени», позволило румынам занять особое место в Восточной Европе. См.: AOSPRM, f. 51, in.56, d.1, f.28-39. Происхождение румын от древних даков подчёркивалось в обновлённых экспозициях всех исторических музеев.

и антиболгарскую направленность некоторых концепций в современной исторической науке СРР»⁵⁰⁰.

Конгресс историков прошёл, однако, без серьёзных эксцессов, способных омрачить советско-румынские отношения (можно предполагать, что и румынские историки, призванные донести свою позицию до международной общественности, были вместе с тем проинструктированы избегать явных скандалов). Вообще внимание Чаушеску и его окружения в августе 1980 г. было всё более приковано не к конгрессу, предоставившему удобный случай для утверждения румынских взглядов на историю начиная с древнейших времён, а к событиям сегодняшним, происходившим в Польше, т. е. к забастовкам в Гданьске. Слишком велик был страх, что румынские рабочие последуют польскому примеру. Основания для опасений, безусловно, были – наметившуюся в конце 1970-х годов (особенно после разрушительного землетрясения в марте 1977 г.) тенденцию к снижению жизненного уровня невооружённым глазом замечали члены делегаций, приезжавших в Румынию из СССР по межпартийному обмену. «По сравнению с 1974 и даже 1978 годом, когда руководитель нашей группы посетил Ботошанский уезд, наблюдается острая нехватка некоторых продовольственных товаров (мясо, растительное масло, сахар), длинные очереди в продовольственных магазинах», – отмечалось в записке секретаря Фалештского райкома КПСС в ЦК КП Молдавской ССР (декабрь 1980 г.)⁵⁰¹. Обращалось внимание на дефицит бензина, что вызывало удивление в стране с развитой нефтеперерабатывающей промышленностью. Однако в дни, когда в Гданьске формировался забастовочный комитет, Чаушеску позволил себе закатить грандиозный банкет для участников всемирного конгресса историков. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии⁵⁰².

Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали реальное настроение Чаушеску и его окружения. В руководстве партии отдавали себе отчёт в том, что в стране имеются (пусть пока ещё слабые) силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария и только ждут удобного случая для того, чтобы направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А значит, избрать забастовки инструментом давления на власть. Ключевая страна советской сферы влияния – Польша – переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма, включая Румынию, где публичные проявления недовольства исходили уже не только от узкого круга диссидентствующей интеллигенции,

---

500 В то же время были признаны нецелесообразными любые действия, которые способствовали бы сближению румынских историков с западными. См.: АОСПРМ, f.51, in.54, d.7, f.13-19.

501 АОСПРМ, f.51, in.54, d.106, f.35.

502 Свидетельство известного российского и молдавского историка В.Я. Гросула, участника конгресса.

но и от рабочего класса (уже упомянутая забастовка шахтёров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом её инициаторов).

После смерти в ноябре 1982 г. Л.И. Брежнева его преемник Ю.В. Андропов, и ранее занимавший более жёсткую позицию в отношении политики Чаушеску, санкционирует дозированную критику в советской печати идеологических основ [Баграмов 1983, с. 18–19] и политической практики румынского национал-коммунизма. Это сказалось и на более острой реакции в связи с освещением в Румынии (не только в публицистике и в исторических исследованиях, но и в художественной литературе) проблем истории Второй мировой войны. Особенно жёсткая публикация появилась в мае 1983 г. в «Литературной газете» в связи с вышедшим в Румынии романом под авторством одного из виднейших идеологов режима Д. Попеску. Исповеди главного героя романа, описывающего жестокости «советских азиатов», рецензент сравнил с геббельсовской пропагандой, выразив также недоумение, почему автор книги ни разу не обмолвился о том, по какому такому праву румынские солдаты оказались под Сталинградом [Буянов 1983, с. 8]⁵⁰³.

Приход к власти М.С. Горбачёва и его команды застал Румынию в состоянии углубляющегося системного кризиса. В своё время, в августе 1968 г., интервенция в Чехословакии стала для румынского лидера Н. Чаушеску хорошим поводом продемонстрировать как Западу, так и собственному обществу независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению акции ОВД он заработал немалый политический капитал как во внутривластном (укрепив режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом плане (так, в августе 1969 г. Бухарест посетил совсем недавно приступивший к своим обязанностям президент США Р. Никсон)⁵⁰⁴. Впоследствии этот капитал был всецело растрачен. Постепенное ужесточение внутренней политики Румынии, усиление до совершенно грандиозных размеров культа личности, растущая неплатёжеспособность по полученным кредитам, жёсткие преследования оппозиционно настроенной интеллигенции (вопреки подписанной в том числе и Румынией Хельсинкской декларации) – всё это нанесло в 1970-е годы сильный урон репутации Чаушеску.

---

503 Очевидно, что рецензия была опубликована под псевдонимом. Показательно также, что, согласно отчётам молдавского Интуриста, хранящимся в том же кишинёвском социально-политическом архиве, при пересечении границы у румынских туристов в 1980 г. изымался (и возвращался только при отбытии из СССР) роман «Бред» крупнейшего румынского писателя М. Преды, в котором давалась отличная от советской версия участия Румынии во Второй мировой войне и, по версии советских идеологов, содержалось скрытое оправдание «восточного похода» Антонеску. Сам 58-летний Предя, чей последний, опубликованный в 1980 г. роман, в котором содержалась критика коммунизма, изымался из библиотек и с прилавков книжных магазинов, скончался в мае 1980 г. в доме отдыха писателей в состоянии тяжёлой депрессии.

504 А тяжеловес европейской политики генерал де Голль нашёл время посетить Румынию, выразив солидарность с её руководством, подвергавшимся советскому давлению, незадолго до чехословацкой акции, и сделал это несмотря на беспокойную ситуацию в собственной стране, вызванную знаменитыми студенческими волнениями.

Взятый курс на сокращение любой ценой внешнего долга был призван возыметь пропагандистский эффект, внушить населению уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма, оптимальности избранного пути, а иностранных партнёров убедить в надёжности внешнеторговых соглашений с Румынией. Вводятся строгие меры по экономии электроэнергии, налаживается контроль за потреблением, происходит отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов, сокращение социальных программ. Пустеют полки магазинов, людям приходится туже затягивать пояса, но делать это на фоне строительной гигантомании, приобретшей поистине чудовищные формы. Сносятся целые районы исторической застройки Бухареста (сыграло на руку и землетрясение 1977 г.), а на их месте начинает возводиться множество гигантских зданий, призванных символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии, в своей идеологии открыто афиширующей преемственность государственных традиций даков и Древнего Рима. К концу 1980-х годов в стране сложилась ситуация, которую в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал в своём нашем интервью французской газете «Либерасьон» известный румынский поэт Мирча Динеску – о Румынии как уникальной стране, где даже желающий повеситься от безнадёжности существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни верёвок, ни мыла.

Режим Чаушеску пал в конце 1989 г., как прекратил своё существование в 1991 г. и Советский Союз. Однако столкновения исторической памяти в связи с вопросами, которые были спорными в эпоху коммунизма, до сих пор продолжаются и даже обострились, ведь теперь уже не идёт речи о соблюдении взаимных союзнических обязательств. Эти споры вовлекают в свою орбиту историков разных стран, включая Венгрию, Болгарию, Украину. С российской стороны они активизируются, когда в Румынии происходят новые попытки хотя бы частичного оправдания военного вторжения в СССР в июне 1941 г.

Литература

1. Баграмов 1983 – Баграмов Э. Классовый подход или эклектическая теория факторов? // Новое время. М., 1983. № 16.
2. Буянов 1983 – Буянов Пимен. С кулаками на историю. Заметки на полях романа румынского писателя Думитру Попеску // Литературная газета. 1983. 4 мая.
3. Кожевников 1962 – Кожевников Ю. Бережно относиться к классическому наследию // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 97–121.
4. Лебедев 1967 – Лебедев Н.И. Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1967. № 3. С. 146–153.
5. Левит 2014 – Левит И.Э. Воспоминания о молдавской Академии наук и её первом президенте Я.С. Гросуле. Тирасполь, 2014.
6. Покивайлова 2013 – Покивайлова Т.А. От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.
7. Стыкалин 2017 – Стыкалин А.С. Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // Славяноведение, 2017. № 1. С. 12–30.
8. Шевяков 1982 – Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и Николае Титулеск // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 46–59.
9. Anton 2007 – *Anton M. Ieșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej* [To get out of the circle. The foreign policy of the regime of Gheorghiu-Gej]. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2007.
10. Buga 2013 – *Buga V. Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989.* [On the edge of the knife. The Romanian-soviet relations. 1965–1989]. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2013.
11. Cojocaru 2014 – *Cojocaru Gh.E. “Dezghetu” lui N. Hrușciov și problema Basarabiei.* [The Khrushchev „thaw” and the problem of Bessarabia]. Târgoviște: Cetatea de scaun, 2014.
12. Filipescu 2016 – *Filipescu I-M. Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice* [Between propaganda and academic interest: The XV-th congress of the historical sciences]. *Arhivele totalitarismului.* București. 2016. № 1–2, 182–191.
13. Garthoff 1995 – *Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact.* *Cold War International History Project Bulletin.* Woodrow Wilson Washington, International Center for Scholars, Issue 5. Spring 1995
14. Negru 2013 – *Negru, E., Negru, Gh. “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965 – 1989). Studiu și documente.* [“The special course” of Romania and the discontent of Moscow. The soviet-romanian dispute and the anti-Romanian campaigns in the Moldavian Soviet Socialist Republic]. Vol. 1 (1965–1975). Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 2013.
15. Roman 2011 – *Roman Cr. Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istoriei, august 1980.* [The political directives concerning the interpretation of the Romanian history in the prospect of the XV-th international congress of the prospect] // *Arhivele totalitarismului, București.* 2011. № 1–2. P. 203–214.

References

1. Anton, M. (2007). *Ieșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej*. [To get out of the circle. The foreign policy of the regime of Gheorghiu-Gej]. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului.
2. Buga, V. (2013). *Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice. 1965–1989*. [On the edge of the knife. The Romanian-soviet relations. 1965–1989]. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului.
3. Cojocaru, Gh.E. (2014). „*Dezghetul*” lui N. Hrușciiov și problema Basarabiei. [The Khrushchev „thaw” and the problem of Bessarabia]. Târgoviște: Cetatea de scaun.
4. Filipescu, I-M. (2016). Între propagandă și interes academic: Al XV-lea Congres internațional de științe istorice [Between propaganda and academic interest: The XV-th congress of the historical sciences]. *Arhivele totalitarismului*. București. № 1–2, 182–191.
5. Garthoff R.L. (1995). When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact. *Cold War International History Project Bulletin*. Woodrow Wilson Washington, International Center for Scholars, Issue 5. Spring 1995.
6. Kozhevnikov, Y. (1962). Berezhno otnosit'sya k klassicheskomu naslediyu [The classical heritage must be treated with care]. *Voprosy literatury*, № 1. P. 97–121.
7. Lebedev, N.I. (1967). Nekotorye voprosy vneshnepoliticheskoi istorii Rumynii v osveschenii burzhuaznoi istoriografii [Some questions of the history of the Romanian foreign policy viewed by the bourgeois historiography]. *Novaya i noveishaya istoriya*. № 3. P. 146–153.
8. Levit, I.E. (2014). Vospominaniya o moldavskoi Akademii nauk i ee pervom prezidente Y.S. Grosule [The memories on the moldavian Academy of Sciences and its first president Y.S. Grosul]. Tiraspol.
9. Negru, E., Negru, Gh. (2013). „Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965 – 1989). Studiu și documente. [“The special course” of Romania and the discontent of Moscow. The soviet-romanian dispute and the anti-Romanian campaigns in the Moldavian Soviet Socialist Republic]. Vol. 1 (1965–1975). Chișinău: Academia de Științe a Moldovei, 626 p. (in Romanian).
10. Pokivailova, T. (2013). Ot Gheorghiu-Deja k Ceaușescu. Rumyno-sovetskie otnosheniya: smena veh [From Gheorghiu-Dej to Ceaușescu. The Romanian-Soviet relations: Change of milestones]. *Moskva i Vostochnaya Evropa*. Niprostyle 60-e... Ekonomika, politika, kultura. M.: Institut slavyanovedeniya RAN. P. 177–206.
11. Roman, Cr. (2011). Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internațional de istorie, august 1980. [The political directives concerning the interpretation of the Romanian history in the prospect of the XV-th international congress of the prospect]. *Arhivele totalitarismului*, № 1–2. P. 203–214.
12. Shevyakov, A.A. (1982). Soviet-Romanian relations and Nicolae Titulescu [The Soviet-Romanian relations and Nicolae Titulescu]. *Voprosy istorii*. № 5. C. 46–59.
13. Stykalin, A.S. (2017). Polemika sovetskogo posla i rumynskogo funkzionera (mart 1980 g.) ob osveschenii proshlogo dvustoronnih otnoshenii [The polemics between the Soviet ambassador and the Romanian functionary (March 1980) on the coverage of the past of the bilateral relations in press]. *Slavyanovedenie*, № 1. P. 12–30.

Информация об авторе

Александр С. Стыкалин, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Институт славяноведения РАН,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а,
zhurslav@gmail.com,

Information about the author

Alexandr S. Stykalin, Cand. of Sci. (History), Leading researcher,
Institute of Slavic Studies, RAS, Moscow, Leninskii prospect, 32a, 119334
zhurslav@gmail.com,

Теоретические, методологические и практические направления изучения истории Крыма

Григорий Н. Ланской

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

gri_lanskoi@list.ru

ORCID ID 0000-0002-4631-1512

Аннотация. В статье представлены, проанализированы и использованы научные методологические подходы, применимые к изучению различных периодов в истории Крыма. Сфера их использования исследована применительно к конкретным историческим примерам, впервые определены особенности Крыма как объекта региональных геополитических исследований. В качестве примера проанализированы проблемы влияния событий гражданской войны, имеющих латентный характер на территории Украины, на формирование научных и публицистических представлений об истории Крыма. Особенность представляемого исследования заключается в сочетании принципа историзма и метода актуализации по отношению к документальным и историографическим источникам. Предметом исследования при этом являются геополитические репрезентации, выраженные в исследовательских концепциях, характеризующих интеллектуальную историю Крыма с конца XVIII века до настоящего времени. В связи с этим одновременно с осуществлённым анализом конкретных фактов истории Крыма в статье исследуются концепции зарубежных и в особенности американских авторов, которые с начала XX века и до современного периода создавали стратегические модели расширения влияния стран Запада на территории Украины и юга России. В данной части представленное исследование базируется на сочетании теоретических подходов исторического знания, политологии и региональных исследований.

Ключевые слова: Крым, документальные источники, научное познание, методология, акторы, идеологические концепции, геополитические репрезентации, историография

Theoretical, methodological and practical branches in study of history of Crimea

Grigory. N. Lanskoj

Russian state university for the humanities, Moscow,

gri_lanskoi@list.ru

ORCID ID 0000-0002-4631-1512

Abstract. In paper are presented and practically used scientific methodological approaches which can be applied to study of different periods in history of Crimea. Sphere of their using was studied according to concrete historical examples, features of Crimea were indicated as an object of regional geopolitical studies. In quality of example in paper were analyzed problems of influence of events of civil war which have latent form in territory of Ukraine on forming of scientific and publicist viewpoints about history of

Crimea. Specific feature of presenting study includes in composition of historical principle and method of actualization to study of documentary and historiographical sources. In quality of subject for study in this context are selected geopolitical representations which exist in scientific conceptions of intellectual history of Crimea from the end of XVIII century until contemporary period. In this occasion in the same time with realized analysis of concrete facts of history of Crimea in paper are studied conceptions of foreign and especially of American authors which created from the beginning of XX century until contemporary period strategic models of enlarging influence of countries of West to territories of Ukraine and south of Russia. In this part presenting work bases on composition of theoretical approaches of historical knowledge, political science and regional studies.

Keywords: *Crimea, documentary sources, scientific study, methodology, actors, ideological conceptions, geopolitical representations, historiography*

Характерные для историографии дискуссии об особенностях развития Крыма как особой внутрирегиональной территории достаточно часто определяются влиянием целого ряда субъективных факторов. Данная ситуация объясняется тремя причинами.

Первая из них заключается в том, что Крымский полуостров представляет собой полиэтничное пространство, населенное представителями различных, имеющих свои самобытные традиции развития социальных общностей. Они рассматривают обычно населенные ими части данного территориального пространства как коренные для своего происхождения и стремятся показать с помощью различных видов создаваемых историографических и документальных источников, главным образом, свою идентичность в рамках историко-культурного дискурса. В результате этого происходит процесс формирования во многих отношениях эклектичного образа истории Крыма, который содержит в себе как консолидирующие, так и разобщающие его признаки.

Вторая причина нередко проявляющегося «историографического субъективизма» в интерпретации истории Крыма состоит в том, что данная территория традиционно, по объективным причинам своего географического положения оказывалась в сфере формирования и столкновения геополитических интересов конкурирующих государств и территориально-политических образований. Практически всегда, ещё со времен существования древнегреческого государства Крымский полуостров становился притягательным объектом для выдвигания и последующей, различной по степени успешности, реализации геополитических интересов. При этом мирные циклы освоения территории Крыма, к которым можно отнести, например, формирование античных городов-государств и социально-экономическую колонизацию между русско-турецкими войнами 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., чередовались с периодами возникновения, нарастания и затем завершения ситуации военной напряженности. Исследование данного циклического механизма развития международных отношений на Крымском полуострове позволяет сделать вывод о том, что периоды напряженности были более частыми, в том числе вследствие наличия у них продолжительной латентной стадии, на которой происходило генерирование противоречий между организованными в институциональном и ресурсном отношении акторами.

Третья причина противоречивости и неоднозначности, характерных для историографических подходов к изучению Крыма, заключается в том, что существование его территории в сфере контроля и в целом ряде случаев геополитического господства тех или иных государств, территориальных сообществ в большинстве своем становилось фактором формирования амбиций тех или иных политических деятелей. В частности, по этой причине столь острый характер имели расхождения во взглядах и интересах субъектов политики в ситуациях массовых гражданских противостояний. Так, в годы Гражданской войны (в особенности в период её кульминации, пришедшийся на 1918–1920 гг.) именно вокруг утверждения их влияния на территории Крыма столкнулись стратегии руководителей Украинской державы и далее Украинской народной республики; Вооружённых сил Юга России и представителей советского государства. Именно особая напряжённость, свойственная данному противостоянию, может с достаточным основанием рассматриваться как причина экстремальных форм вооружённой политической деятельности, выразившихся в установлении структурных элементов новой государственности. Во многом латентный характер, содержащий в то же время в себе потенциал напряжённости, имеют и относящиеся к территориальному пространству Крыма современные геополитические противоречия, у истоков которых, также как и в период Гражданской войны 1918–1920 гг., действуют выраженные и скрытые акторы. К первой – выраженной – группе акторов при этом относятся Россия и Украина, а также стремящиеся к суверенитету восточно-украинские области. В числе скрытых акторов можно выявить потенциально активных участников в лице Соединённых Штатов Америки, а также Францию и Германию, ранее участвовавших в составе «нормандской четвёрки» и с конца февраля 2022 г. действующих в фарватере интересов стран, образующих атлантическое межрегиональное объединение.

Вполне очевидной отрицательной стороной субъективизма в осмыслении, интерпретации и публичной репрезентации исторических событий является формирование историографических мифов. Они становятся особенно опасными с точки зрения появления на их основе заблуждений и даже экстремистских точек зрения в те периоды, которые имеют ключевой, стратегический характер для развития территориальных пространств, формирующихся в их рамках сообществ и институциональных политических структур. Анализируя специфику таких ситуаций, академик П.В. Волобуев, в частности, писал: «Свобода выбора возможностей, формально осуществимая в любой момент, предполагает наличие определённого объективного условия, которое можно (и вернее всего) назвать переломной ситуацией. Переломная ситуация – это такое состояние общества, когда противостояние альтернативных тенденций достигло большой широты и назрел, стал необходимым выбор такой возможности, которая, превратившись в действительность, позволяет осуществить крутой поворот (перелом) в развитии общества и радикально решить основные задачи, поставленные перед людьми историей» [Волобуев 1987, с. 29].

Поскольку в рамках социальной, экономической и политической истории Крыма с циклическим постоянством формировались и продолжают возникать синергетические по своей сущности и практическому потенциалу

ситуации, научная методология изучения данного территориального и институционального объекта должна быть, в первую очередь, ориентирована на реконструкцию и последующее изложение так называемой «чистой» истории. Основанием для ее формирования при этом является опора на привлечение конкретных источников, их систематизацию по признаку внутренней объективности (или, напротив, субъективности) и применение в процессе их анализа методов источниковедческой критики. Формирование лишённого идеологической ангажированности восприятия событий отдалённого, близкого и продолжающегося развития становится, таким образом, целью историографического творчества. Анализируя в данном контексте специфику исторической информации применительно к любым объектам познания, академик И.Д. Ковальченко, в частности, отмечал: «При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации легитимизируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу партийно-классовой сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объём объективной информации» [Ковальченко, 2003, с. 125].

Наиболее продуктивный путь к формированию объективных, соответствующих критерию научности представлений об истории Крыма заключается, несомненно, в формировании системного представления о ней при помощи выявленных и затем последовательно представленных в рамках документальных публикаций различных видов исторических источников. В частности, существенное значение в области создания такого рода представлений имел начатый в середине 2010-х гг. научно-исследовательский проект, представляющий развитие данного территориального пространства в составе российского государства. Результатом его реализации стали выполненные на высоком научном уровне и формирующие в сознании читателей комплексную картину происходивших событий издания архивных документов [Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг. Сборник документов 2019]. При этом в рамках анализа и оценки данных документальных публикаций необходимо, несомненно, учитывать тот факт, что формирование архивных фондов, в которых выявляются публикуемые источники, обычно осуществлялось по принципу происхождения, что приводило к преобладанию в их составе документов официального происхождения. В них, несомненно, образовывалась и представлялась та картина событий, которая должна была свидетельствовать об эффективности осуществлявшихся органами центральной и местной власти административных действий.

Так, в частности, применительно как к периоду присоединения Крыма к территории Российской империи в 1780–1790-е гг., так и по отношению к времени существования советского государства в рамках данной совокупности источников авторы стремились доказать мирный характер процесса интеграции изначально скептически относившихся к действиям руководителей России и далее СССР этнических общностей в новую систему социально-государственных отношений. При этом несомненным можно считать то обстоятельство, что интегрирующие механизмы далеко не всегда действовали в гармоничном, имевшем консенсуальную сущность клю-

че. Эту же тенденцию своего рода лакирования истории не только Крыма, но и других пограничных территорий можно выявить и применительно к истории утверждения на них власти партийно-идеологических и административно-политических структур советского государства. Опыт событий, относящихся в том числе к начальному периоду Великой Отечественной войны, свидетельствовал о том, что формировавшаяся в рамках официально признанной историографической традиции модель триумфального шествия советской власти, экстраполировавшаяся в фундаментальных трудах по данной проблематике на все народы СССР [Минц 1967–1973], в целом ряде случаев была далёкой от объективной действительности. Таким образом, процесс систематизации как имеющихся, так и выявляемых документальных источников по истории Крыма может дать эффективный, с точки зрения научно-познавательной деятельности, результат при условии использования применительно к ним совокупности методов, относящихся к сфере источниковедческой критики.

Основанием для практической деятельности исследователей в данном направлении при этом является выбор методологических подходов, которые могут быть применимы в универсальном качестве к изучению различных периодов в истории Крыма.

Первый из них заключается в применении принципа историзма как при экспертной оценке исторических событий, так и в сфере изучения так называемых историографических фактов, представляющих результаты анализа и интерпретации этих событий. Сущность данного принципа применительно к рассматриваемому конкретно-историческому примеру заключается в том, чтобы определить возможные сценарии развития крымского территориального пространства, а также функционирования на нём различных социальных общностей и институциональных структур применительно к существовавшим в определённый момент объективным обстоятельствам. В частности, при изучении содержания и особенностей деятельности М.С. Воронцова в должности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, продолжавшейся на протяжении более чем тридцатилетнего периода, необходимо учитывать тот факт, что на протяжении 1823 – 1854 гг. территория Южной Украины и Крыма, а также омывавшего её Чёрного моря являлась сферой потенциального, а затем открытого противостояния вначале между Россией и Турцией, к которому далее подключились страны Западной Европы, воспрепятствовавшие реализации геополитических интересов российского государства. Применение принципа историзма важно и в отношении событий более позднего времени, связанного, например, со столкновением форм «белого» и «красного» террора, ставшего, к сожалению, неотъемлемой частью событий Гражданской войны в Крыму.

Второй методологический подход связан с достоверной трактовкой и использованием принципа объективности в изучении истории Крымского полуострова. Его сущность заключается в том, чтобы при оценке конкретных фактов и явлений учитывались действительные основания, определявшие логику принятия и реализации конкретных политических решений. В частности, применение принципа объективности может стать эффективным инструментом для изучения процессов интеграции территории Крымского

полуострова вначале с территорией Украинской ССР и затем в 2014 г. с Российской Федерацией. Применительно к первому из данных интеграционных процессов историческая – объективная и одновременно субъективная – реальность заключалась в стремлении руководителей советского государства проводить ассимиляционные геополитические мероприятия, заключающиеся в смешении представителей различных этнических общностей на территориях союзных республик. Второй интеграционный процесс, легитимизированный в ходе референдума марта 2014 г., стал отражением действительного стремления жителей Крыма сделать свой самостоятельный выбор между пребыванием в рамках украинского или российского государства.

Третьим научным подходом, который может иметь плодотворное значение для изучения различных периодов в истории развития Крымского полуострова, является применение различных аспектов методологии комплексного регионоведения. Будучи сформированной в работах современных французских исследователей [Lacoste 2014], она предусматривает экспертное изучение конкретных территориальных пространств в качестве объекта восприятия и освоения под влиянием совокупности факторов и применительно к осуществлению связанных между собой видов производственно-экономической, административно-политической и социально-культурной деятельности. Использование данного методологического подхода позволяет, с одной стороны, выявить специфику конкретных территорий с точки зрения истории и перспектив их развития и, с другой стороны, определить, каким должно быть соотношение различных видов и инструментов геополитической активности для раскрытия максимально положительного потенциала как конкретных географических пространств, так и действующих на их территории акторов.

На протяжении нескольких последних лет, прошедших в значительной мере под влиянием вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации, благодаря реализуемым исследовательским проектам и проводимым научным мероприятиям, обеспечены значительные достижения в изучении данной территории, имеющей субрегиональные признаки. Основная их часть концентрируется в области эмпирических знаний, заключающихся в выявлении содержания конкретных фактов, созидательной деятельности многих людей, как широко известных, так и пока еще мало знакомых научному сообществу и широкому кругу читателей. Таким образом, обеспечены очевидные позитивные сдвиги в крымоведении, под которым можно понимать область интеллектуальной истории, объектом которой являются события, происходившие и частично продолжающиеся на территории Крымского полуострова и по отношению к нему. Для дальнейшего, качественного по сути поддержания имеющихся творческих достижений важно расширить их теоретико-методологическую платформу, закрепленную в современной мировой историографии широко понимаемых геополитических процессов [Loyer 2018], и расширить ракурс их восприятия, понимая, таким образом, развитие Крыма не дискретно, а в более широкой пространственной среде.

Решение первой из данных задач, безусловно, требует конкретного определения того, что можно подразумевать под историографической базой крымоведения. При реализации этой практической задачи, предполагающей,

впрочем, методологический выбор каждого конкретного исследователя, целесообразно руководствоваться широким пониманием объектной сферы историографии, которое собственно и обеспечило ее оформление в качестве исторической дисциплины, занявшей на рубеже 1960 – 1970-х гг. свое место рядом с источниковедением. Одним из его приверженцев был А.М. Сахаров, который, в частности, писал: «Знание становится наукой с началом исследования материала, формирования теории познания, критики исторического материала. При этом нельзя руководствоваться формальным признаком для отнесения тех или иных трудов к научным – дело вовсе не в объеме источниковой базы и, тем более, не в профессиональной принадлежности автора к ученым-историкам. Критерий здесь иной, а именно – глубина осмысления исторического явления и процесса» [Сахаров 1974, с. 99]. Использование методологических теорий, дающих глобальное объяснение масштабным историческим процессам и имеющих под собой трансдисциплинарную основу в рамках социальных, гуманитарных и даже естественных наук, позволяет более объективно понимать повторяющиеся в различных территориальных пространствах процессы и отчасти прогнозировать их.

Применительно к истории Крыма, занимающего с точки зрения экспертной и практической геополитики стратегически значимое положение на политической и экономической карте мира, научно обоснованным представляется ее восприятие в качестве сферы формирования и латентного противостояния имперских проектов. Вполне очевидно, что включение территории Крыма в состав Российской империи, закрепленное итогами русско-турецкой войны 1787- 1791 гг.; события и итоги Восточной (Крымской) войны 1853 – 1856 гг.; завершившее коренной перелом в ходе Гражданской войны присоединение Крымского полуострова к РСФСР в конце 1920 г. и, наконец, имеющие непреходящее значение события весны 2014 г. не приводили к полному разрешению геополитических конфликтов, а нередко придавали им новое качество. Данная ситуация возникла, прежде всего, по причине стремления представителей ряда институциональных структур, стремящихся к достижению глобального финансового и, следовательно, политического доминирования, реализовать свои амбиции для достижения практических и духовных дивидендов.

Эту особенность имеющих вполне широкое распространение социальных процессов, которые стимулировали события гражданской войны на Украине в 1918 – 1920 гг. и в первой четверти XXI в. и поддерживают амбиции представителей ряда иностранных государств по отношению к Крыму, отмечал и объяснял еще в начале XX в. наряду с некоторыми другими авторами того времени В.И. Ленин. В своем очерке «Империализм, как высшая стадия капитализма» он выявлял применительно как к глобальному, так и к локальному пространству событий Первой мировой войны следующие тенденции: «Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, - с одной стороны, а с другой, обостренная борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство другими

странами – все это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее увлечение» его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его – таково знамение времени» [1975 Ленин, с. 407]. Как в период начала XX в., когда свои политэкономические исследования осуществляли Д. Гобсон, Р. Гильфердинг, В.И. Ленин, так и в настоящее время проблема диспропорции извлекаемых из геополитической среды доходов между представителями олигополий и в настоящее время в несколько меньшей степени государственных монополий и, с другой стороны, основной частью менее успешных в предпринимательской сфере людей остается актуальной. Во многом по этой причине путь к так и не реализованному достижению коммунистической формации виделся целому ряду авторов в осуществлении последовательной, перманентной по отношению к разным странам мира пролетарской революции [1990 Троицкий, с. 283–290].

Вполне очевиден и не нуждается в доказательстве тот факт, что реализовавшийся к началу специальной операции вооруженных сил Российской Федерации, а также самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик сценарий освоения значительной части территории украинского государства внешними и внутренними олигархическими структурами имел своей потенциальной целью Крымский полуостров. Опираясь на более широкий по сравнению с периодом 1910-х гг. объем ресурсов прежде всего в идеологической сфере, он предусматривал создание территориально-политического, экономического и военного анклава, ограничивающего геополитические интересы России, отнесенной американскими исследователями еще в работах 1900-х гг. к так называемому «Хартленду» в рамках геополитической оси мирового пространства [1904 Mackinder, p. 421–437]. Данное территориально-политическое образование, не имеющее по сравнению с государствами атлантического межрегионального пространства по объективным причинам широкого прямого выхода к значительным морским территориям и стремящееся, тем не менее, к сильному статусу в международных отношениях, позиционировалось во враждебном качестве по отношению к ряду европейских и североамериканских государств.

По существу этой логике конфронтационного мышления следовали сторонники трансформировавшейся в зависимости от мировых политических процессов теории неонатлантического гегемонизма. В частности, ее придерживался независимо от несколько изменявшихся фактических нюансов своей, имевшей доктринальную направленность концепции З. Бжезинский [1998 Бжезинский; 2010 Бжезинский]. В своих суждениях о конкретных политических событиях данный автор в рамках конструировавшегося им сценария сдерживания «Хартленда» придавал особое значение Украине как территориально-политическому образованию, способному в силу своего географического положения сдерживать реализацию представителями политического руководства Российской Федерации так называемого «имперского» проекта. Эта концепция, сформированная еще в период существования Крымского полуострова в составе украинского государства, естественно сохранилась и даже приобрела новый смысл в настоящее время даже несмотря на произошедшее изменение геополитической карты.

Анализ этого изменения на основании документальных источников, часть которых, находящаяся в составе так называемого «архива Врангеля», была впервые опубликована в 2021 г. [2021 Гражданская война на Украине в документах архива Врангеля (декабрь 1918 – декабрь 1919 г.), с. 14 - 89], показывает, что для современного развития гражданской войны на Украине, практически не распространяющегося на территорию Крыма по причине его состоявшегося вхождения в состав России, характерен сценарий транзита к процессам, происходившим в 1918 – 1919 гг. В тот период, последовавший за распадом Российской империи и в существенной мере инициированный победителями социалистической революции «парадом суверенитетов» бывших территориальных субъектов этого государства, стали осуществляться эксперименты по созданию независимого украинского государства.

Их организационно-институциональные последствия, выразившиеся в создании впоследствии исчезнувших с геополитической карты мира Украинской державы, Украинской народной республики, Западно-украинской народной республики, свидетельствовали об отсутствии однородного, устойчивого потенциала для национально-государственного строительства на рассматриваемой территории. Несмотря на присущую безусловно существующему украинскому этносу стремлению к самостоятельному социально-политическому развитию его интересы оказались в годы Гражданской войны 1918 – 1920 гг. не реализованными по двум причинам.

Первая из них заключалась в том, что представители даже сформированной демократическим путем в рамках Центральной рады правящей элиты оказались не способными создать достаточно эффективные, системно существующие и действующие регуляторы для управления значимыми социальными процессами в сфере как гражданской жизни, так и национальной самообороны. Следствием этого стало разочарование значительной части населения в их административном потенциале, имевшее разнообразные проявления, частично отличавшиеся дезорганизационным потенциалом (распространение анархических настроений, дезертирства, противоправных действий). Вторая причина нереализованности планов по формированию украинской национальной государственности в ее широком понимании заключалась в отсутствии практически у всех внешних и особенно в их числе пограничных акторов (руководителей советского государства; служивших в Добровольческой армии представителей белого движения; деятелей военно-политического руководства Польши) заинтересованности в суверенитете Украины. Если западно-украинские территории, относившиеся к правобережной части Днепра, были на потенциальном уровне и затем фактически стали объектом оккупации со стороны Польши, Румынии, Чехословакии и в итоге со стороны нацистской Германии, занявшей территории вышеперечисленных стран, то восточно- и южно-украинские территории представлялись в качестве политических субъектов, неподготовленных к достижению суверенитета. Периодически происходившая в течение 1918 и 1919 гг. смена их территориально-политического статуса частично и в ныне существующих геополитических границах привела к занятию данных пространств более эффективными в политическом, военном и экономическом отношении акторами. Таким образом, сама идея украинского

национально-государственного суверенитета оказалась иллюзорной как на внешнем, так и на внутреннем уровне, а в качестве бенефициаров выступили представители правящей элиты в территориях, сделавших более реалистичный выбор до начала активной фазы гражданского противостояния.

Рассмотренный пример, относящийся к внешнему контуру развития территории Крымского полуострова как в настоящее время, так и в происшедший чуть более столетия назад период, даёт основания для вывода о том, что дальнейшее развитие крымоведения имеет перспективы не только в области конкретных научно-исследовательских изысканий, но также в сфере более глобальных социально-политических исследований. Они позволят как на теоретико-методологическом уровне, так и по отношению к конкретным фактам и событиям объективно понять диалектику практически всех значимых исторических процессов и действий, выявив их объективные предпосылки; субъективную мотивацию; содержательную направленность и, что является не менее важным, потенциальные перспективы развития.

Литература

1. Бжезинский 1998 – Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические мотивы. М.: Международные отношения, 1998. 254 с
2. Бжезинский 2010 – Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 262 с.
3. Волобуев 1987 – Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. 312 с.
4. Гражданская 2021 – Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 – декабрь 1919 г.) – Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 – декабрь 1919 г.) //Исторический вестник. 2021. Т. 37. С.14–89.
5. Ковальченко 2003 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.
6. Ленин 1975 – Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк //Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 27. М.: Политиздат, 1975. С. 299 – 426.
7. Минц 1967 – 1973 – Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. М.: Наука, 1967–1973
8. Присоединение Крыма 2019 – Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг.: Сборник документов – Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг.: Сборник документов /сост., предисл., коммент. Н.Ю. Болотиной; науч. ред. Т.А. Лаптева. М.: Кучково поле Музеон, 2019. 432 с.
9. Сахаров 1974 – Сахаров А.М. О предмете историографических исследований// История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.
10. Троцкий 1990 – Л.Д. Что такое перманентная революция? Основные положения //Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 283–290.
11. Lacoste 2014 – Lacoste Y. Vive la nation: Destin d'une idée geopolitique. Paris: Fayard, 2014. 344 p.
12. Loyer 2018 – Loyer B. La geopolitique. Methodes et concepts. Paris: Armand Colin, 2018. 220 p.
13. Mackinder 1904 – Mackinder H.J. The geographical pivot of history //The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. № 4. P. 421–437.

References

1. Bzhezinskiy, Z. (1998), «*Velikaya shahmatnaya doska: Gospodstvo Ameriki i yego geostraegicheskiye motivy*», Mezhdunarodniye otnosheniya, Moskva, Russia.
2. Bzhezinskiy, Z. (2010), «*Vybor: mirovoye gospodstvo ili global'noye liderstvo*», Mezhdunarodniye otnosheniya, Moskva, Russia.
3. Volobuyev, P.V. (1987), «*Vybor putey obshestvennogo razvitiya: teoriya, istoriya, sovremennost*», Politisdat, Moskva, Russia.
4. «*Grazhdanskaya voyna na Ukraine v dokumentakh «Arkhiva Vrangelya» (dekabr 1918 – dekabr 1919 goda)*», *Istoricheskiy vestnik*, 2021, no 37, pp. 14–89.
5. Koval'chenko, I.D. (2003), «*Metody istoricheskogo issledovaniya*», Nauka, Moskva, Russia.
6. Lenin, V.I. (1975) «*Imperialism, kak vyshaya stadiya kapitalisma. Populyarniy ocherk*» in Lenin V.I., *Polnoye sobraniye sochineniy*, in 55 tt., Politisdat, Moskva, Russia, pp. 299–426.

7. Mints, I.I. (1967–1973) «*Istoriya Velikogo Oktyabrya*», in 3 tt., Nauka, Moskva, Russia.
8. «*Prisoyedineniye Kryma k Rossii. 1783–1996. Sbornik dokumentov*» (2019), sostaveniye, predisloviye, kommentarii N.Yu. Bolotinoy, nauchniy redactor T.A. Lapteva, Kuchkovo pole, Museon, Moskva, Russia.
9. Sakharov, A.M. (1974), «O predmete istoriographicheskikh issledovaniy», *Istoriya SSSR*, no. 3, pp. 90–112.
10. Trotskiy, L.D. (1990), «Chto takoye permanentnaya revolyutsiya? Osnovniye polozeniya» in Trotskiy, L.D., *K istorii russkoy revolyutsii*, Politisdat, Moskva, Russia, pp. 283–290.
11. Lacoste, Y. (2014), «*Vive la nation: Destin d'une idée geopolitique*», Fayard, Paris, France.
12. Loyer, B. (2018), «*La geopolitique. Methodes et concepts*», Armand Colin, Paris, France.
13. Mackinder, H.J (1904), «The geographical pivot of history», *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 421–437.

Информация об авторе

Григорий Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
gri_lanskoi@list.ru

Information about the author

Grigoriy N. Lanskoj, Doctor of Sci. (History), professor
Russian state university for the humanities, Moscow, Russia
bld. 6, Miousskaya sq., Moscow, Russia, 125047;
gri_lanskoi@list.ru

Организации украинских эмигрантов периода первой и второй волны эмиграции в США: история создания и основные направления деятельности

Ольга А. Пылова

Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия,
olga.pylova@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-6284-6496

Аннотация. В статье изучается процесс становления и развития украинской диаспоры в США. Автор рассматривает основные направления деятельности организаций украинских эмигрантов, их деятельность. В целом изучение источников (в том числе периодических изданий и изданий, подготовленных непосредственно эмигрантскими организациями) показало, что первые представители диаспоры ставили своей целью объединение для оказания друг другу помощи вдали от родины. Впоследствии цели трансформировались – появилась политическая и идеологическая подоплёка деятельности эмигрантских организаций. Трансформационные процессы в диаспоре были напрямую связаны с изменениями, происходившими на территории самой Украины, настроения и идеи эмигрантов часто были вызваны или зависели от ситуации на родине. Религиозный аспект, как и политический, имел значительное влияние на формирование тех или иных организаций, нередко (особенно на начальных этапах) эмигранты объединялись на основании общих религиозных воззрений, а не на политической или даже национальной основе (поскольку часто не относили себя непосредственно к украинской нации, имея более локальную идентичность). По мере развития диаспоры мелкие организации объединялись в более крупные и образовывали целые ассоциации, ставившие определённые цели и имевшие вполне конкретную программу. Нередко такие организации занимались в том числе лоббированием интересов Украины в США, предпринимали попытки влияния на американское правительство для продвижения своих идей и устремлений.

Ключевые слова: идентичность, организации эмигрантов, украинская диаспора, эмигранты, эмиграция в США.

Organizations of Ukrainian emigrants during the first and second waves of emigration to the United States: the history of creation and main activities

Olga A. Pylova

Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
olga.pylova@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-6284-6496

Abstract. The article examines the process of formation and development of the Ukrainian diaspora in the United States. The author examines the main activities of organizations of Ukrainian emigrants, their activities. In general, the study of sources (including periodicals and publications prepared directly by emigrant organizations) showed that the first

representatives of the diaspora aimed to unite to help each other far from their homeland. Subsequently, the goals were transformed – the political and ideological background of the activities of emigrant organizations appeared. The transformation processes in the diaspora were directly related to the changes taking place on the territory of Ukraine itself, the moods and ideas of emigrants were often caused or depended on the situation at home. The religious aspect, as well as the political one, had a significant influence on the formation of certain organizations, often (especially at the initial stages) emigrants united on the basis of common religious beliefs, and not on a political or even national basis (since they often did not relate themselves directly to the Ukrainian nation, having a more local identity). As the diaspora developed, small organizations merged into larger ones and formed whole associations that set specific goals and had a very specific program. Often, such organizations were engaged in lobbying the interests of Ukraine in the United States, and attempted to influence the American government to promote certain ideas and aspirations.

Keywords: *identity, emigrant organizations, Ukrainian diaspora, emigrants, emigration to the USA*

Первые объединения украинских иммигрантов в США стали появляться тогда же, когда первые украинские переселенцы приехали в эту страну. Тяжёлые условия труда и в целом новые, непривычные условия жизни требовали взаимовыручки и разного рода поддержки (в том числе финансовой). Началом первой волны украинской эмиграции в США принято считать 70-е гг. XIX в. Причины переезда в этот период имели в основном экономический характер, а переселенцами становились в основном выходцы из Западной Украины – Закарпаття и Лемковщины. В тот же период украинцы нередко эмигрировали в Канаду и некоторые страны Южной Америки. Эта волна эмиграции продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Период 1914–1945 гг. принято считать периодом второй волны эмиграции. Она значительно отличалась от первой мотивацией эмигрантов к переезду (причины всё чаще были политическими), составом переселенцев (переезжали, в том числе, образованные люди, а также целые семьи) и деятельностью новых представителей диаспоры в США.

Изначально украинские (русинские, галицкие и др.) иммигранты в Соединённые Штаты объединялись по религиозному, этническому, а иногда и этнорелигиозному принципу ради оказания друг другу поддержки вдали от дома, создавая братства. Они объединяли, как правило, рабочих одного или нескольких заводов или фабрик. Первые объединения состояли из малограмотных украинцев, не ставивших своей целью полноценный переезд в США вместе с семьями – они планировали провести за океаном некоторое время и вернуться на родину, чтобы купить там земельный надел и продолжить заниматься сельским хозяйством или ремеслом. В связи с этим и деятельность организаций, объединявших таких трудовых иммигрантов, была направлена «вовнутрь». Они не ставили целью распространять своё влияние или проводить образовательную деятельность – их задачей была взаимная помощь и поддержка временных переселенцев. Однако постепенно деятельность эмигрантских сообществ и организаций стала всё больше развиваться, охватывая всё новые сферы жизни. Особый интерес в этом контексте представляет собой анализ деятельности украинских иммигрантов в США.

Этому вопросу посвящён ряд работ российских и зарубежных авторов. Так, например, вопросам украинской эмиграции в целом посвятил часть своей книги «Україна Історія» канадский историк украинского происхождения О. Субтельный [Субтельный 1991]. Общими вопросами жизни украинцев за границами родины занимался также Э.Л. Павлычко («Украина и украинцы в мире»), В.П. Трощинский («Українці в світі») [Трощинський 1999] и др. Другие украинские исследователи посвятили свои работы анализу более узких вопросов – изучению истории становления конкретных украинских организаций за рубежом (М. Куропась «Українсько-американська твердиня: перші сто років Українського Народного Союзу» [Куропась 2004] и др.; Л. Полтава «Історія Української Народної Помочі в Америці і Канаді» [Полтава 1976–1977], О. Сухобокова «Перша світова війна як чинник консолідації української діаспори США» [Сухобокова 2014]).

Российские исследователи В.И. Журавлёва («Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX – XX вв.: образ «чужого» в сознании американцев» [Журавлёва 2001]) и Е.А. Косован («“Всюду они ставили своей целью свержение советской власти”: украинская эмиграция и протестное движение в СССР в 1920-е - первой половине 1930-х гг.» [Косован 2017]) занимались исследованием жизни эмигрантов с территории современной Украины в зарубежных странах. Эти вопросы затронуты и в монографии Е.И. Пивовара «Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века» [Пивовар 2019]. Ранее в рамках исследования истории становления и развития украинской диаспоры в США мной была также подготовлена статья «Основные этапы становления украинской диаспоры в США» [Пылова 2021]..

Вместе с тем в российской историографии нет комплексного анализа деятельности украинских организаций в период становления и развития украинской диаспоры в США. В данной статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Руський Народний Союз

Первой украинской организацией в США можно считать «Руський Народний Союз» (укр. «Руський Народний Союз»). Он был основан в Пенсильвании 22 февраля 1894 г., и на первом этапе в него вошли несколько братств, вышедших из «Соединения греко-католических русских братств» из-за несогласия с политикой организации. «Соединение» было организацией, объединявшей членов по религиозному принципу, в связи с чем в неё входили одновременно и русины, и венгры, и др. Однако со временем этнические вопросы стали перекрывать религиозные, в связи с чем члены «Соединения» стали переходить в другие организации. Так, выходцы из Западной Украины основали «Руський Народний Союз» (в большинстве своём они идентифицировали себя как русины).

Поскольку в то время украинцы в основном выезжали в США на заработки и планировали возвращаться на родину через некоторое время, основной целью организаций, объединявших их, была взаимная поддержка в сложных ситуациях, которые неминуемо возникали в чужой стране.

Так, «Русский Народный Союз» формулировал свою цель так: «забота о сплочении, образовании и помощи украинцам в Америке, в частности об их жизнеобеспечении»⁵⁰⁵. Фактически инициатива создания такой организации была выдвинута отцом Григорием Грушка и некоторыми другими украинскими католическими священниками. Они официально выдвинули её в 1893 г. в газете «Свобода», ставшей позже главным печатным органом «Руського Народного Союза». Григорий Грушка жил в Джерси-Сити, там же в 14-этажном здании размещалась канцелярия и издательство газеты «Свобода», поэтому и первая штаб-квартира Союза появилась именно там. Поскольку для конца XIX – начала XX вв. для украинской диаспоры в США были характерны религиозные трения и некоторая разобщённость, они не обошли стороной и недавно созданный Союз. Епископ Сотер (Ортинский) пытался превратить «Русский Народный Союз» в организацию исключительно для греко-католиков, но в 1910 г. часть отделов Союза создали «Новый Союз» (укр. «Новий Союз»), со временем ставший «Украинским Рабочим Союзом» (укр. «Українським Робітничим Союзом»), а ещё несколько позже (с 1978 г.) – «Украинским Братским Союзом» (укр. «Українським Братським Союзом»). Другие отделы некогда «Руського Народного Союзу» оформились как «Союз Руських Греко-Католических Церковних Братств “Християнська Любов”» (укр. «Союз Руських Греко-Католицьких Церковних Братств “Християнська Любов”»), с 1912 – «Союз Украинцев-Католиков “Провидение”» (укр. «Союз Українців-Католиків “Провидіння”»). В 1914 г. появилась также «Украинская народная помощь» (укр. «Українська Народна Поміч») – организация, объединившая православных украинцев. Сам «Руський Народный Союз» позже сменил своё название на «Украинский Народный Союз» (укр. «Український Народний Союз») (УНС), чтобы подчеркнуть украинскую этнокультурную принадлежность⁵⁰⁶. И все эти организации стали развиваться параллельно.

«Украинский Народный Союз» (УНС) был создан Григорием Теодоровичем Грушка и считается своего рода продолжателем идей «Руського Народного Союза». Своё название УНС получил 7–14 сентября 1914 г. в ходе 13-й конвенции. В связи с этим и альманах Союза за 1915 г. был назван «Календарём Украинского Народного Союза» (укр. «Календар Українського Народного Союза»); напечатан он был на украинском языке. На оборотной стороне обложки календаря было написано «Каждый сознательный украинец должен быть членом УНСоюза» (укр. «Кожний свідомий українець повинен бути членом УНСоюза»)⁵⁰⁷. В этот же период УНС пережил самый тяжёлый кризис. Как пишет А. Драган, «причиной тому стала реформа, ко-

---

505 Satzewich, Vic (2003). *The Ukrainian Diaspora*. Routledge. с. 42–43.

506 Satzewich, Vic (2003). *The Ukrainian Diaspora*. Routledge. с. 42–43.

507 УНСоюз святкує 125 років: Фотофакт з історії, 1915. – Текст : електронний // Свобода : [сайт]. – URL: <https://svoboda-news.com/svwp/УНСоюз-святкує-125-років-Фотофакт-з-істо-44/> (дата обращения: 26.04.2022).

торая заключалась во введении новой системы обеспечения и обяывания всех членов оплачивать ежемесячные взносы на основании т. н. «Таблицы нравственности Национального Братского конгресса» (англ. «National Fraternal Congress Table of Morality») в зависимости от возраста каждого члена. Главная причина, заставившая федеральное правительство США принять эту реформу, заключалась в том, что власти штатов, в которых УНС имел свои отделения, требовали, чтобы у организаций была обяывающая по закону страховая система.

После реформы у членов, преимущественно старших возрастов, возникло большое недовольство, поскольку на основании новой системы они должны были платить взносы не в зависимости от возраста, в котором они вступили в УНСоюз, а от того, в каком возрасте они были во время проведения реформы, то есть в 1915 г.» [Драган 1964, с. 64]. А. Драган также добавляет, что в результате реформы УНС покинули 19 тыс. человек во время конференции в Буффало, а также ещё приблизительно 6 тыс. человек вышли из него до конца 1915 г. [Драган 1964, с. 64]

Однако эти трудности не отменили деятельность Союза – в этот период был организован «Фонд помощи голодающим в Галичине» (укр. «Запомоговий фонд для голодуючих в Галичині»), оказана помощь «Соколам» и «Січам» и др. Важно отметить и две главные политические акции Союза – в связи с голодом и преследованиями в Галичине и в связи с запретом на празднование 100-летия со дня рождения Т. Шевченко в царской России.

Одним из первых случаев взаимодействия УНС с «внешним миром» (когда деятельность не была направлена исключительно на поддержку членами Союза друг друга) в политической плоскости можно считать как раз привлечение им внимания к празднованию годовщины со дня рождения Т. Шевченко. В 1914 г. исполнилось 100 лет со дня рождения поэта, однако празднование было запрещено в Российской Империи⁵⁰⁸. В связи с этим руководство УНС обратилось к президенту США В. Вильсону с разъяснениями того, какое значение Т. Шевченко имеет для украинской культуры и украинцев, а также с просьбой выразить протест Российской империи в связи с этим запретом. Протест был датирован 20 марта 1914 г. Так, в документе речь идёт о том, что празднования планировалось провести по всей территории Украины, особенно активными они должны были быть в Киеве, однако накануне памятной даты российское министерство запретило все праздничные мероприятия, «не предоставляя никаких мотивов», а Синод запретил 10 марта «даже проведение поминальных богослужений за нашего поэта Тараса Шевченко». Авторы протеста отметили, что против такого решения российских властей высказались «все оппозиционные депутаты в Государственной Думе, а также украинские деятели в провинциальном сейме австрийского края Галичины – во Львове. В целом просьба к

---

508 Case of celebration the 100th anniversary of Ukrainian poet T. Shevchenko in 1914 [22 Feb 1914 - 28 Jul 1914]. – Текст : электронный // British Library : [сайт]. – URL: <https://eap.bl.uk/archive-file/EAP657-1-77/#?c=0&m=0&s=0&cv=22&xywh=-1248%2C-144%2C4649%2C2842> (дата обращения: 26.04.2022).

В. Вильсону заключалась в том, чтобы он донёс содержание протеста до «представителя Российской Империи при Белом Доме» [Драган 1964, с. 64].

Таким образом украинской диаспоре удалось не только заявить о своей позиции, которая напрямую не касалась интересов американского общества, но и добиться направления Белым домом протеста в Санкт-Петербург [Сухобокова 2017, с. 151–164].

После начала Первой мировой войны УНС продолжил привлекать внимание американских властей к украинской проблематике, а также предпринимал попытки влияния непосредственно на ситуацию на Украине. Так, 10 сентября 1914 г. конвенцией УНС был основан «Украинский народный совет» (укр. «Українська народна рада»). Его основной декларируемой целью стала борьба за независимость Украины, а в качестве инструмента для достижения этой цели руководители УНС видели основание Фонда освобождения Украины. Деньги в этот фонд должны были поступать от пожертвований американских украинцев, а использовать их планировалось для «организации политических акций, помощь военнопленным украинцам и подготовку украинской стороны к будущей мирной конференции по завершении войны» [Сухобокова 2017, с. 151–164].

Печатный орган УНС

В 1893 г. в США стала выходить первая украинская газета, ставшая с 1894 г. главным печатным изданием «Руського Народного Союза». После его реформирования и переименования в УНС газета не прекратила существования и даже стала приобретать большую популярность. Примечательно, что период её расцвета пришёлся на 1933–1955 гг., когда её главным редактором был Лука Мишуга.

История эмиграции этого человека во многом схожа с судьбами других эмигрантов второй волны. Л. Мишуга родился на Западной Украине, в 1906 г. окончил гимназию во Львове, а в 1911 г. – юридический факультет Венского университета. После завершения практики он сосредоточился на образовательной деятельности – в 1915 г. Л. Мишуга добровольно вступил в «Легион Украинских сечевых стрельцов» и вместе с представителями «стрелетства» занимался организацией культурно-образовательной работы на Волыни. После Первой мировой войны пошёл на дипломатическую службу и входил в правительство ЗУНР. В 1921 г. он выехал в США для представления интересов правительства ЗУНР и сбора средств на поддержку его деятельности. Л. Мишуга был глубоко убеждён, что только консолидированная сила может быть успешным фактором политики, и всегда призывал к национальной консолидации украинской диаспоры⁵⁰⁹.

---

509 Ковальчук О.О. МИШУГА Лука [Электронный ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 6: Ла-Мі / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К.: В-во «Наукова думка», 2009. – 790 с.: іл. – Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Myshuga_Luka (дата обращения: 22.04.2022)

Одновременно он стал одним из сооснователей и идеологов Объединения украинских организаций в Америке – Центральной координационной организации украинцев в США. В 1940 г. он стал одним из организаторов современной центральной организации украинской диаспоры в США – «Украинского конгрессового комитета Америки» (УККА).

Объединение украинских организаций в Америке было основано в 1922 г. в ходе Народного съезда в Филадельфии. Изначально своей целью Объединение ставило (и закрепляло в официальных документах) проведение мероприятий для ускорения признания украинской государственности, материальную помощь украинцам, оставшимся на родине, а также объединение украинских эмигрантов в США. В рамках деятельности Объединения проводились сборы на помощь Украине, информирование жителей Америки о ситуации на Украине, были сделаны переводы ряда украинских изданий на английский язык. Стоит также отметить, что объединение украинских организаций происходило не одномоментно. Так, например, община в районе Кливленда (Огайо) вошла в Объединение только к 1928 г., а до тех пор существовала относительно автономно⁵¹⁰. Со временем Объединение перестало существовать, а его функции и перешли в 1940 г. к УККА⁵¹¹.

В 1933 г. Л. Мишуга был назначен ответственным за издательскую деятельность Украинского народного союза. Он также выдвинул идею о систематической публикации англоязычных изданий об Украине. С 1933 г. при его участии стал выходить англоязычный «Украинский еженедельник» (англ. «The Ukrainian Weekly») при газете «Свобода». Первый выпуск еженедельника был опубликован 6 октября 1933 г., в него вошли заметки «Прогресс украинцев в Америке», «Украинцы протестуют против организованного большевиками голодомора на Украине» и др., а также на страницах издания были опубликованы стихи Т. Шевченко «Ревёт и стонет Днепр широкий»⁵¹². К числу инициатив Л. Мишуги стоит также отнести издание англоязычной «Энциклопедии украиноведения» – два тома «Украина: краткая энциклопедия» (англ. «Ukrainian: A Concise Encyclopedia») были опубликованы на деньги УНС в 1963–1971 гг. [Ковальчук 2009, с. 695]

Будучи несогласным с политикой, которую продвигали центральные власти у него на родине, Л. Мишуга сначала пытался получить финансовую поддержку для государственного центра ЗУНР в эмиграции, а позже сам предпочёл эмиграцию. Выехав 1921 г. по поручению правительства ЗУНР в США для представления её интересов и сбора средств для поддержки этой

---

510 Ukrainians. – Текст : электронный // Encyclopedia of Cleveland History : [сайт]. – URL: <https://case.edu/ech/articles/u/ukrainians> (дата обращения: 26.04.2022).

511 Энциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К.: В-во "Наукова думка", 2010. – 728 с.: іл. – Режим доступа: http://www.history.org.ua/?termin=Obiednannia_ukrainskykh

512 Ukrainian weekly. No.1. Vol.1. – Текст : электронный // The Ukrainian Weekly. : [сайт]. – URL: https://www.ukrweekly.com/archive/1933/The_Ukrainian_Weekly_1933-01.pdf (дата обращения: 27.04.2022).

деятельности, Л. Мишуга довольно скоро присоединился к становлению украинской общественно-политической жизни в США⁵¹³.

Что касается реакции «Свободы» на ситуацию 1914 г. с запретом Российской Империи на празднование 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко⁵¹⁴, то в данном случае её влияние оказалось значительным. После желаемой реакции правительства США на выраженное украинскими иммигрантами недовольство газета развернула целую кампанию по популяризации сочинений Т. Шевченко. Украинские общины в разных городах Соединённых Штатов содействовали в организации церемоний по случаю годовщины, а в конце мая 1914 г. в Нью-Йорке по этому поводу была организована демонстрация на Пятой авеню и концерт в Вебстер-холле [Сухобокова 2017, с. 151–161].

Вскоре после создания УНС опубликовал свою позицию в газете: «Нехай живуть вільні, свободні, самостійні слов'янські народи, а між ними й український. Україною прагнуть оволодіти як Росія, так і Польща, але і від одної, і від другої ми зазнали тільки рабства. Ми не зацікавлені в слов'янській єдності» (на рус. «Пусть живут свободные, независимые, самостоятельные славянские народы, а с ними и украинский. Украиной стремятся овладеть как Россия, так и Польша, но и от одной, и от второй мы подверглись только рабству. Мы не заинтересованы в славянском единстве») (выпуск «Свободы» от 6 августа 1914 г.) [Куропась 2004, с. 149]. Таким образом, именно в «Свободе» была зафиксирована цель представителей украинской диаспоры на годы вперёд.

Активная деятельность «Свободы» продолжилась и после начала Первой мировой войны. В это время при УНС и «Украинском народном совете» был создан Украинский информационный центр, который печатал и распространял «специальную литературу»: брошюры «Украина» (укр. «Україна») Б. Сендза, «Меморандум по украинскому вопросу в его национальном аспекте» (укр. «Меморандум з українського питання в його національному аспекті») Я. Федорчука, «Россия, Польша и Украина» (укр. «Росія, Польща і Україна») Г. Стефана, «Российский заговор с целью захвата Галичины (Австрийской Руси)» (укр. «Російська змова з метою захоплення Галичини (Австрійської Русі)») В. Степанковского и т. д. В 1915 г. в Нью-Йорке также был опубликован англоязычный сборник «Стремление Украины к независимости. Требование справедливости тридцати пяти миллионов» (англ. «Ukraine's Claim to Freedom: An Appeal for Justice on Behalf of Thirty-Five Millions»); укр. «Прагнення України до незалежності. Вимога справедли-

---

513 Лука Мишуга – багатолітній редактор найстаршої української газети в США «Свобода». – Текст: електронний // Офіційний сайт Національної спілки письменників України : [сайт]. – URL: <https://nspu.com.ua/novini/luka-mishuga-bagatolitnij-redaktor-najstarshoi-ukrainskoi-gazeti-v-ssha-svoboda/> (дата обращения: 27.04.2022).

514 Case of celebration the 100th anniversary of Ukrainian poet T. Shevchenko in 1914 [22 Feb 1914 – 28 Jul 1914]. – Текст : електронний // British Library : [сайт]. – URL: <https://eap.bl.uk/archive-file/EAP657-1-77#?c=0&m=0&s=0&cv=22&xywh=-1248%2C-144%2C4649%2C2842> (дата обращения: 26.04.2022).

вості тридцяти п'яти мільйонів»)⁵¹⁵ – в него вошли статьи украинских (М. Грушевський, Л. Цегельський, В. Дорошенко) и европейских (К. Летнер, О. Хетш, Е. Беркман) авторов об украинском движении в Австро-Венгерской и Российской империях [Сухобокова 2017, с. 151–161]. Так, авторы предисловия отмечали: «Украинцы не враждуют с поляками как нация, но они выступают против господства над ними иностранной аристократии. Будь то в Австро-Венгрии или в России, они стремятся к равенству в гражданстве и независимому украинскому государству на земле своего рождения»⁵¹⁶.

В целом УНС не удалось выполнить «программу-максимум», сформулированную в «Свободе» – добиться независимости Украины [Сухобокова 2014, с. 53]. Исследователи связывают это с тем, что украинская диаспора не смогла получить достаточное влияние на высшую власть в США. Ярким примером тому стало фактическое игнорирование направленной в Соединённые Штаты дипломатической миссии УНР во главе с Ю. Бачинским в августе 1919 – декабре 1920 гг. и провал попыток внести в Конгресс резолюцию о признании Украины [Павлюк 1996, с. 56, 90 – 94].

Хотя УНС принято считать наиболее влиятельной и значительной организацией украинской диаспоры конца XIX – начала XX вв., немаловажной оказалась деятельность и некоторых других сообществ. Многие из них, однако, имели гораздо меньшее влияние на положение украинской диаспоры в США, а часть и вовсе быстро прекратили своё существование или прошли по пути трансформации и объединения с другими схожими организациями.

«Украинский Рабочий Союз» (с 1978 г. – «Украинский Братский Союз» (УБС))

Изначально «Украинский Рабочий Союз» (укр. «Український Робітничий Союз») позиционировал себя как организацию для украинцев без привязки к вероисповеданию. Он был основан в октябре 1910 г. в Скрантоне (Пенсильвания) членами Русского Народного Союза, которые в Кливленде в 1910 г. не согласились на смену названия на «Греко-Католический Русский Союз» и держались первоначального. Впоследствии остальные члены «Русского Народного союза» также вернулись к первоначальному названию, и поэтому Скрантонский союз добавил к своему названию слово «Новый». В 1918 г. Русский Народный Союз «новый» стал называться «Украинский Рабочий Союз».

---

515 Ukraine's claim to freedom. An appeal for justice on behalf of thirty-five millions / E. Bjorkman, Pollock O, Hrushevsky, Hoetzsch, O, and M. – New York : Ukrainian National Association and the Ruthenian National Union, 1915. – 152 с. – Текст : непосредственный. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/16/Ukraine%27s_claim_to_freedom%3B_an_appeal_for_justice_on_behalf_of_thirty-five_millions-%28IA_ukrainesclaimtofo00ukra%29.pdf

516 Ukraine's claim to freedom. An appeal for justice on behalf of thirty-five millions / E. Bjorkman, Pollock O, Hrushevsky, Hoetzsch, O, and M. – New York : Ukrainian National Association and the Ruthenian National Union, 1915. – 152 с. – Текст : непосредственный. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/16/Ukraine%27s_claim_to_freedom%3B_an_appeal_for_justice_on_behalf_of_thirty-five_millions-%28IA_ukrainesclaimtofo00ukra%29.pdf . с. 7.

Своей целью члены Союза ставили взаимную поддержку, в том числе и финансовую, оказание помощи больным, нуждающимся и т. д. Об этом говорится и в «Альманахе Украинского Братского Союза 1994 г.»: «Несмотря на многочисленные трудности в поселениях, они помогали строить церкви и народные дома, проводили разнообразную культурно-образовательную деятельность, организовывали самопомощь и таким образом сильно поучаствовали в развитии организованной украинской жизни в Новом свете. Одновременно они делали всё возможное, чтобы обеспечить потребности нашего народа на Западной Украине. С ней Украинский Рабочий Союз поддерживал тесные связи до Второй мировой войны и высылал туда средства на строительство церквей, народных домов и читален «Просвіти», помогал украинским инвалидам и политическим заключённым, молодёжным и другим организациям, поддерживал украинские издательства, прессу и т. д.»⁵¹⁷.

В уставе и статуте Союза сказано: «Украинский Рабочий Союз был организован и инкорпорирован в 1911 г. по законам штата Пенсильвания. Он является братским товариществом взаимопомощи, которое ведёт свою работу не для получения финансовых выгод для себя, а исключительно для добра своим членам, их семьям и близким им людям, их бенефициаров. Он старается получить разрешение на ведение своих дел и организации в разных штатах Соединенных Штатов и провинциях Канады, и везде, где такое разрешение было получено, Союз имеет все права и привилегии братских товариществ взаимопомощи и может этими правами и привилегиями пользоваться»⁵¹⁸.

Что касается целей, то основатели Союза декларировали, помимо помощи членам и их детям, «распространение среди своих членов образования», «распространение образования среди украинцев в Соединённых Штатах и в Канаде», «помощь американским и канадским украинцам в сохранении своих культурных ценностей и традиций, а также в обогащении ими американской и канадской культур»⁵¹⁹.

Союз известен и своей работой непосредственно на Украине. Так, при его поддержке был основан народный университет во Львове – «Самообразование» (укр. «Самоосвіта»). Помимо образовательных курсов на базе «Самообразования» в 1930–1939 гг. была издана популярная энциклопедия под названием «Самообразование» – ежегодно выпускались 12 небольших книг, всего вышло 117 книг общим тиражом ок. 10 000 экземпляров каждая. В «Самообразовании» работали более 40 сотрудников, её редакторами были

---

517 Любiть Украiну. альманах Украiнського Братського Союзу / Под ред. Д. Корбутяк. Украiнський Братський Союз, 1994. С. 5.

518 Конституція і статут Украiнського робiтничого союзу . – Scranton, PE : 3 друкарнi Народнi Волi, . – Текст : непосредственный.<https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/21624/file.pdf> с.3.

519 Конституція і статут Украiнського робiтничого союзу . – Scranton, PA : 3 друкарнi Народнi Волi, . – Текст : непосредственный.<https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/21624/file.pdf> с.3-4.

М. Стахив, К. Коберский, И. Лучишин, Е. Яворивский. Издания были посвящены всемирной и украинской истории (в частности, 1917–1920 гг.), общественным наукам, украинской литературе и т. д.⁵²⁰

Помимо оказания разнообразной помощи соотечественникам в самой Украине, члены Украинского Братского Союза сотрудничали с другими центральными украинскими организациями в Америке. Украинский Братский Союз был одним из инициаторов созыва Первого Украинского Сейма (1915 г.). Это событие было описано в газете «Вестник Союза освобождения Украины» (укр. «Вістник Союзу визволення України») (выходил в Вене в 1914 – 1918 гг.): «Верхом оживлённого движения наших заморских братьев и прежде всего выражения самой искренней заинтересованности судьбой европейских украинцев является созыв украинского сейма в Америке для углубления Украинской Народной организации и соответствующего объединения всех украинских организаций, которые существуют в Соединённых Штатах»⁵²¹. В ходе двух дней заседаний прошли выступления видных украинских и зарубежных политических деятелей, было особенно отмечено историческое значение сейма, поскольку его решения «в корне изменят украинскую жизнь на заморской земле»⁵²². Так, в частности, сейм постановил: объединить все светские организации взаимопомощи в одну; учредить центральное просветительское общество для всех светских организаций; основать Украинский Союз Женщин; учредить эмиграционное бюро, колонизационный комитет, центральный банк, музей, архив и библиотеку.

При этом ведущие члены Украинского Братского Союза вошли в Первую Украинскую Дипломатическую Миссию в Вашингтоне. 10 января 1919 г. Совет народных министров одобрил законопроект о назначении дипломатической миссии в США. Правительство УНР придавало ей большое значение. В этом контексте особый интерес представляет личная переписка украинского политического и общественного деятеля Ю. Бачиньского. Так, министр иностранных дел УНР В. Темницький в письме к Ю. Бачиньскому от 11 июля 1919 г. призвал «немедленно по прибытии в Америку», заняться популяризацией украинского дела за границей за счёт пожертвований «украинского населения Америки». Вскоре Ю. Бачиньский и секретарь миссии В. Козачевич прибыли в Вашингтон, и уже в первые месяцы работы в США он начал переговоры с Американским Красным Крестом и другими гуманитарными организациями о предоставлении финансовой помощи украинской армии. Кроме того, были предприняты попытки объединить расколотую украинскую диаспору. Однако

---

520 Що таке самоосвіта і як до неї братися? – Текст : электронный // Архів ОУН : [сайт]. – URL: <https://ouniis.info/library/occasional-publications/tags/Український%20Робітничий%20Союз.html> (дата обращения: 27.04.2022).

521 Перший Український Соїм в Америці. – Текст : электронный // zbruc.eu : [сайт]. – URL: <https://zbruc.eu/node/46720> (дата обращения: 27.04.2022).

522 Перший Український Соїм в Америці. – Текст : электронный // zbruc.eu : [сайт]. – URL: <https://zbruc.eu/node/46720> (дата обращения: 27.04.2022).

28 декабря 1921 г. МИД УНР сообщило, что «из-за финансового положения Правительство Республики не имеет возможности продолжать содержать Миссию, в связи с чем она должна быть ликвидирована».

Несмотря на значительные дипломатические усилия правительства УНР, получение ею международного признания так и не было реализовано. Не принесла результатов и деятельность Чрезвычайной миссии в Вашингтоне. Причины неудачи кроются в неприятии правительством США независимой УНР, разобщённости украинских эмигрантских организаций, спорах между членами миссии. МИД УНР обвинял Ю. Бачинского и дипломатическую миссию «в отсутствии должной энергии и продуктивности в деятельности миссии и соответствующего умения, такта в отношениях с украинскими эмигрантами в Америке», неоправданных финансовых расходах. В письмах к чиновникам министерства (например, к А. Никовскому) Ю. Бачинский отстаивал свою честь как глава миссии [Терещенко 2015, 201–229].

Украинский Братский Союз также принимал активное участие в создании Украинского Конгрессового Комитета и в созыве Первого Конгресса Американских Украинцев (1940 г.) в Вашингтоне⁵²³. Основным печатным органом Союза была газета «Народная Воля» (укр. «Народна Воля»). Первый выпуск журнала увидел свет в 1911 г. и выходил трижды в неделю [Настасівський 1934, с. 68]. В резолюциях XIII Конвенции Союза сказано: «Народная воля призвана заботиться о добром имени и славе Союза, отстаивать права и справедливость для работников, хранить демократию и побеждать её врагов и врагов США и Канады, а вместе с тем поддерживать освободительные усилия украинского народа за свою самостоятельную, соборную, независимую и демократичную державу на всех её землях»⁵²⁴. Чтобы привлечь англоязычных читателей к «Народной воле», в 1933 г. в газету включили и англоязычную страницу. Примечательно, что в целом статьи в газете печатались по харьковскому правописанию, и даже после четвёртой волны украинской эмиграции в США издание не перешло на киевское правописание⁵²⁵.

«Союз Руських Греко-Католических Церковных Братств “Христианская Любовь”» (с 1912 – «Союз Украинцев-Католиков “Провидение”»)

Братская благотворительная и страховая ассоциация «Союз Украинцев-Католиков “Провидение”» (укр. «Союз Українців-Католиків “Провідення”») была основана в 1912 г. с целью оказания моральной поддержки

---

523 Любіть Україну, альманах Українського Братського Союзу / Под ред. Д. Корбутяк. Український Братський Союз, 1994. С. 5.

524 Україномовна періодика у національно-культурному житті української діаспори США (1991–2017 рр.) / Л. І. Біловус. – Тернопіль, 2017. – с. 54-55.

525 Україномовна періодика у національно-культурному житті української діаспори США (1991–2017 рр.) / Л. І. Біловус. – Тернопіль, 2017. – с.55.

и материальной помощи украинским иммигрантам в Соединённых Штатах Америки. Изначально организация была названа «Союз Руських Греко-Католических Церковных Братств “Христианская Любовь”», и первый этап её истории неразрывно связан с именем епископа Сотера Ортинского.

Получив религиозное образование на Западной Украине, С. Ортинский готовился служить для украинских эмигрантов в Южной Америке, но попал он в Северную. Так, он стал первым епископом для украинцев в США и получил прозвище «епископ-пионер»⁵²⁶. Вскоре после приезда в США (1907 г.) С. Ортинского именовали почётным членом и покровителем Украинского народного союза, и уже в этом статусе он основал «Союз Руських Греко-Католических Церковных Братств “Христианская Любовь”», братство святого Георгия и организовал издание «Душпастиря»⁵²⁷.

В октябре 1916 г. при участии «Провидения» и Украинской католической церкви (УКЦ) была создана новая организация – «Украинский альянс Америки» (укр. «Український альянс Америки») во главе с отцом П. Понятышиным, руководителем УКЦ [Сухобокова 2014, с. 52]. Появление Альянса тесно связано с первым украинским сеймом – его решением был создан специальный координационный орган украинской диаспоры в США, названный «Федерацией украинцев в Соединённых штатах» (укр. «Федерація українців у Злучених Штатах»). В её руководство вошли авторитетные общественные деятели, а возглавил её В. Семенович – врач из Чикаго, известный своей активной общественной деятельностью; секретарём стал лидер украинских социалистов М. Сичинський [Сухобокова 2014, с. 53]. Федерация занималась одновременной поддержкой борьбы украинцев за самоопределение и культурно-просветительской деятельностью. В рамках последней были организованы курсы, клубы и лектории, целью которых было повышение уровня образования украинцев в США.

Вскоре после создания в Федерации назрел раскол, в результате которого и появился «Украинский Альянс Америки». Он стал выступать в поддержку украинцев, оставшихся на родине, в их борьбе за независимость и сохранение идентичности. В рамках этой поддержки Альянс, в частности, поддерживал связь с американскими правящими элитами. Так, 24 января 1917 г. конгрессмен-демократ Дж. Гамил подал на рассмотрение обеих палат подготовленную Альянсом резолюцию о поддержке украинского народа. 22 февраля она была одобрена Конгрессом, а 2 марта – подписана президентом [Куропась 2004, с. 158]. Резолюция стала первым официальным заявлением

---

526 Сто п'ять років тому відійшов до Господа владика Сотер Ортинський, перший український єпископ у США. – Текст : електронний // Офіційний інформаційний ресурс Української Греко-Католицької Церкви : [сайт]. – URL: http://news.ugcc.ua/news/sto_pyat_rokiv_tomu_vidiyshov_do_gospoda_vladika_soter_ortinskiy_pershiy_ukrainskiy_iepiskop_u_ssha_92744.html (дата обращения: 27.04.2022).

527 Сто п'ять років тому відійшов до Господа владика Сотер Ортинський, перший український єпископ у США. – Текст : електронний // Офіційний інформаційний ресурс Української Греко-Католицької Церкви : [сайт]. – URL: http://news.ugcc.ua/news/sto_pyat_rokiv_tomu_vidiyshov_do_gospoda_vladika_soter_ortinskiy_pershiy_ukrainskiy_iepiskop_u_ssha_92744.html (дата обращения: 27.04.2022).

правительства США в отношении Украины и первым шагом в рамках диалога украинской диаспоры и американского политического истеблишмента.

В декабре 1918 г. Дж. Гамил внёс в Конгресс проект резолюции о поддержке права украинских земель России и Австро-Венгрии на самоопределение. Однако в силу ряда обстоятельств любые попытки украинской общины добиться от властей США серьёзной политической поддержки украинской государственности в тот период были обречены на провал⁵²⁸.

Украинская народная помощь

«Украинская народная помощь» (укр. «Українська Народна Поміч») была основана в 1914 г. в Питтсбурге и изначально именовалась «Народная помощь» (укр. «Народна Поміч»), слово «украинская» (укр. «українська») появилось в её названии уже после 1926 г. Согласно уставу организации, к её основным целям изначально относилась помощь «её членам, их детям и семьям в случаях несчастья, болезни и смерти, выплата посмертного обеспечения. Она предоставляла своим членам, помимо посмертного обеспечения, также обеспечение по старости, помощь во времена болезни, обнищания, недееспособности, а также товарищескую помощь и утешение» [Полтава 1976–1977, с. 3]. В уставе также сказано, что организация ставила своей целью «распространение среди своих членов образования, заботу о солидаризации, организованности и взаимную помощь, распространять гражданское образование украинцев в Америке в целом, а в частности стараться, чтоб они были добрыми и сознательными гражданами этого края, предоставлять всестороннюю моральную и материальную поддержку украинскому народу в его борьбе за освобождение Родного Края» [Полтава 1976–1977, с. 3]. Вместе с организацией был основан и её главный печатный орган – «Народное слово» (укр. «Народне слово») (после 1959 г. – «Украинское народное слово» (укр. «Українське народне слово»)), призванный стать источником информации на украинском языке для украинских эмигрантов в районе Питтсбурга.

«Украинская народная помощь», помимо продвижения идей о взаимопомощи украинцев в эмиграции, вскоре после создания стала публиковать и политические материалы. Так, например, в 1916 г. в газете «Народное слово» было опубликовано предложение читателям купить издание «Украинцы, Россия, война» (укр. «Українці, Росія, війна»), где было описано «стремление украинского народа отделиться от России и ... жить собственной жизнью в собственных исторических границах Украины» [Полтава 1976–1977, с. 21].

Украинские организации в США вели и совместную деятельность. Так, например, 30–31 октября 1915 г. в Нью-Йорке был проведён Первый украинский сейм в Америке. Его участниками стали 295 делегатов от 457 украинских местных общественных организаций разных штатов, подтвердивших

---

528 Як українська діаспора США боролася за незалежність України. – Текст : електронний // Ukrainian Magazine : [сайт]. – URL: <http://ukrainianchi.com/як-українська-діаспора-сша-боролася-з/> (дата обращения: 27.04.2022).

желание координировать свою деятельность. Главной темой обсуждения стала ситуация на «Большой Украине» в контексте войны [Сухобокова 2014, с. 52]. Важно также отметить, что уже тогда делегаты сейма сформулировали, по сути, программные требования: создание Украинской республики на самых широких демократических принципах и проведение коренных аграрных реформ. На случай, если бы республика не была образована, планировалось поддерживать борьбу за автономию в составе России и Австрии⁵²⁹.

Взаимодействие русских и украинских эмигрантов в США

Отношения русских и украинских эмигрантов в США переживали разные периоды на протяжении истории их существования. Как пишет М.Н. Бабута, «...в Новый Свет ехали украинцы из Волынской, Екатеринославской, Киевской, Херсонской, Подольской губерний. (...) Селились большими коммунами, снимая угол в доме или квартире. Оседали переселенцы в северо-восточных штатах и, как правило, в ближайшем соседстве с русскими, белорусами, поляками – народами близкими по культуре, легко находившими общий язык между собой» [Бабута 2013, с. 143]. Со ссылкой на Э.Л. Нитобург она также уточняет, что «к 1914 г. около 43 % “русского” православного населения США – этнические украинцы или русины, в некоторых церковных приходах численность последних достигала 80 %» [Бабута 2013, с. 144].

Общность культур и нередко использование русского языка повлияли на то, что связи между русскими и украинскими иммигрантами не были потеряны. Так, например, еженедельник Православного общества взаимопомощи «Свет» («Світ»), начавший выходить в 1897 г. в Пенсильвании, издавался одновременно и на русском, и на украинском языках. В то же время в газете «Новое русское слово» (газета издавалась в Нью-Йорке с 1910 и была ориентирована на русскоязычную аудиторию и русскую диаспору) были опубликованы в том числе заметки переселенцев с территорий современной Украины.

После начала второй волны эмиграции, с коренной сменой настроений в украинской диаспоре напряжение стало нарастать одновременно с ростом националистических идей в украинских эмигрантских организациях. В 1891 г. была основана организация «Соединение греко-католических русских братств». Представители других организаций/объединений украинцев считали её «московфильской, украинофобской организацией» [Полтава 1976 – 1977, с. 21], противопоставляли её и издававшейся на её базе «Американско-Русский Вестник» Руському народному союзу и его печатным органам.

Одной из немногих точек соприкосновения оставалась православная вера. Ещё в 1890-х гг., когда украинские иммигранты – греко-католики – ощущали особое давление последователей римско-католической церкви, поддержку им оказала РПЦ, в связи с чем произошёл переход некоторых из них в православие и сближение с русской диаспорой в США [Пылова 2021, с. 90].

---

529 Історія української іміграції в Америці. Збереження культурної спадщини / Куропась М. – Нью-Йорк, 1984. – с. 39.

***

Первые украинские организации в США стали оформляться вскоре после переезда в страну групп украинских эмигрантов. Поскольку условия труда и жизни в новой стране были весьма тяжёлыми и непривычными для переселенцев, вновь прибывшие украинцы нуждались во взаимной помощи и поддержке, а также в поддержании коммуникаций между собой и с оставшимися на Украине близкими. С этой целью и были созданы первые украинские братства, позже превратившиеся в более глобальные организации, включавшие в себя всё больше иммигрантов.

Несмотря на то, что первые украинские организации в США по большей части изначально основывались для обеспечения коммуникации между эмигрантами из Украины, взаимопомощи, поддержки и страхования жизни, некоторые из них вскоре после создания стали продвигать и политические инициативы. Такие перемены были связаны с изменениями в самой Украине, а также со сменой состава миграционного потока, прибывавшего в США с территорий современной Украины. Так, например, переселенцы в начале XX в. в большинстве своём были людьми образованными, бежавшими от неприемлемой для них политической ситуации на Украине. Поэтому, приезжая в США, они стремились продвигать собственные политические инициативы в рядах диаспоры в поиске поддержки американского истеблишмента и в надежде на скорое возвращение на родину.

Стоит также отметить, что ключевой проблемой украинских организаций в США был недостаток финансирования и отсутствие единства между членами. В связи с тем, что эмигрантская среда в целом не была монолитной, переселенцы придерживались разных позиций и целей, многие организации в какой-то момент распались на более мелкие, зато в большей степени удовлетворяющие идеям той или иной группы эмигрантов. При этом недостаток финансирования нередко приводил к тому, что созданные организации функционировали не так долго и вынуждены были ограничивать затраты, что сказывалось на активности их деятельности. Немаловажную роль сыграло и законодательство США, на определённом этапе требовавшее выплаты значительных взносов за членство в той или иной организации, с чем не всегда могли мириться украинские эмигранты.

В то же время объединения украинцев в США в конце XIX – начале XX вв. стали первыми лоббистскими группами украинской диаспоры. Ставя целью достижение Украиной независимости, они продвигали эту идею в среде американского истеблишмента. И несмотря на то, что цель в тот период так и не была достигнута (независимость УНР Соединённые Штаты не признали), происходившее стало первым и значительным шагом на пути заявления украинской диаспорой в США о себе. Проводившиеся в Америке в 1930-х гг. украинской диаспорой США разнообразные информационные и публичные акции, направленные на привлечение внимания американской и мировой общественности к положению украинского народа в СССР и Польше и популяризацию идеи независимости Украины, стали значимой основой для деятельности следующих поколений украинских эмигрантов.

Правительство США активно поддерживало эти идеи (но не оформление украинской государственности на первых порах) – складывание украинского национализма во многом началось именно в кругах украинской диаспоры и при поддержке американских властей. И именно на почву этих идей и широкой их поддержки легли идеи коллаборационистов, бежавших в США позже.

Несмотря на то, что в тот период украинская диаспора ещё не имела достаточных рычагов влияния для эффективного лоббирования своих интересов, а интеграция в американский политикум ещё не была для неё приоритетом, деятельность украинских общественных организаций в конце XIX – начале XX вв. оказала значительное влияние на дальнейшее развитие украинской диаспоры в США, её отношений с американским истеблишментом.

Література

1. Драган 1964 – Драган А. Український Народний Союз у минулому і сучасному (1894-1964) / А. Драган. – Нью-Йорк ; Джерсі-Сіті: УНС "Свобода", [1964]. – с. 64.
2. Журавлёва 2001 – Журавлёва В.И. Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX XX вв.: образ «чужого» в сознании американцев // Новый исторический вестник. 2001. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evreyskaya-emigratsiya-iz-rossii-v-ssha-na-rubezhe-xix-xx-vv-obraz-chuzhogo-v-soznanii-amerikantsev> (Дата обращения: 25.04.2022).
3. Ковальчук 2009 – Ковальчук О. О. Мишуга Лука // Енциклопедія історії України / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К. : Наукова думка, 2009. – Т. 6: Ла-Мі. – 790 с., – С. 695.
4. Косован 2017 – Косован Е.А. «Всюду они ставили своей целью свержение советской власти»: украинская эмиграция и протестное движение в УССР в 1920-е первой половине 1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 186–195.
5. Куропась 2004 – Куропась М. Українсько-американська твердиня: перші сто років Українського Народного Союзу. – Острог-Чикаго, 2004.
6. Настасівський 1934 – Настасівський М. Українська іміграція в Сполучених Державах. Видання Союзу українських робітничих організацій. Нью-Йорк. 1934. С. 68.
7. Павлюк 1996 – Павлюк О. Боротьба України за незалежність і політика США (1917–1923). – К., 1996. – с. 56, 90-94.
8. Пивовар 2019 – Пивовар Е.И. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М., РГГУ, 2019, 439 с.
9. Полтава 1976–1977 – Полтава, Л. Історія Української Народної Помочі в Америці і Канаді / Л. Полтава. – Пітсбург : , 1976–1977. – 408 с.
10. Пылова 2021 – Пылова О.А. Основные этапы становления украинской диаспоры в США // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 4. С. 86–101.
11. Субтельний 1991 – Субтельний О. Україна Історія (переклад з англ. Юрія Шевчука). Київ : Либідь, 1991. – 512 с.
12. Сухобокова 2014 – Сухобокова, О. Перша світова війна як чинник консолідації української діаспори США // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2014. – № 4 (122). – С. 52–55.
13. Сухобокова 2017 – Сухобокова, О. Українська громада США та українське питання в період першої світової війни / О. Сухобокова. – Текст : непосредственный // Американська історія та політика. – 2017. – № 4. – С. 151–161.
14. Терещенко 2015 – Терещенко, О. В. Дипломатична місія УНР у США в листах Юліана Бачинського / О. В. Терещенко. – Текст : непосредственный // Архіви України. – 2015. – № 4 (298). – С. 201–229.
15. Трощинський 1999 – Трощинський, В. П. Українці в світі / В. П. Трощинський, А. А. Шевченко. – Київ: Альтернативи, 1999. – 352 с.

References

1. Dragan, A. (1964). Ukrainian people's Union in the past and present (1894–1964) [Ukrayins`kij Narodnij Soyuz u minulomu i` suchasnomu (1894-1964)] New-York, Jersey city, «Svoboda».
2. Zhuravleva, V.I. (2001). Jewish emigration from Russia to the USA at the turn of the XIX-XX centuries: the image of the "alien" in the minds of Americans [Evrejskaya e`migracziya iz Rossii v SShA na rubezhe XIX XX vv.: obraz «chuzhogo» v soznanii amerikancev]. *Noviy istoricheskiy vestnik*. №4.
3. Kovalchuk, O.O. (2009). Mishuga Luka [Mishuga Luka]. Kiev. Naukova dumka. T. 6. – 790 c.
4. Kosovan, E.A. (2017) "Everywhere they aimed at overthrowing the Soviet government": Ukrainian emigration and the protest movement in the Ukrainian SSR in the 1920s and the first half of the 1930s. [«Vsyudu oni stavili svoej czel`yu sverzhenie sovetsoj vlasti»: ukrainskaya e`migracziya i protestnoe dvizhenie v USSR v 1920-e pervoj polovine 1930-kh gg.]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istorija. Mezhdunaroniye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye"*. №4 (10). P. 2.
5. Kuropas`, M. (2004) Ukrainian-American stronghold: the first hundred years of the Ukrainian people's Union [Ukrayins`ko-amerikans`ka tverdinya: pershi` sto roki`v Ukrayins`kogo Narodnogo Soyuzu]. Ostrog-Chicago.
6. Nastasivsky, M. (1934) Ukrainian immigration in the United States. Publication of the Union of Ukrainian workers' organizations [Ukrayins`ka i`mi`graczi`ya v Spoluchenikh Derzhavakh. Vidannya Soyuzu ukrayins`kikh robi`tnichikh organi`zaczi`j]. New-York.
7. Pavlyuk, O. (1996) Ukraine's struggle for independence and US policy (1917–1923) [Borot`ba Ukrayini za nezalezni`st` i` poli`tika SShA (1917-1923)]. Kiev.
8. Pivovar, E. I. (2019) The world of the Russian abroad at the end of the XX – beginning of the XXI century [Mir rossijskogo zarubezh`ya v koncze XX – nachale XXI veka]. Moscow, RGGU. 439 p.
9. Poltava, L. (1976–1977) History of Ukrainian folk aid in America and Canada [I`stori`ya Ukrayins`koyi Narodnoyi Pomochi` v Americzi` i` Kanadi`]. Pittsburgh. 408 p.
10. Pylova, O.A. (2021) The main stages of the formation of the Ukrainian diaspora in the USA [Osnovny`e e`tapy` stanovleniya ukrainskoj diaspori` v SShA]. *Vestnik RGGU. Seriya «Evrazijskie issledovaniya. Istorija. Politologiya. Mezhdunarodny`e otnosheniya»*. № 4.
11. Subtelny, O. (1991) Ukraine History. [Ukraina Istorija]. Kiev, "Lybid". 512 p.
12. Sukhobokova, O. (2014) The first World War as a factor of consolidation of the Ukrainian diaspora in the United States [Persha svi`tova vi`jna yak chinnik konsoli`daczi`yi ukrayins`koyi di`aspori SShA]. *Vi`snik Kiyivs`kogo naczi`onal`nogo uni`versitetu i`meni` Tarasa Shevchenka*. № 4 (122).
13. Sukhobokova, O. (2017) The Ukrainian community of the United States and the Ukrainian issue during the first World War [Ukrayins`ka gromada SShA ta ukrayins`ke pitannya v peri`od pershoyi svi`tovoyi vi`jni]. *Amerikans`ka i`stori`ya ta poli`tika*. № 4.
14. Tereshenko, O.V. (2015) UPR diplomatic mission to the United States in letters from Julian Bachinsky [Diplomatichna mi`si`ya UNR u SShA v listakh Yuli`ana Bachins`kogo]. *Arkhivi Ukrayini*. № 4 (298).
15. Troshchinsky, V. P. (1999) Ukrainians in the world [Ukrayinczi` v svi`ti] Kiev. 352 p.

Информация об авторе

Ольга А. Пылова
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического
развития Российской Федерации 119285, Москва, Воробьёвское шоссе, 6А
olga.pylova@yandex.ru

Information about the author

Olga A. Pylova
Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian
Federation, Moscow, Russia, Moscow, Vorobyovskoe highway, 6A,
olga.pylova@yandex.ru

Монументальная коммеморация отечественных войн и её место в истории и культуре России XIX–XXI вв. (на примере Тарутинского мемориального комплекса 1812/1941–1945 гг.).

Часть 1.: «Вот укрепления, заслонившие Россию!»

Елена А. Косован

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия,

kosovan.ea@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап формирования Тарутинского мемориального комплекса (Калужская область Российской Федерации), увековечивающего память об Отечественной войне 1812 г. и о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Исследуя основные вехи формирования комплекса в XIX – начале XX в., автор помещает Тарутинский памятник в честь победы русского оружия в Отечественной войне в широкий контекст мемориальной культуры имперской России и государственной символической политики. Его история в исследуемый период показывает, что мемориал начал складываться на пересечении общественных и государственных коммеморативных инициатив, причём частная и общественная инициатива опережала государственную (мемориальный проект владельца Тарутина С.П. Румянцева был реализован хронологически раньше, чем императорская программа по увековечению победы в Отечественной войне 1812 г. и был гораздо шире в гражданском смысле). При этом формирование мемориального комплекса достаточно точно отражает колебания государственной символической политики, с одной стороны – в зависимости от задач нациотворения, а с другой – в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. Автор подчёркивает, что памятник создавался в качестве символического обозначения московских рубежей как места, где победа неожиданно оборачивается поражением для интервента, и России как спасительницы Европы.

Ключевые слова: Российская империя, Тарутино, Отечественная война 1812 года, памятник, коммеморация, символическая политика.

Monumental Commemoration of the Patriotic Wars and its Place in History and Culture of Russia in 19th – 20th Centuries (by an example of the Tarutino Memorial Complex of 1812/1941– 1945)

Part 1: “These are the fortifications that protected Russia!”

Elena A. Kosovan

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia,

kosovan.ea@rggu.ru

Abstract. *The article considers the initial stage in formation of the Tarutino Memorial Complex (Kaluga Oblast of the Russian Federation) commemorating the Patriotic War of 1812 and the Great Patriotic War of 1941–1945. Investigating the main milestones in formation of the complex in the 19th – early 20th centuries, the author puts the Tarutino monument in honour of the victory of Russian arms in the Patriotic War in a broad context of the memorial culture of imperial Russia and the state symbolic policy. Its history for the period under study reveals that the memorial began to take shape with the overlap of public and state commemorative initiatives, with the private and public initiative getting ahead of the state one (the memorial project of Tarutino owner, S.P. Rumyantsev, was implemented chronologically earlier than the imperial programme to commemorate victory in the Patriotic War of 1812 and was much broader from the civic point of view). At the same time, formation of the memorial complex reflects quite accurately fluctuations of the state symbolic policy depending on objectives of the nation-building, on the one hand, and on the foreign policy conjuncture, on the other hand. The author emphasizes that the monument was created as a symbolic designation of Moscow frontiers, as the place where victory of the invader unexpectedly turns into defeat, and Russia as the saviour of Europe.*

Keywords: *Russian empire, Tarutino, Patriotic War of 1812, monument, commemoration, symbolical policy.*

Введение

На рубеже XX–XXI вв. мы вступили в «мемориальную эпоху». В результате «мемориального поворота» память, прошлое, история – во всех мыслимых и немыслимых смыслах и комбинациях – заполнили собой частную жизнь и политическое пространство, искусство и науку. Мемориальный поворот вынес на вершину академической популярности исследования памяти (*memory studies*), причём едва ли не ключевым направлением *memory studies* стало изучение памяти о крупных межнациональных вооружённых конфликтах.

В российской историографии данная проблема приобретает особенно пронзительное звучание: «Для страны, пережившей такое количество войн, для страны, чья армия брала на себя ответственность не только перед собственным народом, но неоднократно спасала суверенитет и культурную целостность своих ближних и дальних соседей – тема войны в коллективной памяти, в исторической науке, в литературе и искусстве оказывается вне конкуренции» [Святославский 2011, с. 207].

Исследования памяти о войнах, различных форм мемориализации военного прошлого России включают массу разнообразных сюжетов, теоретических и практических вопросов, маркеров актуальности и значимости для тех или иных исторических нарративов. Какие-то из этих сюжетов и вопросов исследуются часто, какие-то по разным причинам находятся на периферии внимания научного сообщества. Так, в отечественной историографии нет недостатка в работах о материальных памятниках воинской славы, в том числе и о мемориальных комплексах. Однако немногие исследователи фокусируются на такой мемориализации побед русского оружия, которая подразумевает слияние наиболее значимых символов, их объединение в одном памятнике [Зиновьева 2017, с. 58].

В полной мере это касается Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Дискурсивное слияние двух войн на уровне идеологии и коллективной памяти обусловило формирование единых объектов мемориальной культуры, выражающих «ассоциативное пересечение» двух событий [Святославский 2011, с. 160] и становящихся местами памяти о них, благо географически события 1812 и 1941 гг. разворачивались на одних и тех же территориях. Большое значение в данном контексте приобретают мемориальные комплексы, синтезирующие разнообразные средства мемориализации какого-либо явления (в нашем случае – Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны) [Кириченко 2001, с. 197] [Святославский 2011, с. 174, 176]. Особый интерес, по нашему мнению, представляют военно-мемориальные комплексы, которые формировались на протяжении длительного времени.

«Долгожителство» составляющих его памятников определяет высокую и разноплановую информативность комплекса как объекта особой (мемориальной) культуры – ведь каждый памятник «несёт в себе не только исходную мемориальную информацию, но и своего рода метаинформацию второго, третьего и так далее порядка, будучи свидетелем того, как последующие поколения относились к замыслу создателей мемориала и предыдущих поколений – в отношении мемориализуемого события, лица или тех или иных форм мемориализации. <...> Вторичную информацию содержит сама по себе "биография" памятника, хранящая в себе сведения не только о создании и разрушении, но и о всевозможных его перестановках, переделках. Чем дольше памятник существует во времени, тем больше у него возможностей "обрасти" дополнительными пластами мемориальной информации» [Святославский 2011, с. 161].

Продемонстрируем это на примере Тарутинского мемориального комплекса, рассмотрим историю его формирования в контексте развития российской символической политики и мемориальной культуры. Под символической политикой мы здесь понимаем деятельность, подразумевающую:

- интерпретацию прошлого, на основе которой выстраивается определённый исторический нарратив, соответствующий политическим интересам интерпретатора;
- борьбу за доминирование этого нарратива в публичном пространстве [Малинова 2015, с. 22–23].

Реализация символической политики оказывает значительное влияние на публичную мемориальную культуру, существенной частью которой являются монументы⁵³⁰. Поскольку основная задача монументов – коммеморативная (то есть заключающаяся в сохранении памяти о лице или событии⁵³¹, притом памяти определённого толка), они выступают в качестве важного инструментария символической политики.

---

530 То есть отдельно стоящие или входящие в состав комплекса памятники – обелиски, колонны, статуи и т. п.

531 Это заложено уже в названии: «монумент» происходит от лат. *monere* – напоминать.

В Российской империи, Советском Союзе и в Российской Федерации ключевая роль в символично-политической работе с прошлым всегда принадлежала государству, мемориальная культура оставалась в значительной степени «достоянием» именно государственной политики, а монументы, устанавливаемые часто по инициативе государства и под его непосредственным контролем, занимали символическое место рядом с гербом, флагом, гимном [Святославский 2011, с. 266] [Сокол 2009, с. 11]. Разумеется, в первую очередь это касается тех памятников, которые увековечивали основополагающие для государства и социума ценностные категории – например, Отечество (Отчизна / Родина), которое выступает в качестве главного символа коллективной идентичности, является основным из основных инструментов социальной мобилизации и, соответственно, расценивается как мощнейший легитимационный ресурс для ведущего политического актора – властных элит и государственных структур [Чикаева 2016, с. 195].

В то же время параллельно с государственной коммеморацией реализовывались процессы коммеморации общественной, акторами которой выступали социальные группы и институты. Взаимодействие и интеграция государственной и общественной коммеморации отражают мировоззрение социума и его групп и являются важнейшим маркером формирования национального сознания.

Феномены и практики символической политики (в частности, её исторического направления) и мемориальной культуры находятся на перекрестке политического и культурного пространств и тем самым приобретают особую значимость для историка. Изучение монументальной коммеморации даёт ключ к пониманию национальных исторических нарративов, «объясняющих настоящее и проектирующих будущее» и выступающих в качестве «динамического результата наличных отношений власти и доминирования» [Малинова 2015, с. 24–25]. Таким образом, исследование Тарутинского мемориала позволяет нам сменить исследовательскую оптику и взглянуть на глобальные этнокультурные и политические проблемы российской истории через призму краеведения.

Хронологическим ядром работы является период с 1810-х гг., когда были предприняты первые попытки увековечения победы в Отечественной войне 1812 года, по начало 2000-х гг., когда были внесены последние изменения в композицию исследуемого комплекса. В первой части статьи будет рассмотрен имперский период формирования Тарутинского мемориального комплекса, то есть 1812–1913 гг.

Территориальные рамки работы обусловлены историко-географической локализацией изучаемых памятников.

Источниковую базу исследования составляют документы из архива Тарутинского военно-исторического музея, находящиеся в свободном доступе материалы прессы, законодательные акты, документы личного происхождения.

Историографической основой работы являются в первую очередь труды, посвящённые общим проблемам изучения исторической и коллективной памяти и исторической политике России в целом и месту в ней Отечественных войн, российской военно-мемориальной культуре и её архитектурно-скульптурной составляющей, формирования Тарутинского мемориального комплекса.

«Вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов отечества!»: начало Тарутинского мемориала

История села Тарутино, расположенного на берегах реки Нара в 106 км к юго-западу от Москвы, насчитывает по меньшей мере шесть столетий⁵³². Однако прославили его события 1812 г.: небезупречный с военно-тактической точки зрения фланговый манёвр на Нарско-Чернишенском рубеже обозначил, по определению Е.В. Тарле, «победоносный фазис кутузовского контрнаступления» [Тарле 2012, с. 251], подняв боевой дух русской армии и народа и продемонстрировав, что армия Наполеона не неуязвима [Шведов 2002, с. 13–14].

Примечательно, что привычное для нас понятие «Тарутинский марш-манёвр» (иногда «Тарутинская операция») появилось недавно – в середине XX в., благодаря советским историкам, которые считали конечным пунктом манёвра село Тарутино. М.И. Кутузов же «характеризовал совершённое в сентябре 1812 г. обходное движение как фланговый марш, не акцентируя внимания на конечном пункте движения войск» [Бессонов 2009]. Несмотря на это, в конце 1812 г. М.И. Кутузов написал письмо владелице Тарутина Анне Никитичне Нарышкиной с просьбой сохранить полевые укрепления Тарутинского лагеря в память о героях марш-манёвра: «Село Тарутино, вам принадлежащее, озаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавой, и река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамайя. Покорнейше прошу вас, Милостивая Государыня, чтобы укрепления близ села Тарутина, укрепления, которые устранили полки неприятельские и были твёрдою преградой, близ коей остановился быстрый поток разорителей... чтобы укрепления сии остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное своё поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнём соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов отечества!»⁵³³.

Итак, первым вариантом увековечения победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г. стало создание так называемого «памятника-подлинника» или «непреднамеренного памятника» [Галкова 2009, с. 183]. Об иных вариантах речь пока не шла. Вообще в эпоху Александра I единственным полем сражения, на котором был воздвигнут памятник,

---

532 Впервые Тарутино упоминается в духовной грамоте (1483–1486 гг.) князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича – внука Дмитрия Донского. См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М., Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 302, 306, 309, 315.

533 Письмо М.И. Кутузова помещице села Тарутино А.Н. Нарышкиной о сохранении в неприкосновенности тарутинских укреплений. № 664. 1812 г. // Кутузов М.И.: Сборник документов и материалов в 5 томах / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. С. 650.

оказалось Бородино: здесь в 1820 г. вдова генерал-майора А.А. Тучкова⁵³⁴ Маргарита Михайловна построила храм во имя Спаса Нерукотворного (император пожертвовал на строительство 10 тыс. руб.) [Святославский 2011, с. 170] [Селедкина 1994, с. 77].

Обращает на себя внимание тот факт, что государство и общество проявляли в этот период примерно равную коммеморативную активность: первое инициировало масштабные и долговременные монументальные проекты, завершение которых, как правило, уже ложилось на плечи наследников Александра Павловича, второе обращалось к менее пышным, менее дорогостоящим и трудоёмким способам монументального увековечения памяти 1812 г. К примеру, на счёт государства можно отнести сооружение триумфальных ворот – Нарвских из дерева и алебаstra в Санкт-Петербурге⁵³⁵ (1814) и чугунных «Любезным моим сослуживцам» в Царском Селе (1817). Необходимость создания памятников М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли была анонсирована в императорском рескрипте 1818 г., но сами памятники появились только в 1837 г. Заложенный в 1817 г. в Москве «молитвенный памятник» – храм Христа Спасителя – был завершён только в начале 1880-х гг. [Тартаковский 1980, с. 185], став, таким образом, самым ярким примером той тенденции, которую отметил К.Н. Цимбаев: стремление властей отметить юбилейную дату сооружением монумента и неспособность сделать это вовремя [Цимбаев 2012, с. 486].

В то же время в 1815 г. луцкий помещик Нарушевич установил в парке своего имени «Памятник русским воинам, погибшим в Отечественной войне 1812 г.»; примерно в 1818 г. по инициативе другого польского дворянина Станислава-Франца Ручинского был установлен памятник на окраине волынского села Городно [Хомич 2014, с. 248–249]; в 1820 г. в селе Елисеенки на Смоленщине был возведён кирпичный четырёхгранный столп в память о сожжении села в 1812 г.; к 1817 г. в Риге была установлена Колонна победы – русской армии от благодарных горожан [Сокол 2009, с. 138]. В отличие от Тарутинского «непреднамеренного памятника», все эти монументы – примеры так называемых «памятников-символов» или «преднамеренных памятников», то есть мемориальных сооружений, созданных специально в целях увековечения определённого события [Галкова 2009, с. 183–184].

По мнению А.Г. Тартаковского, в 1815–1825 гг. и государство, и в значительной степени общество пренебрегали памятью о событиях 1812 г., в том числе и памятью монументальной. Причиной могло быть личное отношение к ним государя Александра Павловича, который избегал воспоминаний о событиях лета-осени 1812 г., сопряжённых со стыдом за военно-политические

---

534 Александр Алексеевич Тучков (четвёртый) погиб 26 августа (7 сентября) 1812 г.

535 Эти ворота О.Б. Островский очень метко назвал «ампирной бутафорией» (См.: *Островский О.Б. Исторические условия формирования русской художественной культуры в 1801–1825 гг.*: Дисс. ...д. ист. н. м.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2006. С. 405). Они очень быстро пришли в негодность и простояли в общей сложности только 10 лет. В 1834 г. были построены новые Нарвские ворота, сохранившиеся до наших дней.

неудачи и страхом перед «атмосферой народной войны», и желал, чтобы этот период оказался целиком в густой тени триумфальных Заграничных походов [Тартаковский 1980, с. 184]. Кроме того, А.Г. Тартаковский выделял и влияние внешнеполитической обстановки на характер и активность мемориализации: на фоне сближения с вернувшимися на французский престол Бурбонами, на фоне революционного брожения в Европе и в самой России в конце 1810-х – начале 1820-х гг. деятельная «популяризация борьбы России с французским нашествием» выглядела бы неуместно [Тартаковский 1980, с. 183–185].

Безусловно, перечисленные А.Г. Тартаковским факторы, оказали своё влияние на увековечение интересующих нас событий. Однако не стоит их абсолютизировать.

Во-первых, обращает на себя внимание следующий факт. В своей монографии А.Г. Тартаковский ссылается на императорского флигель-адъютанта А.И. Михайловского-Данилевского, в прошлом – адъютанта М.И. Кутузова и участника Отечественной войны, который осуждает Александра I за пренебрежение памятью о местах сражений 1812 г. В своём дневнике тот пишет: «Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года: Бородина, Тарутина, Малого Ярославца и других, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя – в Ватерлоо...» [Тартаковский 1980, с. 184]. По всей видимости, эту запись в дневнике А.И. Михайловский-Данилевский сделал не позже конца августа 1816 г.

Но через год, в сентябре 1817 г. император посетил Тарутино. Поездка эта реконструирована В.А. Бессоновым и Н.В. Зиновкиной, которые использовали в качестве источника в том числе воспоминания А.И. Михайловского-Данилевского. Известно, что 27 сентября, после двухдневного пребывания в Калуге, Александр Павлович с сопровождающими лицами выехал на манёвры в район Тарутинского сражения и остановился в селе Успенском-Нижнем – имении П.А. Кусовникова⁵³⁶. На следующий день (28 сентября) состоялся смотр двух гренадерских дивизий, командовал которыми участник Отечественной войны граф А.И. Остерман-Толстой, а 29 сентября «дивизии производили манёвры почти на самом месте Тарутинского сражения» [Бессонов 2010, с. 5] [Зиновкина 2014, с. 60].

А.И. Михайловский-Данилевский весьма эмоционально описывает эту поездку: «В сумерки (27 сентября 1817 г. – Е.К.) мы миновали Леташевку⁵³⁷, которую с полным правом можно назвать колыбелью свободы России.

---

536 Колоритная фигура Петра Алексеевича Кусовникова (1753–1823) описана М.И. Пыляевым в книге «Замечательные чудачки и оригиналы». В московском доме Кусовникова на углу Богоявленского переулка и Никольской улицы квартировал во время оккупации старой столицы гражданский интендант Москвы Жан Батист Бартеlemi Лессепс. См.: *Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы.* М.: ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2014, 304 с.; *Романюк С.К. Сердце Москвы. От Кремля от Белого города.* М.: Центрполиграф, 2013. 909 с.

537 Леташовка, Леташевка или Малая Леташевка – деревня на Старой Калужской дороге, примерно в 4,3 км от Тарутина. В 1812 г. там находился штаб М.И. Кутузова. В 1941 г. деревня была полностью разрушена и прекратила существование. В 2012 г. по инициативе учащихся московской гимназии №1529 им. А.С. Грибоедова там был установлен памятный камень с надписью «Русским воинам от благодарных потомков».

Государь остановился у той избы, где жил князь Кутузов, входил в неё и пожаловал хозяину оной пятьсот рублей. Стол, скамьи и образ, составлявшие единственную мебель сей хижины, находились в тех же местах, как и в то время, когда в ней жил русский Камилл. Вскоре увидели мы Тарутино, и множество воспоминаний овладели моей душою. Вот крутой берег Нары, стоя на котором наш герой сказал в ту минуту, когда армия вступала в Тарутинский лагерь: “Теперь ни шагу более назад”. Вот дом, где он принимал Лористона! Вот укрепления, заслонившие Россию! Какие памятники Греции и Рима могут сильнее, чем сии священные места, говорить нашему сердцу и воображению, ибо тут спасено было Отечество наше...»⁵³⁸.

Скорее всего, государь Александр Павлович воспринимал Тарутино не столь экспансивно, но факт остаётся фактом: он всё же посетил одно из «священных мест» 1812 г. (причём легко заметить, что поездка была приурочена к пятилетнему юбилею Тарутинского марш-манёвра), и смотр и манёвры, которые он удостоил своим вниманием, можно расценивать как одну из форм военной коммеморации.

Оценивая коммеморативную активность государства и общества при Александре I, следует, как нам кажется, принять во внимание, что в 1815–1825 гг. способы и формы памятования (а также забвения) кампании 1812 г. находились на стадии зарождения. Слишком мало прошло времени с момента изгнания Наполеона, чтобы работа памяти совершилась и приняла более-менее устойчивые, законченные формы, чтобы собственно память стала коммеморацией [Дмитриева 2019, с. 9]. Опыт монументальной коммеморации этого периода показывает, что общество и государство только «нащупывали» то, что они будут чтить, что – проклинять, что – постараться забыть, искали приемлемые коммеморативные практики и решения, балансируя при этом между русскими и зарубежными традициями мемориальной культуры (сооружение храмов соответствует русской традиции, тогда как скульптурные памятники и триумфальные ворота являются плодом традиции европейской). Для первого этапа мемориализации, каким и был период с 1815 по 1825 гг., это совершенно нормально.

Говоря об особенностях мемориальной культуры вообще и её монументальной составляющей в частности, следует вспомнить и о том, что в России традиционной формой мемориализации было воздвижение храмов-памятников и памятных крестов; с западной монументальной скульптурой и архитектурой вплоть до петровских времён российская культура была знакома слабо [Филошкин 2017, с. 383] [Сокол 2009, с. 23]. В XVIII в. в России появились первые памятники «западного образца», выполненные в классицистическом стиле, но ещё и в первой половине XIX столетия численность их росла медленно (примечательно, что большинство памятников, установленных в 1815–1825 гг. по инициативе частных лиц или общественных групп, находилось в западных районах Российской империи, более тесно знакомых

---

538 Императорский маршрут Калужской области / Сост.: В.А. Бессонов, С.Я. Заурдина, В.А. Анпилов. Калуга: Калужский печатный двор, 1812. С. 4.

с европейской мемориальной культурой), и в целом российская мемориальная культура представляла собой сложное переплетение древнерусской и классицистической традиций [Святославский 2011, с. 164]. В России весь XIX в. – время, когда синхронно происходят поиск новых образцов и становление ряда практик, вводящих эти образцы в пространство культурной памяти [Еремеева 2012, с. 499]. И К.Г. Сокол замечает, что до 1830–1850-х гг. монументов было немного, они устанавливались преимущественно в обеих столицах – Москве и Санкт-Петербурге и в столичных регионах, а количество монументов, сооружённых на полях сражений, вообще исчислялось единицами вплоть до начала XX в. [Сокол 2009, с. 20, 26]. Таким образом, малое количество монументов в честь войны 1812 г. не является отличительной характеристикой именно «александровского времени».

Наконец, вспомним и о том, что сооружение монументов является делом трудоёмким и дорогостоящим, требует времени, особенно если речь идёт о реализации индивидуальных проектов и об использовании технологий позапрошлого века.

В целом, следует согласиться с О.О. Дмитриевой, по мнению которой в России именно в 1815–1825 гг. «“места памяти” об Отечественной войне 1812 г. приобрели большую значимость в связи со знаковым влиянием этого события на мировоззрение практически всех слоёв российского общества, побудившим к созданию всё новых форм коммемораций как общественно, так и государственного уровня» [Дмитриева 2019, с. 41]. Однако внесём поправку: не приобрели, а только начали приобретать. При Александре I Благословенном только начались процессы «формирования и переконфигурации памяти», которые являются необходимым предисловием к наделению какого-либо события прошлого особой ценностью [Еремеева 2012, с. 499].

«Сей памятник воздвигнут на иждивение крестьян села Тарутина...»: Тарутинская триумфальная колонна

Монументальная коммеморация относительно редко затрагивает события древней истории, гораздо чаще её объектами становятся события не столь давние. Однако живая память о событиях травмирующих, событиях постыдных может препятствовать общественной да и государственной мемориализации. Время залечивает «раны памяти», но для того, чтобы социум оказался готов вынести травмирующие события прошлого из зоны забвения в зону активного памятования, нужно, по мнению Алейды Ассман, по крайней мере 15–30 лет (разумеется, единого правила тут не может быть).

Но это, разумеется, не всё. Гораздо более важной предпосылкой к реформатированию общественной памяти является потребность властных элит в формировании определённого образа прошлого, который в свою очередь становится основой для конструирования будущего. Иными словами, ключевым фактором становится то, что «в определённые периоды истории стремление увлечь массы той или иной идеей овладевает умами политиков с особой силой: это случается тогда, когда при помощи идеологической мобилизации власть пытается найти пути решения актуальных политических, социальных или национальных проблем» [Цимбаев 2012, с. 475].

Для России это особенно верно, и такое соображение помогает понять, почему вспышка интереса к Отечественной войне, сопровождающаяся повышением коммеморативной активности государства, пришлась на конец 1820-х – 1830-е гг. В этот период проблема памяти о событиях и героях 1812 г. приобрела новое звучание – в контексте восстания декабристов 1825 г. и особенно польского восстания 1830–1831 гг.

Восстанию мы обязаны пробуждением русского национализма (под которым мы, разумеется, понимаем не шовинистические движения, а идеологию и политические практики, в основе которых лежат интересы нации). Польское восстание обнажило конфликт между имперским центром и элитами периферии и актуализировало проблему русского народа, триединой (по уваровско-устряловской схеме) русской нации и, естественно, русской национальной территории [Миллер 2007]. История становится главным ресурсом нациотворения – национальным нарративом, важнейшей составляющей которого, как известно, является миф о славных предках и их славных победах [Шнирельман 1998]. В связи с этим особую символическую актуальность приобрела история оборонительных войн, которые вёл русский народ, и память о победах, которые он в этих войнах одержал. На ментальной карте русского национализма места знаменитых сражений должны были занять почётное место, то есть следовало маркировать их памятниками: «...Земля безответна; она не расскажет того, что видела и сколько на ней совершалось событий, достойных воспоминания позднейшего потомства; в событиях же живут примеры для подражания, источники вдохновения – для искусства, утешения – для народного славолубия; эти места славы и гордости должно украшать почётными знаками как героев, участников подвигов» [Кияновский 2001, с. 352].

Именно при Николае I, как отмечает А.А. Смирнов, «из необычной диковинки памятник превратился в почитаемую и охраняемую святыню» [Смирнов 2009, с. 388]. Особое же значение «опоздавший на Отечественную войну» император придавал увековечению памяти о её героях и славных победах, одержанных ими над интервентами⁵³⁹ [Цимбаев 2012, с. 488]. В преддверии 25-летнего юбилея победы над Наполеоном он предпринял ряд энергичных мер, направленных на создание целой сети памятников, в том числе и маркирующих поля сражений.

Так, 7 августа 1835 г. высочайшим повелением было предложено «установить чугунные монументы на важнейших местах сражений 1812 года» [Смирнов 2009, с. 388]. Военное министерство должно было определить места, достойные увековечения, Академия художеств – провести конкурс проектов памятников, Александровский литейный завод – создать монументы и т. д. [Смирнов 2009, с. 388]. В начале 1836 г. Тарутино было включено в список мест, выбранных для установки памятника по проекту А.А. Адамими.

Однако в это время в селе уже был установлен созданный по индивидуальному проекту монумент в честь марш-манёвра сентября-октября 1812 г. Вот как это произошло.

---

539 Олейников Д. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 23.

В 1820 г. скончалась А.Н. Нарышкина, и новым владельцем Тарутина стал сначала знаменитый государственный деятель, дипломат и меценат граф Николай Петрович Румянцев, а после его смерти в 1826 г. – его брат Сергей Петрович. Сергей Петрович Румянцев (1755–1838 гг.) известен в основном как один из инициаторов указа 20 февраля (4 марта) 1803 г. «Об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, основанных на обоюдном согласии» (или указ «О вольных хлебопашцах»), который легализовал практику индивидуального или коллективного (то есть селениями) освобождения крепостных и наделения их землёй – по доброй воле помещиков и за выкуп⁵⁴⁰.

Получив в наследство земли, имеющие историческое значение, С.П. Румянцев испросил Высочайшего повеления о даровании крестьянам Тарутина и близлежащих деревень свободы (признании их «вольнотемельдерскими») и передачи им в пользование земли и других угодий⁵⁴¹. При этом крестьяне обязались в течение 21 года выплатить Санкт-Петербургскому опекунскому совету долги графа, а главное – «из благодарности к оказанной им милости» они «изъявили графу Сергею Петровичу усердное желание воздвигнуть на собственном их иждивении особый в Тарутине памятник в ознаменование славы российского воинства и блистательных подвигов, оказанных им под предводительством знаменитого вождя генерал-фельд-маршала князя Кутузова-Смоленского»⁵⁴².

По сведениям «Русского биографического словаря», 20 декабря 1828 г. (1 января 1829) проект С.П. Румянцева удостоился Высочайшего утверждения⁵⁴³. Так 745 крестьян села Тарутина и деревень Границева, Агафьина, Дубровки, Жукова и Чёрикова получили свободу⁵⁴⁴. Далее ими была собрана крупная сумма – в общей сложности 44 тыс. руб. ассигнациями, предназначенная для устройства памятника. Примечательно, что первый проект монумента, автором которого был, скорее всего, сам С.П. Румянцев, и согласно которому триумфальную колонну должна была венчать фигура древнегреческой богини победы Ники (Нике), почему-то не был реализован (источники с точной формулировкой причин отсутствуют). В новом проекте Ника была заменена более нейтральным символом победы – одноглавым орлом.

---

540 *Путятин В.С.* Указ о вольных хлебопашцах (1803) [Электронный ресурс]. Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/ukaz_o_volnykh_khliebopashtsakh_1803 (дата обращения 3 августа 2020).

541 *Майков П.М.* Румянцев, Сергей Петрович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 17: Романова – Рясовский. [Электронный ресурс]. Электронная библиотека «Lib.ru: “Классика”». URL: http://az.lib.ru/m/majkow_p_m/text_rumyantzev_sergiy.shtml (дата обращения 3 августа 2020); *Ивашко Н.В.* Неустрашимым сынам Отечества // Балабаново. № 33. 2012. С. 8. [Электронный ресурс]. Старый Боровск. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=bhlxebuc_rus&id=85 (дата обращения 28 июля 2020).

542 *Ивашко Н.В.* Неустрашимым сынам Отечества...

543 *Майков П.М.* Румянцев, Сергей Петрович...

544 *Ивашко Н.В.* Указ. соч.

Открытие памятника состоялось 25 июня (7 июля) 1834 г.: в этот день 22-метровую чугунную колонну установили на окраине Тарутина «на одной из земляных батарей 1812 г.»⁵⁴⁵ [Ивашко 2002]. Как отмечает Н.В. Ивашко, «событие это было торжественным, многолюдным и продолжалось 3 дня. Из почётных гостей присутствовали исполняющий обязанности губернатора Тиличев, предводитель калужского дворянства Чаплин, начальник 4-й артиллерийской дивизии Вольф. Епископ Калужский и Боровский Никанор совершил литургию и молебен, 101 пушечный выстрел артиллеристов 8-й конно-артиллерийской бригады батареи № 4 прозвучал в честь открытия памятника, под звуки полковой музыки прошли парадом 4 батальона Рязанского пехотного полка и артиллеристы упомянутой бригады»⁵⁴⁶.

Итак, граф Румянцев опередил императора Николая, а Тарутино впоследствии было исключено из «императорской программы» 1835 г. [Смирнов 2009, с. 389].

Неудивительно, что именно С.П. Румянцев – екатерининский вельможа, дипломат и меценат, не чуждый поэзии и даже «как человек XVIII века, немножко вольнодумец <...>»⁵⁴⁷ – стал инициатором создания памятника в Тарутине. Сергей Петрович Румянцев вообще любил ставить памятники⁵⁴⁸, и в своём желании лично увековечить события 1812 г. он не был одинок. В конце 1820-х – начале 1850-х гг. было установлено ещё несколько «частных» монументов [Сокол 2009, с. 138–139]. Но в этот период мемориализация казённая всё же опережала индивидуальную и общественную по количеству внушительных монументов, воздвигнутых в честь побед Отечественной войны 1812 г.

Таким образом, в 1834 г. был сделан первый шаг к формированию Тарутинского мемориального комплекса, то есть объекта, состоящего из непреднамеренного «памятника-подлинника» (земляные укрепления) и «памятника-символа», представляющего собой художественное произведение (триумфальная колонна) и являющегося примером русского классицизма.

Однако судьба колонны, воздвигнутой в 1834 г., оказалась печальной. Через несколько лет после торжественного открытия она дала трещину, что было обнаружено чиновниками Калужской губернской палаты государ-

---

545 Ашик А.В. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I: снимки памятников, медалей и гравюр. СПб.: «Электро-типография Н. Я. Стойковой», 1913. С. 60.

546 Ивашко Н.В. Указ. соч.

547 Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 94.

548 Любопытную историю памятника, воздвигнутого С.П. Румянцевым в деревне Фенино (ныне Московская область, Балашихинский район), исследовала Наталья Тарашевская [Тарашевская 2020].

ственных имуществ⁵⁴⁹ и подтверждено после осмотра памятника специальной комиссией в 1839 г. В соответствии со своими обязанностями по уходу за памятником, тарутинцы попытались ограничиться ремонтом: монумент «укрепили» специальными обручами, замаскированными при помощи латунного покрытия. Однако в 1852 г., после нового обследования памятника, было всё же решено его заменить.

По данным Тарутинского военно-исторического музея, два года крестьяне собирали деньги на новый монумент. В мае 1854 г. к отливке приступили рабочие Мышегского завода, на котором была изготовлена и первая колонна. Через год начались работы по размещению памятника на каменном постаменте, который был установлен самими тарутинскими крестьянами, и в ноябре 1855 г. трёхлетняя эпопея была закончена⁵⁵⁰. На окраине села вновь встала 22-метровая чугунная колонна, украшенная военно-геральдическими элементами и поясом из лавровых венков, увенчанная шаром с изображением знаков зодиака и одноглавым орлом. На постаменте колонны была выбита надпись: «На сем месте российское воинство под предводительством фельдмаршала М.И. Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу», а ниже – «Сей памятник воздвигнут на иждивение крестьян села Тарутина, получивших от графа С.П. Румянцева безмездную свободу».

Тарутинская триумфальная колонна и памятная доска на ней (фото автора)

Отметим, что похожая надпись – «Герои! Тем возвеселитесь, что нас с Европой спасли» – была высечена на частном «Памятнике русским воинам, погибшим в Отечественной войне 1812 г.» в Луцке, о котором речь шла выше⁵⁵¹. Перекликается она и с надписью на Колонне Победы в Риге: «Силы двадцати царств и народов с мечом и огнём вторглись в Россию, и пали в смерть и плен. *Россия, поражая губителя, расторгла узы Европы (курсив мой – Е.К.)*. Александр Первый победоносно десницей возвратил и утвердил царям царства, законы народам» [Пухляк 2012, с. 5].

Эта схожесть вербального оформления монументов в честь Отечественной войны заслуживает особого внимания. Мы уже отмечали, что появление первых памятников в честь событий 1812–1814 гг. было результатом

---

549 Калужская губернская палата государственных имуществ была учреждена в соответствии с «Проектом учреждения для управления государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. В её ведении находились государственные крестьяне, а также казённые земли и угодья. См.: Государственный архив Калужской области (ГАКО). Описание ф. Ф-53 «Калужская губернская палата государственных имуществ». 1824–1892. [Электронный ресурс]. Официальный сайт ГАКО. Электронный каталог. URL: <https://archive.admoblkaluga.ru/gako/object/6087085> (дата обращения 2 августа 2020).

550 История тарутинского памятника. Часть III [Электронный ресурс]. Военно-исторический музей «Тарутино». 18 апреля 2020. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?id=101147164640380&story_fbid=222906579131104 (дата обращения 2 августа 2020).

551 Хомич Д.В. Вольские памятники войны 1812 года... С. 348.

осмысления этих событий «сверху» и «снизу», их постепенной институционализации в исторической памяти⁵⁵². Монументальная коммеморация второй половины 1810-х – 1830-х гг. показывает, что одним из самых ранних и важнейших элементов дискурса Отечественной войны стала тема «спасения русскими воинами России и Европы» / «спасения Россией Европы». При этом в ряду монументов, транслирующих данное послание, Тарутинский памятник выделяется чётким, лаконичным и недвусмысленным позиционированием подступов к Москве как места, где была решена судьба не только Российской империи, но и европейской цивилизации.

Подобная интерпретация представляет большой интерес в контексте развития российско-европейских отношений и отражения этого сюжета в русской мысли конца XVIII – первой половины XIX в. Отечественная война 1812 г. раскрыла для русской элиты основной смысл европейского дискурса о России: в рамках этого дискурса ей отводились две роли, и обе отнюдь не комплиментарные – это «роль “варвара у ворот”, т. е. угрозы, и роль “вечного подмастерья”, вступление которого в цех неизменно откладывается, а критерии, которым он должен соответствовать, непрерывно меняются»⁵⁵³. Изменилось и отношение российских элит к Европе: то, что было образцом для подражания, стало источником угрозы самому существованию России.

---

552 Напомним, что сам термин «Отечественная война» появился не в 1812 г., а спустя четыре года – в 1816 г. Известен и его автор – это литератор Ф.Н. Глинка. Лишь впоследствии, причём во многом «по высочайшему повелению», понятие «отечественная война» приобрело высокий смысл и стало писаться с заглавной буквы. См.: *Толстой И., Будницкий О.* 1812–1941: Миф Отечественной войны [Электронный ресурс]. Радио Свобода. 24 июня 2012. URL: <https://www.svoboda.org/a/24624841.html> (1 июня 2020).

553 *Миллер А.И.* Триада графа Уварова // [Электронный ресурс]. Интернет-издание «Полит.ру». 11 апреля 2007. URL: <https://m.polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (дата обращения 1 августа 2020).

Победа над «всемирным завоевателем» Буонапарте, который ещё недавно «официально именовали Антихристом, то есть существом, способным бросить вызов самому Всевышнему», подвиг «православного воинства», не просто изгнавшего армию «двунадесяти языков» из российских пределов (что было бы делом, так сказать, частным и реализацией естественного долга государя и армии), но сокрушившего непобедимых «латинян» «на их территории», а также участие русского императора в установлении новой системы международных отношений⁵⁵⁴ [Казаков 1970, с. 45] – всё это, вероятно, расценивалось высшими элитами Российской империи как «предъявление шедевра», блестяще сданный экзамен на звание мастера, который давал право на вступление в «европейский цех». Вероятно, именно этим и объясняется отмеченное А.Г. Тартаковским повышенное внимание русского императора к местам памяти о российском участии во «всевропеюском деле» на фоне гораздо меньшей заинтересованности в сооружении памятников «Отечественной кампании» в России.

---

554 Латин В. Великий юбилей «Великой години» (К 200-летию Бородинской битвы) // Звезда. 2012. № 7. С. 87–110. [Электронный ресурс]. Литературно-художественный, общественно-политический независимый журнал «Звезда». URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1856> (дата обращения 12 сентября 2020).

В эпоху Николая I вопрос о месте России относительно Европы приобрёл особое звучание на фоне модернизации империи и развития русского национализма. В контексте рассматриваемого сюжета интерес представляют принадлежащие С.С. Уварову идеи «эмансипации России в Европе», то есть их равенства⁵⁵⁵, и трансляции этих идей уже не вовне, а вовнутрь Российской империи – в том числе в монументах в честь Отечественной войны 1812 г. Победа над Наполеоном как лучшее свидетельство «взрослости» России, способность русского императора не только отстоять свою землю, но и другим «царям и народам», считавшимся более цивилизованными, более сильными, более современными, вернуть «царства и законы» – теперь все эти максимы предназначались в первую очередь «для внутреннего потребления» и ложились на канву национального героического нарратива – основы национальной идентичности, национального единства.

«Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник...»: общественное мнение о Тарутинском мемориале

В связи с этим нельзя не затронуть проблему реакции «образованного общества» на инициативу С.П. Румянцева и восприятие её результата «народными массами». М.А. Дмитриев в своих воспоминаниях говорит о ней растроганно-возвышенно: «Вот как поступали прежние вельможи, а не так, как Клейнмихели и Киселёвы, из которых последний продал своё огромное имение да, обеспечив себя деньгами, и сделался либералом, вопиющим против крепостного права! Александр был сам благороден; таковы были и вельможи!»⁵⁵⁶.

А вот А.С. Пушкину не понравились ни памятник, ни сама идея увековечения событий 1812 г. при помощи триумфальной колонны. В дневнике поэта под 28 ноября 1834 г. была сделана такая запись: «Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приятнее. Я доволен с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго ещё не разберёт»⁵⁵⁷.

Записи эти весьма любопытны, поскольку отражают, во-первых, вечную для России дилемму: как лучше увековечивать память о значимых событиях и персонах – с помощью архитектурно-скульптурных или со-

---

555 Там же.

556 *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни... С. 95.

557 Дневник 1833–1835 гг. // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. / Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 7. История Пугачёва. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. С. 336. [Электронный ресурс]. Русская виртуальная библиотека. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/03memoires/1160.htm> (дата обращения 29 июля 2020).

циальных объектов⁵⁵⁸. То, что в случае Тарутинского монумента удалось реализовать оба подхода, показано в воспоминаниях М.А. Дмитриева.

Во-вторых, они свидетельствуют о всё ещё делящемся в 1830-е гг. конфликте между традиционно-православной и классицистической парадигмами мемориальной культуры [Святославский 2011, с. 165]. Церковь была бы «приличнее», то есть уместнее колонны, потому что строительство храмов в память об одержанных победах было привычно для русской мемориальной культуры, а вот сооружение триумфальных колонн – ещё не совсем, хотя Тарутинская колонна не была первым сооружением в таком роде⁵⁵⁹.

Уместность и привычность храмовоздвижения как альтернативы классицистической мемориализации связана, конечно, и с проблемами образоспособности памятника (то есть его способности пробуждать в человеке сильные чувства, порождать запоминающиеся образы) и «прочтения» того символического послания, которое зашифровано в нём.

Для М.А. Дмитриева эти проблемы не существуют, он воспринимает воздвижение памятников как дело элит, у которых не должно возникнуть затруднений с восприятием и трактовкой монумента. А.С. Пушкин же обеспокоен тем, что у широкой аудитории неизбежно должны возникнуть трудности с пониманием вербальной составляющей памятника – «безграмотный мужик» просто не сможет прочесть длинную и «мудрёную» надпись, объясняющую, зачем поставлен памятник и что именно он увековечивает.

Невольно вспоминаются слова митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова): «Памятник есть безмолвный проповедник, который, в некотором отношении, может быть превосходнее говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди, и таким образом она доходит до целого народа и до многих последовательных родов. Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать её. Приметив сие, мудрость государственная благоприятствует устройению памятников, дабы они в свою очередь внушили народу любовь к Отечеству, которая внушила мысль устроить их, дабы, возвещая

---

558 Спустя почти сорок лет, когда решался вопрос о восстановлении сгоревшей Филевской избы, прославившейся как место заседания Военного совета 1 сентября 1812 г., звучали аргументы, в сущности повторявшие мысль А.С. Пушкина: «Всякая копейка, употреблённая на распространение грамотности, скорее и вернее, чем затрата на какие-либо сооружения, поведёт ... граждан к цели, т. е. к оживлению народной памяти». См.: Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. С. 235.

559 Можно упомянуть триумфальные колонны, установленные в Царском Селе – Чесменскую, Морейскую, Крымскую в последней трети XVIII в., а также Колонну Славы (Монумент Славы), воздвигнутую в Полтаве в начале XIX в. Архитектурные монументы, к которым относятся и колонны, стали первыми памятниками европейского образца, прижившимися в России. См.: Пилявский В.И. Русские триумфальные памятники. Ленинград: Общество по распространению политических и научных знаний, 1960. 56 с.; Коляда Е.М. Типологическая характеристика русских мемориально-ландшафтных композиций // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 220–228.

добродетели и подвиги предков, к тем же добродетелям и подвигам поощряли потомков»⁵⁶⁰.

Если продолжать аналогию, надпись на памятнике – это только заглавие книги, его понимание не гарантирует понимания общего смысла, закодированного в монументе. Сейчас трудно сказать, насколько был понятен смысл Тарутинского памятника крестьянам, добросовестно выполнявшим обязанности «смотрителя» колонны и, таким образом, хранителя памяти о русской воинской славе⁵⁶¹. Однако нельзя не признать, что идеолого-политические практики 1830–1840-х гг., составной частью которой стало воздвижение монументов в память о войне 1812 г., были действительно предназначены прежде всего для элит, а не для народных масс⁵⁶². И, говоря о понимании или непонимании смысла этих монументов, мы затрагиваем весьма болезненную для российской нововременной культуры проблему – проблему непонимания (или неполного понимания) между производителем культурных кодов (элитой) и их потенциальным потребителем (в том числе составлявшим в Российской империи большинство населения крестьянством) [Святославский 2013, с. 196–197]. Как известно, этот разрыв, приобретший к началу XX в. опасный масштаб, имел далекоидущие последствия.

Тарутинский мемориал во второй половине XIX – начале XX вв.

К.Г. Сокол отмечает, что в мемориализации Отечественной войны отчётливо выделяются два «пиковых периода», которые точно коррелируют с юбилеями: первый пиковый период приходится на правление Николая I и двадцатипятилетие победы (1837)⁵⁶³, а второй в основном совпадает с подготовкой к юбилейным торжествам 1912 г. [Сокол 2009, с. 141–142].

Формирование Тарутинского мемориала пришлось в основном на первый период, хотя, повторимся, начало ему было положено в эпоху Александра Благословенного, а финальные работы производились уже на излёте николаевского времени, то есть после 25-летнего юбилея. В этот же период мемориал был в последний раз посещён представителем правящего дома: во время празднования 25-летнего юбилея Отечественной войны, 21 июля

---

560 Речь при заложении в Москве триумфальных ворот. Говорена августа 17 дня, напечатана в Московский ведомостях 1829 года, Христианском Чтении 1829 года и в собраниях 1835, 1841 и 1848 годов // Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 3. 1826–1836. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1877. С. 130. [Электронный ресурс]. Научное наследие России: единое научное информационное пространство. Электронная библиотека. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10079927> (дата обращения 10 августа 2020).

561 Согласно данным музея, «ежегодно тарутинские и гранищевские жители платили “на памятник” по 50 копеек с души, и эти деньги под проценты помещались в калужский приказ общественного призрения». См.: История тарутинского памятника. Часть III...

562 *Миллер А.И.* Триада графа Уварова...

563 Праздничные мероприятия растянулись на два года, поэтому дата двадцатипятилетнего юбилея должна быть двойной: 1837–1839 гг.

(2 августа) 1837 г. в селе побывал цесаревич Александр, будущий император Александр II. Он «осматривал великолепный монумент, сооружённый графом Румянцевым на одной из батарей знаменитой позиции»⁵⁶⁴ (это была первая триумфальная колонна, которая в 1837 г., судя по всему, ещё не требовала ни ремонта, ни замены).

В дальнейшем на мемориале осуществлялись только реставрационные работы и даже юбилей 1862 и 1912 гг. не сопровождался значительными изменениями в его ландшафте, что можно объяснить как общими особенностями празднования этих «круглых» дат, так и спецификой местоположения победы в Отечественной войне 1812 года в российском мемориальном каноне второй половины XIX – начала XX вв.

Так, от празднования юбилея 1862 г. российское правительство фактически отказалось (или, по словам К.Н. Цимбаева, «саботировало» его), причём произошло это на фоне резкого роста общественного интереса к событиям 1812 г., вызванного Крымской войной. На самом деле не только российское общество, но и правительство нуждалось в героическом прошлом, чтобы компенсировать горечь поражения в Крымской кампании, и память об Отечественной войне 1812 г. воспринималась единодушно как эффективное лекарство – недаром и коронация Александра II в 1856 г., и открытие памятника Тысячелетию России в Новгороде в 1862 г. состоялись 26 августа (7 сентября) – в день 44- и 50-летия Бородинского сражения [Цимбаев 2012, с. 494].

Однако пышные торжества по поводу пятидесятилетия победы в Отечественной войне на фоне недавних поражений вряд ли смотрелись бы уместно [Дмитриева 2019, с. 72] [Сокол 2009, с. 140]. Громкое празднование было нежелательно и по другим причинам. В частности, социальная и внутривнутриполитическая ситуация второй половины 1850-х – начала 1860-х гг. способствовала своеобразному преломлению памяти о прошлых победах – в это время возникают новые, острые вопросы, касающиеся взаимоотношений народа и власти, и предпринимаются попытки найти ответы на них. Как отмечает К.Н. Цимбаев, «причины победы над Наполеоном, роль народа в войне, идея объединения всех сословий вокруг трона для борьбы с внешним врагом, соотношение чисто военного и патриотически-героического факторов как слагаемых успеха – уже сам факт обсуждения подобных тем был ранее невыносим и крайне болезненно воспринимался официальными инстанциями. Весьма актуальный в эпоху падения крепостного права вопрос о роли народа в исторических событиях вовсе не мог воодушевить правящие круги...» [Цимбаев 2012, с. 494]. В итоге пятидесятилетие Отечественной войны было «подавлено» другими событиями – отменой крепостного права (1861) и празднованием Тысячелетия России (1862).

Ко времени столетнего юбилея Отечественной войны ситуация в стране изменилась: на социально-экономические проблемы легли позор Русско-японской войны и кровь Первой русской революции. Раскол в обществе был

очевиден, и его драматизм приобретал всё более острые формы на фоне осложнения внешнеполитической ситуации. В этих условиях резко возросла потребность в средствах консолидации социума – идеях, образах, целях, нравственных ориентирах, героических страницах прошлого, которые могли бы переломить угрожающие тенденции настоящего [Дмитриева 2009, с. 81]. Немудрено, что на этом фоне юбилейный 1912 г. приобрёл особое идеологическое значение⁵⁶⁵, причём его смысловым центром стала годовщина Бородинского сражения, то есть 26 августа (8 сентября).

Владимир Лапин отмечает интересную и принципиально важную для нас особенность российской исторической политики второй половины XIX – начала XX в.: «Подобно тому как история Крымской войны постепенно превращалась в историю обороны Севастополя, история Отечественной войны 1812 года испытывала угрозу превращения в историю Бородина, если бы не было пожара Москвы и радующего русское сердце изгнания Наполеона I из пределов России. Тем не менее композиционно и в объёмах текстов, по данным библиографических справочников, Бородино явно является центром конструкции, увековечивающей событие. Прочие “места памяти” (Смоленск, Молево Болото, Клястицы, Полоцк, Рига, Луцк, Тарутино, Березина, Красный и пр.) не составляют ему даже малейшей конкуренции. Доказательство того, что Бородино являлось победой именно русского оружия, было важной задачей, поскольку это позволяло говорить о военной мощи империи. Это льстило армии. Противоположный вариант означал, что французскую армию уничтожил “генерал-мороз”. Признание Бородинского сражения победой русских войск позволяло в нужном ракурсе рассматривать картину оставления Москвы. Найденный вариант: при Бородине была одержана нравственная победа, Москва – жертва. Её занятие – апогей успехов Наполеона, после чего последовало катастрофическое отступление. Моральная победа русских предшествовала их победе военной <...>. Прославление Бородинского сражения, присвоение ему первенствующего значения среди битв, которые России пришлось пережить в своей истории, отчасти связано с тем, что оно символизировало достижение империей пика своего могущества <...>. Придание бородинским торжествам характера юбилея всей войны объясняли тем, что в коллективном сознании россиян 26 августа 1812 года был предreshён не только исход кампании, но и всей истории начала XIX столетия»⁵⁶⁶.

Разумеется, это не означает, что остальные события 1812 г. и места памяти о них находились в полном небрежении. Однако вторичность Тару-

---

565 Однако нельзя не согласиться с К.Н. Цимбаевым в том, что «при попытке опереться на славные традиции государства для улучшения своего актуального положения власти выбрали самый неудачный из всех возможных поводов, сконцентрировали внимание на юбилеях военных побед, а также правящей династии» [Цимбаев 2012, с. 494]. Пышные торжества, сопровождавшиеся церковными и военными процессиями и нацеленные на демонстрацию единения российского общества и верности всех его слоёв престолу, демонстрацией и остались.

566 Лапин В. Указ. соч.

тинского мемориала была обозначена ещё в рамках подготовки к юбилею 1837 г., когда была запланирована установка в Тарутине «памятника второго класса»: «...Его величество высочайше соизволил: памятников воздвигать 16, разделив оные на три класса, в отношении их к величине и форме, соответственно важности самих сражений или степени влияния оных на последовавшие за ними военные действия и с отнесением: к первому классу – Бородино (*sic!*); ко второму – Тарутино, Малоярославец, Красный, Студянка, Клятицы, Полоцк, Чашники, Кулаково и Ковно; к третьему – Салтановка, Витебск, Кобрин, Вязьма» [Смирнов 2009, с. 388].

Эта «классификация» достаточно красноречива, и нет нужды сравнивать памятники в Тарутине и Малоярославце⁵⁶⁷. То, что оформление фрагмента Тарутинского лагеря как места памяти происходило по гражданской инициативе, в соответствии с частным мнением о значимости Тарутина (хотя и, разумеется, при одобрении «высших инстанций» – в лице министра внутренних дел А.А. Закревского и императора Николая I) и его обслуживание также осуществлялось «снизу», придало мемориалу определённую автономность по отношению к государственному курсу исторической политики самодовлеющую ценность и символичность.

Последняя в имперский период трансформация памятника в Тарутине была связана с юбилейными торжествами 1912 г. В рамках подготовки к юбилею 7 мая 1910 г. Высочайшим повелением была создана Межведомственная комиссия по празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., которая незамедлительно приступила к сбору информации о губернских памятниках и их состоянии. В данном случае преследовались две цели: во-первых, выявить значимые места, связанные с событиями 1812 г., но ещё не отмеченные памятниками, а во-вторых – определить, какие из уже установленных памятников нуждаются в реставрации⁵⁶⁸.

Тарутинский монумент определённо нуждался не только в реставрации, но и в капитальном ремонте⁵⁶⁹. Однако в 1912 г. были произведены только косметические улучшения: колонну покрасили в серо-голубой цвет,

---

567 В целом памятники похожи, хотя малоярославецкий монумент, установленный в 1844 г., выглядит более вычурно, нежели тарутинский. Это 22-метровая восьмигранная пирамида, увенчанная луковичной главкой с крестом. Ниже расположены коринфские колонны, также увенчанные чешуйчатыми главками, на которых сидят двуглавыя орлы. Между колоннами можно увидеть две надписи: «Сражение при Малом Ярославце 12 октября 1812 года» и «Предел нападения, начало бегства и гибели врагов». Также между колоннами помещены медные розетки с изображением Всевидающего ока в лучах и с надписью: «1812 год» в обрамлении лавровых венков. Наконец, декор первого яруса пирамиды составляют рельефные мечи и лавровые венки, под которыми расположены ленты с растительным орнаментом.

568 Шебикова Е. «...И вечной памятью двенадцатого года...» (или Великой памяти двенадцатого года, или Памятники героической эпохи) Малоярославец. Памятники истории и культуры. [Электронный ресурс]. Администрация города Малоярославец. URL: <http://www.admmaloyaroslavce.ru/ru/pamyatniki-istorii-i-kultury> (дата обращения 2 августа 2020).

569 Об этом Комиссии сообщал осматривавший памятник полковник А.В. Вехновский. Вехновский Александр Васильевич (23 ноября 1863 - ?) – командир 23-го саперного батальона 5-го армейского корпуса под командованием генерала от кавалерии А.И. Литвинова – занимался сооружением памятников на братских могилах в Малоярославце.

обновили позолоту и швы между плитами каменного основания и т. п.⁵⁷⁰ Кроме того, в 1913 г. на постаменте колонны была установлена трёхчастная мемориальная доска, на которой перечислялись участники марш-манёвра⁵⁷¹. В таком виде Тарутинский мемориал встретил революцию 1917 г.

Заключение

Тарутинский мемориал – одно из первых мест памяти об Отечественной войне 1812 г. в истории России. Формирование мемориала началось в конце 1812 г., его начальным элементом стали укрепления Тарутинского лагеря, которые были законсервированы владелицей села Тарутино по личной просьбе М.И. Кутузова. В 1834 г. среди этих укреплений (а точнее, на них) была установлена триумфальная колонна.

Тарутинский мемориал сложился на перекрестье общественных и государственных коммеморативных инициатив. Его становление находилось в общем контексте государственной исторической политики, но при этом инициатива формирования мемориала исходила от частных лиц – сначала от М.И. Кутузова, затем от нового владельца Тарутина С.П. Румянцева.

Следует особо отметить, что С.П. Румянцев привлёк к возведению монумента в Тарутине жителей окрестных сёл: крестьяне были освобождены от крепостной зависимости в обмен на финансирование ими архитектурного оформления мемориала и последующее «иждивение», то есть содержание памятника и уход за ним. Так «проект Румянцева» опередил «императорскую программу» 1835 г. не только хронологически, но и в гражданском смысле: если «императорская программа» отводила населению страны пассивную роль зрителя или послушного ученика, усваивающего воплощённые в памятниках «примеры для подражания», то «проект Румянцева», освобождая крестьянина в юридическом, социокультурном и философском смысле и вовлекая его в коммеморативные практики, в сущности, подразумевал воспитание в «мужике» гражданина, пусть и в очень условной, ограниченной форме.

Симптоматично, что Тарутинский мемориал формировался как чисто гражданский объект: в его составе не было культовых сооружений (в отличие от Бородинского мемориала, например), в декоре триумфальной колонны также отсутствовали религиозные символы (в отличие, например, от Малоярославецкого памятника). Тарутинская триумфальная колонна была выполнена в строгом классицистическом стиле, транслирующем идеи героической гражданственности.

---

570 История тарутинского памятника. Часть III...

571 *Щебикова Е.* «...И вечной памятью двенадцатого года...» (или Великой памяти двенадцатого года, или Памятники героической эпохи) Малоярославец. Памятники истории и культуры. [Электронный ресурс]. Администрация города Малоярославец. URL: <http://www.admmaloyaroslavvec.ru/ru/pamyatniki-istorii-i-kultury> (дата обращения 2 августа 2020); *Ивашко Н.В.* Венец русского полководца – Тарутино // Балабаново. № 33. 2012. С. 7. [Электронный ресурс]. Старый Боровск URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=bhlxebuc_rus&id=85 (дата обращения 21 августа 2020).

Основополагающее послание, заложенное в Тарутинском мемориале, не нужно дешифровать – оно выбито на мемориальной доске, прикреплённой к основанию колонны: «На сем месте Российское воинство под предводительством фельдмаршала М.И. Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу». Зафиксированные здесь символы – московских рубежей как предела, где победа неожиданно оборачивается поражением для интервента, и России, спасающей Европу, – получают новые обоснования в советский период истории мемориала.

Литература

1. Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 187 с.
2. Бессонов 2009 – *Бессонов В.А.* От Красной Пахры к Тарутино: арьергардные бои русской армии в сентябре 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. 499 с. [Электронный ресурс]. Музеи России. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2009/Bessonov.pdf (дата обращения 18 сентября 2020).
3. Бессонов 2010 – *Бессонов В.А.* Калужская губерния и династия Романовых // У истоков российской государственности. Роль женщин в истории династии Романовых: II Международная научно-практическая конференция, 22–23 мая 2009 г., г. Калуга и г. Мещовск: исследования, материалы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С. 116–124.
4. Гаврилова 2004 – *Гаврилова Н.А.* 1812 год: влияние государственной идеологии на восприятие и изучение войны // Новый исторический вестник. 2004. № 11. С. 57–72.
5. Галкова 2009 – *Галкова О.В.* Понятие «Памятник культуры»: современные подходы к интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 182–187.
6. Дмитриева 2019 – *Дмитриева О.О.* Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века): Дисс. ... канд. ист. н. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2019. 226 с.
7. Еремеева 2012 – *Еремеева С.А.* Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 499–532.
8. Зиновкина 2014 – *Зиновкина Н.В.* «Люцерна косилась в третий раз»: Александр I и калужский край // Родина. 2014. № 10. С. 59–62.
9. Ивашко 2002 – *Ивашко Н.В.* О памятнике в селе Тарутино // От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения: Сб. статей. Калуга: «Золотая аллея», 2002 [Электронный ресурс]. Собрание материалов ежегодных научных конференций в г. Малоярославце. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/2002_24.html (дата обращения 2 августа 2020).
10. Казаков 1970 – *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47.
11. Кириченко 2001 – *Кириченко Е.И.* Запечатленная история России. Монументы XVIII – начала XX века: в 2 кн. Кн. 2: Архитектурные ансамбли и скульптурный памятник. М.: Жираф, 2001. 354 с.
12. Кияновский 2001 – *Кияновский М.И.* Русские военные памятники // Ставрографический сборник: сборник статей. Книга I / Сост. А.В. Святославский, А.А. Трошин. М.: Древлехранилище, 2001. С. 331–360.
13. Макарова 2012 – *Макарова Т.А.* Отечественная историография внешней политики Александра I (европейское направление): Дисс. ... канд. ист. н. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2012. 229 с.
14. Малинова 2015 – *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

15. Миллер 2007 – *Миллер А.И.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 (34). [Электронный ресурс]. Отечественные записки: журнал литературный, политический и ученый. URL: <https://strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine> (дата обращения 1 августа 2020).

16. Миллер 2012 – *Миллер А.И.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). [Электронный ресурс]. Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. 1818–1884, 2001–2018. URL: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-natsiya-v-rossii> (дата обращения 2 августа 2020).

17. Пухляк 2012 – *Пухляк О.Н.* 1812-й год в Латвии. Легендарные имена и памятные места. Рига: Etra, 2012. 166 с.

18. Святославский 2011 – *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: Дисс. ...доктора культурологии. М.: Московский педагогический государственный университет, 2011. 506 с.

19. Святославский 2013 – *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлекранилище, 2013. 592 с.

20. Селедкина 1994 – *Селедкина С.Н.* Спасо-Бородинский монастырь и его основательница // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы II Всероссийской научной конференции. М.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 1994. С. 77–87.

21. Смирнов 2009 – *Смирнов А.А.* Дом Романовых в мемориализации Отечественной войны 1812 года на Калужской земле // II Международная научно-практическая конференция «У истоков российской государственности. Роль женщин в истории династии Романовых» (22–23 мая 2009 г., г. Калуга, г. Мещовск). СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С. 388–393.

22. Сокол 2009 – *Сокол К.Г.* Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX вв. как объекты исторической географии: Дисс. ... канд. географ. н. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009. 187 с.

23. Тарашевская 2020 – *Тарашевская Н.Б.* «Памятник сей поставится...». К истории одной скульптуры // Московский журнал. 2020. № 5 (353). [Электронный ресурс]. URL: <http://mosjour.ru/20200510512/> (дата обращения 13 сентября 2020).

24. Тарле 2012 – *Тарле Е.В.* Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Народное образование. 2012. № 9. С. 245–258.

25. Тартаковский 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М.: Наука, 1980. 313 с.

26. Филюшкин 2017 – *Филюшкин А.И.* Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси? // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 382–397.

27. Хомич 2014 – *Хомич Д.В.* «Забывтые» волынские памятники о войне 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII Международной научной конференции / Сост. А.В. Горбунов. М.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2014. С. 248–254.

28. Цимбаев 2012 – *Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 475–498.

29. Чикаева 2016 – *Чикаева Т.А.* Родина как основание коллективной идентичности в идеологическом дискурсе // Манускрипт. 2016. № 11-2 (73). С. 194–196.

30. Шведов 2002 – *Шведов С.В.* О Тарутинском марш-маневре русской армии // От Тарутино до Малоярославца: к 190-летию Малоярославецкого сражения / Сост. Котлякова Н.В., Назарян, Е.А. Калуга: Золотая аллея, 2002. [Электронный ресурс]. Библиотека интернет-проекта «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/list.html> (дата обращения 14 августа 2020).

31. Шнирельман 1998 – *Шнирельман В.А.* Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 66–71. [Электронный ресурс]. Омский государственный университет. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i1/a066/article.html> (дата обращения 1 августа 2020).

References

1. Assman, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], New literary review, Moscow, Russia.

2. Bessonov, V.A. (2009), “From Krasnaya Pakhra to Tarutino: rearguard actions of the Russian army in September 1812”, *Proceedings of the 15th International scientific conference “The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Challenges”*, Borodino, 9–11 September 2008, available at: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2009/Bessonov.pdf (Accessed 18 September 2020).

3. Bessonov, V.A. (2010), “Kaluga Governorate and the House of Romanov”, *Proceedings of the 2nd International scientific conference “At the origins of the Russian nation-building. The role of women in the history of the House of Romanov”*, Kaluga and Meshchovsk, 22–23 May 2009, pp. 116–124.

4. Chikhaeva, T.A. (2016), “Motherland as a ground of the collective identity in the ideological discourse”, *Manuscript*, no. 11-2 (73), pp. 194–196.

5. Dmitrieva, O.O. (2019), *Deyatel'nost' gosudarstvennoi vlasti i obshchestva v Rossiiskoi imperii po formirovaniyu kommemorativnykh praktik ob Otechestvennoi voine 1812 goda (XIX – nachalo XX veka)* [Activity of the Russian imperial authorities and society to create commemorative practices related to the Patriotic War of 1812 (19th – early 20th century)], Cand. of Sci. Thesis, I.N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

6. Eremeeva, S.A. (2012), “The Stone Guests: monumental commemoration”, in Dmitriev, A.N. (ed.), *Historical culture of Imperial Russia: the Formation of Ideas about the Past*, The Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia.

7. Filyushkin, A.I. (2017), “When and why began to put monuments to the historical characters of Ancient Rus?”, *Paleorosia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas*, no. 7, pp. 382–397.

8. Gavrilova, N.A. (2004), “The year 1812: the influence of the state ideology on the Patriotic War perception and research”, *The New Historical Bulletin*, no. 11, pp. 57–72.

9. Galkova, O.V. (2009), “The term “cultural heritage”: modern approaches to the interpretation”, *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 2, pp. 182–187.

10. Ivashko, N.V. (2002), “About the monument in the village of Tarutino”, *Proceedings of the annual scientific conferences in Maloyaroslavets “From Tarutino to Maloyaroslavets. To the 190th anniversary of the Battle of Maloyaroslavets”*, Maloyaroslavets, available at: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/2002_24.html (Accessed 2 August 2020).

11. Kazakov, N.I. (1970), Napoleon through the eyes of contemporaries, *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 31–47.

12. Khomich, D.V. (2014), ““Forgotten” Wolhynian historical monuments dedicated to the Patriotic War of 1812”, *Proceedings of the 17th International scientific conference “The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Challenges”*, Moscow, State Borodino War and History Museum and Reserve, pp. 248–254.

13. Kirichenko, E.I. (2001), *Zapechatlennaya istoriya Rossii. Monumenty XVIII – nachala XX veka* [Impressed Russian history. Monuments of 18th – early 20th century]: in 2 vol. Vol. 2: *Arkhitekturnye ansambl'i i skul'pturnyi pamyatnik* [Architectural ensembles and memorial], Giraffe, Moscow, Russia.

14. Kiyanovskii, M.I. (2001), “Russian war memorials”, in Svyatoslavskii, A.V. and Troshin, A.A. (comp.), *Staurographic collection: collected papers*, vol. 1, Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.

15. Makarova, T.A. (2012), *Otechestvennaya istoriografiya vneshnei politiki Aleksandra I (evropeiskoe napravlenie)* [National historiography of the foreign policy of Alexander I (European vector)], Cand. of Sci. Thesis, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

16. Malinova, O.Yu. (2015), *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [The actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity], Political Encyclopedia, Moscow, Russia.

17. Miller, A.I. (2007), Dualism of identities in Ukraine, *Otechestvennye Zapiski* [National Notes], no. 1 (34), available at: <https://strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine> (Accessed 1 August 2020).

18. Miller, A.I. (2012), History of the concept of a "nation" in Russia, *Otechestvennye Zapiski* [National Notes], no. 1 (46), available at: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciy-v-rossii> (Accessed 2 August 2020).

19. Pukhlyak, O.N. (2012), *1812-i god v Latvii. Legendarnye imena i pamyatnye mesta* [The War of 1812 in Latvia. Legendary names and sites of memory], Etra, Riga, Latvia.

20. Seledkina, S.N. (1994), “Savior-Borodinskiy Monastery and its founder”, *Proceedings of the 2nd all-Russian scientific conference “The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Challenges”*, Moscow, State Borodino War and History Museum and Reserve, pp. 77–87.

21. Shnirel'man V.A. (1998), “Post-Modernism and historical myths in contemporary Russia”, *Herald of Omsk University*, is. 1, pp. 66–71, available at: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1998-i1/a066/article.html> (Accessed 1 August 2020).

22. Shvedov, S.V. (2002), “About the Tarutino flanking maneuver of the Russian forces”, *Proceedings of the annual scientific conferences in Maloyaroslavets “From Tarutino to Maloyaroslavets. To the 190th anniversary of the Battle of Maloyaroslavets”*, Maloyaroslavets, available at: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Mmnk/list.html> (Accessed 14 August 2020).

23. Smirnov, A.A. (2009), “The House of Romanov’s role in the memorialisation of the Patriotic War of 1812 in the Kaluga land”, *Proceedings of the 2nd International scientific conference “At the origins of the Russian nation-building. The role of women in the history of the House of Romanov”*, Kaluga and Meshchovsk, 22–23 May 2009, pp.

24. Sokol, K.G. (2009), *Rossiiskie monumental'nye pamyatniki kontsa XVIII – nachala XX vv. kak ob'ekty istoricheskoi geografii* [The Russian monuments of the late 18th – early 20 century as the object of study of historical geography], Cand. of Sci. Thesis, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

25. Svyatoslavskii, A.V. (2011), *Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoi memorial'noi kul'tury* [Living environment as commemorating environment: to the history of the national memorial culture]: Dr. of Sci. Thesis, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

26. Svyatoslavskii, A.V. (2013), *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The Russian history in the mirror of memory. Mechanisms for the formation of historical images], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.

27. Tarashevskaya, N.B. (2020), ““These monument will be raised...”. To the history of a sculpture”, *Moscow magazine*, no. 5 (353), available at: <http://mosjour.ru/20200510512/> (Accessed 13 September 2020).

28. Tarle, E.V. (2012), “Mikhail Illarionovich Kutuzov – warlord and diplomatist”, *Public education*, no. 9, pp. 245–258.

29. Tartakovskii, A.G. (1980), *1812 god i russkaya memuaristika (Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya)* [The year of 1812 and the Russian memoiristics (Experience of source studies)], Nauka, Moscow, Russia.

30. Tsimbaev, K.N. (2012), “Reconstruction of the past and formation of the future in Russia of 19th century: the experience of using the historian jubilees for political purposes”, in Dmitriev A.N. (ed.), *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past*, The Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia.

31. Zinovkina, N.V. (2014), ““The medick was hayed thirdly”: Alexander I and Kaluga lands”, *Rodina* [Motherland], no. 10, pp. 59–62.

Информация об авторе

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
kosovan.ea@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993;
kosovan.ea@rggu.ru

Abstract.

The next issue of the yearbook "Istoricheskie zapiski" presents articles on topical issues of modern domestic historical science. The articles in the issue are grouped into headings devoted to the most important and in-demand areas of work for Russian historians at the present stage. These are questions of national history of the 17th-18th centuries, the history of Soviet society, the history of post-Soviet Russia, environmental history and the history of national healthcare. In addition, the issue contains articles on historiography and the relationship between historical research and historical politics.

For historians, history teachers and students of higher educational institutions.

Научное издание

Ответственный редактор
академик РАН
Е.И. Пивовар

Исторические записки

Верстка – М.А. Жилина
Обложка – М.А. Жилина
Издатель – Российская академия наук
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 19.12.2022
Формат 70x100/16. Объем 28,25 п. л. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 22-10704

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 01.02.2022 г.
и распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н, пос. Северный,
ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru